

ЖЮЛЬ ВЕРН

Путешественники

XIX века

INCREIBLE

W. A. C. P. 1880

NIL ADMIRARI

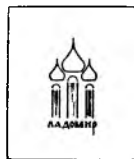
ЖЮЛЬ ВЕРН

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

СЕРИЯ 1

**„НЕИЗВЕСТНЫЙ
ЖЮЛЬ ВЕРН”**

**JULES
VERNE**

**Les Voyageurs
du XIXe siècle**

MOSCOU

ЖЮЛЬ ВЕРН

Путешественники XIX века

Перевод с французского

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»

МОСКВА

Составление серии

З. Потаповой

Перевод

Е. Лопыревой, Т. и В. Ровинских

Примечания

А. Г. Москвина

Научная редакция текста

А. Г. Москвина

Переводы пропущенных отрывков из оригинального текста
(во всех томах «Истории великих путешествий»)
выполнены для данного издания А. Г. Москвиным

ISBN 5-86218-278-0 (т. 25)

ISBN 5-86218-022-2

© З. М. Потапова. Состав., 1999.

© Е. А. Лопырева. Перевод, 1999.

© Т. Л. и В. И. Ровинские. Перевод, 1999.

© А. Г. Москвин. Примечания, 1999.

© Научно-издательский центр «Ладомир», 1999.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается*

Глава первая

НА ЗАРЕ ВЕКА ОТКРЫТИЙ

Уменьшение количества географических открытий во время наполеоновских войн. — Путешествия Зетцена по Сирии и Палестине. — Хауран и путешествие вокруг Мертвого моря. — Десятиградие. — Путешествие по Аравии. — Буркхардт в Сирии. — Путешествия в Нубию по берегам Нила. — Паломничество в Мекку и Медину. — Англичане в Индии. — Уэбб у истоков Ганга. — Описание путешествия в Пенджаб. — Кристи и Поттинджер в Синде. — Путешествие тех же исследователей по Белуджистану и Персии. — Элфинстон в Афганистане. — Поездка Муркрофта и Херси к озеру Манасаровар. — Ходжсон у истоков Ганга. — Персия по описаниям Гардана, Ад. Дюпре, Морьефа, Макдональда Киннера, Прайса и Узли. — Гюльденштедт и Клапрот на Кавказе. — Льюис и Кларк в Скалистых горах. — Рафлс на Суматре и на Яве.

В конце XVII и в начале XIX века число великих географических открытий заметно уменьшается.

Мы знаем, что Французская Республика организовала экспедицию на розыски Лаперуза и направила капитана Бодена в плавание к берегам Австралии, давшее важные результаты. Это были единственные свидетельства интереса, которые разбушевавшиеся страсти и братоубийственные войны позволили правительству проявить к такой французской науке — географии.

Позже в Египте Бонапарт окружил себя целым штабом выдающихся ученых и художников. Тогда-то были собраны материалы для великолепного труда, который впервые дал верное, хотя и неполное представление о древней цивилизации в Стране Фараонов. Однако когда в Бонапарте окончательно проявился Наполеон, эгоистический властелин, подчинявший все своей отвратительной страсти, войне, он уже не хотел и слышать об исследованиях, путешествиях и открытиях. Ведь они отнимали бы у него деньги и людей. А он сам тратил то и другое в таком количестве, что не мог позволить себе подобную бесполезную расточительность. Поэтому он и уступил Соединенным Штатам всего за несколько миллионов последние остатки французской колониальной империи в Америке.

К счастью, в мире оставались народы, не подвластные его железной руке. Хотя эти страны вели непрестанную борьбу с Францией, в них находились люди, которые по своей воле расширяли поле географических познаний, создавали на подлинно научном

фундаменте археологию и приступили к первым лингвистическим и этнографическим исследованиям.

Во Франции ученый географ Мальтбрун¹ в статье, опубликованной им в 1817 году в первом номере журнала «*Annales des voyages*» («Летопись путешествий»), кропотливо и чрезвычайно точно рисует состояние географической науки к началу XIX века и перечисляет дальнейшие ее задачи. Он особо останавливается на успехах, достигнутых в области мореходства, астрономии и языкознания. Ост-Индская компания² не только не скрывает своих открытий, как это делала из боязни конкуренции Компания Гудзонова залива, но создает научные общества, публикует путевые журналы и поощряет путешественников. Даже война способствует науке — мы уже говорили, что французская армия занималась в Египте сбором материалов для громадного научного труда. Вскоре порыв благородного соревнования охватывает все народы.

В начале XIX века на первое место по количеству великих географических открытий выдвигается одна страна. Эта страна — Германия. Первые немецкие исследователи так старательны, их воля так упорна, а инстинкт так верен, что последующим путешественникам остается только проверять и дополнять их открытия.

Первым по времени был Ульрих Яспер Зетцен. Он родился в 1767 году в Восточной Фрисландии, окончил университет в Гёттингене и опубликовал несколько работ по статистике и по естественным наукам, к которым испытывал врожденную склонность. Эти статьи обратили на него внимание правительства.

Мечтой Зетцена — как впоследствии и Буркхардта — было путешествие в Центральную Африку. Но предварительно он хотел

¹ Мальтбрун (собственно: Мальте Конрад Брунн, 1775 — 1826) — датский географ, вынужденный по политическим убеждениям эмигрировать сначала в Швецию (1800), а потом во Францию. Здесь вместе с Мангелем и Эрбеном издал «Физическую, математическую и политическую географию всех частей света» (1803 — 1807). С 1810 года работал над «Кратким курсом всеобщей географии» (книга закончена уже после смерти Мальтбруна его соавтором Юо). В 1821 году стал одним из основателей Географического общества и его первым генеральным секретарем. Вместе с Эйрье основал журнал «Летопись путешествий» («*Annales des voyages*»).

² Речь идет об Английской Ост-Индской компании, основанной в 1600 году для торговли с Индией, Юго-Восточной Азией и Китаем; просуществовала до 1858 года.

исследовать Палестину и Сирию, страны, к которым «Палестинское общество», основанное в Лондоне в 1805 году, привлекло позже всеобщее внимание. Зетцен набрал побольше рекомендательных писем и в 1802 году выехал в Константинополь.

Хотя в Святую землю и в Сирию тянулось множество паломников и путешественников, об этих странах имелись на редкость смутные сведения. Вопросы физической географии не были изучены с достаточной полнотой. Собранные сведения были скудны, а некоторые области, например Ливан и Мертвое море, еще вовсе никто не исследовал. Сравнительное географическое изучение этих стран, по сути дела, не начиналось. Чтобы заложить его основы, понадобился ревностный труд английского «Палестинского общества» и научный багаж многих путешественников. Но Зетцен, обладавший разносторонними познаниями, оказался отлично подготовленным для исследования этой страны, которая пока, сколько ее ни посещали, оставалась на деле неведомой.

Зетцен пересек всю Анатолию и в мае 1804 года прибыл в Алеппо¹. Там он прожил почти год, занимаясь практическим изучением арабского языка, делая выписки из трудов восточных географов и историков и уточняя астрономическое положение города. Кроме того, он производил исследования по естественной истории², собирал старинные рукописи и перевел множество народных песен и легенд, которые имеют важное значение для близкого ознакомления с жизнью народа.

В апреле 1805 года Зетцен выехал из Алеппо в Дамаск. Сначала ему пришлось пересечь Хауранский и Джоланский округа, расположенные на юго-восток от этого города. До него еще ни один путешественник не посещал этих двух провинций, игравших довольно важную роль в истории евреев во времена римского господства и называвшихся тогда Ауранитис и Гаулонитис. Зетцен первый дал нам их географическое описание.

Отважный путешественник изучил также Ливан, и особенно Бальбек. От Дамаска он направился к югу, достиг Иудеи и исследовал восточную часть Хермона, восточный берег Иордана и побережье Мертвого моря. Здесь жили когда-то племена, хорошо из-

¹ Алеппо — устаревшее европеизированное название сирийского порта Халеб.

² Естественная история — устаревшее название палеонтологии, науки об историческом развитии живой природы в течение геологического прошлого Земли.

вестные в еврейской истории — аммонитяне¹, моавитяне², галадиты³, батаней⁴ и другие. Южная часть страны в эпоху римского владычества носила название Переи, и там-то и находился знаменитый Декаполис, то есть «Союз десяти городов». В Новое время ни один путешественник не посещал Переи⁵. Для Зетцена это обстоятельство явилось поводом именно оттуда начать свои исследования.

Дамасские друзья Зетцена пытались отговорить его от задуманного предприятия и рассказывали ему о трудностях и опасностях пути, на котором легко было наткнуться на бедуинов⁶, но ничто не могло его удержать. Впрочем, прежде чем посетить Декаполис и установить состояние его развалин, Зетцен объехал небольшую страну, по названию Ладша. О ней в Дамаске ходила дурная слава из-за хозяйничавших там бедуинов, но, по слухам, в этой области сохранилось много замечательных остатков древности.

Зетцен выехал из Дамаска 12 декабря 1805 года с проводником-армянином. Однако тот заблудился в первый же день, и Зетцен, предусмотрительно запасшийся пропуском паши, дальше уже двигался от селения к селению и в каждом требовал себе для сопровождения вооруженного всадника.

«Часть Ладши, виденная мною, — отмечает путешественник в отчете, напечатанном в старых «Анналах путешествий», — сложена, как и Хауран, базальтом, подчас очень пористым, и во многих мес-

¹ Аммонитяне — семитское племя, жившее на востоке современной Иордании. На протяжении всей библейской истории показывается как враг Израиля. В VI веке до н. э. аммонитяне оказались под владычеством иранцев, а в 64 году н. э. их завоевывают римляне, и вскоре всякое упоминание об этом племени исчезает со страниц истории.

² Моавитяне — потомки сына Лота Моава; народ или племя, жившее на плодородном плоскогорье к востоку от Мертвого моря. В ранние времена были соперниками израильтян; потом, будучи покорены чужеземцами, последовательно входили в состав Ассирии, Вавилонии, Набатейского царства.

³ Галадиты — жители гористой страны Галаад, родины пророка Или; расположение этой страны в различных местах Библии указывается по-разному. В конечном счете под Галаадом стали понимать всю область к северу и югу от реки Нахр-эз-Зерка (Яббок древнееврейских источников), левого притока Иордана.

⁴ Батаней — жители области Батаней, или Бейсана (древнее название — Бет-Шан), расположенной к востоку от Тивериадского озера, вдоль верхнего течения реки Ярмук.

⁵ Перея — район Палестины к востоку от нижнего течения реки Иордан и к северо-востоку от Мертвого моря.

⁶ Бедуины — арабы-кочевники, странствующие в пустынях Аравийского полуострова и Северной Африки.

тах представляет собою обширные каменистые пустыни. Селения — большей частью разрушенные — расположены на скалистых склонах. Черная окраска базальта, обвалившиеся башни, храмы и дома, полное отсутствие деревьев и зелени — все придает этим местам мрачный, унылый вид и даже наполняет душу каким-то страхом. Почти в каждом селении находишь то греческие надписи, то колонны, то еще какие-нибудь другие остатки ангичной культуры (я писал, в числе других, надпись императора Марка Аврелия). Дверные створки здесь, как и в Хауране, делают из базальтовых плит».

Едва Зетцен приехал в деревню Герата и расположился на отдых, как появилось человек десять всадников. Они объявили от имени помощника правителя Хаурана, что им велено схватить его. Их начальник Омар-ага¹, услышав, что путешественника уже видели здесь в прошлом году, и вообразив, что пропуск у него поддельный, велел привести его к себе.

Спротивление было бесполезно. Нисколько не встревожась этим происшествием, казавшимся Зетцену пустой помехой, он проехал полтора дневных перехода в глубь Хаурана, где на караванной дороге, ведущей в Мекку, его встретил Омар-ага.

Он довольно хорошо принял Зетцена, и на следующий день тот уехал. Однако при встречах с многочисленными отрядами арабов Зетцен, сумевший внушить им уважение своим видом, убедился в том, что Омар-ага имел намерение ограбить его.

По возвращении в Дамаск выяснилось, что найти проводника для путешествия по восточному берегу Иордана и вокруг Мертвого моря очень трудно. Наконец некий Юсуф аль-Милки, исповедовавший греческую веру, в течение тридцати лет торговавший с арабскими племенами и бывавший в областях, куда стремился Зетцен, согласился сопровождать его туда.

И вот 19 января 1806 года два путника выехали из Дамаска. Зетцен оделся в платье шейха и захватил с собой лишь кое-какую одежду, необходимые книги, бумагу для засушивания растений и набор лекарств, нужных ему как доктору, за которого он себя выдавал.

Два округа — Рашея и Хасбея, расположенные у подножия горы Хермон, в то время года еще увенчанной снежной шапкой, — были исследованы им раньше других, так как во всей Сирии они оставались пока наименее изученными.

¹ Ага — титул младших и средних офицеров в султанской Турции.

По другую сторону этой горы путешественник посетил деревню Ашха, населенную друзьями, резиденцию эмира — Рашею, а затем Хасбею, где остановился у ученого греческого епископа Шура или Шейды, к которому у него было рекомендательное письмо. Особое внимание путешественника в этой гористой местности привлекли залежи асфальта, вещества, «применяемого здесь для защиты виноградников от насекомых».

Из Хасбеи Зетцен добрался до Банияса, старинной Кесареи Филипповой, теперь превратившейся в жалкую деревушку из двух десятков хижин. Остатки древней крепостной стены еще можно было различить, но от великолепного храма, воздвигнутого Иродом¹ в честь Августа², уже не сохранилось и следа.

Река Банияс у древних считалась истоком Иордана; однако этого наименования заслуживает скорее река Хасбани, как самый большой приток его³. Зетцен обследовал Хасбани, а также озеро Мерон, в старину называвшееся Самахонитис.

В этих местах его покинули все погонщики мулов, ни за что не соглашавшиеся идти с ним к мосту Дшир-Бехат-Якуб; Зетцен расстался и со своим проводником Юсуфом, которого пришлось послать большой дорогой в Тивериаду⁴, а сам всего с одним арабом пешком отправился к этому опасному месту.

Но, придя к Дшир-Бехат-Якубу, Зетцен долго не мог найти никого, кто согласился бы сопровождать его на восточный берег Иордана, пока наконец один местный житель, прослышав, будто он доктор, не обратился к нему с просьбой посетить шейха, страдавшего от болезни глаз и жившего на восточном берегу Тивериадского (Геннисаретского) озера.

¹ Ирод — здесь имеется в виду Ирод I Великий, царь Иудеи в 40 (или 37) — 4 годах до н. э.

² Август (Гай Октавий, потом — Гай Юлий Цезарь Октавиан, 63 до н. э. — 14 н. э.) — внучатый племянник Гая Юлия Цезаря, с 27 года до н. э. римский император, получивший от сената почетное имя Август. «Это было имя не только новое, но и более возвышенное, ибо и почитаемые места, где авгуры совершали обряд освящения, называются “августейшими” — то ли от слова “увеличение”... то ли от полета или кормления птиц...» (*Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 37*).

³ Река Иордан образуется слиянием рек аль-Баньяси (Банияс) и аль-Хасбани; река Хасбани стекает с отрогов горы Хермон.

⁴ Тивериада — город на юго-западном берегу Геннисаретского озера, основанный в 17 году н. э. царем Иродом Агриппой и названный в честь римского императора Тиберия. В III — IV веках город был центром иудаизма.

Зетцен не упустил этого случая, и хорошо сделал. Он не спеша осмотрел Тивериадское озеро и реку Вади-Шеммах — правда, не без риска, что проводник ограбит или даже убьет его. Таким образом он достиг Тивериады (называвшейся Табарией у арабов), где Юсуф дожидался его уже много дней.

«Город Тивериада, — поясняет Зетцен, — расположен на самом берегу озера. Со стороны суши он окружен крепкой стеной из обтесанных базальтовых глыб, но, несмотря на это, его трудно назвать городом. От былого великолепия не сохранилось и следа, и можно обнаружить только развалины древнего города, которые простираются до горячих источников, находящихся на расстоянии одного лье к востоку. Над главным источником знаменитый Джемзар-паша¹ соорудил помещение для ванн. Будь эти воды в Европе, они, наверное, стали бы самыми излюбленными из всех известных. В долине, вокруг озера, благодаря концентрации тепла хорошо растут финиковые пальмы, лимонные и апельсиновые деревья, а также индигоноска². В более возвышенных местах произрастают плоды, требующие умеренного климата».

К западу от южного конца озера виднеются кое-где остатки старинного города Тарихея. Отсюда начинается прекрасная равнина Эль-Гор, стиснутая между двумя горными цепями и почти не возделанная. Сейчас она служит только местом кочевья для арабских племен.

Зетцен без особых препятствий продолжал свое путешествие по Десятиградью;³ однако, чтобы уберечься от алчных туземцев, ему пришлось переодеться нищим.

¹ Джемзар-паша (ок. 1720 — 1804) — прозвище турецкого офицера, босняка по происхождению, Ахмед-паши. Служил в Египте, где вступил в корпус мамлюков. Назначенный управляющим округа Бухайра, стал печально известным вследствие жестокого обхождения с подчиненным ему населением. Массовые казни невинных людей принесли ему прозвище «Мясник» (*араб.* Джемзар). Обвиненный в убийстве, бежал в Сирию и захватил власть в стране. Столицей своей сделал приморскую Акку, которую надежно укрепил, что позволило ему успешно защититься в 1799 году от французских войск (правда, с помощью английского адмирала С. Смита и французского эмигранта Фелипо).

² Индигоноска — кустарник из семейства бобовых, растущий в жарких странах, из листьев которого извлекают натуральный растительный краситель индиго.

³ Десятиградие (*греч.* Декаполис) — союз десяти (а временами — и больше) преимущественно эллинистических городов, расположенных к востоку от Иордана. Отнятые в 63 году до н. э. у восточных владык и включенные — при сохра-

«Поверх сорочки, — рассказывает он, — я надел старый “камбас”, то есть халат, а поверх него старую рваную синюю женскую рубаху, обмотал голову тряпкой и обулся в опорки. Старый, изорванный “аба”¹, накинутый на плечи, защищал меня от холода и дождя, а длинный сук служил посохом. Мой проводник, грек-христианин, оделся почти так же, и в этом наряде мы шли по стране десять дней. Часто нас задерживали холодные дожди, и мы не раз мокли до костей. Однажды мне пришлось целый день брести босиком по жидкой грязи, потому что по этой жирной, размокшей почве в моих рваных туфлях нельзя было идти».

Драа, находящаяся несколько дальше, представляет собой груду заброшенных развалин. От зданий, которыми она когда-то была знаменита, ничего не осталось.

В следующем округе — Эль-Боттин — имеются тысячи выдолбленных в скалах пещер, где жили старинные обитатели этих мест. Почти так же обстояло дело и во время посещения Зетцена.

Мкес был некогда — судя по многочисленным древним колоннам и саркофагам — большим богатым городом. Зетцен отождествляет Мкес с Гадарой, одним из второстепенных городов Десятиградия.

В нескольких лье оттуда лежит в развалинах Абиля, в древности Абила. Зетцен не мог уговорить своего проводника отправиться туда, так тот был напуган слухами об арабах бени-шахар, и ему пришлось пойти одному.

«Город совершенно разрушен и всеми покинут, — записал путешественник, — в нем не уцелело ни единого здания, и лишь по развалинам и обломкам можно судить о его былом величии. Местами сохранилась прекрасная крепостная стена, и часто встречаются своды и колонны из мрамора, базальта и серого гранита. За стеною я тоже видел большое количество колонн и между ними две — громадной величины. Я решил, что здесь стоял большой храм».

После округа Эль-Боттин Зетцен попал в округ Эджлу. Вскоре он обнаружил обширные развалины Джерраша, которые могут сравниться с руинами Пальмиры и Баальбека.

нении муниципальных свобод — в римскую провинцию Сирию, эти города сохранили союз вплоть до конца II века н. э.

¹ Аба — шерстяной плащ.

«Необъяснимо, — говорит Зетцен, — почему этот когда-то прославленный город мог ускользнуть от внимания любителей древности. Он расположен на довольно плодородной открытой равнине, орошаемой рекой. На пути к нему я видел много гробниц с прекрасными барельефами. У самой дороги я заметил как-то саркофаг с греческой надписью. Стены города совсем обвалились, но еще можно разобрать, что они тянулись на три четверти лье или даже на целое лье. Эти стены построены целиком из тесаного мрамора. Внутри города местность неровная и понижается к реке. Дома горожан не сохранились; зато я заметил много общественных зданий, отличающихся прекрасной архитектурой. Я обнаружил два великолепных мраморных амфитеатра прочной постройки с колоннами, нишами и т. д., и все это хорошо сохранилось. Есть там несколько дворцов и три храма. В одном из них был перистиль¹ из двенадцати больших колонн коринфского ордера, и одиннадцать из них еще стояли. В другом я видел упавшую колонну из прекраснейшего египетского полированного гранита. Я нашел также отделанные пилястрами², хорошо сохранившиеся городские ворота с тремя арками. Среди других памятников старины, обнаруженных мною, мне особенно понравилась длинная улица, пересеченная другой и украшенная с обеих сторон мраморными колоннами коринфского ордера. Один ее конец упирался в полукруглую площадь с шестьюдесятью ионическими колоннами. У перекрестка на каждом из четырех углов виднеются большие пьедесталы из обтесанного камня, на которых когда-то, наверное, стояли статуи. Сохранилась также часть мостовой из больших тесаных камней. В общем, я насчитал около двух сотен колонн, многие из которых еще сохранили антаблемент³. Упавших колонн несравненно больше. К тому же я осмотрел только половину города, а за рекой в другой его половине, пожалуй, найдется еще немало замечательных остатков старины».

Зетцен считает, что Джерраш не что иное, как древняя Герас-

¹ Перистиль — замкнутое пространство, например внутренний двор или сад, окруженное крытой колоннадой.

² Пилястр — плоский вертикальный выступ на поверхности стены, обработанный как колонна.

³ Антаблемент — один из элементов классического архитектурного ордера: верхняя часть сооружения, покоящаяся на колоннах или стенах и состоящая из трех горизонтальных членений (архитрав, фриз и карниз).

са, город, до сих пор весьма неточно обозначавшийся на всех картах.

Затем путешественник перешел реку Нахр-эз-Зерка или, как ее называют еврейские историки, Яббок, образующую северную границу страны аммонитян, и проник в область Эль-Белька, когда-то цветущую, но теперь пустынную и заброшенную, где имеется только один город Эс-Сальт – в древности Амагуза. Потом Зетцен посетил Амман, который под названием Филадельфии славился среди городов Декаполиса; там еще можно было напасть на образцы древнего искусства. Дальше он побывал в Элеале – старинном городе амореев¹. В Мадабе (во времена Моисея носившей название Мадба²), на горе Нево³, в Дивоне⁴ и в стране Керрак⁵, родине моавитян. Затем он осмотрел развалины Раббы – древней резиденции правителей страны, называвшейся тогда Раббат⁶, и, с превеликими трудностями перейдя гористую местность, прибыл наконец в область Гор-эс-Сафия, расположенную у южной оконечности Мертвого моря.

Стояла страшная жара, а идти приходилось по обширным солончаковым равнинам, не орошаемым ни одним ручейком. Наконец 6 апреля измученный жаждой Зетцен прибыл в Вифлеем, а вскоре и в Иерусалим.

За время своего путешествия Зетцен побывал в крайне любопытных местах, которых до него не посещал ни один путешественник Нового времени. Он собрал ценные сведения о свойствах воды Мертвого моря, опроверг кучу глупейших рассказов, исправил ошибки на самых точных картах, помог определить мно-

¹ Аморей (буквально: «западные», от *аккадского* Амурру – «запад», «место обитания пастушеских племен») – не совсем ясное в этническом отношении обозначение всего доизраильского населения Палестины; в начале XIV века до н. э. стали ядром созданного Абди-Аширтой царства Амурру.

² Мадаба (или Ма'даба) – город в современной Иордании; в древности последовательно принадлежал Израилю, царю Моава, набатеям и римлянам.

³ Нево – горная вершина в горах Аварим в земле Моавитской, к востоку от Иордана, против города Иерихона.

⁴ Дивон – город, расположенный к востоку от Мертвого моря, в южной части Иордании. Был населен уже в III тысячелетии до н. э. Около 1200 года до н. э. моавитяне основали здесь новое поселение, вскоре захваченное аммонитянами. Современный Дибан.

⁵ Страна Керрак – имеется в виду иорданский город Эль-Керак (Карак), в древности бывший столицей царей Моава.

⁶ Полное название города Раббат-Моав.

гие старинные города Перей и установил существование многочисленных развалин, свидетельствовавших о былом процветании, достигнутом этой страной при господстве римлян. 25 июня 1806 года Зетцен выехал из Иерусалима и морем вернулся в Акку¹.

«Этот переход стал настоящей экспедицией открытий», — писал Вивьен де Сен-Мартен² в статье, опубликованной в 1858 году в «Revue Germanique».

Но Зетцен не хотел оставлять свои открытия незавершенными. Через десять месяцев он вторично объехал «Асфальтовое озеро» (Мертвое море) и во время этого второго путешествия значительно пополнил свои первоначальные наблюдения.

Затем путешественник перебрался в Каир, где провел два года. Там он собирал восточные рукописи (большинство манускриптов, составляющих богатство библиотеки университета в Готе, куплено им), а также всевозможные сведения о внутренних областях страны. Однако, руководствуясь верным инстинктом, он записывал только те данные, которые могли претендовать на почти абсолютную точность.

Зетцен с его неутомимой жадой новых открытий не мог долго предаваться относительному — хотя и далекому от праздности — покою. В апреле 1809 года он окончательно покинул столицу Египта и через Суэц направился на Синайский полуостров, где рассчитывал провести некоторое время, перед тем как двинуться в Аравию. Аравия была тогда мало известна, и ее посещали лишь купцы, ездившие туда для закупки «бобов Моха»³. До

¹ Акка, или Акко — город в Галилее, на берегу одноименного залива Средиземного моря. Основан в XIX веке до н. э. и был сначала столицей мелкого царства, потом превратился в крупный торговый центр. В 1104 году был захвачен крестоносцами, переименованными город в Сен-Жан-д'Акр (или просто Акра). В конце XIII века, при изгнании крестоносцев, был основательно разрушен и восстановлен только в конце XVIII века по инициативе Ахмеда Джебзарпаши.

² Вивьен де Сен-Мартен Луи (1802 — 1897) — известный французский географ. Его основные труды — «Северная Африка во времена Древней Греции и Древнего Рима» (1863), «История географии и географических открытий» (1873); кроме того, руководил изданием «Географического ежегодника» («L'Année géographique», 1863 — 1876) и «Новой летописи путешествий» («Les Nouvelles Annales des voyages», с 1876) и был инициатором составления «Нового словаря всеобщей географии» (1879 — 1895).

³ Моха — крепость и порт в Йемене; области, примыкающие к этому городу, славятся своим кофе. (Примеч. перев.)

Нибура¹ ее не посещала ни одна экспедиция научного характера, которая поставила бы своей целью изучение географии страны и нравов ее обитателей, а путешествие самого Нибура осуществилось благодаря профессору Микаэлису², которому понадобились некоторые сведения, чтобы разъяснить темные тексты в Библии; расходы взял на себя король Дании Фредерик V. В экспедиции принимали участие математик Хавн, естествоиспытатель Форскол, доктор Крамер, художник Брауренфайнд и военный инженер Нибур. Естественно, что эта группа вдумчивых и ученых людей отлично справилась с поставленной целью.

Между 1762 и 1764 годами они посетили Египет, гору Синай, город Джидду, потом высадились в Лохее³ и проникли в глубь Счастливой Аравии;⁴ каждый занимался исследованиями в соответствии со своей специальностью. Но болезни и тяготы пути сломили отважных путешественников. Вскоре Нибур остался один и ему самому пришлось обработать наблюдения, сделанные им совместно со своими товарищами. Его труд — неистощимый источник сведений — сохранил ценность и до наших дней.

Зетцену хотелось превзойти своего предшественника. Для достижения этой цели он не останавливался ни перед чем. 31 июля он всенародно объявил себя последователем ислама и через Суэц

¹ Нибур Карстен (1733— 1815) — немецкий путешественник. Сын крестьянина, он выучился на землемера и был приглашен в экспедицию, направленную датским королем Фредериком V для изучения Египта, Сирии и Аравии. Руководителем экспедиции был датчанин Ф. К. фон Хавн. Ученые покинули Данию в январе 1761 года. В Аравии на путешественников последовательно обрушивались несчастья; неудачи не прекращались и в Бомбее, куда экспедиция направилась из Мохи. Все путешественники погибли, кроме К. Нибура, вернувшегося в Данию в ноябре 1767 года. Единственный, кому улыбнулась удача, привез много ценных сведений, опубликованных им в книгах «Описание Аравии» («Beschreibung von Arabien», 1772) и «Описание путешествия в Аравию и другие рядом лежащие страны» («Reisebeschreibung nach Arabien und anderen umliegenden Ländern», 1774).

² Имеется в виду Йоханн Давид Микаэлис (1717 — 1791), известнейший в свое время теолог и ориенталист, профессор восточных языков в Геттингенском университете.

³ Лохея — порт на территории современного Йемена; теперь он называется Эль-Лухайл.

⁴ Счастливая Аравия — так античные географы называли юго-западную часть Аравийского полуострова, славившуюся своим плодородием, благоприятным климатом и природными богатствами. Позднее название среди европейцев закрепилось за горными районами Йемена.

отправился в Мекку, намереваясь проникнуть туда под видом паломника. По пути в святой город Зетцен побывал в Джидде. Его чрезвычайно поразило скопление верующих и необыкновенное своеобразие этого города, существующего благодаря религиозному культу и ради него.

«Все окружающее, — вспоминал ученый, — возбуждало во мне такое бурное волнение, какого я не испытал больше нигде».

Путешествие в Мекку, а также поездку в Медину не стоит передавать подробно. Описание этих священных городов всегда будет заимствоваться из точного и правдивого рассказа Буркхардта. К тому же работы Зетцена до середины прошлого столетия были опубликованы лишь в отрывках (в «Анналах путешествий» и в «Переписке барона Заха»). И только в 1858 году вышли в свет на немецком языке путевые дневники Зетцена, и то в неполном виде.

Из Медины путешественник вернулся в Мекку, где, стараясь не привлекать к себе внимания, занялся изучением города и религиозных обрядов, а также астрономическими наблюдениями, давшими возможность определить точное местоположение столицы ислама.

Двадцать третьего марта 1810 года Зетцен вернулся в Джидду. Затем вместе с арабом, который в Мекке был его постоянным советчиком и руководителем, он отплыл в Ходейду, один из главных портов Йемена. Пройдя Байт-эль-Факих, гористую местность, где разводят кофе, и около месяца пролежав больным в Дуране, Зетцен 2 июня прибыл в Сану, столицу Йемена, которую он называл прекраснейшим из городов Востока. 22 июля он добрался до Адена и в ноябре был в Мохе, городе, которым помечены последние полученные от него письма. По возвращении в Йемен его, как и Нибура, ограбили: у него отняли все вещи и коллекции под тем предлогом, будто бы он ловил разных животных и делал из них настой для отравления источников.

Но Зетцен не желал примириться с этим ограблением. Он немедленно отправился в Сану, где рассчитывал подать имаму¹ жалобу. Это случилось в декабре 1811 года. Несколько дней спустя распространился слух о его внезапной смерти в Таиззе. Вскоре это известие дошло до европейцев, посещавших арабские порты.

¹ Имам — первоначально: предстоятель на молитве, духовный руководитель. Позднее слово стало употребляться для обозначения главы мусульманской общины.

Кто был повинен в этой смерти? Имам или разбойники, ограбившие Зетцена? Для нас это теперь не имеет значения. Можно только сожалеть, что оборвались исследования путешественника, так хорошо подготовленного и уже свыкшегося с обычаями и нравами арабов, и досадовать, что большая часть его дневников и наблюдений погибла безвозвратно.

«Зетцен, — подтверждает Вивьен де Сен-Мартен, — был после Лудовико Вартемы¹ [1503] первым путешественником, посетившим Мекку, а Медины, освященной могилой Пророка, до Зетцена не видел ни один европеец».

Из этого ясно, насколько ценны отчеты этого беспристрастно, хорошо осведомленного и правдивого путешественника.

Как раз тогда, когда внезапная смерть положила конец деятельности Зетцена, Буркхардт пустился по его следам и подобно ему начал свое долгое и тщательное изучение Аравии с путешествия по Сирии.

«В истории науки, — пишет Вивьен де Сен-Мартен, — редко случается, чтобы два человека, почти равные по своим достоинствам, следовали друг за другом по той же стезе и один из них продолжал дело другого. Действительно, Буркхардт шел во многих отношениях по следам, проложенным Зетценом, и, сопутствуемый в течение долгого времени благоприятными обстоятельствами, помогавшими ему совершать свои многочисленные экспедиции, сумел прибавить многое к открытиям, сделанным его предшественником».

Хотя Йоханн Людвиг Буркхардт родился в Лозанне² и не был англичанином, его все-таки надо причислить к английским путешественникам. В самом деле, благодаря своим родственным связям с сэром Джозефом Банком — естествоиспытателем и спутником Кука, с Гамильтоном — секретарем Африканского об-

¹ Вартема Лудовико (встречается также написание Вертема, Бартема и др.) (род. между 1461 и 1477 — умер до июня 1517) — итальянский путешественник, в начале XVI столетия изъездивший все восточное Средиземноморье, посетил также Йемен, Персию, Индию, Цейлон, Сиам и Малайский архипелаг. В Европу вернулся через мыс Доброй Надежды. В 1508 году выпустил описание своих путешествий («Itinerario»), пользовавшееся в то время огромной популярностью. Первым из западноевропейцев проник в Мекку, переодевшись в арабское платье и присоединившись к группе паломников. Книга Вартемы, написанная живым языком и заполненная красочными описаниями народов и их обычаев, не потеряла исторической ценности до сих пор.

² В 1784 году.

Иоанн Людвиг Буркхардт

щества — и благодаря их дружескому содействию Буркхардт мог осуществить свои поездки с пользой для науки.

Буркхардт был человеком широко образованным. Сперва он занимался в университетах Лейпцига и Геттингена, где слушал лекции Блуменбаха¹. Затем продолжал свои занятия в Кембридже и изучал там арабский язык. В 1809 году он отплыл на Восток.

Чтобы подготовиться к тяготам жизни путешественника, он добровольно подолгу постился и обрекал себя на муки жажды. Иногда подушкой ему служила лондонская мостовая, а постелью — пыльная дорога. Но что значили эти мальчишеские попытки тренироваться в сравнении со страданиями, какие приносит с собой научное подвижничество?

Отправляясь из Лондона в Сирию, где он должен был совершенствоваться в арабском языке, Буркхардт намеревался сначала посетить Каир и добраться до Фецана путем, который когда-то проложил Хорнеман. Оказавшись в этой стране, он предоставил бы обстоятельствам подсказать ему наиболее удобную дорогу.

Буркхардт принял имя Ибрахима ибн Абдаллаха и выдавал себя за мусульманина-индийца. Чтобы заставить поверить в этот маскарад, путешественник часто должен был прибегать к разным хитростям. В некрологе, напечатанном в «Анналах путешествий», рассказывается, что, когда Буркхардта просили поговорить на хиндустани, он не задумываясь начинал изъясняться по-немецки. Один переводчик-итальянец, подозревавший в нем «гяура»², дошел до того, что потянул его за бороду, то есть нанес самое тяжелое для мусульманина оскорбление. Буркхардт настолько вошел в свою новую роль, что немедленно ответил мощным ударом кулака. Бедный итальянец отлетел кувырком шагов на десять, а зрители разразились смехом и, полностью убедившись, что путешественник бесспорно был тем, за кого себя выдавал, мигом перешли на его сторону.

С сентября 1809 года по февраль 1812 года Буркхардт оставал-

¹ Блуменбах Йохан Фридрих (1752 — 1840) — знаменитый немецкий медик, анатом, антрополог и зоолог, профессор Геттингенского университета. Его «Книга сравнительной анатомии» переведена на все европейские языки, а «Учебник естественной истории» («Handbuch der Naturgeschichte») выдержал 12 изданий. Блуменбах был автором классификации человеческих рас, удержавшейся в науке до середины XX века.

² Гяур (*тур.*; *ар.* кяфир) — «неверный», то есть немусульманин; чаще всего мусульмане употребляли это слово по отношению к христианам.

ся в Алеппо и только раз прервал изучение языка и нравов сирийцев для того, чтобы съездить в Дамаск, Пальмиру и Хауран — места, где до него побывал лишь Зетцен.

Рассказывают, что во время одной поездки в Зор, местность, расположенную на северо-восток от Алеппо, на берегу Евфрата, вора, напав целой бандой, ограбили его и отняли даже платье. На нем остались только штаны, но жена одного из вожаков, не получившего своей доли в добыче, хотела стащить с него и эту необходимую часть одежды.

«Экспедициям Буркхардта, — говорится в “Revue Germanique” (“Германское обозрение”), — мы обязаны множеством сведений о краях, о которых мы раньше имели представление лишь по отрывочным сообщениям Зетцена. Даже в часто посещавшихся районах наблюдательный ум Буркхардта давал ему возможность собрать интересные факты, которыми пренебрег бы рядовой путешественник. Эти ценные материалы издал позже полковник Мартин Уильям Лик, тоже выдающийся путешественник и ученый-географ, обладавший разносторонними знаниями».

Буркхардт повидал Пальмиру и Баальбек, склоны Ливана и долину Оронта¹, озеро Хула и истоки Иордана. Он сообщил первые сведения о многих древних городах. Именно благодаря его указаниям удалось точно определить местоположение прославленной Апамеи², хотя он сам и его ученый издатель сделали из своих данных ошибочные выводы. Наконец, его путешествия в Аурантис тоже дали — даже после поездок Зетцена — ценные географические и археологические сведения, помогающие уяснить состояние страны в настоящее время и проливающие яркий свет на задачи сравнительной географии всех эпох.

В 1812 году Буркхардт покидает Дамаск, посещает побережье Мертвого моря, долину Ахаба³ и древний порт Эцион-Гебер⁴ —

¹ Оронт — старое название реки Эль-Аси (Нахр-эль-Аси), текущей по Ливану и Сирии между горными системами Ливана и Антиливана и впадающей в Средиземное море с турецкого берега в заливе Антакья.

² Апа́мея — название нескольких древних городов. Здесь речь идет об Апа́мее-на-Оронте, основанной в 286 году до н. э. Селевком I Никатором и названной в честь его жены Апамы. Сохранились развалины многочисленных зданий римского периода и раннехристианские памятники.

³ Долина Ахаба — в настоящее время эту долину называют Вади-эль-Араба.

⁴ Эцион-Гебер (Ецион-Гавер) — порт у северной оконечности залива Акаба. По преданию, был основан царем Соломоном. Сейчас близ этого места располагается израильский порт Эйлат.

области, теперь вдоль и поперек изъезженные толпами англичан с путеводителями в руках, но куда в те времена можно было попасть, лишь рискуя жизнью. В одной из боковых долин путешественник обнаружил внушительные развалины Петры, древней столицы Петрейской, то есть Каменистой, Аравии.

К концу года Буркхардт был уже в Каире. Ему не хотелось сразу присоединиться к каравану, отправлявшемуся в Фещан, потому что его очень тянуло в Нубию, страну гораздо более любопытную для всякого историка, географа и археолога. Эту колыбель египетской культуры посетили в конце XVII века португалец Алвариш и французы Понсе и Ленуар-Дюруль, а в начале XVIII столетия Брюс, отчет которого столько раз подвергался сомнению, и наконец Норден, не заходивший дальше города Эд-Дирра.

В 1813 году Буркхардт исследует Нубию. Поездка обошлась ему всего в сорок два франка. Эту скромную сумму трудно сравнивать с тем, что затрачивается теперь на любую попытку путешествий по Африке. Правда, Буркхардт умел пообедать горстью дурро¹, а весь его «караван» состоял из двух дромадеров². Но около того же времени двое англичан, Ли и Смелт, проехали по этой же стране, рассыпая на своем пути золото и всяческие подарки, и тем, кто шел вслед за ними, дорога стоила уже гораздо дороже.

Вскоре Буркхардт миновал пороги Нила.

«Немного далее, — говорится в отчете, — около места под названием Гебель-Ламуль проводники-арабы обычно вымогают богатые подарки у тех, кого они сопровождают. Вот как они это проделывают. Они останавливаются, спешиваются и из песка и камешков делают небольшую кучку, похожую на те, что насыпают на своих могилах нубийцы. Они называют это — «рыгть путнику могилу». Все это сопровождается настойчивыми требованиями подарка. Буркхардт, увидев, что проводник взялся за такую постройку, преспокойно последовал его примеру и сказал: «А это твоя могила, — ведь мы братья, и будет вполне справедливо похоронить нас вместе». Араб не мог удержаться от смеха. Они развалили свои зловещие постройки, и оба взобрались на верблюдов

¹ Дурро — разновидность злака сорго, которую употребляют в пищу в виде крупы или муки.

² Дромадер — одногорбый верблюд.

такими же друзьями, как и раньше. Араб тут же процитировал следующий стих из Корана: «Ни один смертный не ведает, в каком уголке земли выроют ему могилу».

Буркхардт очень хотел проникнуть в Донголу. Однако ему пришлось ограничиться лишь сбором сведений — правда, очень интересных — об этой стране и о мамелюках¹, нашедших там себе убежище после резни, учиненной среди этого могущественного войска арнаутами² по приказу египетского паши.

На каждом шагу внимание путника здесь привлекают развалины древних городов и храмов. Наиболее любопытные из них встречаются в Ибсамбуле³.

«Перед храмом, построенном на самом берегу Нила, — сообщается в отчете, — стоят шесть огромных фигур — от земли до колен я отмерил шесть с половиной футов. Они изображают Осириса⁴ и Исиду⁵ в различных положениях. Стены, а также и капители⁶ колонн покрыты росписью и иероглифическими надписями. Судя по стилю, они очень древние. Все это высечено из цельного камня прямо в скале. Фигуры, по всей вероятности, были окрашены в желтый цвет, а волосы — в черный. В двухстах ярдах⁷ от храма видны остатки еще более громадного сооруже-

¹ Мамелюки (мамлюки) — «невольники» (*араб.*). Первоначально — рабы тюркского, черкесского и грузинского происхождения, составлявшие гвардию династии египетских султанов Эйюбидов (1171 — 1250). В 1250 году превратившиеся в феодалов верхушечные слои мамлюков захватили власть и правили в Египте вплоть до завоевания страны турками (1517), да и потом имели в жизни государства важное значение, занимая крупные административные и военные должности. В 1811 году были истреблены по приказу правителя Египта Мухаммеда Али.

² Арнауты — турецкое название албанцев.

³ Имеется в виду Абу-Симбел (Абу-Сунбул), пещерный храм главных богов и фараона Рамсеса II (XIII век до н. э.), одна из жемчужин древнеегипетского искусства. Вход в храм охраняют две 20-метровые статуи сидящего царя, высеченные в скале, как и все помещение храма. На стенах храма — скульптурные рельефы. При строительстве высотной Асуанской плотины храмы были перенесены на более высокое место.

⁴ Осирис (*егип.* Усир) — в египетской мифологии бог производительных сил природы, царь загробного мира.

⁵ Исида — в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности, семейной верности, богиня мореплавания, сестра и супруга Осириса.

⁶ Капитель — верхняя часть колонны.

⁷ Ярд — английская мера длины; равен 91,44 см.

ния. Четыре огромные фигуры так засыпаны песком, что нельзя даже разобрать, стоят они или сидят».

Какой смысл задерживаться на описании памятников, теперь уже хорошо известных, обмеренных, зарисованных и сфотографированных? Отчеты путешественников того времени интересны для нас лишь тем, что мы можем по ним судить о прежнем состоянии этих руин и о переменах, происшедших с тех пор в результате грабежей.

Во время своей первой экспедиции Буркхардт объехал только берега Нила, то есть очень узкую полосу, пересеченную короткими долинами, выходящими к реке. Он считает, что здесь, на пригодной для земледелия речной пойме, имеющей четыреста пятьдесят миль в длину и четверть мили в ширину, живет сто тысяч человек.

«Мужчины обычно хорошо сложены, сильны и мускулисты, но ростом несколько ниже египтян. Безусые, с небольшой бородкой, окаймляющей подбородок, они производят приятное впечатление и превосходят египтян мужеством и умственным развитием. Они любопытны и обо всем расспрашивают, но воровство им чуждо. Иногда им удается собственным трудом сколотить себе в Египте небольшое состояние, но у них нет торговой жилки. Женщины наделены теми же физическими качествами: все они хорошо сложены, а некоторые даже красивы; в чертах лица у них много кротости, и они очень скромны. Иные путешественники судили о наружности нубийцев слишком строго: правда, их тип различен в разных местностях: там, где пространство годной для обработки земли шире, люди хорошо сложены. В местах, где полоса плодородной земли чрезвычайно узка, обитатели на вид гораздо слабее, а кое-где они похожи на ходячие скелеты».

Страна стонала под деспотическим игом потомков командира боснийских наемников, ежегодно выплачивавших Египту ничтожную дань. Однако и эта малость послужила для них предлогом, для того чтобы душить поборами несчастных феллахов¹. Буркхардт приводит довольно любопытный пример бесцеремонной наглости, с которой кашефы грабят население.

«Кашефу Хасану, — рассказывает он, — понадобился ячмень для лошадей. С толпой своих рабов он отправился прогуляться по полям. Около одного хорошего ячменного поля он увидел его

¹ Феллахи — крестьяне, оседлые жители, земледельцы.

владельца — крестьянина. “Ты плохо обрабатываешь землю! — вскричал он. — Ты посеял ячмень там, где можно бы собрать отличный урожай арбузов, которые стоят вдвое больше. Вот тебе арбузные семена, — тут он дал крестьянину горсточку семян, — засеи свое поле, а вы, рабы, повыврывайте этот плохой ячмень и несите ко мне”».

Отдохнув немного, в марте 1814 года Буркхардт предпринял новое путешествие — на этот раз не к берегам Нила, а в Нубийскую пустыню. Считая, что бедность лучшая защита в пути, осторожный путешественник отослал слугу, продал верблюда и, оставив себе одного осла, присоединился к каравану бедных торговцев.

Караван вышел из Дарау, деревни, населенной наполовину феллахами, наполовину абабдеями¹. Вначале феллахи отнеслись к путешественнику плохо — не потому, что они подозревали в нем европейца, но, напротив, потому, что принимали его за турка из Сирии, явившегося с намерением отбивать у них торговлю рабами, которую они считали своей монополией.

Незачем здесь приводить названия колодцев, холмов и долин этой пустыни. Лучше дать очерк внешнего вида местности, как это сделал сам путешественник.

Брюс, побывавший там раньше, изображает эту пустыню в слишком мрачных красках и, чтобы прибавить себе заслуг, преувеличивает трудности пути. Но если верить Буркхардту, дорога не так безводна, как между Алеппо и Багдадом или между Дамаском и Мединой. Нубийская пустыня вовсе не представляет собою безграничной песчаной равнины, унылое однообразие которой ничем не нарушается. Она усеяна скалами, достигающими подчас двухсот — трехсот футов² в высоту и кое-где поросшими высокими пальмами «дум»³ и акациями. Мелкая листва этих деревьев не дает защиты от палящих лучей солнца; недаром

¹ Абабде — одно из кочевых племен, принадлежащее к группе беджа, живущей в Нубийской пустыне, между Нилом и Красным морем.

² Фут — английская мера длины; равен 30,48 см.

³ Дум (Hurphaene thebaica) — вид пальмы, распространенный в Египте и на Аравийском полуострове; хорошо удерживает пески, поэтому используется для защитных насаждений. В Египте растет в пририньских лесах. Плоды пальмы дум достигают величины яблока, мясистая мякоть их съедобна. Семена используются для изготовления пуговиц и других изделий, заменяя слоновую кость. Листья используются для плетения корзин, циновок, рогож и для набивки матрацев

арабская поговорка гласит: «Не жди помощи от вельможи и тени от акации».

Пройдя Шигру, где в горах находится один из лучших источников, караван достиг Нила у селения Анкейр, или Вади-Бербер.

В общем, единственная опасность при переходе через пустыню заключается в том, что колодцы Неджейма могут оказаться пересохшими. Других трудностей ожидать не приходится, если только не сбиться с дороги, а это при хороших проводниках вряд ли возможно. Поэтому тяготы, перенесенные Брюсом в этих краях, видимо, чрезвычайно преувеличены, хотя отчеты шотландского путешественника обычно заслуживают доверия.

Обитателей Бербера Брюс называет барбаренами. У них красивое телосложение, а черты лица совсем другие, чем у негров. Они сохраняют чистоту крови, выбирая жен лишь из числа девушек своего племени или среди сородичей — арабов.

Описание характера и нравов этого народа у Буркхардта не только очень любопытно, но и поучительно. Испорченность нравов у жителей Бербера невероятна. Этот маленький город, где перепродаются товары и встречаются караваны, куда споняют рабов, не мог не стать настоящим разбойничьим притоном.

Торговцы из Дарау, на защиту которых полагался до сих пор Буркхардт (полагался зря, потому что они только и старались пожить за его счет), прогнали его, когда караван покидал Бербер, и путешественник был вынужден искать покровительства у проводников и погонщиков ослов, охотно принявших его в свою компанию.

Десятого апреля чуть южнее впадения Могрена (по Брюсу — Мареп) караван был ограблен правителем города Эд-Дамер. Этот городок заселен факирами и приятно отличается своей чистотой и порядком от грязного, полуразрушенного Бербера. Факиры занимаются всяческим колдовством, магией и самым отъявленным шарлатанством. Один из них даже заставлял бляеть ягненка в желудке человека, который его украл и съел. Население слепо верит в такие чудеса, и с сожалением приходится отметить, что его невежество очень помогает властям сохранять порядок и спокойствие в городе и вообще способствует процветанию края.

Из Эд-Дамера Буркхардт попал в Шенди, где прожил целый месяц, и никто там не заподозрил в нем неверного. Незначительное во времена Брюса селение Шенди теперь разрослось до тысячи до-

мов. Здесь ведется крупная торговля, причем обменной единицей являются рабы, верблюды и дурро. Больше всего здесь торгуют камедью¹, слоновой костью, золотом в слитках и страусовыми перьями.

Число рабов, ежегодно продаваемых в Шенди, достигает, по словам Буркхардта, пяти тысяч: две тысячи пятьсот увозят в Аравию, четырехста — в Египет, тысячу — в Донголу и на побережье Красного моря.

Путешественник воспользовался своим пребыванием на границе Сеннара и собрал некоторые сведения об этой стране². Ему сообщили много любопытного и своеобразного. Между прочим, рассказывали, как ее властелин пригласил однажды посла Мухаммеда Али³ на смотр кавалерии, которую он сам считал весьма грозной. Посол, в свою очередь, попросил разрешения показать сеннарцам, как действует имевшаяся у него турецкая артиллерия. При первом залпе двух маленьких полевых пушек, навьюченных на верблюдов, сеннарская кавалерия, пехота, все зеваки, двор и сам повелитель в ужасе бежали прочь!

Буркхардт распродал тут все свои пожитки. Затем, так как ему надоели приставания египетских купцов, его дорожных спутников, он присоединился к направлявшемуся в Суакин каравану. Ему хотелось побывать в совершенно неизвестной области, отделявшей этот город от Шенди. Из Суакина путешественник рассчитывал отплыть в Мекку, надеясь, что звание «хаджи»⁴ сильно поможет ему в осуществлении его дальнейших планов.

«Эти хаджи, — рассказывает он, — составляют особое сословие, и никто не осмеливается тронуть ни одного из них из боязни восстановить против себя всех остальных».

¹ Камеди — густые соки некоторых деревьев (акации, вишни и др.), выступающие из надрезов в коре; их растворы используются в медицине как вещества, уменьшающие раздражение от лекарственных препаратов.

² Сеннар — столица Сеннарского султаната, государства народа фунг, которое существовало с начала XVI века по 1821 год, когда оно было завоевано Мухаммедом Али и вскоре прекратило свое существование.

³ Мухаммед (Мехмед) Али (1769 — 1849) — турецкий генерал, албанец по происхождению, посланный в Египет для ведения военных действий против Наполеона. После ухода французских войск захватил власть в стране и пытался создать независимое от Турции государство. Однако смог добиться только автономии и получил титул вице-короля Египта.

⁴ Хаджи — почетное звание мусульманина, совершившего паломничество (хаджж) в священный город Мекку.

С караваном, к которому присоединился Буркхардт, шло сто пятьдесят купцов и триста рабов. Две сотни верблюдов были нагружены тяжелыми тюками табака и свертками «даммура» — ткани, изготавливаемой в Сеннаре.

Внимание нашего путешественника вскоре было привлечено рекою Атбара; после перехода по безводным пустыням берега ее, поросшие большими деревьями, приятно ласкали взор.

Путники следовали по течению реки вплоть до плодородной местности Така. Белая кожа шейха Ибрахима — как известно, такое имя принял Буркхардт — во многих деревнях вызывала крики страха у женщин, редко выдавших арабов.

«Однажды, — рассказывает путешественник, — деревенская девушка, у которой я купил несколько луковиц, сказала, что прибавит мне еще, если я сниму тюрбан и покажу ей свою голову. Я потребовал восемь штук, и она тут же отдала их мне, а затем я исполнил ее желание. Увидев мою наголо бритую белую голову, она отскочила в ужасе. Когда же я спросил ее шутя, не хочет ли она иметь мужа с такой головой, она с величайшим отвращением стала клясться, что предпочла бы самого безобразного раба из Дарфура»¹.

Не доходя до Гоз-Регеба, Буркхардт заметил одно строение. Ему сказали, что это какой-то храм. Он бросился было в ту сторону, но спутники стали звать его обратно.

«Тут все окрестности полны разбойников! — кричали они. — Ты и сотни шагов не пройдешь, как на тебя нападут!»

Путешественник так и не выяснил, был ли то египетский храм или, быть может, какая-нибудь постройка времен Аксумского царства².

Караван вступил затем в страну Така, или Эль-Гаш. Это большая равнина, в июне и июле затопляемая разливом небольших речек, из которых необыкновенно плодороден. Дурро, растущее здесь, продают в Джидде на двадцать процентов дороже лучшего

¹ Дарфур, то есть «Земля фугов (форов)» — процветающее мусульманское государство, существовавшее в XVII — XIX веках; в настоящее время — провинция Республики Судан.

² Аксумское царство — могущественное государство, существовавшее на территории современной Эфиопии; названо по имени столицы, священного города Аксума (в современной провинции Тигре), основанного около 500 года до н. э. Первые сведения об Аксумском царстве относятся к I веку н. э. Расцвет его приходится на III век н. э. Отрезанное от средиземноморского мира арабами, оно постепенно приходило в упадок и в X веке распалось.

египетского проса. Местные жители, которых называют адендоа, известны как предатели, воры и кровожадные люди, а жены их развращены почти так же, как женщины Шенди и Бербера.

На пути из Таки к берегам Красного моря в Суакин приходится пересекать горную цепь. Горы сложены известняками, и до самого Шинтераба не встречается гранитов. Переход через эту гряду не труден, и путешественник 26 мая прибыл в Суакин.

Но бедствия, предназначенные судьбою Буркхардту, еще не кончились. Ага и эмир¹ сговорились его ограбить. Они накинулись на него, как на последнего раба, однако предъявленные им фирманы от Мухаммеда Али и Ибрахим-паши совершенно изменили дело. Вместо тюрьмы, которой ему угрожали, его отвели к аге, а тот решил поселить его у себя и даже подарил молодую рабыню.

«Такой двадцатипятидневный переход от Нила к Красному морю, — писал Вивьен де Сен-Мартен, — был совершен европейцем впервые. Благодаря ему в Европе получили точные сведения о живущих в этих краях полукочевых-полуоседлых племенах. Наблюдения Буркхардта не утратили своего значения и представляют безусловно поучительное и в то же время на редкость занимательное чтение».

Седьмого июля Буркхардту удалось отплыть на туземном корабле в Джидду, служащую портом для Мекки.

Джидда, куда он прибыл через одиннадцать дней, лежит на берегу моря и окружена стенами, которые не могут противостоять артиллерии, но представляют отличную защиту от ваххабитов. Эти последние, часто именуемые «пуританами ислама», образуют особую секту, стремящуюся вернуть магометанству его первоначальную чистоту².

«Одна батарея, — сообщает Буркхардт, — охраняет вход со

¹ Эмир — титул, принятый на Ближнем Востоке в эпоху арабского завоевания военачальниками, а потом и правителями.

² Ваххабиты — последователи религиозно-политического течения в исламе, возникшего под влиянием идей Мухаммада ибн Абу аль-Ваххаба (1703 — 1787). Главный догмат учения — вера в единого бога. Ваххабиты отвергали различные новшества, появившиеся в процессе развития ислама: культ святых, дервишество и проч. Политическая доктрина ваххабитов состояла в объединении племен и мелких княжеств Аравии в единое государство. В 1803 году ваххабиты взяли и разграбили Мекку, а в 1804 году — Медину. В 1818 году были разгромлены войсками Мухаммеда Али.

стороны моря и господствует над всем портом. Там стоит на лафете огромная пушка, стреляющая ядрами весом в пятьсот английских фунтов. Эта пушка известна по всему Арабскому заливу, и одной ее славы достаточно для обороны Джидды».

Большой недостаток этого города — отсутствие пресной воды, которую берут из колодцев, находящихся почти за две мили. Без садов, без всякой растительности, без финиковых пальм, Джидда представляет исключительно своеобразное зрелище. В городе насчитывается двенадцать — пятнадцать тысяч жителей, но цифра эта удваивается во время паломничества. Население Джидды далеко не все является коренным: оно состоит из уроженцев Хадрамаута и Йемена, из суратских и бомбейских индусов и малайцев: придя сюда в качестве паломников, люди оставались здесь жить, и таким образом основался город.

В отчете Буркхардта наряду с подробностями о нравах, образе жизни, ценах на съестное и количестве купцов встречаются любопытнейшие анекдоты.

Рассказывая о своеобразных обычаях жителей Джидды, путешественник говорит: «Здесь почти все обитатели привыкли с утра проглатывать небольшую чашечку растопленного масла — “ги”, — затем пьют кофе, которое считается сильным тонизирующим средством. Люди свыкаются с самого детства с таким завтраком и, изменяя своей привычке, чувствуют себя плохо. Представители высших сословий ограничиваются одной чашечкой масла, но люди, принадлежащие к низшим сословиям, втягивают еще полчашки масла через нос, полагая, будто этим они препятствуют проникновению заразы в организм».

Двадцать четвертого августа путешественник выехал из Джидды в Таиф¹. Дорога шла через горный хребет по самым романтическим долинам, среди роскошной растительности, которую так странно видеть в этих краях. Буркхардта там приняли за английского шпиона и старательно следили за ним. Несмотря на внешне хороший прием паши, он не пользовался никакой свободой передвижения и был стеснен в своих наблюдениях.

Таиф славится своими прекрасными садами: розы и виноград вывозят оттуда во все районы Хиджаза². Раньше этот город вел

¹ Эт-Таиф — город в Хиджазе, восточнее Мекки.

² Хиджаз — область на западном побережье Аравийского полуострова; здесь расположена Мекка.

обширную торговлю и достиг значительного процветания, но потом его разграбили ваххабиты.

Слежка, установленная за Буркхардтом, заставила его поторопиться с отъездом. 7 сентября он двинулся в Мекку. Отлично изучив Коран и превосходно зная все мусульманские обряды, Буркхардт прекрасно исполнял роль паломника. Его первой заботой было — как это предписывает закон каждому правоверному, вступающему в Мекку — облачиться в «ихрам»¹ — то есть в одежду без швов; одним куском коленкора обертывают чресла, другой набрасывают на шею и плечи. Первая обязанность паломника — идти прямо в мечеть, даже не обеспечив себя ночлегом. Буркхардт выполнил это требование, как выполнил и прочие предписанные для этого случая обряды и церемонии специального характера, не представляющие для нас особого интереса, почему мы на них и не останавливаемся.

«Мекку, — вспоминал Буркхардт, — мы вправе назвать красивым городом. Улицы ее шире, чем в других восточных городах. Дома высокие, каменные; благодаря многочисленным окнам, выходящим на улицу, у города более оживленный и более европейский вид, чем у городов Сирии и Египта, где в домах по наружному фасаду редко пробивают окна. У каждого дома есть терраса, побеленный пол которой имеет слабый скат, чтобы вода по желобам стекала на улицу. На этих площадках, скрытых за невысокими стенками, по общему на Востоке правилу, не подобает показываться мужчине, так как его могли бы обвинить в подглядывании за женщинами, большую часть своего времени проводящими на террасе дома. Они сушат там зерно, развешивают белье и занимаются другими домашними делами. Единственная общественная площадь в городе — просторный двор Большой мечети. Деревьев мало, ни один сад не радует взора, и город оживляется лишь при появлении паломников. Тогда повсюду возникают многочисленные лавочки, полные товаров. За исключением четырех-пяти просторных домов, принадлежащих шерифу², двух мед-

¹ Ихрам — чистая белая полотняная одежда, которую паломники одевали, вступая на священную территорию Мекки; эта одежда накладывала на паломника ряд ограничений.

² Шериф — почетное прозвище потомков пророка Мухаммада, составлявших в средние века один из слоев аристократии мусульманских государств. В более узком смысле — потомки Хасана, внука пророка. До 1916 года наследственный правитель Мекки тоже носил титул «шериф».

ресе, то есть училищ, теперь превращенных в склады зерна, и мечети со школами при ней и несколькими пристройками, Мекка не может похвастать больше ни одним общественным зданием и в этом отношении уступает даже другим восточным городам той же величины».

Улицы в городе немощеные, а так как о сточных канавах там нет и помина, то повсюду неопишуемая грязь и везде стоят мутные лужи.

Воды ждать можно только с неба, и ее собирают в цистерны. Колодезная вода так солонa, что пить ее невозможно.

«В самом широком месте долины, в середине города, высится мечеть, называемая Бейт-Уллах, или Эль-Харам¹. В других городах Востока есть мечети почти такие же большие и притом гораздо красивее, а эта примечательна лишь тем, что в ее ограде находится Кааба²».

Мечеть стоит на вытянутой в длину площади, которая окружена колоннадой. С восточной стороны колонны поставлены в четыре ряда, с других сторон — в три. Колонны соединены между собой стрельчатыми аркадами. Каждые четыре колонны накрыты небольшим куполом, обмазанным известкой и побеленным снаружи. Некоторые колонны из белого мрамора, иные из гранита или порфира, но большинство из обыкновенного камня с окрестных гор.

Сама Кааба так часто разрушалась и восстанавливалась, что от сегой древности в ней не осталось и следа. Но она существовала раньше мечети, двор которой окружает ее сейчас.

«Кааба стоит, — сообщал путешественник, — на наклонно сложенном фундаменте фута в два вышиною. Так как крыша плоская, Кааба кажется издали правильным кубом. Единственная дверь, через которую входят и которую открывают два-три раза в год, устроена с северной стороны на высоте почти семи футов над землей. Поэтому туда можно попасть только по деревянной лестнице. В северо-восточном углу Каабы, у двери на высоте четырех-

¹ Мечеть Бейт-Уллах, или аль-Масджид аль-Харам («дом Бога») — храм, сложившийся вокруг древнего святилища Ка'бы. В современном виде мечеть отстроена в 1570 году.

² Кааба (точнее — Ка'ба) — главное святилище ислама, монумент в форме куба (арабское слово ка'ба и означает «куб»). Впервые возведено в 608 году. В юго-западном углу строения в кладку вмурован «черный камень» (железистый метеорит), посланный, по верованиям мусульман, Аллахом с неба.

пяти футов вмазан в стену знаменитый «черный камень», образующий часть угла здания. Очень трудно точно установить, что это за камень. Поверхность его стерлась от поцелуев и прикосновений миллионов паломников. Стены Каабы закрыты снаружи огромным куском черной шелковой ткани, доходящим до самой крыши. Это покрывало или занавес называется «кисва»¹ и ежегодно обновляется во время паломничества. Его привозят из Каира, где оно изготавливается за счет повелителя правоверных².

Буркхардт дает первое по времени и достаточно подробное описание Мекки и ее святилища. Поэтому мы сочли нужным привести здесь выдержки из подлинного отчета. Число выдержек можно было бы умножить, так как в отчете приведены самые обстоятельные сведения о других достопримечательностях: о священном источнике, под названием Земзем (вода из него считается верным средством от всех болезней), о Вратах Спасения, о здании Макам-Ибрахим, заключающем камень, на котором стоял Авраам³, когда он строил Каабу, и который сохранил отпечаток его колен, а также о других строениях в ограде храма.

С тех пор как Буркхардт сделал свое точное и полное описание, в Мекке ничего не изменилось. И теперь там то же стечение паломников, тянущих те же песнопения. Изменились только люди.

Рассказав о празднествах и о священных восторгах правоверных, Буркхардт самыми мрачными красками изображает последствия этого стечения людей, собирающихся со всех концов света.

«С приходом верующих, которые заканчивают здесь свое паломничество, вид мечети совершенно преобразуется, — записал он. — Ослабевшие от тягот путешествия люди болеют и умирают из-за того, что «ихрам» плохо защищает их от непогоды, а также из-за нездоровых жилищ в Мекке и от слишком скудной пищи, а подчас и полного отсутствия съестного. Поэтому в храме скапливается много трупов, принесенных, чтобы имам прочел над ними молитвы, и больных, которых по их просьбе приводят туда. Мно-

¹ Кисва — черное шерстяное с примесью шелка покрывало с полоской текста из Корана; драпирует внешние стены Ка'бы.

² То есть турецкого султана. (*Примеч. перев.*)

³ Ибрахим (библейский Авраам) по преданию, распространившемуся уже после победы ислама, был провозвестником истинной религии. Именно ему приписывалось строительство Ка'бы. В 13,5 м от главного святилища находится священный камень, который называют «Макам Ибрахим», то есть «место, на коем стоял Ибрахим (во время строительства Ка'бы)».

гие из них, когда подходит смертный час, просят положить их под колоннадой, чтобы они могли исцелиться видом Каабы или, по крайней мере, найти утешение в сознании, что испускают дух в священных стенах. Иные несчастные исхудалые паломники, истерзанные болезнями и голодом, ползут вдоль колоннады, а когда у них не остается сил протягивать к проходящим руку, ставят около своей подстилки чашку для подаяния в надежде на милосердие проходящих. Чувствуя приближение конца, они заворачиваются в свои лохмотья, и часто минует целый день, прежде чем кто-либо заметит, что они мертвы».

Закончим наши выписки из отчета Буркхардта о Мекке его оценкой жителей этого города.

«Хотя жители Мекки и отличаются большими достоинствами, хотя они приветливы, гостеприимны, веселы и горды, они в то же время у всех на виду нарушают предписания Корана — пьют, играют и курят. Обман и вероломство перестали считаться преступлением у жителей Мекки; отлично зная, что их пороки вызывают сплетни, всякий из них сам громит испорченность нравов, но никто не подает примера к исправлению».

Пятнадцатого января 1815 года Буркхардт покинул Мекку, пристав к небольшому каравану паломников, направлявшихся к могиле пророка. Путешествие в Медину, так же как и переход из Джидды в Мекку, совершается ночью, что затрудняет задачу наблюдателя, а зимой и менее удобно, чем если бы оно совершалось при дневном свете. Надо пересечь долину, поросшую кустарником и финиковыми пальмами. Местность в восточном конце ее хорошо обработана и носит название Вади-Фатима или просто Эль-Вади. Немного дальше лежит долина Эс-Сафра, знаменитая насаждениями финиковых пальм и базаром, на который стекаются все соседние племена.

«Рощи финиковых пальм, — вспоминает путешественник, — тянутся почти на четыре мили. Они принадлежат жителям Сафры и окрестным бедуинам, которые посылают сюда батраков из числа своих сородичей, чтобы те занимались поливкой, а сами приходят, когда финики уже поспевают. Финиковые пальмы являются предметом торговли, переходят из рук в руки и их продают поштучно. Выкуп, уплачиваемый отцу невесты, часто равняется трем пальмам. Их сажают глубоко в песок, который привозят из средней части долины и насыпают кучей вокруг корней. Кучу надо ежегодно восстанавливать, так как бурные потоки во-

ды уносят песок. Каждый садик окружен глиняной или каменной стеной. Крестьяне живут в многочисленных деревушках или в отдельно стоящих домах, разбросанных среди деревьев. В роше около рынка бьет главный источник. Рядом высится небольшая мечеть, скрываясь в тени высоких каштанов, каких я не видел нигде в Хиджазе...»

Буркхардту понадобилось тринадцать дней, чтобы добраться до Медины. Это довольно долгое путешествие для него не пропало зря, так как он собрал много сведений об арабах и ваххабитах. Как и в Мекке, здесь первая обязанность паломника посетить гробницу и мечеть Магомета¹. Однако здешние обряды проще и короче, и паломник отделяется от них в четверть часа.

Уже пребывание в Мекке оказалось очень вредно для Буркхардта. В Медине он заболел перемежающейся лихорадкой. Скоро приступы стали ежедневными, а затем повторялись раз в три дня. Буркхардт так ослабел, что уже не мог подниматься со своего коврика без помощи раба — «парня, по характеру и привычкам пригодного для ухода скорее за верблюдом, чем за своим изнуренным и павшим духом хозяином».

Болезнь на три месяца приковала Буркхардта к постели. Причиной его нездоровья был дурной климат, отвратительная вода и великое множество свирепствовавших кругом болезней. Ему пришлось отказаться от намерения пройти пустыней до Акабы, и он поспешил добраться до Янбу, откуда мог бы отплыть в Египет.

«На мой взгляд Медина построена, — пишет он, — лучше других городов Востока, если не считать Алеппо. Она вся из камня. Дома обычно двухэтажные с плоской кровлей. Так как стены не выбелены, а здешний камень бурого цвета, то улицы выглядят довольно мрачно. Большой частью они очень узки, подчас всего в два-три шага шириною. Медина сейчас имеет заброшенный вид, дома начинают разрушаться. Их владельцы, извлекавшие когда-то большую прибыль от стечения паломников, теперь получают меньше доходов, потому что ваххабиты препятствуют посещению могилы Магомета, которого они считают простым смертным. Главная святыня Медины, придающая этому городу одинаковое

¹ Магомет — устаревшее искаженное имя основателя ислама Мухаммада (ок. 570 — 632), посланника Аллаха, главного и последнего пророка истинной веры.

значение с Меккой, — Большая мечеть с гробницей Магомета. Она не так велика, как Большая мечеть в Мекке, но выстроена по сходному плану: обширный квадратный двор, со всех сторон окруженный крытыми галереями, и небольшое строение в центре. Знаменитая гробница находится ближе к юго-восточному углу. Вокруг гробницы поставлена железная, выкрашенная в зеленый цвет решетка, хорошей работы, похожей на филигранную, с вплетенными в узор медными надписями. Четыре двери ведут внутрь ограды, но три из них всегда закрыты. Знатные люди легко получают разрешение на вход, а остальные подкупают главных смотрителей за пятнадцать пиастров. Внутри можно различить завесу, скрывающую могилу и отстоящую от нее на несколько шагов».

Историк Медины говорит, что за этой завесой находится квадратное сооружение из черного камня, с двумя колоннами. Внутри похоронены Магомет и два первых его ученика — Абу Бакр¹ и Омар². Историк сообщает, что их могилы представляют собою глубокие ямы и что гроб, в котором покоится прах Магомета, обит серебром и накрыт мраморной плитой с надписью: «Во имя Аллаха, яви ему свое милосердие».

Легенда, когда-то широко распространенная в Европе, будто гробница пророка висит в воздухе, в Хиджазе совершенно неизвестна.

Сокровищница мечети почти совсем расхищена ваххабитами, но можно предполагать, что и до них очередные хранители гробницы не раз заглядывали в нее.

В отчете Буркхардта еще много любопытных подробностей о Медине и ее жителях, об ее окрестностях и о других менее примечательных местах, которые посещают паломники. Мы сделали уже достаточно выписок, чтобы у читателя, который пожелал бы глубже проникнуть в не изменившиеся с той поры нравы и обычаи арабов, появилось желание обратиться к подлиннику.

Двадцать первого апреля 1815 года Буркхардт присоединился к каравану и с ним пришел к воротам Янбу, где свирепствовала

¹ Абу Бакр (Абу Бекр, около 568 — 634) — преемник Мухаммада и первый халиф.

² Омар (Умар) — второй халиф. Встал во главе мусульманского государства в 634 году. Один из наиболее крупных деятелей раннего ислама, энергично утверждал новую религию за пределами Аравии, покорил Ирак, Сирию, Египет, Киренаику.

чума. Наш путешественник вскоре заболел. Он так ослаб, что ему было не под силу даже искать убежища в деревне. Об отъезде из города не могло быть и речи, так как все корабли, готовые к отплытию, были переполнены больными солдатами. Ему пришлось провести восемнадцать дней в этом городе, охваченном эпидемией, прежде чем удалось сесть на небольшое судно, доставившее его в Кусайр¹, а оттуда в Египет.

Вернувшись в Каир, Буркхардт узнал там о смерти своего отца. Здоровье самого путешественника было сильно подорвано болезнью. Поэтому он только в 1816 году мог совершить восхождение на гору Синай. Занятия естественной историей и подготовка к печати путевых дневников, а также обширная переписка поглощали все его время до конца 1817 года. Он собирался присоединиться к каравану, направлявшемуся в Фещан, когда у него внезапно начался бурный приступ лихорадки, и, проболев несколько дней, Буркхардт скончался со словами: «Напишите матери, что мои последние мысли были о ней».

Буркхардт был настоящий путешественник. Образованный, точный даже в мелочах, мужественный и выносливый, наделенный цельным и решительным характером, он оставил нам ценнейшие записки. Отчет о его путешествии по Аравии, внутренние области которой ему, к сожалению, не пришлось посетить, так полон, так достоверен, что благодаря ему мы теперь знаем об этих краях больше, чем об иных странах Европы.

«Никогда, — писал он своему отцу в письме от 13 марта 1814 года из Каира, — никогда я не сказал ничего о виденном или встреченном мною, что не было бы вполне согласно с моей совестью — ведь не для того же, чтобы писать романы, я подвергался таким опасностям!»

Исследователи, побывавшие после Буркхардта в странах, посещенных им, единогласно подтверждают правдивость этих слов и восхваляют его точность, его знания, его проникательность.

«Мало кто из путешественников, — писало “Германское обозрение”, — был одарен такой тонкой наблюдательностью, которая является природным даром и, как всякие выдающиеся качества, встречается очень редко. Он обладал особым чутьем, помогавшим ему распознавать истину даже в тех случаях, когда он не мог

¹ Кусайр (Эль-Кусайр) — мелкий порт на аравийском побережье Красного моря возле мыса Каркума.

руководствоваться личными наблюдениями. В результате и то, что он передает с чужих слов, тоже имеет свою ценность, чем редко отличаются сведения такого рода. Его положительный ум, благодаря размышлениям и научным занятиям зрелый не по возрасту (Буркхардту, когда его настигла смерть, шел только тридцать третий год), направляется прямо к цели и останавливается у нужного предела. Его всегда трезвые рассказы насыщены фактами, и все-таки его отчеты читаются с бесконечным наслаждением. Он заставляет в них любить себя как человека, и как ученого, и как превосходного наблюдателя».

В то время как страны библейской истории стали объектом исследований Зетцена и Буркхардта, родина большинства европейских языков — Индия — тоже привлекла к себе взоры многочисленных специалистов по лингвистике, литературе, истории религий, а также и по географии. Мы займемся только путешествиями, связанными с различными вопросами физической географии. Их разрешению содействовало проникновение в страну Ост-Индской компании и проведенные англичанами работы.

В одном из предыдущих томов мы рассказали, как в Индии установилось португальское владычество. Объединение Португалии с Испанией привело в 1599 году к потере Португалией своих колоний, попавших в руки Голландии и Англии. Последняя тут же передала монополию на торговлю с Индией в руки Ост-Индской компании, которой в дальнейшем суждено было сыграть важную историческую роль.

К этому времени великий могольский император Акбар¹, седьмой потомок Тимура, на развалинах раджпутских государств основал в Индостане и Бенгалии обширную империю. Эта могущественная империя благодаря личным качествам Акбара, заслужившего прозвище «Благодетеля человечества», достигла при нем полного расцвета. Отцовскую традицию про-

¹ Акбар (Джалаль ад-Дин Мухаммад; 1542 — 1605) — с 1556 года был главой империи Великих Моголов, основанной Тимуридом Бабуром, выходцем из Моголистана, как назывались в средневековой Индии Средняя и Центральная Азия. Империя просуществовала с 1526 по 1858 год. Выдающийся государственный деятель, смелый и способный военачальник, религиозный реформатор, пытавшийся ввести новую веру (пеструю смесь положений различных религий), главой которой объявил себя. Был отравлен собственным сыном Селимом (Джахангиром), захватившим после убийства отца трон.

должал Шах-Джахан¹, но после него внук Акбара, Аурангзеб², наделенный ненасытным честолюбием, умертвил своих братьев, заключил в темницу отца и захватил власть. В то время как могольская империя наслаждалась глубоким миром, гениальный авантюрист по имени Севаджи заложил основы махратской империи³. Религиозная нетерпимость Аурангзеба и его коварная политика вызвали восстание раджпутов и гражданскую войну, которая, поглотив основные ресурсы государства, подорвала его могущество. Поэтому за смертью великого узурпатора последовало падение империи. До тех пор Ост-Индская компания никак не могла расширить полосу территории, окаймляющую ее порты, но теперь она искусно воспользовалась раздорами набобов⁴ и раджей⁵ Индостана. Однако влияние и власть английской компании существенно упрочились только после захвата Мадраса в 1746 году французами под командованием Лабурдоннэ⁶ и во время борьбы с французскими войсками во времена правления Дюплекса⁷.

В результате коварной, хитрой и циничной политики английских губернаторов Клайва и Хастингса, которые, применяя то силу, то предательство, то подкуп, строили величие своей родины за

¹ Шах-Джахан (1609 — 1666) — пятый могольский император Индии, был не сыном, а внуком Акбара. Наследовал своему отцу Джахангиру в 1628 году и правил до 1658 года, когда был свергнут с престола и заключен в тюрьму своим сыном Аурангзебом. Прославился как строитель великолепного мавзолея Тадж-Махал в Агре, а также Большой мечети и Красного форта в Дели.

² Аурангзеб (годы правления: 1658 — 1707) — последний правитель целостного, объединявшего почти всю Индию государства.

³ Махраты (современное название маратхи) — один из крупнейших арийских народов Индии, насчитывающий около 50 млн человек; живут на северо-западе Индии, преимущественно в штате Махараштра; большинство маратхов — индуисты. В течение многих столетий маратхи вели борьбу с империей Великих Моголов, португальскими и английскими колонизаторами.

⁴ Набоб — владетельный князь в Индии.

⁵ Раджа (*санскрит.* царь) — княжеский титул в средневековой Индии.

⁶ Лабурдоннэ (Бертран Франсуа Маэ де Ла Бурдоннэ, 1699 — 1755) — французский военный моряк, в нескольких сражениях одержавший победы над британскими колониальными войсками. В 1735 — 1746 годах был губернатором Иль-де-Франса, как тогда назывался остров Маврикий.

⁷ Дюплекс Жозеф Франсуа (1697 — 1763) — французский колониальный администратор. В Индии служил с 1720 года. В 1731 году стал губернатором Чандернагора, с 1742-го — занимал пост генерального директора Французской Ост-Индской компании. При Дюплексе власть французов распространилась почти на половину территории Декана (юг Индии).

счет своей чести, компания к концу столетия овладела огромной территорией с населением в шестьдесят миллионов человек. Теперь владения англичан включали Бенгалию, Бихар, провинции Бенарес, Мадрас и весь северный Сиркар. Только султан Майсура, Типпу-Саиб, вел еще упорную борьбу, но и он не был в силах устоять против коалиции, которую ухитрился сколотить полковник Уэлзли. Не имея более ни одного опасного врага, компания в дальнейшем при помощи подкупов подавляла любую попытку сопротивления и под личиной покровительства навязывала последним независимым раджам английские гарнизоны, которые те должны были содержать за свой счет.

Можно бы подумать, что английское господство не вызвало ничего, кроме ненависти. Вовсе нет. Компания, уважавшая права личности, ничего не изменила ни в религии, ни в законодательстве, ни в нравах. Таким образом, не стоит удивляться, что путешественники, даже когда они углублялись в районы, не принадлежащие Великобритании, в очень малой мере подвергались опасностям. В самом деле, с тех пор как Ост-Индская компания смогла отказаться от политических интересов, она стала поощрять исследователей этих обширных пространств. В то же самое время компания посылала путешественников на разведку в соседние страны. Теперь мы перейдем к краткому рассмотрению этих разнообразных экспедиций.

Одна из самых любопытных и самых ранних была экспедиция Уэбба к истокам Ганга.

Об этой реке европейцы имели очень недостоверные и противоречивые сведения. И вот правительство Бенгалии, понимая, насколько важно обследование такой большой водной артерии для развития торговли, организовало в 1807 году экспедицию в составе Уэбба, Рэйпера и Хирси, в сопровождении сипаев¹, переводчиков и слуг-туземцев.

Первого апреля 1808 года экспедиция прибыла в Гардвар², небольшой город на правом берегу Ганга. Так как он расположен у начала плодородной индостанской низменности, то его часто посещают паломники. Там в священной реке в знойное время года

¹ Сипаи (*урду, перс.* воины, солдаты) — так назывались в колониальной Индии наемные солдаты, вербовавшиеся из местного населения в армии европейских колонизаторов.

² Гардвар — современный Хардвар.

совершаются очистительные омовения. Но паломничество не обходится без реликвий и без торговли ими, и Гардвар поэтому сделался важным рынком, где продавали лошадей, верблюдов, сурьму, ассафетиду, сушеные фрукты, шали, стрелы, кисею, ткани из хлопка и шерсти, всякие товары из Пенджаба, Кабулистана¹ и Кашмира. Добавим, что там продавали и рабов в возрасте от трех до тридцати лет по цене от десяти до ста пятидесяти рупий². Этот рынок, где смешивается столько лиц, столько языков, столько разнообразных одежд, представляет собою очень интересное зрелище.

Английская экспедиция отправилась 12 апреля и по дороге, усаженной смоковницами и белыми шелковицами, добралась до Гардвара. Неподалеку, на речках, поросших по берегам ивняком и малиной, крутились водяные мельницы очень простого устройства. Земля там плодородна, однако тирания правителей мешала населению извлекать из нее достаточный доход. Вскоре местность стала гористой, но все еще попадались персики, абрикосы, орехи и другие европейские фруктовые деревья. Дальше путникам уже пришлось углубиться в горные цепи, являющиеся отрогами Гималаев.

Через некоторое время в глубине ущелья участники экспедиции увидели Бхагиратхи, которую ниже по течению называют Гангом. Вдоль левого берега реки тянутся высокие, почти голые горы. Направо расстилается плодородная равнина. В деревне Чивали разводят много мака для получения из него опиума. Все местные крестьяне зобаты, что несомненно объясняется свойствами воды.

В Джошваре путники перешли через канатный мост, называемый на местном наречии «джула», — своеобразное и очень опасное сооружение.

«На обоих берегах реки, — рассказывает Уэбб, — в землю на расстоянии трех футов друг от друга вбивают по два толстых кола. Поперек за ними кладут по бревну. К бревнам привязывают с дюжину толстых канатов и наваливают на них огромные кучи срубленных деревьев. Веревки делят на два пучка, отстоящие

¹ Кабулистан — область на северо-западе тогдашней Индии (север современного Пакистана) вдоль реки Кабул, притока Ганга.

² Рупия — основная денежная единица Индии (с XV века). В XIX веке рупия, по официальному стандарту, содержала 10,7 г чистого серебра.

один от другого на один фут, и перебрасывают их на другой берег. Затем над рекою протягивают веревочную лестницу и привязывают ее к этим канатам, заменяющим перила. Ветки, положенные на нее на расстоянии двух с половиной, а то и трех футов, образуют настил моста. Они обычно очень тонки и, кажется, вот-вот сломаются, так что путникам, естественно, приходится больше рассчитывать на канаты и все время цепляться за них. У человека, отважившегося ступить на это зыбкое сооружение, при первом же шаге может закружиться голова, так как оно раскачивается под ногами из стороны в сторону, а грохот потока, над которым висит путник, действует отнюдь не успокоительно. Мост к тому же так узок, что, когда на нем встречаются двое, одному приходится вплотную прижиматься к канатным перилам, чтобы другой мог пройти».

Путешественники проехали затем через Бахарат. Большинство домов в нем так и не было восстановлено после землетрясения 1803 года.

Но рынок, имеющийся там, и само местоположение Бахарата, лежащего на скрещении дорог из Джемехи, Кедарната¹ и Сринагара², придавало этому поселку некоторое значение. После Батхери дорога стала такой плохой, что пришлось бросить поклажу, а когда дорога превратилась просто в тропинку, которая вилась вдоль пропастей по каменистым осыпям и скалам, англичане должны были повернуть назад.

Девапраяга стоит на слиянии рек Бхагиратхи и Алакнанды. Первая река мчится с севера с бешеным грохотом. Вторая — спокойнее, глубже и шире; тем не менее вода в ней в период дождей поднимается иногда на сорок шесть футов выше обычного уровня. Слияние этих двух рек образует Ганг.

Это священное и всеми почитаемое место. Брахманы³ приду-

¹ Кедарнат — горный массив к югу от Ганготри, на индо-тибетской границе, современный Бадринах (7188 м).

² Сринагар — это не кашмирский известный город; в данном случае речь идет о маленьком селении на реке Алакнанде, которое в наши дни называется Карнапраг.

³ Брахманы — наиболее привилегированное сословие в традиционной индийской социальной системе. Согласно древнейшим законам царя Ману, брахман должен был учиться и учить других, подносить дары и принимать их, совершать жертвоприношения. В древности брахман представлялся как великое божество, принявшее человеческий облик. Сначала брахманы делились на две категории. Ученые брахманы совершали все религиозные обряды, сельские —

мали способ получать здесь изрядный доход: они устраивают нечто вроде купален, где паломники за плату могут совершать омовение, не опасаясь быть унесенными течением.

Через Алакнанду путники перебрались по особому мосту, называемому «диндла».

«Такой мост, — говорится в отчете, — делается из трех-четырёх толстых веревок, закрепленных на берегах. Небольшой ящик размером в восемнадцать квадратных дюймов подвешивается к ним на обручах, укрепленных с двух его сторон. Путешественник усаживается в ящик и переправляется с одного берега на другой при помощи веревки, за которую тянет человек, стоящий на противоположном берегу».

Тринадцатого мая экспедиция вошла в Сринагар. Любопытство жителей было так возбуждено, что городские власти обратились к англичанам с посланием, прося их пройти по городу.

Сринагар, где в 1796 году уже побывал полковник Хардуик, был почти полностью разрушен землетрясением 1803 года. Затем в том же году его разграбили гуркхи¹. Тут Уэбб встретился с людьми, посланными им в Ганготри² по пути, которым он сам не мог пройти. Они побывали у истоков Ганга.

«Большая скала, — свидетельствует с их слов Уэбб, — с двух сторон омываемая неглубоким потоком, имеет сходство с лежащей коровой. На поверхности скалы с одного края есть углубление. Из-за него-то и возникло в фантазии людей представление, побудившее окрестить скалу «Гаумокхи», что значит «пасть коровы»; по народному преданию, она изрыгает воду священной реки. Дальше идти было невозможно: перед индийцами отвесной стеною вздымалась гора. Ганг, по-видимому, выходил из-под снега у ее подножия. Долина здесь заканчивалась. Никто никогда не проникал дальше».

зарабатывали на пропитание предсказаниями и чародейством. Постепенно брахманское сословие образовало множество каст, связанных строгими брачными законами и общими обычаями.

¹ Гуркхи — основное население Непала, где их проживает около 9 млн человек (кроме того, около 1,8 млн гуркхов живут в Индии). Образование этого народа началось в середине XIII века, когда проживавшие в Непале племена кхасов смешались с частью южноазиатских народов гурунг и магар, потомков тибето-бирманских переселенцев; образовавшейся в XVIII веке конфедерации (или союзу) гуркхов удалось объединить Непал в единое королевство. По этнической классификации, гуркхи представляют собой южную ветвь большой европеоидной расы.

² Ганготри — современное селение Гангнани на реке Бхагиратхи.

Обратный путь путешественники проделали другой дорогой. Они видели слияние Ганга и Кели-Ганга¹, или Мандакни, большой реки, берущей начало в горах Кердара², встречали огромные стада коз и овец, навьюченных зерном, прошли много ущелий, посетили города Бадринатх и Мана³, наконец, в ужасный холод и снегопад, они достигли водопада Барсу.

«Здесь, — утверждает Уэбб, — заканчивается путь пилигрима. Многие идут сюда для того, чтобы их оросили брызги священного водопада. Течение Алакнанды в этом месте можно проследить до юго-восточного конца долины, но ложе реки совершенно скрыто под горами снега, накопившегося за многие века».

Уэбб приводит также некоторые подробности о женщинах Маны. На шее, в ушах, в носу они носят золотые и серебряные украшения и ожерелья, которые никак не гармонируют с их грубой одеждой. У иных детей путешественники видели серебряные браслеты и ожерелья стоимостью в шестьсот рупий.

Зимой этот город, ведущий большую торговлю с Тибетом, совершенно заносит снегом. Жители ищут спасения в соседних городах.

В Бадринатхе путешественники посетили храм, известный далеко за пределами этого края. Само строение, его внешний и внутренний вид не дают никакого понятия о громадных суммах, затрачиваемых на его содержание. Это одно из стариннейших и наиболее почитаемых святилищ Индии. Омования совершают здесь в бассейнах с очень горячей серной водой.

«Число горячих источников очень велико, — говорится в отчете. — У всякого свое название и особое свойство, а брахманы, конечно, ухитряются извлекать пользу из каждого. И бедный паломник, совершая по очереди требуемые омования, замечает, что не только убывает количество его грехов, но и кошелек его скудеет. Многочисленные поборы, которые взимают на этом пути к раю, могли бы привести его к выводу, что хождение по узкой стезе добродетели тоже обходится недешево».

Храму принадлежат семьсот деревень, подаренных правительством, переданных в качестве залога по ссуде или пожертвованных людьми, которые их нарочно для этого купили.

¹ Кели-Ганга (она же — Кали) — в настоящее время называется Калинади.

² Калинади начинается на южных склонах хребта Зискар.

³ Мана — небольшой городок в истоках Алакнанды.

Первого июня экспедиция прибыла в Джошиматх. Там проводник-брахман получил от правительства Непала распоряжение как можно скорее выпроводить англичан на территорию, принадлежащую компании. Тогда только он понял — правда, слишком поздно, — что экспедиция предпринята англичанами не столько ради научных, сколько ради политических целей. Месяцем позже Уэбб и его спутники вернулись в Дели. Результатом экспедиции Уэбба было окончательное установление истоков Ганга и изучение верхнего течения рек Бхагиратхи и Алакнанды. Таким образом, экспедиция выполнила задачу, поставленную перед ней компанией.

В 1808 году английское правительство решило послать новую группу в Пенджаб. Анонимный отчет этой экспедиции, напечатанный в «Анналах путешествий», содержит много любопытных подробностей. Поэтому мы приведем из него некоторые выдержки.

Шестого апреля 1808 года английский офицер прибыл со своей группой в Гардвар, куда во время ежегодной ярмарки стекались сотни тысяч людей. В городе Барейли, расположенном между реками Джамна и Сатледж, путешественник сделался жертвой любопытства женщин, просивших разрешения навестить его.

«Их взгляды и жесты, — говорится в отчете, — выражали изумление. От души смеясь, они подошли ко мне поближе. Их веселость вызывалась цветом моего лица. Они засыпали меня вопросами, хотели знать, ношу ли я шляпу, бываю ли когда-нибудь на солнце, всегда ли сижу взаперти или все-таки выхожу на улицу под балдахином и ложусь ли спать на столе в своей палатке (моя постель стояла тут же, но занавески были задернуты). Затем они подробно осмотрели постель, подкладку шатра и все остальное.

Все мои посетительницы были очень миловидны, с правильными и мягкими чертами лица. Оливковый тон кожи представлял приятный контраст с белыми ровными зубами — что характерно для всех жителей Пенджаба».

Английский офицер посетил города Мустафабад и Умбалла. Местность, по которой он проехал, населена сикхами¹, основой

¹ Сикхи — последователи сикхизма, особой религии, развившейся из возникшей в XVI веке индуистской секты. Для сикхизма характерно отрицание сословного и кастового разделения общества, исповедание единого бога, отказ от сложных культовых ритуалов, соблюдение строгих моральных правил. В XVIII веке сикхи основали в Пенджабе, на северо-западе Индии, независимое государ-

характера которых является благожелательность, гостеприимство и правдивость. Это, по мнению автора, самое привлекательное из всех индийских народностей. На дальнейшем пути, преодоленном без особого труда, путешественник миновал несколько мелких городов Пенджаба и прибыл в Амритсар.

Амритсар по архитектурному облику красивее остальных больших городов Индостана. Это главный пункт по перепродаже шалей и шафрана, а также и других товаров Декана.

«14-го числа, — рассказывает путешественник, — я надел белые туфли и, с соблюдением соответствующих обрядов, посетил Амритсар — то есть “бассейн с напитком бессмертия”¹. Отсюда и название города. Амритсар — водоем площадью в сто тридцать пять квадратных ярдов — выложен обожженным кирпичом. Посередине высится красивый храм, куда проходят по дамбе. Храм прекрасно отделан как снаружи, так и внутри, и раджа на свой счет часто добавляет новые украшения. В этом-то священном месте и лежит за шелковой занавесью книга законов, составленных Гуру и записанных гурумухтинским алфавитом. Храм называется Хермендель — то есть Обитель Бога². При нем состоит около шестисот “акали”, или священников. На добротные даяния прихожан они построили себе удобные дома. Хотя эти священники и пользуются безграничным уважением, все же они не совсем лишены пороков. Получив деньги, они тратят их с такой же легкостью, с какой они им достаются. Число красивых женщин, каждое утро являющихся в храм, поистине громадно. Своим изяществом, отличным сложением и чертами лица эти красавицы значительно превосходят женщин из низших классов Индостана».

После Амритсара английский офицер посетил Лахор. Данные о том, что сохранилось от этого великого города к началу XIX столетия, представляют большой интерес.

ство, которое в 1849 году было завоевано англичанами. В настоящее время сикхи представляют собой одну из самых деятельных социальных групп индийского общества, в частности — отличаются повышенной деловой активностью. Наиболее экстремистская часть сикхской общины требует восстановления государственности и выхода из состава Индийского Союза.

¹ В 1581 году четвертый гуру сикхов Рамдас устроил пруд для религиозных омовений: квадрат со стороной примерно 122 м. Бассейн гуру назвал Амрата Сарас, то есть Источник (или Бассейн) Бессмертия.

² Больше известно другое прозвище главного святилища сикхов — Золотой храм.

«Очень высокие стены, — говорится в отчете, — украшены снаружи со всей восточной роскошью, но они обваливаются, так же как и мечети, и дома горожан. На этот город, как на Дели и Агру, время наложило свою тяжелую разрушающую руку. Теперь развалины Лахора не менее обширны, чем руины древней столицы»¹.

Через три дня после прибытия путешественник был принят правителем Ранджитом Сингхом, который обошелся с ним очень любезно. Беседа велась главным образом о военном искусстве. Радже исполнилось тогда двадцать семь лет. Его лицо было бы приятно, если бы он не потерял из-за оспы один глаз. Он держался просто и приветливо, и в нем чувствовался властелин. Посетив гробницу Шах-Джахана², Шалимар³ и другие достопримечательности Лахора, офицер вернулся в Дели, а затем во владения компании. Благодаря ему об этих любопытных краях стало известно несколько больше, и новые сведения тотчас возбудили ненасытную жадность английского правительства.

В следующем, 1809-м году компания послала к эмирам провинции Синд⁴ посольство в составе Николаса Хенки Смита, Хенни Эллиса, Роберта Тейлора и Генри Поттинджера. Конвоем командовал капитан Чарлз Кристи.

Посольство на судне было доставлено в Карачи. Начальник этой крепости отказался дать разрешение на высадку, пока он не получит указаний от эмиров. Произошел обмен письмами, и в одном из писем Смит нашел некоторые неправильности в обозначении титулов и званий генерал-губернатора и эмиров. Начальник

¹ Лахор основан в начале нашей эры. По преданию, его основал Лава, сын бога Рамы. На протяжении последних 900 лет город был подлинной столицей Пенджаба. Лахор поочередно становился столицей государства Газневидов, центром Пенджабского наместничества, временной резиденцией Великих Моголов, столицей Сикхского государства.

² Ошибка автора. В Лахоре, точнее в его северо-западном предместье, расположена гробница Джахангира, отца Шах-Джахана. Величественный мавзолей в Шахдарра выстроен из красного песчаника и мрамора, обильно украшен мозаикой. По углам высятся четыре 70-метровых минарета. Мавзолей, законченный в 1626 году, является архитектурной доминантой Лахора.

³ Шалимар — великолепный садово-парковый ансамбль в 8 км восточнее Лахора.

⁴ Синд — историческая область в низовьях Инда, носящая название реки (местное название р. Инд — Синд). В настоящее время — одна из провинций Пакистана.

крепости оправдывался своим незнанием персидского языка и заявил, что, желая полностью ликвидировать недоразумение, предлагает по выбору посла казнить или ослепить того, кто писал письмо!

Англичане удовлетворились таким заявлением и отказались от казни виновных.

Письма эмиров были написаны в тоне презрительного превосходства. В то же время эмиры стянули свои войска в количестве восьми тысяч человек и чинили всевозможные препоны попыткам англичан собрать хоть какие-нибудь сведения. После долгих переговоров, во время которых гордость англичан бывала не раз уязвлена, посольство получило разрешение выехать в Хайдарабад¹.

За Карачи, главным торговым портом Синда, вдоль побережья океана расстилается широкая равнина, где не увидишь ни дерева, ни кустика. Пять дней ушло на то, чтобы пересечь ее и добраться до Татты, старинной столицы Синда, в то время уже покинутой и лежавшей в развалинах. Раньше каналы соединяли ее с Индом — громадной рекой, у своего устья широкой, как морской залив. Об этой реке Поттинджер собрал более ценные, подробные и полезные сведения, чем до тех пор имевшиеся.

Было заранее условлено, что посольство под каким-нибудь благовидным предлогом разделится на две части и доберется до Хайдарабада разными путями, чтобы узнать побольше о географии страны. Так и было сделано. Однако в Хайдарабаде снова пришлось вести неприятные и затяжные переговоры насчет аудиенции для посольства, не соглашавшегося на унижительные требования эмиров.

«Обрыв, на котором высится восточный фасад крепости Хайдарабад, — рассказывает Поттинджер, — кровли домов, даже самые укрепления — все было усеяно множеством жителей обоего пола, громкими кликами и рукоплесканиями выражавшими нам свое расположение. Перед дворцом, в том месте, где англичанам надо было спешиться, их встретил Ули-Мухаммедхан и некоторые другие знатные сановники. Они повели нас к широкому открытому помосту, на дальнем конце которого сидели эмиры. Помост был устлан богатейшими персидскими коврами, и нам

¹ Хайдарабад — город в низовьях Инда. Расположен на левом берегу реки. В настоящее время входит в пакистанскую провинцию Синд.

пришлось снять обувь. Едва посол ступил на помост и направился к властителям, как они все трое поднялись и стояли, пока он не дошел до указанного ему места. В отличие от мест других членов посольства, оно было покрыто вышитым сукном. Властители обратились к каждому из нас с очень вежливыми расспросами о нашем самочувствии. Впрочем, так как прием был пустой церемонией, все ограничилось любезностями и учтивыми фразами... На эмирах было множество драгоценных камней, не считая тех, что украшали рукоятки и ножны их сабель и кинжалов. На перевязях сверкали изумруды и рубины необыкновенной величины. Эмиры занимали места по возрасту: старший сидел посередине, средний по правую руку от него, младший по левую. Тонкая войлочная подстилка покрывала пол, а поверх нее лежал шелковый тюфяк толщиной с дюйм и ровно такого размера, чтобы три властителя уместились на нем».

Отчет заканчивается описанием Хайдарабада — крепости, вряд ли способной устоять перед натиском европейского войска, — и различными соображениями о характере посольства, одной из целей которого было закрытие французам доступа в Синд. Как только соглашение было заключено, англичане вернулись в Бомбей.

Благодаря этому путешествию Ост-Индская компания ближе ознакомилась с одной из пограничных стран и получила много ценных сведений о природных богатствах этой области, пересекаемой Индом — известной еще в древности огромной рекой, которая берет начало в Гималаях и по которой можно легко доставлять товары с орошаемой ею обширной территории. Правда, цель путешествия была скорее политического характера, но географической науке потребности политики принесли пользу и на этот раз.

Немногие сведения, имевшиеся до тех пор об областях, лежащих между Кабулистаном, рекой Индом, Персией и Индийским океаном, были и недостаточны и неточны.

Компания, вполне довольная тем, как капитан Кристи и лейтенант Поттинджер выполнили поручение, решила доверить им новое, более щекотливое и трудное предприятие. Им предлагалось пробраться по суше через Белуджистан к генералу Малькольму, послу в Персии, и собрать об этом обширном крае данные более подробные и более точные, чем те, которые имелись ранее.

Нечего было и надеяться пройти в европейском платье через

Белуджистан с его фанатичным населением. Поэтому Кристи и Поттинджер обратились к одному купцу-индийцу, который поставлял лошадей правительствам Мадраса и Бомбея, и тот послал их, как своих агентов, в Калат, столицу Белуджистана.

Второго января 1810 года два офицера отплыли из Бомбея в Сонмиани, единственный морской порт провинции Лхосса, куда они прибыли, сделав по дороге остановку в Порбандаре на гуджаратском¹ берегу.

Местность, которую путешественникам пришлось пересечь, чтобы добраться до Белы, представляет собою сплошное соленое болото. «Джам», то есть правитель города Белы, оказался умным человеком. Он забросал англичан вопросами, свидетельствовавшими о стремлении к знанию, и поручил вождю племени бендждо провести путешественников в Калат.

Климат этих мест очень не похож на бомбейский. Поттинджер и Кристи в горах страдали от жестокого холода, от которого даже замерзала вода в бурдюках.

«Калат, — писал Поттинджер, — это столица всего Белуджистана, почему он и называется Калат, то есть Большой город. Он расположен на возвышенности в западном конце хорошо возделанной долины длиною около восьми миль, а шириною около трех. Большая часть этого пространства занята садами. Город образует квадрат. С трех сторон он опоясан глинобитной стеною высотой футов в двадцать, с устроенными через каждые двести пятьдесят шагов бастионами; в них, как и в стенах, много бойниц для стрелков. Мне не пришлось побывать во дворце. Издали он выглядит беспорядочным скоплением обыкновенных глинобитных строений с плоскими кровлями вроде террас. Все это находится под защитой низких стен с брустверами и бойницами. В городе насчитывают почти две с половиной тысячи домов и свыше тысячи в предместьях. Дома построены из полубожженного кирпича и досок и обмазаны глиной. Улицы в общем шире, чем в других азиатских городах. На многих улицах имеются тротуары для пешеходов, приподнятые над проезжей частью. Посередине — открытая сточная канава, что очень неприятно, так как в нее выбрасывают мусор и нечистоты и в ней скапливается и застаивается дождевая вода.

¹ Гуджаратский — от названия Гуджарат. Сейчас это — штат на северо-западе Индии, охватывающий в основном Кач и полуостров Катхиявар, но в историческом прошлом территория Гуджарата простиралась значительно южнее.

Никаких правил, обязывающих горожан чистить канавы, не существует. Что еще мешает городу быть красивым и чистым, так это обычай выдвигать вперед верхние этажи домов, отчего внизу на улицах темно и сыро. Базар в Калате огромный и полон самых различных товаров. Ежедневно сюда привозят и продают по сходной цене мясо, зелень и другие съестные припасы».

Население, по словам Поттинджера, делится на резко отличающихся между собой белуджей и брахуи; те и другие подразделяются, в свою очередь, на множество племен. Первые, судя по их виду и языку, родственны современным персам; у брахуи, наоборот, сохранилось много старинных слов из языка хиндустани. Частые браки между представителями этих двух народностей положили начало третьей.

Белуджи, выходцы из гор Мекрана¹, все сунниты, то есть считают четырех первых имамов законными наследниками Магомета. Отличаясь всеми достоинствами и недостатками пастушеского племени, они гостеприимны, но зато ленивы и проводят время за игрой и курением. Обычно белуджи ограничиваются одной-двумя женами и не так ревниво, как другие мусульмане, скрывают их от посторонних взглядов. Со своими многочисленными рабами обоего пола они обращаются хорошо. Белуджи отличные стрелки и страстные охотники. Наконец, они безгранично храбры и развлекаются набегами, называемыми «чепао». Такими налетами обычно занимаются нааруи — наиболее дикие и склонные к грабежам из всех белуджей. Брахуи отличаются еще большей приверженностью к кочевому образу жизни. Они деятельны, сильны и исключительно выносливы: выдерживают и ледяной холод в горах, и палящий зной на равнинах. Брахуи обычно небольшого роста и так же отважны, так же искусны в стрельбе, так же верны своему слову, как и белуджи, однако не питают такой страсти к грабежам.

«Я не встречал среди азиатских племен, — утверждает Поттинджер, — ни одного схожего с белуджами, — мне часто попадались белуджи, у которых волосы и борода были каштановые».

После довольно короткого пребывания в Калате два английских офицера, все время выдававшие себя за торговцев лошадьми, решили, что им пора продолжать путешествие. Но вместо того, чтобы следовать большой дорогой в Кандагар, они поехали

¹ Мекран — прибрежная юго-восточная провинция Ирана.

через унылую бесплодную, малонаселенную страну, которую орошает река Каиссер, пересыхающая летом. Они прибыли в городок Нушки, расположенный на границе Афганистана.

Там белуджи, видимо доброжелательно настроенные, стали говорить англичанам о трудностях, ожидающих их на пути в Хорасан и в его столицу Герат, если они направятся через Седжистан¹.

— Лучше, — советовали они, — поезжайте в Керман, через Кеджи, Бемпур или через Серхед (деревню на западной границе Белуджистана), а оттуда уже пробирайтесь в Нармешир².

Поттинджер и Кристи задумали двинуться двумя разными дорогами. Такое решение противоречило инструкциям, но «мы оправдывали его, — говорится в отчете, — несомненными выгодами, которые оно сулило. Ведь таким образом нам удалось бы добыть гораздо больше географических и статистических сведений о стране, которую нам поручено было исследовать, чем если бы мы путешествовали вместе».

Первым — по дороге в Душак³ — отправился Кристи. Мы проследим его путь позже.

Через несколько дней в Нушки пришли письма из Калата, в которых корреспондент Поттинджера сообщал ему, что посланцы эмиров Синда разыскивают обоих путешественников. Эмирам стало известно, кто они на самом деле, и теперь Поттинджеру ради собственной безопасности следовало поскорее уезжать.

Двадцать пятого марта английский лейтенант направился в Сераван⁴ — маленький городок на афганской границе. По дороге Поттинджер видел странные сооружения — гробницы или алтари. По преданию, их строили «гебры» — огнепоклонники, которых теперь называют «парсами».

Сераван расположен в шести милях от гор Серавани⁵, среди бесплодной голой местности. Город возник только благодаря постоянному обилию воды в реке Бели — преимущество, неоченимое в краях, часто страдающих от засух, неурожаев и голода.

¹ Седжистан — то же, что Систан (в прежнем написании — Сеистан), крайняя восточная провинция шахского Ирана.

² Нармешир — часть горной системы Кухруд в Центральном Иране.

³ Душак — современный Кух-и-Душак в иранской провинции Хорасан.

⁴ Сераван (Сараван) — так в XIX — начале XX века называлась и область.

⁵ Горы Серавани — общее название для системы двух горных хребтов: Раскох (на западе) и Сарлетх (на востоке).

Затем Поттинджер посетил округ Кхаран¹, который славится сильными и выносливыми верблюдами, и пересек пустыню, занимающую южную часть Афганистана. Песок здесь чрезвычайно мелкий, его частицы для пальцев почти неощутимы. Под действием ветра он образует холмы от десяти до двадцати футов в высоту, отделенные один от другого глубокими лощинами. Даже при отсутствии ветра бесчисленные песчинки носятся в воздухе и порождают особый мираж. Проникая в глаза, рот и ноздри, они вызывают сильное раздражение и неутолимую жажду.

Вступив на территорию Мекрана, Поттинджер был вынужден прикинуться «пирзаде», то есть «святым»², потому что здешние обитатели в большинстве своем грабители, и, выдавая себя за купца, он мог бы подвергнуть себя большой опасности.

После деревни Гуль в округе Дайзук³ они миновали разрушенные крепости Асманабад и Хефтер и пришли в город Пура⁴, где Поттинджер вынужден был признаться, что он «франги» (европеец), чем вызвал великое негодование у проводника, который в течение двух месяцев, прожитых вместе, ни разу не усомнился в нем и перед которым он часто демонстрировал свою святость.

Наконец, изнемогая от усталости, Поттинджер добрался до Бампура, где в 1809 году побывал капитан бенгальских сипаев, Грант. Благодаря прекрасной памяти, оставленной по себе этим офицером, Поттинджер был принят сердаром⁵. Но вместо того, чтобы предоставить в распоряжение англичанина все необходимое для продолжения путешествия или удовлетвориться скромными подарками, сердар сумел еще выклянчить у Поттинджера пистолеты, которыегодились бы тому во время дальнейших странствий.

Басман — последнее оседлое поселение в Белуджистане. Здесь есть горячий серный источник; его воду белуджи считают прекрасным средством от кожных болезней.

¹ Кхаран — современный Харанкалат.

² Одно из значений персидского слова «пир» — «шейх; духовный вождь, наставник; глава религиозной секты». Слово «заде» означает «дитя, отпрыск, потомок». Возможно, путешественник имел в виду «пирдейр» — «духовный наставник, старец; священник; человек, умудренный опытом».

³ Дайзук — современный Дехек в Иранском Белуджистане.

⁴ Пура — современный Ираншехр, к востоку от Бемпура.

⁵ Сердар (*перс.* командир, полководец) — здесь: комендант крепости.

Границы Персии в то время еще не были точно установлены. Существовала широкая полоса, которая не была нейтральной территорией, а то и дело становилась спорной и служила постоянной ареной кровопролитных схваток.

Небольшой городок Реган в области Нармешир очень привлекателен. Это крепость, вернее, укрепленный поселок, окруженный прочными высокими стенами с бастионами.

Дальше, уже в самой Персии, находится Бам, город, судя по окружающим его развалинам, когда-то весьма значительный. Правитель его принял Поттинджера очень любезно.

«Подойдя поближе к тому месту, где я стоял, — рассказывает путешественник, — он обернулся к одному из приближенных и спросил, где “франги”. Ему указали на меня: он сделал мне знак следовать за собой. Потом окинул меня с головы до ног внимательным взглядом и, увидев, как я был одет, явно очень изумился. По правде сказать, мой костюм был достаточно странным и вполне оправдывал такое неучливое рассматривание. На мне была грубая рубаха, какие носят белуджи, и штаны, бывшие когда-то белыми. Но за шесть недель непрерывной носки они побурели и превратились почти в лохмотья. Прибавьте к этому синий тюрбан, веревку, заменявшую пояс, а в руках толстую палку, сослужившую мне немалую службу при ходьбе и помогавшую отбиваться от собак».

Несмотря на плачевный вид представшего перед ним оборванца, правитель принял Поттинджера со всей приветливостью, какую можно было ожидать от мусульманина, и дал ему проводника до Кермана.

Третьего мая путешественник вошел в этот город, чувствуя, что проделал самую трудную часть путешествия и теперь находится почти в безопасности.

Керман — столица старинной Кирмании¹. При господстве афганцев он был цветущим городом, и шали местного производства соперничали с кашмирскими.

В Кермане Поттинджер стал свидетелем зрелища частого в этой стране, где жизнь человека не ставят ни во что; у европейца оно, однако, не может не вызывать ужаса и отвращения.

«Пятнадцатого мая, — сообщает путешественник, — правитель города, который был одновременно зятем и племянником шаха и

¹ Кирмания (Кирман) — область в юго-восточном Иране.

сыном его жены, сам чинил суд над людьми, обвинявшимися в убийстве одного из его слуг. Трудно представить себе, в каком страхе и беспокойстве целый день находились жители. Чтобы никто не мог уйти из города, ворота были закрыты. Правительственные чиновники не занимались делами. Без всякого предупреждения людей тащили в суд и заставляли выступать свидетелями. Я видел, как нескольких человек вели во дворец: они тряслись от страха, словно шли на пытку. К трем часам пополудни правитель вынес приговор тем подсудимым, вина которых подтвердилась. Одним выкололи глаза; другим вырвали язык. Еще некоторым отрезали уши, нос, губы, обрубили обе руки или пальцы на руках и ногах. Мне говорили, что во время исполнения приговора, пока калечили этих несчастных, правитель сидел у того же окна, где я его видел раньше, и отдавал приказания без малейших признаков сострадания или ужаса перед происходившим».

Из Кермана Поттинджер добрался сначала до Шехро-Бабека — города, расположенного на равном расстоянии от Йезда, Шираза и Кермана. Оттуда он пошел в Исфахан, где с радостью встретил своего спутника Кристи, и наконец в Мерагу, где застал генерала Малькольма. Прошло уже семь месяцев, как путешественники покинули Бомбей. За это время Кристи проделал две тысячи двести пятьдесят миль, а Поттинджер — две тысячи четыреста двенадцать. Но сейчас нам надо вернуться вспять и посмотреть, как Кристи выкручивался из трудностей предпринятого им путешествия. Это оказалось гораздо проще и легче, чем он предполагал!

Он покинул Нушки 22 марта, перевалил через горы Вашути и по неводеланной стране, почти по пустыне, дошел до берегов Гильменда, реки, впадающей в озеро Хамун¹.

«Гильменд, — писал Кристи в своем отчете, представленном компании, — проходит вблизи города Кандагара и течет на юго-запад, затем почти в четырех днях пути от Джелалабада поворачивает в Систан, огибают горы и образует озеро. Около Пулалака, где мы побывали, река достигает ширины в тысячу двести футов и очень глубока. Вода в ней прекрасная. По обоим берегам на

¹ Хамун — в настоящее время район этого огромного озера представляет собой заболоченную низину, в северной части которой сохранились озера Сабари и Хамун (Пузак).

расстоянии получили от реки земля орошается и возделывается. Дальше начинается пустыня, поднимающаяся отвесными уступами. Берега реки густо поросли тамариском, а местами служат пастбищем для скота».

Систан, раскинувшийся по берегам Гильменда, занимает всего пятьсот квадратных миль. Обитаемые места тянутся лишь по берегам реки, ложе которой углубляется ежегодно.

В Эломдаре Кристи послал за одним индийцем, к которому имел рекомендательное письмо. Тот ему посоветовал отослать белуджей и переодеться паломником. Несколько дней спустя Кристи был уже в Душаке, называемом также Желалабадом.

«Развалины старого города раскинулись почти на таком же пространстве, как в Исфхане, — говорит путешественник. — Он был построен, как все города Систана, из полубожженного кирпича. Дома были двухэтажными, с куполообразными крышами. Новый Желалабад — город чистый, красивый и все время растет. В нем около двух тысяч домов и довольно большой базар».

Кристи проделал дорогу из Душака в Герат без особого труда. Ему только пришлось принимать некоторые предосторожности, чтобы не вызвать подозрений.

Герат расположен в долине среди высоких гор. Долина орошается рекой, поэтому здесь повсюду плодовые сады и огороды. Город занимает пространство в четыре квадратных мили, окружен стеною с башнями и опоясан рвами, наполненными водой. Главные достопримечательности города — обширные базары с многочисленными лавками и Пятничная¹ мечеть.

Редко какой город построен так тесно и имеет такое смешанное население, как Герат. Кристи считает, что в нем около ста тысяч жителей. Это, быть может, самый большой торговый город той части Азии, где правят еще туземные властители. Герат находится на скрещении торговых путей между Кабулом, Кандагаром, Индостаном, Кашмиром и Персией. Он сам поставляет некоторые товары, пользующиеся большим спросом: лошадей, шелка, шафран и ассафегиду.

¹ Речь идет о гератской Соборной мечети, которую начали строить в 1201 году, а последние отделочные работы завершились в XIV веке. Мечеть интересна еще и тем, что после разрушительного землетрясения она была восстановлена в 1498 — 1500 годах на средства великого поэта и мыслителя Алишера Навои, мавзолеем которого находится в нескольких километрах к северо-западу от Герата. В 1936 — 1944 годах Соборная мечеть была реставрирована и достроена.

«Это растение, — говорит Кристи, — достигает в высоту двух-трех футов. Стебель имеет до двух дюймов в диаметре и наверху заканчивается зонтиком, который, созревая, становится желтым и напоминает цветную капусту. Индийцы и белуджи очень любят ассафетиду. Для еды стебель жарят в золе, а зонтик тушат, как обычные овощи. Все-таки она и тогда сохраняет противный вкус и запах».

Как и в других восточных городах, в Герате есть большие общественные сады, но о них заботятся лишь ради плодов, которые продают на базаре.

Прожив месяц в Герате, Кристи покинул город. Он переделся торговцем лошадьми и ловко распространил слух о том, что отправляется в паломничество в Мешхед, но скоро вернется обратно. И по областям, разоренным узбеками, разрушавшими бассейны для дождевой воды, он отправился в Йезд.

Йезд очень большой, густонаселенный город, стоящий у края песчаной пустыни. Его называют Дар-уль-Эбадет, или «обитель поклонения». Город славится порядком и безопасностью, что весьма содействовало развитию торговли с Индостаном, Хоросаном, Персией и Багдадом.

«Базар обширен, — рассказывает Кристи, — и полон товаров. В городе двадцать тысяч домов, не считая домов, принадлежащих гебрам. Этих последних насчитывается около четырех тысяч. Они — народ деятельный и трудолюбивый, хотя и живут под жесточайшим гнетом».

Сто семьдесят миль от Йезда до Исфахана Кристи проехал по хорошей дороге. Он остановился во дворце эмира Уд-Дауле и, как мы уже говорили, с радостью встретил в этом городе своего товарища Поттинджера. Два офицера теперь могли поздравить друг друга с тем, что удачно выполнили свою миссию, преодолев опасности долгого пути по стране с фанатичным населением.

Сделанного нами краткого пересказа, вероятно, достаточно, чтобы судить, насколько любопытен отчет Поттинджера. По сравнению с отчетами предшественников он отличается гораздо большей точностью и полон очень интересных суждений, исторических фактов, анекдотов и географических описаний.

С середины XVIII века Кабулистан не переставал быть ареной ожесточенных гражданских войн. Соперники, с большим или меньшим правом претендовавшие на престол, опустошали область огнем и мечом и в конце концов превратили эту богатую когда-то

страну в пустыню. Теперь только развалины городов говорят о былом процветании, которому, видимо, не суждено возвратиться.

В 1808 году в Кабуле правил Шуджа-уль-Мульк¹. Англия была сильно обеспокоена планами Наполеона, который хотел нанести ей удар в Индии и пытался при посредстве Гардана заключить союз с персидским шахом. Поэтому английское правительство решило послать посольство к повелителю Кабула с целью привлечь его на сторону Ост-Индской компании.

Послом был назначен Маунтстюарт Элфинстон, который оставил нам очень интересный отчет о своей поездке. Ему мы обязаны совершенно новыми сведениями обо всей этой области и о племенах, ее населяющих. Его книга опять приобретает значение в наши дни. Нельзя без любопытства читать страницы, посвященные киберийцам и другим горцам, героям событий, развертывающихся перед нашими глазами.

Элфинстон выехал из Дели в октябре 1808 года, достиг Канунда, где начинаются движущиеся пески, и вступил в Шехавути — округ, населенный раджпутами². К концу октября посольство добралось до Сингауны, красивого города, в котором правил тогда раджа, оказавшийся завзятым курильщиком опиума.

«Это был, — рассказывает путешественник, — маленький человек, с расширенными, горящими от употребления опиума глазами. Бороду, разделенную надвое, он зачесывал к ушам, что придавало ему грозный и дикий вид».

Отсюда Элфинстон направился в город Джунжунья, сады которого кажутся такими свежими среди пустыни. Этот город пока не зависит от биканерского раджи, чей доход не превышает 1 250 000 франков. Приходится удивляться, как этому властителю удается собрать и такую сумму с бесплодной, высохшей страны, где бегают только миллионы крыс, стада газелей да дикие ослы.

«Тропинка вилась по песчаным холмам и была довольно узка, — вспоминал Элфинстон, описывая передвижение своего каравана, — два верблюда с трудом могли идти рядом. Если какой-нибудь верблюд хоть чуть-чуть уклонялся в сторону, он увязал в песке, как в снегу. Поэтому из-за малейшей задержки в голове

¹ Шах Шуджа-уль-Мульк правил в 1803 — 1813 годах.

² Раджпуты — здесь: представители 10-миллионного народа, населяющего континентальную часть Индостана к северу от гор Аравалли, между Пенджабом и рекой Джамуной.

колонны останавливался весь караван, а когда отставал хвост, то и авангард не мог двигаться вперед. Из опасения, как бы отделившиеся погонщики не затерялись среди песчаных холмов, все время подавали сигналы звуками трубы или барабана и всячески старались не отрываться друг от друга».

Не напоминает ли все это передвижение армии? Воинственные звуки, блеск мундиров и оружия — что тут похожего на посольство с мирными целями?

«Наши солдаты и слуги мучительно страдали, — сообщает посол далее, — от нехватки воды и дурного качества той, которую нам приходилось пить. Правда, обилие арбузов давало возможность утолять жажду, но это не обходилось без ущерба для здоровья. Большинство туземцев-индийцев, сопровождавших нас, болело изнурительной лихорадкой и дизентерией. За первую неделю нашего пребывания в Биканере¹ умерло сорок человек».

О Биканере можно сказать то же, что Лафонтен² писал о плавающих палках:

«Издалека смотреть — так кое-что, а близко подойдешь — не видно ничего».

Издали этот город кажется привлекательным, но в действительности он представляет собой беспорядочное скопление глинобитных хижин. Страна в это время была наводнена войсками пяти армий, и воюющие стороны засылали посланца за посланцем к англичанам, стараясь добиться от них материальной помощи или хотя бы моральной поддержки.

Элфинстон был принят биканерским раджей. «Его двор сильно отличался от тех дворов, какие мне до сих пор пришлось видеть в Индии. Люди здесь белее индийцев, похожи на евреев чертами лица и носят на голове великолепные тюрбаны. У раджи и его близких родственников пестрые головные уборы украшены драгоценными камнями. Раджа опирался на стальной щит с шишкой посередине, инкрустированный по краям рубинами и алмазами. Раджа начал разговор с того, что посоветовал нам остерегаться жары и назойливости черни. По индийскому обычаю, мы сели на пол, и раджа обратился к нам с речью. Он сказал, что является вассалом властителя Дели, а так как Дели на-

¹ Биканер — город в Раджастанхана, к востоку от пустыни Тар.

² Лафонтен Жан де (1621 — 1695) — французский писатель, прославившийся своими баснями.

ходится под господством англичан, то он рад признать в моем лице верховную власть нашего правительства. Он велел принести ключи от крепости и подал мне, но я отказался их принять, ибо не имел на это никакого права. После долгих уговоров раджа согласился оставить ключи у себя. Спустя короткое время появилась трупша баядерок. Танцы и пение не прекращались до самого нашего отъезда».

За Биканером приходится опять идти пустыней; среди нее, на реке Гифасе¹, по которой когда-то плыл флот Александра Македонского² и которая вовсе не отвечает представлению, возникающему при этом воспоминании, стоят города Муджгур и Бахавалпур. В Бахавалпуре посольство поджидала густая толпа жителей. На другой день прибыл Бахавал-хан, правитель одной из восточных провинций Кабулистана. Он привез английскому послу роскошные подарки и проводил его по правому берегу Гифаса до Мултана, славящегося своими шелковыми тканями. Правитель этого города, узнав о прибытии англичан, ужасно перепугался. Долго совещались, как быть, если англичане неожиданно захватят город или потребуют его сдачи.

Но тревога вскоре улеглась, и встреча была самой сердечной. Описание, которое приводит Элфинстон, хотя и кажется преувеличенным, все же довольно любопытно.

«Правитель, — сообщает он, — приветствовал секретаря посольства Стречи по персидскому обычаю. Они бок о бок направились к шатру, а между тем беспорядок вокруг все увеличивался. Тут раздавали тумаки; там всадники давили пеших. Лошадь мистера Стречи чуть не опрокинули, и секретарь с трудом удержался на ней. У самого шатра хан и его свита по ошибке на всем скаку налетели на конницу. Та еле успела перестроиться, чтобы пропустить их. Войско беспорядочно отступило к шатру, слуги хана бросились наутек, ширмы перед шатром были сорваны и полетели под ноги, полопались даже веревки, и полотнища чуть не свалились нам на голову. В шатер тотчас набилось много народу, и ничего нельзя

¹ Гифас — согласно Арриану, самая восточная из пяти рек Пенджаба, современный Биас, правый приток Сатледжа.

² Пройдя низовья Сатледжа, носящие в наши дни особое название — Панджнад, греческий флот вошел в Гидасп (современный Джелама, принимающий в нижнем течении название Тримар). Именно на левом берегу Гидаспа в 326 году до н. э. Александр разбил войска индийского царя Пора — см.: *Арриан. Поход Александра*, кн. VI.

было разглядеть. Правитель и десятеро его спутников уселись, остальные стояли, держа на караул. Визит не затянулся: правитель только усердно перебирал четки и торопливо твердил: «Добро пожаловать! Добро пожаловать!» Наконец он заявил, что мне уже, вероятно, надоела эта толкотня, и удалился».

Рассказ звучит забавно. Верен ли он во всех подробностях? Это, разумеется, не важно. 31 декабря посольство переправилось через Инд и вступило в страну, заботливо и старательно возделанную, что никак не напоминало Индостан. Местное население никогда не слышало об англичанах и путало их с монголами, афганцами или индусами. В результате среди этого легковерного народа об англичанах ходили самые странные слухи.

В Дера-Гази-Хане пришлось задержаться почти на месяц, пока не нашелся наконец «мехмендар» — чиновник, который должен был представить послов правителю. Двое англичан воспользовались задержкой и взобрались на пик Тахти-Сулейман¹, или «Трон Соломона», куда, по преданию, пристал после потопа Ноев ковчег.

Отъезд из Дера-Гази-Хана состоялся 7 февраля. Посольство по прекрасной местности добралось до Пешавара, куда направился и правитель, так как Дера не была постоянной резиденцией двора.

«В день нашего прибытия, — говорится в отчете, — нам доставили обед из дворцовой кухни. Кушанья были превкусные. В дальнейшем нам стали готовить мясные блюда на наш манер, но правитель продолжал посылать нам для завтрака, обеда и ужина столько съестного, что его хватило бы на две тысячи человек, на две сотни лошадей и на изрядное число слонов. Как ни была велика наша свита, с таким количеством продуктов мы не могли справиться, но лишь по прошествии почти месяца мне с великим трудом удалось убедить его величество воздерживаться впредь от излишней расточительности».

Как и следовало ожидать, переговоры относительно представления ко двору оказались затяжными и трудными. Наконец все устроилось, и прием был настолько сердечным, насколько позволяют дипломатические обычаи. Одежда правителя сверкала бриллиантами и другими драгоценными камнями. На нем была великолепная корона, и в одном из его браслетов сиял «Кохи-

¹ В Сулеймановых горах; высота горы 3381 м.

нор»¹ — самый большой из существующих алмазов², изображение которого приводит Тавернье³ в своих «Путешествиях».

¹ «Кохинор» (правильнее — Кух-и-Нур, «Гора света») — вероятно, самый известный в мире алмаз. Был найден в коях Голконды (Южная Индия) и весил 800 каратов, или 160 г. Когда-то этот алмаз украшал церемониальный Павлиний трон династии Великих Моголов. Персидский шах Надир, покоровший Северную Индию, увез алмаз в составе огромной добычи в свою столицу Исфахан. После убийства шаха алмаз захватил афганец Ахмад Абдали и перевез его в Кандагар, где основал собственную династию. Наследники Ахмада отправили «Гору света» в Кабул. Когда Шуджа-уль-Мульк бежал из Кабула, свергнутый своими подданными, он прихватил с собой знаменитый камень. Беглец попросил убежища в Лахоре у сикхского правителя Ранджита Сингха, который в обмен на гостеприимство потребовал все драгоценности афганца, включая «Кух-и-Нур». Алмаз оставался в Тошахане, близ Лахора, вплоть до 1849 года, когда он перешел в собственность Ост-Индской компании. В 1850 году камень подарили королеве Виктории, которая пожелала переграничить алмаз. В результате этой операции вес камня уменьшился до 108,9 карат. Королева Виктория носила «Гору света» в качестве броши, а после ее смерти бриллиант стал одним из украшений коронационной короны.

² Ко времени написания книги Жюль Верна «Кух-и-Нур» уже не был самым крупным алмазом. Найденный в 1701 году в Индии и хранившийся в Лувре камень «Регент» («Питт») весил 140,5 карата. Знаменитая драгоценность российской короны алмаз «Орлов» весила 199,6 карата. Бразильский алмаз «Звезда юга», найденный в 1853 году, после огранки стал весить 128,8 карата. Самым крупным алмазом в истории человечества был камень, найденный в 1905 году в Южной Африке, на руднике «Премьер». Этот алмаз получил имя «Куллинан» (в честь сэра Томаса Куллимана, президента горнодобывающей компании «Премьер даймонд майн»). В необработанном виде алмаз весил 3106 каратов (621,2 г). Из него было изготовлено 105 бриллиантов общей массой 1063,65 карата, крупнейший из которых «Звезда Африки», весом 530,2 карата, украшает британский королевский скипетр. Второе место по весу занимает алмаз «Звезда Сьерра-Леоне» (961,1 карата в необработанном виде), найденный в 1972 году.

³ Тавернье Жан-Батист (1605 — 1689) — французский коммерсант, ювелир и путешественник. В течение трех с лишним десятилетий (1631 — 1668) совершил шесть путешествий по странам Европы, Турции, Персии, Монголии, Индии, Зондским островам. О своих странствиях выпустил в 1676 году книгу под названием «Шесть путешествий Ж.-Б. Тавернье» (см. о нем подробнее — «Открытие Земли», с. 452). Относительно сообщения Тавернье Жюль Верн ошибается. В 1665 году, при дворе Аурангзеба, странствующий любитель драгоценных камней увидел крупный, ограненный розой бриллиант весом 280 каратов. При этом Тавернье замечает, что необработанный алмаз весил 787,5 карата. Бриллиант, если судить по зарисовкам и описаниям Тавернье, очень напоминает алмаз «Орлов», хотя и не соответствует весу последнего. Специалисты-геомологи предполагают, что из увиденного французским путешественником камня, который он окрестил «Великим Моголом», мог быть получен «Кух-и-Нур». Возможно также, что из необработанного алмаза были огранены как «Орлов», так и «Кух-и-Нур».

«Я должен признаться, — пишет Элфинстон, — что если иные предметы, а особенно чрезвычайно богатая одежда правителя, и вызывали удивление, зато многое вовсе не оправдало моих ожиданий. В общем, в глаза бросаются не столько признаки благоденствия могущественного государства, сколько симптомы упадка когда-то процветавшей монархии».

Тут же посол рассказывает о жадности придворных сановников, не сумевших мирно поделить подарки англичан, и приводит другие мелочи, повлиявшие на него весьма тягостно.

Второе свидание с правителем произвело на Элфинстона более благоприятное впечатление.

«Трудно поверить, — пишет он, — чтобы восточный владыка мог так хорошо держаться и выказывать радушие, сохраняя достоинство».

Равнина Пешавара, со всех сторон, кроме восточной, окруженная высокими горами, орошается тремя рукавами реки Кабул, которые потом сливаются вместе, а также многочисленными ручьями. Поэтому равнина исключительно плодородна. Сливы, персики, груши, айва, гранаты, финики растут повсюду. Население, редкое в бесплодных местностях, по которым прежде проезжало посольство, словно сошло в Пешавар со всей страны, и лейтенант Макартни насчитал с одной возвышенности не меньше тридцати двух деревень.

В самом городе Пешаваре числится около ста тысяч жителей, обитающих в трехэтажных кирпичных домах. Много мечетей, правда, ничем не замечательных, хороший караван-сарай и «баллаиссаур» (то есть укрепленный замок), где правитель принимал посольство, — вот и все достопримечательности Пешавара. Многоплеменная, разнообразно одетая толпа представляет собою изменчивое зрелище, настоящий человеческий калейдоскоп, словно нарочно созданный для того, чтобы поразить пришельцев. Персы, афганцы, хайберийцы¹, хазарейцы², дуррани³ и т. д., ло-

¹ Хайберийцы — шивари, этническая группа афганцев, живущая в горах Хайбер и по границе с Пешаваром; численность — около 50 тыс. человек.

² Хазарейцы (хазара) — народ североазиатской расы большой монголоидной расы, живущий в Центральном Афганистане и Восточном Хорасане. Общая численность достигает 1,8 млн человек. Говорят на языке, близком дари (одному из диалектов фарси).

³ Дуррани — племенное объединение, относящееся к афганцам-пуштунам; общая численность — около 600 тыс. человек.

шади, дромадеры и бактрийские верблюды — здесь, среди двуногих и четвероногих, натуралисту найдется на кого посмотреть, найдется что описать. Но главная прелесть этого города, как вообще Индии, — это сады и в них изобилие удивительно ароматных цветов, в особенности роз.

Положение правителя было непрочно, а тут еще Сжухау — его брат, которого он сверг с престола, — воспользовавшись народным восстанием, взялся за оружие и захватил Кабул. Дальнейшее пребывание посольства в Пешаваре стало невозможным, и пришлось снова двинуться в путь. Миновав Атток, англичане добрались до долины Хуссун-Абдул, славящейся своей красотой. Там Элфинстон должен был остановиться и ждать, пока на полях сражения решалась судьба кабульского трона. Но в это время он получил письма, отзывавшие его в Дели. Впрочем, Сжухау не повезло, и, разбитый наголову, он принужден был искать спасения в бегстве.

Посольство направилось дальше и прошло по области, населенной сикхами — грубыми, полуголыми и почти дикими горцами.

«Сикхи (несколько лет спустя заставившие всех говорить о себе) — люди высокого роста, худощавые, но очень сильные, — сообщает Элфинстон. — Они не носят другой одежды, кроме коротких штанов, лишь наполовину закрывающих ляжки. Часто на плечи они небрежно накидывают большой плащ из шкур. Турбаны у них небольшие, но очень высокие и сплюснуты спереди. Ножницы никогда не касались ни их волос, ни бороды. Их оружие — лук или кремневое ружье. У знатных людей луки очень красивые, и без них они не ходят даже в гости. Почти весь Пенджаб принадлежит Ранджиту Сингху, который в 1805 году был просто одним из вождей. В период нашего путешествия он только что захватил верховную власть над страной, занимаемой сикхами, и принял титул раджи».

Возвращение в Дели не ознаменовалось никакими происшествиями, заслуживающими внимания. В отчете Элфинстона, кроме рассказа о событиях, происходивших на глазах у англичан, имеется много очень ценных сведений о географии Афганистана и Кабулистана, о климате, о животных и растениях, а также о полезных ископаемых этого обширного края.

Происхождение народа, история, управление, законодательство, положение женщин, религия, язык, торговля — таково со-

держание многих очень интересных глав отчета Элфинстона. Поэтому даже самые осведомленные журналисты многое заимствовали из этого отчета, когда англичане затеяли новую экспедицию в Афганистан.

Труд заканчивается подробнейшим обзором племен, составляющих население Афганистана, и подбором ценнейших для того времени данных о соседних областях.

Вообще отчет Элфинстона любопытен, интересен и во многом достоверен; к нему и сейчас полезно обращаться за справками.

Ост-Индская компания была неутомима в своем рвении. Не успевала вернуться одна экспедиция, как следующая уже отправлялась в другом направлении и с новыми поручениями. Нужно было зондировать почву в окружающих странах, постоянно быть в курсе столь изменчивой азиатской политики и препятствовать образованию союза туземных племен против захватчиков. В 1812 году другой замысел, уже более мирный, послужил причиной путешествия Муркрофта и капитана Херси к озеру Манасаровар в провинции Гундес, составляющей часть Малого Тибета¹. Задачей путешественников было привести из Кашмира стадо тонкорунных коз, из шерсти которых ткут знаменитые на весь свет шали, а кроме того, предполагалось окончательно опровергнуть утверждение индусов, будто Ганг берет свое начало за Гималаями в озере Манасаровар.

Тяжелое и опасное поручение! Сначала надо было проникнуть в Непал, доступ куда очень затрудняло тамошнее правительство, а оттуда вступить в страну, не допускавшую к себе ни обитателей Непала, ни — тем более — англичан. Эта страна и была Гундес.

Путешественники переоделись индусскими паломниками. Их сопровождали двадцать пять человек, и, как это ни удивительно, одному из слуг было приказано идти, делая шаги по четыре фута. Надо признаться, весьма приблизительное средство для измерения пройденного пути!

Муркрофт и Херси перешли Барейли и двигались тем же путем, что и Уэбб, до Джошиматха, который покинули 26 мая 1812 года. Преодолевая непрестанно возникавшие трудности, они должны были перевалить через последние отроги Гималаев. Селения там редки, а потому они с трудом раздобывали провизию и

¹ В состав Малого Тибета традиционно включаются области Ладак и Балтистан, расположенные между Гималаями и Каракорумом.

носильщиков, дороги же плохи и проложены на очень большой высоте над уровнем моря.

Тем не менее англичане побывали в Дабе, где находится очень почитаемый ламаистский монастырь, в Гартоке¹, Майзаре, а в четверти мили от Тиртапури видели интересную достопримечательность — горячие источники.

«Вода выходит, — говорится в отчете, напечатанном в “Анналах путешествий”, — из двух отверстий по шесть дюймов в диаметре. Отверстия эти находятся на известняковом плато протяжением в три мили, возвышающемся на десять — двенадцать футов над окружающей равниной. Плато покрыто известковыми туфами², осаждающимися из подземных вод при их охлаждении на поверхности. Вода бьет на высоту четырех дюймов. Она очень прозрачна и так горяча, что в ней нельзя держать руку дольше нескольких секунд. Над источниками висит густое облако пара. Вода, растекаясь по почти горизонтальной поверхности, вымывает водоемы различной формы. Они заполняются известковыми осадками и постепенно уменьшаются. Когда их дно поднимается, вода вымывает себе новые углубления, которые в свою очередь заполняются отложениями. Вода таким образом стекает из одного водоема в другой, пока не достигнет равнины. Осадок, оставляемый ею вблизи отверстий, бел, как самый чистый алебастр³. Несколько дальше он становится соломенно-желтым, а еще дальше — желто-шафранным. У другого источника осадок сначала розового цвета, потом — темно-красного. Все это плато, создававшееся в течение многих столетий, окрашено в различные оттенки».

Тиртапури, резиденция ламы, с незапамятных времен является излюбленным местом паломничества, что доказывает стена более четырехсот футов в длину и четырех в ширину, сложенная из камней, испещренных молитвами.

Первого августа путешественники покинули эти места и направились к озеру Манасаровар. Справа от них осталось озеро Раванрад, откуда, как считалось, берет начало основной исток реки Сатледж.

¹ Гарток — город и область на юго-западе Тибета, последняя — в районе хребтов Ладакх и Кайлас.

² Известковые туфы — легкие и пористые (иногда — плотные) горные породы, образовавшиеся из отложений минеральных источников.

³ Алебастр — плотный гипс, белый тонкозернистый агрегат

Озеро Манасаровар лежит в котловине среди раскинувшихся по склонам обширных лугов, над которыми с юга высятся гигантские горы. Из всех мест, почитаемых индусами, это самое священное. Причиной тому, вероятно, удаленность его от Индостана, трудности и опасности пути и, наконец, необходимость брать с собой деньги и съестные припасы.

По мнению индийских географов, из этого озера выходят Ганг, Сатледж и Кали. Муркрофт не сомневался, что первое из этих утверждений ложно. Решив проверить два остальных, он обследовал крутые берега озера, изрезанные глубокими ущельями, и видел много впадающих в него речек, но ни одной выходящей из него. Возможно, до землетрясения, разрушившего Сринагар, из озера Манасаровар вытекала какая-нибудь река, но Муркрофт не нашел никаких ее следов. Озеро имеет продолговатую неправильную форму и расположено между Гималаями и горами Кайлас; его длина — пять лье¹, а ширина — четыре.

Теперь задача экспедиции была выполнена. Муркрофт и Херси повернули назад в сторону Индии, прошли до Гангри и побывали на озере Раванрад, но Муркрофт слишком ослабел, чтобы обойти его кругом. Он достиг Тиртапури, затем Дабы и с великими мучениями перебрался через перевал, отделяющий Индостан от Тибета.

«Пронизывающий, холодный ветер дует с покрытых снегами гор Бутана, — говорится в отчете, — подъем на перевал долог и труден, а скользкий спуск крут и требует большой осторожности. В общем, мы намучились изрядно. Наши козы по недосмотру погонщиков сбились с дороги и вскарабкались на скалы у самого края пропасти глубиной футов пятьсот. Один горец согнал их с этого опасного места; они стали спускаться и побежали вниз по обрывистому склону. Из-под ног коз вниз летели камни, которые могли попасть в бежавших впереди, и забавно было наблюдать, с какой ловкостью козы на бегу увертывались от камней».

Вскоре гуркхи, прежде только чинившие препятствия путешественникам, нагнали их и решили захватить. Твердость англичан долгое время сдерживала этих диких фанатиков, но под конец, когда число гуркхов увеличилось, они расхрабрились и напали на лагерь.

¹ Лье — старинная французская мера длины; здесь речь идет о километлическом лье, равном 4 км.

«На меня бросились сразу двадцать человек, — рассказывает Муркрофт, — один схватил за шею и, упершись коленом мне в живот, тянул за шейный платок, стараясь задушить, другой закинул за ногу веревку и тащил назад. Я уже терял сознание. Ружье, на которое я опирался, выскользнуло у меня из рук, я упал. Меня потащили за ноги, потом накрепко скрутили. Когда я очнулся, то увидел вокруг себя победителей, на лицах которых сияло неописуемое злорадство. Опасаясь, как бы я не удрал, двое воинов повели меня на веревке. Время от времени мне давали здорового тумака, несомненно для того, чтобы я лучше уяснил себе свое положение. Херси никак не думал, что на нас нападут так скоро. Он полоскал рот, когда началась свалка, и не слышал, что я звал его на помощь. У наших людей не оказалось под рукой даже того небольшого количества оружия, что мы имели. Некоторым удалось ускользнуть, уж не знаю каким образом. Других захватили, в том числе и Херси. Его не связали, как меня, а только держали за руки».

Предводитель отряда объявил двум англичанам, что они задержаны. Их обвиняли в том, что они тайком проникли в страну, переодевшись индусскими паломниками. Один факир, которого Муркрофт нанял погонщиком коз, все-таки умудрился убежать и отнес два письма английским властям. Тотчас же были предприняты меры, и 1 ноября путешественники получили свободу. Им не только принесли извинения, но отдали все отнятое, и раджа Непала разрешил им покинуть страну. Все хорошо, что хорошо кончается!

В заключение остается упомянуть экспедицию Фрейзера в Гималаи и остановиться на поисках Ходжсоном¹ в 1817 году истоков Ганга.

Капитан Уэбб, как мы уже говорили, сам исследовал течение Ганга от долины реки Дуна до Каджани у Рейтала. Капитан Ходжсон выехал из этого города 28 мая 1817 года и три дня спустя достиг истока Ганга за Ганготри. Он увидел, что река выходит из низкого свода под огромным фирновым² полем толщиной

¹ Ходжсон Брайан Хоутон (1800 — 1894) — британский колониальный администратор и востоковед. Занимал ряд видных административных должностей в Северной Индии и Непале. Собирал санскритские и тибетские рукописи, знаток литератур, языков и религий Непала и Тибета (монографию по этому вопросу выпустил в 1874 году), почетный доктор Оксфордского университета.

² Фирн — крупнозернистый уплотненный снег, слагаемый ледяными крупинками разнообразной формы. Образуется в горных районах выше границы

свыше трехсот футов. Поток сразу довольно значителен и достигает в среднем не меньше двадцати семи футов в ширину и восемнадцать дюймов в глубину.

По всей вероятности, в этом месте Ганг впервые выходит на поверхность. Какова его длина под толщей фирна? Возникает ли он в результате таяния этих снегов? Выходит ли из-под земли? Вот вопросы, которые стремился разрешить капитан Ходжсон. Однако, когда ему захотелось подняться выше, чем соглашались проводники, он по шею увяз в снегу и был вынужден с великим трудом вернуться на тропу. Место выхода Ганга на поверхность находится в самих Гималаях на высоте двенадцати тысяч девяти-сот четырнадцати футов над уровнем моря.

Ходжсон исследовал также истоки реки Джамуны. Снежное поле в Джаматри, откуда, между двумя отвесными гранитными стенами, вырывается Джамуна, простирается, по крайней мере, на сто восемьдесят футов в ширину и в толще имеет более сорока футов. Исток находится на юго-восточном склоне Гималаев.

Владычество англичан в Индии распространялось на значительную территорию, но именно в этом обстоятельстве и таилась опасность. Население, состоявшее из различных народов и народностей, часто имевших за собой славное прошлое, оказалось в подчинении только благодаря известному политическому принципу: «Разделяй и властвуй». Но разве не могло случиться, что в один прекрасный день эти народы забудут свои распри и обратятся против чужеземцев?

Ост-Индская компания предвидела такую возможность, и все ее действия были направлены на укрепление системы, которую ей долго удавалось применять с таким успехом. Некоторые соседние государства, еще достаточно могущественные и внушавшие опасения британскому правительству, могли предоставить убежище недовольным и стать очагом интриг. А среди этих соседних держав внимательнее всего надо было наблюдать за Персией, не только из-за ее близости к России, но и из-за возникшего у Наполеона гениального замысла, который ему не позволили привести в исполнение его европейские войны.

В феврале 1807 года французское правительство назначило

вечных снегов, а также в полярных странах, то есть там, где осадки выпадают в твердом виде и за лето не успевают растаять.

генерала Гардана, заслужившего свой чин во время революционных войн и отличившегося при Аустерлице¹, Йене² и Эйлау³, полномочным послом в Персии с особым поручением заключить союз с шахом Фетх-Али⁴ против Англии и России. Это был удачный выбор, потому что один из предков генерала Гардана уже исполнял такую должность при дворе шаха. Гардан проехал через Венгрию, добрался до Константинополя и Малой Азии. Но когда он приехал в Персию, Аббас-Мирза⁵ уже заступил место своего умершего тем временем отца Фетх-Али.

Новый шах учтиво принял французского посла, засыпал его подарками и даровал некоторые привилегии католическим священникам и французским купцам. Впрочем, это посольство больше ничего не добилось, так как ему всячески мешал английский генерал Малькольм, влияние которого взяло тогда перевес. В следующем году Гардан, увидев, что все его замыслы терпят крушение, и поняв, что он не может надеяться на какой-либо успех, разочарованный возвратился во Францию.

Анж де Гардан, брат посла, исполнявший обязанности секретаря, составил довольно краткий отчет о путешествии. Эта работа содержит кое-какие любопытные подробности о персидских древностях, но сильно уступает работам, опубликованным англи-

¹ Под Аустерлицем (совр. чешский Славков) 20 ноября (2 декабря) 1805 года 73-тысячная французская армия нанесла поражение 85-тысячной русско-австрийской армии.

² Под Йеной, точнее под Йеной и Ауэрштедтом, 14 октября 1806 года произошли два связанных между собою сражения, в которых 150-тысячная армия Наполеона разбила 100-тысячную армию герцога Брауншвейгского.

³ Под Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск Калининградской области) 26 – 27 января (7 – 8 февраля) 1807 года в двухдневном сражении встретились 70-тысячная французская и 78-тысячная русско-прусская армии. Отечественные историки оценивают эту битву следующим образом: «Кровопролитное сражение, не имевшее решающего исхода». Понеся огромные потери, обе армии отступили, не завершив ратного спора.

⁴ Фетх-Али-шах (настоящее имя – Баба-хан; 1766 – 1834) – иранский шах (с 1797 года) из династии Каджаров. При этом правителе Иран стал объектом колониальной экспансии Франции, Англии и России, принудивших шаха заключить с ними целый ряд неравноправных договоров. Вызывает удивление сообщение автора о смерти Фетх-Али в 1807 году. Здесь писатель не прав.

⁵ Аббас-Мирза (1789 – 1833) – сын Фетх-Али-шаха, персидский государственный деятель, игравший ведущую роль в управлении государственными делами, в частности – во внешней политике Ирана.

чанами. В связи с путешествием Гардана следует упомянуть об отчете французского консула Адриана Дюпре, входившего в состав посольства. Отчет был напечатан под названием «Путешествие в Персию, совершенное в годы 1807 — 1809, через Анатолию, Месопотамию и Константинополь на край Персидского залива, а оттуда в Иран, с приложением подробностей о персидских нравах, обычаях и занятиях, о тегеранском дворе и с замечаниями о народах Персии». Это сочинение в значительной мере оправдывает свое заглавие и является хорошим вкладом в изучение географии и этнографии Персии.

Англичане провели в Персии гораздо больше времени, чем французы, и благодаря одному этому накопили более обширный материал и могли лучше разобраться в собранных ими сведениях.

Среди трудов, долгое время считавшихся особенно авторитетными, надо прежде всего назвать два отчета Джеймса Морье-ра. Досуг, который предоставляла ему должность секретаря посольства, он использовал, чтобы поглубже вникнуть во все подробности персидского быта. По возвращении в Англию он напечатал много романов из восточной жизни: разнообразие описаний, тщательность и верность изображения, новизна обстановки — все это принесло его книгам шумный успех.

Во-вторых, назовем толстый том записок Джона Макдональда-Киннера о Персидском государстве. Эта работа по популярности оставила далеко позади все напечатанное ранее. Она не только дает нам самые подробные сведения о границах государства, о горах, реках и климате, как утверждается в заглавии, но содержит также точнейшие данные о правлении, государственном строе, армии, о торговле, животном и растительном мире, полезных ископаемых, о населении и финансах.

Представив в широких и ярких картинах всю совокупность материальных и духовных возможностей Персидского государства, Киннер переходит к описанию отдельных провинций, о которых сообщает множество интереснейших данных. Все это делает его труд самым полным и самым беспристрастным из всех, какие только были опубликованы до последнего времени.

Между 1808 и 1814 годами Киннер объехал вдоль и поперек всю Малую Азию, Армению и Курдистан, занимал различные должности и выполнял многочисленные поручения; все это дало ему возможность многое увидеть и сравнить. Офицер на службе

компании, политический советник у Карнатикского¹ набоба и просто путешественник, он всегда оставался во всеоружии своего критического ума. Многие события и перевороты, причины которых ускользали от стольких исследователей, были ему ясны благодаря знаниям, накопленным им, о нравах, обычаях и характере людей Востока.

В то же время другой офицер на службе Ост-Индской компании, Уильям Прайс, в 1810 году занимавший должность переводчика и помощника секретаря в посольстве сэра Гора Узли² в Персии, занялся расшифровкой клинописи. За эту задачу уже многие брались и приходили к самым странным и неправдоподобным заключениям. Как у всех его современников, научные взгляды Прайса были недостаточно обоснованны, а объяснения малоудовлетворительны. Но он сумел привлечь многих ученых к разрешению этой трудной задачи, в то же время продолжая традиции Нибура и других востоковедов.

Ему мы обязаны отчетом о путешествии английского посольства ко двору персидского шаха. Впоследствии он опубликовал две статьи о древностях Персеполиса³ и Вавилона.

В свою очередь, брат сэра Гора Узли, Уильям Узли⁴, сопровождавший его в качестве секретаря, использовал свое пребывание при дворе в Тегеране, чтобы изучить Персию. Однако его труды не касаются ни географии, ни хозяйства страны. Они ограничиваются надписями, медалями, манускриптами, литературой — одним словом, тем, что связано с духовной и материальной ис-

¹ Карнатик — феодальное княжество в Индии, на Коромандельском берегу, между Восточными Гхатами и побережьем Бенгальского залива.

² Узли Гор (1770 — 1844) — британский дипломат и востоковед. Карьеру в Индии начинал купцом, с 1808 года — на правительственной службе: был чрезвычайным британским послом в Персии по подписанию мира 1812 года и по вопросам персидско-русского урегулирования (1813). Основная научная работа — «Биографические заметки о персидских поэтах» («Biographical Notices of Persian Poets»; изд. посмертно, в 1846 году).

³ Персеполис — город в древней Персии, одна из столиц царства Ахеменидов. Заложен в VI веке до н. э. Войсками Александра Македонского город был разграблен и сожжен. Вскоре после этого последние жители оставили Персеполис.

⁴ Узли Уильям (1767 — 1842) — английский востоковед, брат сэра Гора Узли. Знаток персидского языка. Сопровождал брата в Персию. Опубликовал «Persian Miscellanies» (1795), «Oriental Collections» (1797 — 1799) и другие работы.

торией страны. Его заслугой является издание Фирдоуси¹, а также опубликование многих других сочинений, которые, наряду с только что упомянутыми, помогают нам пополнить наши познания о стране шахов.

В это же время началось ознакомление еще с одной полуазиатской-полуевропейской страной. Мы говорим о Кавказе.

Уже во второй половине XVIII века один русский врач, Иоганн Антон Гюльденштедт², посетил Астрахань и побывал у пределов русских владений — в Кизляре на Тереке. Он посетил Грузию, где его с почетом принял царь Ираклий. Он видел Тифлис (Тбилиси) и достиг Имеретии. В следующем, 1773 году он посетил Большую Кабарду, Восточную Куманию³, осмотрел развалины Меджари, добрался до Черкаска, Азова, исследовал устье Дона и собирался закончить свое длительное путешествие изучением Крыма, но тут его отозвали в Санкт-Петербург.

Гюльденштедт не напечатал полностью отчетов о своих экспедициях, так как смерть застигла его во время подготовки материалов. В Санкт-Петербурге их издателем стал молодой немец⁴, уроженец Пруссии — Генрих Юлиус Клапрот⁵, который впоследствии совершил путешествие в те же края.

Клапрот родился 11 октября 1783 года в Берлине и уже в раннем детстве проявил удивительные способности к восточным языкам. В пятнадцать лет он совершенно самостоятельно научил-

¹ Фирдоуси Абуль Касим (934 — ок. 1020) — великий персидский поэт, автор многотомной гениальной эпопеи «Шах-намэ», излагающей в поэтической форме историю Средней Азии от легендарных времен до арабского нашествия.

² Гюльденштедт Иоганн Антон (1745 — 1781) — русский академик. Учился в Риге и Берлине, получил степень доктора медицины. В 1768 году приглашен Санкт-Петербургской академией наук для работы в организуемых ею экспедициях. Участвовал в экспедиционных исследованиях до 1775 года, постоянно расширяя район работ: из Астраханской губернии он переезжает в Царицын, Воронеж, Слободскую Украину, Новороссийский край, добирается до истоков Западной Двины и Днепра. Три с половиной года проводит на Кавказе. В 1771 году избран действительным академиком, с 1780 года — президент Вольного экономического общества. В холерную эпидемию 1781 года самоотверженно лечил больных, заразился и умер. Его книгу о путешествиях по России («Reisen durch Russland») издали посмертно — в 1787 и 1791 годах.

³ Восточная Кумания — калмыцкие степи.

⁴ Книга И.-А. Гюльденштедта была издана академиком Палласом.

⁵ В дореволюционных изданиях имя Клапрота (1783 — 1835) писалось как Генрих Юлий.

ся китайскому языку и, едва закончив свои занятия в университетах Галле и Дрездена, стал издавать «Азиатский журнал»¹. Приглашенный в Россию графом Потоцким², он сразу же был назначен адъюнктом Отделения восточных языков в Санкт-Петербургской академии.

Клапрот не принадлежал к числу тех «почтенных» кабинетных ученых, которые только и делают, что корпят над книгами. Он понимал науку гораздо шире. По его мнению, самым верным способом в совершенстве изучить языки, нравы и обычаи Востока было ознакомление с ними на месте.

Поэтому Клапрот попросил позволения сопровождать посла Головкина, направлявшегося в Китай по суше. Получив необходимое разрешение, ученый путешественник поехал один в Сибирь и побывал у самоедов³, тунгусов, башкир, якутов, киргизов и многих других финских или татарских народностей, кочевавших по этим пустынным просторам. Затем он прибыл в Иркутск, где вскоре его нагнал Головкин. После краткой остановки в Кяхте Головкин 1 января 1806 года переехал китайскую границу.

Но наместник Монголии захотел, чтобы посол выполнил церемонии, которые тот счел для себя унижительными. Так как оба не желали ни в чем уступать, посольство вынуждено было повернуть обратно. Клапроту не хотелось возвращаться той же дорогой; он предпочел познакомиться с новыми для него племенами и проехать югом Сибири. Во время этого долгого путешествия, занявшего двадцать месяцев, Клапрот собрал большую коллекцию книг — китайских, маньчжурских, тибетских и монгольских, — использованных им позже в большом труде «Asia polyglotta» — «Многоязычная Азия»⁴.

Назначенный по возвращении в Санкт-Петербург экстраординарным академиком, он, по предложению Потоцкого, получил вскоре задание отправиться на Кавказ для изучения его истории, археологии и географии. Клапрот провел целый год в поездках⁵,

¹ «Asiatischer Magazin».

² Это приглашение состоялось в 1802 году.

³ Самоеды — распространенное в дореволюционной литературе название ненцев.

⁴ Эта книга вышла в Париже в 1823 году.

⁵ Клапрот путешествовал по Кавказу в 1807 — 1808 годах. Книга о его исследованиях («Reise in den Kaukasus und Georgien...») вышла в двух томах в немецком городе Галле в 1812 — 1814 годах.

часто опасных, по труднопроходимой стране и посетил места, где в конце предыдущего столетия побывал Гюльденштедт.

«Тифлис, — говорит Клапрот (это описание очень любопытно, если сравнивать его с описаниями других современников), — называемый так за его горячие источники, делится на три части: собственно Тифлис, или старый город; Кала, то есть крепость, и пригород Исни. Омываемый Курой, этот город за своими стенами подчас представляет просто развалины. Улицы здесь настолько узки, что арба, или повозка на высоких колесах, так часто упоминаемая в описаниях Востока, с трудом проезжает даже по самым широким. По остальным еле-еле может проехать всадник. Дома кое-как построены из гольшей и кирпича на глиняном растворе и не простоят, вероятно, и пятнадцати лет. В Тифлисе два рынка, но все чрезвычайно дорого, и шали, так же как и шелковые ткани, которые выделывают в других азиатских странах по соседству, продаются там по ценам выше петербургских».

Невозможно говорить о Тифлисе, не сказав ничего о горячих источниках. Приведем еще одну цитату из Клапрота:

«Знаменитые горячие бани были когда-то великолепны, но сейчас находятся в запустении. Впрочем, есть и такие, в которых стены и потолки облицованы мрамором. В воде содержится некоторое количество серы, и мыться ею очень полезно. Местные жители, особенно женщины, пользуются банями без всякой меры. Женщины проводят там целые дни и берут с собой туда обед».

Основой питания, по крайней мере в горных районах Грузии, является “пури” — хлеб, очень жесткий и невкусный; выпечка его производится довольно странным способом.

«Вymesив хорошенько тесто, — говорится в отчете, — приносят сухих дров и разжигают яркий огонь во врытых в землю глиняных горшках высотой фута в четыре и шириною в два. Когда огонь сильно разгорится, грузины стряхивают над этим горшком свои красного цвета шелковые рубашки и штаны, уничтожая в пламени насекомых, которыми кишат одежды. Только после подобной церемонии в горшки бросают тесто кусками величиной в два кулака. Отверстие сосуда сразу накрывают крышкой, а сверху кладут тряпки, чтобы жар не уходил и хлеб пропекся хорошо. Этот “пури” тем не менее всегда пропечен плохо и тяжел для пищеварения».

Рассказав о том, чем может угостить бедняк горец, побываем теперь вместе с Клапротом на обеде у князя.

«Перед нами расстелили, — говорит он, — длинную полосатую скатерть, шириной в полтора локтя¹, и очень грязную. На нее положили для каждого гостя по овальному сыру, длиной в три пяди², шириною в две, а толщиной едва в палец. Потом принесли много маленьких латунных мисок с бараньим пловом, жареной курицей и ломтями сыра. Князю и грузинам подавали копченую лососину со свежей зеленью, потому что день был постный. В Грузии не имеют понятия о ложках, вилках и столовых ножах. Суп пьют прямо из миски; мясо хватают руками и рвут пальцами на куски, какие могут влезть в рот. Желая выразить дружеские чувства, кидают друг другу лакомый кусок. Блюда ставят прямо на скатерть. Когда обед кончается, подают виноград и сушеные фрукты. Во время еды по кругу всем щедро подливают отличное красное вино собственного приготовления. Его пьют из плоских серебряных чаш, напоминающих блюда».

Эта картина нравов не лишена занимательности; рассказы Клапрота о других эпизодах его путешествия тоже достаточно интересны. Вот как он описывает поездку к истокам Терека, местонахождение которых довольно точно указал Гюльденштедт, сам их не видевший.

«17 марта прекрасным, но прохладным утром я отправился из деревни Утсфар-Хан. Меня сопровождали пятнадцать осетин. После получаса ходьбы мы начали подниматься по крутой и трудной дороге, пока не дошли до места впадения Утсфар-Дона в Терек. Дальше дорога становилась все хуже. Мы двигались около одного лье по правому берегу реки, имевшей здесь еле-еле десять шагов в ширину, хотя она и вздулась от таяния снегов. На этом берегу нет никакого жилья. Продолжая подниматься, мы достигли подножия горы Хоки, называемой также Истир-Хоки. Наконец мы добрались до места, где русло реки было загромождено большими камнями. Мы легко перебрались на другую сторону и попали в деревню Цивратте-Кан, где позавтракали. Здесь сливаются вместе мелкие ручьи, образующие Терек. Я был рад, что

¹ Локоть — старинная мера длины, равная примерно длине локтевой кости человека, то есть около полуметра.

² Пядь — старинная русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев (около 20 см).

достиг цели моей поездки, и выплеснул в поток стакан венгерского вина, а второе возлияние сделал в честь духа горы, у которой Терек берет свое начало. Осетины, решившие, что я совершаю религиозный обряд, сосредоточенно смотрели на меня. На гладкой стороне огромной сланцевой скалы я велел написать красной краской дату нашего путешествия, а также мое имя и имена моих спутников. Потом мы поднялись еще немного выше до деревушки Ресси».

В конце своего отчета о путешествии, выдержки из которого мы могли бы продолжить, Клапрот подводит итоги собранным данным о населении Кавказа и особенно подчеркивает разительное сходство между некоторыми грузинскими наречиями и языком финнов и вогулов. Это было новым и плодотворным сопоставлением.

Упомянув о лезгинах, обитающих на Восточном Кавказе, в стране, носящей название Дагестана, или Лезгистана, Клапрот пишет, что не надо пользоваться словом «лезгин», точно так же, «как порой жителей азиатского севера именуют ошибочно скифами или татарами», потому что — добавляет он несколько позже — они вовсе не образуют одну нацию, о чем свидетельствует и множество наречий, распространенных в этой стране, «однако — как кажется — произошли они от одного корня, хотя время сильно их изменило». В этом утверждении содержится странное противоречие: либо говорящие на одном языке лезгины образуют одну нацию, либо, не образуя нации, они не могут говорить на наречиях, произошедших от одного корня¹.

Если верить Клапроту, то лезгинский словарь обнаруживает много общего с языками других народов Кавказа и даже с самоедскими² и финскими³ диалектами Сибири.

К западу и северо-западу от лезгин живут метцджеги, или че-

¹ Подмеченное автором противоречие объясняется просто. И во времена Клапрота, и сто лет спустя лезгинами очень часто называли вообще все горское население Дагестана.

² К самоедским, а правильнее — самодийским, языкам относятся ненецкий, нганасанский, энецкий и селькупский. Некоторые исследователи полагают, что самодийские языки находятся в отдаленном родстве с финно-угорскими.

³ Финские языки образуют подгруппу в группе финно-угорских языков. Они делятся на прибалтийско-финские (финский, эстонский, карельский, ижорский, вепсский, водский и ливский языки), лопарские, приволжско-финские (мордовский и марийский) и пермские (удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки).

ченцы, возможно, самые древние обитатели Кавказских гор¹. Паллас между тем так не считает — он видит в чеченцах племя, отделившееся от аланов². Чеченский язык имеет много аналогий и соответствий с самоедским, вогульским и прочими сибирскими языками и даже со славянскими говорами³.

Черкесов, или сиркасов, древние греки называли сикхами. Они населяли Восточный Кавказ и Крымский полуостров, часто меняя места жительства. Язык их заметно отличается от других кавказских наречий, потому что черкесы «точно так же, как вогулы⁴ и остяки⁵ — а мы только что показали, что лезгинский и чеченский похожи на эти сибирские языки, — относятся к одному корню, от которого, уже в весьма далекие времена, пошло множество ствол, один из которых был, весьма вероятно, образован гуннами⁶». Черкесское произношение относится к самым трудным; некоторые согласные артикулируются с таким напряжением голосовых связок, что ни один европеец не сумеет передать эти звуки.

На Кавказе живут также абазины⁷, никогда не покидавшие Черноморского побережья, на котором они появились в глубокой древности, и осеты, или асы⁸, относящиеся к народам индо-германского⁹ корня. Свою страну они называют Иронистаном, а

¹ Чеченцы — коренное население Кавказа. Антропологический тип предков чеченцев («пранахов») сложился в ранние доисторические времена — в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Предки чеченцев освоили как склоны Кавказского хребта, так и степи Предкавказья и очень рано вошли в контакт с миром кочевников — сначала со скифским, а позднее — с сарматским и аланским.

² Аланы — кочевые иранские племена, появившиеся в предкавказских степях около I века н. э. Осев на Центральном Кавказе, аланы передали коренному населению и свой язык, и многие черты культуры. Этим самым было положено начало образованию осетинской народности.

³ Чеченский язык относится к нахско-дагестанской группе северокавказской языковой семьи. Генетического родства у этой группы ни с сибирскими, ни со славянскими языками нет.

⁴ Вогулы — старое название народа манси.

⁵ Остяки — старое название хантов. Кроме того, выделялись енисейские остяки (современные кеты) и остяки-самоеды (современные селькупы).

⁶ Названные народы принадлежат к разным языковым семьям.

⁷ Абазины (самоназвание — абазы) — коренные жители Кавказа, народ балкано-кавказской расы большой европеоидной расы.

⁸ Асы — одно из ранних названий осетинского народа. В средневековых грузинских летописях они назывались овсами и осами, в русских летописях — ясами.

⁹ Правильнее говорить о индоевропейском происхождении народа.

самих себя — иронами¹. Клапрот видит в них мидийских сарматов² не только из-за названия, которое он сближает с Ираном, но и по сходству языка, «который еще лучше, чем исторические документы, и притом неопровержимым образом, доказывает, что они принадлежат к тому же корню, что и мидийцы и персы». Подобная точка зрения представляется нам весьма гипотетичной, поскольку во времена Клапрота очень мало знали об языке мидийцев (дешифровка клинописных надписей еще не проводилась), для того чтобы судить о его сходстве с наречием, на котором говорят осетины³.

«Между тем, — продолжает Клапрот, — найдя в этом народе потомков мидийских сарматов древних авторов, еще более удивительно признать в них еще и потомков алан, занимавших некогда страну к северу от Кавказа».

И дальше: «Из всего сказанного ранее вытекает, что осетины, называющие себя иронами, являются мидийцами, которые сами себя называли иранами и которых Геродот знал как ариоев. Античные авторы называли их еще мидийскими сарматами, принадлежавшими к мидийской колонии, основанной на Кавказе скифами. В средневековье они стали асами, или алэнами; в русских летописях они были известны как ясы, и по этому народу часть Кавказских гор назвали Ясийскими».

Не будем здесь спорить обо всех этих будто бы родственных связях. Критикам нетрудно справиться с подобного рода утверждениями. Мы же приведем только один из выводов Клапрота. Рассуждая об осетинском языке, путешественник утверждает, что его произношение весьма похоже на некоторые нижненемецкие или славянские диалекты.

Что же касается грузин, то они коренным образом отличаются от всех соседних народов — как языком, так и своими физическими и духовными характеристиками. По Клапроту, грузины подразделяются на четыре основных племени: картулийцы, мингрелы, сваны, жители высокогорий по южному склону Кавказского хребта, и лазы, племя дикое и весьма склонное к разбою.

¹ Ирон — одно из самоназваний осетин.

² Сарматы — греческое название ираноязычных кочевых племен Северного Кавказа и степного Поволжья. Населяли эти места с VI века до н. э. по IV век н. э. вплоть до гуннского нашествия.

³ Осетины, как и мидийцы, говорят на языке иранской группы.

Как видим, собранная Клапротом информация была достаточно любопытной и в новом свете показывала миграции древних народов. Проницательность и прозорливость путешественника чрезвычайны, память его изумительна. Ученый берлинец оказал заметную услугу лингвистике. Жаль, что его человеческие качества, его деликатность, мягкость характера не достигли высот профессорского знания и ученой проницательности¹.

Теперь нам надо покинуть Старый Свет, чтобы рассказать об исследованиях, произведенных на территории молодой республики Соединенных Штатов.

Едва федеральное правительство справилось с затруднениями, вызванными войной, едва оно было признано и окончательно организовалось, как широкие круги общества обратили свое внимание на те богатые мехами области, которые когда-то привлекали сначала англичан, а затем испанцев и французов.

Залив Нутка и соседние берега, обследованные великим Куком и такими искусными мореплавателями, как Куадра², Ванкувер³ и Маршан⁴, принадлежали американцам. И доктрина Монро⁵, наделавшая позже столько шуму, уже зарождалась в умах государственных деятелей той поры.

По предложению, внесенному в Конгресс, капитану Мэриуэ-

¹ В 1812 году Клапрот оставил службу в России, переселился в Париж и получил должность профессора азиатских языков в местном университете. Выпустил множество книг по языкознанию, а также по истории Сибири и Дальнего Востока.

² Куадра (Хуан Франсиско де ла Бodega-и-Куадра; год рожд. не изв. — 1794) — испанский мореплаватель. См. о нем в томе «Мореплаватели XVIII века», с. 449.

³ Ванкувер Джордж (1758 — 1798) — английский кругосветный мореплаватель; трижды обошел вокруг света. См. о нем в томе «Мореплаватели XVIII века», с. 449 — 452.

⁴ Маршан Этьен (1755 — 1793) — французский мореплаватель, совершивший в 1790 — 1792 годах кругосветное плавание и открывший остров Нуку-Хива и группу островов в Маркизском архипелаге (острова Революции). Дневники плавания изданы в 1798 — 1800 годах. См. том «Мореплаватели XVIII века», с. 338 — 345.

⁵ Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в послании Конгрессу президента Дж. Монро 2 декабря 1823 года. Доктрина отстаивала политику невмешательства европейских держав в дела Западного полушария («Америка для американцев»).

теру Льюису¹ и лейтенанту Уильяму Кларку² было поручено исследовать Миссури от ее впадения в Миссисипи до истоков, а затем перевалить через Скалистые горы, чтобы установить самый короткий и легкий путь от Мексиканского залива до Тихого океана. Кроме того, эти офицеры должны были завязать торговые отношения с индейцами, если те им повстречаются.

Экспедиция состояла из отряда солдат и волонтеров; всего в ней, считая и начальников, было сорок три человека. Одна лодка и два туземных челнока служили для передвижения.

Четырнадцатого мая 1804 года американцы покинули речку Вуд-Ривер, впадающую в Миссисипи, и вошли в Миссури. Судя по записям в дневнике, опубликованном Гассом, участники экспедиции считали, что их ожидают величайшие опасности и что им придется сражаться с дикарями гигантского роста, питавшими неукротимую ненависть к белым.

В первые же дни этого крупнейшего перехода на лодках, с которым могли равняться в прошлом только плавания Орельяны³ и Кондамина⁴ по Амазонке, американцам повезло, и они повстречали одного старого француза с несколькими индейцами племени сиу. Это был канадский охотник; он говорил на языках большинства племен, живших по берегам Миссури, и согласился сопровождать их вместо переводчика.

Один за другим они прошли притоки — Оседж, Канзас, Платт (Шеллоу-Ривер) и Уайт-Ривер. Им попадались многочисленные группы индейцев — оседжей и сиу, которые все, по-видимому, находились на грани полного вырождения. Одно племя сиу жестоко пострадало от оспы, и выжившие индейцы, охваченные каким-то безумием, убили своих жен и детей, пощаженных болезнью, а сами бежали прочь из зараженных мест.

Немного дальше путешественники встретили индейцев из племени арикара⁵, которые сначала произвели на них впечатление

¹ Льюис Мэриуэтер (1774 — 1809) — американский путешественник, дважды пересекший Североамериканский континент.

² Кларк Уильям (1770 — 1838) — американский путешественник, дважды пересекший Североамериканский континент. В 1814 году выпустил книгу об этом путешествии: «History of the Expedition».

³ См. том «Открытие Земли», с. 300 — 302.

⁴ См. том «Мореплаватели XVIII века», с. 17 — 19 и 458 — 465.

⁵ Арикара — кэддоязычное племя, к рассказу о котором автор возвращается в 3-й главе.

самых честных, приветливых и трудолюбивых из всех индейцев, виденных ими. Несколько случаев воровства вскоре заставили их изменить свое мнение о характере арикара. Индейцы этого племени, как ни странно, занимались не только охотой: они выращивали разные злаки, горох и табак.

Иначе обстояло дело с манданами¹, более крепкими физически, чем их собратья. У них есть странный обычай, встречающийся и в Полинезии: они не хоронят своих мертвых, а кладут их на высокие помосты.

В отчете Кларка сообщаются некоторые подробности об этом любопытном племени.

Первейшим свойством божества манданы полагают способность исцелять. Вследствие этого они признают два божества: одного они называют Великим Целителем, другого — Великим Духом. Может быть, для них жизнь так важна, что они почитают любые силы, которые могут ее продлить?

Не менее примечательна легенда об их происхождении. Сначала они будто бы жили в большом подземном селении, у берега озера. Но корни одной виноградной лозы проникли так глубоко, что дошли до манданов. Тогда некоторые из них поднялись по этой импровизированной лестнице и очутились на поверхности земли. Они вернулись домой с такими пылкими рассказами о богатых охотничьих угодьях, об обилии на земле дичи и плодов, что прельщенный народ тут же решил добраться до этих благословенных краев. Уже половина племени вышла на поверхность земли, когда лоза согнулась под тяжестью одной толстой женщины и обломилась, так что остальные уже не могли выбраться наверх. Манданы верят, что после смерти вернутся на свою подземную родину. Правда, туда попадут лишь те, совесть которых окажется чиста. Остальные будут свергнуты в огромное озеро.

Первого ноября путешественники остановились на зимовку у этого племени. При помощи имевшихся у них инструментов они построили по возможности удобные хижины и почти всю зиму, несмотря на довольно жестокие холода, занимались охотой, которая из развлечения скоро превратилась для них в необходимость.

¹ Манданы — сиуязычное племя, жившее до прихода белых в среднем течении реки Миссури; считается классическим носителем культурной традиции степных деревень. Сильно пострадало от эпидемии оспы в 1837 году и к началу XX века практически исчезло.

Как только Миссури вскрылась, исследователи стали готовиться в дальнейший путь. Нагрузив лодку добытыми мехами, они отправили часть людей в Сент-Луис, и теперь их осталось всего тридцать человек, полных решимости вынести все что угодно, но достичь своей цели.

Путешественники вскоре миновали устье реки Йеллоустон («Реки Желтого Камня»), почти такой же могучей, как и Миссури, и берега, изобиловавшие дичью, остались позади.

Достигнув места, где река разветвлялась, они оказались в большом затруднении. Какая из этих двух рек, почти одинаково полноводных, была Миссури? Капитан Льюис во главе отряда разведчиков поднялся вверх по течению южной ветви и вскоре увидел Скалистые горы, сплошь покрытые снегом. Вдали слышался ужасный грохот, и, ориентируясь по нему, капитан через некоторое время вышел к месту, где Миссури ровной стеной обрушивалась вниз по каменному скату. Еще выше на протяжении многих миль река образовывала непрерывные пороги.

Продолжая двигаться вдоль южного русла, отряд углубился в горы. Река три или четыре мили бурно мчит там между двумя отвесными стенами. Наконец основной поток разделился на три. Эти три реки получили названия Джефферсон, Мадисон и Галлатин — по именам знаменитых деятелей американской республики¹.

Вскоре экспедиция преодолела последний подъем и стала спускаться по склону, обращенному к Тихому океану. Американцы взяли с собой одну женщину, по имени Созоне; молодой девушкой она была похищена восточными индейцами. Она добросовестно исполняла обязанности переводчика, а когда в вожде одного племени, выражавшего сначала враждебные намерения, она признала своего брата, то индейцы стали относиться к чужеземцам очень благожелательно. К несчастью, эти края были бедны, и их обитатели питались лишь лесными ягодами, древесной корой и животными, если их удавалось добыть.

¹ Джефферсон Томас (1743 — 1826) — американский политический деятель, идеолог левого направления в освободительной войне американских колоний с метрополией. Был автором «Декларации независимости» и основателем антифедералистской партии. Третий президент США (1801 — 1809); Мадисон (Мэдисон) Джеймс (1751 — 1836) — американский политический деятель, четвертый президент США (1809 — 1817); Галлатин (Галетен) Альберт (1761 — 1849) — американский политический деятель, дипломат и финансист.

Американцам, не привыкшим к такой скудной пище, пришлось съесть своих лошадей, впрочем, сильно отощавших, и покупать у туземцев всех собак, которых им соглашались продать. Поэтому путешественников даже прозвали: «пожиратели собак».

В местах с более теплым климатом жители отличались более мягким характером; здесь и пища стала обильнее, а когда путешественники достигли реки Орегона, называемой также Колумбией, хорошим подспорьем для них оказалась ловля лососей. Плавание по Колумбии сопряжено с большим риском; приближаясь к океану, она образует обширный эстуарий¹, где волны, набегающая с открытого океана, борются с течением реки². Не раз углый челнок чуть не перевернулся, и американцам грозила опасность утонуть, так и не добравшись до побережья океана.

Довольные тем, что они все-таки достигли своей цели, американцы остались в устье Колумбии на зиму, а когда наступили теплые дни, направились обратно в Сент-Луис, куда и прибыли в мае 1806 года, пробыв в экспедиции два года четыре месяца и десять дней. Путешественники подсчитали, что от Сент-Луиса до устья Орегона они проделали не меньше 1378 лье³.

Первый шаг был сделан. Вскоре последовало несколько разведывательных экспедиций во внутренние области нового материка. В дальнейшем они приобретают сугубо научный характер, благодаря чему стоят особняком в истории открытий.

Несколько лет спустя сэр Томас Стемфорд Раффлс⁴, один из

¹ Эстуарий — широкое устье реки при впадении ее в море (океан).

² При столкновении речного и морского волнового потоков возникает особый тип волнения, который называют *сулой*. Здесь сочетаются волновое и вихревое движение. Сулой характеризуется короткой крутой волной и образованием бурунов. Во многих случаях сулой может быть опасным для судоходства.

³ То есть не менее 5 500 км.

⁴ Раффлз (Раффлс) Томас Стемфорд (1781 — 1826) — служащий Ост-Индской компании. По его инициативе была организована военная экспедиция на острова Нидерландской Индии, перешедшие под власть французов. 25 августа 1811 года в битве при Корнелисе (на о. Ява) англичане одержали победу, французский главнокомандующий сложил оружие. Раффлз с сентября 1811 года по март 1816 года управлял Явой в качестве губернатора. Фактически же под его властью находились все крупные острова Малайского архипелага. После недолгого пребывания в Англии вернулся на Восток, и в 1818 — 1823 годах был губернатором о. Суматра. 29 января 1819 года по его указанию был заложен Сингапур, полтора столетия остававшийся основной военно-морской базой Великобритании на Дальнем Востоке.

самых великих колонизаторов, которым может гордиться Англия, организатор военной экспедиции, овладевшей голландскими колониями в Индонезии, был назначен губернатором Явы. За время своего пятилетнего управления Рафлс провел значительные реформы и отменил рабство. Но, как ни поглощала его эта работа, она не помешала ему собирать все нужные материалы для составления двух громадных томов ин-кварто, представляющих огромный интерес. Кроме истории Явы, они содержат массу прежде не известных подробностей о населении внутренних районов острова и ряд чрезвычайно обстоятельных естественно-исторических и геологических сведений. Поэтому не приходится удивляться, если в честь того, кто так много рассказал нам об этом большом острове, имя «раффлезия» было дано огромному цветку, который достигает подчас метра в диаметре и весит до пяти килограммов.

До Рафлса было известно только побережье Суматры. Он первый проник внутрь острова и посетил округа, населенные пасумахами¹, атлетически сложенными земледельцами. На севере он дошел до Менагкабо², знаменитой столицы малайского государства, и даже пересекал весь остров от Бенкулена до Палембанга.

Но самую большую славу принесло сэру Томасу Стемфорду Рафлсу другое: он указал правительству Индии на исключительное положение Сингапура и превратил последний в открытый порт, который вскоре приобрел важное значение.

¹ Пасумахи (правильно: пасумах) — их также называют среднесуматранскими малайцами; группа народов, проживающих на плато Пасумах (на юге Суматры), относящихся к южноазиатской переходной расе. Говорят на диалектах малайского языка. Общая численность — около 1,2 млн чел.

² Менагкабо — малайская народность, проживающая в горах Центральной Суматры. Под индийским влиянием стала центром индо-малайской империи Малайю. Индуистские традиции до сих пор сохранились среди простонародья. Правители империи вели свое происхождение от султана Искандера, то есть от Александра Македонского. Пришедший на смену индуизму ислам отличается у менагкабо рядом особенностей. Здесь имеется в виду город, ныне называемый Букиттинги.

Глава вторая

ИССЛЕДОВАНИЯ И КОЛОНИЗАЦИЯ АФРИКИ

I

Педди и Кэмпбелл в Судане. — Риччи и Лайон в Феццане. — Денгем, Аудни и Клапертон в Феццане и в стране тиббу. — Озеро Чад и реки, впадающие в него. — Кукава и главные города Борну. — Мандара. — Набег на феллатов. — Поражение арабов и смерть Бу-Халума. — Логгун. — Смерть Тула. — Дорога на Кано. — Смерть доктора Аудни. — Кано. — Сокото. — Султан Белло. — Возвращение в Европу.

Едва рухнуло могущество Наполеона, а вместе с ним и господство Франции, едва закончилась гигантская борьба, которая: из-за честолюбия одного человека задерживала научный прогресс всего человечества, как повсюду возобновились исследования, ставившие перед собой научные или торговые цели. Занималась новая эра.

На первое место среди держав, поощрявших путешествия для открытия новых земель, надо, как всегда, поставить Англию. Она перенесла свою деятельность на Центральную Африку, регион, где разведывательные экспедиции Хорнемана и Буркхардта давали основания подозревать несчетные богатства.

Сначала — в 1816 году — майор Педди отправляется из Сенегала в Каконду, расположенную на Риу-Нуньиш¹. Едва добравшись до этого города, Педди становится жертвой нездорового климата и тягот пути. Майор Кэмпбелл² заступает место начальника экспедиции и переходит высокие горы Фута-Джалон³, но уже через несколько дней теряет много людей и часть выючных животных.

Когда экспедиция вступила на территорию, принадлежавшую «альмами» — такой титул носит большинство властителей в этой

¹ На современных картах Риу-Нуньиш транскрибируется по правилам чтения французского языка: Нунес.

² Кэмпбелл Нил (1776 — 1827) — британский генерал; с 1826 года был губернатором Сьерра-Леоне.

³ Фута-Джалон — на самом деле это горное плато; его высшая точка, гора Кавенду, достигает отметки всего лишь 1425 м над уровнем моря.

части Африки, — ее задержали. Только заплатив порядочный выкуп, англичане получили разрешение покинуть страну.

Во время этого плачевного отступления пришлось не только снова переходить реки, переправы через которые дались очень тяжело, но и подвергаться назойливым преследованиям и вымогательствам. Чтобы отвязаться от туземцев, Кэмпбелл был вынужден сжечь свои товары, переломать ружья и затопить в реке порох. Майор Кэмпбелл, не вынеся мучительного пути, гибели всех надежд и полного провала своего предприятия, умер, как и многие его офицеры. Это случилось в том самом месте, где погиб майор Педди. Остатки экспедиции еле добрались до Сьерра-Леоне.

Немного позже Ричти и капитан Джордж Френсис Лайон¹, опираясь на престиж Англии, только что подкрепленный бомбардировкой Алжира, а также на отношения, завязанные среди влиятельных деятелей английским консулом в Триполи, решают пуститься по следам Хорнемана и проникнуть в самое сердце Африки.

Двадцать пятого марта 1819 года путешественники выехали из Триполи с феццанским беом Мухаммедом эль-Мукни, принявшим титул султана своей страны. Благодаря такому могущественному спутнику Ричти и Лайон беспрепятственно прибыли в Мурзук. Но трудности перехода по пустыне и перенесенные лишения так истощили их силы, что 20 ноября Ричти умер. Лайон долго болел, а когда поправился, ему пришлось вести непрестанную борьбу с подлыми кознями султана, который рассчитывал на смерть обоих путешественников и надеялся присвоить их вещи. Поэтому Лайону не удалось проникнуть далее южных границ Феццана. Но он успел все же собрать ценные сведения о главных городах этого государства и о языке жителей. В то же время ему мы обязаны первыми достоверными данными о диких обитателях великой пустыни — туарегах, об их религии, обычаях, языке и об их своеобразной одежде.

¹ Лайон Джордж Френсис (1795 — 1832) — британский военно-морской офицер и путешественник. В 1818 — 1820 годах путешествовал по Африке. По результатам этой экспедиции издал книгу «Рассказ о путешествиях по Северной Африке» («A narrative of travels in North Africa», 1821). В 1821 — 1823 годах принял участие в арктической экспедиции Парри. В 1824 году выпустил книгу об этом путешествии. В 1825 году стал почетным доктором Оксфордского университета. Потом долго жил в Мексике и Южной Америке. Погиб в плавании.

Отчет капитана Лайона богат также интересными подробностями — тщательно подобранными, хотя и не основанными на непосредственном наблюдении — о Борну¹, Вадаи² и обо всем Судане вообще.

Достигнутые результаты не могли удовлетворить алчность англичан, стремившихся открыть для своей торговли богатые рынки в глубине Африки. Поэтому правительство благосклонно приняло предложения, которые сделал ему один шотландец, доктор Уолтер Аудни³, воодушевленный рассказами Мунго Парка. У доктора был друг — лейтенант флота Хью Клаппертон⁴, тремя годами старше его. Клаппертон уже отличился на канадских озерах, притом неоднократно, но по заключении мира в 1815 году был переведен на половинный оклад — то есть получил отставку и был обречен на вынужденное бездействие.

Когда доктор Аудни поделился с Клаппертоном своим планом, тот сразу же решил присоединиться к этой рискованной экспедиции. Доктор Аудни добился разрешения министерства взять себе помощником смелого офицера, специальные знания которого могли ему очень пригодиться. Лорд Батерст⁵ не стал чинить пре-

¹ Борну — африканское государство, впервые упоминаемое в XIV веке. Наивысшего могущества достигло в XVI веке. Управляли государством султаны из династии Сайфия, выходцы из Канема; эта династия угасла в 1854 году, и страной стал править «шейх» Умар (Омар). В конце XIX столетия территория Борну была разделена между Великобританией, Францией и Германией (Канем — историческая область, располагающаяся к северу и северо-востоку от озера Чад).

² Вадаи — часть Центрального Судана, расположенная к востоку от озера Чад. Общая площадь около 200 тыс. кв. км, население в середине XX века составляло около 2 млн человек — преимущественно негроиды, но арабская примесь весьма значительна. С XVIII века господствующей религией стал ислам. В описываемое время Вадаи было независимо от иноземного влияния.

³ Аудни (Оудней) Уолтер (1791 — 1823) — британский путешественник. В 1822 — 1823 годах вместе с Денгемом и Клаппертоном пересек Центральную Сахару; умер во время экспедиции.

⁴ Клаппертон Хью (1788 — 1827) — английский исследователь Африки. Совершил два путешествия по континенту: в 1822 — 1825 годах от Триполи до Кукавы и Сокото (совместно с Денгемом и Аудни), в 1825 — 1827 годах из Лагоса до Сокото (совместно с Р. Лендером). Результаты его исследований опубликовали Д. Денгем и Р. Лендер.

⁵ Лорд Батерст — Генри, 3-й граф Батерст (1762 — 1834), английский государственный деятель, в разное время своей карьеры был лордом Адмиралтейства, министром иностранных дел, министром колоний, председателем кабинета министра.

КАПИТАН ХЬЮ

КЛАПЕРТОН

пятствий, и двое друзей, получив подробные инструкции, отплыли в Триполи, где вскоре узнали, что их начальником назначен майор Диксон Денгем¹.

Денгем родился 31 декабря 1785 года в Лондоне. В юности он служил канцеляристом у управляющего большим загородным поместьем, потом поступил в обучение к адвокату. Однако у него не было склонности к юридической деятельности. Отважный характер и тяга к приключениям вскоре заставили его вступить в полк, отправлявшийся в Испанию. До 1815 года он воевал; затем воспользовался представившимся досугом, чтобы посетить Францию и Италию.

Стремясь к славе, Денгем искал деятельности, которая, хотя и с опасностью для жизни, удовлетворяла бы его честолюбие, и решил стать путешественником.

Сказано — сделано. Он предложил министру добраться до Тимбукту путем, каким позже последовал Лэнг². Когда он узнал, какое предприятие поручено лейтенанту Клаппертону и доктору Аудни, он попросил разрешения присоединиться к ним.

Собрав все, что представлялось необходимым для путешествия, и наняв искусного плотника, по имени Уильям Хилман, Денгем немедленно отплыл на Мальту и 24 ноября 1821 года догнал своих будущих товарищей в Триполи.

Распространение английского влияния не ограничивалось пределами северного побережья: экспедиции англичан, покровительство, оказываемое Англией Порте³, слухи о сражениях и победах в Индии — все это понемногу проникало внутрь Африки, и слово «англичанин» теперь становилось известно всем, хотя его значение оставалось туманным.

По мнению английского консула, путь из Триполи до Борну мог считаться таким же безопасным, как из Лондона до Эдинбурга. Надо было использовать благоприятные условия, на которые в дальнейшем вряд ли можно было бы рассчитывать.

Трое англичан посетили бея. Тот принял их дружелюбно и снабдил всем необходимым. Вскоре путешественники покинули

¹ Денгем (Денем) Диксон (1786 — 1828) — английский офицер и путешественник, участник битвы при Ватерлоо. В Африке с 1821 года. Умер в Сьерра-Леоне, куда он был назначен губернатором.

² Лэнг Александер Гордон (1796 — 1826) — английский путешественник.

³ Порта (Блестательная Порта) — принятое в европейской литературе и в официальных документах название султанской Турции.

Триполи. Благодаря конвою, предоставленному беям, они легко добрались (8 апреля 1822 г.) до Мурзука, столицы Феццана.

В некоторых селениях их принимали не только радушно, но почти с восторгом.

«В Сокне, — рассказывает Денгем, — правитель выехал нам на встречу и приветствовал нас за чертой города. С ним были другие важные лица и много простых жителей; охваченные, по видимому, чистосердечной радостью, туземцы толпились вокруг наших коней и целовали нам руки. Так мы въехали в город. Слова «Инглези! Инглези!» звучали в толпе, и эта встреча доставила нам тем больше удовольствия, что мы были первыми европейцами, не изменившими своей одежды. Я уверен, что прием был бы менее дружественным, если бы мы пытались выдать себя за магOMETан и унизились бы до роли обманщиков».

Но в Мурзуке начались такие же вымогательства, какие в свое время привели к неудаче путешествие Хорнемана. Впрочем, теперь изменились и обстоятельства и люди. Не позволяя себе обольщаться великими почестями, которыми осыпал их султан, англичане не забывали о своей цели и требовали конвоя, нужного им, чтобы доехать до Борну.

«Выехать раньше весны нельзя, — твердили им в ответ, — потому что собрать «кафилу», то есть караван, и отряд для сопровождения его по пустынному краю очень трудно».

Однако богатый купец, по имени Бу-Бакер-Бу-Халум, близкий друг паши, намекнул англичанам, что за некоторую мзду он может уладить все затруднения. Он даже брался проводить их в Борну, куда и сам отправился бы, будь у него разрешение триполитанского паши.

Денгем, поверив в правдивость слов Бу-Халума, решил, что надо получить это разрешение, и отправился в Триполи. Выслушав уклончивый ответ, он пригрозил, что сядет на корабль и уедет в Англию. Там, говорил Денгем, он расскажет, какие препятствия паша чинит выполнению порученной ему миссии.

Эти угрозы не возымели никакого действия. Тогда Денгем поднялся на борт корабля и уже готовился отплыть в Марсель; однако в последний момент он получил от бея успокоительное послание, в котором тот звал его обратно и соглашался дать Бу-Халуму разрешение сопровождать путешественников.

Денгем 30 октября вернулся в Мурзук и застал своих спутников лежащими в жестокой лихорадке. Губительный климат уже сказался на их состоянии.

Денгем был уверен, что перемена места восстановит их подорванное здоровье. По его настоянию они небольшими переходами тронулись в путь. Сам он выехал 29 ноября, присоединившись к каравану купцов, собравшихся из Мисураты, Триполи, Сокны и Мурзука. Их сопровождал конвой под командованием Бу-Халума из двухсот десяти арабов, воинов, набранных среди самых покорных и цивилизованных племен.

Экспедиция направилась той же дорогой, по которой шел лейтенант Лайон, и вскоре добралась до Теджеги, самого южного города в Феццане, и последнего перед вступлением в пустыню Бильма¹.

«Мне удалось, — сообщает Денгем, — зарисовать общий вид крепости Теджеги с южного берега соленого озера, расположенного у самого города. В Теджеги попадают по узкому и низкому сводчатому проходу, ведущему ко второй стене и воротам. В стене повсюду пробиты бойницы, так что врагам войти через этот тесный проход очень трудно. Над вторыми воротами также имеется отверстие, откуда осаждающих можно осыпать дротиками и горящими головнями, которые раньше были в большом ходу у арабов. Внутри крепости есть колодцы с довольно хорошей водой. Поэтому, запасшись боеприпасами и продовольствием и подправив стены, здесь, по моему, можно отлично защищаться. Расположена крепость Теджеги очень живописно. Повсюду вокруг растут финиковые пальмы, вода превосходна. К востоку тянется гряда низких холмов. Соленые озера поблизости от города полны болотных куликов, диких уток и гусей».

Покинув этот город, путешественники вступили в песчаную пустыню; дорогу по ней нелегко было бы найти, если бы вежами не служили скелеты животных и людей; их особенно много вокруг колодцев.

«Один мертвец, которого мы сегодня разглядывали, — рассказывает Денгем, — казалось, лежал там совсем недавно. На лице еще держалась борода, и можно было разобрать его черты. Один из купцов нашей кафилы вдруг воскликнул: “Это мой раб! Я его бросил недалеко отсюда месяца четыре тому назад”. — “Живей, живей, — заторопил его один веселый работоровец, — волоки его на рынок, не то объявится другой хозяин!”»

¹ Бильма — оазис в Сахаре, на территории современной Республики Нигер. Песчаная пустыня простирается к западу от оазиса.

При переходе через пустыню останавливаются в оазисах, среди которых выросли более или менее значительные города. Киши — одно из излюбленных мест, где встречаются караваны. Там надо уплатить за переход по стране. Султан Киши — многие из мелких властителей присваивают себе этот титул — славился своей неопрятностью, и, судя по словам Денгема, его двор был ничуть не лучше.

«Он пришел, — замечает путешественник, — в шатер Бу-Халума, прихватив с собой с полдюжины своих приспешников, из которых многие были на редкость безобразны. Зубы у них темно-желтого цвета, потому что они очень любят не только нюхать табак, но и жевать его. Нос похож на маленький круглый комок мяса, торчащий посередине лица. Ноздри такие широкие, что эти люди могут засовывать в них пальцы на какую угодно глубину. Мои часы, буссоль и музыкальная табакерка не очень их удивили».

Чуть подальше, у гряды холмов, самые высокие из которых не превышали четырехсот футов, путники увидели город Кирби, расположенный в вади¹, между двух соленых озер, по всей вероятности образовавшихся из ям, где брали глину для построек. Посреди каждого озера возвышается наподобие островка куча поваренной соли, перемешанной с карбонатом натрия. Соль, добываемая в вади, часто встречающихся в этом краю, — важный предмет торговли с Борну и со всем Суданом.

Город Кирби представляет самое плачевное зрелище. В домах совсем пусто, нет даже циновок. Да и как могло быть иначе в городе, постоянно подвергающемся набегам туарегов?

Экспедиция пересекла область, населенную гостеприимным и мирным племенем тибу², которому караваны платят за переход, потому что тибу заботятся о колодцах и водоемах, служащих этапами пути через пустыню. Живые и деятельные, всегда верхом на своих проворных лошадях, большинство тибу удивительно ис-

¹ Вади (или уэды) — сухие долины в пустынях Северной Африки и Аравийского полуострова, периодически, после сильных ливней, наполняющиеся водой.

² Тибу (тубу, теда) — общее название жителей Центральной Сахары, этнически связанных с племенами Центрального Судана (в отличие от туарегов, родословная которых восходит к берберам). Антропологический тип этих кочевников — эфиопеидный. Тибу занимаются скотоводством в нагорьях Тибести, Эннеди и в других районах Ливийской и Чадской Сахары. Говорят тибу на наречии, относящемся к нило-сахарской языковой семье.

кусны в метании копья. Иные сильные воины бросают его на расстояние в двести сорок футов. Столица края и резиденция их султана — город Бильма.

«Султан, — говорится в отчете, — вышел навстречу чужеземцам с большой свитой мужчин и женщин. Женщины здесь гораздо красивей, чем в маленьких деревушках, а некоторые даже прехорошенькие. Их белые ровные зубы чудесно контрастировали с черной блестящей кожей и с косами, спадающими треугольником по обе стороны лица, лоснящегося от масла. Коралловые подвески в носу и большие янтарные ожерелья делали их поистине соблазнительными. Чтобы отгонять мух, у одних был «шейше», то есть веер, сплетенный из тонких трав или из конского волоса, у других — просто ветка, у некоторых были опахала из страусовых перьев, у иных — связка ключей, все держали какой-нибудь предмет в руке и на ходу размахивали им над головой. Кусок суданской ткани, закрепленный на левом плече и оставлявший всю правую сторону обнаженной, — вот и вся их одежда. Другим куском, поменьше, они обертывают себе голову, спуская концы на плечи или отбрасывая их назад. Хотя они ходят крайне скудно одетыми, ничто в их виде или в их поведении не кажется нескромным».

В одной миле от Бильмы, за прозрачным источником, который природа, казалось, нарочно создала здесь, чтобы путники могли запастись водой, начинается пустыня. Переход через нее занимает не меньше десяти дней. Когда-то на ее месте несомненно находилось обширное соленое озеро.

Четвертого февраля 1823 года караван вступил в Лари. Город этот расположен на 14°40' северной широты на реке, протекающей в северной части Борну.

Жители, перепуганные шумным караваном, в ужасе бросились бежать.

«Но огорчение, причиненное нам этим зрелищем, — рассказывает Денгем, — вскоре сменилось совершенно другим чувством, лишь только через какую-нибудь милю мы увидели огромное озеро Чад, освещенное яркими лучами солнца. Вид этого озера, представлявшего для нас такой интерес, взволновал и обрадовал меня. Мне не найти достаточно ярких слов, чтобы описать, насколько мое волнение было сильно и непосредственно».

После Лари местность стала совершенно иной. Песчаная пустыня сменяется глинистой почвой, покрытой травой, повсюду

акации и деревья различных пород. Среди рощ виднеются стада антилоп, а в листве сверкают своим радужным оперением гвинейские курочки и берберские горлицы. Деревушки сменяются городами. Хижины здесь имеют форму колокола и покрыты соломой дурро.

Путешественники продолжали двигаться на юг, огибая озеро Чад, к которому они подошли с северной стороны. У берегов этого озера почва черная и илистая, но твердая. Зимой уровень воды в нем поднимается высоко, а летом понижается. Вода в озере пресная; оно кишит рыбой, гиппопотамами и водоплавающей птицей. На юго-востоке, почти посередине озера находятся островки, населенные неграми племени бидома, которые живут главным образом грабежом жителей прибрежных селений.

Англичане отправили гонца к шейху эль-Ханеми, прося у него разрешения посетить столицу. Посланец вскоре вернулся к каравану и привез приглашение Бу-Халуму и его спутникам направиться к городу Кукаве¹.

Путешественники миновали Берву², укрепленный поселок, неизменно отражавший все нападения туарегов, и переправились через Йеу³ — большую реку, ширина которой в иных местах достигает более ста пятидесяти футов. Река эта берет начало в Судане и впадает в озеро Чад. На ее южном берегу виднеется красивое поселение, окруженное каменными стенами. Оно вдвое меньше Бервы и называется тоже Йеу.

Семнадцатого февраля, после двух с половиной месяцев пути, кафила прибыла к воротам Кукавы и был встречен войском в четыре тысячи человек, двигавшимся с образцовой слаженностью. В состав этого войска входил отряд негров, который составлял особую охрану шейха; их вооружение напоминало вооружение старинных рыцарей.

«На них были, — писал Денгем, — кольчуги из железных колец, закрывавшие грудь до самой шеи. Кольчуга закреплялась вокруг шеи и ниспадала отдельными полотнищами, защищая таким образом бока лошади и бедра всадника. На голове было на-

¹ Кукава — в XIX и начале XX века этот город назывался Кука.

² Берва — в настоящее время это селение на юге Республики Нигер называется Барва.

³ Йеу — под этим именем в книге фигурирует впадающая в озеро Чад с запада река Комадугу-Йобе, которая в наши дни служит границей между Республикой Нигер и Нигерией.

дето нечто вроде каски или железного колпака, который придерживался тюрбаном — желтым, красным или белым, — завязанным под подбородком. Головы лошадей тоже прикрывались пластинками из того же металла. Седла были маленькие и легкие со стремянами из олова. В них влезали только носки ног, обутых в сандалии, отделанные кожей крокодила. Воины отлично сидели верхом и мчались к нам во весь опор. Осадив лошадей на всем скаку в нескольких шагах от нас, они остановились, взмахами копий приветствуя Бу-Халума и крича “Барка! Барка!” (“Добро пожаловать! Добро пожаловать!”)».

Окруженные лихими наездниками, англичане и арабы вступили в город, где в их честь был устроен еще один военный парад.

Через некоторое время путешественников принял шейх эль-Ханеми. Ему на вид было лет сорок пять. Веселое, умное и благодушное лицо располагало в его пользу.

Англичане передали ему послание паши. Прочитав его, шейх спросил, что же Денгем и его спутники намерены делать в Борну.

«Мы хотим только посмотреть страну, — ответил Денгем, — и познакомиться с ее обитателями, с ее природой, с тем, что в ней растет и добывается».

«Добро пожаловать, — ответил шейх, — я с удовольствием покажу вам все это. Я приказал построить вам дома в нашем городе. Пойдите с кем-нибудь из моих людей поглядите их и, если что-либо вам не понравится, говорите смело».

Путешественники получили разрешение увезти с собой шкуры животных и чучела птиц, какие им покажутся интересными, и делать заметки обо всем, что увидят. Таким образом им удалось собрать много сведений о городах по соседству с Кукавой.

В Кукаве, тогдашней столице Борну, на рынке продавали овец, молодых бычков, пшеницу, рис, земляные орехи, бобы, индиго и другие местные продукты. Там же продавали рабов. На улицах города, насчитывавшего не менее пятнадцати тысяч жителей, царил постоянное оживление.

Ангорну¹ — прежняя столица Борну — тоже большой город, окруженный каменной стеной. В нем жило около тридцати тысяч человек. Рынок в Ангорну считается одним из самых больших в стране; там собиралось до ста тысяч человек, оживленно препиравшихся о ценах на рыбу, птицу и мясо (которое продавали в

¹ Ангорну (Нгорну) — сейчас этот город называется Монгону.

сыром или зажаренном виде), или торговавших латунь, медь, амбру и кораллы. Льняная ткань была в этой области так дешева, что большинство мужчин ходили в рубахах и штанах. У нищих даже был особый способ возбуждать жалость: они стояли у входа на рынок и, держа в руке лохмотья старых штанов, жалобно обращались к проходящим: «Глядите-ка, у меня нет штанов». Когда путешественник увидел такую картину, неожиданность этого приема, эта мольба об одежде, по их мнению более необходимой, чем пища, заставили его громко расхохотаться.

Пока что англичане имели дело только с шейхом, который, удовлетворяясь своей фактической властью, предоставлял номинальное господство султану. Этот властитель был удивительной личностью; он разрешал на себя смотреть лишь через прутья камышовой клетки у ворот своего сада как на какое-то злобное редкое животное. И что за странные моды царили при его дворе! Каждый щеголь там должен был обладать толстым брюхом и старался с помощью разных искусственных способов достигнуть тучности, которую обычно считают столь обременительной! У иных изысканных вельмож, когда они ехали верхом, живот выпячивался вперед и почти свешивался за луку седла. Кроме того, мода требовала тюрбана такого размера и веса, что носившие его вынуждены были склонять голову набок. Нелепые причуды делали придворных очень похожими на маскарадных турок, и путешественники с трудом сохраняли серьезные лица в присутствии этих смешных и уродливых фигур.

Но зато наряду с такими торжественными и забавными встречами сколько свежих наблюдений, сколько любопытных подробностей, сколько вновь возникающих вопросов!

Денгем хотел сразу же направиться к югу, однако шейх не согласился подвергнуть опасности жизнь путешественников, доверенных ему триполитанским беєм. На территории Борну ответственность Бу-Халума кончалась, и теперь за все отвечал шейх.

Но Денгем решительно настаивал и наконец добился в эль-Ханеми разрешения отправиться вместе с Бу-Халумом в набег, который тот задумал против «кяфиров», то есть неверных.

Войско шейха и отряд арабов прошли Йедди — большой укрепленный город в двадцати милях от Ангорну, — затем Аффагай и многие другие города, построенные на наносной почве, с виду напоминавшей глинистую.

Около Делоу¹ арабы вошли в область Мандара, султан которой выехал им навстречу во главе пяти сотен всадников.

«Мухаммед-Бекер был небольшого роста, — вспоминает Денгем, — лет пятидесяти от роду; борода его была выкрашена в небесно-голубой цвет нежнейшего оттенка».

Последовали взаимные приветствия. Султан, взглянув на майора Денгема, сразу спросил, кто он. Выслушав маловразумительный ответ Бу-Халума, султан отвернулся и произнес: «Значит, паша дружит с кяфирами?»

Это происшествие произвело самое дурное впечатление, и Денгема больше не допускали к султану.

Враги паши Борну и султана Мандары принадлежали к многочисленному племени феллатов², распространившемуся по стране почти до самого Тимбукту. Это красивые люди; по цвету кожи, напоминающему темную бронзу, они резко отличаются от негров, почему их считают особым народом. Они исповедуют ислам и редко смешиваются с неграми. Впрочем, мы еще будем говорить о племени феллатов, известном по Судану также под именем фульбе, пёль и фан.

На юг от города Мора³ виднеется цепь гор, самые высокие из которых не превышают двух тысяч пятисот футов. По уверениям туземцев, горы тянутся более чем на два месяца пути.

Описание этой страны у Денгема довольно любопытно, и мы не можем удержаться, чтобы не привести некоторые интересные выдержки.

«Со всех сторон, — пишет он, — взор упирается в бесконечную горную цепь. Хотя ни по высоте, ни по суровому величию ее нельзя и сравнить с Альпами, Апенниннами, Юрой и даже со Сьерра-Мореной, все же они не уступают им по живописности. К востоку и западу вздымаются пики Вальми-Сава, Джогги-дай, Вайа, Мой-

¹ Делоу — селение Долоо в области Борну.

² Феллата — одно из названий народа фульбе, разбросанного по различным странам Западной Африки. Его общая численность превышает в настоящее время 7 млн человек. Хотя этнографы и относят фульбе к западной (атлантической) бантоидной группе, внешний облик этих африканцев резко отличается от окружающего населения, что послужило причиной для возникновения самых фантастических гипотез о происхождении фульбе, которое не выяснено до сих пор. Само название народа — фульбе — переводится «рассеянные в массе чужих народов», «распыленные».

³ Мора — расположен на севере современного Камеруна.

унг и Мемай. Их каменистые склоны усеяны деревушками. Впереди на юге виднеется Хорза с ее пропастями и ущельями, высокой и красотой превосходящая все остальные горы».

Один из главных городов у феллатов, Дерколла, был превращен вторгшимися войсками арабов в пепел. Вскоре они заняли позиции перед Мосфейей. Она расположена очень удачно и обнесена частоколом, который защищали многочисленные лучники. Английский путешественник присутствовал при сражении. Первый удар арабов был сокрушителен. Грохот огнестрельного оружия, само появление известного своей храбростью и жестокостью Бу-Халума и его приспешников на несколько мгновений вселили в феллатов панику. И конечно, если бы воины Мандары и Борну в этот момент решительно пошли бы на штурм холма, город был бы взят.

Но осажденные, заметив неуверенность неприятеля, сами перешли в нападение, выдвинули вперед своих лучников, и множество арабов сразу же пало жертвой их отравленных стрел. Тут войска Борну и Мандары отступили.

Под Барка-Гамой, командовавшим арабами Борну, убили трех лошадей. Бу-Халум был ранен, так же как и его конь. Лошадь Денгема тоже получила рану. Ему самому стрела оцарапала лицо, а две другие воткнулись в бурнус.

Отступление скоро перешло в беспорядочное бегство. Лошадь Денгема упала, и не успел всадник опять вскочить в седло, как его окружили феллаты. При виде пистолета, наведенного англичанином, двое убежали, третий получил пулю в плечо.

Денгем считал себя спасенным, но тут его лошадь вторично грохнулась наземь, и притом с такой силой, что он отлетел далеко в сторону и ударился о дерево. Когда майор поднялся, лошадь его исчезла, а сам он оказался без оружия. Враги сразу окружили Денгема, раненного в обе руки и в правый бок. Его стали раздевать, и лишь опасение испортить богатую одежду помешало феллатам его прикончить.

Вокруг добычи разгорелась ссора. Майор воспользовался ею, скользнул под чью-то лошадь и скрылся в кустарниках. Раздетый, окровавленный, он мчался что было сил и наконец прибежал к краю оврага, на дне которого протекал поток.

«Силы почти покидали меня, — рассказывает он. — Чтобы легче было соскользнуть с очень крутого берега вниз к воде, я ухватился за молодые побеги, выросшие на старом стволе, который

свисал над оврагом. Ветки согнулись под тяжестью тела, и вдруг у самой моей руки с явным намерением укусить из норки выползла большая “лиффа” – самая ядовитая змея здешних мест. Меня охватил ужас, и я совершенно растерялся. Выпустив ветки из рук, я кубарем полетел в воду. Однако сотрясение привело меня в себя, я сделал два-три взмаха и оказался у противоположного берега, на который с трудом вскарабкался. Только здесь я почувствовал себя в безопасности от преследования феллатов».

К несчастью, Денгем заметил группу всадников, и, несмотря на суматоху погони, ему удалось привлечь к себе их внимание. Он проехал, по крайней мере, тридцать семь миль на крупе тощей лошади, кое-как завернувшись вместо одежды в грязное покрывало, кишевшее насекомыми. Как это было мучительно, да еще в тридцатишестиградусную жару, которая растревляла его раны!

Тридцать пять арабов были убиты, в том числе их вождь Бу-Халум, почти все остальные ранены, лошади пали или убежали – вот что принес этот налет, предпринятый в расчете на богатую добычу и сотни рабов!

Сто восемьдесят миль, отделявшие крепость Мора от Кукавы, проделали за шесть дней. В столице Денгем был благосклонно принят шейхом эль-Ханеми, приславшим ему взамен отнятого у него платья местную одежду.

Едва майор залечил свои раны и пришел в себя после перенесенных бедствий, он принял участие в новом военном походе в область Монга, расположенную на запад от озера Чад: ее жители не признавали верховной власти шейха и отказывались платить дань.

Денгем и доктор Аудни отправились из Кукавы 22 мая, перешли реку Йеу, в это время года почти пересохшую, но очень полноводную в период дождей, и побывали в Бирни, где осмотрели развалины старого города Бирни, бывшей столицы, насчитывавшей когда-то около двухсот тысяч жителей. Затем они осмотрели развалины великолепных построек в Гамбару, любимой резиденции старого султана, разрушенной феллатами, и посетили Кабшари, Баскур, Батели и ряд других городов и поселков, многочисленное население которых без всякого сопротивления подчинилось султану Борну.

Зимние месяцы принесли с собой бедствия для участников экспедиции. Клаппертон лежал в злейшей лихорадке. Состояние доктора Аудни, болевшего чахоткой еще в Англии, ухудшалось с

каждым днем. Плотник Хилман был безнадежен. Один Денгем пока держался.

Четырнадцатого декабря, как только сезон дождей стал подходить к концу, Клапerton с доктором Аудни уехали в Кано. Мы проследим эту интереснейшую часть путешествия позже.

Семь дней спустя в Кукаву прибыл молодой офицер, по фамилии Тул, который затратил на переход из Триполи всего три с половиной месяца.

В феврале 1824 года Денгем и Тул совершили поездку в область Логгун¹, на южном берегу озера Чад. Вся местность, прилегающая к озеру и к впадающей в него реке Шари, очень болотиста и затопляется во время дождей. Чрезвычайно нездоровый климат этой местности оказался роковым для молодого Тула, который умер в Ангале 26 февраля, не дожив и до двадцати двух лет. Упорный, неутомимый, веселый, услужливый, хладнокровный и предусмотрительный, Тул обладал всеми качествами, необходимыми для настоящего путешественника.

Логгун в то время был малоизвестной страной, через которую не проходили караваны; ее столица Кернок насчитывала около пятнадцати тысяч жителей. Населяющий эту страну народ более красив и более развит, чем жители Борну (это особенно справедливо в отношении женщин), и весьма трудолюбив. Там ткнут прекрасные плотные ткани. Получив богатые подарки, султан после обмена любезностями закончил официальный прием предложением, звучавшим в его устах довольно странно: «Если ты едешь за рабынями, то тебе незачем забираться далеко, я тебе их продам не дороже всякого другого». Денгему стоило великого труда объяснить этому практичному властелину, что рабыни не являются целью его путешествия и что его привела в эти края только любовь к науке.

Второго марта Денгем вернулся в Кукаву, а 20 мая туда прибыл лейтенант Тирвит, который привез богатые подарки для шейха и должен был остаться в Борну в качестве консула.

Был совершен еще один набег на Ману, столицу области Канем², и на догганов, обитавших раньше в окрестностях озера Фитри. Затем, 16 августа майор вместе с Клапertonом пустился

¹ Логгун – название области образовано от названия реки Логоне, притока Шари.

² Вопреки утверждению автора, столицей области Канем был городок Мао.

в обратный путь в Фецдан и прибыл в Триполи, закончив таким образом долгое и трудное путешествие. Доставленные им важные географические сведения были впоследствии подтверждены и умножены Клаппертоном.

Теперь пора вернуться к рассказу о перипетиях путешествия этого офицера и сделанных им открытиях. Выехав 14 декабря 1823 года вместе с доктором Аудни в Кано, большой город феллатов, расположенный на запад от озера Чад, Клаппертон двигался вдоль Йеу до Дамаска. Они побывали в Старом Берни, в Бера, стоящем на берегах изумительного озера, образованного разливами реки Йеу, затем в Догаму и Бекидарфи – городах, расположенных главным образом на территории хауса¹. Население этой области, до нашествия феллатов, бывшее очень многочисленным, вооружено луками и стрелами и торгует табаком, орехами гуру (кола), сурьмой, выделанными козьими шкурами, хлопчатобумажной тканью или сшитой из нее одеждой.

Вскоре караван свернул в сторону от Йеу (или Гамбару) и углубился в лесистую местность, которая в период дождей, вероятно, совершенно затопляется.

Затем путешественники вступили в область Катагум. Ее правитель принял их очень ласково и уверял, что их приход для него настоящий праздник и что султан феллатов тоже будет очень рад им, так как он никогда еще не видел англичан. Он уверял также, что у него они найдут, как и в Кукаве, все необходимое.

Однако он чрезвычайно удивился, услышав, что путешественникам не нужны ни рабы, ни лошади, ни серебро и что они рассчитывают только на его любезное позволение посетить страну и собирать цветы и травы.

Город Катагум, по данным Клаппертона, расположен на $12^{\circ}17'11''$ северной широты и приблизительно на 12° восточной долготы². Область, центром которой он являлся, до завоевания

¹ Хауса – народ, живущий в различных странах Западной и Экваториальной Африки. Общая численность – 24 млн чел. Нация сложилась в результате длительного смешения местных негроидных народов с суданскими племенами. У хауса были города-государства (иногда их называют эмиратами): Кано, Гобир, Бирам, Кашина, Зария и другие, попавшие в XVI веке в зависимость от государства Сонгаи, а потом – от Борну. Единого государства у хауса не было, в XIX веке все государства этого народа вошли в султанат Сокото.

² Катагум – расположен на р. Джемари; его современные координаты: $12^{\circ}17'$ северной широты и $10^{\circ}20'$ восточной долготы.

феллатами была пограничным краем Борну. Она могла выставить четыре тысячи конников и две тысячи пехотинцев, вооруженных луками, мечами и копьями. Главный предмет торговли, наряду с рабами — зерно и крупный рогатый скот. Самый город укреплен лучше всех городов, какие только англичане видели после Триполи. В крепостных стенах пробиты ворота, запирающиеся на ночь. Город окружен двумя параллельными стенами и тремя сухими рвами. Один ров находится внутри, другой — снаружи, а третий — между стенами, которые достигают двадцати яутов в высоту и десяти футов в ширину (у основания). Впрочем, в городе все дома глинобитные и, кроме одной полуразвалившейся мечети, в нем нет больших зданий. Число жителей не превышает, вероятно, семи-восьми тысяч.

Англичане впервые увидели там каури¹, заменявшие деньги. До тех пор обменной единицей служили ткани туземной выработки или какой-нибудь другой товар.

На юг от области Катагум лежит страна Якоба², которую мусульмане знают под названием Муши. Клапertonу рассказали, что эту страну, покрытую известняковыми горами, населяют людоеды. Впрочем, мусульмане, испытывающие непреодолимый страх перед кяфирами, подкрепляли это обвинение лишь тем, что они будто бы видели там висевшие на стенах жилищ человеческие головы, ноги и руки.

В области Якоба берет начало река Йеу³, совершенно пересыхающая летом. По уверениям жителей, во время дождей ее воды еженедельно то поднимаются, то опускаются.

«11 января, — пишет Клапerton, — мы снова пустились в путь, но уже в полдень нам пришлось остановиться в Мурмуре. Доктор был так слаб и истощен, что я не знал, протянет ли он хоть сутки. Со времени нашего отъезда из гор Обарри в Феццане⁴, где его потного продуло сквозняком, он тяжело болел.

12 января на рассвете доктор выпил чашку кофе, и по его желанию я велел выучить верблюдов. Я помог ему одеться, и он вышел

¹ Каури — раковины моллюска кипреи (*Succinea moneda*), служившие во многих регионах Африканского континента платежным эквивалентом монет.

² Страна Якоба — название этой области в северо-восточной Нигерии образовано от города Якуба, современный Баучи.

³ Впоследствии поочередно называется Динганя и Комадугу-Гана; поблизости от озера Чад сливается с рекой Комадугу-Йобе.

⁴ Неточность: Убари — название города, а горы называются Амсак-Сеттафед.

из палатки, опираясь на своего слугу. Но в ту минуту, когда его собирались посадить на верблюда, я заметил, что на его черты уже ложится страшная печать смерти. Я сразу же велел внести его обратно, остался подле него и с печалью, которую не пытаюсь и выразить, смотрел, как он умирал. Он скончался без единой жалобы и, по-видимому, без страданий. Я послал к правителю за разрешением похоронить доктора, которое тотчас же и получил. Я приказал вырыть могилу под мимозой близ городских ворот. Когда по обычаю страны тело было омыто, я велел завернуть его в тюрбанные шали, взятые нами для подарков. Наши слуги перенесли тело, и, прежде чем предать его земле, я прочел заупокойную службу по англиканскому обряду. Затем я распорядился сразу обнести скромную могилу глиняной стенкой для защиты от хищных животных и приказал зарезать двух баранов, а мясо их раздал нищим».

Такова была печальная кончина доктора Аудни, судового врача и ученого-натуралиста. Жестокая болезнь, начавшаяся еще в Англии, помешала ему принести экспедиции ту пользу, на какую рассчитывало правительство. Однако он не щадил себя для дела, уверяя, будто в пути чувствует себя лучше, чем во время остановок. Сознывая, что подорванное здоровье не дает ему возможности работать в полную силу, он старался никогда не быть помехой для своих спутников.

После этой грустной церемонии Клаппертон снова двинулся по направлению к Кану. Главными этапами путешествия были: Дигу — город, стоящий среди возделанной местности, где пасутся многочисленные стада; Катунгуа, находящиеся уже вне пределов Катагума; Зангея (в конце гряды холмов Души) — бывшая раньше довольно значительным городом, если судить по протяженности еще стоявших крепостных стен; Гиркуа, где рынок лучше, чем в Триполи, и Соква, окруженная высоким глиняным валом.

В Кану, или Хана, как его называют Идриси¹ и другие арабские географы, Клаппертон вошел 20 января. Это место скрещения многих путей в государстве хауса.

¹ Идриси — Абу Абдаллах ибн Мухаммед аль-Идриси (1100 — 1161 или 1165), знаменитый арабский географ и путешественник. Посетил Португалию, Францию, Англию, Испанию и Малую Азию, после чего обосновался в Сицилии, при дворе короля Рожера II. Именно для своего гостеприимного хозяина составил карту известной в то время части света и ее описание — «Развлечения тоскующего о странствии по областям» (законч. в 1154 году). Описание в отрывках переводилось на русский язык.

«Едва мы прошли ворота, — рассказывает путешественник, — я увидел, что жестоко обманулся в своих ожиданиях. Припоминая пышные описания, которые я читал у арабских географов, я думал, что увижу огромный город. Дома стояли на расстоянии четверти мили от городских стен, в некоторых местах сбившись кучками, с большими лужами стоячей воды между ними. Я зря принарядился, надев морской офицерский мундир, — жители, занятые своими делами, не обратили никакого внимания, когда я проходил мимо, и даже не взглянули на меня».

Кано, столица области того же названия и один из главных городов Судана, расположен на $12^{\circ}0'19''$ северной широты и $9^{\circ}20'$ восточной долготы¹. В нем живут от тридцати до сорока тысяч человек, из них больше половины — рабы.

На базар, который с востока и запада граничит с большими, поросшими камышом болотами, слетаются целые стаи уток, аистов и ястребов — постоянных мусорщиков и уборщиков города. Тут продают все съестные припасы, какие потребляют в Африке, и можно купить говядину, баранину, козлятину, а иногда и верблюжье мясо.

«Туземные мясники, — рассказывает Клаппертон, — такие же ловкачи, как и наши. Они умеют надрезать мясо так, чтобы выставить напоказ жир, умеют поддувать тушу и подчас натягивают кусок бараньей кожи на ляжку козы».

Писчая бумага, изготовленная на французских фабриках, ножницы и ножи туземного производства, сурьма, олово, красный шелк, медные браслеты, стеклянные бусы, кораллы, амбра, оловянные кольца, серебряные безделушки, шали для тюрбанов, хлопчатобумажные ткани, коленкор, мавританская одежда и множество других изделий — всем этим изобилует базар в Кано.

За три пиастра Клаппертон купил хлопчатобумажный английский зонтик, доставленный через Гадамес. Путешественник побывал также на рынке рабов, где несчастных тщательно осматривали «с таким же вниманием, как врачи осматривают добровольцев, поступающих во флот».

Город в общем очень нездоровый — из-за болот, разделяющих его почти пополам, и ям, из которых берут глину для построек; в нем не прекращается малярия.

¹ Согласно современным определениям, координаты Кано таковы: $11^{\circ}58'$ северной широты и $8^{\circ}35'$ восточной долготы.

В Кано очень модно цветами «гурги» и табака красить зубы и губы в кроваво-красный цвет. Жуют также орех гуру и даже едят его. Этот обычай распространен не только среди хауса, но и в Борну, где он, впрочем, запрещен женщинам. Кроме того, хауса курят местный табак.

Двадцать третьего февраля Клапerton двинулся в Сокото. Ему предстояло пересечь живописную, хорошо возделанную местность. Рощи, разбросанные по холмам, отчасти напоминали ему английские парки. Стада прекрасных белых или пепельно-серых быков оживляли пейзаж.

Наиболее значительные поселения, встретившиеся на пути Клапertonа, были Гаданиа — город малонаселенный, так как феллаты продали жителей в рабство, — затем Донками, Зирмия — столица Замбры, Кагариа, Куарра и Камун, где его встретила охрана, посланная султаном.

Сокото — самый многолюдный город из всех, виденных Клапertonом в Африке. Хорошо построенные прочные дома образуют правильные улицы, а не стоят группами, как в других городах хауса. Сокото окружен стеной высотой от двадцати до тридцати футов с двенадцатью воротами, которые регулярно запираются на заходе солнца. В городе две большие мечети, обширный рынок и просторная площадь перед резиденцией султана.

У жителей — в большинстве своем феллатов — много рабов. Рабы или работают по дому, или занимаются каким-нибудь ремеслом и трудятся на своих хозяев; среди них есть ткачи, каменщики, кузнецы, сапожники и земледельцы.

Желая почтить султана Белло и доказать ему могущество и богатство Англии, Клапerton решил явиться перед ним во всем блеске. Он надел мундир с золотыми галунами, белые штаны и шелковые чулки. В довершение своего маскарадного наряда он повязал голову тюрбаном и обулся в мягкие турецкие туфли. Белло принял его сидя на ковре между двумя столбами, подпиравшими соломенную крышу хижины, похожей на английский коттедж. Султан был рослый, представительный мужчина лет сорока пяти, одетый в тебе¹ из синей хлопчатобумажной ткани. На голове у него был белый тюрбан, концом которого он по турецкой моде прикрывал себе нос и рот.

Белло по-детски обрадовался подаркам, привезенным Клап-

¹ Тобе — мужская рубашка.

пертоном. Больше всего удовольствия ему доставили часы, подзорная труба и термометр, который он остроумно назвал «часами для тепла». Но лучшей из диковинок показался ему сам путешественник. Белло без конца расспрашивал его об английских нравах, обычаях и об английской торговле. Несколько раз Белло выражал желание войти в торговые сношения с этой державой; ему хотелось, чтобы в порту, называемом им Рака, поселились английский консул и врач. Наконец, он просил прислать некоторые предметы английского производства на морское побережье, где ему принадлежал оживленный торговый город под названием Фонда. После длительной беседы о различных европейских религиях и на всякие другие темы Белло отдал Клаппертону книги, путевые дневники и платье Денгема, захваченные во время злополучного похода, который стоил жизни Бу-Халуму.

Третьего мая путешественник распрощался с султаном.

«После долгих проволочек, — замечает он, — я был наконец допущен к Белло. Он сидел один и тотчас вручил мне письмо для короля Англии, всячески изъявляя свои дружеские чувства к нашему народу. Он снова сказал, что хочет вступить в сношения с нами, и просил меня сообщить ему о сроке прибытия к их берегам английской экспедиции» (которую Клаппертон обещал прислать после того, как вернется в Англию).

Клаппертон отправился обратно той же дорогой, какой пришел, и 8 июля прибыл в Кукаву, где уже находился майор Денгем. Он привез с собой арабскую рукопись, содержащую историческое и географическое описание государства Такрур, которым правил Мухаммед Белло Хаусский — автор этого труда. Путешественник не только собрал много ценных сведений о животном и растительном мире стран Борну и хауса, но также составил словарь языков хауса, а также жителей Багирми, Мандары, Борну и Тимбукту.

Эта экспедиция дала важные результаты. Впервые стало известно о феллатах, тождество которых с фанам было доказано вторым путешествием Клаппертона. Было установлено, что они основали в давние времена в центре и на западе Африки огромное государство и что эти племена не принадлежали к негритянской расе. Изучение их языка и его связей с неафриканскими наречиями пролило совершенно новый свет на историю переселения народов. Наконец, теперь было обследовано озеро Чад если не полностью, то, во всяком случае, в большей его части. Выяснилось, что в него впадают две реки: протекающая в возвышенной части страны река

Йеу, об истоках которой были собраны сведения у туземцев, и река Шари, нижнее течение и устье которой Денгем тщательно изучил. Что касается Нигера, то данные, почерпнутые Клапшертоном из рассказов туземцев, хотя и были очень неопределенными, в своей совокупности давали основания предполагать, что эта река впадает в залив Бенин. Впрочем, Клапшертон хотел, отдохнув немного в Англии, опять вернуться в эти края, чтобы, отправившись с побережья Атлантического океана, подняться по Куаре, или Джолибе, как называют Нигер в разных частях его течения, и продолжить конец давним спорам, установив окончательно, что эта река не имеет отношения к Нилу.

Он хотел свои новые открытия связать с открытиями Денгема и наконец пересечь Африку, следуя по диагонали от Триполи к заливу Бенин.

II

Второе путешествие Клапшертона. – Прибытие в Бадагри. – Государство йоруба и столица его Катунга. – Буса. – Попытки собрать точные сведения о смерти Мунго Парка. – Области Ниффе, Гуари и Зегзег. – Прибытие в Кано. – Дебуар. – Смерть Клапшертона. – Возвращение Лендера на побережье. – Такки в Конго. – Бодич у негров ашанти. – Молвен у истоков Сенегала и Гамбии. – Майор Грей. – Кайе в Тимбукту. – Лэнг у истоков Нигера. – Ричард и Джон Лендеры в устье Нигера. – Кайо и Леторзек в Египте, Нубии и в оазисе Сива.

Как только Клапшертон вернулся в Англию, он поспешил представить лорду Батерсту свой план. Он предложил теперь добраться до Кукавы из залива Бенин, следуя вверх по Нигеру от его устья до Тимбукту, то есть двигаясь самым коротким путем, по которому еще не проходил ни один из его предшественников.

В этой экспедиции, руководимой Клапшертоном, приняли участие еще три человека: доктор Диксон, капитан первого ранга Пирс – отличный художник и судовой врач Моррисон – весьма сведущий во всех областях естественной истории.

Двадцать шестого ноября 1825 года экспедиция высадилась в залив Бенин. Диксон, неизвестно из каких соображений пожелавший добраться до Сокото один, высадился в Джуиде. Португалец, по имени ди Соза, вместе с бывшим слугою Денгема Колумбом сопровождали его до Дагомеи¹. Выйдя из города, Диксон

¹ Дагомея – в настоящее время страна называется Республика Бенин.

на семнадцатый день пути прибыл в Хар, затем в Юри, но дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

Остальные путешественники добрались до реки Бенин¹. Английский негодник, по имени Хаутсон, отсоветовал им подниматься по ней, потому что вождь, который правил орошаемыми ею землями, питал страшную ненависть к англичанам, чинившим ему препятствия в самом прибыльном его занятии — торговле рабами.

«Лучше, — говорил купец, — идти на Бадагри;² от этого места тоже близко до Сокото, а тамошний вождь, расположенный к путешественникам, без сомнения снабдит вас конвоем до границ государства йоруба»³. Хаутсон жил в этом краю уже много лет и знал местные нравы и язык. Поэтому Клаппертон счел для себя полезным поехать вместе с ним до Катунги⁴, столицы йоруба. 29 ноября 1825 года экспедиция высадилась в Бадагри, поднялась по протоке реки Лагос, потом около двух миль по реке Гази, протекающей частично по территории Дагомеи, и, переправившись на левый берег, углубилась внутрь страны. Местность была то покрыта болотами, то отлично возделана и засажена иньямом⁵. Повсюду чувствовался достаток. Поэтому негры очень неохотно нанимались на работу. Трудно описать, какие бесконечные переговоры приходилось вести, сколько торговаться, на какие вымогательства соглашаться, чтобы раздобыть носильщиков.

Несмотря на все эти трудности, путешественники все-таки достигли поселения Джанна, находившегося в шестидесяти милях от побережья.

«Здесь мы видели много ткацких станков, — писал Клаппертон. — В одном доме работали иногда на восьми — десяти таких станках. Это были настоящие мануфактуры. Жители производят

¹ Река Бенин расположена к западу от дельты Нигера.

² Бадагри — город к западу от Лагоса; расположен недалеко от берега моря, на одной из речных протоков.

³ Йоруба (в XIX — начале XX века встречался также другой вариант этнонима — юруба) — народ гвинейской группы негрской расы. В описываемое автором время у йоруба не было единого государства.

⁴ Катунга — одно из названий города Ойо на западе Нигерии, западнее города Ибадана. Ойо было центром одноименного княжества, образованного этнической группой ойо, частью народа йоруба.

⁵ Иньям (ямс) — род растений семейства диоскорейных; распространен преимущественно в тропиках. Подземные клубни культурных видов иньяма богаты крахмалом и подобно картофелю используются в пищу.

также фаянсовые изделия, но предпочитают покупать европейские, хотя не всегда употребляют их по назначению. Сосуд, в котором «кабосир», то есть вождь, предложил нам питьевой воды, мистер Хаутсон признал за ночной горшок, проданный им в прошлом году в Бадагри».

Из-за влажности и сильной жары в этой местности все члены экспедиции тяжело болели лихорадкой. 27 сентября умерли Пирс и Моррисон, один — на руках Клаппертона, другой — по дороге к побережью в Джанне.

Во всех городах, лежавших на пути Клаппертона (например, в Ассудо, насчитывавшем не менее десяти тысяч жителей, в Даффу, где их тысяч на пять больше), его появлению предшествовал странный слух. Везде говорили, будто он прибыл, чтобы установить мир в этом крае, объятom войной, и облагодетельствовать страны, которые изучает.

В Чоу караван приветствовал посол султана йоруба¹, высланный навстречу вместе с большой свитой. Вскоре путешественники вступили в Катунгу. Множество ветвистых деревьев, растущих в городе и близ него, опоясывают подножие каменистой, сложенной гранитами горы, имеющей в окружности около трех миль. Ландшафт был изумительно красивый.

Клаппертон прожил в Катунге от 24 января до 7 марта 1826 года. Он был сердечно принят султаном, у которого попросил разрешения проехать через Ниффе², или Топпа, чтобы оттуда добраться до земель народа хауса и Борну. «Область Ниффе разорена гражданской войной, и один из претендентов на трон призвал себе на помощь феллатов, — ответил султан, — ехать этой дорогой неблагоприятно и лучше направиться через Юри». Делать было нечего, Клаппертону оставалось только согласиться.

Однако он воспользовался своим пребыванием в Катунге и сделал кое-какие любопытные наблюдения. В этом городе не меньше семи разных базаров, где продают иньям, зерно, бананы, фиги, растительное масло, семена колоквинты (горькой тыквы), а также коз, кур, баранов, ягнят, холсты и всякие земледельческие орудия.

Домá султана и его жен окружены двумя полосами садов. Во-

¹ Правитель государства Ойо носил титул «алифан».

² Область Ниффе — территория феодального княжества Ифе, образованного одноименной этнической группой народа йоруба.

рота и столбы, поддерживающие веранды, украшены скульптурными изображениями — то это боа, который душит антилопу или свинью, то группы воинов, сопровождаемых барабанщиками. Изображения эти не так уж плохо выполнены.

«На мой взгляд, во внешности йоруба, — свидетельствует путешественник, — меньше характерных признаков негритянской расы, чем у других виденных мною племен. Губы у них не такие толстые, а нос по форме приближается к орлиному, что у негров встречается редко. Мужчины хорошо сложены и держатся с бросающейся в глаза непринужденностью. Женщины обычно выглядят более заурядно, чем мужчины. Это, быть может, происходит оттого, что они много бывают на солнце и сильно изнурены, так как на них, а не на мужчинах лежат все земледельческие работы».

Покинув Катунгу, Клаппертон переправился через реку Мусса¹, приток Куары, и достиг Каиамы. Это один из городов, через которые проходят караваны, идущие из городов хауса и Боргу в Ганджу на границе области Ашанти. В Каиаме не менее тридцати тысяч жителей, которых считают первейшими мошенниками во всей Африке: «...назвать кого-нибудь уроженцем Боргу все равно, что окрестить его вором и убийцей».

При выходе из Каиамы путешественник встретил караван хауса. Быки, ослы, лошади и около тысячи женщин и мужчин плелись друг за другом нескончаемой вереницей. Картина была самая удивительная и самая причудливая. Какое пестрое смешение лиц — от юных обнаженных девушек и мужчин, сгибающихся под тяжестью ноши, до нелепо и смешно вырядившихся купцов верхом на измученных хромоногих клячах.

Теперь Клаппертон направил свой путь в сторону Бусы² — того места, у которого на Нигере погиб Мунго Парк. Чтобы попасть туда, Клаппертону пришлось переправиться через Оли³, приток Куары, и пройти через Вава — столицу одной из провинций Боргу, где за четырехугольником городской стены обитают тысяч восемнадцать жителей. Это один из наиболее опрятных и хорошо построенных городов, виденных путешественниками после Бадагри. Улицы здесь чисты и широки, а круглые дома увенчаны кони-

¹ Сейчас эта река называется Моши.

² Буса (в старом писании Бусса) — город на острове посреди реки Нигер, подробно описываемый дальше.

³ Оли — правый приток Нигера.

ческой соломенной крышей. Но трудно найти в целом мире город, где бы царило такое всеобщее пьянство. Правитель, жрецы, миряне — мужчины и женщины — до бесчувствия напиваются пальмовым вином, ромом, который привозят с побережья, и «бузой». Этот напиток делается из дурро с прибавкой меда, чилийского перца, корня одной жесткой кормовой травы и определенного количества воды.

«Население Вава, — рассказывал Клаппертон, — славится своей честностью. Это веселые, доброжелательные и гостеприимные люди. Я не встречал в Африке никого, кто так охотно рассказывал бы о своей стране, как они, и, что совсем удивительно, не видел среди них ни одного нищего. Они утверждают, что ведут свое происхождение не от коренных жителей Боргу, а от выходцев из хауса и ифе. Их язык является диалектом языка народа йоруба, но их женщины красивы, чего нельзя сказать о женщинах йоруба, мужчины сильны и хорошо сложены. Религия их — смесь язычества и выродившегося мусульманства».

Клаппертону принадлежит еще одно ценное наблюдение: вдали от побережья он встречал племена феллатов, бывших еще язычниками, но говоривших на том же языке, что и феллаты-мусульмане, и имевших те же черты лица и тот же цвет кожи. Они, очевидно, были одного происхождения.

Буса, куда наконец добрался путешественник, собственно говоря, не настоящий город — это отдельные группы домов на острове, находящемся посреди Куары (на $10^{\circ}14'$ северной широты и $6^{\circ}14'$ восточной долготы)¹. Буса — столица области, наиболее густо населенной во всем Боргу. Жители — язычники, так же как сам султан, хотя его и зовут Мухаммед. Они питаются обезьянами, собаками, кошками, крысами, рыбой, говядиной и бараниной.

«Пока я сидел у султана, — вспоминал Клаппертон, — принесли завтрак. Меня тоже угостили. Завтрак состоял из жирной водяной крысы в шкуре, отличного вареного риса, сухой рыбы — тушеной в пальмовом масле, крокодиловых яиц, жареных и тушеных, и, наконец, свежей воды из Куары. Я съел немного тушеной рыбы и рису, и все смеялись, как это я даже не попробовал ни крысы, ни крокодиловых яиц».

Султан принял путешественника приветливо и сообщил ему,

¹ По современным измерениям, долгота Бусы составляет $4^{\circ}30'$ к востоку от Гринвича.

что повелитель Юри уже неделю держит наготове суда, чтобы он мог подняться по реке до столицы. Клаппертон ответил, что все пути между Борно и Юри закрыты из-за войны, а потому он предпочел бы двигаться через Кулфо и Ниффе. «Ты прав, — сказал султан, — ты хорошо сделал, что явился ко мне, и поедешь той дорогой, какой захочешь».

Во время следующего свидания путешественник стал расспрашивать об европейцах, которые двадцать лет назад погибли на Куаре. Этот вопрос явно был неприятен султану, и Клаппертон не получил на него прямого ответа. «Я был тогда слишком молод, — сказал султан, — и не знаю точно, как это случилось».

— Мне хотелось бы только получить, — заметил Клаппертон, — книги и бумаги, принадлежавшие тем путешественникам, и увидеть место, где они погибли.

— У меня нет ничего из их вещей! — ответил султан. — А туда, где они погибли, ты не ходи! Это очень плохое место.

— Мне говорили, что обломки их лодки виднеются там до сих пор. Правда ли это? — спросил Клаппертон.

— Нет, нет, тебе сказали неправду, — возразил султан. — Обломки лодки, застрявшей между камней, давно унесло полой водой.

На новый вопрос о бумагах и дневниках Мунго Парка султан ответил, что у него нет ничего и что все бумаги были переданы каким-то ученым. Но если это так уж важно Клаппертону, продолжал султан, он велит их разыскать. Поблагодарив султана, путешественник попросил разрешения расспросить в городе стариков; многие из них, наверное, были свидетелями происшествия. При этой просьбе на лице султана выразилось очевидное замешательство, и он ничего не ответил. Поэтому настаивать дальше не имело смысла.

«Это нанесло тяжкий удар моим дальнейшим розыскам, — сожалел Клаппертон. — Всякий, кого я спрашивал о подробностях, выказывал растерянность и говорил: “Это случилось так давно, что я ничего не могу припомнить”, или же: “Я не был при этом”. Мне описали место, где лодка села на камни и где погиб ее несчастный экипаж, но об этом говорили осторожно и как бы украдкой».

Несколько дней спустя Клаппертон узнал, что у последнего имама — феллата по происхождению — были какие-то книги и бумаги Мунго Парка. К сожалению, этот имам недавно выехал

из Бусы. В Кулфо путешественник наконец получил сведения, не оставлявшие больше сомнений в том, что Мунго Парк был убит.

Расставаясь с Боргу, Клаппертон записывает в своем дневнике, что считает несправедливой дурную репутацию местных жителей, которых повсюду называют ворами и разбойниками. Он сам объездил всю страну, путешествовал и охотился с ними и никогда не мог их ни в чем упрекнуть.

Теперь путешественнику надо было попытаться достичь Кано, переправившись через Куару и пройдя области Квари и Зегзег. Вскоре он прибывает в Табру, на реке Маингьяра, где жила мать султана области Ниффе. Затем он посещает самого султана в его лагере, находившемся недалеко от города. По словам Клаппертона, это был невиданно наглый, гнусный и жадный мошенник: он выпрашивал все, что попадалось ему на глаза, и не унимался, даже получив решительный отказ.

«Он погубил страну, — утверждал путешественник, — из-за своего честолюбия и из-за того, что призвал феллатов; придя к нему на помощь, те отделались от него, как только он стал им не нужен. Он виноват в том, что большая часть трудолюбивого населения Ниффе перебита, продана в рабство или покинула родину».

Болезнь вынудила Клаппертона задержаться в Кулфо дольше, чем он предполагал. Кулфо — торговый город, лежащий на северном берегу Маингьяры, в нем двенадцать — пятнадцать тысяч жителей. Он уже двадцать лет подвергается набегам феллатов и за шесть лет дважды горел. Клаппертон присутствовал там на празднике новолуния. В этот день все ходят друг к другу в гости. Женщины заплетают курчавые волосы в косы и красят шевелюру и брови краской индиго, а ладони и ступни ног — хной. Губы красят в желтый цвет, а зубы в красный. Ради праздника они наряжаются в самые красивые и пестрые одежды и надевают все свои стекляшки, браслеты и кольца из меди, серебра, олова и латуни. Пользуясь случаем, они пьют бузу наравне с мужчинами, распевают с ними песни и принимают участие в танцах.

Покинув область Котонкоро, путешественник вскоре очутился в пределах Квари. Страна, как и вся область хауса, была завоевана феллатами, но после смерти султана Белло Первого жители восстали, и с тех пор им, несмотря на все усилия феллатов, удается сохранять свою независимость. Столица области, тоже нося-

шая название Квари, расположена на 10°54' северной широты и 8°1' к востоку от Гринвича¹.

Достигнув Фатики, Клаппертон оказался на территории Зегзег, подвластной феллатам. Затем он посетил Зарию, своеобразный город, где имеются засеянные просом поля, огороды, густые рощи, болота, лужайки и даже большие дома. Город, вероятно, больше, чем Кано: считается, что там около сорока — пятидесяти тысяч жителей, главным образом феллатов.

Девятнадцатого сентября, перенеся столько трудов и невзгод, Клаппертон прибыл наконец в Кано. В первый же день он заметил, что ему больше обрадовались бы, приди он с востока, потому что из-за войны с Борну было прервано всякое сообщение с Феццаном и Триполи. Оставив своего слугу Лендера сторожить багаж, Клаппертон почти сразу же пустился на розыски султана Белло, который, как говорили, находился где-то в окрестностях Сокото. Путешествие оказалось чрезвычайно тяжелым. Клаппертон потерял своих верблюдов и лошадей, а для оставшихся вещей еле-еле раздобыл одного облезлого больного быка, так что слугам и даже ему самому пришлось на себе тащить часть груза.

Белло отнесся к Клаппертону милостиво и послал ему несколько верблюдов и немного других съестных припасов. Но так как султан в это время был занят покорением возмущившейся против него области Губер, он не мог немедленно принять путешественника, чтобы обсудить многочисленные вопросы, которые английское правительство поручило выяснить Клаппертону.

Во главе пятидесяти — шестидесяти тысяч человек (девять десятых из них были пехотинцы в ватных доспехах) Белло напал на Кунью, столицу области Губер. Исход сражения оказался самым плачевным, и после этой неудачной попытки война закончилась. Тем временем Клаппертон, здоровье которого значительно улучшилось, добрался до Сокото, затем прибыл в Магорию и там встретился с султаном.

Как только Белло были вручены предназначенные ему подарки, он перестал выказывать Клаппертону прежнее дружеское расположение. Вскоре он даже сделал вид, будто получил от шейха эль-Ханеми письмо, в котором ему предлагали отделаться от путешественника, называя его шпионом, и вообще советовали

¹ По современным измерениям, координаты города Квари таковы: 11°25' северной широты и 8°08' восточной долготы.

остерегаться англичан. Планы Англии сводились, мол, к тому, чтобы, разузнав все о природных богатствах страны, обосноваться в ней, приобрести сторонников, а затем, воспользовавшись раздорами, поощряемыми самими англичанами, прибрать земли хауса к рукам, как это было с Индией.

Препятствия к отъезду, которые придумывал Белло, ясно доказывали, что ему очень хотелось наложить свою руку на подарки, предназначенные для султана Борну. Однако ему не хватало предлога, и он решил сочинить его, распустив слух, будто бы путешественник везет в Кукаву пушки и военное снаряжение. Затем султан заявил, что ни в коем случае не может разрешить иностранцу проехать через его земли, чтобы подготовить к войне его заклятого врага. Белло даже хотел заставить Клаппертона прочесть ему письмо лорда Батерста к султану Борну.

«Ты можешь его отнять, если захочешь, — сказал на это путешественник, — но сам я тебе его не отдам. Для тебя все возможно, потому что на твоей стороне сила, но насилуем ты лишь обесчестишь самого себя. Для меня распечатать это письмо все равно, что снять с себя голову. Я приехал к тебе с письмом и подарками от короля Англии, потому что послание, отправленное тобою в прошлом году, внушило ему доверие к тебе. Надеюсь, ты не нарушишь своего слова и своего обещания ради того, чтобы узнать содержание письма к повелителю Борну».

Тут султан жестом дал понять путешественнику, что аудиенция окончена, и тот удалился.

Однако эта попытка была не последней, и дело зашло потом гораздо дальше. Несколько дней спустя к Клаппертону пришли с требованием выдать подарки, предназначенные для эль-Ханеми. Получив отказ, их просто отняли и унесли.

«Вы ведете себя по отношению ко мне как мошенники, — вскричал Клаппертон, — вы совсем не держите своего слова. Так не делает ни один народ на свете. Лучше бы вы отрубили мне голову, чем так поступать. Впрочем, я думаю, вы и до этого дойдете, когда отберете у меня все».

Наконец у него решили отнять оружие и боевые припасы. Клаппертон, собрав всю свою энергию, отказал наотрез. Перепуганные слуги покинули его, но вскоре вернулись, готовые разделить опасность, грозившую их хозяину, к которому они питали самую горячую привязанность. На этом дневник Клаппертона обрывается. Он провел в Сокото более шести месяцев, не имея воз-

возможности ни заниматься исследованием страны, ни вести переговоры, бывшие главной целью его приезда с побережья. Заботы, волнения и болезни донимали путешественника, и состояние его здоровья внезапно стало угрожающим. Слуга Ричард Лендер¹, догнавший его в Сокото, разрывался на части, но все было напрасно.

Двенадцатого марта 1827 года Клашпертон заболел дизентерией, которую ничто не могло остановить. Он быстро слабел. Было время рамадана², и Лендер не мог добиться никакой помощи даже от слуг. Между тем болезнь усиливалась с каждым днем, чему способствовала жара. Клашпертон двадцать дней провел в состоянии полного изнеможения. Почувствовав близость конца, он отдал последние распоряжения своему верному слуге Ричарду Лендеру и 11 апреля скончался у него на руках.

«Я сообщил султану Белло, — рассказывает Лендер, — о моей тяжелой утрате и просил разрешения похоронить хозяина по обычаю моей страны; я просил также указать мне место, куда бы я мог свезти его бранные останки. Посланец вскоре вернулся с разрешением султана. В полдень от Белло явились четыре раба, которым было приказано вырыть могилу. Я решил отправиться вместе с ними и велел положить тело на спину моего верблюда. Я накрыл покойника английским флагом; двигаясь медленным шагом, мы добрались до Джунгари, деревушки, расположенной на возвышенности в пяти милях к юго-востоку от Сокото. Там тело сняли с верблюда и положили под навесом. Рабы стали копать могилу, и, как только она была готова, мы перенесли тело к ней. Затем я открыл молитвенник и прерывающимся от рыданий голосом прочел заупокойную молитву. Никто не внимал печальному чтению, никто не облегчил моей горести своим участием. Рабы держались в отдалении. Они ссорились и непристойно шумели. Когда религиозная церемония закончилась, я снял флаг и тело было тихо опущено в землю. А я горько плакал над безжизненными останками моего прекрасного, достойнейшего и отважнейшего хозяина».

¹ О собственных экспедициях этого знаменитого английского путешественника автор рассказывает в конце главы.

² Рамадан — девятый месяц мусульманского календаря, месяц поста. В течение дня правоверным запрещается пить, есть, воскуривать благовония, предаваться развлечениям.

Зной, усталость и горе так одолели бедного Лендера, что он более десяти дней не выходил из своей хижины.

Белло много раз справлялся о состоянии здоровья несчастного слуги, но тот не обманывался насчет этих знаков внимания со стороны султана. Они были вызваны желанием завладеть деньгами и сундуками путешественника, которые, по его предположению, были набиты золотом и серебром. Велико же было изумление Белло, когда выяснилось, что Лендеру не на что даже добраться до побережья. Но султан так и не узнал, что англичанин предусмотрительно спрятал на себе оставшиеся у него золотые часы, а также часы Клаппертона и капитана Пирса.

Все же Лендер понимал, что ему любой ценой, и притом как можно скорее, надо вернуться на побережье. Он предусмотрительно одарил нескольких советников султана и привлек их на свою сторону. Они разъяснили своему повелителю, что смерть Лендера неминуемо породит слухи, будто он сам велел убить и его, и его хозяина. И хотя Клаппертон советовал Лендеру присоединиться к арабским купцам, отправлявшимся в Фещан, тот, опасаясь, как бы у него не отобрали путевых дневников и материалов экспедиции, все же решил направиться к Атлантическому океану.

Третьего мая Лендер наконец уехал из Сокото и направился в Кано. В первую половину перехода Лендер чуть не погиб от жажды, но вторая была менее трудной, потому что повелитель Джакобы, оказавшийся его спутником, обращался с ним дружелюбно и даже пригласил посетить свою страну. Он ему рассказал, что по соседству с его землями живут племена ньям-ньям¹ и что они были его союзниками в войне против султана Борну. После одной битвы ньям-ньям унесли трупы врагов, зажарили их и съели.

Со времен Хорнемана это, кажется, первый случай, когда о ньям-ньямах, о которых позже сообщалось столько небывлиц, упоминается в путевом отчете как о людоедах.

Лендер 25 мая приехал в Кано и после краткой остановки двинулся к Фунде, расположенной на берегу Нигера. По этой до-

¹ Ньям-ньям — устаревшее арабское название народа занде (азанде), проживающего на территории современной Республики Конго, а также в пограничных районах Центрально-Африканской Республики и Судана. Современная численность народа оценивается в 2,7 млн человек. Под общим названием азанде объединяются различные по этническому происхождению группы.

роге он рассчитывал добраться до залива Бенин, к тому же, на взгляд путешественника, она обладала и другим преимуществом, так как не только считалась безопаснее остальных, но и не была до тех пор никем пройдена. Таким образом, к открытиям своего хозяина Лендера удалось бы прибавить кое-что новое.

Лендер посетил один за другим города Канфу, Карифо, Гоужи, Гатас и установил, что их жители принадлежат к народу хауса и платят дань феллатам. Затем он встретил на своем пути большую реку, текущую в сторону Куары, побывал в Коттопе с большим рынком, где продают скот и рабов, а затем в Кудже и Дунроре, откуда виднелась длинная цепь высоких гор, тянувшихся к востоку.

В Дунроре, когда Лендер уже приказывал грузить своих выючных животных, четыре всадника на взмыленных конях прискакали к вождю и с его разрешения заставили путешественника повернуть обратно и ехать к властителю Зегзегу, по их словам очень хотевшему его видеть. Нельзя сказать, чтобы Лендер испытывал то же желание: он, наоборот, стремился добраться до Нигера. Теперь было уже недалеко, а по реке он рассчитывал спуститься к морю. Однако пришлось уступить грубой силе. Провожатые Лендера двинулись не совсем той дорогой, по которой тот приехал в Дунрору, и это дало возможность путникам увидеть город Эггеби, где правителем был один из главных военачальников султана Зегзегу.

Двадцать второго июля Лендер прибыл в Зегзег и сразу же был принят султаном. Тот объявил, что заставил Лендера вернуться лишь из-за войны, начавшейся между Белло и повелителем Фунды; этот последний, несомненно, погубит Лендера, как только узнает о подарках, привезенных султану феллатов. Лендер сделал вид, будто вполне верит участливым речам, но смекнул, что в основе поведения властителя зегзегов лежало любопытство и желание получить что-нибудь в подарок. Лендер покорился необходимости, оправдывая скудность своих подарков тем, что у него, мол, уже отняли все товары. Вскоре он получил разрешение уехать.

Вари, Умба, Кулфо, Буса и Вава – таковы этапы обратного путешествия Лендера в Бадагри, куда он прибыл 22 ноября 1827 года. Два месяца спустя он отплыл в Англию.

Главная цель путешествия Клашпертона – установление коммерческих связей – не была осуществлена в результате происков

арабских купцов, опасавшихся, что открытие нового пути нанесет ущерб их торговле, и сумевших отговорить Белло, но наука, во всяком случае, очень многим обязана трудам и мучениям английского исследователя.

В своей истории путешествий Десборо Кули так определяет успехи путешественников, экспедиции которых мы вкратце описали:

«Открытия, сделанные в Центральной Африке капитаном Клаппертоном, намного превосходят по своему научному и практическому значению открытия всех его предшественников.

Двадцать четвертый градус северной широты был крайним пределом, достигнутым капитаном Лайоном на юге. Но майор Денгем во время экспедиции в Мандару добрался до $9^{\circ}15'$ северной широты. Хорнеману, правда, уже удалось пересечь пустыню, и он продвинулся на юг до Ниффе ($10^{\circ}30'$), но мы не имеем его путевого отчета. Во время своего первого путешествия Мунго Парк на $10^{\circ}34'$ западной долготы достиг Силлы, лежащей в тысяче ста милях от устья Гамбии. Наконец, Денгем и Клаппертон от восточного берега озера Чад (17° восточной долготы)¹ до Сокото ($3^{\circ}30'$ восточной долготы)² прошли пятьсот миль с востока на запад Африки; таким образом, между Силлой и Сокото неисследованными оставались только четыреста миль. Но результаты второго путешествия капитана Клаппертона были во много раз более важными. Действительно, он открыл самый короткий и самый удобный путь к густонаселенным областям Центральной Африки и мог похвалиться, что был первым путешественником, осуществившим переход по Африканскому матерiku до залива Бенин».

К этим справедливым суждениям, к этой высокой оценке мало что можно прибавить. Теперь благодаря переходу Клаппертонского сведения арабских географов, в особенности Льва Африканского³, были подтверждены и значительная часть Судана стала при-

¹ Восточный берег озера Чад тянется вдоль 14° восточной долготы.

² Сокото, по современным определениям, расположено в $5^{\circ}15'$ к востоку от Гринвича.

³ Лев Африканский (настоящее имя — Хасан ибн Мухаммад аль-Уаззан аль-Зайяти; около 1494 — 1552?) — арабский путешественник, родом из Испании; в 1513 — 1515 годах странствовал по Сахаре и Судану, посетил Тимбукту, Борну, озеро Чад, между 1517 и 1520 годами поднялся по Нилу до Ассуана, потом посетил Аравию. С 1520 года поселился в Италии, где снискал расположе-

близительно известной. Хотя загадка Нигера, издавна занимавшая умы ученых и послужившая поводом для отправки экспедиций, о которых мы собираемся рассказать, не была полностью разрешена, пути к ее раскрытию уже наметились. В самом деле, теперь стало ясно, что Нигер, Куара, Джолиба — как эту реку ни называть — и Нил были двумя разными реками с совершенно отдельными бассейнами. Короче говоря, был сделан большой шаг вперед.

В 1816 году еще сомневались, не является ли река, известная под названием Конго, нижним течением Нигера. Проверить это поручили морскому офицеру Джеймсу Кингстону Такки¹, уже не раз доказавшему свою сообразительность и храбрость. Попав в плен в 1805 году, он только в 1814 году по обмену военнопленных вернулся на родину. Едва прослышав, что готовится экспедиция для исследования Заира (Конго), он стал добиваться разрешения принять участие в этом путешествии, и его назначили начальником экспедиции. В ее состав вошли выдающиеся офицеры и ученые.

Девятнадцатого марта 1816 года Такки отплыл от берегов Англии, имея под своим командованием корабль «Конго» и транспортное судно «Доротея». 20 июня он бросил якорь в Малембе на берегу Конго, на 4°39' южной широты. Местный властитель, по видимому, страшно возмутился, узнав, что прибывшие англичане вовсе не собираются покупать рабов, и осыпал ругательствами европейцев, только подрывающих его торговлю.

Восемнадцатого июля Такки поднялся на своем корабле «Конго» по широкому устью Заира. Затем, когда из-за высоких речных берегов дальнейшее плавание под парусами стало невозможно, он с частью экипажа пересел в шлюпки. С 10 августа быстрота течения и громадные камни, загромождавшие русло реки, заставили его двигаться то по воде, то по суше. Еще десять дней спустя шлюпки окончательно остановились перед непроходимым

ние папы Льва X (Джованни Медичи, на папском престоле 1513 — 1521), от которого и получил христианское имя. В 1526 году закончил рукопись «Описания Африки» (на арабском языке), которое впервые увидело свет в итальянском переводе в 1550 году. Перед смертью, по некоторым данным, вернулся в Африку.

¹ Такки Джеймс Кингстон (1776 — 1816) — английский военно-морской офицер и исследователь; долгие годы служил на британских военных кораблях в Индии. В 1815 году выпустил научную монографию «Морская география и статистика» («Maritime Geography and Statistics»). В ходе исследовательской экспедиции в низовья Конго вел дневник, который остался неопубликованным.

водопадом. Дальше путешественники стали пробираться берегом. Но трудности пути все увеличивались, негры отказывались нести груз, а более половины европейцев были больны. Наконец, когда Такки прошел уже двести восемьдесят миль от побережья, он убедился, что должен вернуться вспять. Наступил период дождей. Число больных все увеличивалось. Начальник был крайне удручен плачевным исходом путешествия. Он тоже заболел лихорадкой и, вернувшись на корабль, скончался на нем 5 октября 1816 года.

Единственным результатом этого злополучного предприятия были точные сведения об устье Заира и исправление на карте береговой линии, которая до тех пор изображалась со значительными ошибками.

В 1807 году неподалеку от места, где несколько позже высадился Клаппертон, на Золотом Берегу¹ появились храбрые, но свирепые ашанти². Пришедшие неизвестно откуда, они напали на фанти³ и, учинив в 1811 и 1816 годах ужасную резню, установили свою власть на всей территории между горами Конг⁴ и морем. Поневоле в отношениях между фанти и англичанами, владевшими на побережье несколькими торговыми предприятиями, конторами или факториями⁵, произошли очень серьезные изменения.

¹ Золотой Берег — название, данное европейскими колонизаторами части африканского побережья; в конце XIX века здесь была организована английская колония с тем же названием. В 1957 году колония получила независимость (статус доминиона) и стала называться Ганой — по имени одного из древних африканских государств. В 1960 году Гана провозглашена независимой республикой.

² Ашанти — этническая общность, сформировавшаяся в середине XVIII — начале XIX века в результате консолидации нескольких групп племен, относимых к семье акан; народ, принадлежащий к семье акан гвинейской этнической группы. Самоназвание — асантефо («объединившиеся для войны»). В настоящее время населяют внутренние районы Ганы, главным образом — провинцию Ашанти. Современная численность — 3,3 млн человек.

³ Фанти — народ, принадлежащий (как и ашанти) к семье акан гвинейской этнической группы. Другие названия — фанте, мфанте. Живет на побережье Гвинейского залива, главным образом — в центральной области Ганы.

⁴ Горы Конг — географическое название, часто применявшееся в XIX — начале XX века для обозначения системы горных хребтов, отделяющих бассейн Гвинейского залива от верхнего бассейна Нигера. Впоследствии эта система отождествлена с плато Фута-Джаллон.

⁵ Английские торговые компании обосновались в этой части африканского побережья с 1618 года.

Так, в 1816 году вождь ашанти обрек на голод английские укрепленные поселения, разорив территорию фанти, на которой они были построены. Поэтому губернатор Кейп-Коста обратился к своему правительству с просьбой направить посольство к дикому и свирепому завоевателю. Повез донесение Томас Эдуард Боудич¹. Этот молодой человек, обуреваемый страстью к путешествиям, поссорился с родителями, отказавшись заниматься торговлей, женился против воли своей семьи, переехал в Африку и поступил на скромную должность в Кейп-Косте, где его дядя был вице-губернатором.

Министр не колеблясь согласился на предложение губернатора Кейп-Коста и поручил ему отправить Боудича во главе посольства к ашанти. Однако губернатор, ссылаясь на молодость Боудича, назначил начальником экспедиции человека, который благодаря долгому опыту и знанию страны и нравов обитателей казался ему более подходящим для выполнения такой важной задачи. События, впрочем, не оправдали этих надежд. Боудичу, прикомандированному к экспедиции, была поручена научная часть, в первую очередь определение в пути широты и долготы.

Двадцать второго августа 1817 года Фредерик Джеймс и Боудич покинули английское поселение и, не встретившись по дороге ни с какими затруднениями, кроме недобросовестности носильщиков, прибыли в Кумаси, столицу государства Ашанти².

¹ Боудич Томас Эдуард (1790 – 1824) – английский путешественник и писатель. Свое путешествие в страну ашанти описал в книге, вышедшей в 1819 году («Mission from Cape Coast Castle to Ashantee...»). Коллекции, собранные во время путешествия, Боудич передал в Британский музей, а сам переехал в Лиссабон, где по архивным документам написал историческое исследование о португальских открытиях в Южной Африке («Account of the Discoveries of the Portuguese in... Angola and Mozambique», издана в 1824 году). В 1823 году прибыл к устью Гамбии, рассчитывая проникнуть по реке в Сьерра-Леоне, но во время подготовки экспедиции заболел и умер.

² То, что автором названо «государством», на самом деле представляло из себя конфедерацию, или военный союз, нескольких ашантийских племен. Во главе конфедерации стояли верховный вождь (асантехене), его соправительница (асантехема), которая в европейской терминологии называлась «королевой-матерью», и совет старейшин. Конфедерация существовала с 1700 по 1896 год. Ее экономика была основана на работоторговле. Ашанти занимались также посреднической торговлей золотом и орехами кола. Ашантийские купцы монополизировали торговлю с европейцами. К началу XIX века конфедерация контролировала почти всю территорию современной Ганы.

Переговоры, имевшие целью заключение торгового договора и открытие пути между Кумаси и побережьем, довольно успешно вел Боудич, так как Джеймс совершенно не обладал ни инициативой, ни твердостью характера. Действия Боудича получили полное одобрение, а Джеймс был отозван.

Могло показаться, что география не многого дождется от дипломатической миссии в те края, которые уже когда-то посещали Босман, Луайе, Демарше¹, Мередит, Далзель и многие другие, — в края, о которых были изданы монографические работы. Но пять месяцев, прожитые в Кумаси, отделенной только десятидневным переходом от Атлантического океана, Боудич использовал для изучения страны, нравов, обычаев и порядков одного из интереснейших народов Африки.

Мы здесь вкратце перескажем описание торжественного въезда посольства в Кумаси.

Все население было на ногах и толпилось по обеим сторонам пути, а войска, по подсчету Боудича, в количестве по меньшей мере тридцати тысяч, стояли с оружием в руках.

Перед тем как быть принятыми султаном, англичане стали свидетелями зрелища, дающего полное представление о жестокости и дикости племени ашанти. Под звуки барабанов по городу водили человека, таща его на веревке, продетой через нос. Руки его были связаны за спиною, щеки пронзены кинжалом, одно ухо отрублено, другое висело на обрывке кожи, вся спина была изрезана, а над каждой лопаткой торчало по ножу. Позже его должны были принести в жертву в честь прибытия англичан.

«После всего виденного, — сообщает Боудич, — мы уже подготовились к какому-нибудь необычайному зрелищу, но все-таки не ожидали того великолепия, какое поразило наши взоры. Для приема освободили место площадью около квадратной мили. Султан, подвластные ему вожди и его военачальники стояли в глубине, окруженные каждый своей свитой.

Перед нами выстроились войска, притом в таком количестве, что, казалось, мы не сможем пробраться сквозь них. Невыносимо

¹ Демарше Рено — французский мореплаватель первой половины XVIII века, состоял на службе Французской Индийской компании, по заказу которой в 1724 — 1726 годах плавал у побережий Гвинеи и Гвианы. По дневникам и устным сообщениям путешественника, П. Лаба в 1730 году издал книгу об этом плаваньи («Voyage du chevalier Desmarchais en Guinée, dans les îles voisines et à Cayenne»).

знойные и невыносимо яркие лучи солнца отражались на массивных золотых украшениях, сверкавших повсюду. Более ста оркестров одновременно играли в честь нашего прибытия, и каждый исполнял свою мелодию, излюбленную вождем, которому принадлежали музыканты. Нас оглушал гром барабанов, звуки несчетного множества рогов и довольно гармоничное пение длинных флейт, приятно сочетавшееся с аккомпанементом какого-то инструмента, похожего на вольнку.

Рабы несли бесчисленное количество больших зонтиков или балдахин, под каждым из которых могло укрыться, по крайней мере, человек тридцать, и все время раскачивали их. Шелковые балдахины алого, желтого или какого-нибудь другого яркого цвета наверху были украшены изображениями полумесяцев, пеликанов, слонов, сабель и прочего оружия из чистого золота. Посланцы султана с большими золотыми пластинами на груди очистили для нас проход, и мы двинулись вперед, предшествуемые английским флагом и палками переводчиков¹. Мы задерживались перед каждым из “кабосиров”, вождей, чтобы пожать ему руку. Вожди были в роскошной одежде, с ожерельями из массивного золота, золотыми обручами на ногах у колена, золотыми пластинками на лодыжке и браслетами или кусками золота на левом запястье — такими тяжелыми, что вельможам приходилось опираться рукой на голову ребенка. В довершение всего, сделанные из золота в натуральную величину волчьей или бараньей головы свисали с эфесов их мечей, рукоятки которых были из того же металла, а лезвия обогрены кровью. Какой-то человек нес на голове большой барабан, а двое других шли рядом и били в него. Колокольчики и куски железа на запястьях барабанщиков сопровождали звоном каждый удар. Пояса были украшены черепами и берцовыми костями врагов, убитых в сражениях. Над знатными сановниками, сидевшими на скамьях черного дерева, инкрустированных золотом и слоновой костью, развевались огромные опахала из страусовых перьев, а позади стояли отлично сложенные молодые люди с полными патронами коробками из слоновой кожи на спине и с длинными, инкрустированными золотом датскими мушкетами в руках. На поясе у них висели лошадиные хвосты (большей частью белые) или шелковые шарфы.

¹ Палки с золотым шаром на конце являются отличительным признаком переводчика. (Примеч. автора.)

Протяжные звуки рога, оглушающий грохот барабанов и в промежутках звуки других инструментов возвестили, что мы приближаемся к султану. Мы были уже около главных придворных сановников; министр двора, глашатай с золотой трубой, начальник гонцов, главный палач, начальник базара, хранитель гробниц султана и начальник музыкантов сидели каждый в окружении своей свиты, блистая роскошью, свидетельствовавшей о власти, которой они были облечены. Повара были окружены огромным количеством выставленной напоказ серебряной посуды — блюд, тарелок, кофейников, кубков и всякого рода мисок. У главного палача, человека почти гигантского роста, на груди висел топор из литого золота, и перед ним стояла плаха, на которой, вероятно, рубили головы осужденным. Четыре переводчика по окружавшему их великолепию не уступали другим важным сановникам: перед ними несли особые знаки их должности — связанные в пук палки с золотым шаром на конце. Хранитель казны к своим собственным драгоценностям прибавил находившиеся на его попечении сокровища, и перед ним виднелись сундуки, весы и гири из чистого золота.

Мы задержались на несколько минут перед султаном, по очереди пожимая ему руку, и благодаря этому могли хорошенько разглядеть его. Мое внимание прежде всего привлекла его манера держаться. Странно было встретить такое спокойное и естественное достоинство у одного из властителей, которых мы любим называть варварами. Его вид выражал и величие и учтивость, а удивление ни на миг не заставляло его терять спокойствие и хладнокровие, подобающие монарху. Ему, по-видимому, было лет тридцать восемь. Он был несколько склонен к полноте, лицо выражало благожелательность».

Затем следует длиннейшее описание одежды султана, шествия вождей, войск, толпы и затянувшегося до ночи приема.

Читая это удивительное повествование Боудича, спрашиваешь себя, не есть ли оно плод пылкого воображения путешественника и правдоподобны ли вся эта сказочная роскошь султанского двора, рассказы о тысячах людей, приносимых в жертву в определенные времена года, странные обычаи воинственного и жестокого народа, смесь цивилизации и дикости, до тех пор не известная в Африке? Невольно возникает мысль, что Боудич все чрезвычайно преувеличивал, так как путешественники, шедшие по его стопам, да и современные исследователи не подтверждают его со-

общений. И кажется удивительным, как эта власть, основанная только на терроре, могла так долго держаться!

Среди множества путешественников, рисковавших своей жизнью ради прогресса географической науки, французу приятно встретить имена соотечественников. Сохраняя полное беспристрастие при оценке их трудов, чувствуешь себя растроганным, читая о перенесенных ими опасностях и тяготах. Все это испытываешь, приступая к описанию путешествий Мольена, Кайе, Кайо и Леторзека.

Гаспар Мольен¹ был племянником наполеоновского министра финансов. Он пустился в плавание на «Медузе», но при кораблекрушении ему посчастливилось спастись на одной из лодок, которые добрались до сахарского побережья и, идя вдоль него, достигли Сенегала.

Гибель, которой едва избежал Мольен, в любой не так хорошо закаленной душе убила бы всякую страсть к приключениям и тягу к путешествиям. С ним этого не произошло. Мольен сам предложил, что он отправится на поиски истоков главных рек Сенегамбии², в частности Джוליбы, и едва майор Флёрю, губернатор колонии, дал свое согласие, молодой путешественник покинул Сен-Луи.

Выехав 29 января 1818 года из Дьедде, Мольен двинулся на восток между 15-й и 16-й параллелями, прошел страну Домель и проник к волофам³. Так как ему отсоветовали ехать по дороге к фульбе, то он избрал путь на Фута-Торо и, несмотря на фанатизм туземцев и их страсть к грабежу, ему удалось без всяких приключений достигнуть Бонду. За три дня он пересек пустыню, отделяющую Бонду от страны, лежащей по ту сторону Гамбии. Затем он попал в Ньюколо, гористую область, населенную народом пёль⁴ и почти дикими диалонке⁵.

¹ Мольен Гаспар-Теодор (1796 – 1872) – французский путешественник и политический деятель; в ходе своих путешествий посетил Западную Африку, Колумбию, Индию и Китай. Долгие годы был французским консулом на Гаити и Кубе.

² Сенегамбия – общее название края в Западной Африке, раскинувшегося между Сахарой, Гвинеей и океаном. В XIX веке здесь находились французские, британские и португальские колонии.

³ Волоф – народ негрской расы, живущий в Сенегале. Современная численность – около 2 млн человек. Известен также под названиями йолоф и джолоф.

⁴ Пёль – одно из названий народа фульбе.

⁵ Диалонке – народ из группы мандинго (малинке).

Выйдя из Бандеи, Мольен вступил в пределы Фута-Джаллон¹ и достиг истоков Гамбии и Рио-Гранде², текущих рядом. Несколько дней спустя он увидел истоки Фалеме³. Несмотря на нежелание и страх своего проводника, Мольен добрался до Тимбо⁴, столицы Фута. Благодаря отсутствию вождя и большинства жителей, отправившихся с ним в поход, Мольен избежал ужасов пленения, которое могло затянуться надолго, разве только мучительные пытки положили бы ему конец.

Тимбо — укрепленный город; султану принадлежат в нем дома с глинобитными стенами в три-четыре фута толщиной и пятнадцать футов высотой.

Неподалеку от Тимбо Мольен побывал у истоков Сенегала⁵ — так ему, по крайней мере, говорили сопровождавшие его негры. Однако ему не удалось произвести там астрономические наблюдения.

Все-таки путешественник не считал свою миссию законченной. Ему хотелось разрешить важную задачу — найти истоки Нигера. Но плачевное состояние его здоровья, наступивший период дождей, разлив рек, трусость проводников, которые, несмотря на то, что он предлагал им ружья, амбру, даже свою лошадь, не согласились сопровождать его в Куранко и в Солиман, — все это заставило его отказаться от перехода через горную цепь Конг и вернуться в Сен-Луи.

Так или иначе, Мольен проложил новые пути в части Сенегамбии, раньше не посещавшейся европейцами.

«Приходится сожалеть, — считает де Ларенодьер, — что измученный тяжелой дорогой, лишенный всего необходимого, даже инструментов для наблюдений, еле державшийся на ногах Мольен оказался не в состоянии перебраться через высокие горы, отделяющие бассейн Сенегала от бассейна Джוליбы, и вынужден

¹ Фута-Джаллон — возвышенное плато в западной части современной Гвинейской Республики. Но здесь имеется в виду одноименное государство народа фульбе, возникшее в конце XVII века и завоеванное французами в 1896 году.

² Рио-Гранде — видимо, речь идет о Домбеле, левом притоке Бафинга.

³ Река Фалеме образуется из слияния рек Кунда-ко и Тембафу. Здесь, видимо, речь идет о последней.

⁴ Тимбо — такой город существовал в XIX веке на Бафинге; в его окрестностях расположен современный Маму.

⁵ Здесь речь идет о реке Бафинг, одной из двух рек, составляющих Сенегал.

был полагаться на сведения туземцев при разрешении самых важных вопросов. Убеждение в том, что он побывал у истоков Рио-Гранде, Фалеме, Гамбии и Сенегала, основывалось лишь на доверии к словам негров. Если бы ему удалось проследить верхнее течение этих рек, тогда его открытия имели бы некоторую достоверность, которой, к несчастью, они не могут похвалиться. Во всяком случае, местоположение, приписываемое Мольеном истокам Бафинга, или Сенегала, не может в этих краях относиться ни к какой иной большой реке. Сопоставляя к тому же его данные со сведениями других путешественников, мы вынуждены признать, что он действительно совершил это открытие. Представляется также несомненным, что истоки Гамбии и Сенегала находятся севернее, чем предполагалось, и что Джолиба берет начало также в возвышенной области. Местность здесь постепенно повышается к югу и юго-востоку параллельными террасами. Эти горные цепи к югу становятся все выше и наибольшей высоты достигают между 8° и 10° северной широты».

Таковы данные, полученные в результате интересного путешествия Мольена по французской колонии Сенегал. Почти одновременно из этих же краев отправился другой исследователь — Кайе.

Рене Кайе родился в 1800 году в департаменте Дё-Севр¹ и окончил лишь начальную школу. Однако чтение «Робинзона Крузо» разбудило его молодое воображение и страсть к приключениям. Кайе не успокоился, пока не раздобыл себе на свои скудные средства несколько карт и отчетов о путешествиях. В 1816 году, когда ему было всего шестнадцать лет, он отплыл в Сенегал на грузовом судне «Лаура».

В это время английское правительство снаряжало экспедицию внутрь страны под начальством майора Грея. Чтобы избежать страшного альмами² Тимбо, ставшего роковым для Педди, англичане направились в Гамбию морем. Они прошли земли фульбе, Габон, затем экспедиция проникла в область Бонду, которую несколько лет спустя посетил Мольен. Эти земли населяет народ столь же фанатичный, столь же свирепый, как и жители Фута-Джаллона. Вымогательства альмами дошли до того, что под

¹ Дё-Севр — департамент на западе Франции; его административный центр — город Ньор.

² Альмами — титул вождя в Западном Судане.

предлогом возмещения старого, не выплаченного англичанами долга у майора Грея отобрали почти все товары, и он был вынужден послать одного офицера в Сенегал за новыми запасами.

Кайе, ничего не слыхавший об этих злополучных происшествиях и считавший, что майор Грей с радостью примет любого нового помощника, выехал с двумя неграми из Сен-Луи и добрался до Горе. Но там несколько человек приняли в нем участие, отговорили от намерения присоединиться к экспедиции и устроили на какую-то должность на Гваделупе. Не прожив и шести месяцев на этом острове, Кайе вернулся в Бордо, затем снова отправился в Сенегал.

В это время офицер, по имени Партарьё, посланный майором Греем на побережье, как раз собирался в путь с раздобытыми для своего начальника товарами. Кайе стал просить разрешения сопровождать его без определенной должности и без жалованья. Предложение было сразу принято.

Караван состоял из семидесяти человек, белых и негров, и тридцати двух тяжело груженных верблюдов.

Пятого февраля 1819 года он покинул Гандиолу (в Кайоре). Прежде чем достигнуть страны волофов, караван прошел по пустыне, где путники жестоко страдали от жажды, так как, стремясь захватить побольше товаров, не взяли с собой достаточного запаса воды.

В Булибабе, населенной скотоводами фульбе, караван отдохнул и пополнил бурдюки для перехода через вторую пустыню.

Обойдя стороной Фута-Торо с его воинственно настроенным населением, Партарьё вошел в пределы Бонду. Ему очень не хотелось заходить в Булибане — столицу страны и резиденцию альмами, но враждебность жителей, отказывавшихся снабжать экспедицию зерном и водой, а также строгий наказ майора Грея, вообразившего, что альмами, получив с каравана мзду, пропустит его, заставили Партарьё заехать в этот город.

Грозный альмами сразу потребовал изрядное количество подарков, но отказался дать англичанам разрешение идти в Бакель на Сенегале. «Они могут, — заявил он, — попасть в Клего, пройдя через его земли в страну Каарта, или отправиться на Фута-Торо».

Эти дороги стоили одна другой, потому что проходили по областям, населенным фанатиками-мусульманами. Как поняли англичане, замысел альмами заключался в том, чтобы их ограбили и перебили, а он оказался бы в стороне.

Участники экспедиции решили силой проложить себе дорогу. Едва они начали готовиться к этому, как их окружило множество воинов, которые заняли колодцы и лишили путешественников физической возможности приступить к выполнению своего плана. В то же время со всех сторон загрели боевые барабаны. Сопротивление было немыслимо. Пришлось начать переговоры, то есть признать свое бессилие. Альмами продиктовал условия мира, получил новые подарки и потребовал, чтобы англичане ушли по направлению к Фута-Торо.

Больше того — и это было кровным оскорблением для британской гордости, — путешественники оказались в окружении конвоя; ему было поручено не давать им сворачивать на другую дорогу. Поэтому, как только наступала ночь, англичане на глазах у фульбе, пытавшихся вмешаться, побросали в огонь все товары, которыми те собирались завладеть. Переход через область Фута-Торо среди враждебного населения был еще труднее. Много раз по самому ничтожному поводу начинались споры, и дело чуть не доходило до драки. Съестные припасы и воду приходилось покупать на вес золота.

Наконец, желая обмануть бдительность туземцев, однажды вечером Партарьё объявил, что он не в силах везти сразу все, что у него еще сохранилось. Он велел наполнить камнями сундуки и тюки, а затем, не сняв палаток и не погасив костров, ушел со всеми своими людьми и направился к реке Сенегал. Это было не отступление, а настоящее бегство. Личные вещи, груз, оружие, животных — все они оставили или побросали по дороге.

Благодаря такой хитрости и быстроте бегства они успели достигнуть поселения европейцев в Бакеле, где остатки экспедиции были радушно приняты французами.

Сам Кайе, больной лихорадкой, вскоре принявшей опаснейшую форму, вернулся в Сен-Луи. Но ему не удалось там обосноваться, и он принужден был вернуться во Францию. Только в 1824 году он мог опять приехать в Сенегал. Этой колонией тогда управлял барон Роже. Он сочувствовал прогрессу и стремился не только расширять торговые связи Франции, но и умножать географические познания. Поэтому Роже снабдил Кайе средствами, чтобы тот прожил некоторое время среди народа бракна, изучил там арабский язык и мусульманские религиозные обряды.

Жизнь среди этих недоверчивых и фанатичных мавров-кочевников оказалась нелегкой. Кайе, которому препятствовали

даже вести дневник, вынужден был всяческими хитростями добиваться права осматривать хотя бы ближайшие окрестности. В его дневнике имеются различные любопытные подробности о жизни бракна, о их пище, состоящей почти из одного молока, о жилищах — простых шатрах, ничуть не защищавших от непогоды; о бродячих певцах — «геуес», о средствах, применяемых женщинами, чтобы растолстеть, что представлялось им идеалом красоты, а также о природе страны, о плодородии и производительности почв.

Самые любопытные из сведений, собранных Кайе, относятся к социальному строю. Бракна делятся на пять различных сословий: хасанов, или воинов, неслыханно ленивых, грязных и гордых, затем марабутов, то есть жрецов, зенагов, подвластных хасанам, ларатинов и рабов.

Зенаги составляют отверженное сословие, презираемое всеми остальными, особенно же хасанами, которым они платят подать. Ее размер устанавливается в определенные сроки, и все же хасаны никогда не бывают довольны. Зенаги — подлинные труженики и занимаются ремеслами, земледелием и скотоводством.

«Несмотря на все мои усилия, — записал Кайе, — я не мог ничего узнать ни о происхождении этого сословия, ни о том, почему оно пало так низко, что платит подати другим маврам. Когда я принимался расспрашивать об этом, мне отвечали, что такова воля Господа Бога. Не были ли они остатком побежденного племени? Но почему тогда среди них не сохранилось никаких легенд? Думаю, что это не так. Ведь мавры гордятся своим происхождением и никогда не забывают имен тех, кому их род обязан своей славой. Зенаги, составляющие большинство населения, к тому же опытные в воинском деле, поднялись бы под руководством какого-нибудь потомка своих старинных вождей и стряхнули бы иго рабства».

Ларатины — это дети мавра и черной рабыни. Хотя они и рабы, но их никогда не продают. Они живут в особых поселках, и к ним относятся почти как к зенагам. Сыновья хасанов становятся воинами, потомки марабутов учатся ремеслу и наследуют профессию отцов.

Что касается рабов, то все они негры. С ними скверно обращаются, их скверно кормят, секут по малейшему капризу хозяина и подвергают всяческим притеснениям.

В мае 1825 года Кайе возвратился в Сен-Луи. Барон Роже был в отсуствии, а его заместитель, по-видимому, не проявлял особой

благожелательности. Путешественнику пришлось довольствоваться солдатским пайком и поджидать возвращения своего покровителя, которому он переслал заметки, сделанные во время пребывания у бракна. Его предложения услуг отвергались. Ему обещали выдать некоторую сумму, когда он вернется из Тимбукту¹. Но как мог он пуститься в путь, не имея собственных средств?

Все-таки ничто не могло обескуражить отважного Кайе. Не встретив у колониального управления ни поощрения, ни поддержки, он перебрался в Сьерра-Леоне. Но и там губернатор, не желавший лишать майора Лэнга чести первым достигнуть Тимбукту, не принял предложений Кайе.

Благодаря сбережениям, которые Кайе делал, руководя фабрикой индиго, он скоро накопил около двух тысяч франков, то есть сумму, по его мнению, достаточную, чтобы ехать на край света. Он поспешил закупить необходимые товары и завязал связи с мандинго и «сераколетами», которые занимались торговлей и разъезжали по всей Африке. Он, по секрету, рассказал им про себя, будто, родившись в Египте в арабской семье, был в младенческом возрасте увезен во Францию, а потом отправлен в Сенегал по торговым делам своего хозяина; тот остался очень доволен его службой и отпустил на свободу. Он добавил, что самое его горячее желание — вернуться в Египет и снова принять мусульманскую веру.

Двадцать второго марта 1827 года Кайе выехал из Фритауна в Каконди, селение, расположенное на берегу Риу-Нуњиш. Он воспользовался своим пребыванием в этом месте, чтобы собрать некоторые сведения о ландума и налу² — народностях, подвластных фульбе Фута-Джаллона, не исповедовавших мусульманской веры и поэтому весьма приверженных к спиртным напиткам. Они живут неподалеку от Риу-Нуњиш, в устье которой обитают идолопоклонники бага³. Жизнерадостные, трудолюбивые, умелые земледельцы, бага получают хороший доход от посевов риса и добычи соли. У них нет вождя, а их религией является варварское идолопоклонство. Управляет ими самый старый человек в деревне, и они довольны своей судьбой.

¹ В книге сохранено характерное для XIX века название африканского города. Сейчас город называется Томбукту.

² Ландума, налу — народы, относящиеся к западной бантоидной группе и обитающие на северо-западе современной Гвинейской Республики.

³ Бага — народность, относящаяся к западной бантоидной группе.

Девятнадцатого апреля 1827 года Кайе с одним-единственным носильщиком и с одним проводником отправился наконец в Тимбукту. Он не нахвалится фульбе и диалонке, богатые и плодородные земли которых ему пришлось пересечь. Кайе переправился через Бафинг, неподалеку от истока, там, где он имеет в ширину всего около сотни шагов и только полтора фута в глубину. Но быстрота течения и огромные глыбы черного гранита, загромождавшие русло, делали переход через него трудным и опасным. Кайе девятнадцать дней отдыхал в деревне Камбая, где жил проводник, согласившийся сопровождать его только до этого пункта. Затем путешественник по местности, перерезанной речками и ручьями, уже начинавшими затоплять всю страну, добрался до Канкана.

Тридцатого мая Кайе перешел Тинкисо, большую реку с крутыми берегами, относящуюся к бассейну Джוליбы, которую путешественник увидел 11 июня в Курусе.

«Даже так близко от истоков Джוליба имела, — пишет Кайе, — девятьсот футов в ширину, при скорости течения в две с половиной мили в час».

Но прежде чем вступить с французским путешественником в область Канкан, стоит вкратце пересказать то, что он пишет о племени фульбе, населяющем страну Фута. Это в большинстве случаев люди высокие и хорошо сложенные, цвет кожи у них светло-коричневый, волосы курчавые, лоб высокий, нос орлиный, черты лица похожи на европейские. Они ярые магометане и питают ненависть к христианам. Они не разъезжают повсюду, как мандинго, а любят свой родной дом. Фульбе — или хорошие земледельцы, или ловкие купцы. Они воинственны и патриотичны, и во время войны в деревнях не остается никого, кроме стариков и женщин.

Город Канкан расположен посреди окруженной высокими горами равнины, на которой в изобилии растут баобаб и масляная пальма¹, называемая также «сэ» (Мунго Парк называл ее: «ши»). Кайе прожил в Канкане четыре недели, прежде чем представился

¹ Масляная (масличная) пальма (*Elaeis*) — один из наиболее распространенных видов пальм; характеризуется коротким, толстым стволом и крупными перистыми листьями, собранными в крону. Масляная пальма зацветает на 4 — 5-м году жизни. Каждое женское соцветие дает больше тысячи красноватых или желтоватых, напоминающих сливу плодов, собранных в крупные гроздья. Содержащееся в косточках плода масло отличается высоким пищевым качеством.

случай отправиться в Самбатикилу. Его беззащитно ограбил хозяин дома, где он остановился, и ему так и не удалось добиться от правителя города возврата украденных товаров.

«Канкан, — рассказывает путешественник, — столица области того же названия, представляет собою городок, расположенный на расстоянии двух ружейных выстрелов от левого берега Мило, прелестной реки, текущей с юга и орошающей область Киси, где она берет свое начало. Она течет на северо-восток и впадает в Джолибу в двух или трех днях пути от Канкана. Окруженное прекрасной и очень густой живой изгородью, это поселение, в котором живет не более шести тысяч человек, расположено в красивой долине с чрезвычайно плодородной почвой. Повсюду раскинулись очаровательные деревушки; там жители Канкана селят своих рабов. Эти деревушки, придающие местности живописный вид, окружены прекрасно возделанными полями, дающими богатые урожаи иньема, кукурузы, лука, риса, фисташек и гомбо (съедобного кенафа)¹».

От Канкана до Васулу дорога идет по плодородным землям, в это время года находившимся под посевами и почти сплошь залитым водой. Местные жители показались Кайе удивительно кроткими; веселье и любопытные, они повсюду оказывали ему отличный прием.

Путешественник переправился через многочисленные притоки Джолибы, в том числе через Сарано, а затем сделал остановку в Сигале, где жил вождь васулу², по имени Барамиза. Он был так же грязен, как его подданные, и, как они, курил и нюхал табак. Этот вождь считался обладателем большого количества золота и рабов; от подданных он часто получал в дар скот; у него было много жен, и каждая из них жила в отдельной хижине, так что получалось маленькое селение, окруженное отлично обработанными полями. Именно там Кайе в первый раз увидел «*Rhamnus lotus*»³, о котором рассказывал Мунго Парк.

¹ Кенаф (*Hibiscus cannabinus*) — растение семейства мальвовых; основное использование — изготовление тканей и рыболовных снастей из его лубяных волокон, однако, подобно другим видам этого семейства, характеризуется съедобными плодами; их едят в сыром виде, кладут в суп, сушат, используя сухие плоды для изготовления соусов.

² Васулу — так автор называет народность васулунка, являющуюся этнической группой народа мандинго.

³ Какое-то растение из семейства крушиновых.

Покинув область Васулу¹, Кайе вступил в пределы Фулу, где жители, так же как и в Васулу, говорят на языке мандинго: они идолопоклонники, вернее, не признают никакой религии и так же грязны, как обитатели Васулу. В Самбатикиле путешественник посетил дом альмами.

«Мы вошли, — сообщает Кайе, — в помещение, служившее ему спальней, а его лошади — конюшней. Постель властелина помещалась в глубине; это были подмости, возвышавшиеся дюймов на шесть, с расстеленной поверх бычьей шкурой и с грязным пологом для защиты от moskitов. В жилище вождя не было никакой мебели. На кольшках, вбитых в стену, висели два седла. Большая соломенная шляпа, барабан, которым пользуются в военное время, копьё, лук, колчан со стрелами — вот и все украшения. Был еще светильник, сделанный из небольшого железного листка, укрепленного на железном же пруте, воткнутом в землю. В светильнике горело растительное масло, недостаточно густое, чтобы из него можно было лить свечи».

Альмами тут же сообщил путешественнику, что вскоре представится случай добраться до Тиме, города, откуда отправлялся караван в Дженне². Кайе поэтому тронулся в путь, прошел по области, населенной бамбара, и вскоре прибыл в красивый городок Тиме, где жили мандинго-магометане. С востока над ним возвышалась цепь гор высотой примерно в триста пятьдесят сажен.

Кайе добрался до этого селения в конце июля. Он ничуть не сомневался, что ему придется застрять там надолго, так как на ноге у него была рана, сильно воспалившаяся от ходьбы по мокрой траве. Поэтому он решил не присоединяться к каравану, шедшему в Дженне, и остаться в Тиме до полного выздоровления. В его состоянии было очень опасно путешествовать по области, населенной язычниками-бамбара, которые его, наверное, ограбили бы.

«У этих бамбара, — вспоминает путешественник, — мало рабов, сами они ходят почти голые и всегда вооружены луком и стрела-

¹ Васулу — область вдоль реки Васулу, притока Нигера.

² Дженне — крупный средневековый торговый и политический центр, бывший столицей империи Сонгаи (XIV — XVI вв.); расположен на реке Бани близ ее впадения в Нигер; в конце XIX века население города составляло около 10 тыс. человек.

ми. Ими правит множество независимых маленьких вождей, часто воюющих между собой. В общем, это грубые и дикие существа, если сравнивать их с народами, исповедующими веру пророка». Кайе, рана которого все не заживала, задержался в Тиме до 10 ноября. Все же он уже намечал день, когда будет в состоянии выехать в Дженне.

«Но по мучительным болям в челюсти, — рассказывает путешественник, — я понял, что заболел цингой. Это тяжелая болезнь, и я испытал все ее ужасы. Небо у меня кровоточило, постоянно выпадали кусочки кости. Зубы, очевидно, вовсе не держались в своих лунках, и я жестоко страдал. Я опасался даже, как бы страшные боли в черепе не повлияли на мозг. Более двух недель я ни на мгновение не мог забыться сном».

В довершение беды у Кайе открылась рана на ноге. Как и цинга, его рана поддавалась только энергичным мерам, которые применяла одна старая негритянка, умевшая лечить болезнь, столь распространенную в этих краях.

Наконец 9 января 1828 года Кайе покинул Тиме и добрался до Кимбы, деревушки, где собирался караван, направляющийся в Дженне. Около этой деревни высится горная цепь, неправильно именуемая «Конг», так как это слово у всех мандинго означает просто гору.

Названия деревень, лежавших на пути, и обычные дорожные происшествия не представляют особого интереса. Караван двигался по стране бамбара, которых мандинго считают завзятыми ворами, хотя они склонны к воровству ничуть не больше тех, кто их в этом обвиняет.

У всех женщин бамбара нижняя губа проткнута тоненькой палочкой. Эта странная мода похожа на ту, что Кук наблюдал на западном побережье Северной Америки. Вот до чего одинаковы все люди, на какой бы широте они ни жили! Бамбара говорят на языке мандинго, но у них есть и особое наречие, называемое «кисур». Впрочем, о нем путешественник не мог собрать исчерпывающих и точных данных.

Дженне когда-то назывался «страной золота». На самом деле в его окрестностях золото не встречается, но купцы из Буре и мандинго из области Конг часто привозят его туда.

Дженне окружен глинобитной стеной длиною в две с половиной мили и высотой в десять футов. Дома построены из кирпича, высушенного на солнце, и по величине не уступают крестьянским

домам в Европе. Все они покрыты плоской кровлей и не имеют окон по фасаду. Это шумный и оживленный город, куда ежедневно приходит какой-нибудь купеческий караван. Поэтому здесь часто видишь иноземцев. Число жителей доходит до восьми — десяти тысяч. Они очень трудолюбивы и сообразительны, опытни во всех ремеслах и заставляют своих рабов производить товары на продажу.

Однако крупную торговлю держат в своих руках мавры. Дня не проходит, чтобы они не отправляли по реке больших лодок с рисом, просом, хлопком, тканями, медом, растительным маслом и другими местными продуктами.

Несмотря на оживленную торговлю, процветание Дженне уже подорвано. Повелитель страны Сегу, по имени Ахмаду, в припадке чрезвычайного фанатизма затеял как раз в это время ожесточенную войну с бамбара, жившими в Сегу, которых он хотел привести под священное знамя пророка. Эта война нанесла большой ущерб торговле Дженне, прервав сообщение с Яминой, Сансандингом, Бамако, Буре и со всей огромной страной. Этот город в то время, когда его посетил Кайе, уже перестал быть средоточием торговли, и главными складочными пунктами стали Ямина, Сансандинг и Бамако.

Женщины в Дженне не были бы женщинами, если бы не проявляли кокетства. Щеголихи продевают в нос металлическое кольцо или разные стекляшки, а кто победнее — лоскуток розового шелка.

Во время долгого пребывания Кайе в Дженне мавры, которым он рассказал басню о своем происхождении и о том, как его увезли солдаты египетской армии Наполеона, не оставляли его своими заботами и попечениями.

Двадцать третьего марта путешественник, снабженный рекомендательными письмами к знатным жителям Тимбукту, отплыл по Нигеру в большой лодке; погрузиться в нее ему разрешил шериф, получивший за это в подарок зонтик.

Кайе проехал мимо живописного поселения Кера, мимо Тагетии и Исаки, около которой с Нигером соединяется большой рукав, образующий огромный изгиб. 2 апреля перед ним показалось большое озеро Дебо¹.

¹ Дебо — озеро, через которое протекал Нигер; располагалось к юго-западу от Тимбукту. В наши дни на месте озера находится заболоченная низина.

«Берега озера,— пишет Кайе, — видны во всех направлениях, кроме западного, где озеро разливается словно внутреннее море. Следуя северным берегом, тянущимся примерно на запад-северо-запад, через пятнадцать миль оставляешь слева длинную изменную косу, далеко тянущуюся к югу; она почти перегораживает озеро и образует нечто вроде пролива. За этой преградой озеро продолжается к западу до самого горизонта. Коса делит таким образом Дебо на две части — верхнее и нижнее озеро. То, по которому проходят лодки и где имеются три острова, очень велико; оно несколько вытянуто на восток и окружено множеством обширных болот».

Потом, одно за другим мимо глаз путешественника проплыли селения, уходящие из страны дириманов далеко на восток: рыбацья деревушка Габиби, Дидьвер, Ко, До, важнейший торговый порт Са, Барконга, Лелеб, Гарфоло, Баракондье, Тирси, Тальбокоила, Салакоила, Кора, Горату, где туареги берут дань со всех проходящих по реке лодок, и, наконец, Кабра, стоящая высоко на берегу, над широко разлившейся Джолибой, и служащая портом для Тимбукту.

Кайе 20 апреля пристал к берегу и пустился по дороге к Тимбукту, куда и прибыл на закате.

«Я очутился наконец в столице Судана, — восклицает наш путешественник, — так долго бывшей целью моих стремлений. Когда я вошел в загадочный город, мечту стольких европейских исследователей, меня охватило чувство невыразимого удовлетворения. Я никогда еще не испытывал таких ощущений, никогда так не радовался. Однако мне приходилось сдерживаться и скрывать свои переживания, свое волнение передоверил я Богу. Немного успокоившись, я понял, что открывшееся передо мной зрелище не соответствовало моим ожиданиям. Я совсем иначе представлял себе этот великолепный и богатый город. На первый взгляд Тимбукту — просто скопление плохо построенных глинобитных домов. В какую сторону ни взглянешь, только и видишь, что огромную равнину, покрытую сыпучими песками, желтовато-белую и совершенно бесплодную. Небо на горизонте светло-красное, в природе разлита печаль, царит тишина; не слышно птичьего пения. Но все-таки есть что-то внушительное в этом городе, возникшем среди песков, и невольно восхищаешься трудом тех, кто его основал. Когда-то река, по-видимому, проходила около само-

го Тимбукту. Теперь же она отстоит от него на восемь миль к югу»¹.

Тимбукту оказался вовсе не так велик и не так населен, как предполагал Кайе. В городе никакого оживления. Не входят в него один за другим караваны, как это было в Дженне, нет и такого наплыва чужеземцев, а рынок, который из-за чрезвычайной жары начинается с трех часов утра, кажется почти безлюдным.

Область Тимбукту населяют негры-киссурь², занимающиеся торговлей и на вид миролюбивые. Органов управления не существует, и, собственно говоря, нет никакой верховной власти: каждым городом, каждой деревней управляет свой вождь. Там царят древние патриархальные нравы. Многие мавры, обосновавшиеся в Тимбукту, занимаются торговлей и быстро наживают себе состояние, потому что получают товары на комиссию из Адрара³, Тафилалета⁴, Туата⁵, Ардамаса, Алжира, Туниса и Триполи.

Всю соль из копей Тудейна привозят на верблюдах в Тимбукту. Ее везут в плитах, которые перевязывают непрочными веревками, свитыми из одной травы, растущей в окрестностях Тудейна.

Крепостная стена Тимбукту, образующая треугольник, тянется, вероятно, мили на три. Дома в городе большие, но низкие и сложены из круглого кирпича. Улицы широки и чисты. В городе насчитывается семь мечетей с высокими кирпичными башенками, откуда муэдзины⁶ сзывают правоверных на молитву. Во всей столице Судана, считая и временных жителей, не наберется и десяти — двенадцати тысяч человек.

Расположенный посреди огромной равнины, покрытой сыпучими песками, где почва не пригодна для посевов, Тимбукту не имеет других естественных богатств, кроме соли. Поэтому если

¹ В настоящее время Томбукту расположен в 12 км от берега Нигера (при самом низком уровне воды в реке).

² Район Томбукту заселен народом сонгаи, южнее которых живут фульбе и мандинго.

³ Адрар — здесь: часть Западной Сахары, входящая в наши дни в один-и-тот же район Мавритании.

⁴ Тафилалет — часть современного Марокко к юго-востоку от Атласских гор.

⁵ Туат — группа оазисов в северной части Алжирской Сахары.

⁶ Муэдзин (правильнее муззин) — служитель мечети, обязанность которого состоит в пятикратном провозглашении в течение дня с минарета азана (призыва на молитву).

бы туареги перехватили многочисленные флотилии, идущие с низовий Джолибы, то жители города были бы обречены на жестокий голод.

Постоянной помехой для торговли является близкое соседство этих кочевых племен и их бесконечные вымогательства. Тимбукту всегда полон людьми, приезжающими с требованием того, что они называют подарками, но что гораздо справедливее было бы назвать насильственными поборами. Когда Тимбукту посещает вождь туарегов, это настоящее бедствие. Он живет в городе два месяца, пьет и ест вместе со своей многочисленной свитой за счет жителей и не уезжает, пока не получит богатых подношений.

Страх перед этими кочевниками служит причиной распространения их власти на все соседние народы, которые они безжалостно эксплуатируют и грабят.

Одежда туарегов отличается от одежды арабов только головным убором, не снимаемым ни днем, ни ночью. Он состоит из полотнища хлопчатобумажной ткани, свешивающегося на глаза и доходящего до половины носа: желая что-либо рассмотреть, люди вынуждены задирать голову. Другой конец этого полотнища, обвитый вокруг головы, закрывает рот и спускается ниже подбородка. Поэтому у туарега обычно виден только кончик носа.

Превосходные наездники, обладающие отличными лошадьми и быстроходными верблюдами, туареги вооружены копьем, щитом и кинжалом. Это пираты пустыни, которые грабят или заставляют откупаться бесчисленное множество караванов.

Кайе жил в Тимбукту только четвертый день, когда услышал об отправляющемся в Тафилалет караване купцов. Так как он знал, что другого каравана раньше чем через три месяца не будет, и к тому же все время опасался разоблачения, то присоединился к этим купцам, которые вели с собой не менее шестисот верблюдов. Они отправились в путь 4 мая 1828 года. Сильно натерпевшись от зноя и восточного ветра, вздымавшего пески пустыни, Кайе спустя пять дней достиг Аравана. Город сам ничего не производит, но служит перевалочным пунктом для соли, которую везут из Тудейна в Сансандинг на берега Джолибы. В Араван прибывают караваны из Тафилалета, Могадора¹, Дра², Туата и

¹ Могадор — марокканский город на побережье Атлантики; в наши дни называется Эс-Сувейра, что по-арабски означает «Красивая».

² Дра — плато на западе Алжира, к югу от марокканской границы.

Триполи; они доставляют европейские товары и меняют их на слоновую кость, золото, рабов, воск, мед и суданские ткани.

Девятнадцатого мая 1828 года караван вышел из Аравана и через Сахару двинулся в Марокко.

Изнуряющая жара, муки жажды, всякие лишения, усталость и рана, полученная при падении с верблюда, — все это было для Кайе не так тягостно, как насмешки, оскорбления и постоянные обиды, которые ему приходилось выносить от мавров и даже от рабов. Все они без конца находили новые предлоги, чтобы издеваться над привычками и неловкостью Кайе. Доходило до того, что его били, бросали в него камнями, едва он поворачивался спиной.

«Мавры, — рассказывает Кайе, — часто презрительно говорили мне: “Ты видишь вот того раба? Знаешь, я предпочту его тебе — суди же сам, за кого я тебя считаю!” Эти наглые выходки сопро-вождались громким хохотом».

Вынужденный мириться со своим жалким положением, Кайе проехал с караваном колодцы трарза¹, возле которых добывают очень много соли, колодцы Амуль-Гажим и Амуль-Таф, затем Эль-Экрей, окруженный прекрасной рощей финиковых пальм и зарослями камыша и тростника, наконец, Марабути и Эль-Хариб, где население отличается отвратительной нечистоплотностью.

Область Эль-Хариб лежит между двумя грядами невысоких гор, отделяющих ее от Марокко, данником которого она является. Жители края делятся на несколько кочевых племен; их главное занятие — разведение верблюдов. Они были бы счастливы и богаты, если бы им не приходилось платить огромную дань берберам, постоянно изобретающим предлоги снова напасть на них.

Двенадцатого июля караван покинул Эль-Хариб и через одиннадцать дней вступил в страну Тафилалет с ее великолепными финиковыми пальмами. В Гурланде мавры приняли Кайе довольно хорошо, но не приглашали его к себе, опасаясь, как бы нескромный взгляд чужеземца не упал на их жен, которым не полагается встречаться с посторонними мужчинами.

¹ Трарза — конфедерация кочевых мавров на правом берегу реки Сенегал (юг современной Мавритании); в 1902 — 1903 годах эти племена были покорены французами. В настоящее время их общая численность не превышает 80 тыс. человек.

Кайе побывал на базаре около дереушки под названием Бо-хейм, в трех милях от Гурланда. Торговля там происходит три раза в неделю. Кайе удивило разнообразие привозимых товаров: овощи, местные фрукты, люцерна, домашняя птица, бараны — все это имелось в изобилии. Стояла изнурительная жара, и продавцы воды с полными бурдюками прохаживались по базару, позванивая колокольчиком для оповещения всех, кто испытывал жажду. Торговцы принимали только марокканские и испанские деньги.

В Тафиалетском округе насчитывается несколько крупных деревень и маленьких городков, где побывал путешественник; они имеют примерно по тысяче двести жителей, большей частью землевладельцев или купцов.

Почва здесь очень плодородна. Сеют много зерновых, сажают овощи, выращивают финики, европейские фрукты и табак. Довольно хорошие овцы, очень белая шерсть которых идет на изготовление красивых покрывал, быки, прекрасные лошади, ослы и много мулов — таковы главные природные богатства Тафиалета.

В деревнях, населенных магометанами, живет много евреев. Они очень жалки, ходят почти нагишом, их постоянно оскорбляют и бьют. Каково бы ни было их ремесло, все они: старьевщики, сапожники, кузнецы или носильщики — потихоньку ссужают деньги маврам под проценты.

Второго августа караван снова пустился в путь и, пройдя Афиле, Таннеяру, Марку, М'Даяру, Рахабу, Л'Эярак, Тамарок, Айн-Зеланд, Эль-Гим, Гиге, Соффо, прибыл в Фес, где сделал короткую остановку, а оттуда добрался до Рабата, древнего Сале.

Кайе был изнурен долгим переходом, питался одними финиками и вынужден был просить милостыню у мусульман, которые чаще всего не давали ничего и прогоняли прочь. В Рабате он застал только одного еврея, по имени Исмайл, но тот, боясь скомпрометировать себя, отказался посадить Кайе на португальский бриг, отходивший в Гибралтар. Поэтому путешественник поспешил ухватиться за неожиданно представившуюся возможность уехать в Танжер. Там его хорошо принял вице-консул Делапорт: он отнесся к нему как к родному сыну, сразу же написал командующему французской эскадрой в Кадисе и, переодев матросом, велел его отвезти на присланный за ним корвет.

Ученый мир был поражен, узнав, что в Тулоне высадился молодой француз, возвратившийся из Тимбукту. Поддерживаемый лишь своим непоколебимым мужеством и безграничным терпе-

нием, он благополучно завершил путешествие, за которое Лондонское и Парижское географические общества обещали большое вознаграждение. Проявив исключительную силу воли, он один, без всяких, в сущности, средств, без поддержки правительства, не состоя ни в каком научном обществе, добился успеха и представил миру в совсем новом свете обширную часть Африканского материка!

Кайе, конечно, не был первым европейцем, увидевшим Тимбукту¹. За год до него англичанин, майор Лэнг, уже побывал в этом загадочном городе, но поплатился жизнью за свое путешествие, о волнующих перипетиях которого мы сейчас расскажем.

А Кайе, вернувшись в Европу, привез с собой интереснейший путевой дневник, только что вкратце пересказанный нами. Выдавая себя за мусульманина, Кайе не имел возможности производить астрономические наблюдения и открыто делать зарисовки и заметки; однако лишь ценой своего притворного вероотступничества мог он объехать эти населенные фанатиками-мусульманами области, где само слово «христианин» вызывало отвращение.

Сколько любопытных наблюдений, сколько новых и точных подробностей! Какой огромный вклад в наши представления об африканских странах!

В то время как Клаппертон, проделав одно за другим два путешествия, проехал Африку от Триполи до залива Бенин, Кайе за одно путешествие удалось пересечь ее от Сенегала до Марокко. Правда, ценою каких трудностей, каких страданий, ценою каких лишений он достиг этого! Но наконец город Тимбукту был открыт, так же как и новая караванная дорога по Сахаре через оазисы Тафилалет и Эль-Хариб.

Пособие, немедленно присланное Кайе Географическим обществом, присужденная ему премия в десять тысяч франков, пожалованный ему крест Почетного легиона, горячий прием в ученых обществах, известность и слава, окружившие его имя, — купило ли все это физические и моральные мучения, перенесенные путешественником? Будем надеяться, что да.

¹ Первым европейцем, посетившим Тимбукту, был флорентиец Бенедетто Деи (1418 — 1492), путешествовавший по многим странам Азии и Африки и оставивший после себя записки, очень ценные в историко-бытовом отношении; именно на основании этих записок идентифицированы различные упоминаемые путешественником города, в том числе и Тимбукту.

Нам остается рассказать об экспедиции, стоившей жизни Александру Гордону Лэнгу. Но, прежде чем приступить к описанию его трагического путешествия — оно будет поневоле кратким, так как путевой дневник не сохранился, — надо сообщить кое-что об этом офицере, нашедшем в пути свою гибель, и о его очень интересной первой экспедиции по Тиманни, Куранко и Сулиману, во время которой Лэнг открыл истоки Джолибы.

Лэнг родился в 1796 году в Эдинбурге. Шестнадцати лет он поступил в английскую армию и вскоре сумел отличиться. В 1820 году он находился в Сьерра-Леоне, дослужился до лейтенанта и исполнял обязанности адъютанта сэра Чарлза Маккарти, генерал-губернатора Западной Африки. В это время альмами Амара, правитель страны мандинго, вел кровопролитную войну с одним из своих главных вождей, по имени Саннаси. Торговля Сьерра-Леоне и раньше не процветала, а начавшаяся междоусобица нанесла ей тяжкий удар.

Маккарти, желая поправить дело, решил вмешаться и добиться примирения обоих вождей. Он счел уместным направить посольство в Камбию, на берегу Скарсии; оттуда оно могло перебраться в Малакури и в лагерь мандинго. Предприимчивость Гордона Лэнга, его сообразительность и испытанная храбрость побудили губернатора остановить на нем свой выбор. 7 января 1822 года Лэнгу были вручены инструкции; в них ему предлагалось ознакомиться с экономическим положением страны, с ее топографией и выяснить, как отнеслось бы население к отмене рабства.

Первая встреча с Яредди, предводителем отряда негров — сулима¹, сопровождавших альмами, показала, что у жителей этих краев были весьма смутные представления о европейской цивилизации и что они редко встречались с белыми.

«Каждая часть нашей одежды, — свидетельствует путешественник, — приводила Яредди в изумление. Когда он увидел, что я снимаю перчатки, он остолбенел, прикрыл руками разинутый от удивления рот и наконец воскликнул: «Аллах акбар!»² Он содрал кожу с рук!»

Немного освоившись с нашим внешним видом, он потрогал волосы мистера Макки, хирурга, сопровождавшего нас, и мои и,

¹ Сулима — это все те же васулу (васулунка), упоминавшиеся чуть раньше.

² Аллах велик! (*араб.*)

разразившись смехом, заявил: «Нет, это не люди!» Он много расспрашивал у моего переводчика, есть ли у нас кости».

Эта предварительная поездка, во время которой Лэнг установил, что у многих людей из племени сулима имеется и золото, и слоновая кость, натолкнула его на мысль предложить губернатору предпринять исследование страны, лежавшей к востоку от Сьерра-Леоне: ведь естественные богатства этой страны — если их разведать получше — могли бы способствовать расширению торговли английской колонии.

Маккарти одобрил план Лэнга и поставил его на обсуждение в совете. Было решено поручить Лэнгу проникнуть в страну сулима, избрав тот путь, какой ему покажется наиболее удобным для торговли в будущем.

Лэнг 16 апреля отплыл по реке Рокел и вскоре прибыл в Рокон, главный город Тиманни. Встреча с властителем этого города была необычайно забавной. Увидев, что тот входит во двор, где должен был состояться прием, Лэнг велел приветствовать его залпом из десяти ружей. При звуке салюта вождь остановился, попятился и, бросив на путешественников яростный взгляд, пустился наутек.

Робкого повелителя с большим трудом уговорили вернуться. Наконец он пришел и, важно усевшись в парадное кресло, спросил майора Лэнга:

- Зачем вы стреляли из ружей?
- Чтобы оказать вам честь; европейских королей всегда принимают под гром орудий.
- А зачем ружья были направлены в землю?
- Чтобы вы не могли ошибиться относительно наших намерений.
- Мелкие камешки полетели мне в лицо. Почему вы не стреляли в воздух?
- Чтобы случайно не поджечь соломенные крыши ваших домов.
- Ну и хорошо. Дай-ка мне рому.

Нечего и говорить, что, как только майор исполнил желание вождя, беседа стала как нельзя более душевной.

Портрет этого властелина части Тиманни вполне заслуживает того, чтобы присоединить его к нашей галерее, в особенности если припомнить поговорку: «Ab uno disce omnes»¹.

¹ По одному судят обо всех (лат.). (Примеч. перев.)

Вождю Ба-Симере было девяносто лет. «Кожа у него была вся в пятнах и морщинах, напоминая скорее крокодилю; глаза темно-зеленые и глубоко запавшие; с подбородка фута на два спускалась свалывшаяся седая борода. Подобно вождю с противоположного берега он носил ожерелье из кораллов и зубов леопарда. На нем был плащ бурого цвета, еще грязнее, чем он сам; толстые как у слона ноги были лишь наполовину прикрыты холщовыми штанами, некогда, вероятно, белыми, но после многолетней носки получившими зеленоватый оттенок. Вождь держал в руке в качестве знака своего достоинства жезл с навешанными на него погрешками разной величины».

Как и другим путешественникам по Африке, Лэнгу пришлось долго спорить относительно платы за право прохода и торговаться с носильщиками, но благодаря своей твердости он сумел защитить себя от вымогательства негритянских царьков. Дальнейший путь майора Лэнга лежал через Тома, где никогда не видели белого человека, а далее через Баландеко, Рокечник (по определению путешественника, находящийся на $12^{\circ}11'$ долготы к западу от Гринвича и $8^{\circ}30'$ северной широты), Мабунг¹, расположенный по ту сторону довольно широкой реки, которая протекает севернее реки Рокел, и, наконец, Ма-Йоссо — большой город на границе Тиманни.

Путешественник в этих краях ознакомился со своеобразной организацией; она напоминает франкмасонское² общество и носит название «пурра». Каие еще раньше отметил ее существование на берегах Риу-Нуньиш.

«Власть этой организации, — утверждает Лэнг, — даже сильнее власти местных вождей. Вся ее деятельность проходит скрытно и

¹ Мабунг — видимо, Мабанг, селение на одном из притоков Рокела.

² Франкмасоны (букв. перев. с фр.: «вольные каменщики») — участники религиозно-мистического движения, возникшего в Европе в XVIII веке. Масонство (так называлось это движение) призывало к нравственному самоусовершенствованию людей, объединению их на началах братской любви. Масонство официального признания ни в одной из стран не получило, поэтому организационно оно было оформлено сетью мелких тайных организаций («лож»), членами которых были преимущественно люди, принадлежащие к верхушке общества. Оттого-то взаимопомощь «братьев» была очень действенной. Кое-где масонам удавалось контролировать крупные сектора общественной жизни и даже государственные структуры. Хотя масонство преследовалось христианской церковью и государством, масонские ложи сохранились до наших дней во многих странах Европы и Северной Америки.

окутана глубочайшей тайной. Правители никогда не вмешиваются в дела “пурры”, никто не смеет сомневаться в справедливости ее суда. Я тщетно пытался разузнать что-нибудь о происхождении и причинах возникновения этого необыкновенного сообщества. У меня есть основания предполагать, что в настоящее время они неведомы и большинству жителей Тиманни. Может быть, они неизвестны даже самим членам “пурры”: ведь это страна, не сохранившая никаких легенд — ни в записях, ни в устной песенной передаче».

Вся область Тиманни, судя по сведениям, какие удалось раздобыть Лэнгу, делится на четыре части, вождям которых присвоен титул султана.

Почва довольно плодородна, и на ней в изобилии могли бы расти рис, иньям, маниок, земляные орехи и бананы, если бы не лень, беспечность, распущенность и корыстолюбие туземцев, старающихся, к сожалению, перещеголять друг друга в пьянстве.

«Мне кажется, — говорит Лэнг, — что некоторое количество мотыг, цепов, грабель, лопат и других простых орудий было бы принято этим народом с радостью, если бы ему пояснили способ их употребления. Такие предметы больше соответствовали бы его и нашим интересам, чем ружья, подновленные шляпы и шутовская одежда, которыми обычно снабжают негров».

Несмотря на филантропические пожелания нашего путешественника, ничего с тех пор не изменилось. По-прежнему мы наблюдаем среди негров то же пристрастие к крепким напиткам и видим, как какой-нибудь царек разгуливает, напялив мятый цилиндр, похожий на мехи аккордеона, и натянув на голое тело синий фрак с медными пуговицами. В сущности, это их парадное одеяние.

Материнские чувства, как показалось путешественнику, были не очень-то развиты у жительниц Тиманни, потому что пару раз женщины пытались продать ему своих детей, а когда Лэнг отвергал их предложение, они осыпали его оскорблениями. Спустя несколько дней возникли крупные беспорядки, направленные против Лэнга, как одного из белых, препятствующих работорговле и наносящих серьезный ущерб процветанию страны.

Первый город, в который попадаешь в области Коранко, — это Ма-Бум. Любопытно, кстати, отметить, какие чувства возбудила у майора Лэнга оживленная деятельность его обитателей.

«Я вошел в город, — рассказывает он, — на заходе солнца, и

вначале жители произвели на меня чрезвычайно приятное впечатление. Они возвращались после трудового дня. Одни работали на полях, готовясь к уборке урожая, которому близкие дожди должны были пойти на пользу. Другие загоняли в загородки скот: гладкие бока и хороший вид животных свидетельствовали, что их пасут на тучных пастбищах. Последние удары молота доносились из кузницы; ткач измерял количество ткани, выработанной с утра, а кожевник укладывал в мешок ножны, кошеле и другие предметы, мастерски изготовленные и окрашенные. Муэдзин, взобравшись на минарет рядом с мечетью, важно и размеренно восклицал: «Аллах акбар!» — призывая набожных мусульман к вечерней молитве».

Если бы какой-нибудь художник вроде Марилá¹ или Анри Реньо² изобразил эту сцену на фоне пейзажа, освещенного вечерними лучами солнца, еще яркими, но уже приобретающими зеленые и розовые тона, то разве нельзя было бы назвать ее, как часто называют изображение подобных картин в наших пасмурных краях, «Возвращение с поля»?

«Это зрелище, — продолжает путешественник, — по своему характеру и по внушаемым чувствам представляет приятный контраст с шумом, сумятицей и распущенностью, царящими в вечерние часы в городах Тимани. Но не надо верить обманчивой внешности; с глубоким сожалением я должен прибавить, что поведение жителей Коранко отнюдь не подтвердило хорошего мнения, которое я сначала составил себе о них».

Путешественник проехал Куфулу, где встретил благожелательный прием, пересек отличающуюся приятным разнообразием местность с горами Коранко на заднем плане и остановился в Симере, где вождь приказал своему «гриоту»³ воспеть приезд иноземца. Однако домá его подданных были построены плохо и покрыты гнилой соломой. Она свободно пропускала дождь, а

¹ Марила Проспер (1811 — 1847) — французский художник-пейзажист, пользовавшийся в середине прошлого века относительной популярностью.

² Реньо Анри (1843 — 1871) — французский художник, смелый колорист, отличавшийся и оригинальностью сюжетов. Погиб в январе 1871 года, в сражении французов с прусской армией.

³ «Гриот» — гриот, представитель касты певцов, поэтов, музыкантов в Западной Африке. Гриоты были своеобразными хранителями исторических традиций, знатоками законов и родословных; вожди и правители часто приглашали гриотов в советники и воспитатели наследников.

дым выходил просто сквозь щели в крыше. Поэтому после грозы Лэнг, по собственным словам, походил скорее на плохо вымытого трубочиста, чем на белого чужеземца, гостя султана Симеры.

Лэнг посетил затем исток Тонголеде — реки, впадающей в Рокел, и, покинув Коранко, вступил на землю Сулиманы¹.

Коранко (Лэнг побывал только на окраине этой области) занимает большую территорию и делится на множество мелких государств.

Жители языком и одеждой напоминают мандинго, но не так хорошо сложены и не так сообразительны. Они не исповедуют ислама и слепо верят в свои григри².

Они довольно искусны в ремеслах, умеют шить и ткать. Главный предмет торговли у них розовое дерево³, или «кам», которое они возят на побережье. Естественные богатства почти те же, что в Тиманни.

Первым поселением на территории Сулиманы была Комия, расположенная на 9°22' северной широты. Затем Лэнг побывал в Сембе, богатом и многолюдном городе, где оркестр музыкантов, вышедший навстречу, приветствовал его оглушительными, хотя и не очень гармоничными трубными звуками, и наконец прибыл в Фалабу⁴, столицу края.

Султан выразил ему свое особое уважение. Он созвал многочисленные отряды войска и устроил им смотр, заставляя проделывать всяческие маневры. Закончился смотр своеобразной джигитовкой, производившейся под грохот барабанов, звуки скрипок и других туземных инструментов, раздиравших уши путешественника. Затем один за другим выступили многочисленные «гириоты», восхваляя своего властелина, воспевая приезд майора и счастливые последствия, какие его появление сулило для процветания страны и развития торговли.

Лэнг воспользовался праздничным настроением и попросил у султана разрешения посетить истоки Нигера. Султан привел мно-

¹ Сулимана — область вокруг города Сулемания, в Гвинее, в бассейне Верхнего Нигера.

² Григри — название амулетов у африканских народов.

³ Розовое дерево — общее название древесины некоторых тропических и субтропических деревьев из различных семейств, отличающейся розовым или красноватым цветом; часто древесина издает запах, напоминающий аромат роз. Используется для изготовления ценной мебели, музыкальных инструментов и т. п.

⁴ Фалаба — город на севере современной республики Сьерра-Леоне.

го возражений и указывал на опасность этого предприятия. Но, видя, что путешественник настаивает, и решив, что «его сердце истомилось по воде», дал Лэнгу разрешение, которого тот так упорно добивался.

Не прошло и двух часов, как Лэнг покинул Фалабу, а разрешение уже было отменено, и ему пришлось отказаться от столь важного, по его мнению, похода.

Спустя несколько дней ему позволили побывать у истоков реки Рокел или Сале-Конго:¹ ее течение за Роконом еще никто не исследовал.

С вершины большой скалы Лэнг увидел гору Лома², самую высокую во всей горной цепи, к которой она принадлежит.

«Мне указали, — писал он, — место, где начинается Нигер. Оно расположено, по-видимому, на высоте около 1600 футов над уровнем моря (на той же, на какой я в то время стоял)³, потому что истоки Рокела, по моим измерениям, находятся на высоте 1400 футов. Определив точно положение Конкодонгоре и высоту, на которой был я сам (первую — на основании измерения, вторую путем вычисления), я легко установил координаты горы Лома. Вряд ли я сильно ошибусь, предположив, что истоки Нигера находятся на 9°25' северной широты и 9°45' западной долготы⁴».

Майор Лэнг провел в области Сулиманы три месяца и совершил по ней много поездок. Местность чрезвычайно живописна, перерезана грядами холмов и большими долинами; зеленые луга окаймлены лесами и кое-где поросли густыми рощами.

Почва плодородна и почти не требует предварительной обработки; урожаи обильные, и рис родится очень хорошо.

Жители Сулиманы разводят домашних животных: крупный рогатый скот, овец, коз, мелкую птицу, иногда лошадей. Довольно много и диких животных; тут встречаются слоны, буйволы, один вид антилоп, обезьяны и леопарды.

Город Фалаба, название которого происходит от протекающей

¹ Сале-Конго — современное название: Сели; так называется верхнее течение реки Рокел.

² Гора Лома находится на северо-востоке Сьерра-Леоне.

³ Согласно современным определениям, высота горы составляет 1948 м над уровнем моря.

⁴ Исток Джолибы (Нигера) находится близ государственной границы Гвинейской Республики и Сьерра-Леоне; его примерные координаты: 9°07' северной широты и 10°45' западной долготы.

около него реки Фала-Ба, тянется в длину мили на полторы и почти на милю в ширину. Домá по сравнению с другими африканскими городами стоят очень тесно; в городе около шести тысяч жителей.

Его положение как укрепленного пункта выбрано удачно. Город находится на возвышенности посреди равнины, затопляемой во время дождей, и окружен очень крепким частоколом, которому не страшны никакие осадные машины, кроме пушек.

По любопытному наблюдению Лэнга, мужчины и женщины в этой стране как бы поменялись занятиями. На женщинах лежат все земледельческие работы, кроме посева и жатвы; они строят дома, они каменщики, цирюльники и врачи. Мужчины занимаются молочным хозяйством, доят коров, шьют и стирают белье.

Семнадцатого сентября, нагруженный подарками султана, Лэнг двинулся в дальнейший путь по Сьерра-Леоне; много миль его провожала большая толпа. Наконец он без всяких злоключений достиг английской колонии.

В общем, переход Лэнга по Тиманни, Коранко и Сулимане имел немалое значение. Лэнг открыл для нас страну, куда еще не проникал ни один европеец. Он описал ее естественные богатства, нравы и занятия жителей. Одновременно были изучены течение и истоки Рокела и впервые получены точные данные об истоках Джолибы. Хотя путешественнику и не удалось самому увидеть начало этой реки, он все-таки побывал достаточно близко, чтобы, приблизительно установить, где оно находится.

Результаты, достигнутые Лэнгом во время этой экспедиции, только усилили его страсть к путешествиям. Он решил во что бы то ни стало попытаться проникнуть в Тимбукту.

Семнадцатого июня 1825 года Лэнг сел на корабль на Мальте и отплыл в Триполи. Оттуда он вышел с караваном, с которым до Туата ехал Хатита, вождь тарги, или туарегов¹, друг капитана Лайона. Задержавшись на целых два месяца в Гадамесе, Лэнг в октябре покинул этот оазис и добрался до Ин-Салаха, расположенного, по его мнению, гораздо западнее, чем считалось раньше.

¹ Туареги (самоназвание — имошат) народ берберской группы, обитающий в Сахаре, в ряде стран Северной и Западной Африки; относятся к индосредиземноморской расе большой европеоидной расы; на юге своего ареала обитания смешались с негритянским населением. Общая численность туарегов в настоящее время составляет около 1 млн человек.

МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЙ
Кайе, Лендера и Лэнга

Прожив там с ноября 1825 года до января 1826 года, майор достиг затем оазисов Туат; отсюда он предполагал направиться в Тимбукту, объехать озеро Дженне, или Дебои, посетив область Мели, по течению Джолибы спуститься до ее устья. Затем он вернулся бы обратно, дошел до Сокото, посетил бы озеро Чад и постарался бы выйти к Нилу. Как видит читатель, план был грандиозный, но ужасно рискованный. Когда караван, к которому присоединился Лэнг, покинул Туат, на него напали, по словам одних, туареги, по словам других, берабиши — племя, жившее неподалеку от Джолибы.

«Дознались, что Лэнг — христианин, — рассказывает Кайе, собравший эти сведения в Тимбукту, — и обошлись с ним чрезвычайно жестоко. Его били палкой, пока не решили, что он мертв. Другой христианин, умерший, как мне говорили, под ударами, был, наверное, один из слуг майора. Мавры из каравана Лэнга подобрали его и постарались привести в чувство. Когда он пришел в себя, его посадили на верблюда. Однако Лэнга пришлось привязать к седлу: он был так слаб, что не мог держаться. Разбойники не оставили ему почти ничего: большая часть его товаров была разграблена».

Прибыв в Тимбукту 18 августа 1826 года, Лэнг стал постепенно оправляться от ран. Выздоровление шло медленно, но благодаря рекомендательным письмам, привезенным из Триполи, и самоотверженным заботам своего хозяина, родом триполитанца, больной не подвергался преследованиям местных жителей.

Судя по рассказу одного старика, слышанному Кайе, Лэнг, как это ни странно, продолжал носить европейское платье и заявлял, будто послан своим господином, королем Англии, в Тимбукту, чтобы описать все чудеса этого города. «По-видимому, — добавляет французский путешественник, — Лэнг на глазах у всех снимал план города, потому что этот же мавр, по-своему выразительно и наивно, рассказывал мне, что Лэнг “списал” город и все, в нем находившееся».

Осмотрев в подробностях Тимбукту, Лэнг, у которого были особые причины опасаться туарегов, ночью отправился в Кабру, чтобы полюбоваться на Джолибу. Майор не хотел возвращаться в Европу через Великую пустыню, но горел желанием побывать в Дженне и Сего, а затем выйти к французским поселениям на Сенегале. Но не успел он сказать и нескольких слов об этом плане сбежавшимся посмотреть на него фульбе, как они заявили, что не

позволят «назарянину»¹ ступить на их землю, а если он посмеет это сделать, они заставят его горько раскаяться.

Поэтому Лэнг был вынужден выбрать дорогу на Араван, где он надеялся примкнуть к какому-нибудь каравану мавританских купцов, которые возят соль в Сансандинг. Однако через пять дней после того как он выехал из Тимбукту, к его каравану присоединился фанатик-мусульманин, шейх Хамед уль-Хабиб, вождь племени зауат. Под предлогом, будто Лэнг без разрешения вступил на территорию этого племени, его тотчас же схватили. Ему предложили перейти в ислам. Майор отказался и заявил, что предпочитает смерть отступничеству. Тут же на месте шейх и его приспешники обсудили, какой казни подвергнуть свою жертву, и Лэнг был задушен двумя рабами, а тело его брошено в пустыне. Таковы сведения, какие удалось добыть Кайе на месте, куда он прибыл всего через год после смерти Лэнга. Мы дополнили их некоторыми подробностями, заимствованными из «Бюллетеня Географического общества», потому что путевой дневник и журнал наблюдений безвозвратно погибли вместе с путешественником.

Мы уже упоминали, что майору Лэнгу удалось определить приблизительное местонахождение истоков Джолибы. Мы также описали попытки Мунго Парка и Клаппертонна исследовать среднее течение этой реки. Теперь нам остается рассказать о путешественниках, задавшихся целью изучить ее устье и нижнее течение. Первым по времени и наиболее важным по результатам было путешествие Ричарда Лендера², раньше в качестве слуги сопровождавшего Клаппертонна.

¹ «Назарянин» — название христиан в странах мусульманского мира (*араб.* насраний, во мн. числе — насарай). Образовано от прозвища Иисуса Христа — Назорей (Мф. 2:23). Историками Церкви это прозвище обычно связывается с Назаретом, селением в Южной Галилее, родиной родителей Иисуса, в котором прошли его детские годы. Однако в Библии (Чис. 6:2 — 21) упоминаются *назофеи*, мужчины и женщины, которые по обету, данному на всю жизнь или же только на определенное время, должны были считать себя посвященными Господу.

² Лендер Ричард Лемон (1804 — 1834) — английский путешественник по Западной Африке; в 1825 — 1827 годах вместе с Х. Клаппертонном путешествовал из Лагоса в Сокото. В 1830 году издал дневник, который вел Клаппертон во время этого путешествия («Records of captain Clapperton's last expedition to Africa»), т. 1 — 2). В том же году путешествовал по Нижнему Нигеру. Дневник этой экспедиции был опубликован в 1832 году в 2-х томах («A narrative of adventures during expedition to discover the termination of the Niger»). В 1833 году исследовал нижнее течение реки Бенуэ. За свои африканские исследования удо-

Ричард Лендер и его брат Джон предложили английскому правительству послать их в Африку для исследования Нигера до самого устья. Предложение было немедленно принято, и они отплыли на военном корабле в Бадагри, куда и прибыли 19 марта 1830 года.

Властелин этих мест, Адули, о котором у Ричарда Лендера сохранились наилучшие воспоминания, пребывал в печали. Его город только что сожгли, его военачальники и лучшие воины погибли в сражении с воинами Лагоса¹, он сам чуть не стал жертвой пожара, уничтожившего его дом и все имущество.

Надо было восстановить казну. Адули решил это сделать за счет путешественников. Им до тех пор не давали разрешения на проезд внутрь страны, пока не отняли самые ценные товары. Англичане к тому же были вынуждены подписать соглашение на приобретение у него судна с пушкой и сотней людей, двух бочонков рому, двадцати бочонков пороху и множества других товаров, хотя и были совершенно уверены, что пьяный и жадный монарх ничего им не выдаст.

Если уж вождь всячески проявлял свою корысть и жадность и не блистал великодушием, то его подданные, решив не отставать от него и считая англичан своей добычей, и подавно не пропускали случая их ограбить.

Тридцать первого марта Ричард и Джон Лендеры могли наконец покинуть Бадагри. Они прошли через Уоу – город довольно значительный, через Биджи, где в предыдущую экспедицию заболели Пирс и Моррисон, затем через Дженну, Чоу, Эггу, то есть города, в которых уже побывал Клаппертон; через Энгву, где умер Пирс, и через Азинару – первый на их пути город, окруженный стеной. Дальше они прошли через Боху, старинную столицу области йоруба, через Джагугу и Леогуадду, через Игчо с

стоен награды Королевского географического общества. Был смертельно ранен в схватке с туземцами и умер на острове Фернандо-По.

¹ Лагос – город на побережье Атлантического океана. Возник на одноименном острове посреди лагуны, дававшей хорошее укрытие от врагов, и вскоре стал центром самого могущественного среди африканских государств, промышленных работоторговлей. В 1849 году здесь учреждено британское консульство. В 1851 году британские ВМС атаковали Лагос, низложили «короля» Косоко и возвели на престол его родственника Акитойе, согласившегося сотрудничать с англичанами и передавшего им в 1861 году остров и порт. В конце века город стал административным центром колонии и протектората Лагос, впоследствии – всей Нигерии. Первая столица независимой Федерации Нигерия.

его знаменитым базаром, и 13 мая прибыли в Катунгу, предшествуемые эскортом, высланным им навстречу султаном.

По обычаю оба путешественника, направляясь на прием к повелителю страны Мансоле, остановились под деревом. Но вскоре им надоело дожидаться, и они пошли в резиденцию Эбо, повелителя евнухов, бывшего самым влиятельным лицом после султана. Мансола, принявший их несколько времени спустя под дьявольские звуки кимвалов¹, рогов, барабана, обошелся с ними очень хорошо и даже приказал Эбо рубить головы всем, кто позволит себе докучать путешественникам.

Однако, опасаясь, чтобы Мансола не задержал их до начала дождей, Джон и Ричард Лендеры, по совету Эбо, не стали говорить султану о своем желании выйти к Нигеру. Они только объяснили ему, что двадцать лет тому назад один их соотечественник умер в Бусе и теперь английский король послал их к султану Юри, чтобы они отыскивали бумаги покойного.

Хотя Мансола и не был так милостив к братьям Лендер, как когда-то к Клапertonу, все же через неделю после их прибытия он позволил им уехать.

Из подлинного отчета, заполненного множеством подробностей о городе Катунга и стране йоруба, мы приведем лишь следующую выдержку:

«Ни своим богатством, ни числом жителей Катунга вовсе не оправдала того представления, какое сложилось у нас. Широкая равнина, посреди которой расположен этот город, хоть и прекрасна, но все же по густоте растительности, по плодородию, по красоте пейзажей уступает прелестной местности вокруг Боху, города гораздо менее знаменитого. На базаре довольно много товаров, но все чрезмерно дорого. Низшие сословия поэтому почти никогда не употребляют в пищу мяса животных и вынуждены довольствоваться отвратительными насекомыми, рептилиями и червями».

Беспечность Мансолы и глупое малодушие его подданных дали возможность фелланам (или феллатам)² обосноваться у йоруба, засесть в укрепленных городах и добиться признания своей

¹ Кимвал — древний ударный музыкальный инструмент в виде двух чаш или тарелок.

² Фелланы, феллаты — другие названия народа фульбе (см. примеч. к с. 100).

независимости в ожидании того дня, когда они станут достаточно сильны, чтобы установить свою власть над всей страной.

Братья Лендер прошли затем через Бумбум — город, часто посещаемый купцами из городов хауса, Боргу и других стран, торгующих с Гонджой, а также через Киши, на границе государства йоруба, и, наконец, через Муссу на реке того же названия¹. За этим городом их ждал конвой, который послал им навстречу Ярро — султан области Боргу.

Султан Ярро хорошо принял путешественников и выразил им свое удовольствие и благосклонность; по-видимому, особенно он был рад снова увидеться с Ричардом Лендером.

Хотя этот султан и считался магометанином, он больше придерживался суеверных обрядов своих отцов, чем новой веры. У двери висели фетиши и григри, а в одной из его хижин путешественники видели четырехугольный табурет с ножками в виде человеческих фигурок, вырезанных из дерева².

Народ Боргу по характеру, нравам и обычаям существенно отличается от йоруба.

«Последние, — говорится в отчете, — постоянно ездят из одного города в другой по торговым делам. Жители Боргу покидают свои дома лишь ради войны или грабительского набега. Одни — малодушны и трусливы, другие — отважны, смелы, предприимчивы, деятельны, но им по душе, видимо, только ратные подвиги. Жители страны йоруба обычно уступчивы, спокойны, скромны, честны, но холодны и равнодушны. Люди из Боргу надменны, горды, слишком тщеславны, чтобы быть учтивыми, и слишком хитры, чтобы быть честными, но им понятно чувство любви и общественные страсти, они способны горячо привязываться и быстро загораться ненавистью».

Семнадцатого июня наши путешественники увидели наконец город Бусу. Велико было их удивление, когда оказалось, что он стоит на суше, а вовсе не на острове посреди Нигера, как утверждал Клаппертон. Они вошли в Бусу через западные ворота, и почти сразу же их провели к султану и к «мидики», то есть султанше. Те им рассказали, что как раз в это утро они оба заливались горькими слезами, вспоминая участь Клаппертонна.

¹ Как и в рассказе о путешествии Клаппертонна, имеется в виду река Моши, правый приток Нигера, но города с таким названием в современной Нигерии нет.

² Коран запрещает мусульманам всякие изображения людей. (*Примеч. перев.*)

Братья Лендер прежде всего спустились к Нигеру (или Куаре), протекающему у самого города.

«При виде этой знаменитой реки, — вспоминал Ричард Лендер, — мы были сильно разочарованы. Посередине ее высились черные потрескавшиеся скалы, и вокруг них вскипали, бурлили и сшибались стремительные воды. Нам сказали, что выше Бусы два маленьких плодородных острова делят реку на три рукава, а ниже города река течет спокойно, не разветвляясь уже до самой Фунды. Через Нигер, даже там, где он шире всего, можно перебросить камень. Утес, на котором мы сидели, стоит как раз над тем местом, где погибли Мунго Парк и его спутники».

Сначала Ричард Лендер довольно осторожно расспрашивал о книгах и бумагах, вероятно оставшихся после Мунго Парка. Ободренный приветливостью султана, он решился наконец задать вопрос о печальном конце исследователя. Однако султан был в то время слишком мал и не слышал о случившемся, так как катастрофа произошла задолго до его царствования. Впрочем, он обещал, что прикажет найти все уцелевшие вещи знаменитого путешественника.

«После полудня, — продолжает Ричард Лендер, — султан пришел к нам со слугой, который нес под мышкой книгу. Ее нашли в воде, неподалеку от места гибели нашего соотечественника. Она была завернута в кусок хлопчатобумажной ткани, и, пока слуга медленно разворачивал ее, наши охваченные надеждой сердца сильно бились: ведь, судя по формату, это должен был быть дневник Мунго Парка! Велико же оказалось наше разочарование, когда, открыв книгу, мы обнаружили, что это просто старое руководство по навигации, изданное в прошлом столетии».

Теперь уж нечего было надеяться найти дневник путешественника.

Двадцать третьего июня братья Лендер покинули Бусу, полные благодарности к султану. Он сделал им хорошие подарки и посоветовал, чтобы не быть отравленными, брать провизию только у правителей городов, через которые они будут проезжать. Они берегом поднялись вдоль Нигера до Кагоги, где сели в утлый туземный челнок, отправив лошадей сушей к Яури¹.

«Мы не проехали и нескольких сотен ярдов, — свидетельствует

¹ Яури — возможно, имеется в виду селение Агвара на правом берегу Нигера.

Ричард Лендер, — как река стала расширяться; впереди от берега до берега было повсюду больше двух миль. Нигер похож тут на широкий канал. Река текла между невысокими отвесными берегами, поросшими наверху деревьями. Местами она очень мелкая, но кое-где так глубока, что по ней мог бы пройти фрегат. Трудно вообразить пейзажи живописнее тех, мимо которых мы плыли первые два часа. Оба берега были буквально усеяны туземными деревьями. Огромные деревья гнибали под тяжестью густой листвы; ее темный цвет давал отдых глазам, уставшим от ослепительного солнца, и хорошо контрастировал с переливчатой зеленью холмов и полей. Внезапно все вокруг резко изменилось. Ровные — глинистые, черноземные или песчаные — берега сменились черными потрескавшимися скалами, и большие песчаные мели поделали на тысячу маленьких проливчиков зеркальную гладь Нигера, отражавшую небеса».

Немного дальше стена черных скал преградила течение, оставив лишь узкий проход, в который вода устремлялась с бешеной скоростью. Лодку пришлось перетаскивать по берегу, но выше Нигер течет по-прежнему широкий, спокойный и величественный. На третий день плавания братья Лендер высадились в деревне, где их поджидали люди с лошадьми. Они двинулись в путь и, преодолев небольшой подъем, вскоре добрались до Яури.

Султан принял путешественников во дворе, какие бывают на хорошо содержащихся фермах. Он был человек дородный, грязный и противный, но, вероятно, любитель хорошо пожить.

В свое время он очень сердился на то, что Клаппертон не посетил его и что Ричард Лендер на обратном пути не подумал заехать к нему на поклон. Теперь он обнаружил самую возмутительную скарედность, отказывался снабдить путешественников съестными припасами, в которых они так нуждались, и пускал в ход всякие уловки, стараясь задержать их подольше.

Надо сказать, что съестные припасы в Яури были очень дороги, а у Ричарда Лендера от всех товаров остались лишь иголки, «гарантированные, сверхтонкие, не рвущие нитку», последнее — вероятно, потому, что в них не хватало ушка, в которое нитку следовало бы продевать. И путешественники, ясное дело, вынуждены были выбросить эти иголки.

Впрочем, европейцы извлекали пользу из оловянных коробочек от бульонных кубиков, имевшихся у них во множестве. Этикетки на коробках почернели и потускнели от времени, но все же вызы-

вали зависть туземцев. Один из них как-то в базарный день стяжал неимоверный успех, нацепив себе на голову коробку, на которой в четырех различных местах было написано: «Превосходный концентрированный мясной сок».

Не желая позволить англичанам попасть ни в Ниффе, ни в Борну, повелитель Яури объявил, что им придется возвратиться в Бусу. Ричард Лендер тотчас написал письмо к султану Бусы, прося позволения купить челнок, чтобы добраться до Фунды, так как дороги по суше кишели грабителями — фелланами.

Наконец 26 июля явился гонец от султана Бусы, присланный выяснить причины непонятного поведения властителя Яури и узнать, почему отъезд англичан в Бусу так откладывается. После пятидневной задержки братья Лендер могли наконец покинуть Яури, в то время почти затопленный паводком.

Они поднялись по Нигеру до впадения в него реки Кубии¹, затем снова спустились и прибыли в Бусу. Султан очень им обрадовался и принял их с неподдельной сердечностью. Все-таки им пришлось пробыть там дольше, чем хотелось, — во-первых, потому, что оказалось необходимым нанести визит султану Вавы, во-вторых, потому, что было очень трудно раздобыть лодку. Кроме того, задержались и гонцы султана Бусы, разосланные к разным вождям, владения которых тянулись по берегам реки; наконец оставалось еще договориться с вождем Бекен-Руа («Черная Вода»), обещавшим довести их целыми и невредимыми до моря. Покидая султана Бусы, братья выразили ему признательность за его расположение, гостеприимство, заботы, старания защитить их интересы и покровительство, которое он оказывал им во время почти двухмесячного пребывания в его столице. Жители города при прощании тоже испытывали чувство сожаления; они становились на колени, когда братья Лендер проходили мимо, и, воздевая руки к небу, просили своих богов защитить англичан.

И вот начался спуск по Нигеру. Почти сразу пришлось задержаться на большом острове Мелали, потому что тамошний вождь просил путешественников принять в дар хорошенького козленка, а они, конечно, не захотели обидеть его отказом. Затем двое Лендеров проехали большой город Конги — или, по Клашпертону, Сонга, — потом Ингвазилиги, который лежит на пути купцов, ведущих торговлю между Ниффе и краями, расположенными к се-

¹ Имеется в виду река Кебби, левый приток Нигера.

веро-востоку от Боргу. Наконец они остановились на Патачи, большом острове, богатом и удивительно красивом, изобилующем пальмовыми рощами и высокими величественными деревьями.

Так как отсюда было недалеко до Вавы, Ричард Лендер послал гонца к правителю этого города, отказавшемуся выдать купленный у него челнок. Гонцу ничего не удалось достичь, и путешественники сами отправились к властителю. Но, как и следовало ожидать, они добились только обещаний, равносильных отказу. Для того чтобы продолжать путешествие, им оставался один выход — присвоить челноки, которые им одолжили на острове Патачи. 4 октября после новых помех и задержек Лендеры пустились в дорогу. Лодки быстро неслись по течению, и вскоре Левер (или Лайабу)¹ с его жалкими обитателями скрылся из виду.

Около этого места берега реки поднимаются футов на сорок над водой и почти отвесны. Река, не загроможденная камнями, течет прямо на юг.

Первое поселение, встретившееся братьям на дальнейшем пути, было Баджибо. Это большой, широко раскинувшийся город, не имеющий себе равных по грязи, шуму и беспорядку. Затем они миновали Личи, населенный неграми народа ниффе, и Маджи², близ которого Нигер делится на три рукава. Отъехав немного от города и огибая очередной остров, путешественники вдруг увидели вдали скалу Кеца (или Кези) высотой в двести восемьдесят один фут, отвесно вздымающуюся посреди реки. Туземцы весьма ее почитают и верят, что это излюбленное обиталище одного благодетельного духа.

Неподалеку от Рабы, на острове Били братьям Лендер нанес визит повелитель «Черных Вод», властелин острова Зангоши, приехавший на необычайно длинном и непривычно чистом челноке, обитом ярко-красным сукном с золотыми нашивками. В тот же день они достигли Зангоши, расположенного против Рабы, второго по величине города фелланов после Сокото.

Властитель этого города, Малам-Дендо, приходился родственником султану Белло. Это был слепой, совершенно одрях-

¹ Левер — современное селение Сабон-Лейба на правом берегу Нигера, ниже города Уру.

² Маджи — очевидно, это современная Джебба.

левший, болезненный старик. Зная, что проживет недолго, он забился лишь о том, как бы закрепить трон за своим сыном.

Получив довольно ценные подарки, Маллам-Дендо все-таки остался недоволен и заявил, что, пока путешественники не сделают ему более полезных и дорогих подношений, он не отпустит их из Зангоши. Иначе он грозил отобрать у них ружья, пистолеты и порох.

Ричард Лендер в отчаянии не знал, что и делать; наконец Маллам-Дендо получил в дар «тобе» (то есть халат) Мунго Парка, переданный англичанам властителем Бусы; он пришел от него в такое восхищение, что объявил себя покровителем европейцев, обещал сделать все возможное, чтобы помочь им добраться до моря, и подарил плетеные циновки самых ярких расцветок, два мешка риса и связку бананов. Продукты пришлось кстати, так как все запасы сукна, зеркал, бритв и трубок были исчерпаны, и у Лендеров не осталось ничего, кроме нескольких серебряных браслетов, для раздачи вождям во время дальнейшего плавания по Нигеру.

«Когда мы смотрели на Рабу из Зангоши, — рассказывает Лендер, — она показалась нам очень большим, чистым, прочно построенным городом. Он открыт со всех сторон, не имеет укреплений, не обнесен крепостной стеной и беспорядочно раскинулся на склоне холма, у подножия которого течет Нигер. По величине, числу жителей и богатству он занимает второе место у фелланов. Население в нем смешанное: фелланы, ниффе, рабы и выходцы из разных областей. Город подчинен власти правителя, именуемого султаном. Раба славится зерном, растительным маслом и медом. На базаре, когда наши люди были там, продавали много быков, лошадей, мулов, ослов, овец, коз и домашней птицы. Со всех сторон предлагали рис, зерно, хлопок, сукно, индиго, седла и уздечки из желтой и красной кожи, туфли, башмаки и сандалии. Сотни две невольников, которых с утра вывели на продажу, еще и вечером стояли там.

Раба не может особо похвалиться своими изделиями. Впрочем, местное производство циновок и сандалий не имеет себе соперников, хотя по всем другим ремеслам Зангоши стоит впереди».

Деятельное, трудолюбивое население Зангоши приятно удивляет в этой стране лентяев, где прилежные люди редки. Его жители гостеприимны и услужливы; островное положение города защищает их от фелланов; они независимы и не признают ничьей

власти, кроме власти повелителя «Черных Вод», да и то потому, что им выгодно ему повиноваться.

Шестнадцатого октября Ричард и Джон Лендер наконец отплыли на старой пироге, проданной вождем за довольно дорогую цену. Весел никто не хотел продавать, и пришлось их просто украсть. Теперь братья в первый раз плыли по Нигеру, не пользуясь посторонней помощью.

Спускаясь по реке (ширина которой все время сильно менялась), они старались избегать больших городов, так как не имели уже возможности удовлетворять требования правителей.

До Эгги¹ мирное путешествие не нарушалось никакими неприятными случайностями. Только однажды ночью, когда нельзя было высадиться на берег, потому что вдоль реки тянулись болота, и пришлось отдаться на волю течения, разразилась страшная гроза и путешественников едва не потопили стада гиппопотамов, резвившихся на поверхности реки.

В этих местах Нигер почти все время течет на восток и на юго-восток, достигая в ширину то восьми, то только двух миль. Течение здесь такое быстрое, что лодка двигалась со скоростью четырех-пяти миль в час.

Девятнадцатого октября Лендеры миновали устье Кудунии², реки, которую Ричард переходил вброд около Коттупа во время своего первого путешествия, и некоторое время спустя увидели Эгту. Вскоре они добрались до пристани, пройдя к ней по заливу, забитому великим множеством груженных товарами больших тяжелых челнов; корма каждого судна была измазана кровью и усыпана перьями — чудодейственное средство, защищающее от воров.

У вождя, к которому тотчас привели путешественников, была длинная седая борода. Он выглядел бы почтенным патриархом, если бы не хихикал и не забавлялся, как малое дитя. Вскоре поглядеть на пришельцев с такой удивительной внешностью сбегались сотни туземцев, и англичанам пришлось поставить у дверей трех часовых, чтобы заставить любопытных держаться в отдалении.

«Многие жители Эгги, — пишет Ричард Лендер, — продают холст и сукно, изготовленные в Бенине и в Португалии, поэтому

¹ Скорее всего речь идет о современном городе Патеги.

² Кудуния — Кадуна, левый приток Нигера.

мне кажется правдоподобным, что между здешними краями и побережьем есть какое-то сообщение. Все жители весьма предприимчивые торгаши, и многие только и делают, что ездят с товарами вверх и вниз по Нигеру. Они постоянно живут в челнах; маленький навес заменяет хижину. Уверенность туземцев, будто бы нам стоит только захотеть и мы добьемся чего угодно, нас сначала забавляла. Но потом навязчивость негров стала невыносимой. Им нужны были талисманы, чтобы отвратить войну и другие общественные бедствия, чтобы разбогатеть, чтобы крокодилы не смели хватать людей, чтобы каждый день вылавливать полный челнок рыбы. С последним ходатайством обратился к нам глава рыбаков. Как водится, он в подкрепление своей просьбы вручил нам приличный дар, по ценности соответствовавший ее важности. Любопытство народа, его желание посмотреть на нас так велики, что мы не решаемся выйти. Чтобы было чем дышать, нам приходится целый день держать дверь открытой. Мы ходим взад и вперед по хижине, как дикие звери в клетке, и это наше единственное физическое упражнение. Туземцы пристально, с крайним удивлением и опаской рассматривают нас: почти так в Европе разглядывают тигров в зверинце. Когда мы приближаемся к двери, негры пятятся назад и дрожат от ужаса. Но едва мы уходим в другой конец хижины, они молча и с великими предосторожностями придвигаются ближе, насколько им позволяет страх».

Эгта очень большой город, и население его, вероятно, огромно. Как почти все города, расположенные на Нигере, он ежегодно подвергается наводнению. Надо думать, что у туземцев есть свои основания строиться в таких местах, которые кажутся нам и неудобными и нездоровыми.

Не потому ли они это делают, что почва вокруг черноземная, необычайно плодородная, благодаря чему они без особого труда получают здесь необходимые средства к существованию?

Хотя властителю Эгты казалось на вид лет сто, он был очень веселый и жизнерадостный. У него в хижине собирались все знатные люди города, и целый день проходил у них в болтовне.

«Все эти седобородые старики, — рассказывает путешественник, — так чистосердечно смеялись и так непосредственно радовались своим шуткам, что прохожие неизменно останавливались у хижины, чтобы прислушаться, а затем и сами присоединялись к шумному веселью, царившему внутри. И поэтому с утра до ночи к нам оттуда доносились бурные раскаты хохота».

Однажды старый вождь решил продемонстрировать перед чужеземцами свои таланты певца и танцора — ему очень хотелось поразить их и вызвать восхищение.

«Высоко подпрыгивая, несмотря на преклонный возраст, и встряхивая седыми прядями волос, — говорится в отчете, — он выделял всяческие скачки и кульбиты, к великому удовольствию зрителей. Их смех — единственный знак одобрения у африканцев — так льстил тщеславию старика и горячил его воображение, что он через силу продолжал танец. Ему пришлось вооружиться клюкой; прихрамывая, он попрыгал еще немного, но силы его иссякли и он вынужден был остановиться и присесть рядом с нами на порог хижины. Ни за что на свете не хотел он обнаружить перед нами свою слабость и, совершенно запыхавшись, все же старался сдерживать порывистое и затрудненное дыхание. Потом он попытался было станцевать и спеть нам еще что-нибудь, но силы окончательно изменили ему, и его слабый и дрожащий голос был теперь еле слышен. Тем временем другие певцы и певицы, танцоры и музыканты продолжали свой оглушительный концерт, пока нам наконец не надоело на них смотреть и слушать их. И так как наступала ночь, мы, к великому сожалению веселого, игривого старца, попросили разрешения удалиться».

Когда англичане были в Зангоши, то Маллам-Дендо убеждал их не плыть дальше по течению реки. По его словам, Эгта была последним городом области Ниффе. Дальше власть фелланов не распространялась, и до самого моря путешественники будут встречать только дикие свирепые племена, постоянно ведущие войну друг с другом.

Эти предупреждения, а также рассказы туземцев об опасностях впереди, о том, что там могут зарезать или захватить и продать в рабство, очень напугали людей, сопровождавших Лендеров. Теперь слуги отказывались продолжать плавание, предпочитая возвратиться в Кейп-Кост-Касл¹ той дорогой, которою они пришли.

Но братья Лендер сумели выказать твердость характера, и этот бунт ни к чему не повел. Наконец 22 октября англичане покинули Эггу, отдав прощальный салют тремя ружейными выстрелами.

Они проехали лишь несколько миль, как у них над головами пролетела чайка. Это было указанием на близость моря и предвещало окончание утомительного пути.

¹ Кейп-Кост-Касл — порт в современной Гане.

Они миновали одну за другой много бедных деревушек, затопленных водою, а потом какой-то большой город у подножия высокой горы, которая, казалось, вот-вот раздавит его. Названия этого города путешественники так и не узнали. Им встречались бесчисленные челноки, похожие на те, в каких плавают по рекам Бонни и Калабар. Люди не без удивления посматривали из челнов на белых пришельцев и не осмеливались с ними заговорить.

Низкие, на большое расстояние от реки заболоченные берега Нигера сменились вскоре более высокими, более плодородными и покрытыми пышной растительностью.

Какунда, где жители Эгги советовали Ричарду Лендеру остановиться, расположена на западном берегу реки. Если на нее смотреть издали, она выглядит удивительно живописно.

Сначала туземцы были очень встревожены появлением путешественников. Старый «маллам» — мусульманский священник и наставник — взял их под свое покровительство. Благодаря ему братья были хорошо приняты в столице этого государства, независимого от Ниффе.

Сведения, собранные путешественниками в Какунде, представлявшей собой слившиеся вместе четыре деревни, совпадали со сведениями, полученными в Эгге. Поэтому Ричард Лендер решил теперь плыть только ночью и зарядить пулями и крупной дробью четыре оставшихся у них ружья и два пистолета.

Как бы то ни было, к великому изумлению туземцев, которые еще не видывали такого презрения к опасности, наши исследователи, трижды прокричав «ура!» и положившись на Бога, покинули Какунду.

Они проехали мимо нескольких довольно значительных городов, стараясь никому не попадаться на глаза. Река за это время не раз меняла направление, между высоких холмов поворачивая с юга на юго-восток, а затем на юго-запад.

Двадцать пятого октября путешественники очутились перед устьем широкой реки. Это была Чадда, или Бенуэ. У ее впадения по берегам Нигера и Бенуэ раскинулся большой город Котон-Карифи¹.

¹ Современное селение Котон-Карифи расположено на Нигере, километрах в тридцати выше слияния последнего с Бенуэ. Здесь же имеется в виду город Локоджа и его пригород Нумай.

Наконец, чуть не погибнув в пучине и чуть не разбившись о скалы, Ричард Лендер высмотрел подходящее необитаемое место на правом берегу и решил там высадиться.

Здесь недавно побывали люди, о чем свидетельствовали погасшие костры и валявшиеся на земле расколотые тыквенные бутлы, черепки глиняной посуды, скорлупа кокосовых орехов, а также клепки от бочонка из-под пороха. Не без волнения подбирали путники эти клепки, так как они свидетельствовали о том, что местные жители имели дело с европейцами.

Однако, когда трое людей Лендера появились в деревне, где они хотели раздобыть огня, женщины в испуге разбежались. Едва измученные путешественники успели улечься на циновках, как вдруг их окружил отряд почти голых людей, вооруженных ружьями, луками, стрелами, тесаками, железными крюками и пиками.

Только хладнокровие и присутствие духа обоих братьев предотвратили стычку, которая казалась неизбежной и в исходе которой не приходилось сомневаться. Побросав оружие наземь, они пошли навстречу к предводителю разъяренных туземцев.

«На ходу мы делали руками знаки, — рассказывает Лендер, — чтобы он и его воины не стреляли в нас. Колчан болтался у него сбоку, лук уже был натянут, и стрела, направленная мне в грудь, дрожала, готовая сорваться, едва мы подойдем еще на несколько шагов. Провидение отвело выстрел, так как, когда предводитель уже собирался отпустить роковую тетиву, воин, стоявший рядом с ним, кинулся вперед и удержал его. Теперь мы сошлись лицом к лицу и оба протянули ему руки. Все дрожало мелкой дрожью. Предводитель долго вглядывался в нас, потом бросился на колени. На его лице появилось какое-то странное выражение — смесь робости и ужаса, словно в нем боролись противоречивые страсти, дурные и хорошие. Наконец он склонил голову на грудь, схватил наши протянутые руки и разразился слезами. С этого мгновения дружеские отношения были установлены, и кровавые военные замыслы уступили место полному согласию.

— Я подумал, что вы сыны неба и упали с облаков, — сказал предводитель, объясняя внезапную перемену в своем поведении.

— Счастье наше, — добавляет Лендер, — что белые лица и наше спокойствие произвели такое сильное впечатление на этих людей. Еще минута — и в наших телах торчало бы столько стрел, сколько игл у дикобраза».

Ближайшим городом оказалась Боква, знаменитая своим базаром, о котором путешественники так много слышали; туда с побережья толпами приходили люди, чтобы выменивать товары белых на рабов, в большом количестве доставляемых из Фунды, находящейся на противоположном берегу реки.

В Бокве Лендерам сообщили приятные сведения. Море было не дальше чем в десяти днях пути. По словам вождя, плавание по реке не представляло никакой опасности, но жители береговых селений были «очень злые люди».

Следуя совету вождя, братья, не высаживаясь, проехали мимо красивого, очень большого города Атта и остановились на отдых в Аббазаке, где Нигер делится на несколько рукавов. Вождь в Аббазаке, впрочем, оказался ненасытно жадным. На дальнейшем пути жители нескольких деревень, желая удовлетворить свое любопытство, просили путешественников остановиться, но те отказывались. Однако они были вынуждены высадиться у деревни Дамутто, где какой-то человек в форменной куртке окликнул их по-английски: «Алло! Эй! Англичане, сюда, сюда!» Это был посланец султана области Бонни, приехавший за рабами для своего господина.

Вождь этого поселения, никогда не видавший белого человека, принял Лендеров очень радушно, устроил в их честь большое празднество и всякими увеселениями задержал их до 4 ноября. Вождь посоветовался с идолом и, хотя тот предрекал путешественникам всякие напасти на пути к морю, снабдил их еще одним челноком, дал им гребцов и проводника.

Зловещие предсказания идола не замедлили оправдаться. Джон и Ричард Лендеры сели в разные лодки. Когда они ехали мимо большого города (как им сказали, это был Кирри), их остановили длинные военные челны, в каждом из которых было человек по сорок, одетых по-европейски, но без брюк. На длинных бамбуковых шестах над челнами развевались большие флаги с гербом Великобритании. Борта были украшены изображениями стульев, столов, фляг и другими эмблемами. У каждого черного матроса в руках был мушкет, а на носу каждой лодки виднелось по четырехдюймовой или шестидюймовой пушке.

Братьев привезли в Кирри. Началось бесконечное совещание об их судьбе. К счастью, мусульманские священники, или «малламы», вступились за них. Путешественникам вернули кое-что из отнятых вещей, но большая часть пошла ко дну вместе с лодкой Джона Лендера.

«К великому моему удовлетворению, — вспоминает Ричард Лендер, — среди принесенных предметов я сразу увидел сундук, в котором были наши книги и один из дневников моего брата. Рядом стоял ящик с лекарствами. Правда, оба они оказались полны водой. Большой ковровый дорожный мешок с одеждой был раскрыт и разграблен; в нем остались лишь одна рубашка, пара брюк и один скюртук. Много ценных вещей пропало. Погибли все мои дневники, за исключением записной книжки, куда я заносил путевые заметки, начиная с Рабы. Исчезли четыре ружья (из которых одно принадлежало Мунго Парку), четыре тесака и два пистолета. Девять слоновых бивней — самых лучших, какие я только видел в здешних краях, полученные в подарок от султанов Вавы и Бусы, страусовые перья, несколько прекрасных леопардовых шкур, много разных бус, все наши пуговицы, каури, иголки, столь необходимые для обмена на продукты, — все это пропало и, как нас уверяли, покоилось на дне реки».

Вот это уж действительно значило «сесть на мель у входа в гавань»! Проехать всю Африку от Бадагри до Бусы, благополучно проделать опасное плавание по Нигеру, счастливо вырваться из рук корыстных царьков, — лишь для того, чтобы потерпеть крушение в шести днях пути от моря и попасть в рабство или быть осужденными на смерть! И это тогда, когда они уже готовились представить восхищенной Европе драгоценные сведения, добытые ценой стольких перенесенных бедствий, стольких избегнутых опасностей, стольких успешно преодоленных препятствий! Исследовать течение Нигера, начиная от Бусы, уже собираться точно определить место его впадения в океан — и вдруг оказаться в руках жалких пиратов! Нет, это было уж слишком, и горьки же были размышления обоих братьев, пока тянулись нескончаемые переговоры!

Хотя часть раскраденных вещей вернули путешественникам, хотя негру, первым начавшему враждебные действия, во искупление его вины отрубили голову, братья Лендер по-прежнему считались пленниками. Их собирались отправить к Оби, властителю страны ибо, чтобы тот решил их судьбу.

Очевидно, грабители не были местными уроженцами и явились сюда лишь для того, чтобы заниматься разбоем. Если бы им навстречу попадались лодочные флотилии, слишком сильные, чтобы дать себя ограбить без боя, они ограничились бы торговлей на базаре в Кирири и в других городках. Впрочем, на берегах этой

части Нигера все племена относились друг к другу с чрезвычайным недоверием, и даже при закупке провизии люди не выпускали из рук оружия.

Через два дня, 8 ноября, лодки были уже в виду города Эбое¹ в том месте, где Нигер делится на три огромных «реки», с низкими болотистыми берегами, поросшими пальмами.

Спустя час один из гребцов, уроженец Эбое, воскликнул: «Вот моя родина!»

Здесь путешественников поджидали новые затруднения.

Оби был молодой человек с живым и умным лицом; он принял путешественников очень приветливо. Одежду Оби, напоминающую одежду султана йоруба, украшало такое множество кораллов, что его можно было бы окрестить «Коралловым вождем».

Оби, разумеется был очень поражен, услышав о нападении, при котором англичане лишились всех своих товаров; однако его помощь отнюдь не соответствовала пылкости его чувств, и он предоставил путешественникам так мало съестных припасов, что они чуть не умирали с голоду.

«Жители Эбое, как и большинство африканцев, крайне апатичны, — говорится в отчете, — и возделывают только иньям, маис и бананы. У них много коз и домашней птицы, но мало овец и вообще нет крупного рогатого скота. В городе, широко раскинувшемся на открытой равнине, живет много народа. Он является столицей земель ибо. Город славится своим пальмовым маслом. Он издавна служит главным невольничьим рынком, куда съезжаются за рабами туземные купцы, ведущие торговлю на побережье между Бонни и Старым Калабаром². По этим рекам поднимаются в страну ибо сотни туземцев с товарами. Их и сейчас здесь очень много; они живут в своих лодках, выстроившихся перед самым городом. Почти все пальмовое масло, закупаемое англичанами в Бонни и в окрестных городах, идет из страны ибо. Вывозят отсюда и рабов, которых на побережье грузят на французские, испанские и португальские невольничьи корабли. Нам часто говорили, что негры страны ибо — людоеды; впрочем, это

¹ Эбое — возможно, имеется в виду город Эбу, несколько ниже которого от основного русла Нигера отходит протока Ораши, чем и начинается дельта Нигера, а потом основное русло великой реки делится еще на две протоки: Нун и Форкада.

² То есть в восточной части дельты Нигера.

мнение распространено больше среди соседних племен, чем в глубине страны».

После всего услышанного путешественникам стало ясно, что Оби отпустит их не иначе, как за изрядный выкуп. Может быть, вождя подбивали на это его приспешники. Но особенно укрепляла его в таком намерении жадность торговцев с Бонни и Браса, уже споривших о том, кто из них уведет к себе англичан.

Особенное ожесточение проявили сын последнего вождя Бонни, вождь Пеппер («Перец»), другой вождь Ган («Ружье»), брат вождя Бой («Мальчик») и их отец — вождь Фордей, вместе с вождем Джакетом («Куртка») правивший всей страной Брас¹. В качестве доказательства своей добропорядочности они показывали удостоверения, полученные от капитанов-европейцев, с которыми вели дела.

Один такой документ, подписанный Джемсом Доу, капитаном брига «Сузан» из Ливерпуля, датированный сентябрем 1830 года на Первой реке Брас², гласил:

«Капитан Доу свидетельствует, что никогда не встречал еще таких негодяев, как здешние туземцы, в особенности лощманы».

Затем, продолжая в том же тоне, капитан предавал их проклятию, называл чертовыми пройдохами и говорил, будто они старались посадить его судно на камни в устье реки, чтобы поделить между собой все, что уцелеет от кораблекрушения. Вождь Джакет у него назывался отчаянным жуликом и завзятым негодяем. Один Бой среди них, по мнению капитана, был более или менее честен и достоин доверия.

После длинейших переговоров Оби заявил, что по законам и обычаям страны он имеет право считать братьев Лендер и их спутников своей собственностью. Однако, не желая злоупотреблять своими правами, он готов обменять их на английские товары по стоимости двадцати невольников.

Такое решение, от которого Ричард Лендер тщетно старался отговорить Оби, повергло обоих братьев в отчаяние, вскоре оно

¹ Имеются в виду острова в дельте Нигера по берегам реки Брас, центром которых является порт Брас, расположенный под 4°05 северной широты и 6°10 восточной долготы.

² В дельте Нигера есть две реки с названием Брас: одна, упомянутая в тексте, впадает непосредственно в Атлантический океан, другая, расположенная значительно западней, является протокой, соединяющей реки Бомади и Гватебо.

сменилось унынием и безразличием, дошедшими до того, что они не могли заставить себя предпринять ни малейшего усилия ради своего освобождения. Если прибавить к этим душевным мучениям физическую слабость, вызванную скудным питанием, то будет понятно, в каком удрученном состоянии находились оба путешественника.

Оставшись без запасов съестного, без иголок, каури и других средств обмена, они оказались перед печальной необходимостью выпрашивать себе пищу.

«Можно было с таким же успехом, — признается Лендер, — молить камни или деревья. Мы, по крайней мере, избежали бы унижительных отказов. В большинстве африканских городов и деревень нас принимали за полубогов и вследствие этого почитали и уважали нас. Но здесь, увы! Какой контраст! К нам относились словно к низшим созданиям, словно к жалким рабам. В этой невежественной стране мы стали предметом насмешек и презрения».

Наконец верх взял Бой, согласившийся заплатить Оби выкуп, который тот назначил за обоих братьев и их спутников. Сам Бой за свои труды и риск, которому подвергался, берясь за перевозку их в Брас, по скромности потребовал только пятнадцать рабов и бочку рома. Хотя цена была чрезмерной, Ричард Лендер на задумываясь выдал вексель на соответствующую сумму, указав плательщиком английского капитана Лейка, командира корабля, стоявшего на якоре в устье реки Брас.

Двенадцатого ноября братья Лендер сели в челн вождя, на котором находилось шестьдесят человек, из них сорок гребцов. Выдолбленный из цельного ствола, челн имел в длину свыше пятидесяти футов, был снабжен четырехдюймовой пушкой на носу, целым арсеналом тесаков, картечью и нагружен всевозможными товарами.

Обширные поля, видневшиеся по берегам реки, доказывали, что население здесь гораздо многочисленнее, чем можно было подумать. Местность была плоская, открытая, живописная, а на тучной черноземной почве пышно росли деревья и кусты с листвою разнообразнейших оттенков.

Четырнадцатого ноября в семь часов вечера челн покинул главное русло и вступил в реку Брас. Час спустя Ричард Лендер с невыразимой радостью ощутил влияние морского прилива.

Еще немного дальше к челну Боя подошли лодки Гана и Фор-

дея. Этот последний, старик почтенного вида, хоть и довольно бедно одетый наполовину по европейской, наполовину по местной моде, проявлял заметное пристрастие к рому и пил его в огромном количестве, что ничуть не отражалось на его речах и поступках.

В таком странном сопровождении двое англичан добрались до города Брас.

«Челны, — пишет Лендер, — шли друг за другом с довольно ровными промежутками, и на каждом развевалось по три флага. На носу передового челна стоял Бой. Голова вождя была увенчана длинными перьями, которые качались при каждом его движении, а тело было разрисовано самыми причудливыми узорами — белыми по черному телу. Он опирался на два громадных зазубренных копья и время от времени с силой ударял одним из них, словно старался убить какое-то воображаемое хищное и опасное животное, лежавшее у его ног. В других челнах на носу, дико кривляясь и дергаясь, плясали жрецы; как и остальные приближенные Боя, они, подобно ему, были размалеваны с головы до ног. В довершение всего Ган на своей лодке метался по реке, то становясь во главе флотилии, то замыкая ее, и для пущей важности непрестанно палил из своей единственной пушки».

Брас состоял из двух городов; один принадлежал Фордею, другой — вождю Джакету. Перед высадкой жрецы занялись какими-то таинственными церемониями, имевшими, очевидно, отношение к белым. Был ли результат этого совещания с идолом, покровителем города, благоприятен для чужеземцев? Это вскоре должно было выясниться по поведению туземцев.

Еще не сойдя на землю, Ричард Лендер с живейшей радостью заметил на берегу белого человека. Это был капитан испанской шхуны, стоявшей в реке на якоре.

«Ни одно самое грязное и отвратительное поселение на свете, — говорится в отчете, — не может сравниться с Брасом, ни одно не производит на иностранца такого гнусного впечатления. В мерзком городе Брас повсюду мусор и нечистоты. Собаки, козы и другие животные бродят по уличной слякоти. У них изголодавшийся вид — такой же несчастный, как у жалких человеческих существ, с худыми, изможденными, уродливыми лицами и телами, покрытыми язвами, живущих в хижинах, которые разваливаются от нерадивости и неряшливости».

Другое поселение, европейцами называемое «городом лоцма-

нов», так как там жило много лоцманов, расположено в устье реки Нун в семидесяти милях от Браса¹.

Вождь Фордей и слышать не хотел о том, чтобы разрешить братьям Лендер покинуть город, пока они не заплатят ему выкуп. По его словам, так уж заведено было, что каждый белый, приплывший в Брас по реке, платил ему дань. Спорить не приходилось. Ричард Лендер выписал новый вексель на капитана Лейка, и тогда ему позволили отправиться в челне вместе с Боем на английский бриг, стоявший в устье реки. Его брат и остальные спутники должны были получить свободу только по возвращении Боя.

Но когда Лендер прибыл на бриг, к его великому стыду и изумлению, выяснилось, что капитан Лейк наотрез отказывается прийти ему на помощь! Пытаясь доказать, что он не обманщик, Лендер предъявил инструкции, полученные из министерства.

«Если вы думаете, — ответил капитан, — что напали на дурака или сумасшедшего, вы очень ошибаетесь! Я гроша ломаного не дам под ваши обещания и под ваш вексель! Очень мне это нужно! Пропади я пропадом, если вам удастся выудить у меня хоть фартинг»².

Ругаясь и чертыхаясь, Лейк отпустил еще несколько словечек, весьма обидных для англичан.

Совершенно убитый неожиданно свалившимся на него несчастьем и пораженный необъяснимым поведением соотечественника, Ричард Лендер в полной растерянности вернулся в челн к Бою и попросил того отвезти его в Бонни, где стояло много английских кораблей. Вождь не согласился. Ричард Лендер попытался смягчить капитана и уговорить его выдать хоть десять ружей, которыми вождь, может быть, удовлетворился бы.

«Я вам уже сказал, что не только ружья, даже кремня от него не дам! — ответил Лейк. — И отстаньте вы от меня!

— Но я оставил брата и восемь моих людей в Брасе, — возразил Лендер. — Если вы ничего не хотите заплатить вождю, убедите его, по крайней мере, привезти всех их на борт вашего судна. Ведь пока мне удастся добиться помощи на каком-нибудь воен-

¹ Расстояние между устьями рек Брас и Нун не превышает 20 км.

² Фартинг — мелкая английская разменная монета, равная одной четвертой пенни (1 фунт стерлингов содержал 960 фартингов). В настоящее время не выпускается.

ном корабле, моего брата уморят голодом или отравят, а моих людей продадут в рабство!

— Если вы ухитритесь доставить их на корабль, — ответил капитан, — я их повезу; но, повторяю вам, вы от меня не получите и щепотки пороху!»

Наконец Ричард Лендер уговорил Боя поехать обратно в Брас и привезти его брата и остальных людей. Вождь требовал хоть что-нибудь вперед, и его с трудом удалось уломать.

Когда капитан Лейк узнал, что спутники Ричарда Лендера здоровые молодцы, которые могут заменить умерших или изнуренных лихорадкой матросов его команды, он немного смягчился. Однако ненадолго: он тут же объявил, что, если через три дня Джон Лендер с людьми не будут на борту, он уйдет в море без них.

И, как ни доказывал ему Ричард Лендер, что тогда его несчастных товарищей продадут в рабство, капитан и слушать не хотел.

«Тем хуже для них, — твердил он. — Я ничего не могу поделать и ждать их не стану!»

Хорошо, что с таким бессердечием приходится встречаться довольно редко: негодяев, которые так поступают — и не только по отношению к себе подобным, но и по отношению к людям, стоящим гораздо выше их, — следовало бы предавать публичному позору.

Наконец 24 ноября, когда сильный ветер, подувший с моря и гнавший волны в устье реки, делал плавание по ней уже почти невозможным, Джон Лендер прибыл на борт корабля. До того ему пришлось выслушать от вождя Боя множество упреков и обвинений. В самом деле, выкупить за свои деньги двух братьев и всех остальных, привезти их в своей лодке, кормить их (правда, довольно плохо), надеяться получить в награду столько говядины и рома, сколько может съесть и выпить человек, — и встретить такой прием! А теперь тебе даже отказываются возместить затраты и обходятся с тобой как с обманщиком — согласитесь, есть от чего быть недовольным! Всякий другой заставил бы дорого заплатить оставшихся пленников за свои обманутые ожидания, за кучу денег, выброшенных на ветер!

Несмотря на все это, Бой решил привезти Джона Лендера на борт брига. Капитан Лейк принял путешественника довольно любезно, но тут же заявил ему, что твердо намерен спровадить вождя, не дав ему ни гроша.

Бой был полон самых мрачных предчувствий; его высокомерие сменилось смирением и угодливостью. Ему подали роскошный обед, к которому он едва притронулся.

Ричард Лендер, расстроенный скупостью и недобросовестностью Лейка и тем, что сам не мог выполнить данные им обещания, перерыл все свои вещи и нашел пять серебряных браслетов и саблю туземной работы, которую он вез из страны йоруба. Он предложил их Бою, и тот принял подарок.

Наконец вождь решился предъявить свои требования капитану. Громовым голосом, которого никак нельзя было ожидать от такого шушлого человека, Лейк коротко ответил:

— Не желаю!

Он подкрепил отказ таким потоком разных проклятий и угроз, что бедный вождь был вынужден бить отбой и, так как корабль уже готовился поднять паруса, поспешно перебрался в свою лодку.

Так закончились перипетии путешествия двух братьев Лендер. Когда корабль проходил над баром, песчаной отмелью в устье реки, он чуть-чуть не затонул, но это было уже последнее испытание. Они добрались до острова Фернандо-По, потом до реки Калабар. Там они пересели на судно «Кернарвон», шедшее в Рио-де-Жанейро, где командир эскадры, адмирал Бейкер, посадил их на английский транспорт. 9 июня они высадились в Портсмуте. Передав отчет о своем путешествии лорду Годеричу, министру колоний, они первым делом сообщили о поступке капитана Лейка — поступке, компрометирующем английское правительство и ставящем под сомнение его добросовестность. Министр сразу же отдал распоряжение выплатить вождю Бою условленную сумму, на которую тот справедливо претендовал.

Теперь уместнее всего будет привести мнение Десборо Кули, являющегося в этом вопросе лучшим судьей.

«Так наконец была окончательно и полностью разрешена географическая загадка, которая столько веков и так глубоко волновала ученый мир и давала повод к самым различным предположениям. Нигер, по местному названию Джолиба, или Корра (Куара), вовсе не сообщается с Нилом, не теряется в песках пустыни, не сливается с водами озера Чад. Разделяясь на множество рукавов, он впадает в океан — вернее, в Гвинейский залив, — неподалеку от места, известного под названием мыс Формоз. Честь этого открытия, предсказанного, правда, наукой, целиком при-

надлежит братьям Лендер. Огромное пространство, пройденное ими от Юри до моря, было до их путешествия совершенно не изучено».

Как только открытие Лендеров стало известно в Англии во всех подробностях, несколько купцов образовали общество для использования естественных богатств страны. В 1832 году эти купцы снарядили два парохода «Корра» и «Альбурка», которые под командованием Лерда, Олдфилда и Ричарда Лендера поднялись по Нигеру до Боквы. Результаты этой коммерческой экспедиции были самые плачевные. Не только не удалось завязать торговлю с туземцами, но часть экипажа погибла от лихорадки. Наконец, Ричард Лендер, столько раз поднимавшийся и спускавшийся по реке, 27 января 1834 года был смертельно ранен в стычке с туземцами и 5 февраля умер на Фернандо-По¹.

В заключение нашего повествования об открытиях в Африке нам остается рассказать о разведывательных экспедициях в Нильской долине, из которых самыми значительными были экспедиции Кайо, Руссегера и Рюпеля.

Фредерик Кайо, родившийся в 1787 году в Нанте, занимался торговлей драгоценными камнями и побывал в Голландии, Италии, Сицилии, кое-где в Греции, в Европейской и Азиатской Турции. В мае 1815 года он прибыл в Египет. Его геологические и минералогические познания обеспечили ему отличный прием у Мехмеда Али, который вскоре поручил ему совершить исследовательскую экспедицию вдоль Нила и в глубь пустыни.

Эта первая поездка ознаменовалась открытием в Лабаре изумрудных копей, упоминаемых арабскими писателями, но заброшенных уже в течение многих столетий². Кайо нашел в горных разработках светильники, рычаги, канаты и орудия, слу-

¹ Британская энциклопедия относит дату ранения Р. Лендера к 20 января, а смерть — к 6 февраля 1834 года.

² Речь идет о так называемых Копях Клеопатры, из которых, как полагают, происходили все изумруды, известные в античные времена. Основные разработки находились в горах Джебель-Зубара и Джебель-Сикайт на севере области Этбаи, удаленных друг от друга на полтора десятка километров и отстоящих от берега Красного моря на 24 км. Здесь сохранились многочисленные следы разработок далекого прошлого, значительных по масштабам, но крайне примитивных по технике. Местные изумруды хорошим качеством не отличаются; они непрозрачны из-за многочисленных трещинок и имеют довольно светлую окраску.

жившие рабочим во времена Птолемеев¹ при эксплуатации этих копей. Около карьеров Кайо обнаружил развалины городка, где, по всей вероятности, жили древние шахтеры. В подтверждение своего ценного открытия Кайо набрал десять фунтов изумрудов и привез их Мехмеду Али.

Другим результатом этой экспедиции явилось открытие французским исследователем древней дороги из Коптоса в Беренику², по которой шла торговля с Индией.

С сентября 1819 года до конца 1822 года Кайо с бывшим мичманом Леторзеком объехал все известные оазисы восточной части Египта и прошел по течению Нила до десятого градуса северной широты. Добравшись во время первого путешествия до Вади-Хальфа, Кайо избрал это поселение отправным пунктом для своего следующего маршрута.

Одно счастливое обстоятельство чрезвычайно облегчило его задачу: Исмаил-паша, сын Мехмеда Али, как раз принял командование над войском, направлявшимся в Нубию, и они двинулись вместе.

Отправившись из Дарау³ в ноябре 1820 года, Кайо 5 января следующего года прибыл в Донголу и добрался до горы Барка в области Шаги, где сохранилось множество полуразвалившихся храмов, пирамид и других памятников.

Название Меранея, которое носит эта местность, давало основание предполагать, что здесь находилась старинная столица Эфиопии, но Кайо рассеял это заблуждение.

Сопутствуя Исмаилу-паше в качестве минералога, французский исследователь в поисках золотых рудников прошел Бербер и добрался до Шенди. Затем они с Леторзеком решили установить географическое положение места впадения в Нил реки Атбара. В Ассуре, неподалеку от семнадцатого градуса северной широты, Кайо обнаружил развалины большого древнего города. Это был Мероэ⁴.

¹ Птолемеи — эллинистическая династия правителей Нижнего Египта; правили с 322 по 31 год до н. э. Династия насчитывает 14 царей и (в качестве соправительницы) царицу Клеопатру, точнее — Клеопатру VII.

² Береника — древнеегипетский порт в северной части залива Фаул на западном побережье Красного моря.

³ Дарау¹ — возможно, имеется в виду современный Эд-Дирр.

⁴ Мероэ — древний город в Судане. Со второй половины VI века до н. э. до середины IV века н. э. был столицей Куша (Мероитского царства).

Продолжая путь на юг, между пятнадцатым и шестнадцатым градусами, Кайо вышел к устью Бахр-эль-Абьяда, или Белого Нила, посетил развалины Сабы, исследовал приток Нила Рахад (в древности называвшийся Астосаба), увидел Сеннар, долину Голого, страну Фазозле и приток Нила Тумат. Наконец вместе с Исмаилом-пашой он достиг области Синга, расположенной между Белым и Голубым Нилом.

Еще ни один путешественник не подходил так близко к экватору с этой стороны. Браун остановился на $16^{\circ}10'$, Брюс — на 11° .

Мы обязаны Кайо и Леторзеку многочисленными определениями широты и долготы, ценными исследованиями отклонений магнитной стрелки, очень важными сведениями о климате, о температуре, о характере почвы и в то же время довольно любопытной коллекцией животных и растений. Кроме того, путешественники измерили и описали все исторические памятники, находящиеся за вторым порогом.

Этим открытиям обоих французов предшествовала их экспедиция в оазис Сива. В конце 1819 года они выступили с несколькими спутниками из Эль-Файюма и углубились в Ливийскую пустыню. На пятнадцатый день пути, после стычки с арабами, они достигли Сивы, сделали все измерения храма Юпитера-Аммона и астрономически определили, как и Браун, его положение. Позже этот оазис стал целью военной экспедиции, во время которой были получены новые, чрезвычайно важные данные в дополнение к уже собранному Кайо и Леторзеком.

Затем они посетили оазис Фарафра, не исследованный еще ни одним европейцем, и оазис Дахла и Харг¹. Материалы этой экспедиции были отосланы во Францию Жомару², и тот использовал их при составлении труда под названием «Путешествие в оазис Сива».

Некоторое время спустя Рюппель³ посвятил семь или восемь

¹ Харг — правильно: Эль-Харга, центр одноименного оазиса.

² Жомар Эдм Франсуа (1777 — 1862) — французский инженер, географ и археолог. Входил в научную комиссию Египетского института (1799 — 1801). Работал над монументальными публикациями «Описание Египта» и «Географические памятники» (сборник древних карт). Был одним из основателей Парижского Географического общества (1821).

³ Рюппель Вильгельм Петер Симон (1794 — 1894) — немецкий путешественник и натуралист. В 1817 году посетил Египет (отчет о путешествии опубликовал в 1818 году). В 1822 — 1827 годах путешествовал по северо-востоку Африки

лет исследованию Нубии, Сеннара, Кордофана¹ и Абиссинии; в 1824 году он поднялся по Белому Нилу и прошел больше шестидесяти лье вверх от места его слияния с Голубым Нилом.

Наконец немецкий натуралист, горный советник в Австрии Йозеф Руссеггер² в 1836 – 1838 годах тоже побывал на нижнем течении Бахр-эль-Абьяда. Его путешествие, совершенное по заданию правительства, послужило началом больших и плодотворных изысканий, которые предпринял в этих краях Мехмед Али.

(Нубия, Сеннар, Кордофан) и Аравии, в 1833-м – по Эфиопии. Издал описания двух своих путешествий: «Путешествие в Нубию, Кордофан и Каменистую Аравию» (1829) и «Путешествие в Абиссинию» (1838 – 1840). Автор зоологических монографий о млекопитающих Абиссинии и птицах Северо-Восточной Африки.

¹ Кордофан – область на востоке Судана, между Нубией и Дарфуром, к западу от Белого Нила. В начале XIX века Кордофан был вассалом дарфурского государства. В 1820 году был завоеван Египтом. Ныне – провинция Республики Судан (с центром в г. Эль-Обейд).

² Руссеггер Йозеф фон (1802 – 1863) – австрийский геолог; в 1836 году посетил Египет, Нубию, Кордофан, Синай и Палестину. С 1850 года был директором Горной и лесной академии в немецком городе Хемнице. Основной труд – «Путешествия по Европе, Азии и Африке» («Reisen in Europa, Asien und Afrika», 4 тома, 1841 – 1849).

Глава третья

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА И ЭКСПЕДИЦИИ ПО АМЕРИКЕ

Расшифровка клинописи и изучение Ассирии до 1840 года. — Древний Иран и Авеста. — Триангуляция в Индии и изучение Индостана. — Исследование и измерение Гималаев. — Аравийский полуостров. — Сирия и Палестина. — Центральная Азия и Александр Гумбольдт. — Пайк у истоков Миссисипи, Арканзаса и Ред-Ривер. — Две экспедиции майора Лонга. — Генерал Касс. — Скуакрафт у истоков Миссисипи. — Исследование Нью-Мексико. — Археологические экспедиции в Центральной Америке. — Естественно-исторические изыскания в Бразилии. — Шпикс и Мартиус, принц Максимилиан Вид-Нейвид. — Орбиньи и «Человек Америки».

Хотя открытия, о которых мы собираемся рассказать, собственно говоря, и не являются географическими, они все же пролили новый свет на многие древние цивилизации, настолько расширили сферу истории, а также общие воззрения, что мы не можем не сказать о них несколько слов.

Так, разбор клинописных памятников и расшифровка иероглифов были очень важными событиями по их последствиям. Перед нами раскрылось множество фактов, которые до тех пор были не известны или в исковерканном виде дошли до нас в более или менее фантастических рассказах древних историков — Диодора¹, Ктесия² и Геродота. Поэтому невозможно обойти молчанием столь значительные научные открытия.

Благодаря им мы близко знакомимся с новым миром, с высоко развитой культурой, с нравами, образом жизни и обычаями, совершенно не схожими с нашими. Как любопытно держать в руках счета управляющего какого-то вельможи или правителя об-

¹ Диодор Сицилийский (ок. 80 — 29 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Исторической библиотеки», произведения, составленного из различных более ранних источников. В этом произведении излагается история средиземноморского мира с древнейших времен до 60 года до н. э. Русский перевод «Исторической библиотеки» выпущен в 1774 — 1775 годах.

² Ктесий из Книды (V век до н. э.) — древнегреческий историк и врач, автор описательных работ о Персии («Персика») и Индии («Индика»).

ласти, читать такие романы, как «Сетна»¹ и «Два брата»², такие сказки, как «Сказка об обреченном царевиче»³.

Раньше древние постройки огромных размеров, прекрасные храмы, роскошные склепы, художественно изваянные обелиски были для нас только великолепными памятниками. Теперь же, когда прочитаны покрывающие их надписи, они рассказывают нам о жизни царей, воздвигнувших их, и сообщают обстоятельства, сопутствовавшие их сооружению.

Сколько имен народов, не упоминаемых греческими историками, сколько исчезнувших городов, сколько подробностей относительно религии, искусства, ремесла, быта; сколько политических или военных событий со всеми деталями раскрывают нам иероглифы или плиты, покрытые клинописью!

Мы знакомимся с повседневной жизнью древних народов, о которых раньше имели лишь неполные и, так сказать, поверхностные сведения; теперь у нас даже есть представление об их литературе. Может быть, не так уж далек день, когда мы будем знать жизнь египтян XVIII века до нашей эры не хуже, чем жизнь наших предков в XVII и XVIII веках после Рождества Христова.

Карстен Нибур сообщил о сделанных непонятными надписях Персеполиса и первый снял с них точные и полные копии. Производилось немало попыток прочесть эти надписи, но все было напрасно, пока наконец благодаря гениальному вдохновению и блестящей интуиции Гротефенду⁴ — ученому филологу из Ганновера — не удалось в 1802 году проникнуть в окутывавшую их тайну.

И как же действительно своеобразны и как трудно поддаются толкованию эти клинописные надписи! Представьте себе ряд

¹ «Сетна» — вероятно, имеется в виду сказка о фиванском царе Секененра и гиксосском царе Апеши, почитателе бога Сета (Новое царство, XV — XIV века до н. э.).

² «Сказка о двух братьях» — одно из лучших произведений древнеегипетской художественной литературы периода Нового царства.

³ «Сказка об обреченном царевиче» — романтическое произведение древнеегипетской литературы, созданное в период Нового царства.

⁴ Гротефенд Георг Фридрих (1775 — 1853) — учитель геттингенской гимназии; разобрал в персепольской надписи имена двух царей из династии Ахеменидов, Дария и Ксеркса, а также имя Гистаспа, отца Дария. Таким образом правильно определил 19 алфавитных знаков, чем положил начало дешифровке клинописи.

клиньев («cuneus»), поставленных различным образом и образующих расположенные по горизонтали сочетания, что выражают эти сочетания? Представляют ли они звуки и слоги или буквы вроде наших, из которых складываются целые слова? Имеют ли они идеографическое¹ значение, как иероглифы китайского письма? Какой язык скрывается за ними? Вот сколько задач надо было разрешить. Были лишь основания думать, что надписи, привезенные из Персеполиса, сделаны, вероятно, на языке древних персов, но Раск, Бопп² и Лассен³ еще не успели провести исследования иранских языков и показать их родство с санскритом.

Рассказать о том, путем каких остроумных умозаключений, гипотез, попыток и догадок Гротефенд пришел к распознаванию алфавитного письма, как ему удалось в некоторых сочетаниях выделить имена, бывшие, по его предположению, именами Дария⁴ и Ксеркса⁵, как благодаря этому он определил многие буквы, а зная их, прочел и другие слова, — рассказывать все это — значило бы выйти из рамок нашей книги. Так или иначе метод был найден. Другим оставалось лишь дополнять и совершенствовать его.

Все же прошло больше тридцати лет, прежде чем изучение клинописи достигло заметных успехов. Новый значительный шаг вперед сделал французский ученый Эжен Бюрнуф⁶. Используя свое знание санскрита⁷ и языка «зенд»⁸, он доказал, что язык над-

¹ Идеография — система письма при помощи идеограмм, то есть знаков, обозначающих не звуки (как буквы), а целые понятия; способ обозначения одним письменным знаком целого слова или понятия.

² Бопп Франц (1791 — 1867) — немецкий филолог, автор «Сравнительной грамматики индоевропейских языков», в которой были изложены основные принципы лингвистической науки.

³ Лассен Христиан (1800 — 1876) — немецкий ориенталист скандинавского происхождения.

⁴ Дарий I Гистасп (правил в 522 — 486 до н. э.) — древнеперсидский царь; провел ряд реформ, упрочивших монархическое государство. При нем начались греко-персидские войны.

⁵ Ксеркс — персидский царь (правил в 486 — 465 до н. э.), сын Дария I; руководил 3-м походом персов в Грецию (480 г. до н. э.), который окончился полным разгромом агрессоров.

⁶ Бюрнуф Эжен (1801 — 1858) — французский востоковед, автор выдающихся работ о санскрите, буддизме и «Авесте», древнейшем памятнике зороастризма.

⁷ Санскрит — древнейший письменный язык Индии. Принадлежит к индийским языкам индоевропейской языковой семьи. На протяжении историче-

писей Персеполиса был просто диалектом «зенда», на котором говорили в Бактрии¹ еще в VI веке до нашей эры и на котором написаны книги Зороастра². Его работа вышла в 1836 году. В то же время немецкий ученый из Бонна Лассен, занимавшийся изысканиями в этой же области, пришел к тождественным выводам.

Вскоре все имевшиеся надписи были прочитаны и был установлен весь алфавит, за исключением небольшого числа знаков, относительно которых ученые не могли прийти к согласию.

Но все-таки это был только фундамент, а здание оставалось еще далеко не завершенным. Действительно, ученые заметили, что надписи из Персеполиса, по-видимому, повторялись в трех параллельных колонках. Не имели ли они здесь дело с одним и тем же текстом на трех главных языках империи Ахеменидов³ — персидском, мидийском и ассирийском, или вавилонском⁴. Предположение оказалось верным. После расшифровки одной такой надписи появилась возможность сопоставить ее с остальными и дальше действовать так, как действовал Шампольон⁵ в отноше-

ского времени прошел 3 периода развития: ведийский (III тысячелетие до н. э. — V век до н. э.), эпический (IV век до н. э. — IV век н. э.), классический (с V века н. э.). В более позднее время санскрит положил начало целому ряду средне- и новоиндийских языков. Санскритское письмо (слоговой алфавит деванагари) используется — иногда в измененной форме — многими языками Индии.

⁸ Зенд — устарелое название языка, на котором была написана «Авеста». Позднее этот язык стали называть пехлеви, а название «зенд» сохранилось за комментарием к «Авесте».

¹ Бактрия — область между Гиндукушем, Памиром, реками Амударья и Герируд (Мургаб) и пустыней Каракум. При Дарии I вошла в состав Персидского государства. Главный город — Бактры (современный Балх в Афганистане).

² Зороастр — греческая форма имени легендарного пророка и основателя древнеперсидской религии Заратуштры.

³ Ахемениды — династия древнеперсидских царей, правившая в 558 — 330 годах до н. э.

⁴ В современной лингвистической терминологии ассиро-вавилонский язык называется аккадским.

⁵ Шампольон Жан Франсуа (1790 — 1832) — французский археолог, которому посчастливилось дешифровать древнеегипетские иероглифы, чем было положено начало новой науке — египтологии. Расшифровку ученый сделал по обломку стелы, найденному близ Розетты («Розеттский камень»). На этом камне египетский текст (иероглифическое и демотическое письмо) сопровождался параллельным древнегреческим переводом. Доклад о своем открытии ученый опубликовал в 1822 году, позднее он написал грамматику и составил первый словарь древнеегипетского языка. В 1828 — 1830 годах Шампольон руководил

нии Розеттского камня, на котором рядом с греческой надписью имелись два перевода, сделанные письмом демотическим¹ и иероглифическим.

Удалось установить, что другая надпись сделана на ассириовавилонском языке, принадлежащем, как еврейский, химьяритский² и арабский, к семитской языковой семье, а третья — на языке, получившем название мидийского и приближающемся к турецкому и татарскому³. Но распространяться об этих исследованиях — значило бы вторгаться в чужую область. Это должно было стать задачей таких ученых, как датчанин Вестергорд⁴, французы де Сольси⁵ и Опперт⁶, англичане Норрис⁷ и Роулинсон⁸, если упоминать только самых известных.

весьма плодотворной в отношении собранного материала археологической экспедицией в Египет. Был членом Академии надписей и почетным членом Петербургской академии наук.

¹ Демотическое письмо — поздняя, наиболее сокращенная форма египетской скорописи. Существовало с VIII века до н. э. по V век н. э. Название образовано от греческого слова «демотикос» — «народный», что подчеркивает гораздо большую распространенность этого способа письма по сравнению с иероглифическим.

² Химьяриты — жители Химьяритского царства, рабовладельческого государства на юго-западе Аравии в 115 г. до н. э. — 570 г. н. э. Были одним из самых значительных племен в составе Сабейского царства, культуру и язык которого химьяриты унаследовали. В конце VI века н. э. царство было завоевано персами.

³ Мидийский язык — видимо, автор имеет в виду язык Мидийского царства, образовавшегося на северо-западе современного Ирана и на юге Азербайджана в конце VII века до н. э. В следующем столетии царство значительно расширило свои границы, включив в свой состав множество этнически различных племен. Однако основу населения Мидийского царства составляли ираноязычные племена, и утверждение автора о близости языка мидян к тюркским ошибочно.

⁴ Вестергорд Нильс Людвиг (1815 — 1878) — филолог, профессор Копенгагенского университета; в 1841 — 1843 годах путешествовал по Ирану и Индии; работал над переводом Авесты.

⁵ Сольси Луи-Феликсен-Жозеф-Кэньяр де (1807 — 1880) — крупный французский археолог и нумизмат. В 1843 — 1872 годах опубликовал ряд работ по древнеегипетскому и аккадскому языкам, демотике и клинописи, а также по античной географии.

⁶ Опперт Жюль (1825 — 1905) — французский ассириолог, автор значительных работ по клинописи.

⁷ Норрис Эдвин (1795 — 1872) — английский востоковед, один из первых дешифровщиков клинописи. Сначала служил в Ост-Индской компании (1818 — 1837), потом был избран помощником секретаря Королевского Азиатского об-

Знакомство с санскритом и исследования брахманской литературы (о чем мы расскажем ниже) положили начало новой отрасли науки, которая сделала со временем большие успехи. Огромная область, называемая востоковедами «Ираном» и включающая Персию, Афганистан и Белуджистан еще задолго до появления на исторической арене Ниневии и Вавилона, была средоточием развитой культуры, связанной с именем Зороастра — законодателя, воина и основателя религии. Его ученики, преследуемые в эпоху мусульманского завоевания, изгнанные из своего древнего отечества, где сохранилась их религия, бежали на северо-запад Индии и стали там известны под именем парсов.

В конце XVIII столетия француз Анкетиль-Дюперрон¹ привез в Европу точную копию со священных книг парсов, написанных на языке самого Зороастра. Дюперрон их перевел, и в продолжение шестидесяти лет они были для всех ученых источником сведений о религии и языке Ирана. Эти книги известны под названием «Зенд-Авеста»: оно состоит из обозначения языка — зенд и заглавия книги — Авеста².

Но после успехов в изучении санскрита надо было по-иному подойти к этой области знаний, применив новые, строгие методы. В 1826 году датский филолог Раск, а затем глубокий знаток санскрита Эжен Бюрнуф снова взялись за изучение зенда. Бюрнуф даже опубликовал в 1834 году капитальное исследование, посвя-

щества, с 1859 года — секретарь этого общества. С 1868 года работал над составлением «Ассирийского словаря».

⁸ Роулинсон Генри Кресуик (1810 — 1895) — известный английский востоковед, крупнейший специалист по истории древней Ассирии. Член Лондонского Королевского географического общества с 1844 года; дважды избирался председателем Общества: на 1871 — 1872 и 1874 — 1875 годы. Роулинсон в 1835 году скопировал ряд клинообразных надписей, среди них — знаменитую надпись на Бехистунской скале. Ученый правильно определил 18 алфавитных знаков персидской клинописи, а потом, вместе с Норрисом, около 200 знаков так называемой II клинописной системы (новоламские надписи). Расшифровал также несколько десятков слоговых знаков III клинописной системы.

¹ Анкетиль-Дюперрон Абраам Иасинт (1731 — 1805) — французский востоковед, первым переведший на родной язык крупнейший памятник религиозной мысли древних иранцев — священную книгу Авесту.

² Авеста — священная книга зороастрийской религии. Создавать ее начали в первой половине VI века до н. э. Древнейшая часть канона — Гаты, стихотворные проповеди, вложенные в уста пророка Заратуштры. В состав Авесты вошли также гимны богам, частично — очень древние, и религиозные проповеди. Окончательно канон оформился в первые века нашей эры.

щенное «Ясне»¹ — исследование, составившее эпоху. Обнаруженное сходство древнего санскрита и зенда давало основание предполагать, что оба эти языка имеют общее происхождение, и доказывало родство, вернее сказать — единство, народов, на них говоривших. У этих народов мы обнаруживаем одни и те же имена божеств и одинаковые предания, не говоря уже о сходстве нравов и о том, что оба они в древнейших писаниях называют себя одним и тем же родовым именем — арии. Незачем, пожалуй, говорить о том, насколько важно было открытие, проливавшее совершенно новый свет на начальный период нашей истории, так долго остававшийся неизвестным.

С конца XVIII столетия, то есть с того времени, когда англичане прочно утвердились в Индии, всестороннее изучение природы этой страны проводилось очень энергично. Оно, естественно, обогнало этнологию² и смежные науки, для расцвета которых нужна более твердая почва и более спокойные времена. Вместе с тем само собой понятно, что знакомство со страной необходимо и для управления ею, и для торговли. Поэтому маркиз Уэлзли³, бывший тогда управляющим Ост-Индской компании, сознавая всю важность составления карты английских владений, в 1801 году поручил пехотному офицеру Уильяму Лемтону⁴ связать тригонометрической сетью восточное и западное побережье Индии с обсерваторией в Мадрасе.

¹ «Ясна» — один из основополагающих священных текстов зороастризма.

² Этнология (в отечественной терминологии — этнография) — историческая наука, изучающая культурные и бытовые особенности различных народов, исследующая исторические изменения и развитие этих особенностей, проблемы происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений народов.

³ Маркиз Уэлзли — Ричард Колли, 1-й маркиз Уэлзли (1760 — 1842), британский государственный деятель, с 1793 года член Контрольного совета по делам Индии, в 1797 — 1805 годах был одновременно губернатором Мадраса и генерал-губернатором Бенгалии, один из наиболее заслуженных в распространении власти Великобритании в Индии чиновников. Его административная деятельность, а главным образом проекты реформ гражданского управления, вызвала недовольство руководства Ост-Индской компании, и Уэлзли был отозван из Индии.

⁴ Лемтон Уильям (1756 — 1823) — подполковник британской армии, военный геодезист, основатель Тригонометрической службы Индии. В 1801 — 1816 годах написал ряд отчетов и научных работ, посвященных результатам и методике астрономических и геодезических измерений.

Но Лемтон этим не ограничился. Он точно измерил дугу меридиана от мыса Коморин¹ до деревни Такур-Кера в пятнадцати милях на юго-восток от Элличпура². Длина этой дуги превышала двенадцать градусов. С помощью знающих офицеров, среди которых следует упомянуть полковника Эвереста³, правители Индии добились бы завершения поставленной перед топографами задачи значительно раньше 1840 года, если бы новые захваты территорий не отдаляли все время срока окончания съемки.

Почти в то же время зародилось стремление к изучению литературы Индии.

Именно в Лондоне, в 1776 году, появился первый перевод отрывков из самых важных индийских кодексов. Девять лет спустя в Калькутте сэром Уильямом Джонсом⁴, первым европейцем, в совершенстве изучившим санскрит, было основано Азиатское общество, журнал которого «Азиатские исследования» («Asiatic Researches») сообщал обо всех научных работах, касающихся Индии.

Вскоре, в 1789 году, Джонс опубликовал свой перевод драмы «Шакунтала»⁵, прелестный образец индийской литературы, исполненный чувства и изящества. Непрерывным потоком стали

¹ Теперь этот мыс называется Кумари.

² Элличпур — городок в южных предгорьях гор Гавилгарх, примерно в 550 км северо-восточнее Бомбея (штат Махараштра).

³ Эверест Джордж (1790 — 1866) — британский военный геодезист; участвовал в геодезических съемках на Яве, с 1818 года перешел в Тригонометрическую службу Индии, с 1830 года занимал пост главного землемера Индии. Под его руководством создавалась тригонометрическая сеть в Индостане, в том числе определялись высоты основных гималайских вершин. Уехал из Индии в 1843 году. Уже после отъезда Эвереста его преемник Эндрю Во предложил назвать в честь заслуженного офицера одну из безымянных вершин — Пик XV. После камеральной обработки результатов геодезических съемок оказалось, что эта вершина — самая высокая на земном шаре.

⁴ Джонс Уильям (1746 — 1794) — британский востоковед, о чем достаточно говорится в тексте Ж. Верна, и юрист. В последней ипостаси выпустил пользовавшуюся успехом книгу «Очерки на тему закона о зятии на поруки» («Essay on the Law of Bailments», 1781).

⁵ «Шакунтала» — одно из лучших произведений классической индийской литературы; драматическое произведение, принадлежащее перу поэта Калидасы (V век н. э.). Написана на сюжет одного из эпизодов эпической поэмы «Махабхарата». Полное название произведения — «Узнанная по кольцу Шакунтала». Пьеса и в наши дни с успехом исполняется актерами народных театров, оставаясь очень популярной среди всех слоев населения.

выходить санскритские словари и грамматики. В Британской Индии началось настоящее соревнование. Оно, разумеется, перекинулось бы и в Европу, если бы континентальная блокада¹ не препятствовала проникновению книг, опубликованных за границей. Однако даже в эту эпоху некий англичанин, по фамилии Гамильтон, живший в это время в Париже на положении пленного, изучал восточные рукописи во французской Национальной библиотеке и надоумил Фридриха Шлегеля² заняться санскритом, для изучения которого теперь необязательно было выезжать на место.

Учеником Шлегеля был Лассен, о котором нам уже пришлось говорить. Они оба погрузились в изучение литературы и древностей Индии, уделяя большое внимание публикации, переводу и комментариям текстов. В то же время Франц Бопп тоже упорно занимался санскритом, сделал свои грамматики общедоступными и пришел к заключению (тогда вызывавшему удивление, а теперь принятому всеми) о родстве индоевропейских языков.

Вскоре установили, что Веда³ (пользовавшиеся особенным почтением и потому не подвергавшиеся никаким переделкам) сохранили очень древний и очень чистый язык, на котором были когда-то написаны. Близкое сходство их языка с языком зенд заставляло относить создание Вед к тому периоду, когда еще не произошло выделения двух ветвей арийской языковой семьи.

Потом изучили оба эпоса брахманской эпохи, наступившей вслед за ведийской — «Махабхарату»⁴ и «Рамаяну»⁵. Благодаря

¹ Континентальная блокада — торговая блокада Великобритании, объявленная правительством Наполеона I в 1806 году. Всем союзным и подвластным Франции государствам не только запрещалось торговать с островной державой, но и поддерживать какие-либо почтовые, культурные и прочие отношения. Впрочем, запрет неторговых связей соблюдался не слишком строго. Блокада формально была отменена в 1814 году после падения Наполеона.

² Шлегель Фридрих (1772 — 1829) — немецкий критик, филолог, философ, писатель, теоретик романтического направления в искусстве.

³ Веда, или ведическая литература — древнейшие памятники индийской литературы, относящиеся к концу II тысячелетия — первой половине I тысячелетия до н. э. В развитии ведической литературы выделяют несколько этапов. Первый — самый древний, к которому относятся собственно веда (*санскр.* «веда» — «знание») — 4 сборника гимнов, молитв, заклинаний, жертвенных формул. Самый ранний из них — Ригведа («Веда гимнов»); он имеет и наибольшее значение в религиозной и культурной жизни страны. Большая часть Ригведы, как принято считать, создана между 1500 и 1000 годами до н. э.

⁴ «Махабхарата» — древнеиндийская эпическая поэма. В основной части, литературно оформленной в X — VIII веках до н. э., содержится повествование о

более глубокому познанию языка и более близкому знакомству с мифами ученым удалось приблизительно установить время создания этих поэм, вычленив в них многочисленные позднейшие вставки, распознать в этих чудесных аллегориях все, что оставило след в истории и географии страны.

В результате терпеливых и кропотливых исследований ученые пришли к выводу, что языки кельтский, греческий, латинский, германский, славянский и персидский имеют общее происхождение и что материнским языком был именно древнеиндийский. Если язык был единым, то и народ должен был быть единым. Различия, существующие в наши дни между перечисленными языками, объясняют последовательным дроблением первобытного народа; о времени ответвления народов можно приблизительно судить по большей или меньшей близости их языков к санскриту и по характеру заимствованных из него слов, по своей природе соответствующих различным ступеням развития цивилизации.

Одновременно создается ясное и четкое представление о жизни, какую вели праотцы индоевропейских народов, и о переменах, которые вносила в нее цивилизация. Веды показывают нам этот пранарод в то время, когда он еще не распространился по всей Индии и занимал только Пенджаб и Кабулистан. Эти поэмы делают нас свидетелями борьбы пришельцев с первоначальным населением Индостана, оказывавшим ожесточенное сопротивление, так как победители зачисляли его лишь в самые низшие и позорные из своих каст. Благодаря Ведам мы входим во все подробности пастушеской и патриархальной жизни ариев, приобщаемся к той относительно спокойной семейной жизни и задаемся вопросом, стоит ли ожесточенная борьба современников тех

борьбе за власть двух царских родов. Однако эпос сильно разросся за счет позднейших добавлений: мифов, легенд, басен, афоризмов, философских и правовых трактатов, вставных поэм.

⁵ «Рамаяна» — древнеиндийская эпическая поэма о подвигах принца Рамы, которого сторонники индуизма считают одним из воплощений бога Вишну, о похищении Раваной, предводителем демонов, Ситы, жены Рамы, и о ее освобождении. Авторство поэмы, насыщенной богатым философским подтекстом, приписывается мудрецу Вальмики. Дошедший до нас текст поэмы датируется II — III веками н. э. До сих пор «Рамаяна» является одним из любимейших произведений в Индии; ее сюжеты постоянно разыгрываются актерами многочисленных народных театров, странствующих по городам и селам; представления на сюжет «Рамаяны» — непременный номер всех народных празднеств.

мирных радостей, которыми отсутствие чрезмерных потребностей наградило их праотцев.

Мы, разумеется, не можем долго задерживаться на затронутой теме; но из того малого, что мы рассказали, читатель легко поймет, насколько важны были эти исследования с точки зрения истории, этнографии и лингвистики. Мы отсылаем его за остальными подробностями к специальным сочинениям востоковедов. Результаты, которых до 1820 года добились исследователи Индии в различных областях знания, изложены были с пониманием дела и беспристрастностью в обширном труде Уолтера Гамильтона, носящем заглавие «Географическое, статистическое и историческое описание Индостана и соседних стран». Это одно из тех произведений, которые, знаменуя определенный этап в истории науки, точно определяют степень ее развития в данную эпоху.

После беглого обзора работ, касающихся духовной и общественной жизни индусов, следует сказать о том, что предпринималось для изучения природы страны.

Один из самых поразительных выводов, к которому пришли в результате своих путешествий Уэбб и Муркрофт¹, состоял в том, что Гималайские горы необычайно высоки. По приблизительным расчетам этих исследователей, Гималаи оказались, во всяком случае, не ниже самых высоких вершин Анд. Измерения полковника Колбрука позволили ему утверждать, что вершины этой горной цепи достигают двадцати двух тысяч футов, а его подсчеты, по-видимому, давали цифру меньше действительной. Уэбб, в свою очередь, измерил одну из высочайших гор Гималаев — Джамунавагари² — и определил, что ее вершина поднимается на двадцать тысяч футов выше того плато, на котором она находится и которое возвышается приблизительно на пять тысяч футов над низменной равниной. Не удовлетворившись этими результа-

¹ Муркрофт Уильям (1765? — 1825) — ветеринарный врач британской Бенгальской армии (с 1803-го) и путешественник. Пересек Гималаи, исследовав долины Сатледжа и Верхнего Инда (1811 — 1812), посетил Лахор и Кашмир (1819 — 1822), Бухару (1825). Сборник его географических трудов издан в 1841 году.

² Если речь идет о вершине в истоках реки Джамуны, то это может быть только Бандарпун, высота которого составляет 6315 м. Но скорее всего имеется в виду соседний крупный горный массив Бадринатх высотой 7188 м (по современным определениям). Надо отметить, что приводимые Ж. Верном высотные определения сильно завышены.

тами, ему самому казавшимися слишком приблизительными, Уэбб измерил тогда со всей возможной математической точностью Девалагири (или «Белую гору»), и по расчетам получилось, что ее вершина достигает двадцати семи тысяч пятисот футов¹.

Особенно поражают в Гималаях параллельные ряды горных хребтов, как бы карабкающихся друг на друга. Это дает гораздо более яркое представление об их высоте, чем дало бы зрелище стоящего посреди равнины пика, гордая вершина которого теряется в облаках.

Результаты Уэбба и Колбука, однако, подтвердились, когда полковник Кроуфорд измерил тригонометрическим способом восемь самых высоких вершин Гималаев. Высочайшей из них, по данным Кроуфорда, оказалась гора Чумулари, расположенная у границ Бутана и Тибета: ее вершина находится на высоте тридцати тысяч футов над уровнем моря².

Эти цифры, хотя они и совпадали и хотя трудно было допустить, чтобы все наблюдатели ошибались, весьма изумили ученый мир. Главное возражение состояло в том, что в этих краях, по теоретическим расчетам, снеговая линия³ должна проходить на высоте почти тринадцати тысяч футов над уровнем моря. Поэтому казалось невероятным, чтобы по Гималайским горам действительно росли леса гигантских сосен, как утверждали все исследователи.

И все же опыт показал ошибочность теоретических рассуждений. Во время своего второго путешествия Уэбб поднялся на Нити-Гот, самый высокий в мире горный перевал, и определил его высоту. Она равнялась шестнадцати тысячам восьмистам четырнадцати футам⁴. Уэбб не только не обнаружил на перевале снега, но отметил, что в летнее время снега не сохранилось и на скалах,

¹ Имеется в виду вершина Дхаулагири. Ее высота, по современным определениям, составляет 8172 м (на 80 м ниже указанного в тексте значения).

² Конечно, подобных высот (свыше 9000 м) на Земле нет. Что же до горы Чумулари, или точнее — Чумалари, то ее вершина, согласно Азиатской энциклопедии (Encyclopedia Asiatica; New Delhi, 1982 —), поднимается над уровнем моря «всего» на 23 944 фута (7183 м).

³ Снеговая линия — граница, выше которой снег в горах за лето не успевает растаять (называется также границей вечных снегов).

⁴ Нити-Гот — расположен в округе Гарвал под 30°46'10" северной широты и 79°51'50" восточной долготы. Его высота, по Азиатской энциклопедии, составляет 16 570 футов (4971 м).

вздымающихся еще на триста футов над перевалом. Крутые склоны, где уже трудно было дышать, поросли великолепными лесами, состоявшими из сосен, кипарисов, кедров и елей.

«Уэбб, — пишет Десборо Кули¹, — объясняет отступление границы вечного снега в Гималаях тем, что их главные вершины вздымаются к небу посреди высоко приподнятого плато. Так как нагретость воздуха зависит главным образом от количества солнечной радиации, отраженной поверхностью земли, то отсюда следует, что близость обширных равнин должна оказывать существенное влияние на температуру в горах. Этих замечаний, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы опровергнуть возражения некоторых ученых, считающих, что Гималаи не поднимаются так высоко. Их можно с полной уверенностью считать самыми высокими горами во всем мире».

Теперь надо сказать несколько слов об одной экспедиции, предпринятой в края, уже посещенные Уэббом и Муркрофтом.

У путешественника Фрейзера² не было ни инструментов, ни инструкций для измерения высоких вершин, среди которых он намеревался побывать, но он обладал острым восприятием, и его занимательный отчет местами представляет большой интерес. Он посетил истоки Джамуны и, хотя поднимался на высоту более двадцати пяти тысяч футов, повсюду видел деревни, живописно лепившиеся по склонам, испещренным пятнами снега. Затем Фрейзер, несмотря на возражения проводников, отправился к Ганготри. Проводники говорили, что дорога крайне опасна и что там дует губительный ветер, лишаящий сознания всякого, кто отважится туда подняться. Исследователь все же поднялся к Ганготри и был так восхищен величием и великолепием пейзажей, что испытанное им наслаждение искупило все трудности пути.

«Гималайские цепи, — описывал Фрейзер, — чрезвычайно своеобразны. Все путешественники, видевшие их, согласятся со справедливостью такого мнения. Действительно, Гималаи не похожи

¹ Кули Уильям Десборо (год рожд. не изв. — 1883) — британский географ, почетный член Лондонского Королевского географического общества, автор «Истории географических открытий» (1830 — 1831), на которую часто ссылается Жюль Верн, и учебника «Физическая география» (1876).

² Фрейзер Джеймс Бейли (1783 — 1856) — английский путешественник, совершил несколько путешествий по Персии, Курдистану и Месопотамии. В 1815 году вместе с братом Уильямом (1784? — 1835) исследовал Непал и истоки Ганга и Джамуны. Автор трех книг о своих путешествиях.

ни на какие другие горы, и когда смотришь на них с какой-нибудь возвышенности, их причудливые очертания, остроконечные пики необыкновенной высоты вызывают такое удивление в прищельце, что тот не может оторвать от них глаз и подчас чувствует себя словно во власти обманчивого миража».

Теперь мы должны покинуть Индию и перенестись в Аравию, по которой было совершено несколько интересных путешествий. Прежде всего надо упомянуть об экспедиции капитана английской армии Сэдлера. Приняв на себя в августе 1819 года поручение губернатора Бомбея к Ибрахим-паше, который вел войну с ваххабитами, Сэдлер пересек Аравийский полуостров от порта Эль-Катиф в Персидском заливе до Ямбу на Красном море.

Этот любопытный отчет о переходе через Аравию, какого до тех пор не совершал ни один европеец, к несчастью, не был напечатан отдельной книгой, и с ним можно ознакомиться лишь по очень редкому изданию под названием «Записки Бомбейского литературного общества».

Почти в то же время, между 1821 и 1826 годами, английское правительство поручило капитанам первого ранга Морсби¹ и Хейнзу гидрографические работы, целью которых являлась сплошная съемка берегов Аравии. Таким образом была составлена наконец первая точная карта этого полуострова.

В начале этого тома говорилось об археологических и исторических исследованиях и разысканиях Зетцена и Буркхардта в Сирии и Палестине. Остается сказать несколько слов об одной экспедиции, результаты которой были особенно важны для физической географии. Речь идет о путешествии баварского натуралиста Генриха Шуберта².

Объехав Нижний Египет и Синайский полуостров, Шуберт в 1837 году вступил в Палестину. Баварского ученого сопровождали двое его друзей — доктор Эрдль и художник Мартин Бернал.

Путешественники, высадившись в Акабе на Красном море,

¹ Морсби Фэрфакс (1786 — 1877) — британский морской офицер, впоследствии — адмирал.

² Шуберт Готтхильф Генрих фон (1780 — 1860) — был не столько натуралистом, сколько натурфилософом, последователем идеалистического учения Фридриха Вильгельма Шеллинга. Кроме многочисленных философских и естественно-научных трудов, издавал книги о собственных путешествиях.

двинулись с маленьким арабским караваном в Хеврон¹. На дороге, по которой они шли, никогда еще не ступала нога европейца. Вокруг расстилалась широкая плоская долина, тянувшаяся до Мертвого моря и некогда, может быть, служившая для него стоком в Красное море. У Буркхардта и многих других, которые лишь догадывались об этой долине, возникало такое же предположение, причем прекращение стока воды по ней они приписывали поднятию земной поверхности. Измерения высоты различных точек, сделанные Шубертом и его спутниками, доказали ошибочность такой гипотезы.

Действительно, начинаясь от залива Акаба, дорога на протяжении двух-трех дней пути поднимается в гору до места, называемого арабами «седлом», и затем спускается к Мертвому морю. Водораздел находится на высоте семисот метров над уровнем моря. Во всяком случае, таковы данные, полученные через год французским путешественником графом Берту, изучавшим те же места.

На пути к Асфальтовому озеру (Мертвому морю) Шуберт и его спутники занимались и другими барометрическими наблюдениями. Они очень удивились, увидев, что их прибор показал девяносто один фут «ниже» уровня Красного моря, а затем и дальнейшее постепенное понижение. Сначала они решили, что вкралась какая-то ошибка, но, смирившись с очевидностью, должны были признать, что Асфальтовое озеро никогда не могло изливаться в Красное море по той причине, что уровень озера гораздо ниже морского уровня.

Тот факт, что Мертвое море расположено во впадине, становится еще более очевидным, когда, идя от Иерусалима, приближаешься к Иерихону. Дорога проходит по длинной, круто спускающейся долине. Уклон кажется особенно крутым, потому что гористые плато Иудеи, Переи и Хаурана очень высоки (последние поднимаются почти на три тысячи футов над уровнем моря).

Все же и общий вид этих мест, и свидетельства приборов так явно противоречили до тех пор господствовавшему мнению, что Эрдадь и Шуберт с некоторым сомнением отмечали свои результаты, приписывая их неисправности барометра и внезапным резким колебаниям атмосферного давления. Но на обратном пути в

¹ В настоящее время город Хеврон (к югу от Иерусалима) называется Эль-Халиль.

Иерусалим ртуть в барометре снова вернулась к среднему уровню, как это было до их отправления в Иерихон. Волей-неволей приходилось признать, что Мертвое море расположено по меньшей мере на шестьсот футов ниже Средиземного — цифра, которая, как доказали более поздние исследователи, была в два раза меньше действительной¹.

Спору нет, путешественникам посчастливилось внести существенную поправку, имевшую важные последствия, потому что она привлекла внимание ученых к явлению, вскоре подтвержденному другими исследователями.

Таким образом, физико-географические данные о бассейне Мертвого моря все пополнялись и уточнялись. Два американских миссионера, Эдуард Робинсон и Эли Смит, в 1838 году дали новый толчок исследованию библейской географии. Они были предшественниками фаланги путешественников, натуралистов, историков, археологов и инженеров, которые под руководством Английской ассоциации или наряду с ней стали вскоре исследовать землю патриархов, помогли исправить карту и, наконец, совершили много открытий, проливающих новый свет на историю древних народов, по очереди владевших этим уголком Средиземноморского бассейна.

Не только бассейн Мертвого моря, но и другие области Азии привлекали внимание эрудитов и путешественников. Вся Малая Азия вскоре открыла любознательности ученых сокровища, хранившиеся в ее недрах. Путешественники пересекали ее из конца в конец. Паррот² посетил Армению, Дюбуа де Монперё³ в 1839 году

¹ Абсолютная отметка уровня Мертвого моря в устье реки Иордан 395 м ниже уровня Мирового океана, в центральной части западного побережья, напротив полуострова Эль-Валедж — минус 392 м.

² Паррот Йоханн Якоб Фридрих Вильгельм (1791 — 1841) — немецкий натуралист и путешественник. С 1811 года вместе с Морисом Энгельгардтом совершил ряд путешествий в Крым и на Кавказ, инструментально измерил разницу уровней Черного и Каспийского морей. С 1815 года — на службе в русской армии, с 1821 года — профессор Дерптского (Гартуского) университета. В 1816 году путешествовал в Альпах и Пиренеях, в 1828 году объехал Кахетию и Армению, в 1837 году добрался до мыса Нордкап. Основные труды: «Путешествие в Крым и на Кавказ» («Reise in die Krim und der Kaukasus»; Берлин, 1815 — 1818, в 2-х т.), «Путешествие в Пиренеи» («Reise in die Pyreneen»; Берлин, 1825), «Путешествие к Арагату» («Reise zum Ararat» Берлин, 1834, в 2-х т.).

³ Дюбуа де Монперё Фредерик (1798 — 1850) — швейцарский геолог и археолог; совершил несколько больших путешествий по Украине и Кавказу;

объехал Кавказ; Эйхвальд¹ в 1825 и 1826 годах исследовал побережье Каспийского моря. Наконец, Александр Гумбольдт благодаря щедрости российского императора Николая, продолжил в азиатской части России и на Урале общие физические и географические наблюдения, которые он с таким рвением производил в Новом Свете². Вместе с минералогом Густавом Розе, натуралистом Эренбергом, известным своими путешествиями по Верхнему Египту и Нубии, и горным инженером Гельмерсенем Гумбольдт объехал Сибирь, посетил золотые и платиновые прииски на Урале, исследовал прикаспийские степи, а также Алтайские горы до самых границ Китая. Ученые поделили между собой работу. Гумбольдт взял на себя астрономические, магнитные, фи-

странствию, о котором здесь идет речь, посвящена его книга «Путешествие вокруг Кавказа, к черкесам и абхазам...» («Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhasas...», 1838 – 1843).

¹ Эйхвальд Карл Эдуард (в русской традиции – Эдуард Иванович; 1795 – 1876) – российский ученый немецкого происхождения. Изучал медицину и естественные науки в Берлине и Париже. В 1819 году вернулся в Россию и получил место приват-доцента при кафедре зоологии Дерптского университета. Затем руководил кафедрами зоологии и медицины в Казанском и Вильнюсском университетах, в Петербургской медико-хирургической академии. В петербургский период своей деятельности читал также лекции по палеонтологии в Горном институте и по минералогии в Инженерной академии. Научные интересы Эйхвальда были весьма многообразны: он публиковал труды по медицине, зоологии, ботанике, палеонтологии, геологии, минералогии, антропологии, этнографии и археологии. Основной труд его жизни – капитальная «Палеонтология России». Путешествие по Кавказу и Каспийскому побережью Эйхвальд совершил в 1826 – 1827 годах.

² Великий немецкий ученый Александр Фридрих Генрих фон Гумбольдт (1769 – 1859) путешествовал по России в мае – сентябре 1829 года. Он был приглашен лично Николаем I «в интересах науки и страны». Знаменитый путешественник давно хотел посетить Азиатскую Россию. Ему необходимо было провести серию наблюдений для выработки общегеографических концепций. Однако формальной причиной приглашения стало проведение экспертизы уральских и алтайских золотых рудников. Гумбольдт должен был оценить рентабельность проекта царского правительства, решившего было чеканить платиновые деньги. 1 мая (ст. ст.) путешественник прибыл в Петербург и через Москву, Нижний Новгород, Казань добрался до Перми, откуда и началось настоящее путешествие. Некоторое время ученый разъезжал по Среднему и Южному Уралу, посетив все главные железнорудные, золотые и платиновые рудники и заводы, а также малахитовые прииски, а потом отправился на Алтай. На обратном пути путешественник еще раз посетил Южный Урал (Мияск – Златоуст – Орск – Оренбург) и совершил из Астрахани короткую поездку по Каспийскому морю. В Петербург А. Гумбольдт вернулся 13 сентября 1829 года.

зические и естественно-исторические наблюдения, а Розе вел путевой дневник, который опубликовал на немецком языке в 1837 – 1842 годах.

Результаты этой научной экспедиции, хоть и проделанной очень быстро – всего за девять месяцев ученые проехали не менее 11 500 миль, – были очень значительны.

В первой публикации, появившейся в Париже в 1838 году, Гумбольдт ограничился только климатологией и геологией Азии. Однако за этой предварительной работой последовал в 1843 году капитальный труд – «Центральная Азия».

«Он собрал и систематизировал в этой книге, – отмечает Ларокет, – главные научные результаты своей поездки в Азию и изложил остроумнейшие соображения о форме материков и о строении гор Тартарии. Особенно много внимания он уделил обширной впадине, которая тянется из Северной Европы к центру Азии, через моря Каспийское и Аральское».

Теперь нам надо покинуть Азию и вкратце рассказать о различных путешествиях по Новому Свету, с начала века следовавших одно за другим.

В то время, когда Льюис и Кларк пересекали Северную Америку от Соединенных Штатов до Тихого океана¹, молодой офицер, лейтенант Зебулон Монтгомери Пайк² получил в 1807 году приказ правительства разведать истоки Миссисипи. Он должен был постараться также завязать дружеские отношения с индейцами, которые ему повстречаются.

Хорошо принятый вождем могущественного объединения индейцев сиу³ и получив от него даже священную трубку – талисман, обеспечивающий помощь союзных племен, – Пайк поднялся по Миссисипи и миновал два больших притока этой огромной

¹ Стоит напомнить читателю, что в самом начале XIX века территория Соединенных Штатов Америки не простиралась дальше реки Миссисипи.

² Пайк Зебулон Монтгомери (1779 – 1813) – американский офицер и исследователь.

³ Сиу – крупнейшая языковая семья коренных американцев, неоднородных по культуре, но сходных по физическому типу; в состав сиу входили племена дакота, ассинибойнов, воронов, манданов, оседжей и др. В европейской традиции начала и середины XIX века под «сиу» чаще всего понимали индейцев дакота. Так и здесь автор, говоря об «объединении» сиу, имеет в виду союз семи племен дакота («семь костров совета»).

водной артерии — Чиппева и реку Святого Петра¹. Но от впадения реки Святого Петра до водопадов Сент-Энтони течение Миссисипи преграждено многочисленными водопадами и порогами. Добравшись до 45° северной широты, Пайк и его спутники были вынуждены бросить каноэ и продолжать путь на санях. К страшным зимним холодам вскоре добавились муки голода, но ничто не могло остановить отважных путешественников. Следуя вдоль значительно сузившейся Миссисипи, они прибыли в феврале к озеру Лич (озеро Пиявок), где их радушно приняли в своем лагере монреальские охотники за пушным зверем.

Побывав на озере Ред-Сидар (Красного Кедра), Пайк вернулся в Порт-Луи². Это трудное и опасное путешествие длилось около девяти месяцев, и, хотя его цель и не была достигнута, оно все же принесло пользу науке.

Находчивость, хладнокровие и храбрость Пайка не прошли незамеченными; правительство вскоре повысило его в чине (он стал майором) и доверило ему руководство новой экспедицией.

На этот раз дело шло об исследовании обширного пространства между Миссисипи и Скалистыми горами, об открытии истоков Арканзаса и Ред-Ривер (Красной реки). С двадцатью тремя спутниками Пайк поднялся по Арканзасу. Эта красивая река судоходна до самых гор, где она берет начало (то есть почти на протяжении двух тысяч миль), и лишь в летние месяцы ее течение преграждают песчаные мели.

Однако плавание еще не закончилось, как наступила зима. Жестокие мученья, пережитые Пайком во время первого путешествия, повторились и оказались даже еще более тяжкими. Дичь попадалась так редко, что отряд четыре дня оставался без пищи. Многие отморозили ноги, и это усугубило трудности пути для тех, кто еще оставался здоровым. Достигнув истоков Арканзаса, майор спустился к югу и вскоре вышел к довольно большой реке, которую принял за Ред-Ривер.

Это была Рио-Гранде, река, берущая свое начало в Колорадо, тогда еще испанской провинции, и впадающая в Мексиканский залив.

¹ Река Святого Петра — так во времена первопроходцев называлась река Миннесота, правый приток Миссури.

² Современное название Порт-Луи — Астория.

Мы уже говорили, с какими трудностями Гумбольдт получил разрешение на въезд в испанские владения; по этому одному можно судить, до чего не любили испанцы пускать чужеземцев на свои земли. Вскоре майор Пайк и его люди были окружены отрядом испанских солдат, взяты в плен и доставлены в Санта-Фе. Жалкий вид — одежда в лохмотьях, истощенные лица — говорил не в пользу американцев, и испанские солдаты приняли их сначала за дикарей. Все-таки, когда ошибка разъяснилась, Пайка и его спутников отправили сушей в Луизиану. 1 июля 1807 года они прибыли в Накитош.

Неудачный исход этой экспедиции на некоторое время охладил рвение правительства Соединенных Штатов, но не частных лиц, купцов или охотников, которых с каждым днем в стране становилось все больше. Многие из них пересекали Америку из конца в конец, от Канады¹ до Тихого океана. Среди таких путешественников-одиночек надо особо отметить Даниэля Уильяма Хармона, служащего Северо-Западной компании, который, пройдя от 47-го до 53-го градуса северной широты, побывал на озерах Гуроне, Верхнем, Дождей², Лесном, Манитобе, Виннипеге, Атабаске, Большом Медвежьем и дошел до Тихого океана.

Меховая компания в Астории — поселке, расположенном в устье Колумбии, — тоже много сделала для исследования Скалистых гор и отыскания пути через них.

Четверо служащих этой компании, отправившись из Астории в июне 1812 года, поднялись по реке Колумбия, перевалили Скалистые горы и, двигаясь на восток-юго-восток, достигли одного из истоков реки Платт, затем спустились по ней до Миссури и, пройдя по никем не исследованным областям, 30 мая 1813 года прибыли в Сент-Луис.

В 1811 году другая экспедиция в составе шестидесяти человек, выйдя из Сент-Луиса, поднялась по Миссури до поселений племе-

¹ Напомним, что в те времена Канадой называлась только небольшая часть современного государства с таким же названием: восток полуострова Лабрадор да полоска земель вдоль реки Св. Лаврентия (Нижняя Канада) и юго-восточная часть современной провинции Онтарио (Верхняя Канада). Обе эти провинции были административно объединены особым законодательным актом британского парламента в июле 1840 года (см. т. 4 настоящего собрания сочинений).

² Рейни-Лейк на американо-канадской границе.

ни арикара¹. Испытав большие лишения, потеряв несколько человек из-за недостатка пищи и трудностей пути, она в начале 1812 года добралась до Астории.

Результатом этих путешествий была не только топографическая съемка местности; они сопровождались также удивительными и вовсе не предвиденными открытиями. Так, в долине реки Огайо, а также в обширном краю между Иллинойсом и Мексикой, были найдены развалины и укрепления со рвами и даже бастионами. Некоторые из укреплений занимали площадь в пять-шесть акров². Какому народу следовало приписать эти сооружения, говорившие о культуре гораздо более высокой, чем культура индейцев? Этот трудный вопрос до сих пор еще не решен.

Исчезновение индейских племен, наблюдения над жизнью которых носили поверхностный характер, уже тревожили филологов и историков, сожалеющих, что они не успели исследовать язык этих вымирающих народов. Изучение индейских наречий и сравнение их с древними языками могло бы дать какие-нибудь неожиданные указания относительно происхождения этих кочевых племен. Зато началось изучение флоры Северной Америки и ее геологии; разведка недр впоследствии принесла ученым чудесные сюрпризы.

Так как для правительства было очень важно приступить поскорее к исследованию обширных территорий, отделявших Соединенные Штаты от Тихого океана, то оно не могло надолго откладывать отправку новой экспедиции.

И вот в 1819 году военный министр поручил майору Лонгу разведать область, расположенную между Миссисипи и Скалистыми горами, разведать течение Миссури и ее главных притоков, определить путем астрономических наблюдений координаты наиболее важных точек, изучить индейские племена и, наконец, описать все, представлявшее какой-либо интерес — будь то ландшафт страны, животное, растение или минерал.

¹ Арикара — кэддоязычное племя, предки которого поселились на территории современного штата Южная Дакота в середине XV века. Впоследствии это «праплемя» потомки создателей так называемой «культуры Нижней Миссисипи» распалось на 2 части: пауни и арикара. Последние жили в селениях, обнесенных земляными валами. Возможно, эти укрепления, о которых говорится ниже, принадлежали именно предкам арикара.

² Акр — англо-американская мера площади; соответствует 0,4 гектара.

Отправившись из Питтсбурга 5 мая 1819 года на пароходе «Сапер Запада», участники экспедиции 30 мая достигли места слияния Огайо с Миссисипи, по которой поднялись до Сент-Луиса.

Двадцать девятого июня они увидели устье Миссури. Сэй¹, которому были поручены зоологические наблюдения, прошел за июль всю область до Форт-Осейджа, где его поджидал пароход. Майор Лонг воспользовался стоянкой и отправил отряд, поручив ему разведать местность между реками Канзас и Платт. Однако отряд подвергся нападению, и, так как грабители наряду с другим имуществом отняли лошадей, людям пришлось вернуться.

Получив на Коровьем острове подкрепление из пятнадцати человек, экспедиция 19 сентября добралась до Форт-Лайзы поблизости от Каунсил-Блафса и зазимовала там. Американцы жестоко страдали от цинги, против которой у них не было никаких средств, и потеряли умершими сто человек. То есть почти треть своего состава.

Майор Лонг тем временем добрался в лодке до Вашингтона и привез оттуда приказ не продолжать плавания по Миссури, а направиться к истокам реки Платт, чтобы по Арканзасу и Ред-Ривер достичь Миссисипи.

Шестого июня путешественники покинули «Стоянку Саперов», как они называли свою зимовку, и по долине реки Платт более чем на сто миль углубились в травянистые прерии, населенные громадными стадами бизонов и оленей, благодаря чему у экспедиции не было недостатка в мясе.

За этими безграничными прериями, однообразие которых не нарушалось ни одной возвышенностью, началась песчаная пустыня, почти на протяжении четырехсот миль отлого поднимающаяся к Скалистым горам. Изрезанная обрывистыми глубокими оврагами, каньонами и ущельями, где в глубине под хилой и скудной травой журчат мелкие ручейки, эта пустыня поросла одними кактусами с острыми, грозными иглами.

Шестого июля экспедиция достигла подножия Скалистых гор. Доктор Джеймс² взобрался на один из пиков, поднимающий-

¹ Сэй Томас (1787 – 1834) – энтомолог и конхиолог, прозванный «отцом американской описательной энтомологии». Энтомология – раздел зоологии, изучающий насекомых.

² Джеймс Эдвин (1797 – 1861) – американский географ, натуралист, физик.

ся на 11 500 футов над уровнем моря, и назвал этот пик своим именем¹.

«С вершины этого пика, — рассказывает Джеймс, — на северо-западе и юго-западе видны бесчисленные горы, белые от снега; самые дальние покрыты им до подножия. К западу прямо под нами лежала узкая долина реки Арканзас; за ее течением, направленным на северо-запад, можно было проследить на расстоянии шестидесяти с лишним миль. На северном склоне горы лежали огромные толщи льда и снега. К востоку до самого горизонта тянулась широкая, постепенно повышавшаяся равнина»².

В этом месте экспедиция разделилась на две части. Одна под руководством майора Лонга должна была направиться к истокам Ред-Ривер; другой во главе с капитаном Беллом предстояло спуститься по реке Арканзас до Форт-Смита. Два отряда расстались 24 июля. Первый, введенный в заблуждение сведениями, полученными от индейцев племени каскаския³, и из-за неточности карт принял реку Канейдиан за Ред-Ривер и заметил свою ошибку, только достигнув слияния этой реки с Арканзасом. Встреченные отрядом индейцы каскаския вели трудную жизнь, но они были лихими наездниками и искусно ловили при помощи лассо диких мустангов, потомков лошадей, привезенных в Мексику испанскими завоевателями.

Что касается второго отряда, то его тоже ждали злоключения: из него бежали четверо солдат и унесли с собой, наряду со многими другими ценными вещами, путевые дневники Сэя и лейтенанта Свифта.

¹ Это название было дано майором Лонгом. Некоторое время оно даже появлялось на географических картах: пик Джеймса. Но очень скоро выяснилось, что эту гору, высота которой, по Американской энциклопедии, равна 14 110 футам (4298 м) над уровнем моря, уже открыл в 1806 году Зебулон Монтгомери Пайк. И величественная снежная вершина, расположенная в Скалистых горах, на территории современного штата Колорадо, получила название в честь более заслуженного исследователя — пик Пайка (Pike's Peak).

² Об экспедиции Лонга доктор Э. Джеймс в 1822 — 1823 годах выпустил в Филадельфии двухтомник («Account of an Expedition from Pittsburgh to the Rocky Mountains Performed in the Years 1819 and '20»).

³ Каскаския — алгонкинское племя, жившее на территории штата Иллинойс, в его южной части. Племя понесло значительный урон в столкновениях с белыми. Остатки каскаския в 1832 году переселились в Канзас, где смешались с местными индейскими племенами.

В этих пустынных местах, где почва покрыта слоем песка, по которому реки несут солоноватую илистую воду, обоим отрядам приходилось страдать от недостатка продовольствия.

Экспедиция привезла в Вашингтон шестьдесят шкур диких животных, несколько тысяч насекомых, в том числе пятьсот прежде неизвестных видов, гербарий, состоявший из четырехсот — пятисот неизвестных растений, много зарисовок пейзажей, а также материалы для составления карты пройденных путешественниками областей.

Руководство новой экспедицией 1828 года тоже было поручено майору Лонгу, деятельность которого получила высокую оценку. Выступив в апреле из Филадельфии, он добрался до реки Огайо, пересек штат того же названия, затем штаты Индиана и Иллинойс. Достигнув Миссисипи, он поднялся по ней до впадения реки Святого Петра, по которой когда-то путешествовали Карвер¹ и барон Лаонтан². По этой реке Лонг двигался до ее истока, миновал озеро Траверс, достиг озера Виннипег, исследовал реку того же названия, побывал на Лесном озере, озере Дождей и добрался до плато, отделяющего бассейн Гудзонова залива от бассейна залива Святого Лаврентия. Наконец по озеру Колдуотер и по Дог-Крик он достиг озера Верхнего.

Все эти места издавна посещались канадскими охотниками и трапперами³, но правительственная экспедиция с заданием составить карту прибыла туда впервые. Путешественники были пора-

¹ Карвер Джонатан (1732 — 1780) — американский исследователь, сын английского губернатора колонии Коннектикут. В 1766 — 1768 годах путешествовал вдоль озера Верхнего и по неисследованным территориям, входящим в настоящее время в штат Миннесота.

² Лаонтан (ок. 1666 — ок. 1715) — французский путешественник и писатель. В 1683 году отправился в Канаду, где к 1693 году дослужился до должности вице-губернатора, но из-за разногласий с непосредственным начальником вынужден был вернуться в Европу. Перу Лаонтана принадлежит книга о его канадских приключениях («Nouveau voyage dans l'Amérique septentrionale, comprenant plusieurs relations des differents peuples qui l'habitent, etc.», v. 1 — 2, 1703), продолженная Гёдвилем под неординарным названием «Диалог барона Ла Онтана с американским дикарем» («Suite du voyage de l'Amérique ou Dialogue de M. le baron de La Hontan et d'un sauvage de l'Amérique, etc.», 1704).

³ Траппер — буквально: «охотник, ставящий капканы» (англ.), однако название использовалось обычно в более широком смысле. Трапперами называли и охотников на пушного зверя без различия способа охоты, да и вообще охотников-одиночек, скитальцев по лесам и прериям.

жены красотой местности, орошаемой Виннипегом. Эта река, часто образующая живописнейшие пороги и водопады, течет между двумя отвесными стенами гранитных скал, поросших наверху зеленью. Красота этих пейзажей после однообразия равнин, по которым они двигались до тех пор, вызывала восторг путешественников.

Изучение Миссисипи, прерванное после экспедиции Монтгомери Пайка, было возобновлено в 1820 году генералом Кассом, губернатором штата Мичиган.

Выступив из Детройта в конце мая с двадцатью людьми, привычными к жизни в лесах, он достиг верхнего течения Миссисипи, побывав по дороге у озер Гурон, Верхнего и Санди. Его спутники были вконец измучены и остановились там лагерем, а он сам продолжал исследование реки в лодке. На протяжении полутора миль быстрое течение Миссисипи не встречало преград, но затем начались пороги, тянувшиеся миль на двенадцать вплоть до водопада Пекгама.

Выше водопада река течет гораздо медленнее, извиваясь по необъятным саваннам до озера Лич. Миновав озеро Виннипег, Касс 24 июля достиг другого озера и назвал его своим именем. Однако он не решился идти дальше, потому что у его немногочисленного отряда оставалось теперь совсем мало продовольствия и охотничьих припасов.

Как ни близко подходили путешественники к истокам Миссисипи, все же их не достиг пока никто. Считалось, что река выходит из небольшого озера, носившего название Ла-Биш (озеро Лани) и расположенного в шестидесяти милях от озера Касс¹. И только в 1832 году, когда генерал Касс стал военным министром, занялись снова разрешением этой важной задачи.

Руководство экспедицией, состоявшей из тридцати человек — в том числе десяти солдат, офицера, на которого возлагались гидрографические работы, доктора, геолога, переводчика и миссионера, — было поручено путешественнику, по фамилии Скул-

¹ Обычно за исток Миссисипи принимают озеро Айтаска, однако более аккуратные исследования показали, что это озеро соединяется 1 – 2 протоками с Элк-Ривер.

крафт¹, за год до того исследовавшему область индейцев чиппева², лежащую на северо-запад от озера Верхнего.

Скулкрафт, отплыв из Сент-Мэри 7 июня 1832 года, посетил индейские племена в окрестностях озера Верхнего и вскоре вошел в реку Сент-Луис. Сто пятьдесят миль отделяло Скулкрафта от Миссисипи. Из-за порогов и топких берегов на этот переход у него ушло около десяти дней. 3 июля экспедиция достигла фактории купца Эйткина, расположенной на берегу реки, а наутро отпраздновала годовщину независимости Соединенных Штатов.

Спустя два дня Скулкрафт был уже перед водопадом Пекгама и расположился лагерем на мысе Ок-Три (Дубовом). В этом месте река делает много изгибов, но проводники вели экспедицию по тропинкам, значительно сократившим расстояние. Затем Скулкрафт прошел озеро Кросс, озеро Виннипег и 10 июля прибыл к озеру Касс. Дальше никто из его предшественников не заходил.

Группа чиппева провела американцев к своему лагерю на острове посреди озера. Уверившись в дружественном расположении индейцев, командир оставил здесь своих спутников, а сам в сопровождении лейтенанта Аллена, доктора Хаутона, миссионера и нескольких индейцев отправился дальше в пирог.

Они прошли сначала озеро Таскодиак, затем озеро Траверс. Несколько далее этого последнего Миссисипи разветвляется. Проводник повел Скулкрафта по восточному руслу. Они пересекли озеро Маркетт, Ла-Салл и Куббакунна и достигли места впадения реки Найвы, главного притока этого ответвления, выходящей из озера, которое кишело змеями с золотистыми головками. Наконец, пройдя через небольшое озеро Узава, экспедиция достигла озера Айтаска, откуда начинается западный исток реки Миссисипи.

Озеро Айтаска, или Ла-Биш, как его называли французы, имеет в длину не более семи-восьми миль и окружено холмами —

¹ Скулкрафт Генри Роу (1793 — 1864) — американский путешественник и этнограф.

² Чиппева — искаженное в произношении европейцев название одного из наиболее многочисленных народов Северной Америки оджибвеев (оджибве). По языку принадлежали к алгонкинским народам. До контактов с белыми пришельцами занимались в основном рыболовством. Название этнической общности связано с родом Оджибве (Журавля), обитавшем возле протоки, соединявшей озеро Верхнее и Гурон. К началу XIX века оджибве распались на 4 территориально-племенных подразделения. Здесь, очевидно, имеются в виду северные оджибве, или сольто.

мрачными от темной хвои растущих на них сосен. По мнению Скулкрафта, озеро находится на высоте 1500 футов над уровнем моря, но эта цифра не слишком достоверна, так как в распоряжении начальника экспедиции не было нужных приборов¹.

Возвращаясь к озеру Касс, путешественники, двигаясь по западному ответвлению Миссисипи, исследовали главные его притоки. Затем Скулкрафт побывал у индейцев, населявших эти области, и заключил с ними договоры.

Итак, задание было выполнено, и теперь Миссисипи была изучена от устья до истоков. Экспедиция собрала множество любопытных материалов о нравах, обычаях, истории и языке туземцев. Естествознание обогатилось немалым количеством новых или почти неизвестных видов животных и растений.

Но деятельность американцев не ограничивалась этими правительственными экспедициями. В новые области устремилось множество трапперов. По большей части совершенно безграмотные, они не могли внести своими открытиями вклад в науку. Иначе обстояло дело с Джеймсом Патти², опубликовавшем рассказ о своих романтических приключениях и опасных переходах в области, лежащей между Нью-Мексико и Новой Калифорнией. Спустившись по реке Хила до ее устья, Патти посетил малоизвестные народы — такие как хота³, эйотаро, папавары⁴, моки⁵, юма⁶, мохава⁷, навахо⁸ и другие, сношения с которыми рань-

¹ Согласно Американской энциклопедии, урез воды озера Айтаска находится на высоте около 1475 футов над уровнем океана (около 450 м).

² Патти Джеймс Охайо (1804 — 1850?) — американский охотник-траппер и писатель. Свои охотничьи приключения описал в книге «Из собственных уст» («Personal Narrative», 1-й тираж — 1831, основной тираж — 1833), которая стала популярной позже, в свободном пересказе Б. Билсона «Охотники из Кентукки» («The Hunters of Kentucky», 1847).

³ Хота — народ группы пима, живущей на юго-западе США и западе Мексики и говорящей на языках сонорской группы ацтекской языковой семьи.

⁴ Папавары — народ папаго из группы пима.

⁵ Моки («мирные, хорошие люди») — самоназвание индейского народа хопи из группы пуэбло. Остатки этого народа (около 6 тыс. человек) проживают в резервациях американского штата Аризона.

⁶ Юма — одна из крупнейших народностей юмасской ветви хока-сиусской семьи.

⁷ Мохава — самое крупное и самое воинственное племя народности юма.

⁸ Навахо (навахи) — индейский народ группы атапасков; самый южный в своей группе; живет на юго-западе США. Современная численность 166 тыс. человек.

ше были очень редкими. На берегах Рио-Эйотарио он обнаружил развалины древних памятников, каменные стены, рвы и старые гончарные мастерские, а в ближайших горах — медные, свинцовые и серебряные рудники.

Очень любопытным путевым дневником мы обязаны также доктору Вилларду; во время трехлетнего пребывания в Нью-Мексико он проплыл по Рио-Гранде от ее истока до устья.

Наконец, в 1831 году капитан Уайет¹ и его брат исследовали Орегон² и область, примыкающую к Скалистым горам.

Экспедиции в Центральную Америку после путешествия Гумбольдта следовали тоже одна за другой. Еще в 1787 году Бернаскони открыл развалины Паленке³, впоследствии столь знаменитые.

В 1822 году Антонио дель Рио опубликовал их подробное описание, сопроводив его даже несколькими рисунками Фредерика Вальдека, будущего исследователя этого мертвого города⁴.

¹ Уайет Натаньел Джарвис (1802 — 1856) — американский купец и путешественник. Его первое путешествие описал кузен и спутник Натаньела Джон Б. Уайет («Oregon, or a Short History of a Long Journey», 1833). О втором путешествии, по реке Колумбии, также рассказал спутник Натаньела Джон Керк Таунсенд («Narrative of a Journey across the Rocky Mountains to the Columbia River», 1839).

² Во время путешествий Уайета Орегон находился вне юрисдикции США. Только в 1848 году Конгресс утвердил статут Орегона как федеральной территории, а в 1859 году Орегон стал штатом, 33-м по очередности вступления в Союз.

³ Паленке — один из наиболее значительных городов индейцев майя классического периода. Находится в северной части мексиканского штата Чиapas, на 70-метровом плато, возвышающемся над плоской болотистой равниной, уходящей к побережью Мексиканского залива, который находится в 80 км от города. Паленке возник в конце I тысячелетия до н. э., но расцвет его относится к 630 — 785 годам н. э. Именно в это время были построены замечательные дворцовые и храмовые сооружения, расписанные великолепными фресками, прославившими Паленке. Отечественный читатель имеет возможность полнее познакомиться с архитектурными памятниками этого города и вообще с культурой классического периода истории народа майя в богатой литературе, выпущенной на русском языке. Вот некоторые из этих книг: *Попаль-Вух*. Родословная владык Тотоникапана. М.; Л., 1959 (недавно переиздана издательством «Ладомир»); *Кинжалов Р. В.* Искусство древних майя. Л., 1968; *Кинжалов Р. В.* Культура древних майя. Л., 1971; *Гуляев В. И.* Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968; *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979.

⁴ Автор не слишком точно описывает историю обнаружения развалин города Паленке. Первые сведения о нем принес в конце XVIII века каноник (священник

Капитан Гийом Дюпэ и художник Кастаньеда за 1805 — 1807 годы совершили одно за другим путешествия в тогдашнюю провинцию Чиapas и в Паленке. Результатом их экспедиций явилось великолепное сочинение с рисунками, изданное в 1830 году.

В 1832 году Вальдек¹ прибыл в Паленке и прожил там целых два года. Он проводил раскопки, снимал планы и разрезы, делал чертежи памятников, занимался копированием их еще не разгаданных иероглифов² и собрал множество совершенно новых материалов как по естественной истории, так и о нравах обитателей страны³.

при большом соборе) Рамон Ордоньес де Агилар. Когда эти сообщения достигли Испании, король Карл III в 1787 году приказал отправить на место находки специальный экспедиционный отряд, во главе которого был поставлен капитан Антонио дель Рио. Его записки, известные как «Завещание», опубликованы в 1822 году. Иллюстрации к книге выполнил гватемальский художник Рикардо Альмендарис. В состав отряда был включен архитектор Антонио Бернанкони, который снял планы нескольких сооружений. Официальный отчет об экспедиции был составлен королевским хронистом Хуаном Баутистой Муньосом, но он никогда не был предан гласности.

¹ Вальдек Жан Фредерик Максимильтен, барон де (1766 — 1875) — венский уроженец, по некоторым данным — чех по национальности, молодым человеком перебрался в Париж, в 1785 году участвовал во французской экспедиции к мысу Доброй Надежды, а по ее окончании натурализовался во Франции. Сражался в рядах революционной армии при осаде Тулона, участвовал в египетском походе наполеоновской армии, после капитуляции которой, желая избежать плена, бежал на восточное побережье Африки, оттуда перебрался на Мадагаскар, потом — на Иль-де-Франс. Какое-то время пиратствовал в Индийском океане вместе со знаменитым Сюркуфом. Потом нанялся на службу в чилийский военный флот, после которой перебрался в Гватемалу, а затем, привлеченный рассказами о чудесах древнего города Паленке, отправился туда. По возвращении во Францию издал книгу «Археологическое и красочное путешествие по Юкатану» (*«Voyage archéologique et pittoresque dans le Yucatan»*, 1837).

² Ф. Вальдек был, видимо, первым исследователем, который пытался, хотя и безуспешно, разгадать иероглифическое письмо майя. Дешифровка майяских иероглифов сделана в середине XX века советским ученым Ю. В. Кнорозовым (см. его книгу «Письменность индейцев майя». М.; Л., 1963).

³ Автор умалчивает замечательное путешествие американского дипломата Джона Ллойда Стефенса, совершенное в 1839 году. Преодолев на своем пути по тропическим джунглям многочисленные препятствия, Стефенс заново открыл и описал Копан и Паленке, а также впервые сообщил о целом ряде других древних городов: Ушмале, Чичен-Ица и т. д. В 1842 году он издал увлекательную книгу о своем путешествии, иллюстрированную документально точными рисунками английского художника Ф. Казервуда: «The Incidents of Travel to Central America, Chiapas and Yucatan». Эта книга вызвала настолько огромный резонанс

Надо также упомянуть полковника Хуана Галиндо, исследователя Паленке, Копана¹ и других городов, таящихся в глубине тропических лесов Центральной Америки².

Труды Гумбольдта, изданные им после длительного пребывания в Экваториальной Америке, послужили толчком к развитию географической науки, но в дальнейшем оно чрезвычайно замедлилось из-за борьбы испанских колоний с метрополией. Но едва только местные правительства добились какого-то подобия устойчивости, как отважные путешественники устремились в глубь материка, который тогда был поистине «новым светом», потому что из-за ревнивой подозрительности испанцев он долго оставался недоступным для ученых.

Теперь естествоиспытатели и инженеры начинают разезжать по Южной Америке и даже обосновываются там. А вскоре, в 1817 – 1820 годах, правительства Австрии и Баварии³ решают послать в Бразилию совместную научную экспедицию во главе с докторами Шпиксом⁴ и Мартиусом⁵. Путешественники собра-

в США и Европе, что Дж. Л. Стефенса стали с полным правом считать родоначальником научного изучения древних памятников народа майя.

¹ Копан – один из наиболее выдающихся в культурном отношении центров майя. Расположен в долине одноименной реки, в предгорьях Западного Гондураса, на высоте около 600 м над уровнем моря. Этот город удален не меньше, чем на полторы сотни километров от других майяских центров. Его даже считают далеко выдвинутым на юг форпостом цивилизации майя, окруженном центральноамериканскими племенами, находившимися на значительно более низкой ступени развития. Копан, хотя он и был только региональным центром, считается наивысшим достижением цивилизации майя I тысячелетия н. э. в области архитектуры и скульптуры. Развалины Копана были впервые описаны в 1576 году испанским чиновником Диего Гарсия Паласио.

² После выхода книги Дж.-Л. Стефенса безлюдные непроходимые леса Южной Мексики и Гондураса стали притягательны для многих путешественников из Европы и Северной Америки. Наибольшее значение среди этих работ имели экспедиции англичанина А.-П. Моудсли в конце прошлого века, результаты которой собраны в 4-х томах под общим заглавием «*Biologia Centrali-Americana*» (1898 – 1902), и австрийца Т. Малера, жившего с 1867 года в Мексике постоянно.

³ Бавария в 1806 – 1871 годах была независимым королевством, членом Германского Союза.

⁴ Шпикс (Спикс) Йоханн Батист фон (1781 – 1826) – баварский зоолог и путешественник. Книга о бразильском путешествии («*Reise nach Brasilien*»; 3 тома, 1823 – 1831) была закончена его спутником К.-Ф.-Ф. Мартиусом.

⁵ Мартиус Карл Фридрих Филипп фон (1794 – 1868) – баварский ботаник и путешественник. С 1832 года был директором Мюнхенского ботанического сада. Основной научный труд – «Бразильская флора» («*Flora Brasiliensis*») в 15-ти томах, продолженный после смерти ученого его учеником А.-В. Айхлером.

ли многочисленные материалы по ботанике, этнографии, статистике и географии этих малоизвестных областей, а Мартиус написал о флоре страны монументальный труд. Это издание, напечатанное на средства правительств Австрии и Баварии, является в своем роде образцовым. В то же самое время специальные сборники — «Летопись путешествий» Мальтбруна и «Бюллетень Географического общества», если упоминать только французские издания, — с готовностью стали принимать и печатать все адресованные им сообщения, преимущественно же — о Бразилии и провинции Минас-Жерайс.

Примерно в то же время прусский генерал-майор, принц Вид-Нёйвид¹, которому мир, заключенный в 1815 году, принес неожиданный досуг, увлекся естествознанием, географией и историей. Он вместе с натуралистами Фрайрайссом и Зелловом совершил даже путешествие с научной целью во внутренние области Бразилии и уделил большое внимание изучению природы, в особенности животного мира.

Спустя несколько лет, в 1836 году уже прославившийся, несмотря на свою молодость, французский натуралист Альсид Орбиньи² получил от администрации Национального музея³ предложение возглавить экспедицию для изучения природы Южной Америки. В течение восьми лет Орбиньи ездил по Бразилии, Уругваю, Аргентине, Патагонии⁴, Чили, Боливии и Перу.

«Такое путешествие, — сказал Дамур⁵ в речи, произнесенной

¹ Князь Максимилиан Вид-Нёйвид (1782 — 1867) — представитель побочной линии правителей маленького княжества в прирейнской Пруссии. С 1815 года занялся наукой и путешествиями. Странствовал по Бразилии (1815 — 1817) и Северной Америке (1832 — 1834). Кроме книг о собственных путешествиях («Reise nach Brasilien in den Jahren 1815 — 1817», в 2 т., 1819 — 1822; «Reise durch Nordamerika», в 2 т., 1838 — 1841), опубликовал капитальную работу по естественной истории Бразилии в 4-х томах («Beitraege zur Naturgeschichte von Brasilien», 1825 — 1833).

² Д'Орбиньи Алсид (1802 — 1857) — французский натуралист.

³ Национальный музей — имеется в виду Национальный музей естественной истории, учрежденный в Париже в 1794 году и являющийся крупным научно-исследовательским учреждением.

⁴ Патагония — обширная территория Южноамериканского материка к югу от 38°54' южной широты, долгое время не входившая в состав какого-либо государства. Только в 1881 году разделена между Аргентиной и Чили вдоль осевой линии горной системы Анд.

⁵ Дамур Огюстен Алексис (1808 — 1902) — крупный французский минералог, свободный член Парижской академии наук.

на похоронах Орбини, — совершенное в областях, столь различных по своему растительному и животному миру, по климату, по составу почвы и по нравам обитателей, на каждом шагу представляет новые опасности. Орбини, наделенный крепким здоровьем и неисчерпаемым энтузиазмом, преодолевал препятствия, которые отпугнули бы многих путешественников. Однажды в холодных областях Патагонии, среди диких племен, все время враждовавших между собой, ему пришлось принять участие в войне и сражаться в рядах племени, оказавшего ему гостеприимство. К счастью для отважного путешественника, победу одержала его сторона, и он мог свободно продолжать свой путь».

Потребовалось тринадцать лет напряженного труда, чтобы обработать результаты этих путешествий. Сочинение Орбини, затрагивающее почти все отрасли знания, оставляет далеко позади себя все, что было раньше напечатано о Южной Америке. История, археология, зоология, ботаника занимают там почетное место. Но наиболее важный раздел этого энциклопедического произведения посвящен человеку Америки. В нем автор изложил все данные, собранные им самим о физических особенностях, нравах, языках и верованиях народов Южной Америки, а также проанализировал и подверг критике сведения по этому вопросу, полученные им из вторых рук. Работы подобной ценности достаточно, чтобы обессмертить имя французского ученого и оказать величайшую честь нации, причисляющей такого человека к своим сыновьям.

Часть
вторая

S

Глава первая

КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

Торговля мехами в России. — Крузенштерн назначен начальником экспедиции. — Нукухива. — Нагасаки. — Исследование берегов Японии. — Иессо (Хоккайдо). — Айны. — Сахалин. — Возвращение в Европу. — Отто Коцебу. — Стоянка на острове Пасхи. — Атолл Пенфин (Тонгарева). — Остров Ратак. — Возвращение в Россию. — Второе путешествие. — Изменения, происшедшие на Таити и на Сандвичевых (Гавайских) островах. — Путешествие Бичи. — Остров Пасхи. — Питкэрн и мятежники с «Баунти». — Архипелаг Туамоту. — Таити и Сандвичевы (Гавайские) острова. — Острова Бонин. — Литке. — «Кебрадо» Вальпараисо. — Неделя в Чили. — Ново-Архангельск (Ситха). — Колоши. — Уналашка. — Каролинские острова. — Пирог каролинцев. — Гуам, пустынный остров. — Природа островов Бонин. — Чукчи, их нравы и их шаманы. — Возвращение в Россию.

В начале XIX века русские мореплаватели также стали совершать кругосветные путешествия. До этого времени их исследования ограничивались главным образом Азией, и из русских моряков известны были Беринг¹, Чириков², Шпанберг³, Лаксман⁴,

¹ Беринг Витус (1681 — 1741) — русский офицер, датчанин по рождению, участник 1-й и 2-й Камчатских экспедиций. Исследовал Камчатку, прошел проливом между Чукотским полуостровом и Аляской (позднее назван Беринговым проливом), достиг Северной Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды. Умер на обратном пути к Камчатке, на одном из Командорских островов, получившем его имя.

² Чириков Алексей Ильич (1703 — 1748) — русский путешественник, исследователь Сибири и Северо-Западной Америки, участник 1-й и 2-й Камчатских экспедиций. В последней экспедиции был помощником В. Беринга, а после гибели его стал одним из руководителей экспедиции, исследовал северо-западное побережье Америки и Алеутские острова.

³ Шпанберг Мартын Петрович (г. рожд. не извест. — 1761) — русский мореплаватель, выходец из Дании, участник 1-й и 2-й Камчатских экспедиций; руководил отрядом по изучению Курильских островов и Японии. Именно в результате его плаваний было окончательно установлено, что Азия отделена от Америки.

⁴ Лаксман Адам Кириллович; армейский поручик, родом из Финляндии. В 1792 году был отправлен из Охотска отцом, известным естествоиспытателем Эриком Лаксманом, с дипломатической миссией в Японию и добился открытия для русских судов порта Нагасаки — привилегии, которой пользовались до тех пор только голландцы.

Креницин¹ и Сарычев². Последний принимал деятельное участие в путешествии англичанина Биллингса³, которое продолжалось десять лет, потребовало значительных затрат, но не дало тех результатов, каких можно было от него ожидать.

Иван Федорович Крузенштерн (1770 – 1846) был первым русским путешественником, совершившим кругосветное плавание с научной целью, а также для установления торговых отношений с Японией.

В 1793 году Крузенштерна направили в Англию для прохождения практики на флоте, насчитывавшем тогда в своей среде самых искусных моряков мира. После шести лет этой суровой школы он вернулся на родину, в совершенстве овладев специаль-

¹ Креницин Петр Кузьмич (г. рожд. не изв. – 1770) – русский морской офицер. В 1764 – 1770 годах возглавлял правительственную экспедицию, положившую начало точным определениям географических координат Алеутских островов, по результатам которых была издана карта, которой, в частности, пользовался и Дж. Кук.

² Сарычев Гавриил Андреевич (1763 – 1831) – русский мореплаватель; географ и гидрограф; почетный член Петербургской академии наук (с 1809 г.); адмирал. В 1785 – 1794 годах был помощником Биллингса в экспедиции, исследовавшей северо-восток Азии и острова северной части Тихого океана. Провел опись Алеутских и некоторых других островов, примыкающих к Американскому континенту, дал характеристику их природы и населения, дал также краткое описание природы и населения посещенных им областей Восточной Сибири и Дальнего Востока. Книга «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» вышла в 1802 году (в 2-х частях), переиздана в 1952 году.

³ Биллингс Джозеф (Иосиф Иосифович, г. рожд. не изв. – 1806) – английский мореплаватель, участник 3-го кругосветного плавания капитана Дж. Кука, за которое произведен мичманом. Впоследствии поступил на русскую службу и в 1785 году, в чине капитан-лейтенанта, был поставлен в главе экспедиции, целью которой было изучение северо-восточных берегов Сибири и прилегающих акваторий Северного Ледовитого и Тихого океанов, включая расположенные недалеко от берегов острова. В результате работ экспедиции, продолжавшихся до 1792 года, описана большая часть берегов Охотского моря, Алеутских островов и американского побережья до острова Каян, а также открыт остров Святого Ионы. Описание своих путешествий Биллингс выпустил по-английски в 1802 году. В книге большое внимание – впервые в мировой литературе – уделялось описанию быта чукчей и географии их страны. Книга не раз переиздавалась и была переведена на немецкий, французский, итальянский языки. Русский перевод вышел в 1811 году. Он был выполнен соратником Биллингса – капитаном Сарычевым, которому принадлежала значительная часть открытий в Охотском море.

ИФ КРУЖЕНШТЕР

ностью и воодушевленный идеями о той роли, какую может играть Россия в Восточной Азии.

Во время двухлетнего пребывания в Кантоне, в 1798 — 1799 годах, Крузенштерн имел возможность наблюдать оживленную торговлю, которую вели в Китае английские купцы, привозившие пушнину с северо-западных берегов Русской Америки¹.

Торговля эта завязалась после третьего путешествия Кука, и англичане уже извлекли из нее огромные прибыли в ущерб русским купцам, прежде снабжавшим китайские рынки пушным товаром, доставленным по суше.

Впрочем, один русский предприниматель, по фамилии Шелехов, организовал в 1785 году торговую компанию, которая обосновалась на острове Кадьяк (в заливе Аляска), и стала быстро расширять свою деятельность. Правительство поняло тогда, какую выгоду оно может извлечь из своих далеких, ранее считавшихся бесплодными окраин, и направило через Сибирь на Камчатку военные подкрепления, продовольствие и строительные материалы.

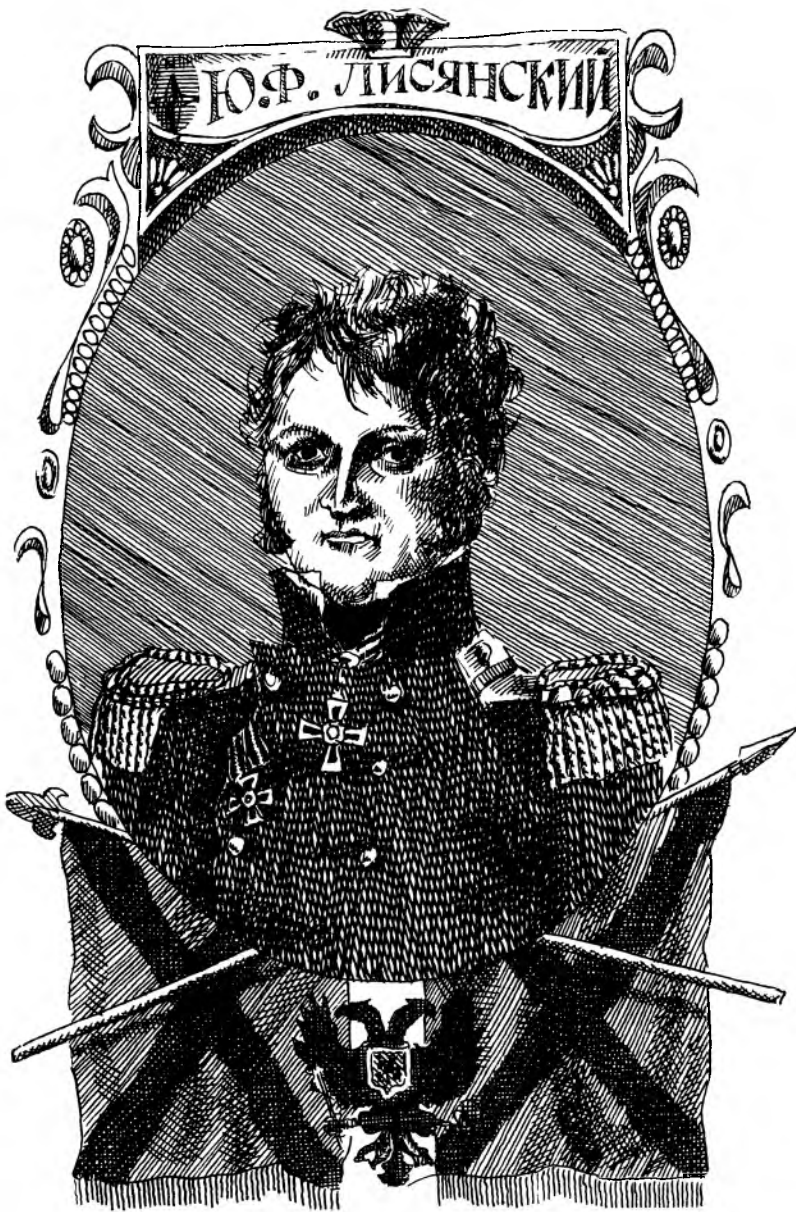
Крузенштерну, однако, было ясно, что эти подкрепления недостаточны, что штурманы русских кораблей неопытны, а морские карты ненадежны. Из-за неточности карт ежегодно гибло много судов. Не следует забывать и о порче мехов за время двухлетнего пути от Америки до Охотска, а оттуда до Кяхты².

Хотя лучшими идеями всегда бывают самые простые, но они приходят в голову в последнюю очередь. Крузенштерн первый доказал настоятельную необходимость установить прямую связь морем между Алеутскими островами — местом промысла — и Кантоном — самым важным рынком сбыта.

По возвращении в Россию Крузенштерн попытался заинтересовать своими идеями графа Кушелева, морского министра, но получил от него совершенно обескураживающий ответ. Только после воцарения Александра I, когда на пост морского министра вступил адмирал Мордвинов, у Крузенштерна появились какие-то надежды.

¹ Русская Америка. — Так назывались поселения русских промышленников на Алеутских островах, а также на островах Кадьяк и Афогнак, основанные в конце XVIII века стараниями сибирского купца Григория Ивановича Шелехова (1747 — 1795). Позднее появились селения и на самом материке.

² Кяхта — поселок на тогдашней русско-китайской границе, через который велась вся торговля между двумя странами.

Вскоре, по совету министра коммерции графа Румянцева, император поручил Крузенштерну самому привести в исполнение предложенные им проекты. 7 августа 1802 года его назначили командиром двух судов, которым предстояло исследовать северо-западные берега Америки.

Но пока что был назначен только начальник экспедиции; офицеры и матросы не были подобраны, а что касается судов, то от мысли найти их в пределах России пришлось отказаться. Не оказалось подходящих и в Гамбурге. Только в Лондоне капитан-лейтенанту Юрию Лисянскому¹, будущему помощнику Крузенштерна, и кораблестроителю Разумову удалось подыскать два корабля, признанных ими более или менее соответствующими своему назначению. Они были названы «Надежда» и «Нева».

Правительство решило воспользоваться случаем, чтобы направить в Японию посла, Н. П. Резанова², с многочисленной свитой и великолепными подарками для японского государя.

Седьмого августа 1803 года³ оба корабля, полностью загруженные и имевшие на борту 134 человека, покинули Кронштадтский рейд. Они ненадолго остановились в Копенгагене и в Фалмуте, чтобы заменить часть купленной в Гамбурге солонины и про-

¹ Лисянский Юрий Федорович (1773 – 1837) – русский мореплаватель. В кругосветное путешествие отправился в чине капитан-лейтенанта. И. Ф. Крузенштерн в своей книге дает такую характеристику Лисянскому: «Отличный морской офицер, служивший со мною вместе во время последней войны в английском флоте и уже бывавший в Америке и Ост-Индии». Во время кругосветного плавания собрал богатые материалы по океанографии и этнографии. Описание плавания («Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле “Нева” с приложением карт и рисунков», в 2 т., 1812; в переработанном виде переиздано Географгизом в 1947 году) считается классическим трудом в русской географической литературе.

² Резанов Николай Петрович (1764 – 1806) – русский государственный деятель и писатель. Был правителем канцелярии у Г. Р. Державина, затем – обер-секретарем Сената, потом был послан в Восточную Сибирь «для заведения морского дела и упорядочения судостроения», потом в Санкт-Петербурге заведовал делами Российско-американской компании. В 1803 году был назначен «чрезвычайным к японскому двору посланником» и пожалован камергером и орденом Святой Анны 1-й степени. Официально считался главой кругосветной экспедиции. Умер в Сибири, на обратном пути в Санкт-Петербург. Современному читателю известен как герой поэмы Андрея Вознесенского «Юнона и Авось» и одноименного музыкального спектакля в московском театре «Ленком».

³ Здесь и далее, в описании путешествия И. Ф. Крузенштерна, даты приводятся по новому стилю – как и в книге мореплавателя.

конопатить «Надежду», швы которой разошлись во время бури, застигнувшей экспедицию в Северном море.

После краткой остановки на Канарских островах Крузенштерн тщетно искал, как это делал до него Лаперуз, мифический остров Ассенцао, о существовании которого шел спор в течение трехсот лет. Затем Крузенштерн направился к Южной Америке и занялся поисками мыса Фриу, но при всем желании не мог установить его местоположение, так как самые новейшие описания и карты давали различные определения, колебавшиеся от 23°06' до 22°34' южной широты. Очугившись в виду берегов Бразилии, он прошел между островами Гал и Альваредо¹ (Лаперуз ошибочно указал, что этот пролив опасен для плавания) и 21 декабря 1803 года пристал к острову Санта-Катарина. Необходимость сменить на «Неве» грот-мачту и фок-мачту вынудила Крузенштерна задержаться здесь на пять недель. Португальские власти оказали ему очень радушный прием.

Четвертого февраля оба корабля возобновили свой путь. Они были готовы к тому, чтобы встретить опасности Южного моря и обогнуть мыс Горн — ужас мореплавателей.

До широты Земли Штатов (остров Эстадос) погода все время стояла хорошая, но затем налетели жестокие шквалы с градом и снегом, которые сменились густыми туманами, сопровождавшимися крупной зыбью. Все это сильно затрудняло ход кораблей. 24 марта неподалеку от западного входа в Магелланов пролив корабли в густом тумане потеряли друг друга из виду. Им удалось снова встретиться лишь на острове Нукухива.

Отказавшись от мысли пристать к острову Пасхи, Крузенштерн достиг Маркизских, или Мендосовых, островов² и определил положение островов Фату-Хуку и Уа-Хука, которые были названы островами Вашингтона открывшим их в 1791 году американским капитаном Инграмом³. Инграм открыл их на несколько

¹ Так у И. Ф. Крузенштерна; на современных картах остров называется Арворадо.

² Маркизские острова были открыты в 1595 году испанской экспедицией, которой командовал Альваро Менданья де Нейра, но фактическим руководителем был португальский мореплаватель на испанской службе Педро Эрнандес де Кирос (Кирош). Названы они в честь вице-короля Перу маркиза Мендосы (см. том «Открытие Земли» в нашем собрании сочинений). И. Ф. Крузенштерн называет Маркизские острова Мендосовыми.

³ Инграм был капитаном торгового судна «Надежда» из Бостона.

недель раньше капитана Маршана¹, давшего им название островов Революции. Крузенштерн посетил остров Хива-Оа (Доминика) и встретил на острове Нукухива двух европейцев — англичанина, по фамилии Робертс, и француза Кабри, которые оказали ему большую помощь благодаря знанию местного языка.

Во время этой стоянки не произошло никаких сколько-нибудь примечательных событий. В своем описании островов Крузенштерн во многом повторил то, что уже было сообщено Куком — те же подробности о нравах и поведении островитян, их познаниях в сельском хозяйстве, жадности к изделиям из железа и т. п.

Из наблюдений, сделанных Крузенштерном, следует привести описание многочисленных групп, во главе которых стояли вожди или их родственники, жрецы и выдающиеся военачальники, обязанные кормить своих подданных в голодные времена.

«Сочлены сих сообществ, — рассказывает Крузенштерн, — различаются одни от других разными знаками, насеченными на их теле. Так, например, принадлежащие к сообществу короля, коих числом двадцать шесть, имеют на груди четырехугольник, длиною в 6, а шириною в 4 дюйма. Англичанин Робертс есть член сего сообщества... Робертс уверял меня, что он никогда бы не вступил в такое сообщество, если бы не принудил его к тому крайний голод. Сие уверение, по-видимому, столь противоречащее существу вещи (ибо принадлежащие к таким сообществам не только обеспечены в рассуждении их пропитания, но и, по признанию самого Робертса, пользуются отличием, о приобретении коего стараются многие), возбудило во мне подозрение и заставило думать, не сопряжено ли такое отличие с некоторой потерей естественной свободы?»*

Ознакомление с окрестностями порта Анна-Мария², где бросили якорь русские корабли, повело к открытию бухты Чича-

¹ Маршан командовал корветом «Солид».

Выдержки из отчетов русских путешественников приводятся по первым изданиям. (Ред.) [Примечания, помеченные *, даны редактором деттизовского издания.]

² Порт Анна-Мария (у Крузенштерна: порт Анны Марии), на туземном наречии Тайо-Гоа, располагался на южном побережье Нукухивы. Назван так в 1792 году капитаном английского торгового судна «Дедал» Хергестом, который был убит на Гавайских островах. В его честь британцы некоторое время называли Маркизские острова Хергестовыми. Позднее о путешественнике напоминал маленький остров, теперь это — Моту-Ити.

гова; вход в нее, правда, труден, но она так хорошо защищена сушей, что самая сильная буря не вызывает в ней никакого волнения.

Во время посещения Крузеншгерном Нукухивы там еще процветало людоедство. Однако путешественник нигде не упоминает о том, что он сам являлся очевидцем каннибальских пиршеств.

В общем Крузеншгерну был оказан ласковый прием местным вождем, который, по-видимому, не обладал большой властью над туземцами.

Русский мореплаватель признается, что вынес бы об островитянах благоприятное впечатление, если бы не встретил двух европейцев, чьи компетентные и объективные свидетельства полностью совпадали.

«В обращении с нами, — рассказывает он, — оказывали они [нукухивцы] всегда добросердечие. При мне были столько честны, что отдавали нам каждый раз кокосовые орехи прежде получения за оные по условию кусков железа. К рубке дров и налитию бочек водой предлагали всегда свои услуги... Общее всем островитянам сего океана воровство примечали мы редко. Они казались всегда довольными и веселыми. Открытые черты лица их изображали добродушие... Англичанин и француз, обращавшиеся с ними многие годы, согласно утверждали, что нукухивцы имеют жестокие обычаи; что веселый нрав их и лицо, изъявляющее добродушие, не соответствуют нисколько действительным их свойствам, что один страх наказания и надежда на получение выгод удерживают их страсти, которые, впрочем, свирепы и необузданны. Европейцы сии, как очевидные тому свидетели, рассказывали нам со всеми подробностями, с каким остервенением нападают они во время войны на свою добычу, с какой поспешностью отделяют от трупа голову, с какой жадностью высасывают кровь из черепа и совершают, наконец, мерзкий свой пир... Долго не хотел я тому верить, все желал еще сомневаться в истине сих рассказов. Но, во-первых, известия сии единообразно сообщены нам от двух, не согласных между собой и разных земель, иностранцев, которые долго между ними живут и всему были не только очевидцы, но даже участники... Во-вторых, рассказы их согласовывались с теми признаками, которые сами мы во время краткого пребывания своего приметить могли, ибо нукухивцы ежедневно предлагали нам в меню человечьи головы, также оружие, украшенное человеческими волосами, и домашнюю посуду, убранную

людскими костями; сверх сего движениями и знаками часто изъясняли нам, что человеческое мясо почитают они вкуснейшим яством».

Эти рассказы следует считать преувеличенными. Истина должна находиться где-то посередине между оптимистическими описаниями Кука и Форстера и утверждениями двух упомянутых европейцев, из которых, во всяком случае, один, бывший дезертиром, заслуживал мало доверия.

А сами мы до того, как достигли высокого уровня цивилизации, на котором теперь находимся, не прошли ли мы все ступени той же лестницы? В эпоху каменного века отличались ли наши нравы от нравов первобытных жителей Океании?

Не станем же упрекать этих представителей человечества за то, что они не могли достичь более высокой ступени развития. Они никогда не представляли собой единого народа. Рассеянные среди безбрежного океана, разделенные на мелкие племена, не зная ни земледелия¹, ни полезных ископаемых, не имея связи с окружающим миром, ни в чем не нуждаясь — благодаря климату, в котором они жили, — они неизбежно должны были остановиться в своем развитии, совершенствуя только отдельные второстепенные области искусства и ремесел. И все же сколько раз их ткани, инструменты, лодки, сети приводили в восхищение путешественников!

Восемнадцатого мая 1804 года «Надежда» и «Нева» покинули Нукухиву и направились к Сандвичевым (Гавайским) островам, где Крузенштерн решил остановиться, чтобы запастись свежей провизией. Сделать это на Нукухиве он не мог, так как достал там только семь свиней.

Но его надежды были обмануты. Когда корабли легли в дрейф у юго-западного берега острова Гавайи, туземцы привезли очень мало продуктов. К тому же в обмен они не хотели ничего другого, кроме сукна, которым Крузенштерн не мог их снабдить. Он сразу же пустился в дальнейший путь к Камчатке и Японии,

¹ Ж. Верн несправедлив к островитянам. Земледелие на Нукухиве существовало, хотя и на очень низкой ступени развития. Это было мотыжное земледелие. Судя по записям И. Ф. Крузенштерна, островитяне выращивали таро (корнеплоды из семейства однодольных растений семейства ароидных), ямс (он же — иньям; из семейства диоскорейных), сахарный тростник, бананы, кокосовую пальму и хлебное дерево.

оставив «Неву» у деревни Кеалакекуа, где капитан Лисянский рассчитывал раздобыть продовольствие.

Четырнадцатого июля «Надежда» входила в порт Петропавловска, главного города Камчатки; команду ожидали там свежая провизия и заслуженный отдых. 30 августа «Надежда» снова вышла в море и направилась в японский порт Нагасаки.

Встреченный густыми туманами и штормами, Крузенштерн вновь безуспешно пытался разыскать несколько островов, которые были обозначены на карте, найденной на борту захваченного Ансоном испанского галиона;¹ существование этих островов картографами то признавалось, то отвергалось.

Затем «Надежда» миновала плохо изученный пролив Вандимена (Осуми) между островами Кюсю и Танегасима. Уточнив положение Ликейских островов (Рюкю), которые, по мнению англичан, находились к северу от пролива Вандимена, а по мнению французов — гораздо южнее, Крузенштерн занялся гидрографической съемкой берегов провинции Сацумо, вдоль которой он теперь шел.

«Сия часть берега, — рассказывает Крузенштерн, — весьма приятна. Мы, плыв от одного в недалеком расстоянии, могли видеть все совершенно ясно и любовались прекраснейшими видами... Частая и скорая перемена в положении корабля представляла взору нашему непрерывные новые картины. Весь берег состоит из высоких холмов, имеющих вид то купола, то пирамиды, то обелиска, и охраняемых, так сказать, тремя облегающими высокими горами. Роскошная природа украсила великолепно сию страну, но трудолюбие японцев превзошло, кажется, и самую природу. Возделывание земли, виденное нами повсюду, чрезвычайно и бесподобно. Обработанные неутомимыми руками долины не могли бы одни возбудить удивление в людях, знающих европейское настоящее земледелие, но, увидев не только горы до их остроконечных вершин, но и вершины каменных холмов, составляющих край берега, покрытые прекраснейшими нивами и растеньями, нельзя было не удивляться... Темно-серый мрачный цвет каменистого вещества, служащего оным основанием, в противо-

¹ Галион — торговое судно, применявшееся испанцами для сообщения с Америкой, в частности для перевозки золота и серебра с рудников Нового Света. Галионы были остойчивее других типов океанских кораблей, но зато отличались неуклюжестью при маневрировании и невысокой скоростью.

положность с плодоносными вершинами, представлял такой вид, который был бы для нас совершенно новым. Другой предмет, обративший на себя наше внимание, была аллея, состоявшая из высоких деревьев и простирающаяся вдоль берега через горы и долины, пока достигало зрение. В некотором между собою расстоянии видны были беседки, вероятно служащие местами для отдохновения пешеходцев. Нельзя, кажется, иметь более попечения об удобности прохожих. Аллеи должны быть в Японии необыкновенны. Мы видели одну подобную сей в близости Нагасаки, также и на острове Меак-Сима».

Как только «Надежда» стала на якорь у входа в бухту Нагасаки, на борту корабля появились многочисленные «даймё»¹, передавшие Крузенштерну приказ не приближаться к берегу. Хотя русские были осведомлены о политике изоляции, которой придерживалось японское правительство, они все же не рассчитывали встретить такой оскорбительный прием, имея на борту посла России, соседней с Японией могущественной державы. Мореплаватели надеялись также, что им будет предоставлена относительная свобода и они смогут ею воспользоваться для сбора сведений об этой в то время столь малоизвестной стране, о которой голландцы — представители единственного государства, имевшие в нее доступ, — считали своим долгом хранить полное молчание. Но гости из России обманулись в своих ожиданиях. Не добившись тех привилегий, которыми пользовались голландцы, русские моряки во время своего пребывания у берегов Японии находились под тщательным и унижительным надзором и даже были задержаны в качестве пленных.

Хотя послу разрешили сойти на берег с вооруженной охраной — неслыханная, беспримерная льгота, — матросы не могли покидать на шлюпках свой корабль. Когда им позволили высаживаться на берег, то небольшое пространство, отведенное для их прогулок, огородили высоким частоколом и охраняли двумя военными отрядами.

¹ Ошибка Ж. Верна. «Даймё» означает по-японски крупного феодала, князя. В книге И. Ф. Крузенштерна оно заменяется русским словом «князь». Между тем здесь речь идет о мелких чиновниках. Мореплаватель пишет: «Для принятия подарков только и выгружения корабельной провизии присылаемы были толмачи нижнего разряда» («Путешествие вокруг света». М., 1950, с. 119). Потом появились и чиновники. Путешественник называет их «баниосы», прибавляя: «Чины их сами по себе весьма малозначащи» (там же, с. 124).

Запрещение посылать письма в Европу через Батавию¹, запрещение общаться с капитанами голландских судов, запрещение послу покидать отведенный ему дом, запрещение... Это слово лаконически характеризует не слишком сердечный прием, оказанный японцами.

Крузенштерн воспользовался длительной стоянкой в бухте Нагасаки для того, чтобы полностью разоружить свой корабль и произвести необходимые починки. Работа подходила к концу, когда японские чиновники сообщили Резанову о прибытии императорского посланца, носившего столь высокий сан, что, по словам переводчиков, «он удаивался лицезреть ноги его императорского величества».

Эта знатная особа начала с того, что заявила об отказе от царских подарков под тем предлогом, что император вынужден был бы отправить посольство с ответными подарками, а это противоречит обычаям страны; затем было объявлено строжайшее запрещение какому бы то ни было русскому судну заходить в японские порты и категорическое предписание, чтобы русские моряки ничего не покупали. Но одновременно посланец сообщил, что японский император принимает на себя стоимость всех материалов, доставленных для ремонта судна, и всего продовольствия, которым русских снабдили до этого дня. Попутно он осведомился, скоро ли окончится починка «Надежды». Крузенштерн понял намек с полуслова и ускорил приготовления к отплытию.

Поистине не с чем было поздравлять себя, прождав здесь с октября до апреля и получив наконец подобный ответ! Одна из задач, поставленных правительством, не только не была достигнута, но, напротив, ни один русский корабль не мог больше пристать в японском порту. Недальновидная, внушенная подозрительностью политика, на полстолетия задержавшая экономический расцвет Японии!

Семнадцатого апреля «Надежда» снялась с якоря и приступила к гидрографическим исследованиям, давшим весьма успешные результаты. До Крузенштерна только Лаперуз изучал моря, простирающиеся между Японией и Азиатским материком. Русский мореплаватель стремился связать свои исследования с работами

¹ Батавия – так в колониальные времена называлась столица современной Индонезии город Джакарта.

предшественника и восполнить пробелы, которые за недостатком времени Лаперузу пришлось оставить в описании этих морей.

«Намерение мое состояло, — пишет Крузенштерн, — в следующем: обозреть юго-западный и северо-западный берег Японии и определить пролив Сангарский¹, которого ширина по всем лучшим картам (как-то: Арро-Смита² и находящейся в атласе Лаперузова путешествия) составляет более ста миль, но японцы полагают одну только голландскую милю³, исследовать западный берег острова Иессо⁴, отыскать остров Карафуго⁵, который, по японским картам, должен находиться между Иессо и Сахалином и которого существование казалось мне весьма вероятным; описать с точностью сей пролив и исследовать остров Сахалин от мыса Крильон до северо-западного берега, откуда, если найдется там хорошее якорное место, намерен я был послать баркас в канал, разделяющий Сахалин от Татарии, дабы действительно увериться, возможен ли или нет проход оным... Наконец, пройти новым проливом между Курильскими островами севернее канала Бусоли».

Этот тщательно разработанный Крузенштерном план был почти полностью осуществлен. Ему не удалось лишь исследовать западный берег Японии и Сангарский пролив, а также пролив, отделяющий остров Сахалин от материка. Задачу довести до конца эту важную работу русскому мореплавателю поневоле пришлось оставить на долю последующих путешественников⁶.

¹ Современное название пролива — Цугару; он разделяет острова Хонсю и Хоккайдо.

² Арро-Смит — имеется в виду крупный английский географ и картограф Арон Эрроусмит (1750 — 1823), издавший свыше 130 атласов и детальных карт. Самые известные из них — карта мира с подробнейшим объяснительным томом (1794), карта Северной Америки (1796), карта Тихого океана (1798), атлас Южной Индии (1822).

³ Голландская миля — в различных европейских государствах мили были неодинаковыми. Голландская (точнее — фламандская) миля соответствовала 6864 м.

⁴ Иессо (Иезо, Эзо) — старинные названия острова Хоккайдо.

⁵ Карафуго — остров, который на японских картах XVII — XVIII веков помещали к северу от Хоккайдо. Известен он был и по литературным источникам.

⁶ Вопреки утверждениям автора, И. Ф. Крузенштерн посчитал свою задачу выполненной. Продвигаясь к северу по Татарскому проливу, он встретил постоянное сужение берегов, уменьшение глубин и слабые течения. Руководствуясь наблюдениями французской экспедиции под начальством Лаперуза, российский мореплаватель заключил, что он находится в мелководном заливе, а предпола-

Крузенштерн вошел в Корейский пролив и установил, что долгота острова Цусима, по его определению, на 36 минут отличается от долготы, установленной Лаперузом. Русский путешественник пришел вместе с тем к одинаковому выводу с французским мореплавателем, отметив, что склонение магнитной стрелки в этом районе крайне незначительно. Так как местоположение Сангарского пролива, отделяющего Хоккайдо от Хонсю, было определено лишь приближенно, Крузенштерн решил уточнить его. Створ пролива между полуостровом Сангар (Таппи-Саки¹) на юге ($41^{\circ}16'30''$ северной широты и $219^{\circ}46'$ восточной долготы²) и мысом Надежды (Сираками-Саки) на севере ($41^{\circ}25'10''$ северной широты и $219^{\circ}50'30''$ восточной долготы³) имеет в ширину не больше десяти миль⁴. Между тем Лаперуз, который, не исследовав его, доверился карте голландского путешественника Фриза, указал ширину пролива в этом месте равной ста десяти милям. Поправка была существенная.

Крузенштерн не вошел в этот пролив. Он хотел проверить, существует ли в действительности остров Карафуту, Чока или Шиша, обозначенный между Иессо и Сахалином на карте, изданной в 1802 году в Петербурге и основывавшейся на карте, привезенной в Россию японцем Кода. Крузенштерн прошел на близком расстоянии вдоль берега Иессо, дал названия главнейшим мысам и заливам и ненадолго остановился у северной оконечности острова, у входа в пролив Лаперуза. Тут он узнал от японцев, что Сахалин и Карафуту — это один и тот же остров.

Десятого мая 1805 года, пристав у Иессо, Крузенштерн очень удивился, не обнаружив на берегу никаких признаков весны. На

гавшегося пролива между островом Сахалин и материком просто не существует. В своем суждении — как будет видно из дальнейшего изложения — капитан укрепился на следующий год, по окончании работ у северного входа в Татарский пролив. А вот работам у восточного побережья Сахалина действительно помешали льды.

¹ Саки — мыс (яп.).

² «Долгота места всегда считается от меридиана Гринвичской обсерватории», — пояснял свои определения И. Ф. Крузенштерн (Указ. соч., с. 1). Однако отсчет долгот велся иначе, чем в наши дни. Долгота мыса Таппи в современной системе отсчета составляет $140^{\circ}14'$ к востоку от Гринвичского меридиана.

³ Долгота мыса Сираками в современной системе отсчета координат составляет $140^{\circ}09'30''$ к востоку от Гринвича.

⁴ По указанным координатам можно вычислить ширину пролива: чуть меньше 9 морских миль.

деревьях не было листьев, местами еще лежал толстый слой снега; по мнению путешественника, такую низкую температуру в это время года можно было наблюдать на широте Архангельска. Объяснение этому явлению смогли дать лишь позже, когда лучше изучили направление холодного течения, которое идет из Берингова пролива вдоль Камчатки, Курильских островов и Иессо¹.

Во время этой короткой стоянки, а также остановки, сделанной Крузенштерном на Сахалине, он имел возможность наблюдать жизнь айнов² — народа, совершенно не похожего на японцев (во всяком случае, на тех из них, которые изменились под влиянием общения с Китаем) и, по-видимому, владевшего всем островом Иессо до того, как там обосновались японцы.

«Их рост, одеяние, образ лица и язык, — сообщает путешественник, — доказывают, что они одного происхождения [с сахалинцами], почему Де Фриз, капитан корабля Кастрикома, хотя и был в Аниве и Аткизе, но, не узнав пролива Лаперузова, мог остаться при мнении, что оба сии места находятся на одном и том же острове...

Айны среднего и все почти ровного роста, не выше 5 футов и 2 или 4 дюймов; цвет лица так темен, что близко подходит к черному, борода густая и большая, волосы черные и жесткие, висящие книзу... Женщины чрезвычайно безобразны: весьма темный цвет их, черные как уголь, через лицо висящие волосы, синие губы и насеченные на руках изображения при нечистом и неопрятном одеянии, не удобны к тому, чтобы они могли понравиться... Впрочем, надобно отдать им справедливость в том, что они чрезвычайно скромных нравов... Айны более всего отличаются добросердечием, изображающимся ясно в чертах лица их. Примеченные нами поступки их подтверждали то совершенно...

Одеяние айнов состоит по большей части из кож дворовых собак и тюленей. Я видел некоторых, однако в другом платье, подобном камчадальской парке, которая не иное что есть, как про-

¹ Течение это современные океанологи называют сначала Камчатским, а потом Курильским (японское название — Оя-сио).

² Айны — коренные жители Сахалина; в отдаленные времена населяли и север острова Хоккайдо. В современной этнографии рассматриваются как часть нанайцев, народности, живущей в Приамурье, Приморье и на Сахалине. Общая численность нанайцев составляет около 16 тыс. человек, в том числе 12 — в Российской Федерации.

сторная рубашка, надеваемая сверху на нижнее платье. Жители берега Анивы одеты были все в шубы. Сапоги свои делают они из кож тюленых. Женское платье вообще из оных же».

Миновав пролив Лаперуза, Крузенштерн остановился в заливе Анива на острове Сахалин. Там было столько рыбы, что для чистки и сушки ее две японские фактории занимали свыше четырехсот айнов. Здесь не ловили рыбу сетями, а просто черпали ведрами во время отлива.

Затем русские мореплаватели произвели съемку залива Терпения, который раньше был лишь частично исследован голландцем Де Фризом; в глубине залива в него впадает река, названная Крузенштерном Невой. Прервав обследование берегов Сахалина, русские моряки приступили к съемке Курильских островов, положение которых было ранее определено недостаточно точно. 5 июня 1805 года «Надежда» возвратилась в Петропавловск, где высадила на берег посла и его свиту.

В июле, пройдя пролив Надежды между Матуа и Распуа, двумя из Курильских островов, Крузенштерн возобновил съемку восточного берега Сахалина, вблизи мыса Терпения. Прилегающая к нему местность с холмами, покрытыми зеленой травой и низкорослыми деревьями, и побережьем, окаймленным кустарником, имела довольно живописный вид. Дальше от берега взору представлялась унылая цепь высоких гор.

Путешественник прошел на своем корабле вдоль всего пустынного, не имеющего гаваней берега до мысов Марии и Елизаветы¹. Между ними простирается большая бухта, в глубине которой расположена маленькая деревня из двадцати семи домов — единственное поселение, увиденное русскими моряками после того, как они покинули бухту Анива. Деревня была населена не айнами, а гиляками².

¹ Мыс Елизаветы — крайняя северная оконечность Сахалина.

² Гиляки — название, широко употреблявшееся до начала 1930 годов по отношению к нивхам. Название было образовано от тунгусо-маньчжурского «гилагела» («большая лодка»). Прямые потомки древнейшего населения Сахалина и низовой Амура. Современная численность — около 4,6 тыс. человек. Сильно перемешались с окружающими народами и народностями, в том числе — с айнами. В XX веке этноним «гиляки» стал пониматься как несущий оскорбительный смысл, и представители этой народности стали называть себя нивхами (точнее — нивхгу — от *нивх*, «человек»).

После этого Крузенштерн вошел в пролив, который отделяет Сахалин от материка; но едва он оказался на расстоянии пяти миль от входа, как лот показал в средней части пролива глубину всего в шесть морских саженей¹. Нечего было и думать о том, чтобы двигаться дальше. Капитан отдал приказ лечь в дрейф, и от корабля отвалил баркас, который получил задание обследовать фарватер пролива, двигаясь от берега к берегу до тех пор, пока глубина окажется менее трех саженей. Баркасу пришлось бороться против очень сильного течения, идущего с юга, так что плавание было крайне тяжелым; это течение приписывают не без основания реке Амур, устье которой находится не вдалеке².

Помня совет губернатора Камчатки не приближаться к берегам Татарии, подвластной Китаю, чтобы не возбуждать недоверия и подозрительности этой державы, Крузенштерн отказался от продолжения съемки. Пройдя еще раз вдоль цепи Курильских островов, «Надежда» вернулась в Петропавловск.

Начальник экспедиции воспользовался пребыванием в этом порту для того, чтобы произвести необходимый ремонт своего судна и чтобы восстановить памятник капитану Кларку, принявшему после смерти Кука начальство над его последней экспедицией, и Делию де ла Кройеру, французскому астроному, спутнику Беринга в 1741 году.

Во время последней стоянки Крузенштерн получил собственноручное письмо русского императора, который, в знак удовлетворения его работой, прислал ему орден Святой Анны.

Четвертого октября 1805 года «Надежда» двинулась наконец в обратный путь, в Европу, следуя вдоль восточного побережья Ку-

¹ Морская сажень — в русском парусном флоте равнялась шести футам, или 2,57 аршина (вместо обычной меры длины — трехаршинной сажени), что эквивалентно 182,8 см.

² «По окончании нашего исследования Сахалина уверился я точно, что к югу от устья Амура не может быть прохода между Татариею и Сахалином, в чем согласны со мною и все прочие, на корабле бывшие и могшие судить о сем» (И. Ф. Крузенштерн. Указ. соч., с. 205). Такое категоричное заключение знаменитого мореплавателя почти полвека никем не оспаривалось и вывело район устья Амура из орбиты географических исследований, пока в 1849 году будущий адмирал Геннадий Иванович Невельской не начал подробное изучение этого района и не открыл узкий пролив, впоследствии названный его именем; этот пролив соединяет Амурский лиман с южной частью Татарского пролива.

рильских и Японских островов, и затем, пройдя пролив Баши¹, она вошла 21 ноября в гавань Макао (Аомынь). Крузенштерн очень удивился, не застав там «Невы», которая, согласно его инструкции, должна была доставить с Кадьяка груз мехов; на вырученные от их продажи деньги он предполагал закупить китайские товары; Крузенштерн решил ждать «Неву».

Макао явил взорам путешественников картину былого величия.

«Обширные здания, — говорится в отчете, — на пространных местах, окружаемые великими дворами и садами, по большей части пусты. Число живущих здесь португальцев весьма уменьшилось. Лучшие дома частных людей принадлежат сочленам факторий голландцев и англичан... В Макао считается от 12 до 15 тысяч жителей, из коих большую часть составляют китайцы, умножившиеся в сем городе столько, что выключая монахов и монахинь редко увидеть можно европейца на улице. “У нас более монахов, нежели воинов” — сказал мне один из здешних граждан, и сие было совершенно справедливо. Число здешних солдат не превосходит 150, между коими нет ни одного европейца. Все вообще макаоские и гоаские мулаты, даже и офицеры, не все из европейцев. С таким малым гарнизоном трудно защищать четыре великие крепости».

В ту минуту, когда «Надежда» собиралась сняться с якоря, появилась наконец «Нева». Это произошло 3 ноября. Оба корабля направились к острову Вампоа, лежащему перед устьем Жемчужной реки (Чжуцзян), близ Гуанчжоу (Кантона). После многочисленных, отнявших уйму времени проволочек, которые Крузенштерну удалось преодолеть благодаря твердой, но примирительной тактике, а также посредничеству английских купцов, доставленная партия пушного товара была там выгодно продана.

Девятого февраля 1806 года снова соединившиеся «Надежда» и «Нева» снялись с якоря и вместе двинулись через Зондский пролив. Пройдя Индийский океан, они в темноте опять потеряли друг друга, и до конца путешествия им больше не пришлось встретиться. 4 мая, после пятидесяти шести дней плавания от

¹ Баши — расположен в Тихом океане между Тайванем и филиппинским архипелагом Батан.

Зондского пролива и семидесяти девяти дней от Макао, «Надежда» стала на якорь в бухте Святой Елены.

«Кроме острова Святой Елены, — сообщает Крузенштерн, — неизвестно мне ни одно лучшее место для получения свежих потребностей по долговременном плавании. Рейд совершенно безопасен и удобнее, нежели в заливе Саймонс и Столовой бухте у мыса Доброй Надежды. Вход, если с осторожностью держаться к берегу, весьма легок, а при отходе нужно только поднять якорь и поставить паруса, чтобы выйти в море. Здесь довольно всякого рода жизненных потребностей, а особливо наилучшего овоща. В два или три дня можно запастись всем достаточно».

Отплыв 21 апреля, Крузенштерн прошел между Шетландскими и Оркнейскими островами, чтобы избежать Ла-Манша, где можно было встретить французских корсаров, и после благополучного плавания 7 августа 1806 года возвратился в Кронштадт.

Путешествие Крузенштерна хотя и не может быть поставлено в один ряд с путешествиями Кука и Лаперуза, представляет все же значительный интерес. Мы не обязаны этому мореплавателю каким-либо важным открытием¹, но он проверил и уточнил от-

¹ Имея в виду открытие новых земель, автор принижает значимость первого кругосветного путешествия под Андреевским флагом, хотя и здесь он не прав: русские моряки нанесли на карту 16 островов в Тихом океане и Японском море, одновременно сняв вопрос о существовании нескольких мифических земель. Здесь уместно привести развернутую оценку кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, данную одним из основателей отечественной науки об океане профессором Н. Н. Зубовым: «Первое русское кругосветное плавание ознаменовалось значительными географическими результатами. Оба корабля... все время старались располагать свои курсы либо так, чтобы пройти по еще не хоженным путям, либо так, чтобы пройти к сомнительным островам, показанным на старинных картах... Сравнительно незадолго до плавания был разработан способ определения долготы на кораблях по угловым расстояниям Луны от Солнца. Частые определения географических координат пунктов, посещения или увиденных участками экспедиции, являются большим вкладом в географическую науку... Кораблям удалось по разности счислимых и обсервованных мест определить направления и скорости морских течений во многих районах их плавания. На обоих кораблях велись непрерывные и тщательные метеорологические и океанологические наблюдения... На «Надежде»... был впервые использован для глубоководных исследований изобретенный в 1782 году термометр Сикса, предназначенный для измерения наибольшей и наименьшей температуры... Особое внимание было отведено наблюдениям состояния моря. В частности, тщательно описывались полосы и пятна взволнованного моря (сулои), создающиеся при встрече морских течений. Отмечалось также свечение моря, в то время еще недостаточно объясненное... Весьма интересны описания

крытия своих предшественников. В конце концов, роль путешественников XIX столетия чаще всего и должна была сводиться к этому, так как благодаря прогрессу науки на их долю оставалось завершение работ более ранних мореплавателей.

В кругосветном путешествии Крузенштерна сопровождал сын известного драматурга Аугуста Коцебу¹. Молодой Отто Коцебу

природы и быта населения... Книги Крузенштерна и Лисянского были переведены на иностранные языки и долгое время служили навигационными пособиями для кораблей, плавающих в Тихом океане» (*Зубов Н. Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, с. 153 — 154). Остается добавить, что отчеты обоих мореплавателей были изданы в Санкт-Петербурге: книга И. Ф. Крузенштерна «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях “Надежда” и “Нева”» вышла в трех томах в 1809 — 1812 годах (два первых тома были переизданы в 1950 году Географгизом), книга Ю. Ф. Лисянского «Путешествие в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле “Нева” с приложением атласа карт и рисунков» — в 1812 году (переиздана Географгизом в 1947 году). Кроме того, И. Ф. Крузенштерн издал «Атлас Южного океана», который на протяжении всего XIX века был ценнейшим руководством для плавания по Тихому океану.

¹ Коцебу Аугуст Фридрих Фердинанд фон (1761 — 1819) — популярнейший в свое время немецкий драматург и романист. Одно время был директором придворного театра в Вене, издавал в 1812 году газету «Русско-немецкий листок», а с 1803 года и до смерти — драматургический альманах. Кроме того, служил при петербургском губернаторе и в Остзейском крае, как называлась тогда северная часть Прибалтики; был русским генеральным консулом в Кёнигсберге, а с 1817 года стал официальным чиновником российского Министерства иностранных дел. Преследовал злыми насмешками молодежь за ее патриотизм, за мечты о свободе, почему и сделался вскоре самым непопулярным человеком в Германии, принужден был переселиться в Мангейм и там пал от кинжала немецкого студента Занда. Ходили слухи, что истинной причиной убийства было слишком тесное сотрудничество с русскими. Аугуст Коцебу относительно много путешествовал. Среди его странствий выделяются два. Первым было вынужденное путешествие в Сибирь. В 1800 году он был арестован на границе России, когда направлялся навестить сыновей, обучавшихся в Санкт-Петербурге; сослан в Сибирь, где успел написать короткую пьесу «Лейб-кучер Петра Великого». Сочинение попало на глаза императору Павлу, и автор был не только возвращен в русскую столицу, но и поставлен во главе столичного немецкого театра. Обстоятельства ареста и ссылки А. Коцебу описал в книге «Самый примечательный год моей жизни», изданной в 1801 году в Берлине. В 1803 — 1804 годах писатель путешествовал по Лифляндии, Франции и Италии, о чем оставил интересную книгу. Путешественниками были и два его сына (из трех). Об Отто (Оттоне) речь впереди, а младший сын, по-русски величавшийся Мавриkiem Евстафьевичем (1789 — 1861), плавал вокруг света с И. Ф. Крузенштерном, а в 1817 году совершил путешествие в Персию, содержательное описание которого вышло в 1819 году в Веймаре.

О.Е. КОЦЕБУ

(1787 – 1846), бывший в то время кадетом¹, быстро продвинулся по службе. Он имел чин лейтенанта, когда в 1815 году ему было вверено командование только что построенным и снаряженным на средства графа Н. П. Румянцева² бригам «Рюрик». Этот небольшой корабль³ имел всего двадцать семь членов экипажа и был вооружен двумя пушками. Коцебу получил задание исследовать наименее изученные области Океании и отыскать Северо-Восточный морской проход из Тихого в Атлантический океан⁴.

Коцебу вышел из Кронштадта 15 июля 1815 года⁵, сделал остановку в Копенгагене, затем в Плимуте и после очень тяжелого плавания 22 января 1816 года обогнул мыс Горн и вступил в Тихий океан. Следуя вдоль американского побережья, он зашел в Талькауано на чилийском берегу, после чего продолжал свой путь. 26 марта «Рюрик» миновал необитаемый островок Сала-и-Гомес⁶ и направился к острову Пасхи, где Коцебу надеялся встретить такой же дружелюбный прием, какой был оказан его предшественникам, Куку и Лаперузу. Но едва русские высадились на берег и смешались с толпой туземцев, наперебой предлагавших фрукты и съедобные корни, как их окружили со всех сторон и принялись с такой наглостью обворовывать, что пришлось пустить в ход оружие и как можно скорее вернуться на корабль, спа-

¹ В данном случае – выпускником морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге.

² Румянцев Николай Петрович (1754 – 1826) – старший сын графа фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского; русский государственный деятель и меценат. С 1801 года – министр коммерции, с 1807-го – министр иностранных дел, с 1809-го – канцлер. При известии о вступлении армии Наполеона в пределы России с ним случился апоплексический удар, в результате которого вельможа лишился слуха. Как меценат Н. П. Румянцев много сделал для отечественной истории; большая группа отечественных историков начала XIX века пользовалась его материальной поддержкой. На свои деньги Н. П. Румянцев напечатал целый ряд изданий, важнейшим из которых было «Собрание Государственных Грамот и Договоров». Не жалея денег, собирал книги. Его обширнейшая библиотека была завещана Москве и составила основу библиотеки Румянцевского музея, где, кроме того, выставлялись собранные графом произведения искусства. На собственные средства Н. П. Румянцев снарядил не только плавание О. Е. Коцебу, но и другие экспедиции (Гагемейстера, Корсаковского, Устинова и др.).

³ Водоизмещение «Рюрика» было всего 180 тонн.

⁴ Отто Евстафьевич Коцебу начал плавание капитан-лейтенантом.

⁵ Неточность: «Рюрик» покинул Кронштадт 30 (18) июля 1815 года.

⁶ Координаты острова: 26°27' южной широты, 105°20' западной долготы.

саясь от града камней. В течение кратковременного посещения острова русские моряки успели лишь заметить, что большое количество гигантских каменных статуй, которые Кук и Лаперуз видели, срисовали и измерили, теперь лежали опрокинутые.

Шестнадцатого апреля русский мореплаватель достиг острова Пукапука, названного Схоутеном Собачьим. Коцебу присвоил ему название Сомнительный, чтобы подчеркнуть расхождение между широтой, которую указывали для этого острова старинные мореплаватели, и той, которую он определил по своим собственным наблюдениям. По Коцебу, этот остров расположен на $14^{\circ}50'$ южной широты и $138^{\circ}47'$ западной долготы.

В последующие дни в северной части архипелага Туамоту был открыт необитаемый остров Румянцева (Тикеи), получивший свое название в честь инициатора экспедиции, и остров Спиридова с лагуной посредине, который является не чем иным, как атоллom Такапото в том же архипелаге Туамоту; затем была открыта цепь мелких островов Рюрика (Арутуа) и остров Крузенштерна (Тикехау).

Двадцать восьмого апреля «Рюрик» находился на траверзе предполагаемого местоположения островов Баумана, но поиски их оказались тщетными. По-видимому, это название было дано одной из групп островов, на которой русские моряки успели уже побывать раньше.

Как только прошли Опасный архипелаг (Туамоту), Коцебу направился к цепи островов, виденных в 1788 году Севером, который, не приставая к ним, дал им название Пенрин (Тонгарева). Мореплаватель определил центральные координаты этой группы островов ($9^{\circ}1'35''$ южной широты и $157^{\circ}44'32''$ западной долготы), похожих на Туамоту, очень низких, но тем не менее обитаемых.

Когда «Рюрик» очутился в пределах видимости, от берега отошла большая флотилия, и туземцы с пальмовой ветвью в руке, под размеренный шум весел, сопровождаемый глухим заунывным пением многочисленных певцов, стали приближаться к борту судна. Чтобы избежать какой-либо неожиданности, Коцебу велел, чтобы все пироги выстроились по одну сторону корабля, и сразу же с помощью веревки началась обменная торговля. Прибывшие туземцы предлагали перламутровые крючки в обмен на куски железа. Островитяне были совершенно голые, если не считать набедренной повязки, и отличались крепким телосложением и воинственным видом.

Туземцы, которые с самого начала были очень возбуждены, вскоре стали вести себя вызывающе. Они принялись беззастенчиво жульничать, а на протесты отвечали самыми неприкрытыми угрозами. Размахивая копьями над головой, они издавали воинственные крики и, казалось, подстрекали друг друга к падению.

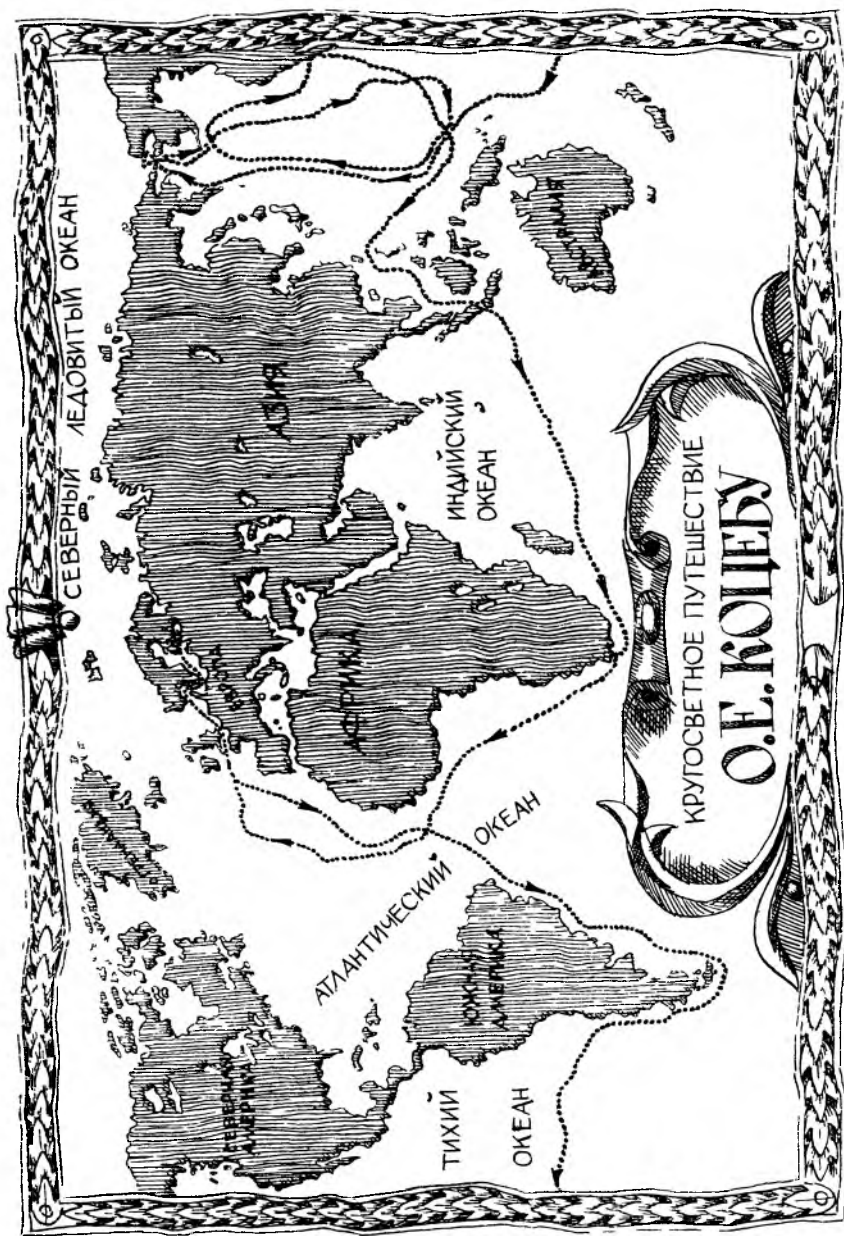
Когда Коцебу счел, что наступило время положить конец этим враждебным демонстрациям, он приказал дать холостой выстрел из ружья. В мгновение ока в пирогах не осталось ни одного человека. При звуке выстрела островитяне, не сговариваясь, дружно кинулись в воду. Вскоре головы вынырнувших пловцов показались на поверхности; несколько успокоившись после такого предупреждения, островитяне снова приступили к мене. Наибольшим успехом у пенринцев, по мнению Коцебу походивших на жителей Нукухивы, пользовались гвозди и куски железа. Хотя туземцы и не татуировались, все их тело было испещрено крупными шрамами.

У большинства островитян были очень длинные ногти, а у командиров пирог они выступали на семь сантиметров — изумительная мода, которой никто до тех пор не наблюдал у народов Океании.

Теперь корабль окружали тридцать шесть лодок; на них находилось триста шестьдесят человек. Рассудив, что с теми слабыми силами, какими он располагал, со столь малочисленным экипажем «Рюрика» всякая попытка высадиться на берег была бы неблагоприятной, Коцебу поднял паруса, так и не собрав больше никаких сведений об этих воинственных островитянах.

Продолжая путь к Камчатке, мореплаватель 21 мая обнаружил две группы островов, соединенных между собой цепью подводных коралловых рифов. Он назвал их островами Кутузова (Утирик) и Суворова (Така), определил их местоположение и решил позже вернуться и побывать на берегу. Туземцы на быстроходных пирогах приблизились к «Рюрику», но, несмотря на настойчивые приглашения русских, не решались подняться на палубу. Они с изумлением рассматривали корабль, с исключительной живостью, свидетельствовавшей об их уме, говорили о чем-то между собой и бросали на палубу плоды пандануса¹ и кокосовые орехи.

¹ Панданус — род однодольных древесных растений семейства пандановых, с длинными, узкими, по большей части зазубренными на краях листьями. На стволе у большинства растений образуются придаточные корни, растущие в землю (так называемые «ходульные корни»). Плоды некоторых панданусов съедобны, жилки листьев дают материал для плетения

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ
ОКЕАН

АТЛАНТИЧЕСКИЙ
ОКЕАН

ТИХИЙ
ОКЕАН

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

О.Е. КОЗУБЫ

Гладкие черные волосы, в которые были воткнуты цветы, украшения, свисавшие вокруг шеи, домотканая одежда, закрывавшая их от пояса до колен, а главное — открытое и ласковое выражение лиц отличали туземцев этих островов, относящихся к Маршаллову архипелагу, от жителей Пенрина.

Девятнадцатого июня «Рюрик» вошел в порт Петропавловск-Камчатке, и в течение двадцати восьми дней экипаж был занят починкой корабля. 15 июля Коцебу поднял паруса и спустя пять дней высадился на острове Беринга¹, для северной оконечности которого им были установлены следующие координаты: 55°17'18" северной широты и 164°54'23" западной долготы.

Туземцы, встреченные Коцебу на этом острове, носили, подобно жителям американского побережья, одежды из тюленьих шкур и моржовых кишок. Копья, которыми они пользовались, были снабжены наконечниками из зубов этих животных. Запасы провизии — китовое и тюленьё мясо — хранились в ямах, вырытых в земле. От очень грязных, покрытых шкурами хижин туземцев несло отвратительным запахом тухлого жира. У них были лодки из шкур, и они ездили на санях, запряженных собаками.

Их способ приветствия очень забавен: они трутся носами, затем каждый поглаживает себя рукой по животу, словно поздравляя себя с тем, что съел какой-то вкусный кусок; наконец, если они хотят кому-нибудь выразить большое почтение, они плюют себе на руки и натирают слюной лицо своего друга.

Продолжая идти вдоль берега Америки к северу, русский капитан открыл у выхода из Берингова пролива бухту Шишмарева², остров Сарычева и под конец — глубокий залив, о существовании которого раньше ничего не было известно. Коцебу надеялся, что в конце залива обнаружится проход, и через него ему удастся по-

¹ Островом Беринга Коцебу называет остров Укамок, открытый российским мореплавателем 2 августа 1741 года.

² Шишмарев Глеб Семенович был старшим офицером «Рюрика» в чине лейтенанта. Кроме этого плавания, Г. С. Шишмарев совершил кругосветное путешествие в 1819 — 1822 годах как капитан шлюпа «Благонамеренный», на котором в 1820 — 1821 годах принял участие в исследовании Берингова и Чукотского морей.

В этом плавании принял участие лейтенант М. П. Лазарев, написавший об этом книгу (издана в 1950 году).

пасть в полярные моря, но его ожидания не оправдались. Этот залив мореплаватель назвал своим именем, а мыс, расположенный у входа в него, — именем Крузенштерна.

Подгоняемый ветром, «Рюрик» повернул на юг и 6 сентября достиг Уналашки (Лисьи острова), остановился потом на несколько дней в Сан-Франциско и направился к Сандвичевым островам, где были произведены важные съемки и собран очень интересный научный материал.

Покинув этот архипелаг, Коцебу направился к островам Суворова и Кутузова, открытым им несколько месяцев назад. 1 января 1817 года¹ он увидел остров Меджит, которому дал название острова Нового года. Четыре дня спустя он открыл цепь низких лесистых островов, окруженных барьером из рифов, сквозь который корабль с трудом проложил себе путь.

При появлении шляпки под командой лейтенанта Шишмарева, туземцы убежали, но вскоре вернулись, держа в руке ветку дерева и крича «айдара» («друг»). Русский офицер повторил это же слово и подарил туземцам несколько гвоздей, в обмен на которые моряки получили ожерелья и цветы, украшавшие шеи и головы островитян.

После того как произошел обмен подарками, решили показать и остальные туземцы. В течение всего пребывания русских на этих островах они видели сердечные проявления дружбы, встречали подобный же восторженный, хотя и скромный прием. Один из туземцев, по имени Рарик, отнесся к русским исключительно приветливо; от него они узнали, что его остров, как и вся примыкающая цепь островков и атоллов, носит название Отдия.

Чтобы отблагодарить туземцев за сердечный прием, Коцебу оставил им петуха и курицу и посеял в огороде, который по его распоряжению возделали моряки, семена некоторых растений в надежде, что они здесь вызреют; но он не учел крыс, расплодившихся на этом острове и уничтоживших посевы.

От одного из вождей, по имени Лангедиак, Коцебу получил подробные сведения, доказавшие, что эта малонаселенная группа островов недавнего происхождения. 6 февраля он пустился в

¹ Открытие острова было сделано по григорианскому календарю; в России в то время официально применялся юлианский календарь («старый стиль»), в соответствии с которым атолл был открыт 20 декабря 1816 года.

дальнейшее плавание, дав открытому им архипелагу название островов Румянцева¹.

На следующий день группа из пятнадцати островков, на которых русские моряки встретили всего трех человек, получила название острова Чичагова (Эрикуб). Далее лежала цепь островов Аракчеева (Кавен), Траверсе² (Аур) и Крузенштерна (Аилук). На первом из этих архипелагов Коцебу встретил со стороны «тамона», или вождя, более чем дружеский прием. Все торжественно отмечали появление гостей: одни молчанием — как та «королева», которой этикет запрещал отвечать на обращенные к ней слова, — другие танцами, криками и песнями, где часто повторялось имя «Тотабу» («Коцебу»). Сам вождь, приехав за Коцебу в пироге, нес его на плечах до берега, к которому лодка не могла пристать.

На островах Траверсе русский мореплаватель заметил в толпе туземцев, взобравшихся на палубу корабля, двух островитян, чьи лица и татуировка говорили о том, что они чужемцы. Один из них, по имени Каду, особенно понравился командиру, подарившему ему несколько кусков железа. Коцебу был удивлен, что тот не проявил такой радости, как его товарищи. Объяснение этому он получил в тот же вечер.

Когда все островитяне покидали корабль, Каду настойчиво попросил у Коцебу разрешения остаться на «Рюрике» и больше не

¹ Этот архипелаг не следует путать с упоминавшимся ранее островом Румянцева (Тикие) в архипелаге Туамоту.

² Траверсе Жан-Батист (в русской традиции — Иван Иванович, 1754 — 1831) — французский эмигрант, приехавший в Россию по приглашению Екатерины II в 1791 году. Один из лучших морских офицеров на родине, он и в эмиграции занялся любимым делом. Сначала был назначен командиром галерного флота на Балтике, потом, в 1802 году, уже в звании полного адмирала, стал командующим Черноморским флотом и состоял в этой должности до 1809 года. Одновременно был военным губернатором Николаева и Херсона. Способствовал строительству новых боевых кораблей и переоснащению старых, а также возведению береговых укреплений, в том числе — в Севастополе. С 1811 по 1828 год был морским министром России. На этом посту придавал огромное значение дальним океанским плаваниям россиян. Никогда прежде отечественные мореходы не совершали столько кругосветных плаваний. Траверсе стоял у истоков экспедиций Головина, Коцебу, Литке, Анжу, Врангеля, Беллинсгаузена и Лазарева. Когда в 1820 году тяжелобольной Траверсе попросился в отставку, Александр I не принял ее и распорядился о переводе министерства в подаренное Ивану Ивановичу имение Романщина, за 120 верст от Петербурга.

возвращаться на Аур. Командир уступил этим настояниям очень неохотно.

«...Каду, — рассказывает Коцебу, — обратился к своим товарищам, его ожидавшим, и объявил им решимость свою остаться на корабле... Удивление, произведенное тем на всех лодках, превосходит всякое описание; тщетно туземцы старались отвлечь его от принятого намерения; он пребывал непоколебим; наконец возвратился еще раз друг его Эдок, говорил с ним весьма долго и с жаром, а когда увидел, что все убеждения его остались безуспешными, то хотел увести его насильственным образом; но тут Каду оттолкнул от себя друга своего, после чего лодки отвалили... Я велел... постлать ему постель подле меня... Каду вманил себе в большую честь, что положили его подле тамона корабля».

Уроженец одного из Каролинских островов, расположенного на расстоянии свыше трехсот лье¹ от архипелага, где он теперь жил, Каду вместе с Эдоком и еще двумя земляками был застигнут во время рыбной ловли сильной бурей. В течение восьми месяцев несчастные находились в море, то спокойном, то разъяренном, увлекаемые ветрами и течениями. Все это время они не испытывали недостатка в рыбе, но жажда жестоко терзала их. Когда запас дождевой воды, расходовавшийся ими очень скупно, истощился, им не оставалось ничего другого, как нырять в море, чтобы раздобыть на глубине менее соленую воду, которую они доставляли на поверхность в кокосовом орехе с проделанным в нем небольшим отверстием. Когда они очутились у острова Аур, вид земли, близость спасения не могли вывести их из состояния полной прострации, овладевшей ими.

Увидев железные инструменты, находившиеся в пироге чужеземцев, жители архипелага Аур приготовились убить их, чтобы овладеть этими сокровищами, но тамон взял пришельцев под свое покровительство. С тех пор прошло три года, и каролинцы благодаря своим более обширным познаниям приобрели некоторое влияние на хозяев острова. Когда показался «Рюрик», Каду был в лесу, далеко от берега. За ним сразу же послали, так как он считался великим путешественником и, возможно, сумел бы объяснить, что за чудовище приближается к острову. Каду, которому

¹ Французское морское лье равнялось 5,55 км и в точности соответствовало английской морской лиге.

приходилось видеть европейские корабли, уговорил своих друзей выйти навстречу чужестранцам и оказать им дружественный прием.

Таковы были приключения Каду. Оставшись на «Рюрике», он сообщил названия остальных островов архипелага и сильно облегчил русским сношения с туземцами. Завернувшись в желтый плащ, с красным колпаком на голове, как у каторжника, Каду смотрел теперь свысока на своих прежних друзей и, казалось, перестал их узнавать. Во время посещения величественного седобородого старика, по имени Тижедиен, Каду принялся объяснять своим землякам управление парусами и назначение всех находившихся на судне предметов. Подобно многим европейцам, он заменял знания невозмутимым апломбом и находил ответ на любой вопрос.

Когда его спросили, для чего служит небольшая коробка, из которой один матрос доставал черный порошок и засовывал его себе в ноздри, Каду пустился рассказывать самые дикие небылицы; в заключение, в качестве неопровержимого доказательства, он поднес коробочку к своему носу. Отбросив ее тотчас же подальше от себя, он стал чихать и испускать такие вопли, что его перепуганные товарищи разбежались во все стороны; но когда приступ прошел, он умудрился представить случившееся в самом выгодном для себя свете.

Каду снабдил Коцебу также некоторыми общими сведениями относительно группы островов, на которых русские провели целый месяц, занимаясь их съемкой. Все острова были подвластны одному и тому же тамону, по имени Ламари, и носили местное название Ратак. Несколько лет спустя Дюмон-Дюрвиль назвал их Маршалловыми. Каду сообщил, что дальше к западу простирается параллельная цепь островков, атоллов и рифов, называемая Ралик.

У Коцебу не было времени на ознакомление с ними и, направившись к северу, он 24 апреля вновь достиг Уналашки, где ему пришлось заняться ремонтом корабля, который получил очень серьезные повреждения во время двух сильных штормов. Погрузив на борт своего судна «байдарки» (лодки, обшитые шкурами) и пятнадцать алеутов, имевших опыт в плавании по полярным морям, командир снова приступил к изучению Берингова пролива.

Коцебу страдал от сильной боли в груди, которая появилась у

него с тех пор, как у мыса Горн он был сбит с ног чудовищной волной и едва не выкинут за борт, что стоило бы ему жизни, если бы он не успел ухватиться за какую-то снасть. Теперь его состояние настолько ухудшилось, что 10 июля, пристав к острову Святого Лаврентия (в северной части Берингова моря), он должен был отказаться от проведения дальнейших работ и повернуть на юг.

Первого октября «Рюрик» снова ненадолго остановился на Сандвичевых островах, взял там семена и животных и к концу месяца вторично бросил якорь у острова Отдия под восторженные приветствия туземцев. Те с радостью увидели, что им привезли много кошек, так как жаждали избавиться от бесчисленных полчищ крыс, которые наводняли остров и уничтожали насаждения. Одновременно праздновалось возвращение Каду. Русские оставили ему набор инструментов и оружия, сделавших его самым богатым человеком на острове.

Четвертого ноября, исследовав группу атолл¹ Ликиеп (Гейдена), «Рюрик» покинул острова Ратак² и к концу месяца стал на якорь у Гуама, одного из Марианских островов. Затем Коцебу остановился на несколько недель в Маниле, где ему удалось собрать интересные сведения о Филиппинах, которые мы сообщим впоследствии. Благополучно избежав жестоких бурь, налетевших на корабль, когда он огибал мыс Доброй Надежды, «Рюрик» 3 августа 1818 года³ вошел в Неву и бросил якорь против дворца графа Румянцева.

Три года путешествия не были потрачены даром смелыми мореплавателями. Несмотря на свою малочисленность и небольшие размеры корабля, они не побоялись вступить в единоборство с опасными морями, полярным холодом и тропической жарой, посетить малоизвестные острова. Экспедиция сделала важные географические открытия, но еще более важное значение имели поправки к прежним наблюдениям. Две с половиной тысячи видов растений, из которых больше трети были раньше неизвестны, многочисленные материалы для изучения языка, этнографии, религии и нравов туземных племен — такова была богатая жатва,

¹ Атолл — низменный коралловый остров кольцеобразной формы, обрамляющий мелководную лагуну.

² Ратак — общее название западной группы Маршалловых островов

³ 22 июля (3 августа по новому стилю) 1818 года «Рюрик» бросил якорь перед домом Н. П. Румянцева.

свидетельствовавшая о рвении, способностях и знаниях капитана, равно как об отваге и стойкости экипажа¹.

Поэтому, когда в 1823 году русское правительство решило отправить на Камчатку военные силы для того, чтобы положить конец контрабанде, шедшей в его владениях на северо-западном побережье Америки, командование этой экспедицией было доверено Коцебу. Он был назначен командиром фрегата «Предприятие», и ему предоставили самому выбрать путь до Камчатки и обратно, какой он сочтет наиболее подходящим для выполнения возложенного на него поручения.

В бытность свою кадетом Коцебу участвовал в кругосветном плавании Крузенштерна; теперь тот отдал под его начальство своего старшего сына; то же самое сделал и морской министр Моллер. Это свидетельствовало о доверии, которым пользовался Коцебу.

Пятнадцатого августа 1823 года экспедиция покинула Кронштадт;² после захода в Рио-де-Жанейро она 15 января 1824 года обогнула мыс Горн и направилась к архипелагу Туамоту, где открыла остров Предприятие (Факахина), обследовала острова Аракчеева, Румянцева, Карлсгофа, Паллисера и 14 марта вошла в бухту Матаваи на Таити.

Со времени посещения этого архипелага Куком в нравах и образе жизни населения произошла полная перемена. В 1799 году на Таити обосновались миссионеры; они пробыли там десять лет, не обратив в христианство ни одного человека, не завоевав уважения

¹ О. Е. Коцебу выпустил трехчастное описание своего 1-го кругосветного плавания «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода...». Введение к книге было написано И. Ф. Крузенштерном. Ему же принадлежит открывающее книгу «Обозрение всех путешествий, предпринятых к отысканию кратчайшего пути из Атлантического в Южный океан». Третью часть составили сочинения других участников плавания — «Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции Адальберта Шамиссо», «Описание новой породы обезьян» и «Замечания относительно естественной истории и физиологии кубышек». Фридриха Эшгольца, мелкие работы И. Горнера, Маврикия Энгельгардта и др. Две первые части переизданы в 1948 году Географгизом в книге О. Е. Коцебу «Путешествия вокруг света». Плавание было отмечено не только географическими открытиями. Весьма важны были метеорологические и океанографические наблюдения: проведено свыше 300 измерений температуры и плотности поверхностных вод, 83 глубинных измерения температуры (при этом максимальная глубина измерений достигала 1829 м), первые проведены измерения прозрачности морской воды.

² Шлюп «Предприятие» покинул Кронштадт 28 июля (9 августа) 1824 года.

ТИХИИ ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

ОКЕАН

АТЛАНТИЧЕСКИЙ

ТИХИИ ОКЕАН

КРУГОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

О.Е. КОШЕВУ

1826

1823

и доверия местных жителей. После того как вспыхнувшие в начале XIX века на Таити восстания заставили миссионеров искать убежища на Эймео¹ и других островах архипелага, их усилия увенчались бóльшим успехом. В 1817 году король Таити Помаре призвал миссионеров обратно, подарил им участок земли в Матаваи и сам принял христианство. Его примеру вскоре последовала значительная часть туземцев.

Коцебу был в курсе этих изменений, но все же не предполагал увидеть на Таити такое широкое распространение европейских обычаев.

Когда пушечный выстрел возвестил о прибытии русского корабля, от берега отделилась шлюпка под таитянским флагом, и на «Предприятие» взошел лоцман, который искусно провел его к месту стоянки.

На следующий день, в воскресенье, русские, высадившись на берег, были очень удивлены тишиной, царившей на всем острове. Эта тишина нарушалась лишь духовными гимнами и псалмами, которые распевали островитяне у себя в хижинах. Церковь — крытое тростником, простое опрятное здание прямоугольной формы, к которому вела широкая длинная аллея из кокосовых пальм, — была наполнена внимательной сосредоточенной толпой; мужчины стояли по одну сторону, женщины — по другую; все держали в руках молитвенники. Голоса таитян часто присоединялись к пению миссионеров с большим старанием, но — увы! — без всякой гармонии и невпопад.

Набожность островитян была поистине примерной, но наряды, которые носили эти необыкновенные христиане, давали достаточный повод для развлечения путешественников. Черный фрак или английская военная куртка составляли всю одежду одних, между тем как на других был только жилет, или рубаша, или штаны. Самые богатые носили суконные плащи; но все, и зажиточные и бедные, считали чулки и ботинки совершенно ненужными.

Не менее забавно были одеты и женщины: на одних мужская рубаша, белая или полосатая, на других простой кусок холста, но на всех европейские шляпы. Если на знатных женщинах было цветное платье — высший шик, то оно заменяло всю остальную одежду.

В понедельник состоялась торжественная церемония. Регентша

¹ Эймео — остров Муреа к северо-востоку от Таити.

и королевская семья нанесли визит Коцебу. Высоким особам предшествовал церемониймейстер. Это был своего рода шут, одетый только в красную куртку; его ноги покрывала татуировка, создававшая иллюзию полосатых брюк; на нижней части спины была нарисована четверть круга с точно размеченными делениями. Он с самой комичной серьезностью выделывал прыжки, кривлялся, гримасничал и скакал.

На руках у регентши спал маленький Помаре III. Рядом с ней шла сестра короля, миловидная девочка лет десяти. Хотя царственный ребенок был одет, подобно своим соплеменникам, европейски, он, так же как и самые бедные из его подданных, не носил обуви. По настойчивым просьбам министров и знатных таитян, Коцебу приказал шить ему пару ботинок, которые он должен был надеть в день своей коронации.

Сколько радостных криков, сколько проявлений удовольствия, сколько завистливых взглядов вызвала раздача безделушек придворным дамам! Какая драка началась из-за позолоченной узорной тесьмы, мельчайшие куски которой они вырывали друг у друга! Какое важное дело привлекло на палубу фрегата столько мужчин, явившихся с огромным количеством фруктов и свиней? То были просители, мужья несчастных таитянок, не присутствовавших при раздаче тесьмы, которая представляла для них большую ценность, чем бриллиантовые ожерелья для европейских женщин.

По истечении десяти дней Коцебу решил покинуть эту необычайную страну, где так странно переплетались цивилизация и варварство. Он направился к архипелагу Самоа, знаменитому тем, что там в 1787 году были убиты многие спутники Лаперуза.

Как отличались они от жителей Таити! Дикие и свирепые, недоверчивые и воинственные, туземцы с острова Роз едва осмелились подняться на палубу «Предприятия». Один из них при виде голый руки какого-то матроса не смог даже удержаться от жеста, столь же красноречивого, как и свирепого, свидетельствовавшего о его каннибальских наклонностях.

Вскоре по мере увеличения числа пирог возросла и наглость туземцев. Пришлось ударами багра отталкивать пироги, и фрегат возобновил свой путь, оставив позади утлые челноки свирепых островитян.

Острова Ойолава, Флат и Пола¹, составляющие, как и остров

¹ Пола — современное название Уполу (в Западном Самоа).

Роз, часть архипелага Мореплавателей (Самоа), были пройдены почти без остановки, и Коцебу направился к островам Ратак, где он был так дружелюбно принят во время своего первого путешествия. Но при виде большого корабля островитяне испугались, набились до отказа в свои пироги или убежали в глубь острова, а на берегу выстроилась группа туземцев и с пальмовой ветвью в руках двинулась навстречу чужеземцам, умоляя о мире.

При этом зрелище Коцебу быстро спустился вместе с врачом Эшшольцем в шлюпку, приналег на весла и, приблизившись к берегу, закричал: «Тотабу айдара!» («Коцебу друг!»). Произошла полная перемена. Обращенные к русским молебны туземцев сменились веселыми криками, проявлениями неподдельной радости; одни бросились навстречу друзьям, другие помчались к своим землякам сообщить о прибытии Коцебу.

Командир «Предприятия» с удовольствием узнал, что Каду все еще жил на Ауре под покровительством главного тамона Ламари, чью благосклонность он купил ценой половины своих богатств. Из всех животных, оставленных Коцебу на Отдии, уцелели только кошки, ставшие дикими, но они до сих пор не смогли уничтожить полчищ крыс, наводнявших остров.

Мореплаватель провел несколько дней среди своих друзей, развлекавших его драматическими представлениями. 6 мая он пустился в путь к островам Ликиеп (Гейдена), которые не успел полностью исследовать во время своего первого путешествия. Приступив к их съемке, Коцебу предполагал впоследствии вернуться к изучению Ратака, но плохая погода помешала ему, и он вынужден был направиться к Камчатке.

С 7 июля по 20 июля экипаж корабля наслаждался там вполне заслуженным отдыхом. Затем «Предприятие» снова вышло в море и 7 августа¹ бросило якорь в Ново-Архангельске (Ситха) на американском берегу. Однако фрегат, на смену которому прибыло «Предприятие», все еще находился в порту и должен был оставаться там до 1 марта следующего года. Коцебу воспользовался этим промежутком времени, чтобы посетить Сандвичевы острова; в декабре 1824 года он бросил якорь у острова Оаху.

Гавань Роно-Руру, или Гонолулу, является наиболее безопасной на всем архипелаге. Поэтому уже в то время в нее заходило много судов, и остров Оаху имел шансы стать важнейшим островом

¹ По уточненным данным — 10 (22) августа 1824 года.

архипелага и затмить Гавайи или Гавайки¹. Уже тогда город имел полуевропейский вид; каменные дома сменили первобытные хижины; правильно разбитые улицы с лавками, кафе, винными погребками, бойко посещавшимися матросами китобойных судов и торговцами пушниной, а также вооруженная артиллерией крепость были наиболее очевидными признаками быстрых перемен.

Со времени открытия большей части островов Океании миновало пятьдесят лет, и повсюду произошли такие же резкие изменения, как на Сандвичевых островах.

«Торговля мехами, — писал Десборо Кули, — развившаяся на северо-западном побережье Америки, вызвала удивительные перемены на Сандвичевых островах, представляющих по своему местоположению выгодное пристанище для используемых в этом деле судов. Купцы имели обыкновение зимовать здесь, чиниться и запасаться провизией; с наступлением лета они возвращались к берегам Америки, чтобы пополнить свой груз. Островитяне в обмен на продукты питания требовали железные орудия, и в особенности ружья; не задумываясь о последствиях своего поведения, корыстолюбивые торговцы спешили удовлетворить их желания. Огнестрельное оружие и боеприпасы, являвшиеся самыми ходкими предметами обмена, в изобилии доставлялись на Сандвичевы острова. В результате островитяне вскоре стали наводить страх на своих гостей; они часто захватывали мелкие суда и проявляли энергию (вначале сочетающуюся с жестокостью), которая доказывала наличие у них стремления к независимости. В эту эпоху один из тех замечательных людей, какие нередко появляются на сцене, когда готовятся крупные события, завершил революцию, начатую европейцами. Камехамаха, вождь, уже прославившийся на этих островах во время последнего рокового посещения Кука, захватил королевскую власть, подчинил себе, став во главе армии в шестнадцать тысяч человек, соседние острова и собирався воспользоваться своими победами для проведения задуманных им обширных планов развития страны. Он отдавал себе отчет в превосходстве европейцев и считал делом чести подражание им. Еще в 1796 году, когда эти острова посетил капитан Бро-

¹ Гавайки — земля на далеком западе, где-то у берегов Индонезии или Южной Азии; согласно полинезийской традиции — прародина и «отчий дом» всех островитян. В честь этой земли и был назван главный остров Гавайского архипелага.

утон, король запросил, должен ли он его встретить артиллерийским салютом. Утверждают, что, начиная с 1817 года, он имел армию из семи тысяч солдат, вооруженных ружьями; в составе этой армии находилось не меньше пятидесяти европейцев.

Камеха-меха, начав свою карьеру с убийства и узурпации, в конце концов заслужил неподдельную любовь и восхищение своих подданных, которые считали его каким-то сверхчеловеческим существом и оплакивали его смерть более искренними слезами, чем те, что обычно проливаются над прахом монарха.

После смерти Камеха-мехи, когда русская экспедиция прибыла на Оаху, островами правил молодой король Рио-Рио, который вместе с женой гостил в Англии, и управление островами на время его отсутствия находилось в руках вдовствующей королевы Кааху-Ману.

Коцебу, воспользовавшись пребыванием ее и первого министра на одном из соседних островов, посетил вторую жену Камеха-мехи.

Жилище было обставлено по европейской моде стульями, столами и зеркалами, полы были устланы прекрасными циновками, на которых лежала Нома-Хана; на вид ей можно было дать не больше сорока лет. Ростом в пять футов восемь дюймов, она отличалась такой тучностью, что имела в объёме бесспорно не меньше четырех футов. Ее черные как смоль волосы были тщательно подобраны кверху, увенчивая круглую, как шар, голову. Приплюснутый нос и толстые губы не отличались красотой, и все же у нее было благообразное, приятное лицо.

«Прекрасная дама» вспомнила, что десять лет назад видела Коцебу. Поэтому она приняла его очень хорошо; но, как только она начинала говорить о муже, слезы подступали к ее глазам, и ее печаль не казалась деланной. Для того чтобы дата смерти государя всегда была перед глазами, она распорядилась выгатуировать у себя на руке следующую простую надпись: «6 мая 1819 года».

Христианка, строго соблюдавшая, как и большая часть жителей, религиозные обряды, королева повела Коцебу в церковь — простое большое здание, в котором, однако, было не так много народу, как в церкви на Таити. Нома-Хана производила впечатление очень развитой женщины, умела читать и проявляла особый интерес к науке письма, той науке, «которая приближает отсутствующих». Желая проявить свое расположение к русскому командиру и одновременно дать ему доказательство своих позна-

ний, она переслала ему с послем письмо, составление которого отняло у нее несколько недель.

Другие дамы немедленно пожелали сделать то же самое, и Коцебу чуть не изнемог под тяжестью посыпавшихся на него посланий. Единственным средством положить конец эпистолярной эпидемии было скорейшее снятие с якоря, что Коцебу и сделал без дальнейших промедлений.

Однако перед отплытием он принял на борту корабля королеву Нома-Хану, которая явилась разодетая в парадный туалет. Вообразите себе великолепное шелковое платье персикового цвета, отделанное широкой черной вышивкой, платье, сшитое на европейскую фигуру, а потому чересчур короткое и узкое. Из-под него виднелись не только ступни ног в грубой мужской обуви, рядом с которыми ноги Карла Великого¹ могли бы показаться принадлежащими китаянке, но и коричневые икры, толстые и голые, напоминавшие балконные балясины. Ожерелье из красных и желтых перьев, гирлянда живых цветов, служащая знаком военного отличия, шляпа из итальянской соломы, украшенная искусственными цветами, завершали этот роскошный и смешной наряд.

Нома-Хана обошла корабль, расспросила обо всем виденном, а затем, устав от стольких чудес, проследовала в капитанскую каюту, где ее ждал обильный ужин. Королева опустилась на диван, но это хрупкое изделие не смогло выдержать такое величие и подогнулось под тяжестью принцессы, тучность которой, без сомнения, сильно способствовала ее карьере.

Покинув эту стоянку, Коцебу вернулся в Ново-Архангельск, где оставался до 30 июля 1825 года. Затем он снова посетил Сандвичевы острова, придя туда спустя некоторое время после того, как адмирал Байрон доставил на Гавайи останки умерших в Лондоне короля Рио-Рио и его жены.

Пополнив в Оаху запасы продовольствия, русский путешественник достиг островов Ратак, произвел съемку Пескадорских островов, открыл группу островов Эшшольца² (Бикини) и 15 ок-

¹ Карл Великий (ок 741 – 814) – франкский король (с 768), потом император (с 800), создатель обширного, но недолговечного государства, охватывавшего добрую половину Западной Европы

² Эшшольц Йоханн Фридрих фон (в русской традиции – Иван Иванович, 1793 – 1831) – выдающийся естествоиспытатель и путешественник, выпускник Дерптского университета, доктор медицины, в качестве корабельного врача участвовал в кругосветных плаваниях на «Рюрик» и «Благонамеренном»

тября пристал к берегам Гуама. После многомесячного пребывания в Маниле, во время которого частые сношения с местными жителями дали ему возможность неизмеримо лучше изучить географию и природу Филиппин, он 23 января 1826 года двинулся в дальнейший путь. В это время на Манилу прибыл новый испанский губернатор со значительным отрядом войск; ему удалось подавить восстание, и население Филиппин надолго отказалось от мысли отделиться от Испании.

Десятого июля 1826 года «Предприятие» вернулось в Кронштадт после трехлетнего плавания. За это время русские моряки посетили северо-западные берега Америки, Алеутские острова, Камчатку и Охотское море, произвели детальную съемку значительной части островов Ратак и собрали новые данные о том процессе развития, какой переживали тогда многие племена Океании. Благодаря самоотверженным трудам сначала Шамиссо¹, а потом профессора Эшшольца были собраны многочисленные образцы флоры и фауны, и последний подготовил к печати описание свыше двух тысяч животных; кроме того, он собрал очень интересные сведения относительно образования коралловых островов².

¹ Шамиссо Адальберт фон (1781 — 1838) — немецкий писатель-романтик и естествоиспытатель; автор лирических и сатирических стихотворений, фантастической повести «Удивительная история Петера Шлемиля», а также многочисленных работ по ботанике и зоологии. Краткий перевод записок А. Шамиссо был издан, как уже упоминалось, в 1823 году на русском языке, в приложении к книге О. Е. Коцебу. Полный текст художественного описания путешествия на «Рюрике» вышел в 1830 году в Берлине. После путешествия писатель вернулся на родину и работал в Берлинском ботаническом саду.

² Во второй кругосветке О. Коцебу участвовал знаменитый впоследствии физик Эмилий Христофорович Ленц (1804 — 1865). Он сконструировал специальный прибор — глубоководный батометр, с помощью которого можно было отбирать глубинные пробы морской воды. Тем самым стало возможным проводить определения солёности и плотности морской воды на любой глубине.

Об этом плавании О. Е. Коцебу выпустил две книги: одну — на русском языке в Санкт-Петербурге («Путешествие вокруг света... в 1823, 24, 25 и 26 годах», 1828), другую на немецком языке в Веймаре («Neue Reise um die Welt in den Jahren 1823, 24, 25 und 26», В. 1 — 2, 1830). Немецкое издание долго считалось переводом с русского. Однако оказалось, что это не так. Немецкая книга — в отличие от сухого официального русского отчета — написана живым, образным литературным языком (Отто Коцебу владел немецким куда лучше, чем русским), не лишённым остроумия. Читается она буквально на одном дыхании. В 1959 году книга была переведена («Новое путешествие вокруг света в 1823 — 1826 годах») и переиздана в 1981 и 1987 годах.

Между тем английское правительство энергично возобновило поиски Северо-Западного прохода, желая наконец внести ясность в эту волнующую проблему, решения которой так давно и тщетно искали. В то время, как Парри морским путем и Франклин по суше пытались достичь Берингова пролива, капитан Фредерик Уильям Бичи¹ получил инструкцию пройти возможно дальше по этому проливу, а затем вдоль северного берега Америки, чтобы подобрать измученных лишениями и усталостью путешественников, если они, разумеется, смогут добраться до побережья.

На корабле «Блоссом», покинувшем Спитхед² 19 мая 1825 года, Бичи зашел для пополнения запасов в Рио-де-Жанейро и, обогнув 26 сентября мыс Горн, оказался в Тихом океане. После кратковременной стоянки у берегов Чили он посетил остров Пасхи, где разыгрались точно такие же сцены, какими сопровождалось пребывание там Коцебу во время его первого путешествия. Сначала такая же радушная встреча со стороны туземцев, вплавь добирающихся до «Блоссом» или привозящих на пирогах жалкие продукты; затем, когда англичане высаживаются на берег, те же нападения — с градом камней и палицами, которые приходится энергично отражать ружейными выстрелами.

Четвертого декабря капитан Бичи заметил остров, сплошь покрытый зеленью. То был знаменитый в те времена остров Питкэрн, где обнаружили потомков мятежников с «Баунти», высадившихся там в результате драматических происшествий, которые в конце XVIII столетия живо волновали общественное мнение Англии³.

В 1781 году лейтенант Блай, один из офицеров, отличившихся под начальством Кука, был назначен командиром корабля «Баунти» и получил предписание взять на Таити хлебные деревья и другие растения, чтобы доставить их на Антильские острова,

¹ Бичи Фредерик Уильям (1796 – 1856) – английский мореплаватель, контр-адмирал. Участвовал в экспедициях Дж. Франклина (1818) и У. Парри (1819). О плавании на корабле «Блоссом» издал книгу в 1831 году («Narrative of a voyage of the Pacific and Beering's strait», vol. 1 – 2).

² Спитхед – Спитхедский рейд на южном побережье Англии, внешний рейд Портсмута.

³ В 1879 году, по материалам, собранным для «Истории географических открытий», Жюль Верн написал повесть «Мятежники с “Баунти”». Она опубликована в 15-м томе нашего собрания сочинений.

именовавшиеся у англичан Западной Индией (Вест-Индией). Обогнув мыс Горн, Блай сделал остановку у берегов Тасмании, а затем достиг бухты Матаваи, где погрузил хлебные деревья; некоторое количество их он взял также на Намуке, одном из островов архипелага Тонга. До тех пор плавание не было отмечено никакими особыми событиями и, казалось, должно было благополучно закончиться. Но высокомерный характер капитана, его грубое и деспотическое обращение восстановили против него почти весь экипаж. Был составлен заговор, и 28 апреля перед восходом солнца, когда корабль находился невдалеке от Тофуа¹, вспыхнул мятеж.

Захваченный в постели восставшими матросами, связанный по рукам и ногам, прежде чем он смог оказать какое-нибудь сопротивление, Блай в одной рубашке был выведен на палубу, и после некоего подобия суда, на котором председательствовал лейтенант Флетчер Кристиан, его вместе с восемнадцатью оставшимися верными ему членами экипажа спустили в шлюпку, снабдили небольшим количеством продовольствия и покинули на произвол судьбы среди открытого океана. Испытав муки жажды и голода, счастливо избежав страшных бурь и зубов диких туземцев Тофуа, Блай сумел достигнуть острова Тимор, где ему был оказан теплый прием.

«Я предложил своим спутникам высадиться на берег, — рассказывает Блай. — Некоторые едва могли передвигать ноги. От нас остались лишь кожа да кости; мы были покрыты ранами, наша одежда превратилась в лохмотья. В этом состоянии радость и благодарность вызвали слезы на наших глазах, а жители Тимора молча, с выражением ужаса, удивления и жалости смотрели на нас. Так с помощью Провидения мы преодолели невзгоды и трудности столь опасного путешествия!»

Путешествие действительно было опасным; сорок один день плыли они по плохо изученным морям в шлюпке, которая не имела даже палубного настила, с более чем скудным запасом продовольствия; ценой неслыханных лишений им удалось проплыть свыше полутора тысяч лье, потеряв за это время лишь одного матроса, убитого в самом начале туземцами Тофуа!

Что касается мятежников, то их история представляет исключительный интерес и чрезвычайно поучительна.

¹ Тофуа — остров в центральной части архипелага Тонга.

Они направились на Таити, куда их влекла надежда на беззаботное существование; те, кто принимал наименее активное участие в мятеже, остались там. Кристиан же снова пустился в путь; его сопровождали восемь матросов, решивших следовать за ним до конца, десять туземцев с Таити и Тубуаи и двенадцать таитянок¹.

Никто больше ничего не слышал о них.

Оставшиеся на Таити в 1791 году были схвачены капитаном Эдуардсом, командиром фрегата «Пандора», который английское правительство послало на поиски бунтовщиков с предписанием доставить их в Англию. Но «Пандора» налетела на подводный риф в проливе Энтерпрайз², и при этой катастрофе четверо мятежников и тридцать пять матросов погибли. Из десяти мятежников, доставленных в Англию вместе с потерпевшими кораблекрушение моряками «Пандоры», шестеро были приговорены к смертной казни.

Прошло двадцать лет, прежде чем были получены некоторые сведения о судьбе Кристиана и тех, кого он повел за собой. В 1808 году американское торговое судно пристало к острову Питкэрн, чтобы пополнить на нем свой груз тюленьих шкур. Капитан считал остров необитаемым; но, к величайшему его изумлению, к борту корабля подошла пирога с тремя юношами-метисами, довольно хорошо говорившими по-английски. Удивленный капитан стал их расспрашивать и узнал, что их отец служил под начальством лейтенанта Блая.

Одиссея³ этого офицера английского флота в то время была известна всему миру и служила предметом вечерних бесед на баках⁴ кораблей всех стран. Поэтому американский капитан захотел подробнее разобраться в необыкновенном происшествии,

¹ В повести «Мятежники с «Баунти»» автор приводит данные об ином количестве иностранцев.

² В повести «Мятежники с «Баунти»» местом катастрофы указан Торресов пролив.

³ Одиссея — долгое, полное всяческих приключений странствие (по аналогии с многолетними скитаниями героя древнегреческой эпической поэмы Одиссеем).

⁴ Бак — носовая часть корабля. Здесь располагались матросские кубрики; здесь же в свободное от судовых обязанностей время обычно собирались матросы.

пробудившем в его памяти воспоминания об исчезновении мятежников с «Баунти».

Высадившись на берег, капитан встретился с англичанином, по фамилии Смит, состоявшим когда-то членом экипажа «Баунти», и тот рассказал ему следующее.

Покинув Таити, Кристиан направился прямо к Питкэрну, который очень прельщал его своим изолированным положением к югу от архипелага Туамоту, в стороне от обычных морских путей. Выгрузив имевшееся на «Баунти» продовольствие и сняв все снасти, какие могли пригодиться, моряки сожгли корабль — не только для того, чтобы скрыть все следы, но также для того, чтобы ни один мятежник не мог убежать с острова.

Вначале пришельцы, увидев «мораи» (гробницы), испугались, не заселен ли остров. Но вскоре они убедились, что на нем никого не было. Они построили хижины и расчистили участки земли. Англичане милостиво оставили в удел туземцам, которых они увезли или которые сами добровольно последовали за ними, обязанности рабов. Как бы то ни было, два года протекли без особо крупных ссор. Но затем туземцы составили против белых заговор, однако те были предупреждены о нем одной из таитянок, и два главаря поплатились жизнью за свою неудавшуюся попытку.

Еще два года прошли тихо и спокойно, затем — новый заговор, в результате которого пять англичан, в том числе Кристиан, были зверски убиты. В свою очередь женщины, жалевшие об англичанах, зарезали оставшихся в живых таитян.

Находка одного растения, из которого можно было гнать что-то вроде водки, послужила несколько времени спустя причиной смерти одного из четырех уцелевших англичан; другого убили его товарищи; третий умер от болезни, и Смит, принявший имя Адамса, остался один главой маленькой общины из десяти женщин и девятнадцати детей, самым старшим из которых было не больше семи-восьми лет.

Этому человеку, много размышлявшему о своей прежней беспорядочной жизни, совершенно переродившемуся в результате раскаяния, пришлось исполнять обязанности отца, священнослужителя, мэра и короля¹. Своей справедливостью и твердостью он сумел завоевать неограниченное влияние в этой странной общине.

¹ Адамс, как сообщает Ж. Верн в «Мятежниках с «Баунти»», умер в 1829 году.

Необыкновенный наставник морали, который в дни своей молодости нарушал все законы, для которого раньше не существовало ничего святого, проповедовал теперь милосердие, любовь, согласие, и маленькая колония процветала под кротким, но в то же время твердым управлением этого человека, ставшего под конец жизни праведником.

Таково было моральное состояние колонии на Питкэрне в то время, когда у его берегов появился корабль Бичи. Мореплаватель, превосходно принятый жителями, пробыл там восемнадцать дней. Чистые хижины деревни стояли среди пандановых деревьев и кокосовых пальм, поля были хорошо возделаны; под руководством Адамса жители Питкэрна смастерили для себя с поистине изумительным искусством самые необходимые орудия. Эти метисы, обладавшие большей частью приятным и кротким лицом, были пропорционально сложены, что говорило о незаурядной силе.

После Питкэрна Бичи посетил острова¹ Тимоз, Гамбье², Гуд³, Клермон-Тоннер⁴, Серл⁵, Уитсанди⁶, Королевы Шарлотты⁷, Тахай, Лансье, составляющие часть архипелага Туамоту, а также маленький остров, которому он дал название Байэм-Мартин⁸. Здесь мореплаватель встретил одного островитянина, по имени Ту-Вари, которого занесло туда бурей. Выехав со ста пятьюдесятью земляками на трех пирогах с островка Анаа, чтобы принять участие в торжествах по поводу вступления на трон короля Помаре III, Ту-Вари был унесен западными ветрами далеко в сторону. Затем ветры стали неустойчивыми. Вскоре запасы провизии совершенно истощились, и несчастные были вынуждены поедать трупы умерших товарищей. Наконец Ту-Вари добрался до острова Барроу⁹, расположенного посреди Опасного архипелага (Туамоту), где он раздобыл немного провизии; он снова пустился

¹ Все названные ниже острова находятся в архипелаге Туамоту.

² Гамбье — это название сохраняется за группой островков, крупнейшим из которых является Мангарева.

³ Гуд (точнее: Лорд-Гуд) — в настоящее время носит название Марутеа.

⁴ Клермон-Тоннер — в настоящее время называется Реао (в прошлом употреблялось также название Натюп).

⁵ Серл — в настоящее время остров называется Пукарута.

⁶ Уитсанди — сейчас этот атолл называется Пинаки.

⁷ Королевы Шарлотты — теперь этот остров носит название Нукутаваке.

⁸ Байэм-Мартин — в настоящее время остров называется Ахунуи.

⁹ Барроу — у этого острова есть два туземных названия: Ванавана и Куратеке. В настоящее время чаще используется первое.

в море, но на этот раз плавание продолжалось недолго, так как у острова Байэм-Мартин его пирога дала течь и ему пришлось там остаться.

В конце концов Бичи уступил мольбам Ту-Вари и взял его с женой и детьми к себе на корабль, чтобы отвезти на Таити. На завтра, когда Бичи пристал к берегу Хеиоу, по одной из тех случайностей, какие бывают только в романах, Ту-Вари встретил там своего брата, который считал его давно погибшим. После первого порыва радостных излияний оба туземца важно уселись рядом и, нежно сжимая друг другу руки, принялись по очереди рассказывать о своих приключениях.

Десятого февраля Бичи отплыл от Хеиоу, прошел в виду островов Мелвилл¹ и Крокер² и 18-го стал на якорь у Таити, где ему с трудом удалось пополнить запасы продовольствия. Туземцы требовали теперь полноценные чилийские доллары и европейскую одежду — иначе говоря, то, чего на «Блоссоме» совершенно не было. После приема регентши на борту корабля капитан получил приглашение на вечер, который должен был состояться в его честь в королевской резиденции, в Папеэте. Но, когда англичане явились, оказалось, что во дворце все спали. Регентша забыла о своем приглашении и легла спать раньше обычного. Тем не менее она весьма милостиво приняла своих гостей и, несмотря на строгий запрет миссионеров, устроила небольшую вечеринку с танцами. Празднество, впрочем, должно было протекать, так сказать, в молчании, чтобы шум его не достиг ушей полицейских, разгуливавших на берегу. По этой детали можно судить о том, как мало свободы предоставлял миссионер Притчард высшей знати Таити. Какой же свободой пользовались широкие массы туземцев?

Третьего апреля юный король нанес визит Бичи, и тот подарил ему от имени Адмиралтейства превосходное охотничье ружье. Отношения стали самые сердечные, и влияние, которое сумели завоевать английские миссионеры, еще более укрепилось в результате радушия и предупредительности, постоянно проявлявшихся по отношению к островитянам командованием «Блоссомом».

Покинув Таити, Бичи 26 апреля достиг Сандвичевых островов, где сделал остановку дней на десять, и направился в дальнейший

¹ Мелвилл — теперь этот остров носит название Хикэру.

² Крокер — европейцы называли этот остров еще и Сент-Кентином. Современное название острова — Хараики.

путь к Берингову проливу и Северному Ледовитому океану. Полученные инструкции предписывали ему идти вдоль берега Америки до тех пор, пока позволит состояние льдов. «Блоссом» остановился в заливе Коцебу, малогостеприимном и малоприветном месте; там англичане много раз встречались с туземцами, но не могли получить никаких сведений о Франклине и его отряде. Затем Бичи выслал навстречу этому неустрашимому исследователю палубный баркас под командованием лейтенанта Элсона. Тот не смог продвинуться дальше мыса Барроу (71°23' северной широты) и вынужден был вернуться к «Блоссому». Надвинувшиеся льды заставили «Блоссом» 13 октября, при ясной и очень морозной погоде, покинуть Берингов пролив.

Чтобы использовать зимнее время, Бичи посетил гавань Сан-Франциско, а 25 января 1827 года снова стал на якорь в Гонолулу на Сандвичевых островах. Благодаря искусной политике английского правительства эта страна делала большие успехи на пути прогресса. Количество домов увеличилось; город принимал все более и более цивилизованный вид; в порт часто заходили многочисленные английские и американские суда; создан был даже собственный флот, насчитывавший пять бригов¹ и восемь шхун². Земледелие процветало; появились обширные плантации кофе, чая, пряностей, и предпринимались попытки использовать заросли сахарного тростника, прекрасно произраставшего на островах.

После стоянки в апреле в устье реки Чжуцзян в Южном Китае «Блоссом» приступил к съемке берегов архипелага Рюкю, цепи островов, соединяющих Японию с Формозой (Тайвань), и группы островов Бонин, на которых исследователь не обнаружил никаких животных, кроме больших зеленых черепах.

Покончив с этими работами, «Блоссом» вновь направился к северу; но так как метеорологические условия оказались менее благоприятными, ему удалось на этот раз достичь лишь 70°40'. В

¹ Бриг — двухмачтовый парусный военный корабль водоизмещением 200 — 400 тонн и вооружением до 24 орудий. Предназначался для разведки, посыльной службы и конвоирования торговых судов. Лишенные вооружения торговые корабли того же класса также назывались бригами.

² Шхуна — самый распространенный тип парусного судна, характеризующийся хорошей маневренностью, мореходностью и приличной скоростью хода. В разных модификациях шхун применяется от 2 до 7 мачт. Характерной особенностью шхун является большее использование косых парусов (по сравнению с другими классами судов).

этом пункте оставили на берегу продовольствие, одежду и инструкции на тот случай, если Парри или Франклину удалось бы сюда добраться.

Прокрейсировав здесь до 6 октября, Бичи скрепя сердце решил вернуться в Англию. По дороге он зашел в Монтерей, Сан-Франциско, Сан-Блас¹, Вальпараисо, обогнул мыс Горн, сделал остановку в Рио-де-Жанейро и 21 октября стал на якорь в Спитхеде.

Перейдем к рассказу об экспедиции русского капитана Федора Петровича Литке (1797 – 1882)², давшей важные результаты. Отчет о ней написан очень увлекательно и остроумно. Поэтому мы кое-что позаимствуем из него.

«Сенявин» и «Моллер», два грузовых судна³, построенные в России, прекрасно держались на воде, но второе из них было довольно тихоходным – недостаток, из-за которого на протяжении почти всего пути корабли шли отдельно. «Сенявиным» командовал Литке, «Моллером» – М. Н. Станюкович⁴.

¹ Сан-Блас – порт и залив в центральной части западного побережья Мексики, у входа в Калифорнийский залив (совр. штат Наярит). В настоящее время этот порт полностью утратил свое значение.

² Федор Петрович Литке – участник плавания В. М. Головнина (1817 – 1819). В 1821 – 1824 годах исследовал часть западного побережья Новой Земли, проведя его опись, а также – восточные районы Баренцева и Белое море. Впоследствии дослужился до полного адмирала. Был почетным членом Петербургской академии наук (с 1855 года) и ее президентом (с 1864 года). Один из основателей Русского географического общества и его постоянный вице-президент. Отмечая научные и организационные заслуги этого исследователя, РГО в 1873 году учредило Золотую медаль им. Ф. П. Литке, присуждаемую за особо выдающиеся заслуги в области морских исследований. Литке был почетным членом многих русских и иностранных научных обществ.

³ В работе Н. Н. Зубова «Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов» говорится, что это были шлюпы длиной 90 футов, а шириной – 29. (Шлюп – одномачтовое парусное судно, предназначенное для дальних плаваний, перевозки грузов и проведения географических исследований; размером был побольше брига, но меньше корвета.) При этом «Сенявин» строился как военное судно, «Моллер» – как транспортное. Отсюда – и различия в скорости хода.

⁴ Станюкович Михаил Николаевич (г. рожд. не изв. – 1869) – русский мореплаватель, впоследствии – адмирал и член адмиралтейского совета. В плавание ушел, как и Ф. П. Литке, капитан-лейтенантом, но был назначен общим командиром экспедиции. «Плавание Станюковича нельзя назвать блестящим в отношении географических открытий... Все же ему удалось сделать опись север-

Первого сентября¹ 1826 года оба судна покинули Кронштадт. Они зашли в Копенгаген и в Портсмут, где были приобретены физические и астрономические приборы, и сразу же по выходе из Ла-Манша потеряли друг друга из виду. «Сенявин», о плавании которого мы будем преимущественно рассказывать, остановился на Тенерифе, где Литке рассчитывал соединиться со Станюковичем.

Между 4 и 8 ноября на этот остров обрушился страшный ураган, какого там никогда не наблюдали со времени завоевания Канарских островов. Три корабля затонули на самом рейде Санта-Крус; два других, выброшенные на берег, были разбиты в щепу. Реки и ручьи, переполнявшиеся из-за небывало сильных дождей, снесли сады, каменные ограды, здания, уничтожили много больших плантаций, почти полностью разрушили один из фортов, превратили часть городских домов в развалины, загромоздившие ряд улиц. Триста – четыреста человек погибли при этом стихийном бедствии, убытки от которого исчислялись во много миллионов пиастров².

В январе оба судна соединились в Рио-де-Жанейро и до мыса Горн шли вместе. Здесь им встретились обычные бури и туманы, которые опять разъединили их. «Сенявин» направился к бухте Консепсьон.

«3 марта расстояние наше, — рассказывает Литке, — до ближайшего берега по счислению было только 8 миль, но густой туман скрывал его. Ночью туман рассеялся, а рассвет явил нам зрелище неопisanного величия и прелести: зубчатая с острыми пиками цепь Андосов [Анд] резко обрисовалась на небесной лазури, первыми лучами солнца озаренной! Не буду умножать числа тех, кои терялись в тщетных усилиях передать другим чувства свои

ного берега полуострова Аляски и некоторые другие гидрографические работы. Станюкович не оставил описания своего плавания, и оно осталось малоизвестным» (*Зубов Н. Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов, с. 198). М. Н. Станюкович был отцом известного русского писателя Константина Михайловича Станюковича, в молодые годы также совершившего кругосветное плавание.

¹ 20 августа по старому стилю.

² Пиастр — название в Европе испанских серебряных монет песо. Название произведено от испанского *plastra d'argento* («плитка серебра»), поскольку испанцы в Новом Свете не чеканили монету, а резали на равные куски слитки серебра.

при первом виде подобных картин природы. Они неизъяснимы, подобны великолепию самого зрелища. Переливы цветов, постепенное освещение облаков и неба с возвышением солнца неподражаемо прелестны. К сожалению, зрелище сие, как все в высокой степени изящное в природе, было непродолжительно: с увеличением массы света в атмосфере огромный исполин сей, казалось, погрузался в бездну, а взошедшее солнце сгладило и следы его».

Чувство, пробудившееся в Литке при виде бухты Концепсьон, не похоже на то, которое ощущали некоторые из его предшественников. Он еще не забыл пышной растительности, окаймлявшей бухту Рио-де-Жанейро. Неудивительно, что этот берег показался ему довольно бедным. Жители, поскольку он успел узнать их за время очень короткой стоянки, обладали, по его впечатлениям, более приветливым характером и были более культурны, чем люди того же класса во многих других странах.

Войдя в гавань Вальпараисо, Литке увидел «Моллера», снявшего с якоря, чтобы идти на Камчатку. Команды обоих судов попрощались, и с этих пор каждое из них пошло своим путем.

Первую экскурсию офицеры и естествоиспытатели с «Сенявина» совершили в знаменитые «кебрадо»¹.

«Это, — рассказывает путешественник, — ущелины в горах, улепленные, так сказать, маленькими хижинками, содержащими большую часть населения Вальпараисо. Наиболее населенное кебрадо есть то, которое подымается от юго-западного угла города; гранит, выходящий тут наружу, служит для строений надежным основанием, обеспечивающим их от разрушительного действия землетрясений. Сообщение этих жилищ между собой и с городом совершается по узким тропинкам, проложенным по утесам, без всяких перил или уступов, по которым дети, резвясь, бегали вниз и вверх, подобно сернам. К немногим только домам, и то принадлежащим иностранцам, проведены тропинки уступами. Чилийцы считают это роскошью, совершенно лишнею и бесполезною. Престранное зрелище представляет лестница черепичных или пальмовых крыш под ногами — над головой такая же

¹ Кебрадо (точнее — кебрада) — испанское название узких горных ущелий с крутыми стенками.

лестница порогов и огородцев. Я сначала пошел было с натуралистами, но они скоро завели меня в такое место, что я ни шагу вперед, ни шагу назад более не мог ступить; и потому вместе с одним из товарищей оставил их, пожелав им явиться домой с целыми головами, но тысячу раз думал лишиться своей, прежде нежели сошел вниз».

Когда после утомительной прогулки в окрестностях Вальпараисо русские моряки верхом вернулись в город, они были очень удивлены тем, что встретившийся патруль заставил их, несмотря на протесты, спешиться.

«Был Великий Четверг, — рассказывает Литке, — от сего дня до Страстной Субботы не позволяется здесь, под великим штрафом, ни верхом ездить, ни петь, ни играть на инструментах, ни даже ходить в шляпе. Всякое дело, всякая работа, всякое увеселение строго на эти дни запрещается. Пригорок посреди города, на котором стоит театр, обращается на это время в Голгофу¹. Посреди огороженного щитами пространства воздвигается крест с изображением Христа. Перед сим местом набожные души приходили громкою молитвою смывать грехи свои. Я заметил только грешниц, но ни одного грешника; большая часть из них, конечно, твердо были уверены в получении благодати — ибо по пути шутили, смеялись, приближаясь к этому месту, принимали вид смиренный, преклоняли колена на несколько минут и потом продолжали путь с прежними шутками и смехом».

Нетерпимость и суеверия, проявления которых иностранцы встречали на каждом шагу, вызвали у русского путешественника вполне понятные размышления. Он с сожалением отмечал, сколько энергии и сил тратятся бесполезно вместо того, чтобы найти себе применение для морального совершенствования и развития материального благополучия страны.

По мнению Литке, Вальпараисо и его окрестности очень далеки от того, чтобы походить на райскую долину. Голые горы, прорезанные глубокими «кебрадо», песчаная равнина, среди которой возвышается город, высокая цепь Анд на заднем плане — все это, по правде говоря, мало напоминало рай.

Следы ужасного землетрясения 1823 года еще не вполне ис-

¹ Голгофа — холм поблизости от древнего Иерусалима (сейчас — в городской черте), на котором, согласно евангельскому преданию, распяли Иисуса Христа.

МАРШРУТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ ЛИТКЕ

БАРЕНЦЕВО
МОРЕ

ЗАЛ ВАНДЕР-ФОРДА
ПРОВ РЫБАЧИИ

КОЛА
КОЛЬСКИЙ ПРОВОД
ГОРДА

БЕЛОЕ МОРЕ

АРХАНГЕЛЬСК

БЕЛЫЙ
НОВАЯ
ЗЕМЛЯ
ПР МАТОЧКИН ШАР
ПР КАРСКИЕ ВОРОТА
ПР ИГОРСКИН ШАР
О. ВАНГАТ
О. КОЛУЕВ
Ч. ВАННИН НОС
О. МАНИН
О. МЕСЕН

++++++	1821г
.....	1822г
_____	1823г
-----	1824г

чезли, и русские видели большие пространства, загроможденные развалинами.

Пятнадцатого апреля «Сенявин» снова вышел в море и направился в Ново-Архангельск, куда и прибыл 24 июня после плаванья, не ознаменовавшегося никакими примечательными событиями. Необходимость заняться починками, неизбежными после десятимесячного перехода, и выгрузка продовольствия, которое «Сенявин» доставил в адрес Российско-Американской компании, задержали Литке в бухте Ситха на пять недель.

Эта часть северо-западного побережья Америки имеет дикий, но живописный вид. Высокие горы, покрытые до самой вершины густым темным лесом, образуют задний план панорамы. У входа в бухту на две тысячи восемьсот футов над уровнем моря возвышается гора Эджкем¹, представляющая собой потухший вулкан. Внутри бухта усеяна лабиринтом островов, позади которых расположен Ново-Архангельск с крепостью, башнями и церковью. Город состоит из одного ряда домов, окруженных садами; в нем имеется больница, верфь, а за пределами городских стен раскинулась большая деревня индейцев из племени колошей². Город населяли русские, креолы и алеуты; из общего числа жителей в восемьсот человек триста находились на службе компании. Но численность населения сильно колеблется в разное время года. Летом почти все уходят на охоту, а осенью, едва только успевают вернуться, снова отправляются на рыбную ловлю.

Ново-Архангельск не слишком богат развлечениями. По правде говоря, это поселение — одно из самых унылых, какое только можно вообразить, невыразимо мрачный, заброшенный уголок, где весь год, за исключением трех зимних месяцев, когда лежит снег, погода напоминает скорее осень, чем какое-либо другое время года. Все это не слишком важно для путешественника, находящегося здесь проездом; но те, кто там постоянно живет, должны обладать большим запасом философского терпения или очень сильным желанием не умереть с голода. Довольно крупная

¹ Эджкем — гора расположена на острове Крузова, в 16 милях западнее Ново-Архангельска (совр. Ситка). Ее высота составляет 3271 фут (997,5 м).

² Название колоши (или колюжи) образовано русскими поселенцами от слова «калюжка» — кусок дерева, кости или камня (а также раковины), который индейские женщины и старейшины родов вставляли в рассеченную и оттянутую книзу нижнюю губу.

торговля ведется с Калифорнией, с туземцами и с иностранными кораблями.

Алеуты-охотники, состоящие на службе компании, добывают меха выдры, бобров, лисицы и сусликов. Они бьют моржей, тюленей и китов, а во время хода рыбы ловят сельдь, треску, лососей, палтусов, налимов, окуней. На островах Королевы Шарлотты добывают раковины цукли¹, которые нужны компании для обмена с североамериканскими племенами.

Индейцы, живущие между 46° и 60° северной широты, по видимому, принадлежат к одному и тому же народу; во всяком случае, к такому выводу можно прийти на основании безусловно сходства их внешнего вида, обычаев, образа жизни и единства их языка².

Колоши, или ситкинцы, считают своим родоначальником человека, по имени Эльх, пользовавшегося покровительством вороны — первопричины всего сущего. Любопытно отметить, что в мифологии жителей Кодьяка, принадлежащих к эскимосам, эта птица также играет важную роль³. По словам Литке, у колошей существует предание о потопе и несколько легенд, которые он считает сходными с греческими мифами.

Их религия представляет собой не что иное, как шаманство. Они не признают никакого высшего божественного существа, а верят в злых духов и в колдунов, которые предсказывают будущее, излечивают болезни и профессия которых переходит по наследству. Индейцы верят, что душа бессмертна; во всяком случае, души вождей не смешиваются с душами простых смертных, а души рабов остаются рабами и после смерти. Конечно, это верование малоутешительно.

¹ Скорее всего имеется в виду обычный для тихоокеанского побережья Северной Америки моллюск из отряда галиотисов, или морских ушек, называемый черным абалоном (*Haliotis stacherodii*). Его круглые, достигающие в диаметре 12 см раковины использовались прибрежными индейцами в качестве украшений.

² Это утверждение в корне неверно. Племена, населяющие северо-западное побережье Америки ко времени колонизации, вследствие различий в природной среде, исторических связях и этногенезе, а также своеобразия культурных традиций, делились на три большие группы. Внутри этих групп однообразия также не было: различные племена находились на разных стадиях общественного развития. Это даже дало этнографам повод упоминать северо-западное побережье как пример «многолинейной эволюции» на относительно небольшой территории.

³ Культ вороны вообще широко распространен среди коренных обитателей Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии.

Общественный строй у здешних туземцев патриархальный,¹ они разделены на племена, которые, как и повсюду в Америке, имеют своей эмблемой какое-нибудь животное: волка, ворона, медведя, орла и т. д. Название этого животного чаще всего носит и само племя. У колошей имеются рабы — взятые на войне пленные. Участь этих рабов очень жалкая. Их хозяева имеют право распоряжаться жизнью и смертью своих невольников. При некоторых церемониях, например, по случаю кончины вождя, рабов, которые уже ни на что не годны, приносят в жертву или же, наоборот, отпускают на свободу.

Недоверчивые и коварные, жестокие, мстительные, колоши не лучше и не хуже других туземцев, обитающих по соседству. Они выносливы, храбры, но ленивы и все работы по дому возлагают на жен, так как у них распространено многоженство.

Покинув Ситху, Литке направился на Уналашку. Самым крупным поселением на этом острове являлся Иллююк, в котором насчитывается всего двенадцать русских и десять алеутов обоего пола.

Жизнь на этом острове была бы очень удобна и приятна, если бы не полное отсутствие леса; местное население вынуждено собирать плавник, выброшенный морем на близлежащие берега: среди принесенных течениями деревьев иногда попадаются целые стволы кипариса, камфорного дерева и еще какого-то издающего запах розы. На острове много хороших пастбищ. Поэтому на нем с успехом занимаются скотоводством.

Жители Лисьих островов к тому времени, когда у них побывал Литке, восприняли в значительной мере обычаи и одежду русских. Все они были христиане. Алеуты отличаются добротой, смелостью и ловкостью; в море они чувствуют себя как дома.

После 1826 года неоднократные извержения пепла произвели большие опустошения на этих островах. В мае 1827 года на острове Нунивак открылся новый кратер в вулкане Шишалдина, извергавший пламя.

Полученные Литке инструкции предписывали ему исследовать остров Святого Матвея, названный Куком островом Гора. Резуль-

¹ И здесь автор не прав: вся северная группа индейских племен, в том числе основное племя — тлинкиты, описана этнографами как материнско-родовая. Племена центральной группы находились на переходной ступени между матриархатом и патриархатом.

таты гидрографической съемки этого района превзошли все ожидания, но попытки собрать сведения о естественных богатствах острова оказались малоуспешными, так как пристать к нему было невозможно.

Между тем наступила зима с обычными своими спутниками — туманами и бурями. Нечего было и думать о плавании к Берингову проливу. Поэтому Литке направился на Камчатку, посетив по дороге остров Беринга. В Петропавловске он провел три недели, используя это время на выгрузку привезенных запасов и подготовку к зимней кампании.

В инструкциях указывалось, что Литке должен посвятить зимние месяцы изучению Каролинских островов. Он решил прежде всего направиться к острову Уалан¹, открытому французским мореплавателем Дюперре², надеясь, что хорошо защищенная бухта даст ему возможность произвести опыты с мятником.

По дороге Литке безуспешно пытался на 26°9' северной широты и 128° западной долготы отыскать несуществующие острова Колюнас, Декстер и Святого Варфоломея. Затем он подошел к группе коралловых островов Браун³, открытой в 1794 году англичанином Батлером, и 4 декабря оказался в виду Уалана.

С первых же минут радушный прием туземцев произвел на русских наилучшее впечатление. Многие жители Уалана, подплывшие навстречу в пирогах, проявили столько доверия, что остались ночевать на борту корабля, когда он еще двигался.

«Сенявину» не без труда удалось войти в бухту Кокий. Высадившись на островок Матанияль, Литке, по примеру Дюперре, построил там обсерваторию. Тем временем начался обмен с туземцами. Их простодушие и миролюбивый характер проявлялись на каждом шагу. Достаточно было задержать одного из их вождей в качестве заложника и сжечь одну пирогу, чтобы случаи краж со стороны отдельных туземцев прекратились.

«Можем мы, — пишет Литке, — с не меньшим удовольствием сказать перед светом, что трехнедельное пребывание наше на Уа-

¹ Уалан (Юалан) — самый восточный остров в Каролинском архипелаге. В настоящее время его чаще называют Кусаие.

² Дюперре Виктор Ги (1775 — 1846) — французский мореплаватель, адмирал. Отличился при взятии французскими войсками Алжира. О его плавании см. дальше, в главе 2.

³ Атолл Браун носит в настоящее время название Эниветок.

лане не только не стоило ни одной капли крови человеческой, но что мы добрых островитян могли оставить с прежними неполными сведениями о действии огнестрельных орудий наших, которые они почитают назначенными только для убивания птиц... Не знаю, найдется ли подобный пример в летописях ранних путешествий в Южное море».

Покинув Уалан, Литке безуспешно пытался отыскать острова Музграва, указанные на карте Крузенштерна, но зато вскоре открыл большой, со всех сторон окаймленный рифами остров, который носит название Понапе¹. Большие красивые пироги с экипажем в четырнадцать человек и маленькие, всего на двух человек, немедленно окружили корабль.

Эти туземцы со свирепыми лицами, выражавшими недоверчивость, с глазами, налитыми кровью, наглые и шумные, пели, танцевали, жестикулировали в своих лодках и очень неохотно решались подняться на палубу.

«Сенявин» держался на некотором расстоянии от берега, высаживаться на который можно было бы лишь с боем, так как во время одной попытки подойти к земле туземцы окружили шлюпку и отступили лишь после дружного сопротивления экипажа шлюпки и пушечных выстрелов с «Сенявина».

У Литке было слишком мало времени, чтобы обстоятельно изучить архипелаг Сенявина, как он назвал открытые им острова. Поэтому сведения, собранные им о жителях Понапе и прилегающих островах, недостаточно точны. По его мнению, эти туземцы принадлежат не к тому народу, что жители Уалана, а приближаются скорее к папуасам, ближайшие племена которых населяют Новую Ирландию, отстоящую всего на семьсот миль.

Разыскивая, но не найдя остров Святого Августина, Литке вскоре увидел коралловые острова Лос-Валиентес, называемые также Севн-Айлендс (Семь Островов), открытые в 1775 году испанцем Фелипе Томпсоном².

После этого мореплавателю очутился в виду архипелага Морт-

¹ Понапе (местное название Пыйнипег) – самый крупный из островов Сенявина.

² К островам этой группы Ф. П. Литке подошел 12 января 1826 года. Жители называли эти острова Нгарык. Современное название атоллов – Нгатик. Расположены они к юго-западу от островов Сенявина, под 5°50' северной широты и 157°15' восточной долготы.

лок, названного в старину Торресом¹ группой Лукунор, жители которого были похожи на уланцев. Литке высадился на главный остров, представлявший собой настоящий сад из кокосовых пальм и хлебных деревьев.

Туземцы обладали некоторой культурой. Подобно жителям Уалана и Понапе, они умели ткать и окрашивать волокна бананов и кокосовых пальм. Рыболовные снасти делали честь их изобретательному уму; особенно это относится к своеобразной верше, сплетенной из прутьев и бамбуковых побегов и устроенной так, чтобы рыба могла войти в нее, но не выйти. У них были также сети в форме большого кошелья, удочки и остроги.

Пироги, на которых они проводят три четверти жизни, прекрасно отвечают своему назначению. Построенные с немалым трудом и хранящиеся в особых шалашах, большие пироги имеют двадцать шесть футов в длину, два с четвертью фута в ширину и четыре в глубину. Они снабжены балансиром, поперечные брусья которого имеют настил. С другой стороны прикреплена снабженная крышей маленькая площадка в четыре квадратных фута, где хранится продовольствие. Эти пироги оснащены треугольным парусом из циновки, сплетенных из листьев пандануса, прикрепляемым к двум реям². Чтобы повернуть на другой галс³, отдают шкот⁴, наклоняют мачту к другому концу пирога, куда одновременно переносится галсовый угол паруса⁵, после чего пирога движется вперед другим своим концом.

Затем Литке исследовал атолл Намолук, жители которого ничем не отличаются от лукунорцев, и доказал тождественность острова Трук⁶, описанного уже Дюперре, с островом Кироса. Далее он посетил архипелаг Намонуито, остатки обширной группы

¹ О плавании испанского капитана Луиса Ваэса де Торреса (1606 год) см. в томе «Открытие Земли», с. 446 — 450.

² Рей — горизонтальное рангоутное дерево, подвешенное за середину к мачте или стеньге и служащее для привязывания к нему прямых парусов.

³ Галс — здесь: положение судна относительно ветра.

⁴ Шкот — снасть, служащая для управления парусом. Шкот привязывают к нижнему свободному концу паруса, не закрепленному ни за рей, ни за мачту. Отдать шкот — отвязать или попустить эту снасть.

⁵ Галсовый угол паруса — нижний угол паруса, за который закреплен наветренный шкот.

⁶ Трук — это не один остров, а целая группа, самые крупные из которых — Тол, Дублон, Мозн (как сообщается в следующей главе).

островов или даже одного большого острова, когда-то, по-видимому, существовавшего здесь.

Капитан Литке, испытывая недостаток в сухарях и во многих других продуктах, которые он надеялся достать на Гуаме или на кораблях, стоявших в порту, направился теперь к Марианскому архипелагу. Он рассчитывал повторить там опыты с маятником, производя которые Фресине¹ обнаружил значительные изменения силы земного притяжения.

Приблизившись к берегу, Литке чрезвычайно удивился, не заметив на нем никаких признаков жизни. На обоих фортах не развевались флаги. Мертвая тишина царила повсюду, и если бы не присутствие на внутреннем рейде стоявшей на якоре шхуны, то можно было бы подумать, что остров необитаем. На берегу было очень мало людей, к тому же они производили впечатление полудикарей, и получить от них какие-либо сведения оказалось почти невозможно. К счастью, один английский дезертир предложил свои услуги Литке и передал его письмо губернатору, на которое вскоре последовал удовлетворительный ответ.

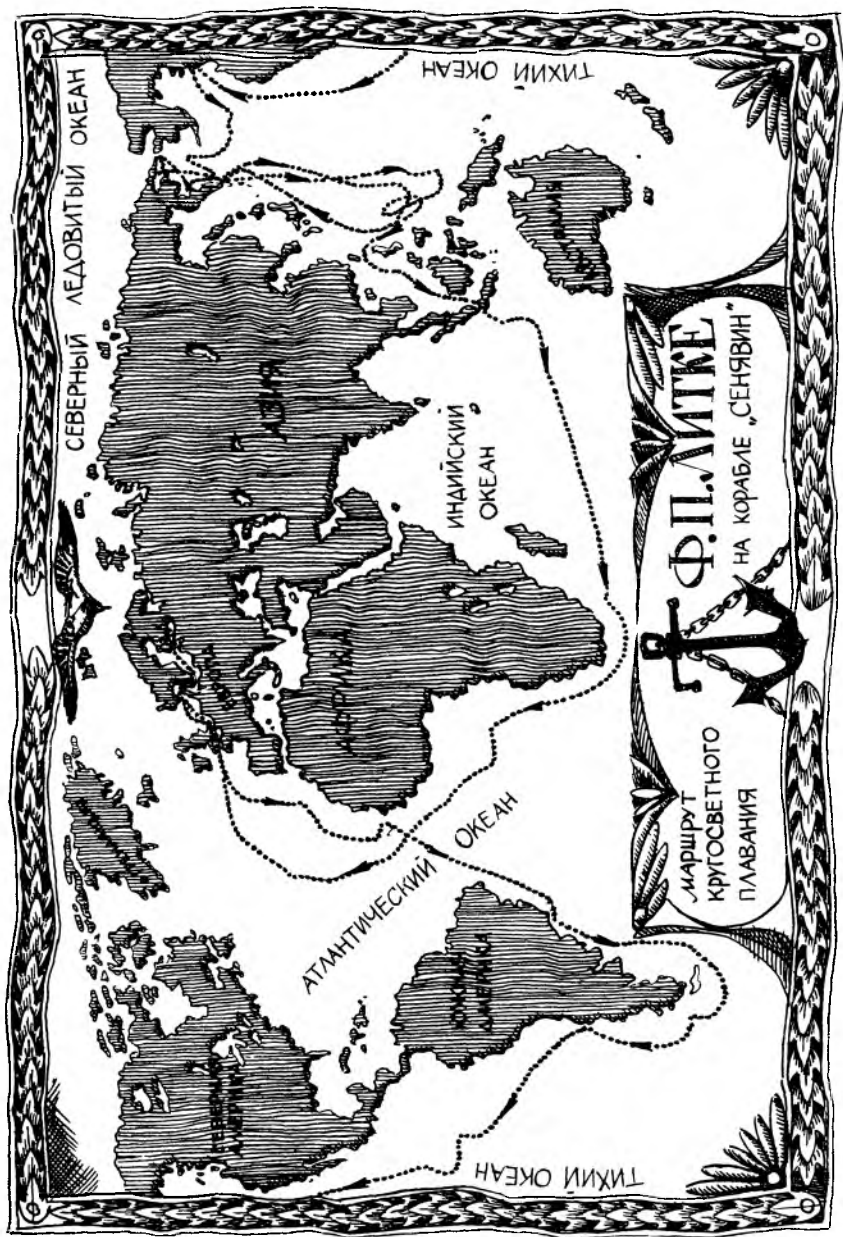
Губернатором был тот самый Мединилья, чье гостеприимство расхваливали Коцебу и Фресине; получить от него разрешение на устройство на берегу обсерватории и на доставку туда продовольствия, в котором русские нуждались, не составило никакого труда. Эта стоянка была омрачена несчастным случаем, происшедшим с капитаном Литке: на охоте он довольно сильно поранил себе руку случайным выстрелом из ружья.

Работы по починке такелажа и корпуса судна, необходимость сделать запас воды и дров задержали отплытие «Сенявина» до 19 марта. За это время Литке имел достаточно досуга, чтобы проверить точность сведений, собранных его предшественником Фресине, который в 1819 году провел здесь два месяца, живя в доме самого губернатора. С тех пор ничего не изменилось.

Для Литке еще не наступило время идти на север, поэтому он возобновил изучение Каролинского архипелага. Местные жители показались ему лучше сложенными, чем их западные соседи, от которых они, впрочем, мало отличаются.

Литке произвел последовательно съемку островов Фараулеп,

¹ Фресине (Фрейсине) Луи-Клод де (1779 – 1842) – французский мореплаватель (см. главу 2).

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

ТИХИЙ ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

ТИХИЙ ОКЕАН

Ф.П.ЛИТКЕ
НА КОРАБЛЕ "СЕНЯВИН"

МАРШРУТ
КРУГОСВЕТНОГО
ПЛАВАНИЯ

Волеаи¹, Ифалик, Фурипигзе², а затем 27 апреля направился к островам Бонин. Там он узнал, что английский капитан Бичи опередил его в изучении этой группы островов. Поэтому Литке немедленно прекратил все гидрографические работы. Два матроса, принадлежавшие к экипажу китобойного судна и спасшиеся от кораблекрушения, все еще жили на одном из островов Бонин.

Со времени широкого развития китобойного промысла китобойи часто посещали этот архипелаг, где они находили надежную во все времена года гавань, пресную воду, изобилие дров, рыбу, в течение шести месяцев — черепах, а также среди множества противочинготных трав — прекрасную на вкус пальмовую капусту.

«Могучий рост деревьев, — рассказывает Литке, — разнообразие и смещение произрастаний тропических со свойственными умеренным странам свидетельствуют уже о плодородии земли и благоприятствии климата. Большая часть наших садовых и огородных растений, а может быть и все, росли бы здесь как нельзя лучше; пшеница, сарачинское пшено³, маис, также для винограда лучшего климата и положения желать нельзя. Всякого рода домашние животные, равно как и пчелы, могли бы размножаться очень скоро. Словом, с немногочисленным, но трудолюбивым населением маленькая группа сия в короткое время могла бы сделаться изобильнейшим во всех статьях местом».

Девятого июля «Сенявин», на целую неделю запоздав из-за отсутствия ветра, вошел в гавань Петропавловска, где необходимость пополнить запасы продовольствия задержала его до 26-го. После этого был проведен ряд исследований берегов Камчатки, заселенных коряками и чукчами. Плавание трижды прерывалось стоянками на острове Карагинском, в бухте Святого Лаврентия и в заливе Святого Креста.

Во время одной из этих остановок с Литке произошло забавное приключение. В течение многих дней он поддерживал дружественные отношения с чукчами, которым он пытался дать

¹ Волеаи — так в «Атласе Тихого океана» (Москва, 1974). Есть и другие фонетические варианты названия: Волеа, Улие.

² Фурипигзе — вероятно, речь идет об атолле Иурипик (Кама), или Эаурипик.

³ Сарачинское пшено (то есть: сарацинское) — рис, обдирная рисовая крупа.

более ясное представление о том, что за люди русские и как они живут.

«Чукчи, — сообщает Литке, — все были ласковы и старались на наши шутки и ласки отвечать так же. Одного весьма дюжего чукчу потрепал я в знак дружбы по щеке и в ответ получил внезапно такую пощечину, от которой едва с ног не свалился. Придя в себя от удивления, вижу передо мною моего чукчу с улыбающимся лицом, выражавшим самодовольствие человека, удачно показавшего свою ловкость и приветливость, — он меня также хотел потрепать, но рукою, привыкшею трепать одних оленей».

Путешественники присутствовали также при сцене, когда один из чукчей с большим искусством изображал шамана или колдуна. Он прошел за полог, откуда вскоре послышались похожие на какое-то рычание звуки, сопровождавшиеся легкими ударами китовым усом о бубен. Когда полог поднялся, зрители увидели покачивавшегося из стороны в сторону шамана; звуки его голоса и удары в бубен, который он держал у самого уха, все усиливались. Через некоторое время он сбросил свою шубу, оставшись по пояс голым, взял гладкий камень, дал его подержать Литке, забрал обратно, и, пока он делал руками какие-то пассы, камень исчез. Указывая на опухоль на локте, чукча дал понять, что камень находится в этом месте; затем он заставил опухоль передвинуться в бок и, извлеки оттуда камень, объявил, что путешествие русских окончится благополучно.

Шамана похвалили за искусство и в благодарность подарили ему нож. Взяв его в руку, он высунул язык и принялся резать его... Рот наполнился кровью. Затем, окончательно отрезав себе язык, он продемонстрировал его в вытянутой руке. Но тут занавес опустился, так как искусство фокусника дальше этого, очевидно, не шло.

Общим именем чукчей называют коренное население северо-восточной оконечности Азии¹. Оно подразделяется на два народа:² один из них, ведущий кочевой образ жизни, называется олен-

¹ Чукчи — народ чукотско-камчатской семьи, проживающий на крайнем северо-востоке Азии. Их современная численность — около 15 тыс. человек. Первоначально тундровые жители, они в начале I тысячелетия н. э. продвинулись на океанское побережье, где понемногу стали смешиваться сначала с эскимосами, а потом — с юкагирами.

² Этнографы говорят о подразделении чукчей на 2 группы, связанные между собой родственными отношениями и натуральным обменом.

ными чукчами; другой, имеющий постоянные поселения, — оседлыми чукчами. Образ жизни двух этих народов, так же как черты лица и даже язык, сильно отличаются. Наречие оседлых чукчей имеет очень много общего с языком эскимосов. Байдарки, или обтянутые шкурами лодки, одни и те же орудия, одинаковая форма жилищ также говорят о сходстве между этими народами.

Литке удалось повидать лишь очень немногих оленных чукчей, поэтому он мало что мог прибавить к рассказам своих предшественников. Однако ему показалось, что в прежних описаниях их изображали в чересчур неблагоприятном свете и что созданная им репутация беспокойного и дикого народа сильно преувеличена.

Оседлые чукчи называют себя анкалы¹ — «морской житель», зимой они живут в землянках², а летом в покрытых шкурами ярангах. Последние, как правило, служат жилищем для нескольких семей.

«Женатые сыновья или замужние дочери, — сообщается в отчете, — живут вместе с родителями... Каждая семья занимает под пологом одно из отделений, на кои разделена широкая сторона юрты³. Пологи сии шьются из оленьих шкур в форме колокола, подвешиваются к стропилам и опускаются до земли. Два-три человека, а иногда и больше, с помощью жирника, зажигаемого в холодное время, нагревают воздух под пологом, почти герметически заключенным, в самую большую стужу до такой степени, что всякое одеяние делается лишним, но дышать им могут одни чукотские легкие. В передней половине юрты лежит всякий скарб и посуда, котлы, корзины, чемоданы из нерпичьих шкур и проч. Тут же и очаг, если можно так назвать место, где тлеют с трудом

¹ Общее самоназвание чукотского народа — «лыгьо раветльан», что означает «настоящие люди». При этом тундровые оленеводы называют себя «чаучу» («оленный человек»), приморские оседлые охотники — «анкалын» («береговой»). Кроме того, в прошлом существовали названия по месту жительства или кочевок.

² Речь идет о заимствованной приморскими чукчами у эскимосов полуземлянке на каркасе из китовых костей, покрытых дерном и землей, — так называемом «доме из челюстей кита» («вал-аран»).

³ Так в оригинале у Литке.

собираемые по тундрам ивовые прутьи, а за неимением их китовая в жиру кость».

Вокруг яранг, на сушилах, из дерева или китовых костей составленных, развешано нерпичье мясо, на куски разрезанное, черное и отвратительное.

Народы эти влачат жалкое существование. Они питаются полусырым мясом тюленей и моржей, за которыми охотятся, и мясом китов, которых море выбрасывает на берег. Их единственное домашнее животное — собака; они обращаются с этими бедными животными довольно плохо, хотя те очень ласковые и оказывают им большие услуги: собаки тянут на веревках байдарки и везут по снегу сани.

После второй, длившейся пять недель, стоянки в Петропавловске «Сенявин» 10 ноября покинул берега Камчатки и направился в обратный путь в Европу. Прежде чем зайти в Манилу, Литке некоторое время крейсировал у северной части Каролинских островов, берега которой он не успел заснять прошлой зимой. Он посетил одну за другой группы островов: Мурило, Фанану, Намунито, Магур, Фараулеп, Эаурипик. Прибыв в Манилу, он застал там ожидавший его шлюп «Моллер».

Каролинские острова раскинуты на огромном пространстве; Марианские острова, равно как и острова Ратак, вполне можно было бы также причислить к ним, ибо все они населены одним и тем же народом¹. В старину географы долгое время руководствовались исключительно картами миссионеров. Не обладая достаточными познаниями и инструментами, необходимыми для точного определения величины и местоположения всех этих архипелагов, а также расстояния между ними, миссионеры преувеличивали их размеры и нередко определяли протяженность какой-нибудь группы островов в несколько градусов, между тем как она составляла всего несколько миль.

Поэтому мореплаватели благоразумно держались вдали от них. Фресине первый навел некоторый порядок в этом хаосе. Благодаря встрече с Каду и с помощником губернатора Гуама доном Луисом Торресом, Фресине удалось установить тождество вновь открытых островов с ранее открытыми. Литке внес свою долю, при этом весьма немаловажную, в создание реальной и на-

¹ В науке эта сообщество получила название микронезийцев.

учной карты архипелага, который долгое время внушал ужас мореплавателям.

В то время как Лессон сближает жителей Каролинских островов с китайцами и японцами, Литке, напротив, считает, что их большие глаза навькате, толстые губы, вздернутый нос роднят их с жителями Сандвичевых островов и архипелага Тонга. В языке также нельзя обнаружить ни малейшего сходства с японским, но он очень близок к языку жителей Тонга¹.

Пребывание в Маниле было использовано Литке для погрузки продовольствия и починки шлюпа; 30 января он покинул эту испанскую колонию, чтобы вернуться в Россию, и 6 сентября² 1829 года бросил якорь на Кронштадтском рейде.

Остается еще рассказать, что произошло со шлюпом «Моллер» после того, как он расстался с «Сенявиным» в Вальпараисо. С Таити он пошел на Камчатку и оставил в Петропавловске часть своего груза. Затем в августе 1827 года он направился к Уналашке, где пробыл месяц. После съемки западного побережья Америки (программу этих работ пришлось сократить из-за плохой погоды), после стоянки в Гонолулу, продолжавшейся до февраля 1828 года, Станюкович открыл остров Моллера (Аману), определил положение островов Неккер, Гарднер (Никумароро), Лисянского и отметил в шести милях к югу от последнего очень опасный подводный риф.

Затем корвет пошел вдоль островов Кур, Банки Французских фрегатов, подводных рифов Марас, атолла Пёрл-энд-Хёрмис и после поисков нескольких островов, указанных на картах Эрроусмита, вернулся на Камчатку. В конце апреля он направился на Уналашку и произвел съемку северного побережья полуострова Аляска. Только в сентябре «Моллер» соединился с «Сенявиным»; с этого времени и до возвращения в Россию оба корабля разлучались лишь ненадолго.

Как можно судить по достаточно подробному пересказу, который мы сделали, эта экспедиция дала важные географические

¹ Автор неверно излагает взгляды Литке. Мореплаватель считал, что жители Каролинских островов имеют общее происхождение с полинезийцами. Корни же их уходят к приморским народам Юго-Восточной Азии. В целом это соответствует современной точке зрения.

² 6 сентября (25 августа ст. ст.) в Кронштадт вернулся шлюп «Сенявин». Другой шлюп, «Моллер», пришел в родной порт на 2 дня раньше.

результаты¹. Необходимо упомянуть, что различные отрасли естествознания, физика и астрономия также обязаны ей многочисленными и серьезными достижениями.

¹ Экспедиция собрала обширный материал по морским течениям, температуре воды и воздуха, атмосферному давлению. Литке детально охарактеризовал теплое тихоокеанское Межпассатное противотечение, проходящее в низких широтах Северного полушария в восточном направлении (впервые на этот водный поток обратил внимание И. Ф. Крузенштерн). «Очень ценны магнитные наблюдения и определения силы тяжести» (*Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов*, с. 202). Значительные материалы собраны по зоологии (свыше 1500 экземпляров разных животных), ботанике, геологии (330 образцов горных пород), этнографии. Результаты плавания были опубликованы в 5-ти частях в 1834 – 1838 годах. В сокращенном виде переизданы в 1948 году под названием «Путешествие вокруг света на военном шлюпе “Сенявин”».

Глава вторая

КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ФРАНЦУЗСКИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

I

Путешествие Фресине. — Рио-де-Жанейро и цыгане. — Мыс Доброй Надежды и его вина. — Залив Шарк. — Стоянка на Тиморе. — Остров Омбай (Алор). — Острова папуасов. — Свайные постройки. — Обед у губернатора Гуама. — Описание Марианских островов и их жителей. — Некоторые подробности о Сандвичевых островах. — Порт-Джексон и Новый Южный Уэльс. — Кораблекрушение в заливе Франсез. — Малуинские (Фолклендские) острова. — Возвращение во Францию. — Экспедиция на «Коккий» под руководством Дюперре. — Острова Мартин-Вас и Триндади. — Остров Санта-Катарина. — Независимость Бразилии. — Залив Франсез и остатки «Урании». — Стоянка в бухте Консепсьон. — Гражданская война в Чили. — Арауканы. — Новые открытия в Опасном архипелаге (Туамоту). — Стоянки на Таити и на Новой Ирландии. — Папуасы. — Заход на Уалан. — Жители Каролинских островов. — Научные результаты экспедиции.

Экспедиция под начальством Луи-Клода де Фресине могла быть предпринята после заключения мирного договора 1815 года, положившего конец военным действиям французского флота. Фресине, один из наиболее предприимчивых морских офицеров, тот самый, что сопровождал Бодена при изучении берегов Австралии, составил план экспедиции, и ему же поручили его выполнение. Это было первое морское путешествие, задачи которого не ограничивались гидрографическими работами. Главная цель экспедиции состояла в изучении формы Земли в Южном полушарии и явлений земного магнетизма; путешественники не должны были забывать также об изучении растительного и животного царства, нравов, обычаев и языка туземных народов. Чисто географические исследования хотя и не исключались, но были отодвинуты на задний план. При составлении коллекций естественнонаучных материалов Фресине нашел ценных помощников в лице Куа¹, Гемара и Годишо — офицеров медицинской службы флота. К участию в экспедиции он привлек также опытных морских

¹ Очевидно, имеется в виду Жан-Рене-Констан Куа (1790—1869), который во Франции больше известен как ученый-натуралист.

офицеров: Дюперре¹, Ламарша, Берара и Оде-Пеллиона;² один из них впоследствии стал академиком, остальные — высшими офицерами или адмиралами французского флота.

Фресине позаботился также подобрать таких матросов, которые знали какое-нибудь ремесло; из ста двадцати человек, составлявших экипаж корвета «Урания», не меньше пятидесяти в случае нужды могли выполнять работу плотника, канатчика, парусного мастера, кузнеца и т. д.

На «Уранию» погрузили двухлетний запас одежды, разнообразное снаряжение, железные бочки для хранения пресной воды, аппараты для перегонки морской воды, консервы и противочинготные средства. 17 сентября 1817 года корвет вышел из Тулонского порта, увозя с собой переодетую матросом жену командира, которая не испугалась опасностей и трудностей предстоящего длительного плавания.

Наряду с чисто материальными запасами Фресине вез с собой набор самых лучших инструментов и приборов. Наконец он получил от Академии наук подробные инструкции, которыми следовало руководствоваться при исследованиях: они должны были подсказать ему, какого рода опыты смогут лучше всего содействовать научному прогрессу.

Заход в Гибралтар, стоянка в бухте Санта-Крус на Тенерифе, одном из Канарских островов, которые, как остроумно заметил Фресине, вовсе не были Счастливыми для его экипажа³ — испанский губернатор запретил всякое сообщение с берегом, — и наконец, 6 декабря «Урания» вошла в гавань Рио-де-Жанейро.

Командир и его офицеры использовали эту стоянку для проведения большой серии магнитных наблюдений и опытов с маятником, между тем как естествоиспытатели совершали экскурсии в глубь страны и собирали многочисленные коллекции.

¹ Дюперре Луи-Исидор (1786—1865) — французский мореплаватель и ученый. Изучал гидрографическую сеть Тосканы (1809). После плавания на «Уранию» назначается в звании капитан-лейтенанта командиром корабля «Коккий», уходящего в новое кругосветное плавание, о котором будет рассказано в следующем разделе этой главы. Дюперре был избран членом Парижской Академии наук, а в 1850 году стал ее президентом.

² Оде-Пеллион Мари-Жозеф Альфонс (1796—1868) — французский морской офицер, впоследствии — адмирал.

³ В древности Канарские острова назывались Счастливыми (Insulae Fortunatae) — из-за исключительно благоприятных климатических условий.

Подлинный отчет о путешествии содержит пространный исторический обзор открытия и колонизации Бразилии, а также мельчайшие подробности о нравах и обычаях населения, о температуре и климате и обстоятельное описание Рио-де-Жанейро, его памятников и окрестностей.

Наиболее любопытные страницы этого описания посвящены цыганам, которых в то время можно было встретить в Рио-де-Жанейро. Фресине сообщает:

«Цыгане, живущие в Рио-де-Жанейро, являются потомками париев¹ Индии, откуда они, по всей видимости, происходят. Бразильские цыгане подвержены всем порокам, проявляют склонность ко всякого рода преступлениям. Многие из них, обладатели крупных состояний, щеголяют великолепной одеждой и лошадьми, в особенности во время свадеб, которые справляются очень пышно, и обычно проводят свою жизнь в пьянстве и безделии. Мошенники и лгуны, они крадут сколько могут при торговле; они также ловкие контрабандисты. Здесь, как и повсюду, где встречаются цыгане, они заключают браки только между собой. У них свое произношение и даже особый жаргон. Бразильское правительство специально отвело для них две улицы по соседству с предместьем Санта-Ана».

¹ Парии – этим понятием обычно обозначаются самые низшие слои традиционного индийского общества, угнетенные сословия, выполнявшие самую грязную и унижительную работу. Эти слои были полностью отделены от остального общества. С ними запрещалось вступать в какие бы то ни было близкие контакты. В литературе встречаются упоминания о многих таких группах населения. У всех у них неарийские названия, происшедшие скорее всего от названий племен аборигенов, попавших под власть арийцев-завоевателей. Главной из этих групп были чандалы, и это название впоследствии часто использовалось для обозначения других групп неприкасаемых. Другой группой были млеччки. Так обозначали всех чужеземных варваров независимо от расы или цвета кожи. К началу нашей эры среди париев развилась кастовая иерархия. У них появились собственные изгои. По сути дела, как заключают исследователи, неприкасаемой ту или иную группу населения делал образ жизни. Например, охотники племени нишадов стали неприкасаемыми вследствие распространения в древнем индийском обществе идей ненасилия. Аналогичным путем стала неприкасаемой каста рыбаков (каравары). Члены касты пуккуса стали отверженными, после того как начали производить и продавать алкогольные напитки. У отдельного неприкасаемого не было надежд подняться по социальной лестнице, но для группы (касты) отверженных такой подъем – на протяжении поколений – был возможен, и есть тому немало исторических примеров.

«Кто видел Рио-де-Жанейро только днем, — продолжает Фресине, — мог бы подумать, что население его состоит исключительно из негров. Белые, если их не вынуждают какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства или религиозные обязанности, выходят из дому только вечером. В особенности это относится к женщинам; в течение дня они почти постоянно сидят дома, деля свое время между сном и занятиями туалетом. Мужчины могут встречаться с ними только в театре и в церкви».

Плавание «Урании» от Бразилии до мыса Доброй Надежды не сопровождалось никакими событиями, достойными упоминания. 7 марта был брошен якорь в Столовой бухте. После трехдневного карантина путешественники получили разрешение сойти на берег, где их ждал самый любезный прием со стороны английского губернатора Чарлза Соммерсета. Как только удалось найти подходящее место, были выгружены приборы. Ученые производили обычные опыты с маятником и вели наблюдения над склонением магнитной стрелки.

Естествоиспытатели Куа и Гемар в сопровождении большой группы офицеров совершили экскурсию на Столовую гору и на знаменитые виноградники Констана.

«Виноградники, которые мы осмотрели, — рассказывает Гемар, — окружены дубовыми и сосновыми аллеями, и виноградные лозы, посаженные прямыми рядами на расстоянии четырех футов одна от другой, не поддерживаются шпалерником. Ежегодно их подрезают, а почву вокруг, имеющую песчаный характер, мотыжат. Здесь и там мы видели множество персиковых, абрикосовых и лимонных деревьев, яблонь, груш и небольшие грядки, на которых возделывались овощи. Фермер Колин настоятельно убеждал нас отведать различные сорта его вин, к числу которых относятся собственно констанское вино из мускатного винограда, белое и красное, вина понтак, пьер и фронтиньяк. Вино из других мест, носящее специальное название «капского», делается из мускатного винограда соломенно-желтого цвета; на вкус оно, по моему, лучше муската из Прованса».

Покинув южную оконечность Африки, «Урания» ровно через месяц бросила якорь в Порт-Луи на острове Маврикий, который со времен договора 1815 года находился в руках англичан¹.

¹ Первыми из европейцев на Маврикий попали португальцы (1507, ди Машкареньяш). Их сменили голландцы. В 1598 году адмирал ван Варвик дал острову

Вынужденный завалить свой корабль на бок для тщательного осмотра и починки медной обшивки, Фресине задержался здесь гораздо дольше, чем первоначально рассчитывал. Нашим путешественникам не пришлось на это жаловаться, так как жители Маврикия вполне оправдали свою старинную репутацию любезных хозяев. В бесконечных прогулках, приемах, балах, званых обедах, конских скачках и других празднествах время шло очень быстро.

Поэтому французы не без сожаления расстались со своими старыми земляками и недавними заклятыми врагами.

Многие из самых почтенных колонистов с весьма похвальным рвением снабдили Фресине интересными фактическими данными, которых он не смог бы сам собрать из-за кратковременности своего пребывания. Таким образом ему удалось получить ценные сведения о положении сельского хозяйства, торговли, промышленности, финансов, о моральном состоянии жителей; все эти деликатные, требующие тонкого суждения проблемы не могут быть глубоко изучены путешественником, который посещает страну проездом. С тех пор как остров перешел под управление англичан, было проложено много дорог, построены порты, расширены площади плантаций.

Затем «Урания» направилась к острову Бурбон (Реюньон)¹, где на государственных складах должна была получить необходимое продовольствие. 19 июля 1817 года она стала на якорь у острова Сен-Дени и оставалась на рейде Сен-Поль до 2 августа, когда снова пустилась в путь к заливу Шарк на западном берегу Новой Голландии (Австралия).

Двенадцатого сентября после благополучного плавания «Урания» бросила якорь у входа в залив Шарк. Отряд моряков

название в честь принца Морица Оранского. С 1715 года на острове утвердились французы. Они назвали свое владение Островом Франции (Иль-де-Франс). Заметим, что так же называется историческая область в самом сердце Франции. Сначала островом владела Французская Ост-Индская компания, в 1767 году Иль-де-Франс перешел в собственность короны. В августе 1810 года остров завоевали англичане, которые вернули ему прежнее, голландских времен, название. Мирные договоры 1815 года только закрепили фактическое положение дел, узаконив военную победу.

¹ Реюньоном остров стал называться после Великой французской революции XVIII века. (В период Реставрации, 1815—1830, остров назывался по-старому — Бурбон.)

немедленно был отправлен на Дёрк-Хартог¹, чтобы определить географическое положение мыса Левайян и привезти на корвет оловянную плитку, в давние времена оставленную там голландцами и виденную Фресине в 1801 году².

Были пущены в ход два перегонных куба для опреснения морской воды. В течение всей стоянки французы употребляли только эту воду, и ни один человек не мог на нее пожаловаться.

Высадившийся на берег отряд имел несколько встреч с аборигенами. Вооруженные дротиками и палицами, совершенно голые, австралийцы отказывались вступить в непосредственные сношения с белыми; держась от моряков в некотором отдалении, они лишь с большими предосторожностями прикасались к тем предметам, которые им давали.

Хотя залив Шарк был подробно изучен экспедицией Бодена³, оставалось еще восполнить пробел в гидрографическом исследовании восточной части бухты Хамелин⁴. Эту съемку поручили Дюперре.

Естествоиспытателя Гемара не удовлетворили происходившие ранее встречи с туземцами, которых звуки выстрелов окончательно разогнали. Стремясь узнать хоть какие-нибудь подробности об их образе жизни, он решил углубиться внутрь материка. Но Гемар и его спутник заблудились, как это случилось в 1792 го-

¹ Дёрк-Хартог — остров у входа в залив Шарк у западного побережья Австралии, открытый в 1616 году шкипером голландского судна «Эндрехт» Дирком Хартогом (или Хартохом), который высадился на северной оконечности острова, носящей сейчас название мыс Инскрипши. На память о своем посещении Хартог оставил металлическую пластину с названием судна, годом посещения мыса и фамилиями членов экипажа. Мыс, о котором идет речь, является самой западной точкой Австралии. О жизни Хартога известно только то, что он командовал кораблем Голландской Ост-Индской компании. По архивным данным, Дирк Хартог будто бы составил отчет о своем плавании, но таковой затерялся в бумагах колониального ведомства.

² Речь идет о так называемой Плитке Фламिंगа, диске из оловянно-свинцового сплава, круглой формы, диаметром около 37 см, оставленном на острове 3 февраля 1697 года капитаном голландского торгового судна «Гелвинк» Виллемом де Фламинком. На диске была выгравирована надпись о посещении Дёрк-Хартога экипажем корабля. В 1801 году остров посетило французское торговое судно «Натуралист» под командованием Жака Феликса Эмманюэля Амелена. Плитку Фламिंगа нашел тогда Фресине.

³ Об этой экспедиции см. том «Мореплаватели XVIII века», с. 346–366.

⁴ Свое название бухта получила в честь капитана «Натуралиста» Эмманюэля Амелена.

ду с Ришем на Земле Нейтса;¹ они ужасно страдали от жажды, не найдя за три дня, проведенные ими на суше, ни одного источника, ни одного ручейка.

Без всякого сожаления наблюдали моряки, как исчезали из виду негостеприимные берега Земли Эндрахт. Благодаря прекрасной погоде и совершенно спокойному морю «Урания» без всяких помех достигла Тимора; она прибыла туда 9 октября и стала на якорь на рейде Купанга.

Прием, оказанный португальскими властями, был самым сердечным.

Колония не могла уже похвалиться тем благоденствием, какое удивило и восхитило французов во время путешествия Бодена. Раджа Аманубанги — области, наиболее изобиловавшей сандаловым деревом, плативший раньше дань португальцам, сражался за свою независимость. Военные действия, приносившие колонии неисчислимый вред, сильно затруднили и для Фресине закупку товаров, в которых он нуждался.

Несколько человек из высших офицеров корабля отправились с визитом к радже Петерсу-де-Банакаси, чья резиденция находилась на расстоянии всего трех четвертей лье от Купанга. Петерс, восьмидесятилетний старик, когда-то, по всей вероятности, был очень красив; его окружала свита, проявлявшая к нему величайшее почтение; среди телохранителей можно было заметить воинов внушительного роста.

Французы немало удивились той роскоши, с какой их принимали в этом простом жилище, а также при виде очень дорогих европейских ружей прекрасной работы.

Несмотря на сильную жару, которую приходилось переносить — термометр показывал на солнце и на открытых местах 45°, а в тени от 33 до 35°, — командир и его офицеры с прежним рвением занимались научными наблюдениями и географическими исследованиями, входившими в задачи экспедиции.

Однако, вопреки настойчивым предупреждениям Фресине, молодые офицеры и матросы не соблюдали предосторожностей и выходили среди дня; кроме того, в надежде предохранить себя от

¹ Земля Нейтса — часть северо-западного побережья Австралии между 20 и 23° ю. ш. Свое название получила в честь голландца Питера Нейтса, члена Совета Индий, который находился на борту судна «Гюлден Зепаард», прошедшего под командой капитана Франсуа Тейссена вдоль этого побережья в 1628 году.

гибельных последствий этой игры со смертью, они жадно поглощали холодные напитки и кислые фрукты. В результате дизентерия не замедлила свалить с ног пятерых самых неблагоприятных моряков. Следовало уходить, и 23 октября «Урания» снялась с якоря.

Сначала она быстро шла вдоль северного берега Тимора, занимаясь гидрографической съемкой, но, когда корвет очутился в самой узкой части пролива Омбай, его встретили такие сильные течения и такие слабые или противные ветры, что ему с трудом удалось вернуться на курс, с которого он сбился во время шторма. В таком положении корабль находился ни больше ни меньше как девятнадцать дней!

Несколько офицеров воспользовались задержкой «Урании» у берегов Омбая¹ для того, чтобы посетить ближайшую часть этого очень живописного острова. Они высадились на берег у деревни Битука и стали приближаться к толпе туземцев, вооруженных луками со стрелами и кривыми кинжалами-крисами², одетых в латы и державших щиты из буйволово́й кожи. У дикарей был очень воинственный вид, и они, по-видимому, не боялись огнестрельного оружия; они полагали, что без труда успеют выпустить тучу стрел за то время, какое необходимо для перезарядки ружей.

«Наконечники стрел, — сообщает Гемар, — были изготовлены из твердого дерева, из кости и даже из железа. Стрелы, расположенные веером, были заткнуты с левой стороны за пояс, на котором висели сабля или крис воина. У большей части туземцев на правом бедре и у пояса висела связка листьев веерной пальмы, имевших прорези, через которые пропускались полосы тех же листьев, окрашенные либо в красный, либо в черный цвет. Непрерывное громкое шуршание, создаваемое движениями тех, кто носил этот забавный наряд, усиливавшееся при соприкосновении с латами и щитом, звон маленьких бубенчиков, также являвшихся необходимой принадлежностью военной экипировки, — все это производило такой шум, что мы не могли удержаться от смеха. Ничуть не обидевшись на это, омбайцы не замедлили после-

¹ Омбай — в наши дни этот остров называется Амор.

² Крис — традиционный индонезийский кинжал с изогнутым лезвием, обычно богато гравированным и часто инкрустированным цветными вставками.

довать нашему примеру. Араго¹ проделал перед ними несколько фокусов, которые привели их в большое изумление. Наконец мы зашагали прямо к деревне Битука, расположенной на небольшой возвышенности. Проходя мимо одной из хижин, я заметил десятка два человеческих челюстей, подвешенных к своду, и выразил желание приобрести несколько штук, предложив в обмен за них самые ценные из имевшихся у меня вещей. Но мне ответили: “Пелами” (священно). Эти кости, вероятно, представляли собой трофеи, служившие для увековечения памяти о победах над врагами!»

Прогулка представляла тем больше интереса, что прежде остров Омбай посещался европейцами очень редко. К тому же экипажи нескольких судов, пристававших к нему, жаловались на плохой прием, оказанный им населявшими остров воинственными и свирепыми туземцами, из которых некоторые занимались даже людоедством.

Так, в 1802 году шлюпка с корабля «Роза» была задержана и экипаж ее захвачен в плен. Десятью годами позже капитан «Инахо», сошедший один на берег, был ранен стрелами. Наконец, в 1817 году английский фрегат послал к острову шлюпку для заготовки дров; в результате стычки с туземцами все люди из этой шлюпки были убиты и съедены. На следующий день на поиски пропавших моряков отправили вооруженный баркас, обнаруживший лишь окровавленные трупы и остатки разбитой на куски шлюпки.

Осведомленные обо всех этих событиях, французские путешественники могли только радоваться тому, что им удалось избежать ловушки, которую, без сомнения, устроили бы им эти дикие людоеды, если бы «Урания» пробывала здесь подольше.

Семнадцатого ноября был брошен якорь у Дили на острове Тимор. После обычного обмена любезностями с португальским губернатором Фресине изложил ему свои нужды и получил в ответ весьма предупредительное обещание возможно скорее со-

¹ Араго Жак (1790–1855) – французский литератор и путешественник, брат знаменитого ученого и политического деятеля Доминика Франсуа Араго. Кроме путешествия на «Урании», участвовал еще в двух – в Калифорнию и Бразилию (хотя к последнему совершенно ослеп). Из его книг о странствиях по лицу земному стоит упомянуть «Прогулку вокруг света» («Promenade autour du monde», 1822) и «Кругосветное путешествие» («Voyage autour du monde», 1838–1840).

брать необходимое продовольствие. Всему экипажу был оказан пышный и сердечный прием, и, когда Фресине приехал с прощальным визитом, губернатор, желая подарить французскому капитану что-нибудь на память, послал ему двух мальчиков и двух девочек в возрасте шести-семи лет, уроженцев королевства Файлакор, расположенного во внутренней части Тимора. «Это племя совершенно неизвестно в Европе», — объяснил дон Жозе Пинту Алькофара д'Асеведу-и-Соза, уговаривая принять столь необычный дар. Фресине тщетно приводил самые сильные и убедительные доводы в оправдание своего отказа, но все же вынужден был оставить у себя одного из двух мальчиков, получившего при крещении имя Жозеф-Антонио; в возрасте шестнадцати лет он умер в Париже от золотухи.

При первом знакомстве с туземцами Тимора может показаться, что все они азиатского происхождения; но достаточно заняться несколько более подробным изучением этого вопроса, как сразу же выясняется, что в горной стране, расположенной в самом центре острова и реже всего посещаемой, обитает племя негров с курчавыми волосами и дикими нравами, которое напоминает жителей Новой Гвинеи и Новой Ирландии и представляет собой, по всей вероятности, остатки древнейшего населения¹. Этнографические исследования этих первобытных народов, начатые в конце XVIII века англичанином Крофордом, получили дальнейшее развитие в ученых трудах доктора Брока и Э. Хеми.

Покинув Тимор, «Урания» направилась к проливу Буру (Манипа), прошла между островами Ветар и Рома и миновала остров Гассес, отличающийся причудливой формой и покрытый самыми великолепными лесами, какие только можно вообразить, затем течения увлекли «Уранию» к острову Писанг, близ которого ей встретились три «корокоры» (лодки) с туземцами острова Гебе.

У жителей этого острова кожа темно-смуглая, нос приплюснутый, губы толстые; некоторые обладают крепким, плотным атлетическим телосложением, другие — худощавы и слабосильны,

¹ Во внутренних районах Тимора, особенно в западной части острова, встречаются темнокожие племена, относимые то к австралоидам, то к папуасам. И те и другие являются представителями большой экваториальной (негроавстралоидной) расы, древнейшего населения островной Юго-Восточной Азии и Австралии.

третьи — коренастые, отталкивающего вида. У большинства вся одежда состояла из штанов, поддерживаемых повязанным вокруг пояса платком.

Несколько французских моряков побывали на Писанге; это маленький островок вулканического происхождения, на котором трахитовые¹ лавы разрушились и превратились в рыхлую почву, по всем признакам очень плодородную.

Затем корвет, держась вблизи малоизученных островов, продолжал свой путь к Раваку, где и бросил якорь в полдень 16 декабря.

Островок Равак необитаем, и, хотя наших моряков часто посещали жители Вайгео², возможностей для антропологических исследований представилось довольно мало. Следует упомянуть, что результаты оказались не слишком плодотворными из-за незнания туземного языка; сговориться с ними по-малайски было трудно, так как они знали лишь несколько малайских слов.

Как только нашлось подходящее место, установили приборы и приступили к физическим и астрономическим наблюдениям; одновременно велись и географические исследования. Равак, Бони, Вайгео и Мануароа, которые Фресине называет Папуасскими островами, расположены почти у самого экватора. Вайгео, наибольший из них, имеет в поперечнике не меньше семидесяти двух миль. Низменности, занимающие прибрежную полосу, представляют собой болота; обрывистые берега окружены кораллами и изобилуют гротами, промытыми водой.

Растительность, покрывающая все эти островки, поистине изумительна. Среди великолепных деревьев встречаются «баррингтония», огромный ствол³, который всегда наклонен к морю, так что верхние ветки ее купаются в воде, смоковницы, мангровые деревья, казуарины с прямым тонким стволом, дости-

¹ Трахит — вулканическая горная порода с шероховатой поверхностью, твердая и крепкая, белого, светло-серого, желтоватого или розоватого цвета. Основная масса породы — агрегат плотно прилегающих мелких удлиненных кристаллов минералов санидина и плагиоклаза, между которыми заключены небольшие количества пропитывающего этот агрегат стекла.

² Вайгео — остров у северо-западного побережья Новой Гвинеи, отделенный от нее проливом Дампир.

³ Неясно, что автор имеет в виду. Баррингтония (*Barringtonia spicata*) относится к «деревьям-пучкам»: до десятка относительно тонких стволов растет из одного гнезда.

гающим сорока футов в высоту, «рима» (хлебные деревья), «такамахака» (бальзамический тополь) со стволом, достигающим в обхвате свыше двадцати футов, деревья из семейства бобовых, покрытые донизу розоватыми цветами и золотистыми плодами; кроме того, в низких и сырых местах прекрасно растут пальмы, мускатные деревья, разновидности мирт и бананы.

В то время как флора этих островов достигла исключительного развития, о фауне этого сказать нельзя. Из четвероногих животных на Раваке встречаются лишь кускусы¹ и собаки-овчарки, живущие здесь в диком состоянии. На Вайгео, впрочем, имеются также бабирусы — разновидность мелких кабанов. Что касается пернатого царства, то оно не так многочисленно, как можно было бы предполагать, ибо злаковые растения, служащие им для пропитания, не могут развиваться в густой тени лесов. Из птиц встречаются «калао», крылья которых, имеющие по краям большие отдельные перья, производят при полете очень сильный шум; множество попугаев, зимородки, горлицы, флейтовые птицы², бурый ястреб-перелетник³, венценосные голуби⁴. Возможно — хотя наши путешественники не встречали их — там были и райские птицы.

Жители этих мест — папуасы — очень уродливы и производят неприятное впечатление. Вот как описывает их Оде-Пеллион:

«Плоский лоб, слабо развитый череп, лицевой угол в 75°, большой рот, маленькие запавшие глаза, выступающие скулы, большой, приплюснутый на конце нос, нависающий над верхней губой, редкая борода (особенность, уже отмеченная раньше у обитателей здешних краев), плечи средней ширины, огромный живот, тонкие нижние конечности — таковы отличительные признаки этого народа. Характер волос и форма прически самые различные; чаще всего это огромная грива, состоящая из сплош-

¹ Кускусы — подсемейство сумчатых млекопитающих. Длина тела 14—90 см. Ведут лазящий образ жизни.

² Флейтовые птицы (Cracticidae) — семейство коренатых крепких птиц длиной до 52 см и весом до 350 г, населяющих лесные и степные районы Австралии, Тасмании, Новой Гвинеи и прилегающих островов. По внешнему облику похожи на вороновых.

³ Имеется в виду один из подвигов ящеричного ястреба (*Accipiter novaehollandiae*) с крупным пятном ржаво-бурого цвета на груди.

⁴ Венценосные голуби (*Columba*) — обитатели Новой Гвинеи, самые крупные в отряде голубеобразных: достигают 3/4 м в длину и до 3 кг веса.

ной массы — толщиной не меньше восьми дюймов — шерстистых или лоснящихся волос, вьющихся от природы; тщательно причесанные, закрученные, приподнятые со всех сторон сверху, они скрепляются жирной смазкой, образуя почти правильный круг, обрамляющий голову. Часто папуасы втыкают в прическу длинный деревянный гребень с пятью-шестью зубцами, служащий скорее для украшения, чем для придания ей большей прочности».

Несчастные туземцы являются жертвой ужасного бича: среди них свирепствует проказа, и можно смело утверждать, что ею заражена десятая часть населения. Распространение этой страшной болезни следует приписать вредному климату, ядовитым испарениям болот, в которые с приливами поступает морская вода, сырости, обусловленной густыми лесами, близости и плохому содержанию могил, а может быть, обильному поглощению ракушек, жадно поедаемых островитянами.

Все жилища, как на земле, так и на море вблизи от берега, построены на сваях. Эти дома по большей части расположены в таких местах, доступ к которым очень труден или совершенно невозможен. Состоят они из забитых в землю свай и прикрепленных к ним при помощи полос древесной коры поперечных бревен с насланным на них полом из подогнанных и прижатых друг к другу жилок пальмовых листьев. Те же листья, искусно уложенные в виде черепицы, образуют крышу жилища, имеющего только дверь. Если эти хижины построены над водой, то они соединяются с берегом чем-то вроде мостков на козлах, съемный настил которых может быть быстро убран. Со всех сторон дом окружен подобием балкона с перилами.

Наши путешественники не смогли получить никаких сведений относительно общественного строя папуасов. Живут ли они объединенные в большие племена, подвластные одному или нескольким вождям, или каждая деревня подчиняется только своему вождю, многочисленно население или нет — на все эти вопросы получить ответа не удалось. Сами островитяне называют себя альфуру. Они говорят, вероятно, на нескольких различных диалектах, значительно отличающихся от папуасского и малайского языков.

Жители этого архипелага, по-видимому, очень изобретательны; они искусно мастерят различные рыболовные снасти, хорошо умеют обрабатывать дерево, готовить сердцевины саговой пальмы, делать глиняные горшки и класть печи, в которых пекут

лепешки из саго; они плетут циновки, ковры, корзины, лепят статуи и идолов. На острове Вайгео на берегу бухты Бони, Куа и Гемар видели статую из белой глины, установленную под навесом возле могилы. Изваяние изображало стоящего человека в естественную величину с поднятыми к небу руками: голова была деревянная, в щеки и глазницы были вставлены белые раковины.

Шестого января 1819 года вскоре после отплытия от Равака «Урания» очутилась в виду низких, окруженных рифами островов Ану¹, очень плохо изученных. Гидрографическим работам сильно мешала лихорадка, на Раваке ею заболело свыше сорока человек.

Двенадцатого февраля увидели Анахоретские острова (Хёрмит), а назавтра — острова Адмиралтейства, но «Урания» не сделала попытки пристать к ним.

Вскоре корвет очутился в виду острова Святого Варфоломея, называемого туземным населением Пулусук и относящегося к Каролинскому архипелагу. С жителями этого острова немедленно завязалась оживленная, а главное — очень шумная торговля, но ни один человек не решился подняться на палубу. Обмен производился с трогательной доверчивостью, и не наблюдалось ни одного случая плутовства.

Перед восхищенными взорами французских моряков прошли один за другим множество островов Каролинского архипелага.

Наконец, 17 марта 1819 года, то есть через восемнадцать месяцев после отплытия из Франции, Фресине увидел Марианские острова и бросил якорь на рейде Уматок у берега Гуама.

В то время как французы собирались съехать на берег, их посетил губернатор дон Мединилья-и-Пинедо в сопровождении майора дона Луиса де Торреса, второго лица в колонии. Представители власти с большой предупредительностью осведомились о нуждах путешественников и обещали удовлетворить все их просьбы в самый короткий срок.

Фресине, не теряя времени, занялся поисками помещения, пригодного для устройства временного госпиталя, и, найдя такое, назавтра же распорядился перевести туда больных членов экипажа — числом двадцать человек.

Губернатор пригласил высших офицеров корабля на обед. Все собрались у него к назначенному часу. Там их ожидал стол,

¹ Видимо, имеются в виду острова Аю.

уставленный пирожными и фруктами, среди которых пламенели две чаши горящего пунша. Гости сразу же начали обмениваться замечаниями по поводу такого странного угощения. Сегодня постный день, что ли? Почему никто не садится? Но так как ответить на эти не вполне деликатные вопросы было некому, то французские моряки хранили их про себя, отдавая должное кушаньям.

Новый повод для удивления: со стола все убрали и подали самые разнообразные мясные блюда, короче говоря, настоящий роскошный обед. Закуска, с которой начали и которую здесь называют «рефреско»¹, предназначалась лишь для возбуждения аппетита гостей.

В те времена на Гуаме увлекались обильными пиршествами. Два дня спустя французские офицеры присутствовали на новом обеде на пятьдесят человек, где на каждую перемену, а их было три, подавалось ни больше и ни меньше, как по сорок четыре мясных блюда.

«Тот же очевидец, — рассказывает Фресине, — сообщает, что этот обед стоил жизни двум быкам и трем крупным свиньям, не говоря уже о более мелкой живности, населяющей леса, птичий двор и море. Такой резни, я думаю, не видали со времени свадебных пиршеств Камачо². Наш хозяин, без сомнения, полагал, что люди, долго терпевшие лишения морского плавания, заслуживают щедрого угощения. Десерт был столь же обилен и разнообразен; на смену ему вскоре подали чай, кофе со сливками и разнообразными ликерами. Так как, в соответствии с обычаем, за час до пира дело не обошлось без «рефреско», можно легко понять, что самые заядлые гастрономы могли лишь сожалеть о недостаточной вместимости своего желудка».

Но пиры и празднества не мешали нормальному ходу работ экспедиции. Одновременно проводились экскурсии, имевшие своей целью естественно-исторические изыскания, наблюдения за склонением магнитной стрелки и географическое описание берегов Гуама, порученное Дюперре.

¹ Рефреско (*исп.*) — легкая закуска.

² Камачо — точнее: Камачо Богатый, персонаж романа Сервантеса «Дон-Кихот» (см. главы XX—XXI второй части). В упомянутых главах рассказывается о свадьбе богатого крестьянина Камачо, на которую попадают Дон-Кихот и Санчо. Застолье было таким щедрым, что вошло в поговорку.

Между тем корвет перешел на якорную стоянку во внутреннюю часть порта Сан-Луис¹, и командование, а также больные поселились в Аганье, столице острова² и резиденции губернатора. Там в честь иностранцев устраивали петушинные бои, одно из любимых зрелищ во всех испанских владениях в Океании, и танцы, все фигуры которых, как говорят, изображали события из истории Мексики. Танцоры, ученики местной школы, были одеты в богатые шелковые костюмы, привезенные когда-то иезуитами из Новой Испании³. Затем дошла очередь до боя на дубинках, в котором участвовали каролинцы, и других развлечений, следовавших одно за другим почти без перерыва. Но наибольшую ценность в глазах Фресине представляли многочисленные сведения о нравах и обычаях древних жителей острова, полученные им от майора дона Луиса Торреса, местного уроженца, который постоянно занимался изучением этих вопросов.

Ниже мы используем и вкратце приведем эти чрезвычайно интересные данные, но прежде надо рассказать о посещении островов Рота и Тиниан; второй из них нам уже известен по описаниям старинных путешественников.

Двадцать второго апреля маленькая флотилия, в составе восьми «про»⁴, доставила Берара, Годишо и Жака Араго на остров Рота, где их появление вызвало вполне понятное изумление и испуг. Ходили слухи, что на корвете прибыли повстанцы из Америки.

Затем «про» достигли Тиниана, бесплодные равнины которого напоминали путешественникам пустынные берега Земли Эндрахт; этот остров, очевидно, сильно изменился с тех пор, когда там побывал лорд Ансон, описавший его как земной рай.

Открытый 6 марта 1521 года Магелланом, Марианский архипелаг был сначала назван Ислас-де-лас-Велас-Латинас (Острова

¹ Сан-Луис — современная бухта Апра на западном побережье острова.

² Аганья — административный центр Гуама и всего Марианского архипелага; расположена на западном побережье острова.

³ Новая Испания — так Кортес назвал завоеванные им в Новом Свете земли. Официально это название было утверждено королевским декретом от 22 мая 1527 года об образовании вице-королевства Новая Испания. Это название сохранялось за мексиканскими землями вплоть до Войны за независимость в начале XIX века.

⁴ Про (также — проа, прау) — общий термин, охватывающий большое количество типов малайских и индонезийских судов. Типичное про несло сверхдлинный четырехугольный парус, укрепленный на двух реях.

Латинских Парусов)¹, затем — Лос-Ладронес (Разбойничьи)². Если верить Пигафетте³, знаменитый адмирал видел только острова Тиниан, Сайпан и Агигуан (Агихан). Спустя пять лет их посетил испанец Лоаиса⁴, встретивший там, в противоположность Магеллану, очень хороший прием; в 1565 году Мигель Лопес де Легаспи объявил эти острова испанскими владениями⁵. Они были колонизированы лишь в 1669 году, когда миссионер Санвиторес обратил их население в христианство⁶. Понятно, что мы не последуем за Фресине в описании всех событий, которыми ознаменовалась история этого архипелага, хотя старинные рукописи и различные труды, имевшиеся в руках у Фресине, дали ему возможность совершенно заново разобраться в этом вопросе и представить его в подлинно научном свете⁷.

Восхищение, вызванное изумительным плодородием Папуасских и Молуккских островов, должно было, без сомнения, ослабить впечатление от богатой природы некоторых из Марианских островов. Леса Гуама, хотя в них и представлены прекрасные

¹ Латинский парус — так европейские мореходы называли треугольный парус. Туземные каноэ были оснащены парусами именно такой формы, что и подсказало европейцам название.

² Названию Разбойничьи острова обязаны нравами местных жителей. «Они бедны, но весьма ловки и особенно вороваты, вследствие чего эти три острова названы были Островами воров (Разбойничьими)» (*Пигафетта Антонио. Путешествие Магеллана*. Москва, 1950, с. 67).

³ Пигафетта Антонио (ок. 1480 — ок. 1534) — итальянец по национальности, состоял в свите папского нунция при испанском короле Карле I. Узнав о плавании Магеллана, добился разрешения принять в нем участие. Автор подробного отчета об экспедиции, сохранившегося в нескольких рукописных вариантах и изданного только в XIX веке.

⁴ В начале XVI века в колониальной истории известно три фигуранта по фамилии Лоаиса. Вряд ли речь идет о знаменитых конкистадорах братьях Альваро и Алоисо Лоаиса, занятых в то время завоеваниями на континенте. Остается только монах Херонимо де Лоаиса (1498—1575), позднейший епископ Картахены и архиепископ Льмы.

⁵ Лопес де Легаспи прибыл на острова 23 января 1565 года.

⁶ Первую миссию на Марианских островах падре Диего Луис де Санвиторес основал 15 июня 1668 года. Однако говорить о дате безоговорочного обращения островитян в христианство в 1669 году рановато, потому что католический миссионер 2 апреля 1672 года был убит своей взбунтовавшейся паствой.

⁷ Древнейшая керамика, обнаруженная археологами на стоянках первобытного человека на Сайпане и Тиниане, датируется серединой XVI века до н. э.; археологические данные показывают, что Марианские острова заселялись выходцами из Юго-Восточной Азии.

образцы деревьев, не производят все же того грандиозного впечатления, как леса экваториальных стран; чащи деревьев покрывают большую часть острова, но на нем раскинулись и обширные пастбища, где не растут ни хлебные деревья, ни кокосовые пальмы.

В лесах колонизаторы произвели масштабные вырубki; там завезенный в большом количестве рогатый скот мог находить для себя корм.

Агигуан, остров с обрывистыми, скалистыми берегами, издали кажется сухим и бесплодным, но на самом деле он покрыт густым лесом, взбирающимся до вершин самых высоких гор.

Что касается острова Рота, то он представляет собой настоящую чашу, почти непроходимые заросли низкого кустарника, над которым выступают рошцы хлебных деревьев, тамариндов, смоквиц и кокосовых пальм.

Вид Тиниана можно, во всяком случае, назвать приятным. Хотя французским ученым совершенно не встретились ландшафты, описанные их предшественниками такими богатыми красками, все же характер почвы и большое количество мертвых деревьев давали им основание думать, что старинные рассказы вовсе не были преувеличением; к тому же вся юго-восточная часть острова стала совершенно недоступной из-за густо разросшегося леса.

Население островов в эпоху путешествия Фресине было чрезвычайно смешанным, и число коренных жителей составляло уже меньше половины.

Все марианцы когда-то были выше¹, сильнее и крупнее европейцев; но племя вырождается, и в настоящее время² только на острове Рота можно встретить туземцев первобытного типа во всей его чистоте.

Когда-то неутомимые пловцы, искусные ныряльщики, рьяные ходоки, они должны были демонстрировать свое мастерство во всех этих разнообразных упражнениях в день своей свадьбы. Марианцы отчасти сохранили эти качества, хотя лень или, скорее, беспечность составляет основу их характера.

Браки, которые заключаются в раннем возрасте (между пятнадцатью и восемнадцатью годами для юношей, и двенадцатью —

¹ Средний рост современных жителей Микронезии, по наблюдениям этнографов и антропологов, не превышает 170 см.

² Речь идет о второй половине XIX века. — *Ред.*

пятнадцатью для девушек), обычно бывают плодовитыми, и приводятся примеры семей с двадцатью двумя детьми.

На Гуаме встречаются болезни, завезенные европейцами, — туберкулез, оспа и т. д., но есть и много других, по-видимому местных, или, во всяком случае, протекающих здесь совершенно необычно и ненормально. Из числа последних сообщают о слоновой болезни и о проказе, которая наблюдается на Гуаме в трех формах, различающихся как по симптомам, так и по последствиям.

До завоевания марианцы питались рыбой, плодами хлебного дерева или «риммы», рисом, саго и другими мучнистыми растениями. Кухня их была проста, одежда еще проще; туземцы ходили совершенно голые. Даже теперь¹ дети до десяти лет ходят без всякой одежды.

Один путешественник конца XVIII века, капитан Пажес, рассказывает по этому поводу, что однажды он случайно приблизился к дому, «перед которым сидела на ярком солнце туземка приблизительно десяти или одиннадцати лет. Она сидела на корточках, голая; ее рубашка лежала рядом. Увидев меня, — добавляет путешественник, — девочка быстро встала и накинула на себя рубаху. Она не надела ее как следует, но считала свой костюм вполне приличным, так как плечи ее были покрыты, и больше не чувствовала себя смущенной, стоя передо мной».

Население раньше было довольно многочисленным, как об этом свидетельствуют встречающиеся тут и там развалины жилищ, когда-то поддерживавшихся каменными столбами. Первым путешественником, упомянувшим о них, был лорд Ансон. В своем описании он даже придал им несколько фантастический вид, но исследователи с «Урании» все-таки узнали их, как об этом свидетельствует следующий отрывок:

«Описание, приведенное в отчете о путешествии Ансона, точно; но ветви деревьев, которые в настоящее время каким-то образом переплелись с каменной кладкой, придают развалинам совершенно не тот вид, какой они имели тогда; углы столбов стерлись, а венчающий купол утратил свою круглую форму».

Что касается современных жилищ, то лишь шестая часть их построена из камня; в Аганье есть здания, представляющие значительный интерес своими размерами, хотя они и не отличаются

¹ То есть в первой половине XIX века. — *Ред.*

красотой, величием или изяществом пропорций. Это училище Сан-Хуан-де-Латран, церковь, дом священника, губернаторский дворец, казармы.

До того как жители Марианских островов стали подданными Испании, они делились на три группы: знатных, полужнатных и простолюдинов. Последние отличались, как говорит Фресине, не указывая источников, на которые он опирался, более низким ростом по сравнению с остальными островитянами. Может ли служить этот единственный факт достаточным указанием на племенные различия, или же меньший рост следует рассматривать лишь как результат приниженого положения, в котором находилась вся эта каста?

Простолюдины никогда не могли возвыситься до высшей касты, и мореплавание им было запрещено. В составе каждой из этих резко разграниченных групп имелись также колдуны, жрицы или «исцелительницы», занимавшиеся лечением лишь какой-нибудь одной болезни, — из чего вовсе не следует заключать, что они ее хорошо знали.

Профессия строителя пирог была привилегией знатных: только полужнатным разрешали они помогать им в этой работе, имевшей для них очень важное значение, как самое ценное из их прав. Что касается языка, то хотя он похож на малайский и тагальский, на котором говорят на Филиппинах, все же он имел свои особенности. В отчете Фресине имеется также множество замечаний о весьма странных обычаях древних марианцев, но воспроизведение этих отрывков, какой бы интерес они ни представляли для философа и историка, завело бы нас слишком далеко.

Прошло уже два месяца, как «Урания» стояла на якоре. Пора было приступить к дальнейшим работам и исследованиям. Фресине и его штаб посвятили последние дни прощальным визитам, принося благодарность за оказанный им сердечный прием.

Губернатор не только не хотел слышать о благодарности за внимание, которым он постоянно окружал французов в течение двух месяцев, но отказался даже принять плату за все поставки, произведенные им для пополнения запасов корвета. Больше того, в трогательном письме он приносил извинения за недостаток съестных припасов, обусловленный засухой, на протяжении шести месяцев опустошавшей Гуам и помешавшей ему снабдить гостей так, как ему хотелось бы.

Прощание происходило на берегу у Аганьи. Фресине рассказывает:

«С глубокой печалью расставались мы с этим любезным человеком, осыпавшим нас столь многочисленными знаками благоволения. Я был слишком взволнован, чтобы выразить ему те чувства, которые переполняли мое сердце; но слезы, катившиеся из моих глаз, должны были лучше всяких слов дать ему понять о том, какое волнение и грусть я испытывал».

С 5 по 16 июня «Урания» проводила съемку берегов северной части Марианского архипелага, во время которой были сделаны различные приведенные выше наблюдения.

После этого, желая ускорить свое плавание к Сандвичевым островам, начальник экспедиции воспользовался ветром, давшим ему возможность достичь более северных широт и найти там попутные воздушные потоки. Продвигаясь в этой части Тихого океана, мореплаватели встречали густые холодные туманы, которые пропитывали весь корабль сыростью, столь же неприятной, как и вредной для здоровья. Впрочем, ничем, кроме насморка, моряки не болели. Напротив, такая погода действовала даже успокаивающе на организм, уже столько времени подвергавшийся истязанию изнурительной тропической жарой.

Шестого августа корвет обогнул южную оконечность острова Гавайи, чтобы добраться до западного берега, где Фресине рассчитывал найти удобную и безопасную якорную стоянку. Этот день, как и следующий, отмеченные полным штилем, были посвящены завязыванию сношений с туземцами, жены которых, явившись в большом числе, собирались взять корабль на абордаж и заняться обычной торговлей; но командир запретил им доступ на палубу.

Король Камехамеха умер, и наследником остался его сын, молодой Рио-Рио; такова была новость, которую один из «ареоев» поспешил сообщить капитану.

Как только снова поднялся ветер, «Урания» направилась к бухте Кеалакекуа. Фресине собрался было послать одного из офицеров для промера глубины якорной стоянки, когда от берега отделилась пирога и доставила на борт правителя острова. Принц Куакини, прозванный Джоном Адамсом, обещал командиру подыскать лодки, пригодные для доставки запасов на «Уранию».

Этот молодой человек — ему было лет двадцать девять, — пропорционально сложенный, гигантского роста, удивил командира

обширностью своих познаний. Услышав, что «Урания» совершала плавание с научными целями, он спросил:

— Вы обогнули мыс Горн или пришли от мыса Доброй Надежды?

Затем он осведомился о Наполеоне и о том, верны ли слухи, что остров Святой Елены со всеми жителями провалился. Шутка какого-то весельчака-китобоя, которой наполовину поверили!

Куакини сообщил Фресине также о том, что после смерти Камехамехи мир не был нарушен, но все же многие вожди заявили претензии на самостоятельность, и государственному единству грозила опасность. Отсюда проистекали некоторые политические затруднения и нерешительность правительства, но можно было рассчитывать, что все это вскоре прекратится, в особенности если командир согласится сделать дружественное заявление в поддержку молодого короля.

Фресине высадился на берег вместе с принцем, чтобы отдать ему визит, и посетил его дом, где принцесса, крупная, чересчур тучная женщина, приняла его лежа на покрытой циновками кровати европейского образца. Затем Куакини повел Фресине к своим сестрам — вдовам Камехамехи, но, не застав их, направился к верфям и главным мастерским покойного короля.

Четыре навеса были предназначены для постройки больших военных пирог; под другими хранились европейские лодки; дальше Фресине увидел строительный лес, слитки меди, множество рыболовных сетей, кузницу, бондарную мастерскую и, наконец, в ящиках, принадлежавших первому министру Краймоку, навигационные инструменты, компасы, секстанты, термометры, часы и даже один хронометр.

Вход в два других склада, где хранились порох, боевые припасы, спиртные напитки, железо и ткани, иностранцам не разрешался.

К тому времени эти места были уже заброшены, так как новый повелитель избрал местопребыванием своего двора бухту Коамаи.

По приглашению короля Фресине снялся с якоря, чтобы перейти туда; «Уранию» вел лоцман, оказавшийся очень внимательным и исключительно хорошо угадывавшим перемены погоды.

«Король ждал меня на берегу, — рассказывает командир, — одетый в английскую парадную форму капитана 1-го ранга и окруженный всем своим двором. Несмотря на ужасающую бес-

плодность этой части острова, вид причудливого сборища мужчин и женщин показался нам величественным и несомненно живописным. Король стоял впереди, а его высшие офицеры держались на некотором расстоянии сзади; на одних были великолепные мантии из красных и желтых перьев или из алого сукна, на других простые плащи такого же цвета, яркие краски которых иногда оттенялись черными полосами; у некоторых на голове были каски.

Довольно большое количество солдат, расставленных тут и там, придавали своим причудливым и разнообразным обмундированием большую живописность этой необыкновенной картине».

Это был тот самый молодой король Рио-Рио, который впоследствии поехал со своей женой в Англию, где они оба умерли и откуда их останки были привезены на Гавайи капитаном Байроном.

Фресине повторил свои просьбы о пополнении запасов, и король обещал ему, что не пройдет и двух дней, как его желания будут удовлетворены. Но хотя в доброй воле молодого повелителя нельзя было сомневаться, командир вскоре понял, что большинство главных вождей не особенно склонно повиноваться юному королю.

Некоторое время спустя высшие офицеры «Урании» нанесли визит вдовам Камехахеи. Вот как описывает Куа картину этого забавного приема:

«Это было поистине странное зрелище, когда в тесном помещении мы увидели восемь или десять полуголых туш человеческого облика, из которых самая меньшая весила, по крайней мере, триста фунтов; они лежали на земле животами вниз. Не без труда удалось нам найти место, чтобы мы могли, в соответствии с обычаем, также растянуться. Тут же находились слуги; одни держали опахала из перьев, кто-то — зажженную трубку, которую он поочередно вставлял в рот вдовам, делавшим несколько затяжек; другие массировали принцесс... Легко себе представить, что наша беседа была не очень оживленной, но превосходные арбузы, поданные нам, оказались прекрасным средством для заполнения томительных пауз...»

Фресине посетил также знаменитого Джона Юнга, который долгие годы был преданным другом и советником короля Камехахеи. Хотя к этому времени он стал уже старым и часто болел, это не помешало ему снабдить Фресине ценными сведениями об

архипелаге, где он прожил тридцать лет и история которого тесно переплетается с событиями его жизни.

Министр Краймоку во время посещения «Урании» увидел священника, аббата де Келана, чей наряд его очень заинтересовал. Как только он узнал, что это священнослужитель, он выразил командиру желание принять христианство. Его мать, сказала он, крестилась на смертном одре и взяла с него обещание, что он при первой возможности также совершит этот обряд.

Фресине согласился и захотел придать церемонии известную торжественность, тем более что Рио-Рио попросил разрешения присутствовать при ней со всем своим двором.

Во время совершения обряда все островитяне держались очень почтительно, но лишь только он был закончен, придворные набросились на приготовленное командиром угощение.

Поразительно было, с какой быстротой пустели бутылки с вином, ромом и водкой, как исчезали разнообразные кушанья, стоявшие на столе. К счастью, дело шло к ночи; если бы не это, Рио-Рио, как и большая часть его придворных и офицеров, оказался бы не в состоянии добраться до берега. Впрочем, пришлось дать ему с собой еще две бутылки водки, чтобы он мог, по его словам, выпить за здоровье командира и за его счастливое плавание, и все приближенные сочли своим долгом попросить и для себя по две бутылки.

«Не будет преувеличением сказать, — сообщает Фресине, — что королевская компания за два часа выпила и увезла с собой запас крепких напитков, которого хватило бы десятерым на три месяца».

Королевская чета и командир обменялись многочисленными подарками. Среди вещей, врученных французскому моряку молодой королевой, была мантия из перьев — одеяние, ставшее на Сандвичевых островах большой редкостью.

Фресине собрался сняться с якоря, когда узнал от одного американского капитана, что к острову Мауи пристало торговое судно, имевшее большой запас сухарей и риса, часть которого французам, без сомнения, удалось бы купить. Все же он решил сначала сделать остановку у острова Рахеина. Там Краймоку должен был доставить на корабль свиней, необходимых для пропитания экипажа. Но министр проявил отменную недобросовестность, потребовав за тощих свиней такую высокую цену, что пришлось прибегнуть к угрозам для того, чтобы сделка состоялась. Краймоку в

этом случае сам был обманут одним англичанином, оказавшимся не кем иным, как ссыльным, бежавшим из Порт-Джексона;¹ если бы туземный министр был предоставлен самому себе и велениям собственной совести, то, весьма вероятно, он вел бы себя в этом деле со свойственным ему благородством и добросовестностью.

Прибыв на Оаху, Фресине стал на якорь в гавани Гонолулу. Теплый, дружественный прием, оказанный ему жителями, заставил его пожалеть, что он не направился прямо сюда. Здесь он немедленно достал бы все необходимые запасы, которые ему с таким трудом удалось получить на двух других островах. Правитель этого острова, Боки, был окрещен священником «Урании»; впрочем, он, по-видимому, пожелал подвергнуться этому обряду лишь потому, что его брат уже окрестился. На вид он казался далеко не таким умным человеком, как те вожди с Сандвичевых островов, с которыми путешественникам приходилось встречаться раньше.

Некоторые наблюдения над туземцами представляют достаточный интерес, поэтому стоит вкратце упомянуть о них.

Все мореплаватели единодушно признают, что каста вождей по своему росту и умственному развитию выделяется среди остальных жителей островов. Нередко можно было видеть вождей, рост которых достигал шести футов. Тучность среди них — обычное явление, в особенности у женщин; еще совсем молодыми они очень часто становятся поистине чудовищно толстыми.

Тип лица у них характерный, и женщины часто бывают довольно милovidными. Продолжительность жизни гавайцев не очень велика, и редко можно встретить семидесятилетнего старика.

Покинув Сандвичевы острова, Фресине занялся изучением в этой части океана положения магнитного экватора². Поэтому, подняв все паруса, он поплыл к юго-востоку.

Седьмого октября «Урания» вступила в Южное полушарие и 19-го числа того же месяца очутилась в виду островов Дейнджер³.

¹ Порт-Джесон — тогдашнее название австралийского города Сиднея.

² Магнитный экватор — линия, на которой магнитное наклонение равно 0°. Для магнитной эпохи середины XX века эта линия пересекала географический экватор на 23° и 169° з. д. В Западном полушарии магнитный экватор отклонялся от географического на 15° к югу, а в Восточном — на 10° к северу.

³ Дейнджер — атолл в группе островов Кука (Северных).

К востоку от архипелага Мореплавателей (Самоа) был открыт островок, не указанный на карте, который назвали островом Роз¹, по имени госпожи Фресине. Кстати сказать, это оказалось единственным открытием за все путешествие. Затем было уточнено местоположение островов Пилстаарт² и Гоу³, и 13 ноября замечены наконец огни, указывавшие вход в Порт-Джексон.

Фресине, конечно, ожидал, что найдет город сильно разросшимся за шестнадцать лет, которые прошли со времени его предыдущего посещения; и все же вид европейского города, процветающего среди почти дикой природы, его глубоко поразил.

Частые поездки по окрестностям воочию убедили французских путешественников в успехах, достигнутых колонией. Прекрасные, тщательно содержавшиеся дороги, окаймленные эвкалиптами, которые Перон называл «гигантами австралийских лесов»; прочно построенные мосты, каменные столбы, указывавшие расстояние, — все говорило о хорошо организованном дорожном хозяйстве. Красивые коттеджи, многочисленные стада быков, старательно обработанные поля свидетельствовали об энергии и настойчивости новых колонистов.

Губернатор Макуори и высшие чиновники страны наперебой старались проявить внимание к французским офицерам, которым пришлось отклонить не одно приглашение, чтобы не пострадала их работа. Под звуки военного оркестра они совершили поездку морем в Параматту — загородный дом губернатора. Многие офицеры посетили также городок Ливерпуль, построенный в прекрасном месте на берегу реки Джорджес, а также поселки Виндзор и Ричмонд, выросшие у реки Хоксбери. В это же время часть высших офицеров корабля приняла участие в охоте на кенгуру и, перевалив через Голубые горы⁴, проникла в глубь страны, за поселение Батерст.

Благодаря прекрасным отношениям, установившимся за время двух пребываний Фресине в этих краях, ему удалось собрать множество интересных сведений об австралийской колонии. По-

¹ Атолл Роз относится к Восточному Самоа.

² Остров Пилстаарт расположен к югу от архипелага Тонга. В настоящее время он называется Ата.

³ Точнее: остров Лорда Гоу (в архипелаге Санта-Крус). Сейчас этот островок у южного побережья острова Санта-Крус называется Ндени.

⁴ Часть горной системы, которая в наши дни называется Водораздельным хребтом.

этому раздел отчета, посвященный Новому Южному Уэльсу и отмечающий поразительные и быстрые успехи колонизации, вызвал большой интерес во Франции, где имели лишь слабое представление о развитии и растущем благоденствии Австралии. В увлекательно написанном отчете Фресине сообщаются новые данные, дающие точное представление о состоянии колонии в 1825 году.

Цепь гор, известных под названием Австралийских Альп, отделяет на некотором расстоянии от побережья Новый Южный Уэльс от внутренних областей Австралийского материка. В течение двадцати пяти лет она являлась препятствием для сообщения с внутренней частью страны, но благодаря губернатору Макуори это препятствие было преодолено. Среди скал проложили извиляющуюся многочисленными серпантинами дорогу, которая дала возможность заселить обширные плодородные долины, орошаемые большими реками.

Самые высокие пики этой горной цепи, покрытые снегом и в середине лета, достигают трех тысяч метров.

В то время, когда производилось измерение важнейших пиков — гор Эксмут, Каннингем и других, было обнаружено, что, кроме реки Суон, в Австралии есть еще ряд крупных рек, из числа которых в первую очередь следует назвать Хоксбери, образованную слиянием вод Непина и Гроза, и Брисбен; о существовании Муррея тогда еще не знали¹.

В ту пору уже приступили к эксплуатации каменноугольных копей, залежей сланцев, железного шпата², песчаника, известняка, порфиоров, яшмы, но еще не было найдено золото — металл, которому предстояло так быстро преобразить жизнь молодой колонии.

Что касается почвы, то на морском побережье она бесплодна и там встречается лишь низкорослый кустарник. Но внутри стран простираются тучные поля, огромные пастбища, лишь местами прерываемые отдельными рощами, или леса, где гигантские деревья, обвитые перепутанной сетью лиан, образуют непроходимые чащи.

¹ Первые европейцы добрались до Муррея в ноябре 1824 года. Это были Хамилтон Хьюм и Уильям Ховелл. На географические карты реку нанес Чарлз Старт, прошедший по ней на лодке в 1829—1830 годах.

² Железный шпат — сидерит, FeCO_3 , минерал, ценная железная руда.

Одним из фактов, сильнее всего поразивших исследователей, было то, что весь этот огромный материк населял один и тот же народ. В самом деле, где бы вы ни наблюдали коренных жителей Австралии: в заливе Шарк, на Земле Эндрафт, на реке Суон или в Порт-Джексо́не, — цвет их кожи, характер волос, черты лица, весь внешний вид не оставляли никакого сомнения в общности их происхождения.

Для населения, живущего на морском побережье или вдоль рек, основу питания составляют рыба и моллюски. Жители внутренней части страны существуют за счет охоты и едят посумов¹, кенгуру, ящериц, змей, червей, муравьев; последних они добавляют вместе с их яйцами к месиву из корней папоротника.

Повсюду туземцы обычно расхаживают совершенно голыми; впрочем, они ничего не имеют против того, чтобы прикрыть себя какой-нибудь европейской одеждой, если им удастся ее раздобыть. По рассказам, в 1820 году на улицах Порт-Джексона можно было видеть старую австралийку, завернутую в рваное шерстяное одеяло, с маленькой дамской шляпкой из зеленого шелка на голове. Трудно себе представить более причудливую карикатуру.

Впрочем, некоторые туземцы делают себе плащи из шкур посума или кенгуру, которые они сшивают жилами казуаров;² но такого рода одежда встречается редко.

Свои лоснящиеся волосы, смазав их кое-где жиром, они заплетают в мелкие косички. Поместив посреди пучок травы, они устраивают из волос диковинную высокую прическу, из которой торчит несколько перьев попугая-какаду; иногда они приклеивают к ней с помощью смолы человеческие зубы, кусочки дерева, собачьи хвосты или рыбы кости.

¹ Посумы — семейство австралийских сумчатых животных, по внешнему виду напоминающих американских опоссумов. Ведут древесный образ жизни, питаются насекомыми, листьями, цветочным нектаром. Некоторые виды способны, подобно нашим белкам-летягам, совершать перелеты, иногда пролетая по воздуху до 100 м.

² Казуар — птица из отряда казуарообразных, нелетающих страусоподобных птиц Австралийской зоогеографической области. Распространены на Новой Гвинее и прилегающих островах, а также на полуострове Йорк (северо-восток Австралии). Судя по ареалу распространения, здесь речь идет об иной птице из того же отряда, но из другого семейства — эму, населяющей степи и кустарничковые полупустыни Австралии.

Хотя татуировка в Новой Голландии не пользуется особым почетом, все же довольно часто можно встретить аборигенов, кожа которых покрыта симметричными надрезами, сделанными острыми раковинами. Не менее распространен обычай расписывать тело красными и белыми полосами и причудливыми узорами, которые придают черной коже туземцев поистине дьявольский вид.

Прежде эти дикари были убеждены, что после смерти они, превратившись в маленьких детей, переносятся на облака или на вершины самых высоких деревьев и наслаждаются изобилием пищи в этих райских обителях; но со времени прибытия европейцев их верования изменились, и теперь они думают, что после смерти станут белыми и отправятся жить в отдаленные страны. По их представлениям, все белые являются не кем иным, как их предками, погибшими в сражениях и принявшими новый облик.

По переписи 1819 года — одной из самых подробных из всех, проводившихся в тот период, — число белых колонистов составляло 25 425 человек, не считая, само собой разумеется, военных. Женщин было значительно меньше, чем мужчин, и отсюда происходило много неудобств, которые метрополия попыталась устранить, отправив в Австралию партию молодых девушек; те очень быстро повыходили замуж, и таким образом создались новые семьи.

В отчете Фресине много места посвящено всему, что имеет отношение к экономике. Различные виды почв и культуры, лучше всего подходящие для них, ремесла, животноводство, сельскохозяйственное производство, промышленные предприятия, торговля, средства сообщения, управление — обо всех этих вопросах говорится очень подробно, на основании свежих для того времени данных и с таким знанием дела, какого трудно ожидать от человека, специально не занимавшегося этими проблемами. Наконец, в отчете можно найти очень подробные сведения о режиме содержания ссыльных с момента прибытия в колонию, об ожидавших их наказаниях, о поощрениях и наградах, которых они довольно легко добивались, как только их поведение становилось нормальным. Имеются у Фресине также весьма разумные и дальновидные соображения о будущем австралийской колонии.

Двадцать пятого декабря 1819 года, после длительной и давшей столь богатый материал стоянки, «Урания» снова вышла в море и взяла курс на восток, с тем чтобы, пройдя к югу от Новой Зеландии и острова Кэмпбелл, достигнуть мыса Горн. Через

несколько дней на борту было обнаружено человек десять беглых ссыльных; но к этому времени корабль находился уже слишком далеко от Новой Голландии, чтобы можно было водворить их обратно.

Плавание до берегов Огненной Земли прошло без всяких достойных упоминания событий; все время дул попутный западный ветер. 5 февраля показался мыс Десоласьон. Беспрепятственно обогнув мыс Горн, «Урания» стала на якорь в бухте Буэн-Сусесо, берега которой, окаймленные высокими деревьями и орошаемые водопадами, не имели того пустынного и унылого вида, который характерен для здешних, обычно бесплодных мест.

Впрочем, стоянка была непродолжительной, и корвет, двинувшись снова в путь, вскоре вошел среди густого тумана в пролив Ле-Мер. Там его встретили сильное волнение, жестокий ветер и непроницаемый туман, скрывший от взора и землю, и море, и небо.

Дождь и поднятые ветром брызги, а также наступившая тем временем ночь заставили «Уранию» держаться к ветру под зарифленным¹ грот-марселем² и фока-стакселем;³ под этими парусами корабль держался очень хорошо.

Приходилось идти по ветру; моряки уже стали поздравлять себя с тем, что шторм отнес их далеко от берегов, как вдруг раздался крик: «Впереди земля, и очень близко!»

Смертельный страх охватил все сердца. Кораблекрушение казалось неизбежным.

Один только Фресине после минутной нерешительности снова овладел собой. Впереди не могло быть земли; он распорядился продолжать идти норд-тен-ост⁴, и дальнейшие события не замедлили доказать правильность его расчетов.

На третий день погода прояснилась, и удалось определить местоположение судна; так как теперь оно находилось далеко от

¹ Зарифленный парус — то есть парус, площадь которого уменьшена при помощи специальных снастей (рифов) продетых в полотнище паруса. Подобная операция выполняется при усилении ветра в целях сохранения парусов.

² Грот-марсель — второй снизу четырехугольный парус, который ставится на самой большой мачте корабля (грот-мачта).

³ Фока-стаксель — парус треугольной формы, который ставится впереди фок-мачты, передней мачты корабля.

⁴ То есть отклоняясь от чисто северного курса к востоку на полрумба, или на 5°37'.

бухты Буэн-Сусесо, командиру пришлось выбирать между заходом в какую-нибудь гавань на побережье Америки или на Фолклендских островах. Он решил идти к островам.

В тумане «Урания» миновала остров Конти, бухту Марвиль, мыс Дурас; попутный ветер нес ее к заливу Франсез, намеченному в качестве ближайшей стоянки. Все уже радовались тому, что завершены столь опасные труды, что такое тяжелое плавание было проделано без всяких злоключений. Для матросов, как говорит Байрон, «the worst was over, and the rest seemed sure»¹.

Но мореплавателей ждало тяжелое испытание.

Во время входа в залив Франсез все находились на своих местах, готовясь к тому, чтобы стать на якорь. Впередсмотрящие были начеку, с русленей² производились промеры, показывавшие двадцать сажений, затем восемнадцать; и вдруг заметили скалы. Судно находилось на расстоянии всего полулье от берега.

Осторожности ради Фресине приказал отклониться на два румба³, но его предусмотрительность оказалась роковой. Корвет неожиданно с силой ударился о подводную скалу. Даже в эту минуту лот показывал с обоих бортов пятнадцать и двенадцать сажений. Камень, на который налетел корабль, был, следовательно, уже, чем корпус корвета. И действительно, «Урания» застряла на остроконечной вершине скалы.

Куски дерева, поднявшиеся на поверхность, сразу же внушили опасение, что повреждение серьезно. Бросились к помпам. Вода с силой врывалась в трюм. Фресине немедленно распорядился «наложить пластырь», то есть подвести под киль парус таким образом, чтобы, затянутый в пробоину, он уменьшил отверстие, через которое устремлялась вода. Ничего не помогало. Хотя все, офицеры и матросы, работали у помп, результат сводился лишь к тому, что корабль «держался», — иначе говоря, не погружался в море. Нужно было выбрасываться на берег.

Но принять это решение, как ни было оно тяжело, означало еще не все; следовало привести его в исполнение. Однако повсюду берег опоясывали скалы, и лишь в самой глубине залива уда-

¹ Самое худшее было позади, и будущее не возбуждало опасений (англ.).

² Руслени — площадки по бортам парусного судна, служащие для отвода вант (снастей, поддерживающих мачты и их продолжения: стены, брам-стены и т. д.)

³ Румб — одна тридцатьвторая часть окружности видимого горизонта и картшки компаса, в градусном измерении равен 11°15'.

лось обнаружить песчаный пляж, пригодный для посадки судна на мель. Ветер переменялся и дул навстречу, наступала ночь, а «Урания» была до половины наполнена водой. Можно представить себе отчаяние командира! И все же корабль удалось посадить на мель у берегов острова Пингвинов.

«К тому моменту, — рассказывает Фресине, — наши люди настолько устали, что пришлось прекратить все работы и дать экипажу отдых; он был более чем необходим, так как в том положении, в каком мы находились, нам предстояло множество очень трудных дел. Но мог ли я сам предаваться отдыху! Обуреваемый тысячью мучительных мыслей, я чувствовал себя как во сне. Внезапный переход из положения, где все, казалось, улыбалось мне, к жестокой действительности, в которой я теперь находился, угнетал меня, как страшный кошмар; мои мысли смешались, и мне трудно было вновь обрести хладнокровие, в котором я нуждался и которому пришлось подвергнуться такому жестокому испытанию! Во время ужасной катастрофы, едва не погубившей нас, все мои товарищи по путешествию выполнили свой долг, и я считаю для себя приятной обязанностью всем им воздать по заслугам».

Когда при свете наступившего дня моряки увидели окружающий их ландшафт, ими овладело глубокое уныние. Ни одного дерева, ни травинки на этих пустынных берегах! Кругом лишь безмолвная пустыня, во всех отношениях напоминавшая окрестности залива Шарк.

Но сейчас не приходилось давать волю своим чувствам. Впрочем, для этого не было и времени. Разве могли моряки допустить, чтобы погибли дневники, записи наблюдений, все ценные документы, собранные с таким трудом и среди таких опасностей?

Все было спасено. К несчастью, с коллекциями дело обстояло хуже. Большое количество ящиков с образцами, сложенных в глубине трюма, безвозвратно погибло, другие оказались испорченными морской водой. Сильнее всего пострадали при катастрофе естественно-исторические коллекции и гербарий, с таким трудом собранные Годишо. Мериносовых овец, которые были великодушно подарены скотоводом Макартуром в Сиднее и которых везли во Францию в расчете, что они там акклиматизируются, а также и других животных доставили на берег невредимыми.

Разбили палатки, в первую очередь для нескольких больных моряков, затем для офицеров и остального экипажа. Продукты питания и снаряжение, вывезенные с корабля, тщательно укрыли для защиты от непогоды. Спиртные напитки решили сохранить до тех пор, пока не удастся покинуть место кораблекрушения, и в течение трех месяцев, проведенных здесь французскими моряками, не было отмечено ни одного случая кражи рома или водки, хотя всем приходилось довольствоваться только чистой водой.

В то время как бóльшая часть экипажа с трудом пыталась заделать самые опасные пробоины в корпусе «Урании», нескольким матросам было поручено заняться охотой и рыбной ловлей для обеспечения пропитанием. На озерах во множестве водились сивучи¹, гуси, утки, чирки, зуйки², но промышлять их в количестве, достаточном для того, чтобы накормить всю команду, оказалось нелегко, и пороха расходовалось слишком много. К счастью, на острове были пингвины — до того глупые, что их можно было бить дубинками; пингвинов попадалось так много, что их хватило бы для пропитания ста двадцати человек в течение четырех или пяти месяцев. Удалось также подстрелить несколько лошадей, одичавших после того, как основанная Бугенвилем колония покинула эти места.

Двадцать восьмого февраля пришлось признать, что с помощью тех ничтожных средств, какие имелись в распоряжении французских моряков, исправить полученные корветом повреждения невозможно, тем более что повторные удары корабля о скалу значительно ухудшили положение дел.

Как быть?

Ждать, пока в залив Франсез зайдет какое-нибудь судно?

Это означало бы обречь матросов на праздность и тем самым допустить падение дисциплины.

Не лучше ли построить из остатков «Урании» новое судно, поменьше?

¹ Сивуч — млекопитающее семейства ушастых тюленей. Но сивучи встречаются только в северной части Тихого океана. Здесь речь идет, конечно, о морских львах, хотя не совсем понятно, для чего морским животным надо было менять среду обитания на пресноводную.

² Зуйки — мелкие пташки из семейства ржанковых подотряда куликовых отряда ржанкообразных.

Большой баркас уцелел. Если сделать на нем палубу и нарастить борта, то не удастся ли ему добраться до Монтевидео и привести оттуда какое-нибудь судно, которое сможет захватить имущество и персонал экспедиции?

Фресине остановился на последнем решении, и с этого момента ни одной минуты не пропадало даром. Какая-то необыкновенная жажда деятельности охватила матросов, и работа подвигалась быстро. Вот теперь мог похвалить себя командир за то, что набрал в Тулоне матросов, владевших различными ремеслами! Кузнецы, парусные мастера, канатчики, пильщики досок — все энергично трудились над выпавшим на их долю заданием.

Что касается предстоящего плавания, то никто не сомневался в его успехе. Всего триста пятьдесят лье отделяли Фолклендские острова от Монтевидео, и ветры, господствующие в это время года в здешних местах, дадут возможность «Эсперанс» («Надежде») — так был назван перестроенный баркас — проделать этот путь за несколько дней.

Необходимо, однако, было предусмотреть и тот случай, если угловое суденышко не сможет достичь Ла-Платы. Поэтому Фресине решил немедленно после ухода «Эсперанс» приняться за постройку шхуны водоизмещением в сто тонн.

Хотя все эти разнообразные работы отнимали очень много времени, все же путешественники продолжали вести астрономические и физические наблюдения, естественно-научные и гидрографические исследования. Можно было подумать, что они находятся на обычной стоянке.

Наконец судно было готово и спущено на воду. Его командир, капитан Дюперре, получил все инструкции, экипаж отобрали, провизию погрузили, отплытие назначили на послезавтра, как вдруг 19 марта 1820 года раздались крики: «Корабль! Корабль!» У входа в залив показался парусный шлюп.

Чтобы привлечь его внимание, французы дали несколько пушечных выстрелов, и шкипер шлюпа поспешил к берегу.

В нескольких словах Фресине рассказал о тех событиях, в результате которых он здесь очутился. Шкипер сообщил, что он находится в распоряжении американского судна «Дженерал Нокс», занятого ловлей тюленей на острове Уэст, самом западном из Фолклендских островов.

Один из офицеров немедленно получил приказание отправиться к капитану судна и договориться с ним о помощи фран-

пузским морякам. Но тот потребовал 135 750 франков за доставку потерпевших кораблекрушение в Рио-де-Жанейро. Это была возмутительная попытка воспользоваться безвыходным положением, а потому французский офицер не пожелал ни о чем договариваться без согласия своего командира и попросил американца прибыть в залив Франсез.

Пока шли переговоры, в залив вошло еще одно судно, «Меркурий», под командованием капитана Гальвина. Выйдя из Буэнос-Айреса, чтобы доставить пушки в Вальпараисо, «Меркурий» собирался обогнуть мыс Горн, когда на нем обнаружилась большая течь, заставившая его зайти для ремонта на Фолклендские острова. Французским морякам это оказалось на руку, так как конкуренция, которая должна была возникнуть, не могла не обернуться к их пользе.

Фресине немедленно предложил капитану Гальвину помочь в ремонте поврежденных материалами и людьми, имевшимися в его распоряжении, добавив при этом, что, если его плотникам удастся починить судно, он попросит капитана доставить его с товарищами в Рио-де-Жанейро.

По истечении двух недель ремонт «Меркурия» был закончен. За это время переговоры с американцами прекратились, так как Фресине решительно отказался принять неумеренные требования их капитана. Что касается капитана Гальвина, то понадобилось много дней, чтобы прийти с ним к соглашению и убедить его заключить следующий договор:

1. Капитан Гальвин обязуется доставить в Рио-де-Жанейро потерпевших кораблекрушение, их документы, коллекции и инструменты, а также все, что окажется возможным погрузить из спасенного с «Урании» имущества.

2. Потерпевшие кораблекрушение должны питаться во время плавания специально выделенными для них продуктами.

3. По прибытии к месту назначения французы обязуются уплатить ему в десятидневный срок 97 740 франков.

Так длительные переговоры закончились принятием поистине драконовских условий.

Перед тем как покинуть Фолклендские острова, естествоиспытатель Годишо обогатил эту обездоленную землю многими видами растений, которые, по его мнению, смогли бы оказаться полезными для заходящих туда мореплавателей.

Вот некоторые подробности о Фолклендском архипелаге, не

лишенные интереса. Расположенный между $50^{\circ}57'$ и $52^{\circ}45'$ южной широты и между $60^{\circ}04'$ и $63^{\circ}48'$ западной долготы, считая от Парижского меридиана¹, он состоит из многочисленных маленьких островов и двух главных, Восточного и Западного². Залив Франсез, лежащий на восточной оконечности острова Восточного, глубоко вдается в сушу, но не слишком широк; его берега скалисты и круты.

Несмотря на то, что острова расположены в высоких широтах, климат на них мягкий. Снега выпадает немного, и на вершинах самых высоких гор он держится не больше двух месяцев. Речки никогда не замерзают, а лед на озерах и болотах больше суток подряд не бывает настолько прочным, чтобы выдерживать тяжесть человека. По утверждениям Уэдделла, посещавшего эти места между 1822 и 1824 годами, температура воздуха здесь значительно повысилась за последние сорок лет; он объясняет это тем, что огромные айсберги, уносимые в Атлантический океан, изменили направление своего пути.

По словам естествоиспытателя Куа, Фолклендские острова, если принять во внимание небольшую глубину океана между ними и Америкой³ и сходство их травянистых равнин с аргентинской пампой⁴, по-видимому, некогда были частью материка.

Эти низкие болотистые равнины покрыты высокой травой; зимой они затопляются. Там встречаются обширные пространства черного торфяника, представляющего хорошее топливо.

Особый характер почвы помешал росту деревьев, которые Бугенвиль посадил там в надежде на их акклиматизацию; ко времени высадки Фресине от них не осталось никакого следа. Самым крупным и самым распространенным растением является разновидность шпажника⁵ — прекрасный корм для скота, — который

¹ По современным данным, Фолклендский архипелаг расположен между $50^{\circ}57' - 52^{\circ}28'$ ю. ш. и $57^{\circ}45' - 61^{\circ}20'$ з. д.

² Испанцы называют архипелаг Малуинским. Большинство его островов имеет двойные — английские и испанские — названия. Так, Западный Фолкленд называется по-испански Гран-Мальвина, Восточный Фолкленд — Соледад, Уэддел — Сан-Хосе, Сондерс — Тринидад и т. д.

³ Глубины между Фолклендами и материком с северо-запада от островов не превышают 170 м, с запада от островов океан поглубже — более 200 м, и только с юго-запада вклинивается желоб с глубинами свыше 500 м.

⁴ Пампа — обширные южноамериканские равнины с черноземными почвами и степной растительностью.

⁵ Шпажник — многолетнее травянистое растение семейства касатиковых.

служит убежищем для огромного количества тюленей и бесчисленных пингвинов. Именно шпажник первые путешественники приняли издали за высокий кустарник.

К числу полезных для человека растений, встречающихся на этом архипелаге, относятся лишь сельдерей, ложечник¹, одуванчики, малина, щавель, синеголовник.

Из животных на Восточном острове необычайно размножились быки, свиньи и лошади, завезенные французскими и испанскими колонистами; но беспощадная охота, которой занимаются китобои, несомненно вскоре значительно сократит их количество.

На Фолклендских островах единственным четвероногим животным местного происхождения является антарктическая собака; ее морда в точности напоминает лисью. Поэтому некоторые китобои называли ее собачьей лисицей или волчьей лисицей. Эти свирепые животные бросались в воду, чтобы напасть на моряков Байрона. Если тюленям, с которыми собаки не боятся вступать в сражение, удастся от них ускользнуть, они вполне удовлетворяются расплодившимися в огромном количестве кроликами, завезенными сюда позже.

Двадцать восьмого апреля 1820 года «Меркурий» вышел в море, увозя в Рио-де-Жанейро Фресине и его экипаж. Но капитан Гальвин заранее не подумал о том, что при входе в Рио-де-Жанейро судно, идущее под флагом аргентинских повстанцев, воевавших в то время с Португалией, может быть задержано, а его матросы и он сам захвачены в плен. Он попытался добиться от Фресине пересмотра их договора, надеясь уговорить его высадиться в Монтевидео. Но тот ни под каким видом не соглашался, и прежний договор был заменен новым. По нему Фресине приобрел за счет французского морского министерства право собственности на «Меркурий», обязавшись уплатить за него ту же сумму, какая была обусловлена в первом соглашении.

Восьмого мая прибыли в Монтевидео, где Фресине принял командование над судном, которому он дал название «Физисьен». Эта стоянка была использована для вооружения судна, перераспределения груза, проверки такелажа и принятия на борт пресной

¹ Ложечник, или ложечная трава — растение из семейства крестоцветных, распространенное по берегам морей в умеренных и полярных широтах. Применяется в медицине как противоязвотное средство.

воды и продуктов, необходимых на переход до Рио-де-Жанейро. Во время этого плавания корабль получил ряд довольно крупных повреждений.

Он имел такой мирный вид, что, несмотря на военный вымпел, развевавшийся на верхушке грот-мачты, таможенные чиновники приняли его за торговое судно и пожелали посетить для осмотра.

Необходимо было произвести очень серьезный ремонт. Это заставило Фресине пробыть в Рио-де-Жанейро до 18 сентября. Затем он окончательно взял курс к берегам Франции и 13 ноября 1820 года бросил якорь в Гавре после длившегося три года и два месяца плавания, во время которого им было пройдено 18 862 морских лье.

Несколько дней спустя Фресине, серьезно заболевший, возвратился в Париж и передал в секретариат Академии наук труды экспедиции, составляющие ни больше ни меньше, как тридцать один том in-4⁰¹. Естествоиспытатели Куа, Гемар и Годишо также сдали собранные ими коллекции. Среди них было четыре новых вида млекопитающих, сорок пять видов рыб, тридцать — пресмыкающихся, моллюсков, кольчатых червей, полипов и другие.

Привлеченный, согласно военным законам, к военному суду за потерю корабля, Фресине не только был единогласно оправдан, но и получил горячую благодарность за проявленную им энергию и способности, за искусные и своевременные меры, к каким он прибегнул при этом печальном происшествии.

Отныне Фресине посвятил все свое время опубликованию результатов совершенного им плавания. То немногое, что мы сообщили, дает представление об их грандиозности. Но чрезмерная добросовестность побуждала исследователя не выпускать в свет своих трудов до тех пор, пока они не будут доведены до совершенства, пока он не достигнет того, что они окажутся на уровне современной науки. Можно себе представить, сколько времени пришлось ему потратить на классификацию привезенных им многочисленных материалов. Поэтому, когда наступил день его смерти, 18 августа 1842 года, остался еще не вполне законченным один из самых интересных разделов его работы, в котором рассматривался вопрос о языках народов Океании и, в частности, жителей Марианских островов.

¹ То есть форматом в четвертую долю листа — *Ред.*

В конце 1821 года морскому министру Франции Клермон-Тоннерру был представлен проект нового путешествия, принадлежавший двум молодым офицерам — Дюперре и Дюмон-Дюрвилю¹. Первый только год назад вернулся во Францию; плававшая помощником Фресине на «Урании», он оказал важные услуги экспедиции своими познаниями в области точных наук и гидрографии. Второй обратил на себя внимание во время гидрографических исследований, проведенных капитаном Голтье в Средиземном и Черном морях. Дюмон-Дюрвиль интересовался ботаникой и изящными искусствами; он один из первых отметил художественную ценность незадолго до того найденной Венеры Милосской².

Задачи, которые ставили перед собой эти молодые ученые, заключались в изучении земного магнетизма, климата и в определении формы Земли.

«Что касается географических исследований, — писал Дюперре, — то мы предполагаем установить или уточнить путем наблюдений или путем исчислений местоположение многих точек в различных частях земного шара. В особенности нас будут интересовать бесчисленные архипелаги Великого океана³, бывшие местом гибели стольких кораблей, замечательные по характеру и

¹ Дюмон-Дюрвиль (старое написание: Дюмон д'Юрвиль; Жюль Себастьян Сезар; 1790—1842) — выдающийся французский мореплаватель. Окончил Высшее военно-морское училище и 5 лет провел в непрерывных плаваниях, чем и обратил на себя внимание Голтье-Дюпарка, формировавшего в 1819 году экспедицию для гидрографических исследований в Эгейском и Черном морях. Молодой офицер не только в совершенстве знал морское дело, но и обладал солидными познаниями в ботанике и языкознании, совсем неплохо владея английским, немецким, латынью, древнегреческим и даже древнееврейским языками. По возвращении из экспедиции Дюмон-Дюрвиль занимался не только обработкой гидрографических наблюдений, но и написал (на латыни) солидный труд о растениях района работ. В результате он был назначен помощником на «Кокий», к капитану первого ранга Дюперре.

² Венера Милосская — статуя эллинской богини красоты Афродиты (Венера — ее древнеримский эквивалент) работы скульптора Александра (или Агесандра) из Антиохии на Меандре (мрамор, II век до н. э.). Названа по месту находки на греческом острове Мелос (Милос). Статуя дошла до наших дней в поврежденном виде: с отбитыми руками. Тем не менее она поражает совершенством пропорций и мастерством исполнения. В настоящее время находится в парижском Лувре.

³ Великий океан — одно из названий Тихого океана.

форме низкие острова, рифы и подводные скалы, из которых они состоят. Мы намереваемся проложить новые пути в Опасном архипелаге и на островах Общества, наряду с путями, проложенными Киросом, Уоллисом, Бугенвилем и Куком, мы хотим связать наши гидрографические работы с теми, что были произведены во время путешествий Д'Антраксто¹ и Фресине в Полинезию, Новую Голландию и на Молуккские острова, и, в частности, посетить Каролинские острова, о которых, если не считать их восточной части, исследованной в наши дни капитаном Коцебу, мы имеем лишь самые неопределенные сведения, сообщенные миссионерами на основании рассказа нескольких туземцев, которые сбились в своих пирогах с пути и были занесены ветром на Марианские острова. Язык, характер, нравы и внешний вид островитян также должны стать предметом специального изучения, представляющего не меньший интерес».

Флотским врачам Гарно и Лессону поручили естественнонаучные наблюдения, а в качестве старших офицеров пригласили самых образованных моряков. Среди них были Лесаж, Жакино, Берар, Боттен, Блау и Блоссевиль.

Академия наук отнеслась с большим энтузиазмом к плану научных исследований, разработанному инициаторами экспедиции, и предоставила в их распоряжение подробные инструкции, в которых были изложены пожелания ученых. Одновременно исследователям были переданы самые совершенные приборы.

Выбор пал на небольшой трехмачтовый корабль «Кокий» («Раковина») с осадкой, не превышавшей двенадцати—тринадцати футов; это судно стояло в резерве в Тулонском порту.

Время, необходимое для ремонта, распределения груза и вооружения, задержало отплытие до 11 августа 1822 года. 28-го того же месяца экспедиция прибыла на остров Тенерифе, где офицеры надеялись подобрать кое-какие колоски, оставшиеся после богатой жатвы наблюдений, собранной здесь их предшественниками; но санитарный совет, осведомленный о появлении на побережье Средиземного моря желтой лихорадки, подверг «Кокий» двухнедельному карантину.

¹ Д'Антраксто Жозеф Антуан де Брюни (1739—1793) — французский мореплаватель, контр-адмирал. О его путешествии см. том «Мореплаватели XVIII века», с. 315—337.

В это время политические страсти на Тенерифе так кипели¹, там шло такое брожение, что жители его были каждый день близки к тому, чтобы поднять восстание. Можно понять, что при подобных обстоятельствах французским морякам не пришлось особенно досадовать из-за карантина. Итак, дни, проведенные ими на Тенерифе, были целиком заняты погрузкой на корвет запасов, а также астрономическими и магнитными наблюдениями.

По истечении срока карантина корабль снялся с якоря, и 6 октября исследователи приступили к съемкам островной группы Мартин-Вас и острова Триндади. Первые островки представляют собой выступающие из воды безобразно голые скалы, а Триндади — каменистое бесплодное плоскогорье с несколькими деревцами в южной его части. Триндади является не чем иным, как легендарным островом Ассенцао, в течение трех столетий служившим предметом поисков многих путешественников.

В 1700 году Триндади был захвачен англичанами, которым впоследствии пришлось уступить его португальцам. Последние основали там поселение, существовавшее еще в 1785 году во время посещения Лаперуза. Это поселение, бесполезное и требовавшее больших затрат, вскоре было заброшено, и с тех пор постоянными жителями острова были лишь собаки, свиньи и козы — потомки когда-то завезенных животных.

Расставшись с Триндади, Дюперре намеревался направиться прямо к Фолклендским островам; но авария, которую следовало как можно скорее ликвидировать, заставила его сначала зайти на остров Санта-Катарина. Только на нем мог он найти одновременно и лес, необходимый для починки рангоута, и свежие съестные припасы, которые имелись там в изобилии и должны были поэтому дешево стоить.

Когда вы приближаетесь к этому острову, вас приятно поражает величественный и живописный вид его густых лесов, где сафрасы², лавры, кедры, апельсиновые и мангровые деревья рас-

¹ Не будем забывать, что в эти годы (1820—1823) в Испании шла гражданская война, начавшаяся попыткой свергнуть революционным путем монархический строй.

² Сафрас — древесное или кустарниковое растение из семейства лавровых. Его крепкая древесина идет на изготовление столбов, шпал и бочек. Корни используются в медицине и парфюмерии. Высаживается как декоративное растение.

тут рядом с бананами и пальмами, изящные султаны которых качиваются на ветру.

Ко времени прибытия корвета прошло всего четыре дня после того, как Бразилия, сбросив португальское иго, объявила о своей независимости и провозгласила императором принца дона Педру¹ д'Алькантара. Поэтому командир, желая получить какие-нибудь сведения о происшедших политических переменах и убедиться в дружелюбном отношении нового правительства, направил в Носа-Сеньора-ду-Дишгерру, столицу острова², делегацию в составе Дюрвиля, Блоссевиля, Габера и Гарно.

Власть в этой провинции находилась в руках хунты³, которая немедленно разрешила французам срубить необходимый им лес и предложила коменданту крепости Санта-Крус оказывать им всяческое содействие в научных работах.

Что касается съестных припасов, то получить их было нелегко, так как купцы, опасаясь возможных беспорядков, перевезли свои запасы в Рио-де-Жанейро. По-видимому, этим и объяснялись те трудности, которые встретил командир «Кокий» в порту, столь горячо расхваливаемом капитанами Крузенштерном и Коцебу. «Жители, — говорится в отчете, — были убеждены, что вскоре неприятельские войска высадятся в этой местности, чтобы восстановить власть португальского правительства, иначе говоря, чтобы снова превратить их, как они считали, в рабов. Повод к таким опасениям дал декрет, изданный 1 августа 1822 года, призывавший всех бразильцев к оружию для защиты своих берегов и предписывавший им во всех случаях, когда это окажется нужным, вести партизанскую войну. Программа, одновременно великодушная и полная решимости, которую развертывал в этом декрете дон Педру, дает самое высокое представление о его харак-

¹ Дон Педру I, бывший до того вице-королем Бразилии, был провозглашен бразильским императором в 1822 году. В 1831 году он отрекся от престола в пользу своего шестилетнего сына, правившего под именем Педру II, а сам стал королем Португалии под именем Педру VI.

² В настоящее время административным центром острова является город Флорианополис.

³ Хунта — название различного рода объединений в странах испанского языка. По-португальски оно произносится «жунта». Буквальное его значение: «собрание, совещание». В политической жизни используется для обозначения правящего органа, чаще всего состоящего из военных и, как правило, образованного неконституционным путем. Хунта присваивает себе диктаторские полномочия и осуществляет власть в стране в условиях чрезвычайного положения.

тере и освободительных планах. Полные уверенности в справедливости своих целей, многочисленные сторонники независимости были охвачены энтузиазмом, бурному проявлению которого способствовали долгие годы подавления их пылких умов. Преисполненные радости, они устроили иллюминацию в Носа-Сеньора-ду-Диштерру, в Лагуне, в Сан-Франсишку и расхаживали по улицам этих городов, распевая песни в честь дона Педру».

Но энтузиазм, проявлявшийся во всех бразильских городах, не разделяли жители сельских местностей — люди равнодушные, чуждые политических страстей. Если бы Португалия могла подкрепить свои указы посылкой эскадры, провинция Санта-Катарина, без сомнения, была бы вновь покорена.

Тридцатого октября «Кокий» снова пустился в путь. Застигнутый к востоку от Ла-Платы грозным ураганным ветром, известным под названием «памперо», корабль счастливо отделался, не получив никаких повреждений.

В этих местах Дюперре произвел очень интересные наблюдения над течением Ла-Платы. Еще Фресине отметил, что скорость течения этой реки¹ на расстоянии ста лье к востоку от Монтевидео достигает двух с половиной миль в час². Но командир «Кокий» обнаружил, что течение ощущается и значительно дальше; он установил также, что сопротивление океана заставляет воды Ла-Платы разделиться на две ветви; наконец, Дюперре высказал предположение, что незначительная глубина океана вплоть до Огненной Земли объясняется огромным количеством размытой почвы, содержащейся в воде Ла-Платы и по мере замедления ее движения непрерывно оседающей на дно вдоль берегов Америки³.

Прежде чем вступить в залив Франсез, «Кокий», подгоняемый попутным ветром, некоторое время шел среди огромных стад китов, дельфинов и стай пингвинов — обычных обитателей этих бурных широт.

¹ Согласно современным географическим представлениям, Ла-Плата является не рекой, а заливом Атлантического океана.

² Около 4,6 км в час.

³ По современным данным, осадочный материал (мощностью до 8 км) скапливается непосредственно перед Ла-Платой и к северу от нее (до Рио-де-Жанейро и Витории), постепенно выклиниваясь. Таким образом, с позиций Дюперре, объяснить происхождение юго-восточного шельфа Южной Америки невозможно.

С вполне естественным чувством удовлетворения Дюперре и некоторые из его спутников снова увидели Фолклендские острова — ту землю, что в течение трех месяцев служила им приютом после гибели «Урании». Они побывали на берегу, где был тогда разбит их лагерь; остатки корвета почти полностью занесло песком, а то, что еще виднелось, носило следы хищнического хозяйничанья жадных китобоев, побывавших один за другим в этих местах. Повсюду валялись лишь всякого рода обломки, обрывки снастей, лоскутья одежды, куски парусов — бесформенные и неузнаваемые остатки, среди которых белели кости животных, служивших пищей потерпевшим кораблекрушение.

«Это место недавнего бедствия, — говорится в отчете, — носило отпечаток запустения, приобретающий в наших глазах еще большую мрачность из-за пустынных берегов и неприветливого неба, которое все время оставалось пасмурным и дождливым. И все же в этой картине было для нас какое-то необъяснимое очарование, и она оставила в нашей душе ощущение смутной печали, не покидавшей нас еще долго после того, как мы расстались с Фолклендскими островами».

Пребывание Дюперре на Фолклендских островах длилось до 17 декабря. Путешественники расположились среди развалин поселения, основанного Бутенвилем, и занялись всякого рода починками, которых требовало состояние корвета. Охота и рыбная ловля с избытком снабжали экипаж почти всем необходимым; за исключением фруктов и овощей, всего было более чем достаточно, и среди этого изобилия экипаж «Кокий» готовился к встрече с опасностями морей, омывающих мыс Горн.

С самого начала путешественникам пришлось бороться с юго-западными ветрами и довольно сильными течениями; затем налетели шквалы с туманами, и так продолжалось до тех пор, пока корабль не достиг — 19 января 1823 года — острова Мóча.

По определениям Дюперре, он находится на 38°20'30" южной широты и 76°21'55" западной долготы и имеет в окружности двадцать четыре мили. Образованный горной цепью средней высоты, понижающейся в сторону моря, этот остров был местом встреч первых исследователей Тихого океана. Здесь пираты и моряки торговых судов находили диких лошадей и свиней, мясо которых отличалось необыкновенной нежностью. Мореплавателей ждала там чистая и прозрачная вода и некоторые европейские фрукты — яблоки, персики и вишни, произраставшие на деревьях,

которые в свое время были привезены завоевателями. Но в 1823 году почти все эти богатства исчезли, уничтоженные китобоями, не думающими о завтрашнем дне.

Через некоторое время открылась бухта Концепсьон, где стояло лишь одно английское китобойное судно, собиравшееся обогнуть мыс Горн. С этим судном были отправлены письма и отчет о выполненных работах.

На следующий день, как только лучи солнца осветили бухту, французские моряки еще сильнее поразились унылому и пустынному виду, который привел их в изумление накануне. Разрушенные дома и безмолвные улицы города, на берегу несколько жалких полуразвалившихся лодок, около которых слонялись одинокие рыбаки в грязной, засаленной одежде, зияющие дырами лачуги и шалаши, а перед ними женщины в лохмотьях, расчесывающие друг другу волосы, — такова была жалкая картина городка Талькауано.

Как бы для того, чтобы еще резче подчеркнуть нищету населения, природа раздела окружающие холмы, леса и сады в самое роскошное убранство. Повсюду яркие цветы и плоды, которые сверкали живыми красками, напоминавшими о том, что они уже созрели. Неумолимое солнце, безоблачное небо придавали еще больше горечи безотрадной картине.

Эти развалины, заброшенность, нищета представляли собой наиболее разительные результаты следовавших один за другим политических переворотов.

На Санта-Катарине французы были свидетелями событий, связанных с провозглашением независимости Бразилии; здесь они присутствовали при падении правителя О'Хиггинса¹. Избегая созыва представительного собрания, ущемляя путем увеличения прямых налогов и уменьшения таможенных пошлин интересы земледельцев к выгоде купцов, обвиненный вместе со своими министрами во взяточничестве, О'Хиггинс восстановил против себя большую часть населения.

¹ О'Хиггинс Бернардо (1776—1842) — чилийский генерал, участник Войны за независимость. В 1813 году был назначен генералиссимусом чилийской армии, в 1814-м — правителем Чили (El Director de Chile). В 1815 году провозгласил независимость страны. Единоличное правление осуществлял до 1823 года, когда под давлением революционных выступлений армии и населения вынужден был отказаться от власти и эмигрировать в Перу, сохранив, однако, генеральский чин и получив солидное обеспечение.

Во главе начавшегося против него восстания стоял генерал дон Рамон Фрейре-и-Серрано¹, который дал французским путешественникам официальные заверения в том, что происходящие события ничуть не отразятся на снабжении «Кокий» всем необходимым.

Двадцать шестого января два корвета вошли в бухту Консепсьон.

Офицеры с «Кокий» отправились с визитом к генералу Фрейре. По мере приближения к городу все чаще попадались опустошенные поля, сожженные дома, все реже встречались жители, едва прикрытые лохмотьями.

Вид самого города был еще печальнее. Переходивший из рук в руки, уничтоженный пожарами, Консепсьон представлял собой лишь груды развалин, среди которых в одиночку бродили полуголые жители — жалкие остатки когда-то многочисленного населения. На улицах пробивалась трава; дворец епископа и собор еще стояли, зияя дырами, разграбленные, но и им предстояло вскоре быть разрушенными.

Генерал Фрейре, прежде чем выступить против правителя Чили О'Хиггинса, завязал дружественные отношения с арауканами, смелыми индейцами, сумевшими сохранить свою независимость и проявлявшими постоянную готовность захватить занятые испанцами земли. Некоторые из этих индейцев служили даже во вспомогательных отрядах чилийских войск. Дюперре, видевший их сам и получивший о них достоверные сведения от генерала Фрейре, дает им не слишком лестную характеристику; вкратце она сводится к следующему.

Арауканы выступают в поход верхом на быстрых лошадях, вооруженные длинным копьем, длинным саблевидным ножом, называемым «мачете», и лассо, которым они орудуют с большой ловкостью.

Они среднего роста, кожа у них цвета меди, маленькие глаза, черные и живые, слегка приплюснутый нос, толстые губы — все это придает их лицу выражение жестокости. Разделенные на со-

¹ Фрейре Рамон (1787—1851) — военный и политический деятель Чили, генерал чилийской армии, участник Войны за независимость, президент страны в 1823—1826 годах. В 1827 году установил диктатуру, два года спустя пытался провозгласить себя пожизненным президентом, но возмущение недовольных его правлением чилийцев вынудило генерала Фрейре бежать в Перу.

перничающие между собой племена, всегда склонные к мятежу, они ведут бесконечные войны.

«Если иногда приходилось видеть, как они принимают в своих “толдо” [хижинах] побежденных и выступают в их защиту, — говорится в отчете, — то к такому благородному поведению их всегда побуждала жажда мести; это означало, что враждующая сторона имела своим союзником какое-то племя, которое они хотели истребить. У арауканов ненависть заглушала все другие страсти; и только она одна является наиболее прочной гарантией их верности. Все они зарекомендовали себя храбрецами, пылкими, стремительными воинами, безжалостными к врагам, которых они убивают с устрашающим хладнокровием. Надменные и мстительные, они крайне недоверчиво относятся ко всем, кого они не знают, но гостеприимны и великодушны по отношению к тем, кого считают друзьями. Они исключительно дорожат своей свободой, своими правами и всегда готовы их защищать с оружием в руках».

Таков нарисованный Дюперре портрет вольных сынов Анд, обладающих, во всяком случае, тем достоинством, что начиная с XVI столетия они оказывали упорное сопротивление всем попыткам захватчиков и сумели сохранить в неприкосновенности свою независимость.

После ухода генерала Фрейре и войск, которые он повел за собой, Дюперре воспользовался моментом, чтобы ускорить снабжение своего корабля. Вода и сухари были быстро погружены; немного больше времени понадобилось для того, чтобы запастись каменным углем; его добывали сами моряки в шахте, выходящей на поверхность земли, и платить приходилось только владельцам мулов, на которых он доставлялся к берегу.

Хотя события, сопровождавшие стоянку «Кокий» в бухте Концепсьон, были далеко не веселыми, общая печаль не смогла устоять против традиционных карнавальных увеселений. Снова начались обеды, званые вечера, балы, и уход армии сказался лишь в том, что не хватало кавалеров для танцев. Французские офицеры, чтобы отблагодарить за великолепный прием, оказанный им, дали два бала в Талькауано, и много семейств из Концепсьона совершили специальное путешествие, чтобы присутствовать на них.

К несчастью, отчет Дюперре прерывается на том моменте, когда он собирался покинуть Чили, и в нашем распоряжении нет

официального документа, на основании которого мы могли бы подробно рассказать об этой интересной и плодотворной экспедиции. Мы не в состоянии шаг за шагом следовать за первоисточником, как это делали при описании других путешествий, и вынуждены дать лишь краткое изложение чужих пересказов, имеющихся в нашем распоряжении.

Впрочем, несколько писем Дюперре морскому министру были опубликованы, и мы позаимствуем из них некоторые подробности.

Пятнадцатого февраля 1825 года «Кокий» покинул Консепсьон и пошел в Пайту¹, откуда Альваро Менданья де Нейра и Педро Эрнандес де Кирос² отправились в 1595 году открывать новые страны. Спустя примерно две недели вблизи от острова Лоренсо корвет попал в шталь, и Дюперре решил зайти в Кальяо, чтобы взять там свежей провизии.

Как известно, Кальяо является портом Лимы. Конечно, офицеры не могли упустить случая побывать в столице Перу. Обстоятельства им, однако, не благоприятствовали. Все выдающиеся деятели страны вместе со своими женами находились на морских купаниях в Мирафлоресе³. Французские моряки вынуждены были удовлетвориться осмотром достопримечательностей города и 4 марта возвратились в Кальяо. 9-го того же месяца «Кокий» стал на якорь у Пайты.

Местоположение этого пункта между земным экватором и магнитным экватором дало возможность заняться наблюдениями над суточными склонениями магнитной стрелки. Естествоиспытатели также совершили несколько экскурсий в пустыню Пиура; там они нашли в третичных отложениях⁴ очень интересные окаменелые раковины, в точности такие, какие встречаются в окрестностях Парижа. Как только все работы в Пайте, представ-

¹ Пайта — город и провинция в Перу. Сейчас Пайта — заштатный городок с населением 9 тыс. человек, тогда как в испанскую эпоху она была важнейшим портом тихоокеанского побережья.

² О Менданье и Киросе см. в томе «Открытие Земли».

³ Мирафлорес — район современной Лимы.

⁴ Третичные отложения — горные породы, сформировавшиеся и отлагавшиеся в течение последних 67 млн лет. Это время в зарубежной геологии часто по старинке называют третичным периодом. В отечественной геологии третичный период разбивается на два: палеогеновый и неогеновый. Отложения двух этих периодов объединяются под названием кайнозойских.

лявшие какой-либо интерес для науки, были закончены, «Кокий» вышел в море и направился на Таити.

Плавание сопровождалось происшествием, которое могло бы послужить причиной если не окончательной гибели экспедиции, то по меньшей мере существенной задержки в ходе ее работ. 22 апреля ночью, когда корвет находился в районе Опасного архипелага, вахтенный офицер неожиданно услышал шум волн, с силой разбивавшихся о рифы. Он немедленно распорядился лечь в дрейф, и, когда наступил рассвет, все увидели, какой опасности они избежали.

Меньше полутора миль отделяло корвет от низкого острова, поросшего густым лесом и вдоль всего берега окаймленного скалами. К кораблю приблизилась пирога, но находившиеся в ней туземцы ни за что не хотели подняться на палубу. Дюперре вынужден был отказаться от посещения этого острова, получившего название Клермон-Тоннер (Peao); повсюду волны с грохотом разбивались о скалы, и «Кокий» смог лишь пройти вдоль всего берега на очень небольшом расстоянии от него.

Назавтра и в последующие дни французские моряки увидели несколько островков, не представлявших, впрочем, большого интереса, которым были даны названия Ожье, Фресине и Лостанж.

Третьего мая на рассвете открылись наконец зеленые берега и покрытые лесом горы Таити. Как и его предшественники, Дюперре не мог удержаться, чтобы не отметить коренной перемены, происшедшей в нравах и обычаях туземцев.

Ни одна пирога не вышла навстречу «Кокий». Когда он входил в бухту Матаваи, был час проповеди, и миссионеры собрали все население острова, в количестве семи тысяч человек, в главную церковь Папезте, чтобы обсудить статьи нового кодекса законов. Таитянские ораторы, по-видимому, не уступают французским. Многие из них обладают ценной способностью говорить несколько часов, ничего не сказав, и хоронить самые лучшие проекты, засыпая их цветами своего красноречия.

Вот как описывает Дюрвиль одно из таких заседаний:

«Назавтра только художник экспедиции, Лежен, присутствовал на заседании, на котором обсуждению народного собрания подлежали некоторые политические вопросы. Собрание продолжалось много часов, выступали по очереди все вожди. Самым блестящим оратором оказался вождь Таити: главным вопросом, которого он коснулся, было введение подушной подати в пять

бамбуков масла с человека. Затем перешли к рассмотрению вопроса о налогах, которые следовало взимать либо в пользу короля, либо в пользу миссионеров. Позже мы узнали, что первый вопрос был решен в положительном смысле, а второй, касавшийся миссионеров, те сами сняли в предвидении провала. На этом подобию народного собрания присутствовало четыре тысячи человек».

Незадолго до прибытия «Кокий» Таити отказался от английского флага и ввел свой собственный; эта мирная революция несколько не отразилась на положении миссионеров. Последние оказали французским морякам превосходный прием и снабдили их по обычным ценам свежей провизией, в которой те нуждались.

С Таити «Кокий» направился на соседний остров Борабора, относящийся к тому же архипелагу; его жители также восприняли европейские нравы.

Девятого июня, взяв курс на запад, корвет произвел съемку островов Салвешен, Эоа, Санта-Крус, Бугенвиль и Бука¹, затем 12 августа он бросил наконец якорь в знаменитой своим великолепным водопадом бухте Прален на побережье Новой Ирландии.

«Дружественные отношения, установившиеся с туземцами, дадут нам возможность пополнить историю человечества новыми любопытными подробностями, которых прежние путешественники не имели случая наблюдать».

Вот когда приходится пожалеть, что первоначальный отчет экспедиции не был полностью опубликован, ибо предыдущая фраза, взятая из краткого отчета, напечатанного в «Летописи путешествий», только возбуждает любопытство, ничего не давая для его удовлетворения.

Гардемарин Поре де Блоссевиль — тот самый, что впоследствии погиб на «Лиллуаз» в полярных льдах, — побывал в одной из деревень жителей Новой Ирландии, хотя туземцы и пытались воспротивиться этому посещению. Там французскому моряку показали что-то вроде храма; на окруженном стенами помосте стояло много безобразных причудливых идолов.

Дюперре тщательно нанес на карту пролив Сент-Джорджес-Чаннел, а затем направился к островам, некогда открытым Схотеном к северо-востоку от Новой Гвинеи. Три дня, 26, 27 и 28 ав-

¹ Острова, расположенные в северной части архипелага Соломоновы острова.

густа, были посвящены их съемке. После этого мореплаватель безуспешно искал описанные Картеретом острова Стефенс и, сравнив свой путь с тем, каким в 1792 году следовал Д'Антраксто, пришел к заключению, что этот архипелаг является не чем иным, как островами Провиденс, давным-давно открытыми Дампиром.

Третьего сентября была замечена северная оконечность Новой Гвинеи. Три дня спустя «Кокий» вошел в узкую и скалистую бухту Оффак на северо-западном побережье Вайгео, одного из Папуасских островов. Единственным мореплавателем, упоминавшим об этой бухте, был Форест. Конечно, Дюперре с особым удовлетворением занялся изучением уголка земли, на который почти никогда не ступала нога европейца. К тому же открытие южной бухты, отделенной от бухты Оффак узким перешейком, представляло большой интерес для географической науки.

Два офицера, Дюрвиль и Блоссевиль, занялись съемкой, результаты которой удалось привести в соответствие с той работой, которую Дюперре имел возможность выполнить на этом же берегу во время плавания «Урании». Остров оказался очень богат растительностью, и Дюрвиль собрал здесь основную часть своей коллекции, чрезвычайно ценной по новизне и красоте представленных в ней видов.

Дюрвиль и Лессон, горя желанием поскорее приступить к изучению жителей острова, принадлежавших к одному из папуасских племен, сразу же по прибытии высиделись на берег в шляпке, в которой находилось семь человек.

Под проливным дождем они пробежали уже порядочное расстояние, как вдруг очутились перед хижиной, стоявшей на сваях и крытой листьями веерной пальмы. Неподалеку от нее в кустах прятался молодой туземец; несколько дальше на самом виду лежала кучка из десятка недавно сорванных кокосовых орехов, казалось приглашавших путников освежиться. Французы поняли, что это приношение замеченного ими молодого туземца, и с удовольствием приняли подарок, который пришелся очень кстати. Вскоре туземец, успокоенный мирным поведением моряков, приблизился к ним, говоря «Бонгу!» («Хорошо!»), и жестами пояснил, что кокосовые орехи преподнесены им самим. Его деликатное внимание было вознаграждено подарком, состоявшим из ожерелья и серег.

Когда Дюрвиль вернулся к своей шляпке, около нее оказалось человек двенадцать папуасов, которые веселились, ели и, по-видимому, находились в наилучших отношениях с матросами.

«Они сразу же окружили меня, — рассказывает Дюрвиль, — повторяя: «Капитан, бонгу!» — и всячески выражая мне свое расположение. Эти туземцы обычно маленького роста, тщедушны и хилы, подвержены заболеванию проказой; черты их лица, впрочем, вовсе не безобразны; у них приятный голос, ведут они себя степенно, вежливо и даже с ярко выраженным оттенком постоянной меланхолии».

Среди античных статуй, которыми так богат Лувр, имеется знаменитая статуя Полигимнии¹, отличающаяся выражением меланхолической мечтательности, совершенно несвойственной народам древности. Довольно странно, что Дюрвиль обнаружил у папуасов это выражение лица, так хорошо переданное древним скульптором.

На палубе корабля толпа других туземцев вела себя спокойно и сдержанно, что представляло резкий контраст поведению большинства островитян Океании.

То же впечатление создалось у французов во время посещения вождя острова и его ответного визита на «Кокий». В одной из деревень на берегу южной бухты моряки видели своеобразный храм, в котором они обратили внимание на множество грубых изображений, расписанных в разные цвета и украшенных перьями. Никаких сведений о том, какое поклонение воздается этим идолам, получить не удалось.

Шестнадцатого сентября «Кокий» снова вышел в море и достиг острова Амбоины².

Двадцать седьмого октября корвет продолжал свой путь и направился к Тимору, пройдя к западу от Черепановых островов³ и островов Лусипара. Затем Дюперре определил положение архипелага Волкано, произвел съемку островов Ветар, Бабе, Дог, Камбинг и, продвигаясь проливом Омбай, определил координаты множества точек на этой цепи островов, которые тянутся от Пантара и Омбая до Явы.

¹ Полигимния — в древнегреческой мифологии дочь Зевса, одна из 9 муз — муза серьезной гимнической поэзии. Ей приписывается изобретение лиры.

² Амбоина — самый южный среди Молуккских островов; расположен в море Банда. Так же назывался и главный порт острова, один из важнейших в регионе в колониальные времена. Современное название города и порта — Амбон.

³ Речь идет о части Малых Зондских островов, носящих общее название Юго-Западные.

После того как берега были нанесены на карту, Дюперре направился к Австралии, но из-за встречных ветров не смог двигаться вдоль ее западного побережья. 10 января 1824 года он обогнул наконец Тасманию и шесть дней спустя увидел огни Порт-Джексона и назавтра стал на якорь.

Губернатор, сэр Томас Брисбен¹, предупрежденный о прибытии экспедиции, оказал ей радушный прием, приложил все усилия, чтобы помочь запастись провизией, и с исключительной любовью содействовал всем ремонтным работам, которых требовало ветхое состояние корвета. Губернатор предоставил Дюрвилю и Лессону возможность совершить плодотворную поездку за Голубые горы в долину Батерст, о природных богатствах которой европейцы имели далеко не полное представление.

Только 20 марта Дюперре покинул Австралию. На этот раз он взял курс к Новой Зеландии, остававшейся всегда несколько в стороне во время путешествий его предшественников, и бросил якорь в глубине залива Бей-оф-Айлендс. Свой досуг офицеры посвящали физическим наблюдениям и естественно-научным исследованиям. В то же время постоянное общение экипажа с туземцами помогло составить более ясное представление о нравах, религиозных верованиях, языке, воинственных наклонностях этого народа. Из всего того, что могла принести новозеландцам цивилизация, они оценили только усовершенствованное оружие.

Семнадцатого апреля «Кокий» покинул стоянку и пошел на север к острову Ротума, открытому в 1797 году капитаном Уилсоном; впрочем, тот на него не высаживался. Жители острова, добродушные и гостеприимные, поспешили снабдить мореплавателей всеми видами необходимой им свежей провизии. Но вскоре французы заметили, что туземцы, пользуясь доверием, которое они сумели внушить, украли с корабля много нужных вещей; заставить их вернуть украденное стоило величайшего труда. Пришлось принять строгие меры, и пойманные на месте преступления воры были выпороты в присутствии их товарищей, что вызвало только смех и у туземцев-зрителей, и у тех, кто подвергся порке.

¹ Брисбен Томас Макдугалл (1773—1860) — австралийский военный и политический деятель, губернатор Нового Южного Уэльса в 1821—1825 годах. Выйдя в отставку, посвятил себя занятиям астрономией. Был организатором обсерватории в Параматте. Избирался президентом Философического общества Австралии и Эдинбургского астрономического института.

Среди островитян жили четверо европейцев, дезертировавших с китобойного судна «Рочестер». Подобно туземцам полуголые, татуированные и вымазанные каким-то желтым порошком, они отличались лишь более светлой кожей и более живым выражением лица. Довольные своей участью, они обзавелись на Ротуме семьями и твердо рассчитывали остаться там до конца своих дней, вдали от забот, беспокойства и тягот цивилизованной жизни. Только один из них попросил взять его на «Кокий», на что Дюперре охотно согласился; но вождь острова дал на это разрешение только тогда, когда узнал, что двое ссыльных из Порт-Джексона выразили желание остаться на берегу.

Хотя это малоизученное племя представляло большой интерес для ученых, все же пора было двигаться в путь. Прежде всего «Кокий» занялся съемкой островов Кораль и Святого Августина, открытых Мореллем в 1781 году. Затем настала очередь острова Драммонд, жители которого, отличавшиеся очень темной кожей, тонкими руками и ногами, малоосмысленным лицом, явились на корабль, чтобы обменять несколько раковин-тридактн, в просторечии называемых кропильницами, на ножи и рыболовные крючки. Затем последовали острова, образующие архипелаг Гилберта и, наконец, Маршалловы острова.

Третьего июня Дюперре оказался в виду острова Уалан, открытого в 1804 году американским капитаном Крозером. Так как этот остров не был показан на картах, командир решил сделать точную и детальную съемку. Лишь только якорь коснулся дна, Дюперре с несколькими офицерами высадился на берег. Там они встретили приветливых, доброжелательно настроенных туземцев, которые угостили их кокосовыми орехами и плодами хлебного дерева, а затем повели по очень живописным местам к жилищу своего главного вождя, «уросс-тона», как они его называли. Вот как описывает Дюмон-Дюрвиль местность, по которой им пришлось двигаться, прежде чем они очутились перед лицом этой высокой персоны.

«Мы мирно плыли среди обширного водоема, окаймленного зеленым прибрежным лесом. Позади нас поднимались высокие холмы острова, покрытые густым ковром зелени, среди которой возвышались стройные, покачивающиеся стволы кокосовых пальм. Впереди среди волн показался островок Леилеи, по берегам которого стояли красивые хижины туземцев, а посередине возвышался небольшой, поросший зеленью холм... Если к этому

добавить великолепный день, приятную температуру воздуха, то можно составить себе представление о тех чувствах, которые наполняли наши сердца во время этого торжественного путешествия в обществе простых, кротких и великодушных людей.

Толпа человек в восемьсот ожидала приближавшиеся лодки перед чистенькой, привлекательной деревней с хорошо вымощенными улицами. Все собравшиеся, мужчины — с одной стороны, женщины — с другой, хранили поистине торжественное молчание. Два вождя выступили вперед, взяли путешественников за руки и повели их к жилищу «уросс-тона». Толпа, по-прежнему хранившая молчание, осталась снаружи, между тем как французы вошли в хижину.

Вскоре появился «уросс-тон» — худой, немощный старик лет восьмидесяти. Когда он вошел в комнату, французы из вежливости встали, но по шепоту присутствующих они поняли, что нарушили обычай.

Они оглянулись. Все простерлись ниц. Даже сами вожди должны были воздать этот знак почтения. Старик, на мгновение ошеломленный дерзостью чужестранцев, призвал, однако, своих подданных к тишине, приблизился к французам и сел рядом с ними. В знак благодарности за небольшие подарки, преподнесенные ему и его жене, он дружески похлопал гостей по щекам, плечам и ляжкам.

По окончании аудиенции французы посетили деревню и очень удивились, увидев там две огромные стены из коралловых глыб; некоторые из них весили много тысяч фунтов.

Несмотря на несколько краж, совершенных вождями, десятидневная стоянка прошла мирно, и дух согласия, установившийся в отношениях между моряками и уланцами, ни разу не был нарушен.

«Легко понять, — рассказывает Дюперре, — какое важное значение сможет со временем приобрести остров Уалан. Расположенный в центре Каролинских островов на пути кораблей, идущих из Голландии в Китай, он может обеспечить их гаванями для ремонта, пресной водой и разнообразной свежей провизией. Туземцы, населяющие его, великодушны и кротки и вскоре окажутся в состоянии снабжать мореплавателей необходимым в пути продуктом, который они, без сомнения, будут иметь от потомства двух супоросных свиней, подаренных нами и принятых ими с житейшей благодарностью».

Предположения Дюперре не оправдались, хотя путь из Европы в Китай и проходит в этих местах. Изобретение паровой машины внесло такой переворот в условия мореплавания, вызвало такие резкие перемены, каких не мог предвидеть путешественник начала XIX столетия.

После того как «Кокий» покинул Уалан, 17, 18 и 23 июня Дюперре и его спутники открыли новые островки, составляющие группы Макаскилл и Дюперре, жители которых похожи на уланцев и называют, как и на островах Ратак, своих вождей «тамонами».

Двадцать четвертого того же месяца «Кокий» вступил в воды, омывающие архипелаг Трук, который Коцебу искал слишком далеко к северу; Дюперре определил его местоположение по нескольким названиям, сообщенным ему туземцами и обозначенным на карте Кантовы. С 24 по 27 июня Блуа произвел гидрографическую съемку этой группы, имеющей в окружности не меньше тридцати лье.

Острова эти в большинстве своем высокие, в центре их выступает остроконечная вершина вулкана; расположение кольцевидной лагуны на других островах Трук говорит о коралловом происхождении.

Что касается островитян, то они малы ростом, плохо сложены, слабосильны. Если изречение *mens sana in corpore sano*¹ остается справедливым и в отрицательной форме, то в этом случае мы находим его подтверждение, так как жители архипелага Трук не обладают достаточно развитыми умственными способностями и стоят в культурном отношении гораздо ниже уланцев. Тем не менее и сюда как будто проникли чужеземные моды. Некоторые из туземцев, по примеру китайцев, носят остроконечные шляпы, другие были одеты в плетеные циновки, с дырой посредине, чтобы можно было просунуть голову, — ни дать ни взять «пончо» индейцев Южной Америки. Но все островитяне с презрением относились к зеркалам, ожерельям и побрякушкам; они просили топоры и железо, что говорило о частых сношениях с европейцами.

После съемки островов Таматам², Фанендик³ и Оллан⁴ (на старинных картах острова Мучеников) «Кокий» направился к Но-

¹ Здоровый дух в здоровом теле (*лат.*).

² Таматам — современный атолл Пулап ($7^{\circ}39'$ с. ш. и $149^{\circ}25'$ в. д.).

³ Фанендик — современный остров Фанан ($7^{\circ}11'$ с. ш. и $151^{\circ}59'$ в. д.). Неко-

вой Гвинее, чтобы заснять ее северный берег. 26 июля он стал на якорь в бухте Дорей, на юго-восточной стороне этого огромного острова, и остался там до 9 августа.

Пребывание здесь оказалось как нельзя более плодотворным в отношении естественно-научных и географических исследований, астрономических и физических наблюдений. Жители острова — самые чистокровные папуасы. Жилища их представляют собой стоящие на сваях хижины; лестницу заменяет бревно с зарубками, которое каждый вечер втаскивается внутрь. Прибрежные туземцы, по-видимому, находятся в постоянной войне с теми, кто живут внутри страны. Дюрвилю удалось в сопровождении молодого папуаса добраться до поселений этих последних. То были мягкие, гостеприимные, вежливые создания, вовсе не походившие на портрет, нарисованный их врагами.

После этого «Кокий» снова миновал Молуккские острова, остановился очень ненадолго в Сурабае — на побережье Явы — и 30 октября прибыл на Маврикий. Наконец, после захода на остров Святой Елены, где французские офицеры посетили могилу Наполеона, и на остров Вознесения, где в 1815 году была основана английская колония, корвет 24 апреля 1825 года вошел в гавань Марселя — после тридцати одного месяца и тринадцати дней плавания, во время которого было пройдено 24 894 лье без потери людей, без болезней, без аварий.

Исключительный успех этой экспедиции делает честь молодому командиру и всем офицерам, с неутомимым рвением производившим всякого рода научные наблюдения. Жатва поэтому оказалась чрезвычайно богатой.

Были составлены пятьдесят две карты, собраны многочисленные, изобиловавшие новыми образцами коллекции животных, растений и минералов. Множество словарей, с помощью которых рассчитывали восстановить историю миграций населяющих Океанию племен, интересные данные о природных богатствах посещенных мест, о состоянии торговли и туземных ремесел, наблюдения относительно формы Земли, исследования в области земного магнетизма, метеорологии и ботаники — таков был при-

торое время у западноевропейских мореплавателей был известен также под именем Буа-Дюваль.

⁴ Координаты острова Оланн 7°13' с. ш. и 151°38' в. д. Все перечисленные островки являются частью архипелага Трук.

везенный на «Кокий» солидный научный багаж, опубликования которого с нетерпением ждал ученый мир.

II

Экспедиция барона Бугенвиля – Стоянка в Пондишери. – Белый город и черный город. – «Правая рука» и «левая рука». – Малакка. – Сингапур и его история. – Стоянка в Маниле. – Бухта Туран. – Флора и фауна Аннамиты. – Мраморные скалы Файфо. – Кохинхинская дипломатия. – Острова Анамбас (Сурабая). – Султан острова Мадуро. – Проливы Мадуро и Алас. – Вандименова земля (Тасмания). – Ботани-Бей и Новый Южный Уэльс. – Сантьяго и Вальпараисо. – Возвращение вокруг мыса Горн. – Экспедиция Дюмон-Дюрвиля на «Астролябии». – Пик Тейде. – Австралия. – Остановка на Новой Зеландии. – Архипелаг Тонга. – Стычки с туземцами. – Новая Британия и Новая Гвинея. – Первые сведения о судьбе Лаперуза. – Ваникоро и его обитатели. – Стоянка на Гуаме. – Амбоина и Манадо. – Результаты экспедиции.

Экспедиция, руководство которой было поручено капитану 1-го ранга, барону Иву Иасэнту де Бугенвилю, не была, в сущности говоря, ни научным путешествием, ни плаванием с целью открытия новых земель. Главная ее задача заключалась в том, чтобы напомнить о французском флаге и французских интересах в Юго-Восточной Азии. Инструкции, данные Бугенвилю¹, предписывали ему, между прочим, передать императору Кохинхины² письмо французского короля, а также подарки, которые должны были быть погружены на фрегат «Фетида».

Бугенвилю предстояло также повсюду, где это окажется возможным без значительной задержки плавания, производить гидрографические съемки и собирать самые подробные сведения о торговле, природных богатствах и средствах обмена тех стран, где ему придется останавливаться.

Под начальство Бугенвиля было отдано два корабля. Первый – «Фетида» – был совершенно новый сорокачетырехпущечный фрегат, экипаж которого насчитывал триста матросов; еще ни один французский корабль такой мощи, если не считать знаменитого «Будёз»³, не совершал кругосветного плавания. Второй

¹ Не смешивать с первым французским кругосветным мореплавателем Луи-Антуаном Бугенвилем (1729–1811). – *Ред.*

² Кохинхина – так в колониальные времена называлась южная часть Вьетнама, совр. Намбо.

³ См. описание экспедиции Л.-А. Бугенвиля во втором томе «Истории великих путешествий («Мореплаватели XVIII века»). «Будёз» (*фр.* «Boudeuse») переводится как «капризница» или «недовольная».

корабль, облеженный корвет «Эсперанс» («Надежда»), имел на борту двадцать каронад¹ и сто двадцать человек команды.

«Фетида» находилась под непосредственным командованием Бугенвиля; его помощниками были опытные офицеры Лонгевиль, Лапперр и Боден. «Эсперанс» командовал капитан 2-го ранга Нурке дю Кампе. Из числа офицеров «Эсперанс» следует упомянуть Тюрпена, впоследствии ставшего контр-адмиралом, Эжена Пено² и Медерика Малавуа. На кораблях Бугенвиля не было ни одного ученого специалиста вроде тех, что совершали плавание на «Натуралисте»³ и других судах, направлявшихся в кругосветное путешествие. Об этом Бугенвиль не переставал жалеть в течение всего плавания, тем более что судовые врачи, занятые заботами о здоровье многочисленного экипажа, не могли покидать корабли во время стоянок.

Путевой дневник Бугенвиля начинается следующим справедливым замечанием:

«Еще не так давно кругосветное плавание являлось рискованным предприятием; не прошло и полувека с тех пор, когда подобного рода экспедиции было достаточно для того, чтобы прославить ее руководителя... То было хорошее время, золотой век для кругосветных путешественников; опасности и лишения, с которыми им приходилось сталкиваться, вознаграждались сторицей, когда, вернувшись с ценными открытиями, они салютовали берегам родины... Теперь дело обстоит иначе; обаяние исчезло, теперь путешествие вокруг света совершают так, как раньше совершали путешествие вдоль берегов Франции!...»

Что же говорить в наши дни, когда мы имеем прекрасные, столь усовершенствованные пароходы и такие точные карты, при которых дальнейшее плавание становится как бы забавой.

Второго марта 1824 года «Фетида» покинула Брестскую гавань, со своим спутником, корветом «Эсперанс», который ушел несколько раньше и направился в Рио-де-Жанейро, она должна была встретиться на острове Бурбон. Короткая стоянка на Тене-

¹ Каронада — старинная чугунная пушка с укороченным стволом и безоткатная; применялась на флоте. Изготовление каронад началось в Великобритании в последней трети XVIII века.

² Во французском флоте были известны братья Пено — Андре Эдуар (1803—1870) и Шарль (1800—1864). Видимо, речь идет о первом из них.

³ «Натуралист» — один из кораблей экспедиции Никола Бодена, исследовавшей Австралию в 1801—1803 годах. См. «Мореплаватели XVIII века».

риффе, где французским морякам удалось купить лишь вина скверного качества и очень немного свежих съестных припасов, в которых они нуждались, увиденные издали острова Зеленого Мыса и мыс Доброй Надежды, поиски легендарного острова Саксенбург и нескольких скал, являвшихся также плодом фантазии, — таковы были незначительные события во время перехода до острова Бурбон, где корвет «Эсперанс» уже ожидал своего спутника.

В ту пору мореплаватели настолько хорошо знали остров Бурбон, что после упоминания о двух его открытых рейдах, Сен-Дени и Сен-Поль, Бугенвилю больше нечего было о нем сообщить.

Сен-Дени, главный город острова Бурбон, расположен на северном берегу, у края плоскогорья, спускающегося в сторону моря. Это даже не город, а скорее большой поселок, не имеющий ни ограды, ни стен; каждый дом был окружен садом. Никаких достопримечательностей, о которых стоило бы упомянуть, не имелось, если не считать губернаторского дворца, ботанического сада и сада акклиматизации, существующего с 1817 года. В ботаническом саду, расположенном в центре города, было много прекрасных аллей; он содержался в удивительном порядке. Эвкалипт, гигант австралийских лесов, новозеландский клен, мадагаскарская сосна — казуарина, баобаб со стволом исполинской толщины, ванильное дерево составляли украшение этого сада, орошавшегося канавами с проточной водой. Второй сад на склоне холма, разбитый на спускающихся уступах террасах, по которым протекали ручьи, приносившие жизнь и плодородие, был предназначен для акклиматизации деревьев и других растений европейских стран. Питомники яблонь, прекрасно прижившихся персиковых и абрикосовых деревьев, вишен и груш дали уже колонии ценные саженцы. В этом саду разводят также виноград, чайные кусты и заморские пряности.

Девятого июня оба корабля покинули гавань Сен-Дени. Обогнув рифы и пройдя открытым морем мимо Сейшельских островов, затем между южными атоллами Мальдивского архипелага — низкими островками, покрытыми густой растительностью с кое-где возвышающимися рощами кокосовых пальм, — «Фетида» и «Эсперанс» очутились в виду острова Цейлона и Коромандельского берега и стали на якорь у Пондишери.

Эта часть Индии далеко не соответствует тому пленительному образу, который мог создаться у европейцев на основании восторженных отзывов писателей, прославлявших ее чудеса.

Число общественных сооружений и памятников в Пондишери невелико, и, после того как вы посетите пагоды, представляющие наибольший интерес, вам больше ничего не останется, кроме наблюдения за необычными сценами, развертывающимися на каждом шагу на улицах города, разделенного на два совершенно обособленных квартала. Пожалуй, «белому» городу с его красивыми и в то же время скучными и пустынными зданиями следует предпочесть другое — «черный» город с базарами, фокусниками, пагодами и пленительными танцами баядерок.

«Индийское население на Коромандельском берегу, — говорится в отчете, — делится на две группы — “правая рука” и “левая рука”. Это разделение ведет свое начало со времени правления одного раджи, при котором произошло народное восстание. Все, кто остался верен властителю, удостоился названия “правой руки”, а остальных стали называть “левой рукой”. Эти две многочисленные группы, на которые делится почти поровну население, находятся все время в состоянии вражды из-за чинов и привилегий, доставшихся сторонникам раджи. Они занимают правительственные должности, а представители второй группы сосредоточили в своих руках торговлю и ремесла. Чтобы не давать лишнего повода к нарушению мира, были запрещены старинные процессии и церемонии... “Правая рука” и “левая рука” подразделяются каждая на восемнадцать каст, закостенелых в притязаниях и предрассудках, не ослабевших от многовекового общения с европейцами. Отсюда проистекают чувства соперничества и презрения, которые могли бы стать причиной кровавых войн, если бы индийцы не питали отвращения к крови и если бы характер не заставлял их воздерживаться от всякого насилия. Эта мягкость и никогда не угасающая страсть к внутренним раздорам могут послужить объяснением политического факта подчинения пятидесятиmillionного с лишним народа игу двадцати тысячи иноземцев».

Тридцатого июня «Фетида» и «Эсперанс» покинули гавань Пондишери, пересекли Бенгальский залив и очутились в виду Никобарских островов. Затем они вступили в Малаккский пролив и с 24 июля по 26 августа простояли в голландском порту Малакка для починки корвета «Эсперанс». К тому времени голландцы уже должны были передать Малакку англичанам. Расставались они со своими владениями очень неохотно, так как с точки зрения плодородия почвы, живописности ландшафта, легкости снабже-

ния всеми предметами первой необходимости Малакка отличалась большими преимуществами.

Двадцать шестого августа Бугенвиль снялся с якоря; дальнейший путь кораблей по Малаккскому проливу задержали встречные ветры, штормы и грозы. То были места, чаще всего посещавшиеся малайскими пиратами. Несмотря на то, что французские корабли были достаточно мощны, чтобы не бояться никаких врагов, командир приказал выставить часовых и принял меры предосторожности, необходимые для предотвращения всякой неожиданности. В этих водах часто встречаются малайские «про» с экипажем в сотню человек, и не одно торговое судно стало добычей морских разбойников. Но французские моряки, не заметив ничего подозрительного, продолжали свой путь к Сингапуру.

Население этого города представляло собой необычайное смешение народов. Там можно было встретить европейца, занятого в одной из основных отраслей торговли, армянских и арабских купцов, китайцев, занимающихся земледелием или различными ремеслами для удовлетворения нужд населения. Что касается самих малайцев, оказавшихся не к месту у себя на родине, то они либо исполняли обязанности слуг, либо пребывали в состоянии праздности и нищеты. Незавидна была также участь поселившихся здесь индийцев. Право обосноваться в Сингапуре англичане приобрели у султана малайской области Джохор только в 1819 году. Тогда маленькое местечко, в котором они поселились, насчитывало лишь пятьсот жителей. На том месте, где прежде находились хижины туземцев, вскоре вырос настоящий город. Чтобы превратить его в торговый центр, англичане отменили все таможенные пошлины. Обширная и безопасная гавань, усовершенствованная трудом искусных человеческих рук, способствовала процветанию этого города.

Ко времени прибытия Бугенвиля гарнизон насчитывал всего триста сипаев и тридцать артиллеристов; укреплений еще не существовало, и артиллерийская материальная часть состояла из батареи в двадцать пушек и такого же количества бронзовых полевых орудий. В сущности говоря, Сингапур был лишь торговым складом. Из Мадраса туда привозили хлопчатобумажные ткани, из Калькутты — опиум, с Суматры — перец, с Явы — рисовую водку; все эти товары отправляли затем в Европу, Китай, Сиам и в другие страны.

В Сингапуре не было тогда еще ни общественных зданий, ни пакгаузов, ни ремонтных доков, ни строительных верфей, ни ка-

зарм; была только небольшая церковь, которую посещали обращенные в христианство туземцы.

Второго сентября корабли снова пустились в путь и без всяких происшествий достигли гавани Кавите. Командир «Эсперанс» получил приказ идти в Манилу, где он должен был предупредить генерал-губернатора Филиппинских островов о прибытии фрегата и выяснить, какой прием будет оказан французам.

В самом деле, недавнее вмешательство Франции в испанские дела¹ ставило мореплавателей в довольно щекотливое положение по отношению к губернатору Хуану Антонио Мартинесу, назначенному на этот пост правительством кортесов², только что свергнутым французами. Однако опасения Бугенвиля не оправдались, и он встретил со стороны испанских властей любезное содействие и самое искреннее доброжелательство.

Бухту Кавите, где корабли стали на якорь, ежедневно заносило илом. А между тем это был главный порт Филиппин. Испанцы создали там хорошо оборудованный морской арсенал, где работали местные жители.

Французские моряки приступили к смене обшивки «Фетиды» и к серьезным ремонтным работам, которых требовало состояние «Эсперанс»; судовые комиссары и офицеры следили в это время в Маниле за заготовкой съестных припасов и изготовлением снастей. Сделанные из «абаки» — волокна банана, которое в просторечии называют «манильской пенькой», они оказались при пользовании на кораблях не слишком доброкачественными.

К сожалению, стоянка была омрачена землетрясениями и тайфунами, периодически наблюдавшимися в Маниле. 24 октября произошло такое сильное землетрясение, что губернатор, войска и часть жителей были вынуждены спешно покинуть город. Убыток исчислялся в три миллиона франков, часть домов была разрушена, восемь человек оказались погребенными под развалинами; насчитывалось много раненых.

Едва лишь население начало успокаиваться, как ужасающий тайфун довершил бедствия, причиненные землетрясением. Он

¹ Речь идет о вооруженной помощи Франции, где в 1814 году была восстановлена монархия Бурбонов, испанским Бурбонам при подавлении революции и гражданской войны 1820–1823 годов

² Кортесы — испанский парламент. Во время гражданской войны парламент находился в оппозиции к королевской власти

продолжался лишь часть ночи на 31 октября, и наутро, когда взошло солнце, можно было бы подумать, что все это привиделось в кошмарном сне, если бы зрелище опустошенных полей и плачевный вид гавани, где шесть кораблей были выброшены на берег, а остальные почти полностью потеряли способность управления, не свидетельствовали о реальности происшедшего. Местность вокруг всего города была разорена, урожай погиб, деревья, даже самые толстые, вырваны с корнем, поселения разрушены. Глазам предстала душераздирающая картина! Грот-мачта и бизань-мачта «Эсперанс» были сломаны на высоте нескольких футов над палубой, бортовые ящики снесены. «Фетида» оказалась более счастливой и вышла из этой ужасной бури почти без повреждений. Медлительность рабочих и огромное количество справляемых ими праздников заставили Бугенвиля принять решение на время расстаться со своим спутником, и 12 декабря он вышел в море, взяв курс на Кохинхину.

Но, прежде чем последовать за нашими путешественниками к редко посещаемым берегам этой страны, следует бросить вместе с ними взгляд на достопримечательности Манилы и ее окрестностей.

Бухта Манилы, безусловно, одна из самых больших и самых красивых в мире; в ней могли бы поместиться огромные флотилии; два прохода, ведущие в нее, не были защищены, что дало возможность двум английским фрегатам проникнуть в 1798 году в гавань и захватить много судов под самыми пушками городской крепости.

Горизонт ограничен цепью гор, которые на юге заканчиваются Талем, вулканом, в настоящее время почти угасшим, но когда-то не раз причинявшим своими извержениями страшные бедствия. Равнинный пейзаж оживляют разбросанные среди рисовых полей деревушки или отдельные дома.

Напротив входа в бухту возвышается город с длинными предместьями. В Маниле, насчитывающей сто шестьдесят тысяч жителей, протекает река Пасиг, берущая начало в озере Бай. Такому исключительному местоположению, дающему много преимуществ, могла бы позавидовать не одна столица.

Гарнизон, не считая милиции, состоял в то время из двух тысяч двухсот солдат. Кроме военного флота метрополии, всегда представленного несколькими кораблями, была еще создана флотилия, пригодная для местных условий, получившая название

«sutil»¹ то ли из-за небольшой величины судов, то ли из-за их быстроходности. Эта флотилия, весь личный состав которой назначался генерал-губернатором, состояла из шхун и канонерских лодок, предназначенных для защиты побережья и торговых кораблей от пиратов с островов Сулу. Однако эта дорогая затея не дала сколько-нибудь заметных результатов. Бугенвиль приводит разительный пример: в 1828 году пираты похитили на берегах Лусона три тысячи человек, а карательная экспедиция, направленная против них к островам Сулу и закончившаяся уничтожением шести разбойников, обошлась в сто сорок тысяч пиастров!

В то время, когда «Фетида» и «Эсперанс» находились на Филиппинских островах, там шло довольно сильное брожение и болезненно ощущались отзвуки тех событий, которые залили кровью метрополию. Избиение филиппинцами белых (20 декабря 1820 года), бунт одного из полков и убийство прежнего губернатора, Фольгереса, в 1824 году — таковы были первые толчки, поколебавшие испанское господство. Метисы, которые вместе с тагалами² составляли наиболее богатую и трудолюбивую часть населения и были к тому же подлинными местными уроженцами, возбуждали законные опасения испанских властей, ибо все знали, что они стремились к изгнанию тех, для кого Филиппинские острова не были родиной. Метисы командовали туземными полками, метисы занимали большую часть высших должностей; все видели, что они пользуются значительным влиянием, и, естественно, возникал вопрос, не находятся ли Филиппины накануне одной из тех революций, которые лишили Испанию самых лучших ее колоний³.

¹ Sutil — по-испански тонкий, пронизательный; здесь употреблено в смысле: всюду проникающий. (*Примеч. перев.*)

² Тагалы — основное население острова Лусон, один из крупнейших народов Филиппин.

³ На самом деле многие внутренние районы Филиппинских островов никогда не находились под испанским контролем. Именно там находили убежище патриоты, пыгавшиеся организовать антииспанское движение. В 1896 году, то есть через четверть века после появления книги Ж. Верна, на островах вспыхнуло всенародное восстание против испанского гнета. Оно увенчалось созданием в 1898 году независимой Филиппинской Республики. Однако просуществовала она недолго. По мирному договору 1898 года Испания уступила свои права на Филиппины Соединенным Штатам Америки. Американские войска высадились на Филиппинах, и в 1901 году сломили упорное сопротивление патриотов. На 3 десятка лет Филиппины стали американской колонией. Рост национально-

Плаванию «Фетиды» до Макао мешали шквалы, ливни и холод, который был тем более чувствителен, что в течение многих месяцев путешественники привыкли к температуре не ниже 27° Как только был брошен якорь в устье реки Чжуцзян, тотчас же множество джонок окружили фрегат, предлагая для продажи овощи, рыбу, апельсины и кучу всяких безделушек, некогда очень редких, ныне ставших более обычными, но все еще дорогих.

«Ослепительно белые здания Макао, теснящегося среди бесплодных холмов, — говорится в отчете, — видны издалека. Город обращен к востоку, и выстроившиеся в ровную линию изящные дома обрисовывают контуры берега. Это лучший квартал города, тот, в котором живут иностранцы. За ним местность внезапно повышается; на втором плане выступает другая линия фасадов — многочисленных монастырей, бросающихся в глаза благодаря своей массивной архитектуре, и ансамбль увенчивается зубчатыми стенами фортов, над которыми развевался белый флаг с гербом Португалии. На северном и южном концах города тремя ярусами спускаются к морю батареи; в северной части, несколько ближе к центру, находится церковь, портик и наружные украшения которой очень изящны. Бесчисленные джонки и рыболовные лодки, стоящие на якоре у берега, оживляют эту картину, обрамление которой казалось бы менее мрачным, если бы окружающие город холмы были хоть немного оживлены зеленью».

Благодаря своему положению промежуточного пункта торговли между Китаем и всем остальным миром Макао — один из немногих остатков колониального могущества Португалии — долгие годы был процветающим городом. К 1825 году он уже находился в упадке, и его благосостояние поддерживалось только контрабандной торговлей опиумом

«Фетиды» зашла в Макао лишь для того, чтобы высадить там миссионеров и продемонстрировать французский флаг. Поэтому уже 8 января 1825 года Бугенвил¹ покинул этот порт.

Плавание до бухты Туран¹ не ознаменовалось никакими достойными упоминания событиями. Но по прибытии туда Буген-

освободительного движения вынудил американцев предоставить островам в 1934 году автономию. В годы Второй мировой войны острова были оккупированы японцами. После окончания войны, в 1946 году, многострадальная страна получила наконец независимость

¹ Бухта Туран — современная бухта Дананг

виль узнал, что французский резидент Шенью уехал в Сайгон с намерением зафрахтовать там барк для отправки товаров в Сингапур. Командир не знал теперь, к кому обратиться, и, не застав единственного человека, который мог помочь в осуществлении его планов, сразу же решил, что ему грозит неудача. Тем не менее он тотчас же послал в Хюэ¹ письмо с изложением сущности своей миссии и с просьбой разрешить ему лично явиться в столицу в сопровождении нескольких офицеров.

Время, протекшее до получения ответа, французские моряки использовали на подробный осмотр бухты и ее окрестностей, а также знаменитых мраморных скал, привлекающих внимание всех путешественников.

Некоторые авторы считают бухту Туран одной из самых красивых и самых обширных во всем мире. Но Бутенвиль придерживается другого мнения и полагает, что лишь очень незначительная часть ее безопасна. Деревня Туран расположена на берегу моря у входа в пролив Файфо, на правом берегу которого возвышается построенная французскими инженерами крепость с гласисами², бастионами и сухим рвом.

Французов, считавшихся старинными союзниками, всегда принимали здесь благожелательно и без опасений. Не так, по видимому, обстояло дело с англичанами, которым не разрешали сходить на берег, между тем как морякам «Фетиды» сразу же было дано право заниматься рыбной ловлей и охотой; они пользовались полной свободой передвижения, и им оказывали всяческое содействие в закупке свежих съестных припасов.

Благодаря предоставленной французским офицерам свободе они могли совершать прогулки по окрестностям и делать интересные наблюдения. Один из путешественников, Туан, так рисует вьетнамцев (аннамитов):

«Они скорее ниже среднего, чем выше среднего роста, и в этом отношении почти не отличаются от китайцев Макао. Кожа у них желтовато-коричневая, лицо плоское и круглое. Однако их темные глаза не сужены, как у китайцев. У них приплюснутый нос, большой рот; толстые губы всегда черные из-за постоянной

¹ Хюэ — административный центр Центрального Вьетнама, основанный в III веке В XIX веке был столицей страны, точнее — Аннамского королевства, находившегося в вассальной зависимости от Китая

² Гласис — пологая земляная насыпь перед наружным рвом укрепления

привычки мужчин и женщин жевать листья капустной пальмы, смешанные с бетелем и известкой».

Больше всего поражает нищета аннамитов на фоне плодороднейшей местности, и это оскорбительное несоответствие свидетельствует об эгоизме и нерадивости местного правительства, а также о ненасытной жадности чиновников.

На полях растут кукуруза, сладкий картофель, маниок, табак, рис. Прекрасный вид посевов говорит о тщательном уходе за ними: море снабжает население разнообразной рыбой; в лесах скрываются множество птиц, тигры и носороги, буйволы и слоны, а также обезьяны, повсюду встречающиеся в большом количестве. Ростом в четыре фута, пестро окрашенные — туловище жемчужно-серого цвета, ляжки черные, ноги красные, — эти обезьяны имеют к тому же красный «воротник» и белый «пояс», что придает им такой вид, словно они одеты. Они обладают изумительной физической силой и, прыгая с ветки на ветку, могут преодолевать огромные пространства. Нет ничего забавнее стаи этих животных шгук в двенадцать, сидящих на дереве, гримасничающих и кривляющихся самым причудливым образом.

«Однажды, находясь один на опушке леса, — рассказывает Бугенвиль, — я ранил обезьяну, высунувшую свой нос из листвы. Она обхватила лицо обеими руками и принялась испускать такие стоны, что в ту же минуту ее окружило шгук тридцать сородичей. Я поспешно перезарядил ружье, не зная, что меня может ожидать, ибо среди этих животных встречаются такие, которые не боятся нападать на человека; но вся стая, захватив раненого товарища, снова скрылась в чаще леса».

Другая экскурсия имела своей целью осмотр мраморных скал на реке Файфо. Там находятся очень интересные пещеры; в одной из них можно увидеть свисающую со свода огромную колонну, нижняя часть которой совершенно не касается земли. Сталактитов¹ в этой пещере нет, но в глубине ее слышен шум падающей воды.

Несколько дальше на открытом месте французские моряки увидели развалины древнего сооружения, расположенные рядом с

¹ Сталактиты — минеральные натечные образования, нарастающие в пещерах под действием просачивающихся капель водных растворов солей, обычно — известковых. Сталактиты свешиваются сверху, с потолков пещер в виде причудливых сосулек.

гротом, в котором стоял идол. В одном из углов грота был боковой ход; Бугенвиль пошел по нему и вскоре очутился в огромной круглой пещере, освещенной сверху и образующей куполообразный свод, вышиной по меньшей мере в шестьдесят футов. «Представьте себе, — пишет он, — колонны разноцветного мрамора, из которых многие кажутся высеченными из бронзы, так как они покрыты слоем зелени, образовавшейся от времени и сырости; представьте себе лианы, пересекающие в вышине каменный свод и спускающиеся вниз, одни в виде пучков, другие в виде лент, как бы предназначенные для того, чтобы поддерживать люстры; представьте себе напоминающие огромные органы трубы группы сталактитов, нависшие над головой, алтари, изуродованные статуи, страшные чудовища, высеченные из камня, — одним словом, целую пагоду, занимающую, однако, лишь очень незначительную часть грандиозного помещения! Соберите все это воедино, осветите тусклым призрачным светом, и, может быть, вы получите некоторое понятие о том, что внезапно поразило мой взор».

Двадцатого января 1825 года корвет «Эсперанс» присоединился наконец к фрегату. Два дня спустя прибыли два представителя двора Хюэ и попросили у Бугенвиля вручить им привезенное письмо. Но так как тот имел распоряжение передать его только самому императору, это требование повело к длительным и не лишённым комизма переговорам.

Церемонии, сопровождавшие все действия аннамских царедворцев, напомнили Бугенвилю анекдот о послé и губернаторе Явы, которые, стараясь перецеголять друг друга в степенности и дипломатической осторожности, просидели вместе целые сутки и расстались, не обменявшись ни словом. Командир не принадлежал к числу людей, способных проявлять такое долготерпение, но он так и не смог получить разрешение, которого добивался, и переговоры окончились ни к чему не обязывающим обменом подарками.

В общем, единственным положительным результатом всех свиданий было заверение императора, что он с удовольствием увидит французские корабли в своих портах при условии соблюдения законов империи.

С 1817 года Франция была почти единственной страной, поддерживавшей более или менее дружественные отношения с Кохинхиной; этим она была обязана присутствию своих резидентов при дворе и делала все зависящее от нее, чтобы сохранить ис-

ключительное положение, в которое ее поставили старинные дружеские отношения с кохинхинским правительством.

Семнадцатого февраля оба корабля покинули бухту Туран, собираясь посетить острова Анамбас¹, еще никем не исследованные. 3 марта на горизонте показался этот архипелаг, и выяснилось, что он ни в коей мере не походит на острова Анамбас, указанные на английской карте Китайского моря². Бугенвиль был приятно изумлен при виде открывавшихся его взору все новых и новых островов и островков, которые, несомненно, представляли собой прекрасные якорные стоянки.

Оба корабля проникли в середину архипелага и занялись гидрографической съемкой. В то время как суда вели эту работу, приблизились две легкие пироги. Одна из них пристала к «Фетиде», и на палубу поднялся мужчина лет пятидесяти, грудь которого была испещрена шрамами, а на правой руке не хватало двух пальцев. Он уже спустился было в межпалубное пространство, но устрашающий вид пушек и составленных в пирамиды ружей заставил его вернуться в свою пирогу.

На следующий день к кораблю пристали две другие лодки с майлаццами довольно свирепого вида. Они привезли бананы, кокосовые орехи и ананасы и обменяли их на сухари, платок и два маленьких топора. В следующие дни произошло еще несколько встреч с островитянами, вооруженными кривыми кинжалами — крисами и короткими железными пиками, заостренными с обоих концов.

Хотя французские моряки исследовали только часть островов, собранные ими сведения по своей новизне представляли большой интерес.

Жители островов Анамбас страдают от недостатка воды.

Так как слой почвы весьма неглубок и горы разделены лишь узкими лощинами, а не равнинами, то земледелие здесь почти невозможно. Даже деревья, за исключением кокосовых пальм, достигают здесь лишь умеренной высоты. Поэтому население, по словам одного туземца, не превышает двух тысяч человек — цифры, показавшейся Бугенвилю даже преувеличенной.

Удобное местоположение архипелага на скрещении двух путей, по которым следовали суда, занимавшиеся торговлей с Китаем, должно было давно привлечь к нему внимание мореплавате-

¹ Архипелаг Анамбас расположен в южной части Южно-Китайского моря

² Имеется в виду Южно-Китайское море.

лей. Забвение, которому были преданы эти острова, следует, конечно, приписать недостатку на них воды и съестных припасов.

Не слишком любезный и недоверчивый прием, встреченный Бугенвилем у островитян, дороговизна съестных припасов, а также перемена направления муссона в Южно-Китайском море заставили командира прекратить изучение архипелага Анамбас и как можно скорее направиться на Яву, куда он, по инструкции, должен был пойти.

Отплытие обоих кораблей было назначено на 8 марта. Они прошли в виду острова Виктория, миновали пролив Гаспар, проход через который отнял не больше двух часов, хотя при неблагоприятном ветре он часто длится много дней, и бросили якорь в гавани Сурабаи, где французские моряки узнали о смерти Людовика XVIII и восшествии на престол Карла X.

На Яве свирепствовала холера, унесшая в 1822 году триста тысяч жертв. Бугенвиль в целях предосторожности запретил экипажу покидать корабли и бывать на солнце; он также отдал строгий приказ не вступать ни в какие сношения с лодками, привозившими фрукты, так как их употребление очень опасно для европейцев, особенно в сезон дождей, который уже приближался. Несмотря на эти благоразумные распоряжения, на «Фетиде» вспыхнула эпидемия дизентерии и немало моряков стало ее жертвой.

Город Сурабая расположен в одном лье от устья реки, и попасть в него можно, лишь поднявшись против течения с помощью бечевы. Подступы к городу очень оживленные, и все говорит о деятельной торговле населения. Так как военная экспедиция на остров Целебес¹ полностью поглотила запасы правительства и склады были пусты, французы обратились за содействием к китайским купцам.

Побывать в Сурабае и не посетить султана острова Мадур, чья слава гостеприимного хозяина перелетела океаны, было так же невозможно, как приехать в Париж и не повидать Версаль² и Трианон³.

¹ Целебес — прежнее название острова Сулавеси.

² Версаль — пригород Парижа, бывший в 1682–1789 годах резиденцией французских королей. Небольшой охотничий замок Людовика XIII был в течение 1661–1689 годов превращен в великолепный дворцово-парковый ансамбль.

³ Трианон — общее название двух дворцов в Версальском парке: Большого Трианона (1670–1687, арх. Ф. де Орбе и Ж. Ардуэн-Мансар) и Малого Трианона (1762–1764, арх. Ж.-А. Габриель).

После плотного завтрака на берегу высшие офицеры с «Фетиды» и «Эсперанс» уселись в коляски, запряженные четверкой лошадей. Но дороги оказались такими плохими, а лошади такими истощенными, что наши путешественники не раз застряли бы в грязи, если бы специальные люди, расставленные для наблюдения на тяжелых участках пути, не принимались энергично толкать колеса. Наконец прибыли в Банкалан¹, и коляски остановились на третьем дворцовом дворе у подножия лестницы, на верхней площадке которой гостей ожидали наследный принц и первый министр.

Принц Адден Энграте принадлежал к самому знатному роду индонезийского архипелага. На нем был штатский наряд яванских вождей. Длинная юбка из цветастой хлопчатобумажной ткани, из-под которой едва виднелась пара китайских туфель, белый жилет с золотыми пуговицами, поверх него короткий камзол коричневого сукна с лапами, украшенный алмазными пуговицами, повязанный вокруг головы платок, а на нем фуражка с козырьком — все это придавало бы принцу забавный вид карнавальной амазонки, если бы непринужденность манер и величаявая осанка не заставляли забывать об эксцентричности его наряда.

Дворец, или «кратон», состоял из ряда обнесенных галереями зданий, в которых с помощью навесов и занавесей поддерживалась приятная прохлада. Большие залы и жилые комнаты были украшены люстрами, стильной европейской мебелью, красивыми обоями, зеркалами, хрусталем. Один флигель с глухой стеной в сторону двора и с окнами, выходящими в сад, предназначался для «рату» (султанши) и одалисок².

Прием был самый сердечный, и сервированный по-европейски завтрак отличался изысканностью.

«Разговор, — сообщает Бугенвиль, — шел по-английски, и не было недостатка в тостах; принц пил за наше здоровье чай, наливая его себе из бутылки вместо мадеры. Духовный глава своего государства, он строго придерживается заветов Корана, никогда не пьет вина и много времени проводит в мечети; но это не мешает ему быть прекрасным собеседником, и в его разговоре не чувствуется ни тени аскетической строгости, какой можно было ожидать при таком образе жизни».

¹ Банкалан — город в западной части острова Мадура.

² Одалиска — здесь: наложница в гареме.

Во второй половине дня путешественники посетили каретные сараи, где стояли прекрасные экипажи; некоторые из них были местного производства и сделаны так хорошо, что совершенно не отличались от привезенных из Европы. При возвращении во дворец гостей встретили звуки задумчивой музыки, вскоре сменившейся лаем и причудливым танцем придворного шута, обнаружившего изумительную ловкость и гибкость. На следующий день — новые игры, новые упражнения. Сначала борьба взрослых, детей, затем бои перепелов и, наконец, упражнения, выполнявшиеся верблюдом и слоном. После завтрака — прогулка в колясках, состязания в стрельбе из лука, бег в мешке, бег с корзиной, удерживаемой в равновесии на голове, и т. п. И все дни султана, когда он не был в мечети, проходили в таких развлечениях.

Знаки уважения и покорности, оказываемые повелителю, поистине изумительны. Никто не решается стоять в его присутствии, и, прежде чем с ним заговорить, все простираются ниц. Прислуживают ему стоя на коленях, и «даже его маленький ребенок четырех лет почтительно складывает руки, обращаясь к нему».

Бугенвиль использовал свое присутствие в Сурабае для того, чтобы побывать на расположенном в Тенгерских горах вулкане Брумо. Это путешествие, во время которого он пересек остров с востока на запад на протяжении почти ста миль, оказалось одним из самых интересных.

В Сурабае есть любопытные сооружения, в большинстве своем построенные по инициативе бывшего губернатора генерала Денделяса: к ним относится архитектурная мастерская, монетный двор — единственный на Яве, больница на четыреста коек, расположенная в очень хорошем месте.

Остров Мадура, лежащий напротив Сурабаи, имеет в длину не меньше ста миль и пятнадцать—двадцать миль в ширину; он производит недостаточно продуктов, чтобы прокормить свое население, хотя оно и немногочисленно. Власть над этим островом поделена между Банкаланским и Суменепским султанами, которые ежегодно поставляют голландцам шестьсот солдат, не считая чрезвычайных наборов.

Двадцатого апреля среди французских моряков появились признаки заболевания дизентерией. Поэтому два дня спустя оба корабля подняли паруса. Им понадобилось не меньше недели для того, чтобы миновать пролив Мадура. Они двигались вдоль се-

верного берега острова Ломбок и прошли проливом Алас между Ломбоком и Сумбавой.

Первый из этих островов от подножия гор до моря представляет взору веселый зеленый ковер, усеянный рощицами стройных деревьев. На северном его берегу имеется множество хороших якорных стоянок, и на нем без труда можно достать пресную воду и дрова, если в них ощущается нужда. Но вдоль другого берега тянутся многочисленные бесплодные на вид холмы; приблизиться к высокому берегу мешает цепь скалистых неприступных островов. Это и есть тот самый Ломбок, коралловых глубин и обманчивых течений которого следует избегать.

Две стоянки в деревнях Бали и Пею для пополнения запасов свежей провизии дали возможность офицерам произвести гидрографическую съемку этой части побережья Ломбока.

Выйдя из пролива, Бугенвиль искал остров Клотс, но, само собой разумеется, не нашел его, ибо в течение восьмидесяти лет многие корабли проходили по тому месту, где, согласно старинным картам, он должен был находиться. Что касается Триальских островов — скал, виденных в 1777 году с корабля «Фреденсберг-Касл», то, по словам английского капитана Кинга, они являются не чем иным, как островами Монте-Белло, прекрасно подходящими под описание датчан.

Бугенвиль имел предписание разведать окрестности австралийской реки Суон, где французское правительство рассчитывало найти подходящее место для ссылки несчастных людей, заполняющих каторжные тюрьмы. Но Англия успела уже водрузить свой флаг на Земле Нейтс и Земле Луин, в заливе Кинг-Джордж¹, в заливе Географа и на реке Суон. Разведка стала поэтому бесполезной. К тому же приступить к ней все равно оказалось невозможным, так как экспедиция задержалась и, вместо того чтобы прибыть в апреле, добралась туда лишь к середине мая, то есть в разгаре здешней зимы. Действительно, на этом берегу нет никакого убежища; стоит задуть ветру — волнение становится очень сильным, а в памяти французов еще были живы воспоминания о тех испытаниях, которые пришлось перенести в это время года «Географу»².

¹ В заливе Кинг-Джордж был основан город Олбани.

² «Географ» — судно французской экспедиции, исследовавшей под начальством Никола Бодена Австралию в 1801—1802 годах. См. «Мореплаватели XVIII века».

Бурная погода сопровождала «Фетиду» и «Эсперанс» до Хобарта, самого крупного английского поселения на Вандименовой Земле (Тасмания). Несмотря на горячее желание командира остановиться здесь, ему пришлось, спасаясь от бури, направиться к Порт-Джексону.

Вход в него указывал прекрасный маяк — гранитная башня высотой в семьдесят шесть английских футов; его фонарь, где источником света служил горящий газ, в хорошую погоду можно было увидеть на расстоянии восьми-девяти лье.

Губернатор, сэр Томас Брисбен, оказал экспедиции сердечный прием и немедленно приложил все старания для снабжения ее съестными припасами. На поставку их были устроены торги, и сделка выполнялась самым добросовестным образом.

Корвет нужно было выгнать на мель, чтобы починить его обшивку; этот ремонт, так же как и менее существенные починки, произведенные на «Фетиде», потребовали немного времени.

Впрочем, стоянка оказалась бесполезной для высшего офицерского состава, живо интересовавшегося успехами исправительной колонии. В то время как Бугенвиль с увлечением читал все труды о Новом Южном Уэльсе, вышедшие до того времени, его офицеры ходили по городу и в изумлении останавливались при виде бесчисленных сооружений, возведенных губернатором Макуори:¹ казармами, центральным госпиталем, рынком, домами призрения для сирот, стариков и инвалидов, тюрьмой, крепостью, церквями, зданием правительства, фонтанами, городскими воротами, наконец, «правительственными конюшнями, которые с первого взгляда всегда принимают за дворец».

Но в общей картине были и темные пятна: на широких, прямых улицах не было ни мостовой, ни освещения; больше того, они по ночам были небезопасны, и многих жителей убили и ограбили в самом центре Джордж-стрит, наиболее населенной улицы Сиднея. Если улицы города не отличались безопасностью, то еще в большей степени это относилось к окрестностям. Банды праздничношающих ссыльных, «буш-рейнджеры» («подкустные бродяги»), наводняли страну и вселяли такой страх, что правительство

¹ Макуори Лахлан (1762–1824) — британский военный и колониальный чиновник, генерал-майор. Губернатором Нового Южного Уэльса был в 1810–1821 годах.

вынуждено было организовать специальный отряд из пятидесяти драгун для преследования этих банд.

Тем не менее французские офицеры совершили много интересных путешествий. Они побывали в Парраматте, расположенной на протекающей среди очень крутых берегов реке Непиан, где посетили владения Реджент-Вилл, затем — в «равнинах Эму», правительственном сельскохозяйственном предприятии, своего рода образцовой ферме. Наконец, они присутствовали в театре на большом представлении, данном в их честь.

Известно, какое удовольствие испытывают моряки от верховой езды. Поэтому по равнинам Эму французы разъезжали верхом на лошадях. Благородные животные, привезенные из Англии, не выродились в Новом Южном Уэльсе; они были все такими же резвыми, в чем смог убедиться один молодой офицер. Обращаясь к сопровождающему их мистеру Коксу, он сказал ему по-английски: «Я очень люблю верховую езду», как вдруг неожиданно слетел с лошади и очутился в траве, прежде чем успел осознать, что произошло. Все весело смеялись, тем более что искусный наездник совершенно не пострадал.

За возделанными полями Кокса простирается лес, «открытый лес», как говорят англичане, по которому можно ехать верхом, где ничто не препятствует движению, лес из эвкалиптов и акаций разных видов, а также казуарин с темной листвой.

На следующий день была совершена прогулка на шлюпке по реке Непиан, притоку Хоксбери. Эта поездка дала богатый естественно-научный материал. Бутенвиль пополнил там свою коллекцию утками, водяными курочками, прекрасной разновидностью зимородка — «королевским рыболовом» и попугаями-какаду. В лесу раздавались резкие крики птицы-лиры и еще каких-то двух птиц, которые подражают звону колокольчика и скрипучим звукам пилы так похоже, что могут ввести в заблуждение.

Не только эти птицы отличаются своим необыкновенным пением; следует упомянуть также о «свистуне», «точильщике», «пересмешнике», «кучере», подражающем хлопанью бича, и «хохочущем осле» с его бесконечными раскатами смеха, действующими всем на нервы.

Сэр Джон Кокс подарил командиру двух утконосов. Нравы этих необыкновенных животных были еще мало известны европейским зоологам, и они имелись в коллекциях лишь очень немногих музеев.

Другое путешествие было совершено в Голубые горы, где французские моряки посетили Королевское плато, откуда открывается великолепный вид. С большим трудом вы взбираетесь на косогор, и вдруг у ваших ног разверзается бездна глубиной в тысячу шестьсот футов; это огромный ковер зелени, расстилающийся на протяжении двадцати миль; справа и слева видны исковерканные склоны горы, рассеченной каким-то землетрясением, — пласты, образующие эти склоны, в точности совпадают; несколько ближе с грохотом мчится поток и низвергается каскадами в глубь долины; это водопад, известный под названием водопада Асплея. Затем французы охотились на кенгуру на «Коровьих пастбищах», куда их сопровождал мистер Макартур¹, один из тех людей, которые больше всего содействовали процветанию Нового Южного Уэльса.

Бугенвиль воспользовался своим пребыванием в Сиднее, чтобы заложить первый камень в памятник Лаперузу. То был обелиск, установленный в Ботани-Бей в том самом месте, где мореплаватель некогда разбил свой лагерь.

Двадцать первого сентября «Фетида» и «Эсперанс» пустились наконец снова в путь. Они прошли мимо Питкэрна, острова Пасхи и островов Хуан-Фернандес, ставших местом ссылки для чилийских преступников после того, как в течение пятидесяти лет архипелагом владели испанцы, разводившие там виноград.

Двадцать третьего ноября «Фетида», потерявшая в густом тумане «Эсперанс», бросила якорь в Вальпараисо. На рейде царил большое оживление; генерал Рамон Фрейре-и-Серрано, о котором мы уже упоминали, готовился к экспедиции на остров Чилоэ, остававшийся еще в руках испанцев.

Бугенвиль, как и русский путешественник Литке, считает, что местоположение Вальпараисо не оправдывает его названия. Улицы грязные, узкие и настолько крутые, что ходить по ним очень утомительно. Единственным приятным уголком является предместье Альмендраль; примыкая к паркам и фруктовым са-

¹ Семейство Макартуров — весьма заслуженное в истории Австралии. До середины XIX века оно дало стране несколько видных политиков, чиновников, ученых, хозяйственников. Возможно, автор имеет в виду основателя австралийской ветви рода Джона Макартура (1766—1834), британского офицера, скотовладельца и общественного деятеля, поселившегося в Новом Южном Уэльсе одним из первых — в 1789 году.

* По-испански Вальпараисо означает: «райская долина». (Примеч. перев.)

дам, оно было бы еще лучше, если бы не песчаные вихри, в течение почти всего года поднимаемые ветром. В 1811 году в Вальпараисо насчитывалось всего четыре-пять тысяч жителей; к 1825 году его население утроилось и в дальнейшем, вероятно, будет продолжать расти¹.

Во время стоянки «Фетиды» в Вальпараисо там находился английский фрегат «Блонд» под командованием лорда Байрона, внука того мореплавателя, об открытиях которого мы рассказывали². По какому-то странному совпадению он только что воздвиг на острове Гавайи памятник Куку, а Бугенвиль, сын кругосветного мореплавателя, встреченного Джоном Байроном в Магеллановом проливе, только что заложил первый камень в памятник Лаперузу в Новом Южном Уэльсе.

Бугенвиль воспользовался большим промежутком времени, потребовавшимся для снабжения его кораблей съестными припасами, чтобы совершить поездку в Сантьяго, столицу Чили, расположенную в тридцати трех лье от берега.

Окрестности города поражают своей пустынностью — нет ни жилищ, ни возделанных полей. Ничто не предвещает близости столицы, пока вы не увидите ее колоколен; и, очутившись в центре Сантьяго, вы думаете, что находитесь еще в предместьях. Это не значит, однако, что в городе нет больших зданий; можно назвать монетный двор, университет, дом архиепископа, собор, церковь иезуитов, дворец и театральный зал, так плохо освещенный, что в нем нельзя различить лица зрителей. Исчерпав все достопримечательности города, путешественники занялись окрестностями и посетили Сальто-де-Агуа — водопад высотой в двести футов³, к которому довольно трудно подступиться, а затем Серито-де-Санта-Лусиа, где расположен небольшой форт, единственное оборонительное сооружение города.

Время шло, и следовало торопиться, чтобы не упустить наиболее благоприятный период для плавания вокруг мыса Горн. Поэтому 8 января 1826 года оба корабля снова вышли в море. Они благополучно обогнули мыс Горн и 28 марта бросили якорь на рейде Рио-де-Жанейро.

¹ Современное (1985 г.) население Вальпараисо — 267 тыс. человек.

² См. «Мореплаватели XVIII века».

³ То есть 390 м.

Во время этой стоянки обстоятельства сложились для французских моряков достаточно благоприятно, и они смогли получить полное представление о городе и императорском дворце.

«Когда мы прибыли, — рассказывает Бугенвиль, — император совершал путешествие; его возвращение послужило поводом к празднествам и приемам, взбудоражившим все население и на время нарушившим однообразную жизнь города, самого скучного и унылого во всем мире для иностранцев. Впрочем, его окрестности очаровательны. Природа щедро одарила их, а огромная гавань — место свидания “купцов” всех стран, ведущих торговлю в Атлантике, — представляет собой очень оживленное зрелище: движение бесчисленных судов, входящих в гавань и выходящих из нее, снующих взад и вперед шлюпок, постоянный шум, мешающий слышать слова собеседника, залпы фортов и военных кораблей, обменивающихся салютами по случаю какой-нибудь годовщины или в честь какого-нибудь святого, наконец, постоянный обмен визитами вежливости между морскими офицерами разных национальностей и между дипломатическими представителями государств, аккредитованными при дворе Рио-де-Жанейро».

Одиннадцатого апреля «Фетида» и «Эсперанс» снялись с якоря и 24 июня 1826 года вошли в Брестскую гавань, не зайдя по дороге из Рио-де-Жанейро ни в один порт.

Бугенвиль во время описываемого путешествия не сделал никаких открытий, но следует отметить, что в этом отношении он был связан точными инструкциями: ему предписали лишь продемонстрировать французский флаг в тех краях, где его так редко видели.

Однако мы обязаны Бугенвилю очень интересными и подчас новыми подробностями о тех странах, где он побывал. Ряд съемок, сделанных офицерами его кораблей, должен был оказать серьезную услугу мореплавателям, и надо признать, что гидрографические работы, единственные из научных исследований, которые могли проводиться при отсутствии специалистов-ученых, были выполнены тщательно и многочисленные наблюдения отличались большой точностью.

Экспедиция, руководство которой было поручено капитану Дюмон-Дюрвилю, имела своей целью, по мысли министра, пополнить научные данные, собранные капитаном Дюперре во время его плавания 1822—1824 годов.

Ни один из офицеров не имел столько прав возглавить экспедицию, как Дюмон-Дюрвиль, ибо он был помощником Дюперре; кроме того, именно он наметил план и разработал все детали нового путешествия. Он предполагал заняться изучением тех районов Океании, которые, по его мнению, наиболее настоятельно требовали внимания географа и путешественника, — Новой Зеландии, архипелага Вити (Фиджи), островов Лойялти, Новой Британии и Новой Гвинеи.

Следя шаг за шагом за путешественником, мы увидим, что ему удалось выполнить.

Перед этой экспедицией была также поставлена задача совершенно иного рода, но о ней пусть лучше расскажет данная мореплавателю инструкция. В ней говорилось:

«Один американский капитан сообщает, что он видел у туземцев острова, расположенного между Новой Каледонией и архипелагом Луизиана, крест ордена Святого Людовика и медали, по его предположению, очутившиеся там после гибели корабля знаменитого мореплавателя (Лаперуза), о смерти которого все так искренне сожалеют. Конечно, это лишь слабое основание надеяться, что жертвы катастрофы еще живы; тем не менее, господин капитан, вы доставили бы его величеству живейшее удовлетворение, если бы вам удалось привезти во Францию кого-нибудь из этих несчастных жертв кораблекрушения, столько лет проведенных в лишениях вдали от родины!»

Итак, задания, которые предстояло попытаться выполнить экспедиции, были многообразны, и благодаря редкой удаче она достигла почти всего, чего от нее ожидали.

В декабре 1825 года Дюмон-Дюрвиль получил приказ о своем назначении, и ему предоставили право подбора всего личного состава, который должен был его сопровождать. Он привлек в качестве помощника лейтенанта Жакино, а в качестве научных сотрудников — Куа и Гемара, проделавших плавание на «Урании», и флотского врача Примевера Лессона.

Кораблем, выбранным для экспедиции, был «Кокий», в превосходных качествах которого Дюрвиль имел случай убедиться; в память Лаперуза он переименовал его в «Астролябию». Экипаж состоял из восьмидесяти человек. 25 апреля 1826 года подняли якорь, и вскоре горы Тулона и берега Франции исчезли из виду.

После захода в Гибралтар «Астролябия» сделала остановку на Тенерифе, чтобы взять там свежие съестные припасы, перед тем

как пуститься в путь через Атлантический океан. Командир, воспользовавшись этой стоянкой, поднялся на пик Тейде.

Сначала Дюрвиль с Куа, Гемаром и многими офицерами двигался по довольно плохой дороге среди покрытых вулканическим пеплом полей, но по мере приближения к Ла-Лагуне пейзаж становился более привлекательным. В этом довольно обширном городе очень немного жителей.

От Матансы до Ла-Оротава растительность великолепна, и виноградники с их зеленеющими лозами еще больше украшают ландшафт.

Ла-Оротава представляет собой приморский городок; его гавань дает лишь ненадежную защиту; хорошо распланированный, с красивыми зданиями, он производил бы приятное впечатление, если бы не крутые улицы, проезд по которым очень затруднителен.

Три четверти часа подъема среди хорошо возделанных полей привели путников в зону каштановых лесов. За ней начинаются облака, и дальше приходится двигаться в сыром, промозглом тумане. Еще дальше начинается зона вереска, выше которой растения исчезают, а почва становится бесплодной и лежит более тонким слоем. Здесь в большом количестве попадают полуразрушенные глыбы лавы, вулканический шлак, куски пемзы, а внизу расстилается безбрежное море густых облаков.

Наконец показывается пик; раньше он был закрыт тучами или окружающими его высокими горами. Подъем становится менее крутым, и вы оказываетесь на огромном, совершенно бесплодном плато, производящем мучительно тоскливое впечатление.

Путники останавливаются в Сосновом гроте, чтобы позавтракать, прежде чем двинуться дальше по огромным базальтовым глыбам, образующим края круглого кратера, в настоящее время заполненного пеплом вулкана Тейде.

Теперь предстоит штурм самой вершины; на одной трети пути к ней находится нечто вроде эспланады, называемой Эстансиа-де-лос-Инглесес. Здесь путешественники провели ночь не так хорошо, как на своих койках, но все же не очень сильно страдая от неудобств и недостатка воздуха, которые испытывали многие исследователи. Только блохи не прекращали своих нападений и всю ночь не давали командиру сомкнуть глаза. В четыре часа утра пустились в дальнейший путь и вскоре достигли новой площадки, носящей название Альта-Виста. За нею тропинка ис-

чезает, и приходится с трудом карабкаться по голой лаве до Сахарной головы, все время преодолевая участки снега в тех местах, где он защищен от солнца и не тает. Вершинная пирамида очень крута, и подъем на нее представляет еще большую трудность из-за пемзы, которая, перекатываясь под ногами, мешает двигаться.

«В шесть часов тридцать минут, — рассказывает Дюмон-Дюрвиль, — мы добрались до вершины Сахарной головы. Это, по видимому, наполовину сглаженный кратер с не очень толстыми выветрившимися стенками; глубина его не больше шестидесяти — восьмидесяти футов, а поверхность усеяна кусками обсидиана¹ и пемзы и глыбами лавы. По краям кратера выделяются серные пары, образующие, если можно так выразиться, дымовую корону, между тем как в глубине он совершенно остыл. На вершине пирамиды термометр показывал 11°; но я подозреваю, что на него влияли вулканические пары, так как в глубине кратера температура быстро понизилась с 19° на солнце до 9,5° в тени».

Спуск прошел без всяких приключений по другому склону, что позволило путешественникам исследовать Куева-де-ла-Ньеве и побывать в лесу Агуа-Гарсиа, где протекает прозрачный ручей; там Дюрвиль собрал много образцов растений.

В Санта-Крусе в кабинете майора Мельюрини среди оружия, раковин, чучел животных, заспиртованных рыб и других разнообразных экспонатов французский мореплаватель увидел завернутую в шитые шкуры, хорошо сохранившуюся мумию женщины-гуанчи² ростом примерно в пять футов; кисти рук у нее были большие, а черты лица казались довольно правильными.

В могильниках гуанчей находили также глиняные и деревянные сосуды, треугольные пластинки из обожженной глины, множество мелких кружков из того же материала, нанизанных, как

¹ Обсидиан — стекловатая вулканическая темноокрашенная (обычно черная, серая или красная) порода, с раковистым, режущим изломом, иногда — с красивым отливом. Легко полируется. Применяется для поделок. Другое название — вулканическое стекло.

² Гуанчи — испанское название жителей Канарских островов, населявших архипелаг до прибытия европейцев. В действительности канарцы были неоднородны и по антропологическому типу, и в лингвистическом отношении. После воцарения на Канарах европейцев коренные жители были частично истреблены, а частично смешались с завоевателями. Подробнее см.: *Непомнящий Н.* Колесницы в пустыне. М., 1981.

четки, и служивших у этого исчезнувшего народа, быть может, для той же цели, что «узелки» у перуанцев¹.

Двадцать первого июня «Астролябия» снова вышла в море и после недельного перехода остановилась в Прае на островах Зеленого Мыса, где Дюрвиль рассчитывал застать английского капитана Кинга, который мог сообщить ему ценные сведения об условиях плавания у берегов Новой Гвинеи. Но тридцатью шестью часами раньше Кинг покинул Праю. Поэтому утром следующего дня, 30 июня, «Астролябия» направилась в дальнейший путь.

В последних числах июля были замечены скалистые берега островов Мартин-Вас и Триндади. Этот последний казался совершенно бесплодным; кое-где среди скал виднелась лишь чахлая трава и несколько куп низкорослых деревьев.

Дюрвилю очень хотелось заняться ботаническими исследованиями на этом пустынном острове, но прибой разбивался о него с такой силой, что высадка на берег была бы сопряжена с большим риском.

Четвертого августа «Астролябия» миновала ту точку, где должен был находиться Саксенбург — мифический остров, который необходимо вычеркнуть на французских картах, как это уже сделали англичане. Выдержав один за другим несколько штормов, сильно затруднявших движение, корабль прошел вблизи от островов Сен-Поль и Амстердам и 7 октября бросил якорь в заливе Кинг-Джордж у берегов Австралии.

В течение ста восьми дней плавания «Астролябии» волнение было очень сильным и почти все время стояла плохая погода, но это не помешало Дюрвилю заниматься обычным изучением влияния бортовой качки, высоты волн, по его подсчетам достигавших в районе банки Агульяс² восьмидесяти и даже ста футов³, а также температуры моря на разных глубинах.

¹ В узелковом письме древних перуанцев конкретные и отвлеченные понятия выражались шерстяными шнурами различного цвета, на которых завязывалось различное количество узелков. Комбинацией цветов и количества узелков можно было передать несложные сообщения. Впрочем, шведский исследователь перуанского узелкового письма («кипу» на языке кечуа) Норденшёльд считал, что оно является всего лишь своеобразным календарем, мнемотехническим средством для лучшего запоминания знаменательных дат.

² Банка Агульяс — обширное мелководье у южной оконечности Африки.

³ Как уже отмечалось, ветровые волны подобной высоты в океане не наблюдались.

На правом берегу залива Принцессы Шарлотты¹ капитан Жакино обнаружил прекрасный источник пресной воды, а невдалеке от него — место, подходящее для постройки обсерватории. Вскоре парусные мастера принялись ставить там палатки, между тем как большая группа офицеров занялась обследованием всего залива Принцессы, а другие завязали сношения с группой туземцев.

Один из туземцев согласился подняться на палубу. С невероятным трудом удалось добиться, чтобы он расстался с тлеющей веткой, с помощью которой он мог долго сохранять огонь и греть себе живот и всю переднюю часть тела. Впрочем, он очень мирно провел на корабле два дня, пил и ел, сидя у плиты камбуза. Его сородичи, оставшиеся на берегу, все время проявляли мирные намерения и не боялись даже привести в лагерь своих детей.

Когда «Астролябия» стояла в заливе Принцессы, появилась шлюпка с восемью англичанами, которые попросили взять их на корабль в качестве пассажиров. Они рассказали маловероятную историю о том, как оказались брошенными на произвол судьбы, наведшую капитана на мысль, что перед ним находятся беглые ссыльные; эта догадка превратилась в уверенность при виде гримасы, скорченной ими, когда им предложили доставить их в Порт-Джексон. Однако на завтра один из англичан нанялся матросом, два других повторили свою просьбу принять их на борт пассажирами; что касается пяти остальных, то они предпочли остаться на здешнем берегу и по-прежнему влачить жалкое существование среди дикарей.

Все это время не прекращались гидрографические съемки и астрономические наблюдения, а на суше охотники и естествоиспытатели старались раздобыть образцы новых видов. Стоянка, затянувшаяся до 24 октября, дала возможность экипажу отдохнуть от проделанного им тяжелого перехода, произвести необходимые починки, сделать запас пресной воды и дров, составить карту окрестностей и собрать большие коллекции растений и животных.

Произведя всевозможные наблюдения, Дюрвиль не мог не удивиться тому, что англичане до сих пор не обосновались в заливе Кинг-Джордж, местоположение которого представляло большие удобства как для кораблей, направляющихся непосредственно из Европы в Новый Южный Уэльс, так и для тех, что с

¹ На современных картах обозначается как Принсесс-Шарлотт Залив расположен на севере австралийского полуострова Йорк.

попутными ветрами идут от мыса Доброй Надежды в Китай или на Зондские острова.

Исследование побережья было продолжено до залива Уэстерн-Порт¹, который Дюрвиль предпочел бухте Далримпла², так как вход и выход из нее были трудны и нередко сопряжены с опасностью. К тому же Уэстерн-Порт был до сих пор известен лишь по сообщениям Бодена и Флиндерса. Изучение этого редко посещаемого берега представлялось более целесообразным. Работы, производившиеся в заливе Кинг-Джордж, были повторены и в Уэстерн-Порте, и командир пришел к следующему выводу.

«Уэстерн-Порт, — говорит он, — представляет собой якорную стоянку, одинаково удобную для входа и выхода; дно прекрасно держит якорь, дров много и их легко заготовить. Одним словом, если удастся найти хороший источник пресной воды (а это, вероятно, удастся), Уэстерн-Порт станет очень удобной стоянкой в Бассовом проливе, где подчас много дней подряд дуют свирепые ветры одного и того же направления и где течения при таких обстоятельствах могут сильно затруднить мореплавание».

С 19 ноября по 2 декабря «Астролябия» продолжала свой путь вдоль берега, остановившись только один раз в заливе Джервис³, на берегах которого возвышались великолепные эвкалиптовые леса.

Прием, оказанный французам в Порт-Джексона губернатором Дарлингтом и колониальными властями, был как нельзя более сердечен, хотя остановки Дюрвиля в различных пунктах Австралии, без сомнения, сильно заинтриговали английские власти.

За последние три года город изумительно вырос и украсился; население колонии насчитывало только пятьдесят тысяч человек, но тем не менее англичане создавали все новые и новые предприятия.

Командир воспользовался стоянкой в Сиднее, чтобы отослать во Францию свои донесения, а также большое количество ящиков с естественно-историческими коллекциями. Затем, сразу же после того, как были погружены съестные припасы и получено все необходимое, он пустился в дальнейший путь.

¹ Уэстерн-Порт (также Вестерн-Порт) — залив на южном побережье Австралии, на подходе к Мельбурну.

² Бухта Далримпла (точнее: Далримпла-Порт) — залив у северного побережья Тасмании.

³ Залив Джервис расположен на восточном побережье Австралии, к юго-западу от Сиднея.

Останавливаться вместе с Дюмон-Дюрвилем в Новом Южном Уэльсе имело бы мало смысла; цельй том своего отчета он посвящает истории этой колонии и ее состоянию в 1826 году, о чем мы уже подробно рассказывали.

Девятнадцатого декабря он покинул Сидней и направился в залив Тасман¹, встречаясь по пути со штелями, противными ветрами, течениями и бурями, из-за которых ему удалось достичь Новой Зеландии лишь 14 января 1827 года.

Ни одна экспедиция не сообщала еще никаких сведений о заливе Тасман, виденном только Куком во время его второго путешествия.

К борту «Астролябии» пристали пироги; в каждой находилось человек по двадцать туземцев; половина из них, по-видимому, являлась вождями. Они оказались достаточно доверчивыми и поднялись на палубу; некоторые оставались на корабле много дней. Позже появились другие туземцы, обосновавшиеся по соседству, и началась обменная торговля.

Большая группа офицеров взобралась на господствующие над бухтой вершины, покрытые густой чащей леса.

«Ни одной птицы, — рассказывает Дюрвиль, — ни одного насекомого, нет даже пресмыкающихся; в этом полном отсутствии каких-либо живых существ, в этом абсолютном молчании было что-то торжественное и мрачное».

Тягостное впечатление производили эти унылые пустынные места!

С вершины холмов командир увидел другой залив, Адмиралтейский, соединявшийся проливом с той бухтой, где стояла на якоре «Астролябия». Дюрвиль захотел исследовать увиденный залив, так как издали он ему показался еще более удобным, чем залив Тасман. Но многочисленные попытки чуть не привели его к гибели. Если бы «Астролябия» оказалась выброшенной на этот скалистый крутой берег, весь экипаж мог бы погибнуть и от корвета не осталось бы никакого следа. Наконец, после многих бесплодных попыток, Дюрвилю удалось пройти этим проливом, потеряв только часть резенкиля² корабля.

«Чтобы сохранить воспоминание о проходе “Астролябии”, —

¹ Залив Тасман расположен на северном побережье Южного острова Новой Зеландии.

² Резенкиль — планка, набиваемая на киль судна.

говорится в отчете, — я дал этому опасному проливу название Французского; но, за исключением случаев крайней необходимости, я никому не советую пользоваться им... Мы на свободе любовались прекрасным водоемом, в котором очутились. Он, конечно, вполне заслуживает тех похвал, которые расточал ему Кук; особенно мог бы я порекомендовать красивую маленькую бухту в нескольких милях к югу от того места, где стоял на якоре английский капитан... Наш проход Французским проливом бесспорно доказал, что вся часть суши, оканчивающаяся мысом Стефенс, как назвал его Кук, представляет собой остров¹. От Южного острова Новой Зеландии он отделен проливом Течений. Сравнение нашей карты этого пролива с той, которая была сделана Куком, покажет, что его работы оставляли желать много лучшего...»

Вскоре «Астролябия» вступила в пролив Кука, прошла мимо залива Королевы Шарлотты² и обогнула гористый мыс Паллисер. С глубочайшим изумлением Дюрвиль убедился, что в данные великого английского мореплавателя вкралось много неточностей, и в гидрографической части отчета о своем путешествии он оспаривает положение некоторых точек, для которых установил ошибки в пятнадцать — двадцать минут.

Командир собирался теперь исследовать западный берег Северного острова, где встречаются свиньи, но нет «пунаму» — того зеленого нефрита, из которого новозеландцы изготавливают свои самые ценные инструменты; нефрит находят на Южном острове, но там нет свиней.

Двое туземцев, пожелавших во что бы то ни стало остаться на корабле, пришли в большое уныние при виде того, как исчезали на горизонте берега области, где они жили. Теперь, слишком поздно, они жалели о своей смелости, толкнувшей их путешествовать. Слово «смелость» не является слишком сильным, ибо они то и дело спрашивали французов, не съедят ли они их, и успокоились на этот счет только после нескольких дней ласкового обращения.

Дюрвиль продолжал идти вдоль берега. Обогнули мыс Тарнеген и мыс Киднапперс (названные так Куком) и вскоре увидели

¹ Это Стефенс, находящийся севернее острова Дюрвиль и Южного острова и ограничивающий с востока залив Тасмана.

² Куин-Шарлотт-Саунд.

остров Баррен с его «па»¹. В заливе, названном Куком Толага-Бей, туземцы привезли на корвет свиней и картофель и обменяли их на предметы, не представлявшие сколько-нибудь значительной ценности. Когда появились другие пироги, находившиеся на корабле маори пристали к командиру, уговаривая его открыть огонь по пирогам и убить их соотечественников. Но стоило тем подняться на палубу, как прибывшие раньше пошли к ним навстречу и приветствовали их самым дружеским образом. Это странное поведение объясняется взаимным недоверием и ревностью. «Каждый хотел бы один пользоваться теми благами, которых он ожидал от посещения иностранцев, и приходил в отчаяние, видя, что и его соседям также кое-что перепадает». Такое объяснение было совершенно точным, и правильность его вскоре подтвердили дальнейшие события.

На «Астролябии» находилось несколько маори; среди них выделялся некий Шаки; высокий рост, сплошная татуировка, надменная осанка, почтение, с каким к нему обращались его соплеменники, выдавали в нем вождя. Увидев, как к корвету приближалась пирога с семьей или восьмью туземцами, Шаки и другие стали настойчиво уговаривать Дюрвиля убить приближающихся островитян; они дошли даже до того, что попросили дать им ружья, чтобы стрелять самим. Однако, как только вновь прибывшие взойшли на палубу корабля, все туземцы, которые уже раньше находились там, принялись осыпать их знаками уважения, а Шаки, только что проявлявший наибольшее ожесточение, переменил тон и стал предлагать соплеменникам несколько приобретенных им топоров.

Приехавшие вожди, воинственной и свирепой наружности, с лицами, сплошь покрытыми татуировкой, находились на корабле всего несколько минут, и Дюрвиль приготовился было задавать им вопросы с помощью опубликованного миссионерами словаря, как вдруг они кинулись от него прочь, прыгнули в свои пироги и поспешно отплыли.

Оказалось, что соотечественники, желая отделаться от конкурентов, попросту намекнули им, что их жизни на «Астролябии» угрожает опасность, так как французы задумали их убить.

¹ Па — земляное укрепление. Все подобного рода фортификации делятся на 3 типа: а) террасные, б) укрепления на мысах, огороженные коротким поперечным рвом, в) обнесенные кольцевым рвом. Па строились также на озерах и в заболоченных местностях. Величина площади внутри укрепления составляла от 0,1 до 50 га. Всего обнаружено свыше 4 тыс. па.

В заливе Толага-Бей, туземное название которого Хуа-Хуа, Дюрвиль впервые услышал рассказы о «киви», после того как увидел украшенную перьями этой птицы циновку, представляющую один из предметов роскоши у здешних туземцев.

Это та самая птица, которая получила научное название «аптерикс». Сведения, собранные о ней Дюрвилем у туземцев, в значительной мере были правильными. Киви-киви, величиной с курицу, с оперением буровато-стального цвета, подобно страусу, лишен способности летать; он живет в темных сырых лесах и выходит на поиски пищи только вечером. Туземцы усердно охотятся на него с факелами и с собаками, что сильно сократило количество представителей этого забавного вида, встречающегося в настоящее время очень редко¹.

Дюрвиль продолжал гидрографическую съемку восточного берега Северного острова Новой Зеландии и ежедневно общался с туземцами, доставлявшими ему сладкий картофель (бататы) и свиней.

По словам туземцев, между племенами шли постоянные войны, и это будто бы наиболее существенная причина убыли населения. Островитяне все время просили продать им ружья и в конце концов удовлетворились порохом, который им давали в обмен на их товары.

Десятого февраля в районе мыса Ранавей корвету пришлось выдержать бурю, продолжавшуюся тридцать шесть часов, и не раз он был на краю гибели.

Затем «Астролябия» вышла в залив Пленти, в глубине которого возвышается гора Эджком; продолжая двигаться вдоль берега, корабль миновал острова Высокий и Большой². Но во время исследования бухты погода стояла настолько плохая, что составленная карта не заслуживает большого доверия.

Затем корвет произвел съемку острова Грейт-Барриер, прошел в залив Хаураки (иначе Шураки) и, выполнив гидрографическую съемку у ряда мелких островков, вошел в залив Бей-оф-Айлендс.

Здесь племена вели в это время военные действия против племен, населявших побережье залива Хаураки. Дюрвиль снова

¹ Неумеренное преследование киви и резкое уменьшение площади лесов, где обитают эти птицы, привели к сильному сокращению их численности. В настоящее время киви находится под защитой закона.

² Речь идет об островах из группы Три-Кингс.

двинулся на юг, чтобы изучить залив Хаураки, лишь частично исследованный Куком, и обнаружил, что в этом районе берега Новой Зеландии изрезаны множеством бухт и бухточек — одна лучше другой по глубине и безопасности. Узнав, что, следуя по течению реки Ваи-Магоиа, можно достичь пункта, находящегося на очень незначительном расстоянии от большой бухты Манукау-Харбор на западном берегу острова¹, Дюрвиль отдал распоряжение группе офицеров пройти этим путем; вернувшись, они подтвердили правильность полученных сведений.

«Это открытие, — пишет Дюрвиль, — может представить большой интерес для поселений, которые будут основаны у залива Хаураки, и интерес еще возрастет, если дальнейшие исследования покажут, что бухта Манукау-Харбор доступна для судов более или менее значительного тоннажа, так как такое поселение в этом случае оказалось бы связанным с двумя морями, восточным и западным».

Ранги, один из «рангатира»², или вождей этих мест, много раз просил у командира свинец для изготовления пуль, но тот всегда ему отказывал. В момент отплытия Дюрвиля предупредили, что свинцовый груз лота украден. Командир немедленно принялся упрекать Ранги и суровым тоном сказал ему, что подобное воровство недостойно честных людей. Этот упрек, по-видимому, глубоко поразил вождя, который извинился, утверждая, что преступление было совершено в его отсутствие и не его людьми.

«Мгновение спустя, — рассказывает в отчете, — звук наносимых изо всех сил ударов и жалобные крики, доносившиеся с пироги Ранги, снова привлекли мое внимание в эту сторону. Тут я увидел, что Ранги и Тавити вдвоем лупят веслами по плащу, под которым как будто находился человек. Но я без труда понял, что оба лукавых вождя бьют лишь по скамье пироги. Этот фарс продолжался несколько минут, после чего весло в руках Ранги сломалось, а человек, казалось, свалился на дно лодки; и Ранги, обратившись ко мне, сказал, что он убил вора, и спросил, удовлетворен ли я. Я ему ответил утвердительно, смеясь про себя над хитростью этих людей, хитростью, примеры которой мы, впро-

¹ Бухта Манукау в настоящее время является западной гаванью Оклендского порта.

² Рангатира — с языка маори это слово переводится как «знатный человек». Так обычно обозначается племенная знать.

чем, нередко встречаем у многих народов, стоящих на более высокой ступени цивилизации».

Дюрвиль произвел съемку красивого острова Ваихеки и закончил таким образом изучение пролива Астролябии и залива Хаураки. Затем он взял курс на север к Бей-оф-Айлендс, а оттуда к мысу Мария-ван-Димен, северной оконечности Новой Зеландии¹, «куда (по туземным верованиям) со всего острова Ика-На-Мауи² собираются души мертвых, “ваируа”, чтобы совершить последний полет к славе или к вечной тьме».

В то время, когда у берегов Бей-оф-Айлендс останавливался «Кокий», там было довольно многочисленное население. Теперь молчание пустыни сменило оживление прежних дней. «Па» Каху-Вера, где когда-то жило деятельное племя, была заброшена; война произвела здесь обычные опустошения. Племя сонгуи разграбило владения племени пароа и изгнало его отсюда.

В Бей-оф-Айлендс обосновались английские миссионеры. Несмотря на всю их самоотверженность, они до сих пор не достигли никакого успеха среди туземцев, и бесплодность их стараний стала очевидной.

В этом пункте закончились очень важные гидрографические исследования восточного побережья Новой Зеландии. Со времен Кука не было ни одной экспедиции, которая, преодолев столько опасностей, изучила бы здешние берега на таком большом протяжении и так детально. Этой искусно и тщательно проведенной операцией Дюрвиль оказал огромную услугу географической науке и мореплаванию. Внезапно налетавшие ужасные штормы не помешали ему проявить свои исключительные способности; но, не оценив таких тяжелых трудов и такой самоотверженности, правительство по возвращении Дюрвиля во Францию держало его в тени и давало ему назначения, которые не представляли возможности отличиться и могли быть выполнены любым капитаном 1-го ранга.

Покинув 18 марта 1827 года Новую Зеландию, Дюрвиль взял курс на Тонгатапу (острова Тонга). Прежде всего он произвел съемку островов Кёртис, Маколи, Санди (Рауль), затем тщетно

¹ Неточность автора. Северной оконечностью Новой Зеландии является мыс Северный (Норт-Кейп), расположенный к северо-востоку от мыса Мария-ван-Димен.

² Маорийское название Северного острова звучит как Те-Ика-а-Мауи («Рыба Мауи»).

пытался отыскать остров Васкес, упомянутый Морреллем, и 16 апреля очутился в виду Номуки. Спустя два дня он увидел Эуа; прежде чем достигнуть Тонгатабу, ему пришлось выдержать страшную бурю, во время которой «Астролябия» была на волосок от гибели. Европейцы, жившие уже много лет на Тонгатабу, оказали командиру большую услугу, держа его в курсе настроений туземцев. С тех пор как религиозный вождь «туитонга»¹, который пользовался прежде огромным влиянием, был изгнан, власть поделили между собой три вождя, три «эги»².

На Тонга обосновались веслианские миссионеры;³ но сразу же стало ясно, что эти методистские священники не сумели приобрести никакого влияния на туземцев. Те из островитян, которых они обратили в христианство, заслужили презрение за свое вероотступничество.

Как только «Астролябия», счастливо избегнув всех угрожающих ей опасностей, которым она подвергалась из-за встречных ветров, течений и подводных рифов, подошла к якорной стоянке, вся палуба ее сразу же оказалась заваленной невообразимым количеством фруктов, корнеплодов, свиней, домашней птицы, отдававшихся туземцами за бесценнок, Дюрвиль приобрел также ору-

¹ На самом деле туитонга (или Туи Тонга) — титул верховного правителя, «короля», Тонга. Он свидетельствует о принадлежности к роду вождей Туи Тонга, которая прослежена до 950 года. Впрочем, позднее так часто стали называть вообще всех «королей», независимо от родовой принадлежности.

² Эги — точнее: эики (ики). Так назывались вожди-жрецы, выходцы из знатного рода.

³ Веслианские миссионеры. — Речь идет о методистских проповедниках. Методизм — одна из многочисленных протестантских сект. Возник как религиозное общество в среде студентов Оксфордского университета в Англии в 1730-е годы. Члены общества обязывались укреплять друг друга в вере и деятельном благочестии, проводить время в молитве и назидательном собеседовании, посещать больных, помогать бедным. За правильный, «методический» образ жизни членов общества прозвали методистами. Во главе общества стоял Джон Уэсли (в устаревшей транскрипции Весли). Начало более широкой организации методистов положила «генеральная конференция» 1744 года. В 1785 году методисты были официально признаны Англиканской церковью как секта. Их воззрения, в сущности, не столь далеко отступали от идеологии Англиканской церкви. Методизм, кроме Великобритании, получил распространение в США и Канаде. В своей деятельности методистские проповедники отстаивали Евангелие против рационализма. Широко развивая и хорошо организуя филантропические учреждения, методисты вели также энергичную борьбу за отмену рабства.

жие и различные изделия для музея. То были палицы, чаще всего из казуарины, превосходно отделанные и украшенные художественными инкрустациями из перламутра или китового уса.

Обычай островитян Тонга отрезать себе один или два сустава пальца в качестве приношения божеству в случае тяжелой болезни близкого родственника все еще существовал.

С первого же дня, когда «Астролябия» 28 апреля стала на якорь, туземцы проявляли самые мирные намерения, и не происходило никаких ссор; 9 мая Дюрвиль почти со всеми своими офицерами отправился в гости к одному из самых влиятельных вождей по имени Палу. Тот принял их с исключительной сдержанностью, что никак не вязалось с шумными и восторженными излияниями предыдущих дней. Подозрительность островитян пробудила подозрительность и в командире, который при мысли о малочисленности экипажа, оставшегося на «Астролябии», стал испытывать живейшее беспокойство. Однако за время его отсутствия никаких неприятностей не произошло. Только из-за робости Палу заговор не удался. Как выяснилось позже, туземцы поставили своей целью ни больше и ни меньше как захватить одним ударом весь офицерский состав корабля; после этого им легче было бы договориться с матросами, часть которых уже возымела желание зажить беззаботной жизнью островитян. Таково было и впечатление, создавшееся у командира. Разыгравшиеся затем события подтвердили правильность его опасений.

Дюрвиль решил поскорее покинуть Тонгатабу, и 13 мая все было готово к тому, чтобы назавтра сняться с якоря. Гардемарин Дюдемен бродил по большому острову, между тем как гардемарин Фараге находился в это время с девятью матросами на островке Пангаи-Моду, не то запасая пресную воду, не то наблюдая за приливом. Один из эги, Тахофа, был на «Астролябии» и с ним большая группа туземцев; вдруг, по знаку вождя, пироги все сразу отплыли и быстро достигли берега. Французские моряки, недоумевавшие по поводу столь внезапного бегства, вскоре увидели, как туземцы на Пангаи-Моду силой тащили матросов. Дюрвиль немедленно распорядился дать выстрел из пушки, но для большей верности послал весельный баркас, который подобрал двух матросов и гардемарина Дюдемена. Тот же баркас, посланный некоторое время спустя для того, чтобы сжечь хижины островитян и попытаться захватить нескольких заложников, тонганцы встретили стрелами. В последовавшей затем стычке один туземец

пал убитым, много было ранено, а французы потеряли морского старшину.

Дюрвиль очень беспокоился за судьбу своих матросов и командовавшего ими гардемарина Фараге. Не оставалось другого выхода, как напасть на священную деревню Мафанга, в которой находились родовые могилы вождей. Но туземцы возвели на следующий день вокруг деревни земляные редуты и частоколы, так что нечего было и думать овладеть ею с помощью десанта.

Тогда корвет подвели к берегу и обстреляли деревню. Однако и пушечные залпы не дали никакого результата, если не считать того, что один островитянин был убит. В конце концов недостаток пищи и постоянная тревога, которую французы поддерживали пушечными выстрелами, заставили туземцев пойти на мировую. Они вернули захваченных людей, с которыми обращались очень хорошо, подарили свиней и бананы, и 24 мая «Астролябия» окончательно покинула Острова Дружбы¹.

Уходить отсюда надо было немедленно, так как положение Дюрвиля стало невыносимым; из разговора с боцманом выяснилось, что можно было полагаться только на пять или шесть матросов: все остальные перешли бы на сторону тонганцев.

Острова Тонга кораллового происхождения, но покрыты очень толстым слоем перегноя. Поэтому растительность там превосходно развивается, особенно кокосовые пальмы и бананы, которые достигают большой высоты. Местность ровная и однообразная: достаточно пройти по острову четверть лье, чтобы получить о нем полное представление. Население островов составляет примерно семь тысяч человек. Жители Тонга — типичнейшие полинезийцы.

«В них сочетаются, — рассказывает Дюрвиль, — самые противоположные свойства. Они великодушны, услужливы, гостеприимны, но в то же время алчны, дерзки и в особенности очень скрытны. В ту самую минуту, когда они осыпают вас ласками и проявлениями дружбы, они способны напасть на вас и ограбить, стоит лишь внезапно пробудиться в них жадности или самолюбия».

Туземцы Тонга по своему развитию намного превосходят жителей Таити. Французские путешественники не переставали вос-

¹ Название Острова Дружбы дал архипелагу Тонга капитан Дж. Кук в 1774 году, что было вызвано приветливым отношением островитян к английским морякам.

хищаться изумительным порядком, в котором содержались плантации кавы¹, бананов, ямса², исключительной чистотой жилищ, изяществом оград. Тонганцы были сведущи и в фортификационном искусстве, что Дюрвиль испытал на собственном опыте; впрочем, он мог еще раньше убедиться в этом, посетив укрепленную деревню Хифо, защищенную крепким частоколом, который был окружен рвом шириной в пятнадцать — двадцать футов, до половины наполненным водой.

Двадцать пятого мая Дюрвиль приступил к изучению архипелага Вити, или Фиджи. С самого начала ему посчастливилось встретить туземца с Тонга, который занимался на Фиджи торговлей и побывал когда-то на Таити, в Новой Зеландии и в Австралии. Этот человек, а также один уроженец острова Гуам, оказали командиру большую услугу, сообщив ему названия двухсот с лишним островов, входящих в архипелаг, и заранее указав их местоположение, а также положение окружающих подводных рифов.

В это же время гидрограф Гресьен собирал материалы, необходимые для составления карты архипелага Фиджи.

Одной шлюпке было отдано распоряжение пристать к острову Лакемба, где, по словам туземцев, на дне бухты лежал якорь, который очень хотелось раздобыть Дюмон-Дюрвилю, потерявшему у берегов Тонга два своих. Вначале Лоттен, командовавший шлюпкой, видел на берегу только женщин и детей; но прибежавшие вскоре воины заставили женщин удалиться и стали готовиться к тому, чтобы захватить матросов и овладеть шлюпкой. Их намерения были настолько очевидны, что не оставляли места сомнению; поэтому Лоттен распорядился немедленно поднять якорь и отплыл, не дожидаясь начала стычки.

Восемнадцать дней подряд, несмотря на бурную погоду и сильное волнение, «Астролябия» шла среди архипелага Фиджи, производя съемку островов Лакемба, Кандаву, Вити-Леву, Мбенга, Ватулеле, Унонг-Лебу и т. д., то есть южной части архипелага, в то время почти совершенно неизвестной.

¹ Кава — слабоалкогольный полинезийский напиток, изготавливаемый из разжеванного и процеженного корня дикого перца (*Pereskia methysticum*) с добавлением воды. Иногда тем же словом «кава» называют и сам корень, и все растение.

² Ямс — растение семейства диоскорейных (*Dioscoreaceae*) со съедобными клубнями. Важнейшее культурное растение Океании. На океанийских островах встречается также дикий ямс, некоторые виды которого ядовиты. Всего в Полинезии насчитывается около 20 видов и свыше 100 разновидностей ямса.

Если верить Дюрвилю, население Фиджи относится к переходной группе между медно-красной, или полинезийской, расой и черной, или меланезийской¹. Эти туземцы производят впечатление сильных и энергичных людей, что подтверждается их высоким ростом.

Одиннадцатого июня корвет взял курс к гавани Картерет; он миновал острова Эроманга и Анейтьюм, группу Лойялти², где Дюрвиль открыл острова Лифу и Увеа, затем маленькую группу островов Бопре³, рифы Астролябия, представляющие тем большую опасность, что они находятся на расстоянии почти тридцати миль от островов Бопре и шестидесяти миль от Новой Каледонии, и, наконец, острова Хуон и северную цепь рифов у берегов Новой Каледонии.

Отсюда Дюрвиль за шесть дней добрался до архипелага Луизиада; но ненастная погода, преследовавшая мореплавателей у этих берегов, заставила его принять решение отступить от предписанного ему маршрута и не идти Торресовым проливом. Командир полагал, что непосредственное изучение южного побережья Новой Британии и северного побережья Новой Гвинеи принесет науке больше пользы.

На горизонте показался остров Россел, и «Астролябия» взяла курс на Новую Ирландию, чтобы пополнить там запас дров и пресной воды.

Корвет прибыл туда 5 июля в пасмурную дождливую погоду, и лишь с большим трудом удалось различить вход в бухту Картерет, где Д'Антраксто когда-то пробыл с неделю.

Французов неоднократно посещали десятка два туземцев, составивших, по-видимому, все население этих мест. То были малоразвитые существа, не проявлявшие никакого любопытства к многочисленным, дотоле не известным им предметам.

Совершенно голые, чернокожие, с курчавыми волосами, они проявляли жадность только по отношению к изделиям из железа, не понимая при этом, что они могут получить их лишь в обмен на фрукты и свиней. Мрачные и подозрительные, они отказались

¹ Большинство современных этнографов фиджийцы относятся к меланезийцам.

² Острова Лойялти больше известны под французским названием — острова Луайотэ. Эта островная цепь расположена между Новой Каледонией и Новыми Гебридами.

³ Острова Ботан-Бопре.

повести кого бы то ни было в свои деревни. Во время этой малопродуктивной стоянки Дюрвиль серьезно заболел колитом, сильно мучившим его в течение многих дней.

Девятнадцатого июля «Астролябия» снова вышла в море и направилась вдоль южного берега Новой Британии. Исследованиям мешала дождливая и туманная погода, ливни и шквалы, из-за которых кораблю то и дело приходилось удаляться от берега.

«Нужно самим побывать в этих местах, — говорит Дюрвиль, — и непременно при тех же условиях, чтобы составить правильное представление о тамошних ливнях; нужно, кроме того, чтобы вам пришлось выполнять работы, аналогичные тем, которые были возложены на нас, и только тогда вы сможете оценить заботы и тревоги, сопряженные с подобным плаванием. Лишь в редких случаях видимость превышала сто туазов, и наши маневры поневоле были очень неуверенными, так как местоположение корабля являлось для нас загадкой. В общем вся наша работа у берегов Новой Британии, несмотря на невероятные усилия, которых она нам стоила, и опасности, которым подвергалась “Астролябия”, намного уступает по своей точности остальным съемкам, произведенным на протяжении всей нашей кампании».

Встав перед невозможностью взять курс к проливу Сент-Джордес-Чаннел, Дюрвиль вынужден был идти проливом Дампира; вход в него с южной стороны почти полностью прегражден цепью подводных рифов, на которых «Астролябия» дважды застревала.

Подобно Дампиру и Д'Антраксто Дюрвиль пришел в восторг при виде прекрасных берегов западной части Новой Британии.

Песчаный пляж, расположенная амфитеатром внутренняя часть острова, леса с темной листвой или желтеющие луга, две величественные пирамиды горы Глостер¹ — все придает этой части побережья большое разнообразие, еще усиливающееся благодаря извилистым очертаниям острова Рук².

При выходе из пролива вырисовываются во всем своем величии горы Новой Гвинеи; вскоре они сдвигаются полукольцом, окаймляющим большой залив, который получил название залива

¹ Гора Глостер находится на крайнем северо-западе острова Новая Британия.

² Современное название острова Рук — Умбои. Он расположен между Новой Гвинеей и Новой Британией под 5°40' ю. ш. и 147°55' в. д.

Астролябия. Один за другим были определены и пройдены острова Схаутен¹, бухта Нападения, где Дюрвилю пришлось отражать атаку туземцев, залив Гумбольдт, и наконец «Астролябия» бросила якорь в гавани Дореи, чтобы продолжить работы, начатые «Кокий».

Здесь сразу же завязались дружеские отношения с папуасами, привозившими на корабль много райских птиц, но очень мало свежих продуктов. Мягкие и робкие, эти туземцы неохотно решались углубляться в леса из страха перед их заклятыми врагами, жившими в горах.

Земля в этих местах повсюду так плодородна, что достаточно было бы ее чуть вскопать и уничтожить сорные травы, как она стала бы приносить обильные жатвы; но папуасы настолько мало смыслят в земледелии, что пригодные в пищу растения чаще всего оказываются заглушенными сорняками.

Дюрвиль делит жителей этих мест на три большие группы: папуасов, метисов, среди которых преобладает то малайский, то полинезийский тип, и хафуров, или альфуру, сходных с австралийцами, новокаледонцами и другими чернокожими жителями Океании. Последние, вероятно, являются коренными жителями страны².

Во время стоянки, представлявшей мало интереса, Дюрвиль собрал лишь очень немного естественно-научных экспонатов, если не считать моллюсков, и еще меньше точных сведений о нравах, религии и языке различных народов Новой Гвинеи. 6 сентября «Астролябия» вышла в море и направилась к острову Амбоина, куда и прибыла без всяких происшествий 24 сентября.

Хотя губернатор Меркус находился в отъезде, тем не менее

¹ Острова Схаутен расположены у северо-западного побережья Новой Гвинеи. Их надо бы называть Схоутен, потому что именно так правильно читается фамилия этого голландского мореплавателя, но в данном случае картографы почему-то упрямо придерживаются ошибочной традиции.

² Современные антропологи считают, что заселение Новой Гвинеи произошло примерно 30 тыс. лет назад. Коренное население острова находится в тесном генетическом родстве с австралийскими аборигенами. Позднее папуасы смешивались с мигрантами, имевшими монголоидные черты и пришедшими из Индонезии. Степень смешения различна у разных папуасских племен. Кроме того, во внутренних районах острова обитают более низкорослые племена, относимые к пигмеям. Ни физически, ни генетически, ни культурно они не слишком отличаются от окружающих папуасов. Как показывают исследования антропологов, новогвинейские пигмеи относятся к меланезийцам.

командир достал в этой гавани все, в чем нуждался. Власти и жители острова приняли его самым дружеским образом и делали все от них зависящее, чтобы французы могли позабыть тяготы длинного и утомительного перехода.

С Амбоины Дюрвиль направился к Тасмании, в Хобарт, куда со времен Бодена не заходил ни один французский корабль; «Астролябия» прибыла туда 17 декабря 1827 года.

Тридцать пять лет назад Д'Антраксто обнаружил на этих берегах лишь несколько жалких дикарей, а десятью годами позже Боден не встретил там ни одного человека.

Первой новостью, которую Дюмон-Дюрвиль узнал, войдя в реку Дервент, еще до того, как бросил якорь у Хобарта, было известие, что английский капитан Диллон собрал на острове Тикопия точные сведения относительно гибели Лаперуза у Ваникоро: он привез даже эфес шпаги, по его предположениям, принадлежавшей французскому мореплавателю. Прибыв в Калькутту, Диллон сообщил о своем открытии губернатору; тот немедленно отправил его обратно в те места с поручением разыскать потерпевших кораблекрушение, которые, возможно, еще были живы, и собрать все, что могло уцелеть от корабля.

Можно представить себе, с каким интересом выслушал Дюрвиль эти известия; ведь он, имея задание отыскать все документы, способные пролить хоть какой-нибудь свет на судьбу несчастного мореплавателя, обнаружил на острове Намуке доказательства пребывания Лаперуза в архипелаге Тонга.

Среди представителей английской колонии мнения по поводу того, заслуживает ли доверия сообщение капитана Диллона, разошлись; да и само донесение, адресованное этим офицером губернатору Индии, возбудило в Дюрвиле большие сомнения. Поэтому, отказавшись от своих дальнейших планов исследования Новой Зеландии, французский мореплаватель решил проверить эти сведения и немедленно идти на «Астролябии» к Ваникоро, который он тогда знал еще под названием Малликоло¹, упоминавшимся Диллоном.

Вот факты, сообщенные Диллоном.

Во время стоянки на островах Фиджи кораблю «Хантер» довелось подобрать одного немца, по имени Мартин Бушарт, его жену и матроса-индийца, по имени Ашовлия, которых туземцы собира-

¹ Современное название острова — Малекула.

лись съесть, как они уже поступили с остальными сбежавшими с кораблей европейцами, поселившимися на этом архипелаге. Трое несчастных просили лишь о том, чтобы их высадили на первом обитаемом острове, какой встретит на своем пути «Хантер». Они и были высажены на Тикопии, одном из островов Санта-Крус, расположенном на 12°15' южной широты и 169° восточной долготы.

В мае 1826 года Диллон, служивший раньше на «Хантере», желая узнать, что произошло с этими людьми, высаженными в 1813 году на Тикопию, подошел к этому острову.

Он действительно встретил там индийца и немца. Первый даже продал ему серебряный эфес шпаги. Естественно, Диллон заинтересовался, каким образом эта вещь попала к туземцам. Немец рассказал ему, что, очутившись на Тикопии, он нашел там засовы, топоры, ножи, разные другие изделия из железа, ложки и еще ряд предметов, которые, по словам туземцев, были привезены ими с Малликоло — группы островов, расположенных к западу на расстоянии всего двух дней пути на пироге.

Диллон принялся расспрашивать туземцев и узнал от них, что много лет назад два корабля были выброшены на берег у островов Малликоло. Один из них погиб со всеми людьми и грузом, а матросы второго построили из остатков своего корабля небольшое судно, на котором и вышли в море, оставив на Малликоло несколько своих товарищей. Индиец утверждал, что видел двух из этих людей, которые благодаря услугам, оказанным ими вождем, пользовались вполне понятным влиянием.

Диллон тщетно предлагал индийцу поехать вместе с ним на Малликоло; с немцем ему больше посчастливилось, и тот сопровождал его, пока они не очутились в виду острова, названного Д'Антракasto островом Решерш, но штиль и недостаток продовольствия помешали Диллону пристать к нему.

Когда он прибыл в Пондишери, губернатор, ознакомившись с его рапортом, поручил ему командование судном, специально предназначенным для дальнейших розысков. Это было в 1827 году. Диллон пристал к острову Тикопия, захватил оттуда переводчика и лоцмана, затем достиг Малликоло. Он узнал там от жителей, что чужеземцы оставались на острове пять месяцев, строя свой корабль; их считали сверхъестественными существами — такому взгляду немало способствовало их странное поведение. И в самом деле, островитяне видели, как они с помощью длинной

палки разговаривали с луной и все время стояли навытяжку с железной дубинкой в руке.

Так запечатлелись в народной памяти астрономические наблюдения и часовые французов.

Диллон собрал у туземцев много вещей, оставшихся от экспедиции. Он обнаружил также в море на коралловой отмели, на которой засел корабль, бронзовые пушки, колокол и разные обломки; он благоговейно собрал все и в 1828 году доставил в Париж, где король назначил ему в вознаграждение за его труды пенсию в четыре тысячи франков.

Все сомнения отпали, когда граф Лессепс, спутник Лаперуза, высадившийся на Камчатке, признал пушки и резную корму «Бусоли» и когда наконец на одном из серебряных подсвечников различили герб ботаника Колиньюна.

Но все последние факты, такие существенные и любопытные, стали известны Дюрвилю лишь значительно позже, а в то время он знал лишь о первом рапорте Диллона.

Случайно, или скорее из боязни, что его могут опередить, английский капитан сделал оплошность, не указав координат Ваникоро и пути, каким он шел туда с Тикопии. Дюрвиль решил, что этот остров, вероятно, принадлежит к группе Санта-Крус, которая была почти неизвестна в то время.

Но, прежде чем последовать за французским мореплавателем, следует на некоторое время остановиться с ним в Хобарте, уже тогда игравшем, по его мнению, весьма важную роль.

«Дома в нем очень разбросаны и обычно имеют только два этажа; но они опрятны и стоят в строгом порядке, что придает им привлекательный вид. Улицы совершенно не замощены, и ходить по ним трудно; на некоторых, впрочем, есть тротуары; постоянно поднимающаяся над улицами пыль очень мучительна для глаз. Губернаторский дворец расположен в прекрасном месте на берегу бухты. В ближайшие годы это здание станет еще более приятным на вид, если молодые деревья, посаженные вокруг него, как следует разрастутся, ибо местные деревья не могут служить украшением».

Время стоянки было использовано для закупки продовольствия, якорей и других недостававших предметов первой необходимости, а также для починки корпуса корабля и многочисленных повреждений его такелажа.

Шестого января 1828 года «Астролябия» снова вышла в море,

20-го была в виду острова Норфолк, шесть дней спустя миновала небольшой вулканический остров Матью, 28-го — остров Эроманга, 8 февраля — островок Митре и на следующий день очутилась перед Тикопией. Это маленький, покрытый зеленью остров, окружность в три-четыре мили, с довольно остроконечной вершиной. Восточный берег островка, по-видимому, недоступен, так как о него все время разбиваются буруны.

Всеобщее нетерпение возрастало и становилось невыносимым, как вдруг с корабля увидели приближавшиеся три пироги, в одной из которых находился европеец.

То был немец Бушарт, недавно сопровождавший Диллона на Малликоло. Английский капитан пробыл там около месяца и, как мы уже знаем, действительно нашел остатки экспедиционного имущества, о чем Дюрвилю рассказывали в Хобарте. На острове не было ни одного француза — последний умер за год до прибытия Диллона. Бушарт сначала согласился сопровождать Дюрвиля, но затем передумал и в последний момент отказался остаться на борту «Астролябии».

Ваникоро окружен подводными рифами, между которыми удалось не без риска отыскать проход, приведший «Астролябию» в бухту Осили — ту самую, где побывал Диллон. Что касается места кораблекрушения, то оно находилось на противоположной стороне острова.

Получить какие-либо сведения от туземцев, людей жадных и недобросовестных, оказалось нелегко. Все же в конце концов один старик признался, что белые, высадившиеся на берег у деревни Вану, были встречены стрелами; завязалась битва, в которой большое число туземцев нашло свою смерть; что касается «мара», белых, то они все были убиты, и их черепа зарыли в землю в Вану. Остальные кости туземцы использовали для отделки стрел. Обещание дать кусок красного сукна заставило туземцев, после долгих колебаний, проводить французов к месту кораблекрушения. На расстоянии одной мили от берега, около Пау и напротив Амби, прибрежных островов, в глубине какого-то подобия прохода среди подводных скал можно было различить якоря, ядра, пушки и множество других предметов, вид которых не оставил никаких сомнений в умах офицеров «Астролябии».

Судя по всему, было очевидно, что корабль пытался пройти за рифы, используя что-то вроде прохода между ними, но застрял и не смог сняться со скал. Экипаж, вероятно, спасся, высадившись

на Паиу, и, по рассказам некоторых туземцев, построил там небольшое судно, между тем как второй корабль, засевший на скалах дальше от берега, погиб со всеми людьми.

Вождь Моембе слышал рассказы о том, что жители Вану подплыли к кораблю, чтобы разграбить его, но, встретив сопротивление со стороны белых, потеряли убитыми двадцать воинов и трех вождей. В свою очередь туземцы умертвили всех французов, высадившихся на берег; только двоих пощадили, и они прожили на острове в течение «трех лун».

Другой вождь, по имени Валико, рассказал, что один из кораблей в очень ветреную ночь сел на мель по ту сторону рифов, напротив Танема, и что почти весь его экипаж погиб, не добравшись до земли.

Множество «мара» со второго корабля обосновались на берегу и из обломков разбившегося о рифы корабля построили в Паиу небольшое судно. Во время их пребывания на острове то и дело возникали ссоры; пять туземцев с Вану и один с Танема были убиты, а также два «мара». Французы покинули остров по истечении «пяти лун».

Наконец, третий старик уверял, что человек тридцать матросов с первого корабля присоединились к экипажу второго и что все они уехали лишь по истечении «шести или семи лун».

Все эти показания, которые приходилось, можно сказать, вырывать силой, отличались друг от друга в подробностях. Последние версии, по-видимому, были ближе всего к истине.

В числе предметов, подобранных «Астролябией», были якорь весом примерно в 1800 фунтов, чугунная короткоствольная пушка, бронзовая мортира, медный мушкетон¹, свинцовые балластные и ряд других предметов; все они оказались в очень плохом состоянии и не представляли большого интереса.

Эти предметы, так же как и собранные Диллоном, находятся в военно-морском музее, размещенном в залах Лувра.

Дюрвиль не захотел покинуть Ваникоро, не воздвигнувobeliska в честь своих несчастных соотечественников. Этот скромный памятник был установлен на самом рифе среди купы мангровых деревьев. Он представлял собой сложенную из плоских

¹ Мушкетон — во Франции так называлось огнестрельное оружие, бóльшего калибра, чем мушкет (то есть свыше 20 мм), но с более коротким стволом.

глыб кораллового известняка четырехгранную призму высотой в шесть футов, на которой стояла четырехгранная пирамида такой же высоты, вырезанная из дерева; к ней была прибита небольшая свинцовая доска со следующей надписью:

Памяти
ЛАПЕРУЗА
И ЕГО СПУТНИКОВ

«АСТРОЛЯБИЯ»

14 марта 1828 г.

Как только покончили с этой работой, Дюрвиль стал готовиться к выходу в море. Было самое время, так как из-за сырости, вызванной проливными дождями, появилась сильная лихорадка, уложившая на койки не меньше двадцати пяти человек. Следовало торопиться, если командир хотел сохранить команду, которая была бы способна выполнять трудные маневры, необходимые для выхода через узкий, усеянный подводными камнями проход.

К тому же в последний день, проведенный «Астролябией» у Ваникоро, командир ее смог окончательно убедиться — если в этом еще была необходимость — в истинных настроениях туземцев. Вот как он описывает последние события этой опасной стоянки:

«Около восьми часов я очень удивился при виде шести пирог, подошедших к нам с Теваи; еще больше меня удивило, что три или четыре жителя Маневаи, находившиеся на нашем корабле, нисколько не испугались их появления, хотя еще несколько дней тому назад они говорили мне, что жители Теваи их смертельные враги. Я высказал свое недоумение людям с Маневаи, но они лишь рассмеялись и заявили, что заключили мир с жителями Теваи и что те везут мне кокосовые орехи. Но вскоре я увидел, что вновь прибывшие островитяне имели при себе лишь луки и стрелы, которые в любой момент могли быть пущены в ход. Два или три туземца с решительным видом взобрались на палубу и подошли к главному люку, чтобы заглянуть в кубрик и удостовериться в количестве больных. Злобная радость блестела в их глазах. В это время несколько человек из экипажа сообщили мне, что несколько туземцев с Маневаи, находившиеся на корабле, проделывали то же самое в течение последних трех-четырёх дней. Гресьен, с утра следивший за их поведением, был уверен, что ви-

дел, как воины обоих племен встретились на берегу и о чем-то долго совещались. Подобные действия свидетельствовали о самых вероломных намерениях, и я считал, что нам грозит серьезная опасность. Я немедленно приказал туземцам покинуть корвет и вернуться в свои пироги. У них хватило наглости с гордым и угрожающим видом взглянуть на меня, как бы предостерегая от попытки заставить их силой выполнить мой приказ. Я удовольствовался тем, что распорядился открыть оружейный склад, обычно тщательно запертый, и с грозным видом указал на него пальцем, другой рукой указывая дикарям в сторону пирога; островитяне, внезапно увидев двадцать блестящих мушкетов, смертоносную силу которых они знали, пришли в трепет и освободили нас от своего зловещего присутствия».

Прежде чем расстаться с этими печальной памяти местами, приведем некоторые подробности о них, заимствованные из донесения Дюрвиля.

Группа Ваникоро, или Малликоло, или Лаперуза, как ее называет Диллон, состоит из двух островов — Решерш¹ и Теваи. Первый имеет в окружности не меньше тридцати миль, второй — не больше девяти. Оба острова высокие, покрыты почти до самого побережья непроходимым лесом и окаймлены кольцом подводных рифов окружностью в тридцать шесть миль, лишь в немногих местах прорезанным узкими проходами. Количество жителей, по-видимому, не превышает тысячи двухсот или тысячи пятисот человек. Поистине Лаперузу не посчастливилось, что он наскочил на рифы у берегов, населенных таким свирепым народом, между тем как на любом другом полинезийском острове он встретил бы совершенно иной прием.

Женщины от природы уродливы, но те тяжелые работы, которые они выполняют, и моды, которым они следуют, делают их вид еще более непривлекательным. Мужчины производят менее неприятное впечатление, хотя они и малы ростом, сухопары, покрыты язвами и пятнами проказы. Их оружие — лук со стрелами. По словам туземцев, бамбуковые стрелы с очень тонким и острым костяным наконечником, прикрепленным исключительно клейкой смолой, наносят смертельные раны. Поэтому островитяне так ценят свое оружие, и путешественникам лишь с большим трудом удалось раздобыть несколько образцов.

¹ За островом Решерш в наши дни закрепилось название Малекула.

Семнадцатого марта «Астролябия» вышла наконец за пределы страшных рифов, опоясывающих Ваникоро. Командир намеревался исследовать Соломоновы острова, где надеялся отыскать следы кораблекрушения французских моряков, оставшихся в живых после гибели «Бусоли» и «Астролябии». Но жалкое состояние матросов, ослабленных лихорадкой, болезнь большей части офицеров и отсутствие надежных якорных стоянок в этом районе Океании заставили его принять решение идти к Гуаму, где команда могла бы, как он думал, отдохнуть.

Это было довольно серьезным нарушением инструкций, которые предписывали произвести съемку Торресова пролива; но нехватка сорока матросов, лежавших на койках, кого угодно убедила бы в безумии столь опасной попытки.

Только 26 апреля с «Астролябии» увидели архипелаг Трук, и Дюрвиль восполнил пробел, оставшийся после съемки, произведенной Дюперре; 2 мая на горизонте показались берега Гуама. Местом стоянки избрали Уматак, где легче запастись пресной водой и где климат более умеренный, чем в Аганье. Однако 29 мая, когда путешественники возобновили свой путь, все больные были еще далеки от выздоровления.

Губернатором Гуама был все тот же Мединилья, которого так расхваливал Фресине. Если на этот раз он не проявил к экспедиции такой же предупредительности, то это объяснялось ужасной засухой, нанесшей большой ущерб колонии; к тому же распространился слух, что болезнь, которой страдали моряки с «Астролябии», заразна; наконец, Уматак расположен довольно далеко от Аганьи, и Дюрвиль не смог посетить губернатора в его резиденции.

Надо все же сказать, что Мединилья прислал морякам свежие продукты, большое количество фруктов и не изменил своей обычной щедрости.

Покинув Гуам, Дюрвиль, не останавливаясь, произвел съемку групп Эливи, Улити (названной так Литке), Гуап, Гулу и Палау, составляющих западную часть Каролинских островов; ветры вынудили его пройти в виду островов Вайгео, Аю, Азия (Тига), Гебе, затем он вошел в пролив Буру и бросил якорь у Амбоины, где голландские власти оказали ему сердечный прием. Командир получил там также известия из Франции. Министерство совершенно не пожелало оценить труды участников экспедиции, те лишения и опасности, которым они подвергались: несмотря на представления Дюрвиля, ни один офицер не получил повышения.

Когда эта новость стала известна, она вызвала некоторое разочарование и уныние, которые командир постарался рассеять.

Покинув Амбоину, «Астролябия» прошла проливом Банса и достигла гавани Манадо, на острове Целебес, где имеется хорошо укрепленная и снабженная пушками крепость. Губернатор Меркус достал для Дюрвиля превосходных бабирусс¹, сапиутана² — животное величиной с небольшую корову, с коровьей мордой и коровьими ногами и с двумя загнутыми назад рогами, змей, птиц, рыб, растения; все это значительно пополнило естественно-научные коллекции экспедиции.

Дюрвиль считает, что жители Целебеса по внешнему виду приближаются скорее к полинезийцам, чем к малайцам. По его мнению, там встречались типы, гораздо больше напоминавшие туземцев Таити, Тонга и Новой Зеландии, чем папуасов или малайцев.

Недалеко от Манадо находились рудники, где добывался золотоносный кварц, образец которого командиру удалось достать, и расположенное подальше от берега озеро огромной, как утверждали, глубины. Это озеро Тондано; из него вытекает довольно большая река Манадо; прежде чем достигнуть моря, она образует великолепный водопад. Река, перегороженная базальтовой скалой, промыла себе выход и, с бешеной скоростью устремляясь в него, низвергается в виде огромного снопа в пропасть глубиной свыше восьмидесяти футов.

В сопровождении губернатора и естествоиспытателей экспедиции Дюрвиль исследовал это красивое озеро, окруженное вулканическими горами, где местами еще видны фумаролы;³ что касается глубины озера, то она повсюду составляла двенадцать—тринадцать саженей, и если бы этот водоем почему-либо высох, то дно его образовало бы совершенно ровную долину.

¹ Бабирусса — дикая свинья, обитающая на острове Сулавеси (Целебес) Длина тела — до 1 м, высота — до 80 см.

² Сапиутан — буквально переводится с малайского: «лесная корова», «лесной бык». Речь, похоже, идет о самом маленьком из быков, по виду приближающимся уже к антилопам — амоа (*Bos depressicornis*), обитающем в гористых районах острова Сулавеси. Рост амоа — до 130 см, а в длину он достигает 2 м, включая 30-сантиметровый хвост.

³ Фумаролы — газовые струи, выделяющиеся из трещин в вулканических областях. Состоят из хлоридов, сероводорода и других газов, температура которых составляет 400—1000°С

Четвертого августа «Астролябия» покинула стоянку в Манадо, за время которой моряки, страдавшие лихорадкой и дизентерией, ничуть не поправились, и 29-го того же месяца прибыли в Батавию, где задержались всего на три дня.

С этого времени и до возвращения во Францию путь корабля проходил по уже изученным морям. «Астролябия» зашла на Маврикий, где Дюрвиль встретил командира Легоарана, который на своем корвете «Байоннез» совершил плавание на Ваникоро. Дюрвиль узнал от этого офицера, что тот не пытался даже проникнуть за рифы и удовольствовался посылкой на разведку шлюпок.

Туземцы относились с уважением к памятнику, воздвигнутому в честь Лаперуза, и очень неохотно разрешили морякам с «Байоннез» прибить к нему бронзовый медальон.

Восемнадцатого ноября «Астролябия» покинула Маврикий и после остановок на мысе Доброй Надежды, на островах Святой Елены и Вознесения прибыла 25 марта 1829 года в Марсель — ровно через тридцать пять месяцев со дня отплытия.

Одних только гидрографических работ было достаточно, чтобы признать результаты этой экспедиции выдающимися; благодаря неусыпным трудам Гресьена и Пари было составлено не менее сорока пяти новых карт. Что касается естественно-научных результатов, то наилучшее представление о богатстве собранной жатвы могут дать следующие строки из донесения Кювье:

«Каталоги насчитывают тысячи названий (открытых Куа и Гемаром видов), и ничто яснее не доказывает энергии наших естествоиспытателей, чем то затруднительное положение, в каком оказалась администрация Королевского Ботанического сада, когда ей пришлось размещать все, что доставили последние экспедиции и в особенности та, о которой мы даем отчет. Пришлось занять все первые этажи, чуть ли не подвалы, и в настоящее время даже кладовые так завалены — в буквальном смысле этого слова, — что их пришлось разделить перегородками, чтобы выгадать место».

Геологические коллекции были не менее многочисленны: сто восемьдесят семь видов или разновидностей горных пород свидетельствовали об усердии Куа и Гемара; Лессон-младший собрал от тысячи пятисот до тысячи шестисот растений. Капитан Жакино произвел множество астрономических наблюдений, Лоттен изучал земной магнетизм; наконец, командир, не забывая о своих

обязанностях моряка и начальника экспедиции, занимался изучением температуры воды на различной глубине, метеорологическими наблюдениями и собрал огромное количество лингвистических и этнографических материалов.

Итак, лучшим окончанием нашего рассказа об этой экспедиции будет следующая выдержка из воспоминаний Дюмон-Дюрвиля, приведенная его биографом Дидо:

«Это рискованное плавание превзошло все предыдущие по тем многочисленным и неминуемым опасностям, с которыми оно было сопряжено, а также по обилию и глубине результатов, полученных во всех областях знания. Железная воля никогда не позволяла мне отступать пред любым препятствием. Раз навсегда принятое решение погибнуть или добиться успеха не оставляло во мне места для каких-либо колебаний, для нерешительности. Двадцать раз видел я “Астролябию” на грани гибели, не сохраняя в глубине души никакой надежды на спасение. Тысячу раз я рисковал жизнью моих спутников, чтобы достигнуть цели, поставленной передо мной инструкциями, и я смело могу утверждать, что в течение двух лет подряд мы ежедневно подвергались большему количеству реальных угроз, чем может возникнуть во время самого длительного перехода при обычном плавании. Офицеры, смелые, преисполненные сознания долга, отдавали себе отчет в тех опасностях, которым я их изо дня в день подвергал; но они хранили молчание и благородно выполняли свои обязанности».

Измумительное сочетание преданности делу и напряжения всех сил имело результатом огромное количество открытий, материалов и наблюдений во всех областях человеческого знания.

Глава третья

ПОЛЯРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

I

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

Еще один русский кругосветный путешественник – Беллинсгаузен. – Открытие островов Траверсе, Петра Первого, Александра Первого. – Китобой Уэдделл. – Южные Оркнейские острова. – Южная Георгия. – Южные Шетландские острова. – Жители Огненной Земли. – Джон Биско и Земли Эндерби и Грейама. – Чарлз Уилкс и Антарктический материк. – Капитан Баллени. – Экспедиция Дюмон-Дюрвиля на «Астролябии» и «Зеле». – Куван-Дебуа на Тенерифе. – Магелланов пролив. – Новое почтовое отделение. – Затерты в сплошном льду. – Земля Луи-Филиппа. – По Океаниии. – Земли Адели и Клефи. – Новая Гвинея и Торресов пролив. – Возвращение во Францию. – Джеймс Кларк Росс. – Земля Виктории.

Мы уже рассказывали об антарктических областях и их исследованиях, проведенных в XVII и в конце XVIII века многочисленными мореплавателями. Из числа французских моряков следует назвать Лароша, открывшего в 1675 году Южную Георгию¹, Буве², Кергелена³, Мариона и Крозе⁴. Названием Антарктические земли обозначают все рассеянные по океану острова, носящие имена этих мореплавателей, а также острова Принс-Эдуард, Южные Сандвичевы, Южную Георгию.

Именно в этих краях Уильям Смит, командир брига «Уильям», идя из Монтевидео в Вальпараисо, открыл в 1819 году

¹ Французский мореплаватель Антуан де Ларош был отнесен бурей далеко на юг. Под 54° ю. ш. он открыл землю, известную теперь как Южная Георгия. Но на остров Ларош не высаживался. Люди ступили на Южную Георгию ровно 100 лет спустя, во время второго плавания капитана Дж. Кука (см. «Мореплаватели XVIII века», с. 204), который и назвал остров именем британского короля Георга III.

² О плавании Жана-Батиста Шарля Буве де Лозье см. «Мореплаватели XVIII века», с. 239–242.

³ О плавании Ива Жозефа де Кергелена см. «Мореплаватели XVIII века», с. 265–270.

⁴ О плавании Никола Тома Марион-Дюффрена и Крозе см. «Мореплаватели XVIII века», с. 254–264.

Южные Шетландские острова¹, пустынные и голые, покрытые снегом, на которых, однако, резвились огромные стада тюленей. Узнав об этом, китобойные суда поспешили навестить вновь открытые берега, и уже в 1821 и 1822 годах здесь было забито триста двадцать тысяч голов тюленей и уничтожено столько морских слонов, что количество добытого жира составило примерно девятьсот сорок тонн. Но так как убивали и самцов и самок, то новые места охоты вскоре были исчерпаны. За короткий промежуток времени произвели съемку всего архипелага, состоящего из двенадцати главных островов и бесчисленного множества скал, почти совершенно лишенных растительности.

Двумя годами позже Поуэлл открыл Южные Оркнейские острова², затем в тех же широтах Палмер³ и другие китобой видели — или думали, что видели, — земли, получившие названия Земли Палмера и острова Тринити⁴. Впереди предстояли более важные открытия в этих гиперборейских областях⁵, и гипотезы Далримпла, Бюффона и других ученых XVIII столетия о существовании Южного материка, представляющего как бы противовес землям, расположенным в высоких широтах Северного полушария, должны были получить неожиданное подтверждение в работах новых отважных исследователей.

Россия в то время переживала период резко выраженного интереса к развитию национального морского флота и к научным исследованиям. Мы уже сообщали о замечательных кругосветных путешествиях ее мореплавателей, но остается еще рассказать о Беллинсгаузене и его путешествии вокруг света, так как важную роль во время этого плавания играло изучение антарктических областей.

¹ У. Смит впервые увидел острова 19 февраля, но высадился на берег гораздо позже: 14 октября. Сначала первооткрыватель назвал архипелаг Новой Южной Британией, потом — Южной Шетландией.

² Свое открытие Поуэлл, командир судна «Джеймс Монро», совершил вместе с Палмером.

³ Палмер Натаньел Браун (1799—1877) — американский зверобой, в начале 20-х годов XIX века был шкипером зверобойного судна «Херо». Американцы долгое время считали Палмера открывателем Антарктиды.

⁴ Остров Тринити открыт 30 января 1820 года Эдуардом Брансфилдом и Уильямом Смитом.

⁵ Гиперборейский — в античных географических сочинениях это слово употребляется применительно к жителям высоких северных широт. Здесь употреблено в значении «полярный».

Два корабля, «Восток»¹ (капитан Ф. Ф. Беллинсгаузен²) и «Мирный»³, под командованием лейтенанта М. П. Лазарева⁴, 3 июля⁵ 1819 года покинули Кронштадт, направляясь в Южные полярные моря. 15 декабря корабли оказались в виду Южной Георгии, а неделей позже была открыта на юго-востоке группа из трех небольших вулканических островов, которую назвали в честь русского морского министра группой Траверсе⁶.

¹ «Восток» — военный шлюп с максимальной скоростью хода 10 узлов (18,5 км в час).

² Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1779—1852) — русский мореплаватель, адмирал. Родился на острове Эзель (ныне — Саарема, Эстония), окончил Морской кадетский корпус в Кронштадте, участвовал в первом русском кругосветном плавании (1803—1806) под командованием И. Ф. Крузенштерна, по возвращении из которого был прикомандирован к Балтийскому флоту. Участвовал в боях со шведским флотом (1808—1809) и в Отечественной войне 1812 года. В 1828 году участвовал в морской блокаде Варны во время русско-турецкой войны. С 1839 года был военным губернатором Кронштадта.

³ «Мирный» строился как транспортное судно, однако впоследствии был переоборудован под военный корабль и отнесен к классу шлюпов. «Мирный» значительно уступал «Востоку» в водоизмещении (530 т) и скорости (14,5 км в час, или 8 узлов).

⁴ Лазарев Михаил Петрович (1788—1851) — воспитанник Морского кадетского корпуса в Кронштадте, после окончания которого, в 1803 году, был послан на 5 лет на стажировку в английский военно-морской флот. В 1808 году вернулся на Балтфлот, где принял участие в русско-шведской войне 1808—1809 годов и Отечественной войне 1812 года. В 1813—1816 годах совершил кругосветное плавание на корабле «Суворов» до Аляски и обратно. В 1822—1825 годах в третий раз обошел вокруг света на фрегате «Крейсер». В 1827—1829 годах участвовал в ряде сражений русско-турецкой войны в составе русской средиземноморской эскадры, где он командовал линейным кораблем «Азов» (первым русским кораблем, награжденным георгиевским флагом) и был одновременно начальником штаба эскадры. За победу в Наваринском сражении (1827) был произведен в контр-адмиралы. В 1832 году был назначен начальником штаба, а в 1833 году — командующим Черноморским флотом. Одновременно исполнял обязанности военного губернатора Севастополя и Николаева. Под его командованием Черноморский флот превратился в серьезную боевую силу, были построены сильные крепости в Севастополе и других пунктах побережья. В 1843 году произведен в полные адмиралы, а два года спустя, в 1845 году, оставил службу, выйдя в отставку.

⁵ На самом деле корабли оставили Кронштадт 4 июля 1819 года (по ст. ст.).

⁶ Архипелаг, получивший имя Траверсе, был открыт 26 декабря 1819 года (по ст. ст.). Отдельные острова получили имена офицеров экспедиции: капитан-лейтенанта Ивана Ивановича Завадовского (будущего адмирала), лейтенантов Аркадия Сергеевича Лескова и Константина Петровича Торсона. Позднее Тор-

Пройдя вдоль 60-й параллели четыреста миль к востоку и достигнув 7° западной долготы, русские моряки повернули затем на юг и добрались до 70-й параллели¹, только здесь ледяной барьер преградил им путь и помешал проникнуть еще дальше на юг². Беллинсгаузен, не признавая себя побежденным, отклонился к востоку, держась большей частью за Полярным кругом, но на 44° восточной долготы был вынужден повернуть к северу. Только сорок миль отделяло его от обширной земли, которую двенадцать лет спустя открыл какой-то китобой, обнаруживший на этот раз свободное ото льда море.³

Вернувшись до 62° южной широты, Беллинсгаузен опять взял курс на восток, достиг, не встретив препятствий, 90° восточной долготы и 5 марта 1820 года направился к Порт-Джексона, чтобы произвести там ремонт кораблей.

Все лето русский мореплаватель посвятил крейсерованию в морях Океании, где им было открыто семнадцать прежде не известных островов. Затем Беллинсгаузен вернулся в Порт-Джексона, а 31 октября вышел в новую экспедицию.

Прежде всего оба корабля произвели съемку островов Маккуори; затем, идя вдоль 160-го восточного меридиана, они пересекли 60-ю параллель и двинулись на восток, держась между 64-й и 68-й параллелями, до 95° западной долготы, 9 января 1821 года Беллинсгаузен достиг 70-й параллели и назавтра открыл на 69°30' южной широты и 92°20' западной долготы⁴ остров, получивший название острова Петра Первого, — самый южный из всех известных в то время. После этого на расстоянии пятнадцати граду-

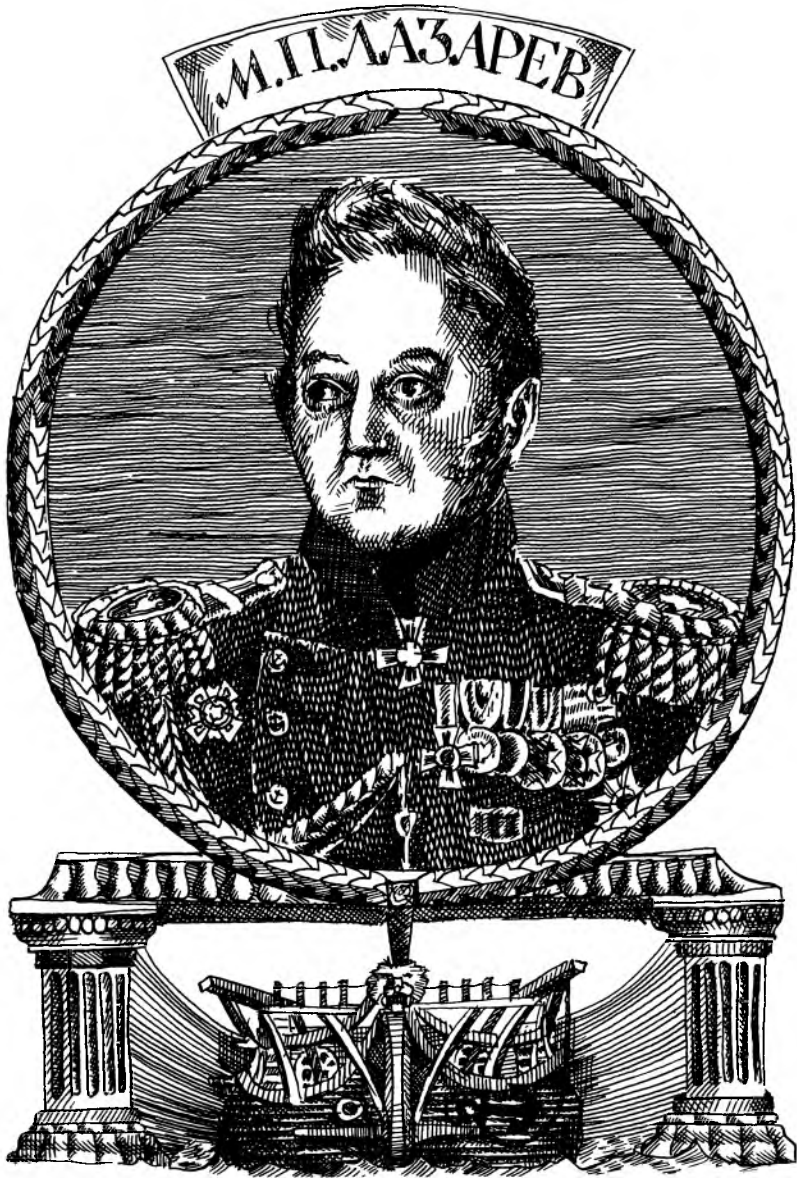
сон принял участие в восстании декабристов, и остров Торсона был переименован в Высокий.

¹ Крайняя южная точка, достигнутая экспедицией, — 69°22' ю. ш. 16 (28) января 1820 года в точке с координатами 69°22' ю. ш. и 2°15' з. д. корабли подошли к покрытым «бугристыми льдами» берегам Антарктиды. Эта дата официально признана как дата открытия Антарктического материка. Впоследствии этот берег был назван Землей Кронпринцессы Марты.

² 6 (18) февраля 1820 года, находясь в точке с координатами 69°06' ю. ш. и 15°52' з. д., Ф. Ф. Беллинсгаузен записывал в своем дневнике: «...Виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается, по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу». Впоследствии этот участок побережья Антарктиды получил название Берега Принцессы Астрид.

³ Эти данные недостоверны. В следующий раз суда подошли к этому участку побережья сто лет спустя.

⁴ Автор неверно указывает координаты острова Петра Первого. В действительности остров расположен под 68°50' ю. ш. и 90°30' з. д.

сов к востоку и почти на той же параллели он обнаружил новый остров, названный им Землей Александра Первого¹.

Оттуда оба корабля, держа курс на север и миновав Землю Грейама, достигли в феврале Южной Георгии и в июле 1821 года возвратились в Кронштадт², ровно через два года после отплытия, потеряв лишь трех из двухсот матросов.

Мы охотно сообщили бы более подробные сведения об этой очень интересной экспедиции, но подлинного отчета, опубликованного на русском языке в Петербурге, нам не удалось достать, и мы вынуждены были удовольствоваться кратким изложением, напечатанным в «Бюллетене Географического общества» за 1837 год³.

Примерно в то же время боцман английского королевского флота Джеймс Уэдделл⁴ был назначен одной эдинбургской торговой фирмой начальником экспедиции, направлявшейся на добычу тюленьих шкур в Южные моря, где она должна была провести два года.

В состав экспедиции входил бриг «Джен», водоизмещением в сто шестьдесят тонн (капитан Уэдделл), и тендер⁵ «Бофорт», во-

¹ Земля Александра Первого была обнаружена 17 (29) января 1821 года. Ее связь с Антарктическим материком долго была предметом споров географов. Продолжительное время Землю считали островом. Потом было доказано ее соединение с материком перешейком, покрытым вечными льдами — шельфовым ледником Георга VI. Новейшие исследования показали, что этот перешеек, если удалить ледовый покров, окажется ниже уровня океана. Таким образом, ученые вернулись к первоначальной точке зрения об островном положении Земли Александра Первого.

² Экспедиция возвратилась в Кронштадт 24 июля 1821 года (ст. ст.). После возвращения Ф. Ф. Беллинсгаузен был произведен в капитаны 1-го ранга, а два месяца спустя — в капитан-командоры. М. П. Лазарев стал капитаном 2-го ранга.

³ В 1831 году была издана книга Ф. Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света». В советское время ее дважды переиздавали: в 1949 и 1960 годах. Кроме того, итоги экспедиции были освещены и в других публикациях ее участников: *Симонов И. И.* Слово о успехах плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» около света и особенно в Южном Ледовитом море, 1822); *Новосильский П. М.* Южный полюс (из записок бывшего морского офицера), 1853).

⁴ Джеймс Уэдделл (1787—1834) был шотландцем по национальности. В 1825 году выпустил книгу о своем плавании («A voyage towards the South Pole...»).

⁵ Тендер — небольшое одномачтовое парусное судно с длинным, почти горизонтальным бушпритом и косыми парусами. В XVIII—XIX веках применялось как вспомогательное и посыльное судно.

доизмещением в шестьдесят пять тонн, под командованием Мэтью Брисбена.

Оба корабля 17 сентября 1822 покинули Англию, зашли на Бауишту, один из островов Зеленого Мыса, и 11 декабря следующего года бросили якорь в гавани Санта-Элена на восточном побережье Патагонии, где были произведены полезные наблюдения относительно местоположения этой гавани.

Двадцать седьмого декабря Уэдделл снова вышел в море и, взяв курс на юго-восток, 12 января очутился в виду архипелага, которому дал название Южных Оркнейских островов. Они расположены на $60^{\circ}45'$ южной широты и 45° долготы к западу от Гринвичского меридиана¹.

Эта небольшая группа островов имеет, если верить мореплавателю, еще более устрашающий вид, чем Южные Шетландские острова. Куда ни взглянешь, повсюду видны только остроконечные вершины совершенно голых скал, выступающих из бурного моря, на котором с грохотом сталкиваются огромные плавучие льдины. Корабли здесь постоянно подвергаются опасности, и в течение одиннадцати дней, проведенных Уэдделлом в море за детальной съемкой островов, островков и скал этого архипелага, экипаж, видевший, что ему каждое мгновение угрожает гибель, не имел ни минуты покоя.

Затем Уэдделл углубился на юг, пересек Полярный круг по 30-му меридиану к западу от Гринвича и вскоре встретил многочисленные айсберги. Когда он миновал 70-ю параллель, количество айсбергов уменьшилось и в конце концов они совершенно исчезли; погода стала мягче, вокруг корабля снова появились бесчисленные стаи птиц, а стада китов резвились в струях воды за кормой. Странное неожиданное потепление удивило всех, тем более что оно все усиливалось по мере продвижения на юг.

Обстоятельства складывались так благоприятно, что Уэдделл с минуты на минуту ждал появления какой-нибудь новой земли. Однако этого не произошло.

Двадцатого января корабль находился на $36^{\circ}15'$ восточной долготы и $74^{\circ}15'$ южной широты.

«Я охотно продолжил бы исследования в юго-западном направлении, — рассказывает Уэдделл, — но, приняв во внимание,

¹ По современным измерениям, координаты Южных Оркнейских островов — $60^{\circ}35'$ ю. ш. и $45^{\circ}30'$ з. д.

что время года было уже позднее и что на обратном пути нам предстояло преодолеть тысячу миль усеянного айсбергами океана, я вынужден был принять решение воспользоваться благоприятным ветром и повернуть назад».

Не обнаружив никаких признаков земли в этом направлении, Уэдделл, подгоняемый сильным южным ветром, пустился в обратный путь, достиг 58-й параллели и, направившись на восток, не дошел ста миль до Южных Сандвичевых островов. 7 февраля мореплаватель еще раз повернул свой корабль к югу, преодолел полосу сплошного льда шириной в пятьдесят миль и 20 февраля достиг 74°15' южной широты. С верхушек мачт во все стороны было видно только свободное ото льда море с четырьмя айсбергами на горизонте. Исследованной им части антарктического моря он дал название моря Георга Четвертого¹. Следует особо подчеркнуть странное явление: по мере продвижения дальше на юг льдов становилось меньше, все время наблюдались туманы и грозы, воздух постоянно был насыщен сыростью, море было глубокое и свободное, а погода исключительно мягкая.

Еще одно ценное наблюдение: колебания стрелки компаса в южных широтах оказались столь же замедленными, как и в арктических областях, где это уже констатировал Пари.

Корабли Уэдделла, разлученные бурей, соединились в Южной Георгии после опасного плавания среди льдов, во время которого они прошли тысячу двести миль. Этот остров, открытый Ларошем в 1675 году, посещенный в 1756 году кораблем «Лион», в сущности, был как следует изучен лишь в результате исследований, произведенных Куком. Сообщенные им в отчете подробные сведения об изобилии тюленей и морских слонов побудили многих судовладельцев к частым посещениям этих краев. В основном то были англичане и американцы, доставлявшие шкуры убитых животных в Китай, где продавали их не меньше чем по двадцать пять—тридцать франков за штуку. В некоторые годы количество шкур убитых тюленей достигало миллиона двухсот тысяч штук. Неудивительно, что эти животные были здесь почти полностью истреблены.

«Южная Георгия, — сообщает Уэдделл, — имеет в длину около тридцати лье, а ширина острова в среднем составляет три лье. Берега так изрезаны крошечными заливами, что местами оба бе-

¹ В настоящее время этот морской бассейн носит название моря Уэдделла.

рега этих бухточек почти соприкасаются. Вершины гор очень круты и всегда покрыты снегом. Летом растительность в долинах довольно пышная; особенно часто встречается один вид травы, мощные стебли которой обычно достигают двух футов в высоту. Четвероногих животных на острове совершенно не водится, но он населен птицами и ластоногими».

Там встречаются огромные стаи пингвинов, которые, задржав голову, с важным видом разгуливают по берегу. Можно подумать, как выразился старинный мореплаватель сэр Джон Нарборо, что маршируют ребята в белых передниках. Там имеется также множество альбатросов, размах крыльев которых достигает шестнадцати—семнадцати футов.

Уэдделл побывал также на Южных Шетландских островах и установил, что остров Бриджмен¹, входящий в этот архипелаг, представляет собой еще действующий вулкан. Высадиться здесь оказалось невозможным, так как все бухты были забиты льдами, и Уэдделлу пришлось направиться к Огненной Земле.

За время своего двухмесячного пребывания на ней английский капитан собрал ценные сведения об условиях стоянки у этих берегов и смог ознакомиться с характером жителей.

В глубине острова возвышается несколько покрытых вечным снегом гор; самая высокая из них, вероятно, не превышает трех тысяч футов. Уэдделлу не удалось обнаружить вулкана, виденного другими путешественниками, и в частности Бэзиллом Холлом в 1822 году, но он собрал несколько образцов лавы, когда-то излившейся из этого вулкана. Впрочем, сомневаться в его существовании не приходилось, так как Уэдделл во время одного из своих более ранних путешествий, в 1820 году, видел над Огненной Землей небо ярко-красного цвета, а объяснить эту необыкновенную окраску можно было лишь вулканическим извержением.

До того времени путешественники, посещавшие Огненную Землю, проявляли мало единодушия в оценке климата этой полярной области. Уэдделл приписывает расхождения тому обстоятельству, что мореплаватели бывали там в разное время года, когда господствуют различные ветры. По его наблюдениям, если ветер дует с юга, термометр никогда не показывает больше двух

¹ Остров Бриджмен был открыт русскими мореплавателями в ходе антарктической экспедиции 1819—1821 годов. Русские моряки назвали остров Камнем Елены.

или трех градусов выше нуля; если же он северный, тогда бывает тепло, «как в Англии в июле».

Из животных Уэдделл обнаружил собак и выдр; по его словам, они являются единственными четвероногими обитателями острова.

Отношения с туземцами все время были самые дружеские. Вначале островитяне лишь подплывали к кораблю в лодках, но не решались подняться на него; вскоре, однако, они стали осваиваться. Те же сцены, что не раз описывались со времен прохода первого корабля через Магелланов пролив, в точности повторялись и теперь, хотя с тех пор прошло много лет. Когда туземцев угощали хлебом, мадерой и говядиной, они брали только говядину. Наибольшую ценность в их глазах имели железо и зеркалa, перед которыми они принимались корчить гримасы и кривляться самым нелепым образом, что очень забавляло моряков. Впрочем, одного вида огнеземельцев было достаточно, чтобы возбудить веселье. С черными как смоль волосами, украшенными синими перьями, с лицами, испещренными красными и белыми параллельными полосами, подобно ткани для матрасов, они своей причудливой внешностью вызывали шутки и смех англичан.

Вскоре, перестав удовлетворяться кусками обручей с бочек, которые им давали, и считая, по-видимому, что люди, обладающие такими богатствами, могли бы делать не столь жалкие подарки, огнеземельцы принялись брать все, что попадалось под руку. Кражи, правда, были без труда прекращены, но послужили поводом к множеству забавных сцен, вызвавших восхищение изумительной способностью дикарей к подражанию.

«Какой-то матрос, — рассказывает Уэдделл, — дал одному из туземцев оловянную кружку с кофе, который тот сразу же выпил, а кружку оставил себе. Матрос, заметив исчезновение своей кружки, немедленно потребовал ее, но, несмотря на его выразительные жесты, никто не явился, чтобы вернуть украденную вещь. Используя все возможные средства, матрос пришел в ярость и, приняв трагическую позу, раздраженно крикнул: «Чернокожая каналья, что ты сделал с моей кружкой?» Туземец, подражая его позе, повторил по-английски тем же тоном: «Чернокожая каналья, что ты сделал с моей кружкой?» Подражание было таким точным и мгновенным, что вся команда разразилась смехом, за исключением обокраденного матроса, который набросился на вора, обыскал его и нашел свою оловянную кружку».

В этом суровом климате, без одежды, без пищи, среди бесплодных гор, не имея домашнего скота, который мог бы снабжать питательными, подкрепляющими силы продуктами, огнеземельцы ведут почти животное существование. Охота не может служить источником пропитания, рыбная ловля также не в состоянии удовлетворить их потребности; и вот им приходится выжидать, чтобы буря выбросила на берег какое-нибудь крупное китообразное животное, которое они с жадностью поедают, даже не поджарив.

В 1828 году корабль «Чентиклир» под командованием Генри Фостера¹ получил задание произвести в разных точках земного шара опыты с маятником для определения формы Земли. Экспедиция длилась три года и кончилась смертью ее начальника, утонувшего в 1831 году в реке Чагрес. Мы упоминаем об этой экспедиции лишь потому, что 5 января 1829 года она произвела съемку Южных Шетландских островов. Командиру с большим трудом удалось высадиться на один из них и собрать там несколько образцов сиенита², из которого сложена его поверхность, а также небольшое количество красного снега³, во всех отношениях подобно тому, что многие исследователи встречали в северных полярных областях.

Но есть еще одно, куда более интересное путешествие; его совершил в 1830 году капитан английского китобойного судна Джон Биско.

Бриг «Тьюла», водоизмещением в сорок восемь тонн, и тендер «Лайвели» покинули под его командованием Лондонский порт

¹ Фостер Генри (1796–1831) – английский мореплаватель. Исследовал устье реки Колумбия и Ла-Плату, вместе с Сабиним был в Гренландии, сопровождал Парри в его полярных экспедициях, исполняя там обязанности астронома. Опыты с маятником, о которых идет здесь речь, проводились в 1828–1829 годах. На Панамском перешейке, где и находится река Чагрес, занимался долготными измерениями.

² Сиенит – глубинная кристаллическая изверженная порода, содержащая очень малое количество кварца либо вообще лишенная этого минерала.

³ Красный снег – красноватая (от бледно-розовой до кроваво-красной) окраска снега объясняется присутствием – в различной концентрации – одноклеточных микроорганизмов *Protosoccus nivalis*. Вот как описывал это явление в своей книге «Северный полюс» Роберт Пири: «Его колонии представляют собой почти прозрачные желатинообразные сгустки диаметром от четверти дюйма до размеров булавочной головки; свое скудное пропитание микроорганизм извлекает из снега и воздуха. Издали снег похож на кровь».

14 июля 1830 года. Эти два судна, принадлежавшие промышленникам Эндерби, были приспособлены для тюленьего промысла и снабжены всем необходимым для длительного плавания. Инструкции, полученные Биско, предписывали ему, кроме того, заняться поисками новых земель в антарктических морях.

Оба судна зашли на Фолклендские острова, 27 ноября покинули их, безуспешно искали Аурорские острова, а затем направились к Южным Сандвичевым, северную оконечность которых они обогнули 1 января 1831 года.

Достигнув 59-й параллели, они встретили сплошные льды, вынудившие их отказаться от дальнейшего продвижения на юго-запад, где стали появляться признаки близости земли. Итак, пришлось повернуть на восток и следовать вдоль кромки льда до $9^{\circ}34'$ западной долготы. Лишь 16 января Биско удалось пересечь 60-ю южную параллель. В тех самых местах, где непреодолимое препятствие помешало попытке Биско, Кук в 1775 году обнаружил море, свободное ото льда на пространстве в двести пятьдесят миль.

Продолжая идти на юго-восток до $68^{\circ}51'$ южной широты и 10° восточной долготы, мореплаватель не мог не поразиться бесцветности воды, частому появлению большого числа «орляк» и капских буревестников, а также направлению ветра, дувшего с юго-запада, — верным признакам близости Большой земли.

Но льды преграждали путь на юг. Поэтому Биско пришлось двигаться все дальше на восток, приближаясь к Полярному кругу.

«Наконец, 27 февраля, — рассказывает Десборо Кули, — на $65^{\circ}57'$ южной широты и 45° восточной долготы он совершенно отчетливо увидел простиравшуюся на значительное расстояние гористую и покрытую снегом землю, которой он дал название Земли Эндерби. Отныне все его усилия были направлены к тому, чтобы пристать к ней, но ее со всех сторон окружали льды, не дававшие возможности приблизиться. В это время неожиданно налетевший шквал разлучил корабли и погнал их на юго-восток, но еще долго они видели ту же самую землю, тянувшуюся с востока на запад на двести с лишним миль. Однако плохая погода и плачевное состояние здоровья матросов заставили капитана Биско идти по ветру к Вандименовой Земле, где лишь несколько месяцев спустя к нему присоединился тендер «Лайвели»».

Путешественники много раз наблюдали ослепительный свет южного сияния — чудесное зрелище, которого нельзя забыть.

Маршрут экспедиции Биска

«Сначала, — рассказывает Биско, — сверкающие отблески южного сияния польхали над нашей головой в виде великолепных столбов, затем внезапно принимали форму бахромы какого-то гигантского ковра, а мгновение спустя извивались в небе подобно змеям; часто казалось, что этот свет переливается над самыми нашими головами, хотя на самом деле он находился высоко в воздухе».

Гористая, покрытая снегом земля простиралась с востока на запад вдоль $66^{\circ}30'$; к несчастью, подойти к ней ближе чем на десять лье оказалось невозможно, так как повсюду вдоль берега тянулись ледяные поля.

Покинув 14 января 1832 года Вандименову Землю, Биско с обоими своими кораблями направился на юго-восток. Морские водоросли, плававшие на поверхности, множество птиц, не улетающих далеко от земли, низкие и густые облака вселяли в Биско уверенность, что вот-вот он откроет какую-нибудь землю; но всякий раз буря мешала ему продолжить поиски. Наконец, 12 февраля на $66^{\circ}27'$ южной широты и $84^{\circ}10'$ западной долготы снова были замечены в большом количестве альбатросы, пингины и киты; 15-го вдали на юго-востоке увидели землю; на следующий день выяснилось, что то был остров, которому дали название Аделейд в честь английской королевы. На этом острове на расстоянии примерно одного лье от берега моря возвышались многочисленные пики конусообразной формы с очень широким основанием.

В последующие дни удалось убедиться, что остров Аделейд не был изолированным, а входил в состав цепи островков, окаймлявшей какую-то высоко выступавшую из моря землю. Она тянулась на двести пятьдесят миль с востоко-северо-востока на запад-юго-запад и получила название Земля Грейама, а имя Биско было присвоено цепи открытых им островов¹. На этом архипелаге не удалось обнаружить никаких признаков растений или животных.

Стремясь закрепить свое открытие, Биско 21 февраля высадился на большой остров, чтобы вступить во владение им, и определил положение высокой горы ($64^{\circ}45'$ южной широты и $66^{\circ}11'$ долготы к западу от Парижа)², названной им горой Уильяма.

¹ Эта цепочка включает в себя острова Нансен, Рено и несколько других, меньшего размера.

² $63^{\circ}51'$ к западу от Гринвичского меридиана. Но на самом деле, по современным определениям, острова Биско расположены между 67 и 68° з. д.

«Мореплаватели находились, — сообщал “Бюллетень Географического общества” за 1833 год, — в глубокой бухте, где вода была так спокойна, что при наличии в ней тюленей ничего не стоило бы загрузить ими оба корабля, ибо приблизиться к краю скал для охоты на них не представляло никакого труда. Глубина бухты была очень значительной, так как почти у самого берега двадцатисаженный лотинь¹ не достигал дна. Солнце сильно грело, и на всех скалах, расположенных вдоль моря, снег таял; это обстоятельство делало еще более странным полное отсутствие тюленей».

Оттуда Биско направился к Южным Шетландским островам, затем зашел на Фолклендские острова, где погиб тендер «Лайвели», и наконец вернулся в Англию.

В награду за свои труды и в поощрение стараний капитан Биско получил большие золотые медали Лондонского и Парижского географических обществ.

В результате его путешествий возникли оживленные споры относительно существования Южного континента и возможности совершать плавания за пределами первого ледяного барьера, пользуясь в качестве базы уже открытыми островами. Три государства одновременно решили послать экспедиции в Антарктику. Франция поручила начальство над своей экспедицией Дюмон-Дюрвилю, Англия — Джеймсу Россу и Соединенные Штаты — лейтенанту Чарлзу Уилксу².

Уилкс был назначен командиром маленькой флотилии, в состав которой входили «Перпойз», два шлюпа — «Винсен» и «Пикок», две шхуны — «Си-Гал» и «Флайинг-Фиш» — и грузовое судно «Релиф». Последнее с грузом продовольствия в трюмах направилось прямо в Рио-де-Жанейро, между тем как остальные корабли сначала зашли на Мадейру и острова Зеленого Мыса.

¹ Лотинь — пеньковый трос, на который наносится разметка. К одному из концов троса привязывается груз (лот), используемый для определения глубин.

² Уилкс Чарлз (1798—1877) — американский военный моряк и исследователь. Один из организаторов национальной Морской обсерватории и Гидрографического управления ВМС США. Работал в Средиземном море и Тихом океане. Известность получил своими исследованиями в Антарктике и у северо-западного побережья США. Участник Гражданской войны в США. С 1866 года — контр-адмирал. Оставил множество трудов по географии, метеорологии, океанографии и истории географических открытий.

С 24 ноября 1838 года по 6 января 1839 года флотилия стояла в бухте Рио-де-Жанейро, затем совершила переход к Рио-Негро, где простояла шесть дней, и лишь 19 февраля 1839 года прибыла в бухту Орендж-Бей¹ на Огненной Земле.

Здесь экспедиция разделилась: «Пикок» и «Флайинг-Фиш» были отправлены к тому месту, где Кук пересек 60-ю параллель; «Релиф» с естествоиспытателями на своем борту через один из проходов, расположенных к юго-востоку от Огненной Земли, вступил в Магелланов пролив; «Винсен» остался в бухте Орендж-Бей, а «Си-Гал» и «Перпойз» 24 февраля вышли в Южные моря. Уилкс произвел съемку Земли Палмера² на протяжении тридцати миль до той точки, где ее берег поворачивает на юго-восток, названной им мысом Хоп; затем он посетил Шетландские острова и внес несколько существенных исправлений в их географическое описание.

Проведя тридцать шесть дней в этих негостеприимных краях, оба корабля взяли курс на север. После различных злоключений, в настоящее время не представляющих особого интереса, Уилкс, потеряв «Си-Гал», зашел в Кальяо, посетил архипелаг Туамоту, остров Таити, острова Общества и Мореплавателей и 28 ноября бросил якорь в Сиднее.

Двадцать девятого декабря 1839 года экспедиция снова вышла в море и направилась к югу. Задача заключалась в том, чтобы достигнуть возможно более высокой широты между 160-м и 145-м меридианом к востоку от Гринвича, продвигаясь с востока на запад. Кораблям была предоставлена свобода действий, а на случай потери друг друга условились о месте встречи. До 22 января часто наблюдались многочисленные признаки близости земли, и некоторым офицерам мерещилось даже, что они видят ее. Но из их показаний на суде, перед которым Уилксу пришлось предстать по возвращении, вытекает, что члены экспедиции не имели никакой уверенности в существовании Южного континента. Лишь по прибытии в Сидней Уилкс, услышав известие о том, что Дюрвиль открыл материк 19 января, принялся утверждать, что он открыл его в тот же день.

¹ Возле мыса Орендж, на самом севере Огненной Земли; район отмелей Грейт-Орендж-Банк

² Земля Палмера — архипелаг у северной оконечности Земли Грейама

Эти факты зафиксированы в очень убедительной статье, напечатанной гидрографом Досси в «Бюллетене Географического общества».

«Пикок» и «Флайинг-Фиш», потерпев аварии или оказавшись не в состоянии преодолеть бурное море и плавучие льды, повернули на север — 24 января и 5 февраля.

Только «Винсен» и «Перпойз» продолжали трудное плавание до 97° восточной долготы, двигаясь вдоль видимой глазу земли и время от времени приближаясь к ней на расстояние от десяти миль до трех четвертей мили — в зависимости от ширины ледяного припая.

«29 января, — сообщает Уилкс в своем донесении Вашингтонскому Национальному институту, — мы вошли в залив, названный мною бухтой Пайнер, — единственное место, где мы могли высадиться на голые скалы; но внезапно налетевший шторм, столь обычный в этих морях, отбросил нас от берега. Когда мы выходили из залива, лот показывал глубину в тридцать саженей. Шторм продолжался тридцать шесть часов; после того как нам много раз удалось избежать опасности разбиться о льды, мы оказались в шестидесяти милях от залива, в подветренном направлении от него. Так как было весьма вероятно, что открытая нами земля простирается на большое расстояние, я счел более целесообразным следовать вдоль нее к западу, чем возвращаться к бухте Пайнер, не сомневаясь к тому же, что нам представится случай произвести высадку в каком-нибудь более доступном месте. Однако я обманулся в своих ожиданиях, и сплошной лед все время не давал нам приблизиться к земле. У края ледяного припая мы встретили большие льдины, усеянные глинистыми наносами, обломками скал и камнями; мы смогли набрать такое количество образцов, словно сами отбили их в горах. Покрытая снегом земля была ясно видна во многих местах, и окружавшая нас обстановка почти не оставляла во мне сомнений в том, что замеченные нами отдельные участки суши соединены между собой сплошной линией берега и заслуживают данного нами названия — Антарктический материк. Когда мы достигли 97° восточной долготы, обнаружилось, что ледяные поля отклоняются к северу. Мы следовали вдоль них в этом направлении и очутились в нескольких милях от того места, где Кук в 1775 году был остановлен ледяным барьером».

Бухта Пайнер, где Уилкс подошел к берегу, находилась на 140° восточной долготы ($137^{\circ}40'$ от Парижского меридиана), то есть в том самом месте, где 21 января пристал Дюровиль.

Тридцатого января с «Перпойз» заметили два корабля Дюрвиля; американское судно приблизилось к ним на расстояние человеческого голоса, но французские моряки продолжали свой путь, давая понять, что не хотят вступать в какие-либо сношения. Уилкс снова добрался до Сиднея, застал там отремонтированный «Пикок» и вместе с ним направился в Новую Зеландию, оттуда на Тонгатапу, затем на острова Фиджи, где туземцами были убиты два молодых офицера из числа участников экспедиции. Острова Дружбы, Мореплавателей, Сандвичевы, устье реки Колумбия на западном берегу Америки, проливы Адмиралтейства¹ и Педжет, остров Ванкувер, Марианские острова, Манила, Сулу, Сингапур, Зондские острова, остров Святой Елены, Рио-де-Жанейро — таковы были многочисленные этапы этого длинного путешествия, окончившегося 9 июня 1842 года в Нью-Йоркской гавани после плавания, длившегося три года и десять месяцев.

Результаты, во всех областях знания, были значительные, и это первое в истории молодой республики Соединенных Штатов кругосветное путешествие следует признать вполне успешным.

Несмотря на весь интерес, который представляет подробный отчет об экспедиции, а также специальные дополнения к нему, принадлежащие перу ученых Дейны², Гульда³, Пиккеринга⁴,

¹ Адмиралти-Инлет между материком и островом Уидбей, к северу от американского порта Сиятл.

² Дейна Джеймс Д. (1813—1895) — американский геолог и зоолог. В экспедицию Уилкса отправился как геолог и минералог, но его судно («Реасок») потерпело крушение у берегов Орегона, и он вернулся в Нью-Йорк. В 1840 году Дейна стал издателем главного в то время американского научного журнала — «American Journal of Science». Известен многочисленными трудами по зоологии, геологии, вулканологии. В свое время популярны были его учебники геологии — «Manual of Geology» (1862) и «Textbook of Geology» (1864).

³ Гульд Джон (1804—1881) — американский орнитолог; известность получил выпуском обстоятельных изданий, посвященных птицам различных континентов.

⁴ Пиккеринг Чарлз (1805—1878) — американский физик и натуралист. В экспедиции Уилкса основное внимание уделял вопросам антропологии. По возвращении на родину выпустил — в значительной части по материалам экспедиции — книгу «Человеческие расы и их географическое распространение» («Races of Men and Their Geographical Distribution», 1843). В дальнейшем занимался главным образом биогеографией («The Geographical Distribution of Animals and Plants», 1854; «Plants in Their Wild State», 1876).

Грея¹, Кассина² и Бреккенриджа³, мы вынуждены оставить без внимания все, что касается уже изученных стран. Этот обширный труд имел по ту сторону Атлантического океана большой успех, что вполне понятно для страны, насчитывающей лишь небольшое количество официальных исследователей.

Одновременно с Уилксом в начале 1839 года капитан китобойного судна «Элизабет-Скотт» Джон Баллени⁴ внес свой вклад в дело изучения антарктических земель.

Выйдя с острова Кэмпбелл, расположенного к югу от Новой Зеландии, он 7 февраля очутился на 67°7' южной широты и 164°25' долготы к западу от Парижского меридиана. Затем он направился к западу и двумя днями позже, обнаружив на пути многочисленные признаки близости земли, увидел на юго-западе какую-то темную полосу; к шести часам вечера уже нельзя было сомневаться, что это земля. То оказались три довольно больших острова, самый западный из которых был длиннее других. Они получили название островов Баллени. Как легко можно догадаться, капитан принял меры к тому, чтобы пристать, но путь к островам преграждали льды, и среди них не оказалось никакого прохода. Пришлось удовольствоваться лишь определением координат центрального острова — 66°44' южной широты и 162°25' восточной долготы⁵.

Первого марта на запад-юго-западе были снова замечены высокие берега покрытой снегом земли; на следующий день до нее оставалось не больше десяти миль. Корабль приблизился к ней,

¹ Очевидно, имеется в виду Эйса Грей (1810–1888), известный американский ботаник. Однако он участия в экспедиции Уилкса не принимал. Получив приглашение, ученый после некоторых раздумий отклонил его.

² Кассин Джон (1813–1869) — американский путешественник и орнитолог, широко известный своими трудами в этой области знаний.

³ Бреккенридж Уильям Д. (1810–1893) — шотландский ботаник, с 1837 года работавший в США. В экспедицию взят как ассистент доктора Пиккеринга. Впоследствии был одним из организаторов Вашингтонского ботанического сада, успешно хозяйствовал на собственной ферме и выпускал популярный сельскохозяйственный журнал «Американский фермер» («American Farmer»).

⁴ Баллени Джон — английский мореплаватель. Его плавание, как и многие другие полярные экспедиции, финансировала торговая фирма «Эндерби Бразерс», регулярно, начиная с 1785 года, посылавшая суда в южные полярные воды.

⁵ По современным определениям, эти координаты составляют 66°40' ю. ш. и 163°20' в. д.

затем спустили шлюпку. Полоска берега шириной в три-четыре фута у подножия отвесных неприступных утесов оказалась непригодной для высадки, и пришлось выкупаться по пояс для того, чтобы собрать несколько образцов застывшей лавы, ибо этот остров вулканического происхождения и над его горами поднимается султан дыма.

Еще раз, 2 марта, на 65-й параллели и 120°24' западной долготы с палубы «Элизабет-Скотт» были замечены признаки новой земли. На ночь легли в дрейф, а наутро сделали попытку продвигнуться на юго-запад. Но преодолеть ледяной припай оказалось невозможным. Эта новая земля получила название Берега Сабрина. Баллени пришлось снова взять курс на север, и его открылгия свелись к этим хотя и не полным, но достоверным сведениям.

В 1837 году, в то время когда Уилкс отправлялся в экспедицию, о которой мы только что рассказывали, капитан Дюмон-Дюрвиль представил морскому министру новый проект кругосветного путешествия. Услуги, оказанные им в 1819–1821 годах во время гидрографической кампании, в 1822–1824 годах во время плавания на «Кокий» вместе с капитаном Дюперре, наконец, в 1826–1829 годах на «Астролябии», его научные труды и опыт давали ему полное право изложить правительству свои взгляды на то, что следует предпринять для пополнения сведений, собранных им самим и другими мореплавателями о недостаточно исследованных, но очень важных с точки зрения гидрографии, торговли и науки краях.

Министр не замедлил одобрить предложение Дюмон-Дюрвиля и принял все меры к тому, чтобы обеспечить его просвещенными сотрудниками, на которых можно было бы положиться.

В распоряжение Дюрвиля предоставили два корвета, «Астролябию» и «Зеле» («Ревностный»); на них погрузили все запасы, необходимость которых была установлена в результате ряда экспедиций последних лет, совершенных французскими мореплавателями. Из числа сопровождавших Дюрвиля офицеров многие впоследствии достигли высших чинов; то были Жакино¹, командир «Зеле», Куван-Дебуа, Дюбузе, Тарди де Монттравель и Периго, чьи имена хорошо известны всем, кто знаком с историей французского флота.

¹ Жакино Шарль Эктор (1796–1879) – французский мореплаватель. После смерти Дюмон-Дюрвиля закончил публикацию его дневников. С 1852 года – контр-адмирал, с 1855 года – вице-адмирал.

маршрут
 экспедиции
 Дюмон-
 Дюрвиля
 маршрут экспедиции
 Беллени ----

ДЮМОН-
 ДЮРВИЛЬ
 ИЛИ
 БЕЛЛЕНИ

Инструкции, полученные начальником экспедиции от вице-адмирала Розамеля, отличались от инструкций, дававшихся его предшественникам, в том отношении, что ему предписывалось продвигаться к Южному полюсу до тех пор, пока не воспрепятствуют льды. Кроме того, Дюрвиль должен был завершить огромную работу, начатую им в 1827 году на островах Фиджи, затем исследовать Соломоновы острова, а после стоянок в Австралии в устье реки Суон и в Новой Зеландии посетить острова Чатем и часть Каролинского архипелага, исследованную Литке; после этого ему надлежало направиться к Минданао, на Борнео, в Батавию и оттуда вернуться во Францию через мыс Доброй Надежды.

Инструкции заканчивались чрезвычайно интересными сообщениями, свидетельствующими о дальновидных взглядах правительства.

«Его величество, — писал адмирал Розамель, — имеет в виду не только прогресс гидрографии и естественных наук; королевская забота об интересах французской торговли и о развитии инициативы наших судовладельцев заставляет его с более широкой точки зрения подойти к задачам вашей экспедиции и к ожидаемым от нее результатам. Вам предстоит посетить множество пунктов, изучение которых чрезвычайно важно для определения ресурсов, какие могут быть использованы нашими китобойными судами. Вы должны собрать все возможные сведения, чтобы, руководствуясь ими, эти суда с большим успехом могли совершать свои плавания. Вы будете заходить в гавани, где уже завязаны торговые отношения и где появление военного корабля может оказать благотворное действие, и в другие места, в которых изделия нашей промышленности, возможно, найдут себе рынки сбыта, до сих пор неизвестные и о которых по возвращении вы сможете сообщить ценные данные».

Луи-Филипп лично пожелал Дюмон-Дюрвилю успеха, а Академия моральных наук и Географическое общество проявили живейший интерес к его начинанию. К сожалению, нельзя этого сказать об Академии наук — несмотря на то, что в течение двадцати с лишним лет капитан Дюрвиль не переставал заботиться о пополнении богатств Естественно-исторического музея.

«Было ли это результатом кастовой замкнутости или предубеждения против меня, — писал Дюрвиль, — но руководство Академии наук проявило мало внимания к готовившейся экспе-

диции, и выражения, примененные при составлении инструкций, были по меньшей мере так холодны, как будто предназначались для человека, академия совершенно неизвестного».

Приходится сожалеть, что среди самых ярких противников этой экспедиции находился знаменитый физик Араго, открытый враг полярных исследований.

Иначе отнеслись ученые других стран; в первую очередь следует назвать Гумбольдта и Крузенштерна, которые прислали Дюрвилю поздравления по поводу новой экспедиции и выразили уверенность в том, что она окажет науке большие услуги.

После многочисленных задержек, связанных с оснащением кораблей, которые должны были доставить в Бразилию принца Жуэнвиля, корветы «Астролябия» и «Зеле» смогли наконец 7 сентября 1837 года покинуть Тулон. В последний день того же месяца они бросили якорь в гавани Санта-Крус на острове Teneriffe. Дюрвиль остановился здесь, а не на островах Зеленого Мыса, по той причине, что рассчитывал раздобыть вино, а также для того, чтобы произвести наблюдения над величиной составляющих геомагнитного поля и определения высот; его упрекали за невыполнение этих работ в 1826 году, хотя все прекрасно знали, что в то время он не был в состоянии это сделать.

Несмотря на нетерпение, с каким молодые офицеры ждали возможности повеселиться на берегу, им пришлось подвергнуться четырехдневному карантину, незадолго до того установленному из-за слухов о нескольких случаях чумы, наблюдавшихся в Марсельском порту. Мы не будем подробно останавливаться на восхождении на вершину пика, совершенном Дюбузе, Куваном и Дюмуленом; достаточно будет привести несколько восторженных фраз Куван-Дебуа:

«Добравшись до подножия остроконечной вершины, — рассказывает офицер, — мы в течение часа карабкались по пеплу и осколкам камней и наконец достигли желанной цели — самой высокой точки этого чудовищного вулкана. Дымящийся кратер предстал перед нашими глазами в виде полого полушария, курящегося серой, усеянного обломками пемзы и камней; кратер имел в диаметре около четырехсот метров, в глубину — сто метров. Термометр, показывавший в десять часов утра 5° в тени, лопнул, когда его положили на землю около отверстия, откуда вырывались сернистые пары. По краям и внутри кратера имеется множество фумарол, из которых выделяется самородная сера, обра-

зующая нижнюю часть вершины. Скорость движения паров настолько велика, что временами слышны взрывы. Земля сильно раскалена, и местами на ней невозможно простоять даже несколько секунд. Оглянитесь теперь вокруг себя, посмотрите на три горы, нагроможденные одна на другую, — не правда ли, это дело рук великанов, пытавшихся взобраться на небо? Вообразите себе огромные потоки лавы, расходящиеся от одной точки и образующие корку, которую несколько веков назад вы не могли бы безнаказанно попирать ногами. Посмотрите вдаль на Канарские острова, рассеянные здесь и там по океану, разбивающемуся о берега того острова, на вершине которого стоите вы, вы — пигмеи!.. Посмотрите, и вы будете вознаграждены за труды, понесенные вами для того, чтобы подняться на 3704 метра выше уровня моря¹, куда вас привело восхищение пред величественными картинами природы!»

К этому описанию нужно добавить еще несколько слов. Наши исследователи убедились, что на вершине пика свет звезд ярче, звук распространяется с большей легкостью; кроме того, они ощутили онемение конечностей и довольно сильную головную боль — хорошо известные симптомы так называемой «горной болезни».

В то время как часть руководителей экспедиции совершала эту научную прогулку, многие офицеры осматривали город, к числу достопримечательностей которого можно отнести лишь довольно невзрачное место общественных гуляний, называемое Аламеда², и францисканскую церковь. Окрестности представляют значительный интерес своими любопытными акведуками, по которым вода поступает в город, и лесом Мерседес, по мнению Дюрвиля, заслуживающим скорее названия вырубки, так как в нем теперь можно увидеть только кусты и папоротники.

Жители острова на вид жизнерадостны, но отличаются исключительной ленью; они не пьяницы, но ужасно неопрятны, и легкость нравов среди них беспримерна.

Двенадцатого октября оба корабля вышли в море, чтобы как

¹ По современным измерениям, высота вулкана Тейде составляет 3718 м над уровнем океана.

² Аламеда — буквально: «тополевая аллея» (*исп.*). Так называется одна из мадридских улиц, бывшая в XVIII—XIX веках любимым местом прогулок для светского общества и шеголей.

можно скорее достичь полярных областей. Чувство человеколюбия заставило Дюрвиля зайти в Рио-де-Жанейро. Состояние одного гардемарина, с самого начала плавания страдавшего легочной болезнью, со дня на день ухудшалось, и пребывание среди льдов, вероятно, ускорило бы его конец; это и побудило командира изменить маршрут.

Оба корабля 13 ноября стали на якорь не в бухте Рио-де-Жанейро, а на рейде и задержались там лишь на один день, то есть ровно на то время, какое потребовалось для того, чтобы высадить на берег молодого Дюпарка и закупить немного свежих продуктов. Затем они продолжали путь на юг.

С давних пор Дюрвилю хотелось исследовать Магелланов пролив; его интересовала не только гидрография, ибо после тщательной съемки, произведенной английским капитаном Кингом (начатая им в 1826 году, она была закончена лишь в 1834 году Фиц-Роем), там оставалось не так уж много работы; его прельщала надежда собрать новые сведения из области естественных наук.

Разве не было бы в высшей степени полезно проверить реальность тех постоянно возникающих препятствий, тех резких перемен ветра, всех тех опасностей, о которых сообщали старинные мореплаватели?

А разве не принесли бы удовлетворения точные и обстоятельные данные о знаменитых патагонцах, о которых ходило столько легенд и велось столько споров?

К тому же еще одно соображение говорило в пользу стоянки в бухте Пуэрто-Амбре, куда Дюрвиль собирался зайти, вместо острова Эстадос. Перечитывая донесения исследователей, совершивших плавание в Южном океане, командир пришел к убеждению, что лучшим периодом для успешного подступа к полярным районам является конец января и февраль. Только в эти несколько недель полностью сказывается потепление и не приходится бесцельно подвергать команду тяготам и опасностям, возникающим при плавании в неподходящее время года.

Как только решение было окончательно принято, Дюрвиль сообщил о своих новых намерениях капитану Жакино и сразу же пустился в путь к проливу. 12 декабря оба корвета находились в виду мыса Вирхенес, и Дюмулен с помощью молодых офицеров приступил на ходу корабля к серии превосходных по качеству исполнения гидрографических съемок.

Во время трудного плавания по проливу Дюрвиль проявил в равной мере смелость и хладнокровие, способность быстро ориентироваться и присутствие духа (по отношению к нему применялись именно эти выражения) и заставил полностью изменить мнение о себе многих матросов, которые, видя его в Тулоне тяжело ступающим, больным подагрой, наивно восклицали: «О! С этим стариком мы далеко не заберемся!»

Но когда благодаря постоянной бдительности командира пролив был благополучно пройден, настроение моряков так резко изменилось, что они повторяли:

«Это не человек, а дьявол. Он вел нас по самой кромке скал и рифов, словно всю жизнь свою только этим и занимался!.. А мы-то думали, что он одной ногой в могиле!»

Здесь уместно будет сказать несколько слов о стоянке в бухте Пуэрто-Амбре.

Высадка на берег была нетрудной; там нашлись и прекрасный источник, и дрова в изобилии. На прибрежных скалах водятся в большом количестве съедобные моллюски — трубачи¹, а из растений в пищу можно употреблять сельдереи и разновидность одуванчиков, пригодную для салата. Другим богатым источником пропитания в этой бухте является рыбная ловля; в течение всего времени стоянки ловля неводом, сетью и удочкой снабжала экипаж вполне достаточным количеством морской корюшки, голавлей и вьюнов.

«Когда я собирался вернуться на корабль, — рассказывает Дюрвиль, — боцман передал мне маленький бочонок, который нашли висевшим на дереве у самого берега, а рядом на столбе была надпись по-английски: “Почтовое отделение”. Увидев, что в бочонке находятся бумаги, я взял его на корабль и ознакомился с его содержимым. Это были сообщения капитанов, проходивших Магеллановым проливом, о времени прохождения и условиях плавания, кое-какие советы тем, кто окажется здесь после них, письма в Европу и в Соединенные Штаты. По-видимому, впервые идея создания такой почтовой конторы под открытым небом пришла в голову американскому капитану Каннингему, который в

¹ Трубачи — семейство съедобных улиток класса букциум (*Buccinum*) из отряда стеноглосных. Моллюски этого семейства широко распространены и в европейских полярных морях. В ряде стран (например, в Великобритании и Ирландии) существует промысел трубачей, называемых часто букцинидами.

апреле 1833 года воспользовался подвешенной к дереву бутылкой; его соотечественник Уотерхауз в 1835 году придумал полезное добавление в виде столба с надписью. Наконец, английский капитан Керрик, командир шхуны “Мэри-Энн” из Ливерпуля, в марте 1837 года прошел пролив, направляясь в Сан-Блас; он побывал здесь и на обратном пути 29 ноября 1837 года, то есть за шестнадцать дней до нас; это он заменил бутылку бочонком и предложил мореплавателям в будущем пользоваться им для писем, которые они пожелали бы отправить в различные страны. Я решил еще больше усовершенствовать эту полезную и остроумную при всей своей простоте идею, устроив настоящую почтовую контору на возвышенной точке полуострова; ее вывеска должна была быть написана такими буквами, чтобы привлечь внимание мореплавателей, не предполагающих заходить в Пуэрто-Амбре; любопытство заставит их послать шлюпку, чтобы обследовать ящик, прибитый к столбу. По всей вероятности, мы должны были оказаться первыми, кому придется воспользоваться плодами этой выдумки, и наши семьи будут приятно удивлены, получив от нас известия с дикой и необитаемой земли в то время, когда мы будем двигаться к полярным льдам».

В часы отлива устье реки Седжер¹, впадающей в бухту Пуэрто-Амбре, становится недоступным из-за песчаных отмелей; в трехстах метрах дальше равнина переходит в огромное болото, из которого выступают толстые стволы деревьев — гигантских мертвецов, побелевших от времени и принесенных сюда разливом реки в период особенно сильных дождей.

Вдоль поймы реки растет прекрасный лес, но попасть в него мешает колючий кустарник. Чаше всего попадают здесь бук, высотой от двадцати до тридцати метров и около метра в диаметре, и разновидность барбариса. Самый большой бук, виденный Дюрвилем, достигал пяти метров в обхвате и примерно пятидесяти метров в высоту.

К сожалению, на этом берегу не встречаются ни млекопитающие, ни земноводные, ни речные или наземные моллюски; один-два вида птиц да лишайники и мхи — вот все, чем может поживиться здесь естествоиспытатель.

¹ Седжер — сейчас эта река больше известна под испанским названием Сан-Хуан.

Ялбот¹ с большой группой офицеров поднялся вверх по течению Седжера, пока не был остановлен мелководьем в семи с половиной милях от устья. Было установлено, что при впадении в море река в ширину достигает тридцати или сорока метров.

«Трудно вообразить, — рассказывает де Монtravelь, — более живописные картины, чем те, что открывались нашим взорам при каждом изгибе реки. Повсюду восхитительный беспорядок, который невозможно искусственно создать, причудливое нагромождение деревьев, сломанных веток, обросших мхом стволов, тесно переплетавшихся между собой».

В общем стоянка в Пуэрто-Амбре оказалась очень удачной; дрова и пресную воду заготовили безо всякого труда; произвели ремонтные работы, заново разместили грузы; сделали много наблюдений — физических, метеорологических, гидрологических (над приливами и отливами), гидрографических; наконец, собрали богатые естественно-исторические коллекции, представлявшие тем больший интерес, что эти неисследованные края совершенно не были отображены во французских музеях.

«Небольшое количество растений, собранных Коммерсоном, и сохранившихся в гербарии Жюсье, — говорится в отчете, — представляло собой все, что было известно о природе этих мест».

Двадцать восьмого декабря 1837 года подняли якорь, так и не увидев ни одного патагонца, встречи с которыми офицеры и матросы ожидали с живейшим любопытством.

Случайности мореплавания заставили оба корвета вскоре вновь остановиться в бухте Галан; ее берега, поросшие прекрасными деревьями, прорезаны потоками, образующими на некотором расстоянии от моря великолепные водопады высотой в пятнадцать—двадцать метров. Эта стоянка не пропала даром для науки, так как удалось собрать множество новых видов растений и произвести съемку как этой бухты, так и соседних заливов. Однако командир, боясь упустить благоприятное время года, отказался от намерения пройти через западный выход пролива и решил вернуться назад, чтобы повидать патагонцев, прежде чем направиться в полярные области.

Бухта Сан-Николас, которую Бугенвиль назвал заливом Французов, представляла взорам гораздо более приятное зрелище, чем

¹ Ялбот — судовая шлюпка на 4—6 пар весел, служащая для повседневных разездов и работ около судна.

бухта Галан, где моряки провели 1 января 1838 года. Офицеры под руководством Дюмулена довели до успешного конца гидрографическую съемку бухты Сан-Николас.

Была послана шлюпка на мыс Ремаркабль, где, по сообщению Бутенвиля, он видел окаменелые раковины; это оказались лишь мелкие желваки, включенные в пласт известняка, занимавшего весь склон от самого берега моря до высоты примерно в пятьдесят метров.

Интересные наблюдения были произведены также с термометром, опущенным на глубину двухсот девяноста саженей, но на расстоянии меньше двух миль от берега не достигшим дна. В то время как на поверхности температура равнялась девяти градусам, внизу она оказалась равной двум; трудно предположить, чтобы течения, приносящие воду двух океанов, могли проходить так глубоко, а потому были все основания думать, что такая температура свойственна этой глубине. Затем корабли приблизились к Огненной Земле, где Дюмулен продолжил съемки. Низменная, открытая, усеянная скалами, которые могли служить ориентирами, Огненная Земля в этом месте представляет для мореплавателя не так много опасностей. Корабли миновали острова Санта-Магдалена и Элизабет, бухту Оази, где в подзорную трубу можно было различить многолюдное стойбище патагонцев¹, и бухту Пеккет, где «Астролябия» на глубине трех саженей наскочила на подводную скалу.

«В то мгновение, когда мы заметили, что киль нашего корабля цепляется за камни, — рассказывает Дюмон-Дюрвиль, — среди экипажа возникло минутное замешательство, даже тревога, и уже послышались отдельные панические выкрики. Твердым голосом я призвал к молчанию и, ничем не обнаруживая своего беспокойства по поводу происходившего, воскликнул: «Пустяки, вы еще не то увидите!» Впоследствии наши матросы не раз вспоминали эти слова. Для капитана гораздо важнее, чем обычно ду-

¹ Патагонцы — на самом деле речь идет об огнеземельцах. Таково общее название трех индейских племен (яган, она, алакалуфы), населявших архипелаг Огненная Земля и прилежащие районы материка. Племена эти занимались охотой, собирательством и рыболовством. Уровень материальной культуры у них был чрезвычайно низким, так что долгое время среди европейских исследователей огнеземельцы считались эталоном популяции, находящейся на крайне низкой ступени развития, почти на стадии животных.

мают, сохранять полнейшее спокойствие и высшую степень невозмутимости среди грозных опасностей, даже в том случае, если он считает, что избежать их не удастся».

При подходе к бухте Пеккет все очень обрадовались, увидев патагонцев. Офицерам и матросам не терпелось поскорее высадиться на берег. Толпа туземцев верхом на лошадях ожидала у места высадки.

Кроткие и мирные, они охотно отвечали на задаваемые им вопросы. Они спокойно рассматривали все, что им пришлось увидеть, и не обнаруживали особой алчности по отношению к вещам, которые им показывали. Они не проявляли никакой склонности к воровству; во всяком случае, бывая на корабле, они не делали попыток что-либо стащить.

Средний рост их равняется 1 метру 73 сантиметрам или несколько ниже. Ноги и руки у них толстые, округлой формы, но не мускулистые, а кисти рук и ступни изумительно маленькие. Самой характерной чертой в их внешности является нижняя часть лица, между тем как лоб низкий и скошенный. Удлиненные и узкие глаза, довольно сильно выдающиеся скулы, приплюснутый нос придают им изрядное сходство с монголами.

Все в патагонцах говорит о вялости и лени, ничто не намекает на силу и ловкость. При виде того, как они — с падающими до плеч волосами — сидят на корточках, идут или стоят, можно скорее принять их за женщин из гарема, чем за стойких людей, привыкших переносить любую непогоду и бороться за существование в очень тяжелых условиях. Когда они лежат, растянувшись на шкурах среди собак и лошадей, самое любимое занятие их состоит в поисках и поедании паразитов, водящихся у них в изобилии. Они настолько не любят ходить, что садятся на лошадь и едут за ракушками к берегу, до которого не больше пятидесяти—шестидесяти шагов.

Среди туземцев жил один белый, имевший жалкий, истощенный вид; он утверждал, что родился в Соединенных Штатах, но по-английски говорил очень плохо, и в нем нетрудно было признать швейцарского немца.

Нидергаузер — такова была его фамилия — уехал в Соединенные Штаты в надежде разбогатеть; но так как счастье ему не улыбнулось, он польстился на заманчивые обещания одного зверопромышленника, набравшего экипаж для своего судна. С семьей товарищами и запасом провизии он, по обыкновению, был

высажен на один из пустынных островов Огненной Земли, чтобы охотиться на тюленей и выделывать их шкуры.

Четыре месяца спустя снова пришла шхуна, погрузила шкуры, оставила охотникам новые запасы и... больше не возвращалась. Затонуло ли судно или капитан бросил своих матросов на произвол судьбы — этого никто не мог знать.

Когда все сроки прошли, несчастные, оказавшиеся без съестных припасов, сели в шлюпку и достигли Магелланова пролива. Вскоре они встретили патагонцев. Нидергаузер остался с ними, а остальные продолжали свой путь. Очень хорошо принятый туземцами, он вел такое же существование, как и они, набивая себе желудок, когда охота бывала удачной, затягивая пояс и питаясь одними кореньями в периоды голодовки.

Устав от этой жалкой жизни, Нидергаузер умолял Дюрвиля взять его на корабль, уверяя, что он больше не выдержит и месяца подобных лишений. Капитан согласился и взял его в качестве пассажира.

За три месяца жизни среди патагонцев Нидергаузер немного ознакомился с их языком, и Дюрвиль воспользовался этим, чтобы записать перевод на язык патагонцев большей части слов своего сравнительного словаря всех языков.

Военный наряд огнеземельцев состоял из шлема вываренной кожи, украшенного медными пластинками и с пучком петушиных перьев наверху, из плаща бычьей кожи, покрашенного в красный цвет и испещренного желтыми полосами, и своеобразного обоюдоострого палаша. Вождь племени, населявшего берега бухты Пеккет, согласился, чтобы его нарисовали в военном наряде, что говорило о его превосходстве над своими подданными, которые решительно отказались от этого из боязни какого-то колдовства.

Восьмого января снялись с якоря и, несмотря на прилив, без особого труда прошли узкий выход из бухты. Пройдя две трети Магелланова пролива, корабли взяли курс к полярным водам; по дороге велась съемка всего восточного побережья Огненной Земли, и таким образом был восполнен существенный пробел в гидрографии, так как до тех пор не существовало ни одной подробной карты этого берега.

Остров Эстадос обогнули без всяких происшествий. 15 января французские моряки не без некоторого волнения увидели первые льды, среди которых обоим кораблям вскоре предстояло все время двигаться. В этих местах плавучие ледяные горы сами по себе

не являются наиболее опасными врагами; туман — густой туман, сквозь который ничего не могут различить самые зоркие глаза — вскоре окутывает оба корабля, сковывает их движения и каждое мгновение угрожает, хотя бы они лежали в дрейфе, столкновением с какой-нибудь из страшных глыб. Температура понижается; у поверхности воды термометр показывает всего два градуса, а на глубине температура воды ниже нуля. Вскоре начинает падать хлопьями мокрый снег. Все говорит о том, что путешественники окончательно вступают в антарктические моря.

Исследовать остров Кларенс¹ и Южные Оркнейские острова невозможно; все время уходит на маневрирование, чтобы избежать столкновения с ледяными глыбами.

Двадцатого января в полдень корабли находятся на 62°3' южной широты и 49°56' западной долготы. Недалеко оттуда к востоку Поуэлл встретил сплошные «ледяные поля». Вскоре показывается огромный айсберг длиной в два километра, высотой в шестьдесят шесть метров, почти вертикально выступающий из воды; при определенном освещении его легко можно было принять за землю. Бесчисленные киты и пингвины плавают вокруг кораблей, над которыми все время кружат белые буревестники². 21-го наблюдения показывают 62°53' южной широты, и Дюрвиль рассчитывает в ближайшее время достигнуть 65-й параллели, как вдруг в три часа ночи ему сообщают, что путь прегражден сплошным льдом, сквозь который пробиться, по-видимому, невозможно. Немедленно меняют галс и идут курсом на восток, подвигаясь очень медленно, так как ветер стих.

«Поэтому, — говорится в отчете, — у нас было достаточно времени, чтобы в полной мере насладиться чудесным зрелищем, представшим пред нашими глазами. Суровое и непередаваемо грандиозное, превосходящее всякую фантазию, оно невольно наполняло сердце каким-то чувством страха; нигде человек так живо не ощущает сознания своего бессилия... Это какой-то новый мир, раскрывающийся перед его взором, но мир неподвижный,

¹ Остров Кларенс имеет и русское название, данное мореплавателями Первой российской антарктической экспедиции 1819—1821 годов: остров Шишкова.

² Речь идет о гигантском, обыкновенном или странствующем альбатросе (*Diomedea exulans*), обитающем в южных полярных морях и отличающемся чисто белым оперением, за исключением черных маховых перьев. Семейство альбатросовых входит в отряд буревестникообразных.

мрачный и молчаливый, в котором все угрожает уничтожением его власти. Здесь, если бы человек, на свое несчастье, оказался в одиночестве, предоставленный самому себе, никакая помощь, никакое утешение, никакой проблеск надежды не смогли бы облегчить ему последние минуты. При этой мысли невольно вспоминается знаменитая надпись на вратах Дантова ада:

“Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate”¹».

Тогда Дюрвиль приступает к очень интересной работе, которая при сопоставлении с другими исследованиями такого же рода могла бы оказаться крайне полезной. Он отдает приказ произвести точную съемку границ сплошных льдов. Если бы все мореплаватели один за другим проделали то же самое, мы имели бы ценные сведения о скорости и направлении движения южных льдов, о чем до сих пор еще так мало известно.

22-го, обогнув один из выступов, Дюрвиль убеждается, что сплошной лед тянется на юго-юго-запад, затем на запад. В этих местах мореплаватели видят какую-то высокую, бугристую землю. Дюмулен приступает к съемке, Дюрвиль полагает, что перед ними Новая Южная Гренландия Моррелла², как вдруг земля начинает менять свои очертания и таять на горизонте.

24-го оба корвета проходят полосу плавучих льдов и достигают открытой воды, где лед растаял. Но вскоре проход сужается, льдины становятся многочисленнее, и приходится сделать поворот, чтобы не оказаться затертыми.

¹ «Оставьте всякую надежду, вы, входящие сюда» (*ит.*) — цитата из «Божественной комедии» Данте Алигьери («Ад»).

² Моррелл Бенджамин (1795—1839) — американский капитан и исследователь. Первое плавание совершил в 16 лет. Во время англо-американской войны 1812—1814 годах не раз попадал в плен. В 1820-е годы совершил серию плаваний в Южные моря: в 1822—1824 годах на корабле «Уосп», в 1824—1826 годах — на «Тартаре», в 1828—1829 и 1829—1831 годах на «Антарктик». Большой успех имела его книга, выпущенная в 1832 году и рассказывавшая об этих путешествиях («A Narrative of Four Voyages to the South Sea»). Первым из американцев пересек Южный полярный круг. Плавал преимущественно на малотоннажных судах. Самое большое — «Антарктик» — имело только 175 т водоизмещения. Претендовал на множество открытий, однако часть из них только повторяла достижения ранних исследователей. Другие были просто выдуманы. Тем не менее в книге Моррелла немало описаний, соответствующих реальности. Позднее Моррелл оставил исследовательские рейсы и занялся пиратством у восточных берегов Африки, но его корабль потерпел крушение у побережья Мадагаскара, а сам он заболел лихорадкой и умер в Мозамбике.

Однако все указывает на то, что кромка сплошного льда начала разрушаться; от айсбергов с ужасающим грохотом отрываются глыбы, лед тает, и по нему текут небольшие струйки воды; море очищается от льда; значит, время еще не упущено, и Феннинг¹ прав, утверждая, что в эти широты не следует забираться раньше февраля.

Тогда Дюрвиль решает взять курс на север и попытаться достичь Южных Оркнейских островов, карта которых была далеко не полной и не точной. Командир хотел заняться съемкой этого архипелага и провести там несколько дней, прежде чем снова повернуть на юг, чтобы очутиться в приполярных широтах в то же время года, что и Уэдделл.

В течение трех дней Дюрвиль шел вдоль северных берегов архипелага, не имея возможности к ним пристать; затем до 4 февраля он снова двигался на юг и на 62°20' южной широты и 39°28' восточной долготы опять очутился у границы сплошных льдов.

За несколько минут до полудня было обнаружено что-то вроде прохода, и оба корабля наудачу устремились в него. Этот смелый маневр оказался успешным, и, несмотря на сильный снегопад, они смогли добраться до своеобразного маленького водоема, шириной едва в две мили, окруженного со всех сторон высокой стеной льда.

Пришлось пришвартоваться к льдине. Когда был отдан приказ подготовиться к отдаче якоря, один юный матрос с «Зеле» наивно воскликнул:

«Разве здесь поблизости есть какая-нибудь гавань? Я не думал, что во льдах живут люди!»

Впрочем, в этот момент на борту обоих кораблей все были в восторженном и веселом настроении. Молодые офицеры с «Зеле» явились на «Астролябию», чтобы осушить чашу пунша с товарищами. Лежа на койке, командир слышал, как они шумно

¹ Феннинг Эдмунд (1769–1841) – американский капитан, исследователь и торговец. В США получил прозвище «Тихоокеанский первопроходец», потому что первым из американских моряков открыл многие торговые маршруты. На море с 1783 года. Через 10 лет стал капитаном брига и сделал состояние на торговле с Китаем. Бил тюленей и завозил их шкуры в Китай, а обратно вез в Штаты шелка, специи, чай, которые выгодно сбывал на родине. Организовал свыше 70 подобного рода экспедиций. Открыл три острова, названные его именем: острова Феннинга. В 1833 году опубликовал книгу интереснейших мемуаров – «Путешествия вокруг света» («Voyages Around the World»).

выражали свое удовольствие. Но ему создавшееся положение не представлялось особенно радостным. Он считал свой поступок очень неблагоприятным. Запертые в тупике, они могли выйти из него только тем же путем, каким воспользовались для входа, а сделать это удастся лишь в том случае, если ветер будет дуть с кормы.

Действительно, в одиннадцать часов Дюрвиля разбудили сильные удары и какие-то скрежещущие звуки, словно корвет задел за подводные скалы. Командир поднялся на палубу и увидел, что «Астролябия», увлекаемая течением, очутилась среди льдин и подвергалась ударам со стороны тех ледяных глыб, которые двигались быстрее, чем она.

Когда наступил день, моряки обнаружили, что они окружены льдами. Лишь к северу небольшая темно-синяя полоска указывала свободное море. Командир приказал двигаться в этом направлении, но густой туман немедленно окутал оба корвета. Как только туман рассеялся, перед ними оказался сплошной ледяной барьер, за которым до самого горизонта простиралось совершенно чистое море.

Дюрвиль тотчас же решил пробить себе путь; он отдал необходимые распоряжения, и «Астролябия» со всей скоростью, на какую была способна, устремилась на препятствие. Корвет пробился сквозь лед на две-три длины своего корпуса, затем остановился. Тогда матросы спустились на льдины; вооруженные кайлами, ломами, пешнями¹ и пилами, они весело принялись прокладывать себе дорогу.

Они уже почти пробили эту часть ледяного поля, когда ветер переменился, почувствовалось волнение открытого моря, и, по совету всех офицеров, «Астролябию» пришлось снова провести на старое место среди льдов, так как можно было опасаться, что при усилении ветра ее прижмет к ледяной кромке и разобьет волнами и плавучими льдинами.

Оба корвета прошли двенадцать—пятнадцать миль, что не принесло им никакой пользы, как вдруг взобравшийся на ванты офицер заметил на восток-северо-востоке разводье. Корабли немедленно двинулись в ту сторону; но и на этот раз пробиться ока-

¹ Пешня — разновидность лома. В морском деле применяется для пробивания прорубей и скальвания льда. В морском зверобойном промысле используется для прикалывания подраненного зверя (тюленей, моржей, белух).

залось невозможным и с наступлением ночи пришлось пристать к большой льдине. Ужасный треск, не дававший прошлой ночью спать командиру, возобновился с такой силой, что, казалось, корвет не продержится до утра.

После совещания с капитаном «Зеле» Дюрвиль все же взял курс на север; но прошел еще один день, не внося никакого изменения в положение кораблей; назавтра повалил густой мокрый снег и волнение так усилилось, что ледяные поля, в которых были затерты суда, пришли в движение.

Требовалось внимательней, чем когда-либо, следить за льдинами, так как разыгравшиеся волны швыряли их на большое расстояние; вокруг руля устроили что-то вроде деревянной клетки, чтобы предохранить его от ударов льдин.

Если не считать нескольких случаев воспаления глаз, вызванных ослепительным блеском снега, состояние здоровья команды оставалось удовлетворительным, и это приносило немалое облегчение командиру, который должен был постоянно находиться на чеку. Лишь 9 февраля оба корвета с помощью сильного ветра смогли освободиться из ледового плена и очутились наконец в совершенно чистом море. Они прошли вдоль края антарктических льдов двести двадцать пять миль.

По счастливой случайности оба корабля не получили никаких повреждений, если не считать мелких поломок рангоута и потери значительной части медной обшивки; впрочем, воды в их трюмах от этого не прибавилось.

На следующий день проглянуло солнце и дало возможность произвести наблюдения, которые показали $62^{\circ}9'$ южной широты и $39^{\circ}22'$ западной долготы.

В течение трех следующих дней снегопад не прекращался, было холодно и дул сильный ветер. Стойкая непогода, а также увеличившаяся продолжительность ночей заставили Дюрвиля отказаться от новых попыток проникнуть дальше на юг. Поэтому, как только он очутился на 62° южной широты и $33^{\circ}11'$ западной долготы, в том месте, где Уэдделл в 1823 году мог свободно двигаться, а он встретил лишь непроходимые льды, оба корвета взяли курс на Южные Оркнейские острова.

К тому же целый месяц, проведенный среди льдов и туманов Антарктического океана, отразился на здоровье команды, а дальнейшее продолжение плавания не принесло бы никакой пользы науке.

Двадцатого февраля мореплаватели увидели архипелаг; и на этот раз льды вынудили Дюрвиля двигаться вдоль его северных берегов; но ему удалось послать на остров Уэдделл две шлюпки, которые привезли богатую геологическую коллекцию, несколько образцов лишайников, штук двадцать пингвинов и белых ржанок¹.

Двадцать пятого февраля был замечен остров Кларенс, самый восточный в Южном Шетландском архипелаге, очень высокий, с отвесными берегами, повсюду, за исключением узкой полосы вдоль моря, покрытый снегом; затем направились к острову Элефант², во всех отношениях похожему на первый, но усеянному остроконечными горами, выделявшимися черными пирамидами над снежными и ледяными равнинами. Один за другим были пройдены покрытые снегом островки, на которых не видно было ни одного уголка, где мог бы обосноваться человек. Далее корабли миновали небольшой вулканический остров Бриджмен; две шлюпки с естествоиспытателями тщетно пытались пристать к нему.

«Почва здесь, — говорится в отчете, — обычно красноватая, напоминающая своим цветом обожженный кирпич, местами виднелись серые пятна, по всей вероятности говорившие о наличии пемзы или затвердевшего пепла. На побережье здесь и там были раскиданы большие черноватые глыбы лавы. Впрочем, настоящего кратера на этом островке нет, но вдоль западного края, большей частью у самого его основания, из земли выделяются густые клубы дыма; на северном берегу острова видны еще две фумаролы на высоте десяти—двенадцати метров над уровнем моря. Их совершенно незаметно ни на восточном, ни на южном берегах, ни на вершине, имеющей однообразную округлую форму. По-видимому, весь остров недавно претерпел какие-то серьезные изменения; об этом свидетельствовало то обстоятельство, что в настоящее время он совершенно не походил на описание, сделанное Поуэллом в 1822 году».

¹ Белые ржанки — семейство птиц из отряда ржанкообразных. Включает в себя единственный вид — *Chionis alba*. Снежно-белые птицы, по внешнему виду несколько похожие на короткокрылых чаек или голубей. Клюв имеют короткий, слегка вздутый. Вес достигает 600 г. Ловят на побережье различных беспозвоночных, едят водоросли, таскают яйца и птенцов других птиц, поедают падаль. Гнездятся парами. Плавают редко и неохотно.

² Русские мореплаватели назвали этот остров именем Мордвинова

Вскоре Дюрвиль снова взял курс на юг и 27 февраля заметил на юго-востоке длинную полосу земли, пристать к которой ему помешали туман и густой мелкий снег. В это время мореплаватели находились на параллели острова Хоп и на $62^{\circ}57'$ западной долготы. Они подошли к увиденной земле очень близко и произвели съемку сначала низменного острова, который назвали Землей Жуэнвиля¹, а затем несколько дальше на юго-запад — большого гористого острова, которому дали название Земли Луи-Филиппа² (северо-восточный выступ Земли Грейама); между ними среди своего рода пролива, забитого льдами, находился еще один остров, получивший название Розамель.

«В это время, — рассказывает Дюрвиль, — горизонт проясняется, и мы можем рассмотреть рельеф Земли Луи-Филиппа. Теперь она тянется перед нашими глазами от горы Брансфилд на севере (72° западной долготы) по направлению к юго-юго-западу, где теряется за горизонтом. От горы Брансфилд до южного края эта земля представляет собой довольно однообразное высокое плато, покрытое огромным ледником без заметных неровностей. Но на юге местность повышается и образует красивую остроконечную вершину (гора Жакино), на вид кажущуюся не ниже, а может быть и выше Брансфилда; дальше тянется цепь гор, заканчивающаяся на юго-западе самой высокой вершиной. Впрочем, оптический эффект снега и льда, а также отсутствие каких-либо ориентиров для сравнения способствуют значительному преувеличению этих пиков. На самом деле, измерения, сделанные Дюмуленом, установили, что все горы, казавшиеся нам тогда гигантскими и сравнимыми по меньшей мере с Альпами и Пиренеями, на самом деле имели очень небольшую высоту. Так, гора Брансфилд была высотой в 632 метра, гора Жакино — 648 метров и, наконец, последняя, самая высокая гора Дюрвиль — 931 метр. За исключением островков, лежавших перед обширной землей, и нескольких отдельных точек, не покрытых снегом, вся остальная поверхность представляет собой сплошной лед. При таких условиях можно установить истинную конфигурацию не самой земли, а лишь покрывающей ее ледяной коры».

Первого марта измерение глубины показало всего 180 сажень. Дно каменистое, местами крупнопесчаное. Температура воды у

¹ Эта земля теперь называется островом Жуэнвиль.

² Точнее: Берег Луи-Филиппа.

поверхности $1,9^{\circ}$, на глубине $0,2^{\circ}$. 2 марта в открытом море у Земли Луи-Филиппа был замечен остров, получивший название Астролаб (Астролябия). Назавтра между Землей Луи-Филиппа и высокой скалистой цепью, которая, по мнению Дюрвиля, является началом архипелага Тринити, ранее лишь очень неточно нанесенного на карту, был обнаружен большой залив или, скорее, пролив, названный Орлеанским¹.

Итак, с 26 февраля до 5 марта Дюрвиль находился в виду берега, шел вдоль него на близком расстоянии, но из-за непрекращавшихся туманов и дождей не мог двигаться по своему желанию. Однако все свидетельствовало о бесспорном потеплении; в полдень температура повышалась до 5° выше нуля; повсюду по льду текли струйки воды, крупные глыбы льда отрывались и с ужасающим грохотом падали в море; наконец, все время дул сильный западный ветер.

Именно из-за ветра Дюрвиль не смог продолжать свои исследования. Море было очень бурным, часто шли дожди, туман не рассеивался. Мореплавателям пришлось уйти от этого опасного берега и направиться к северу; начиная со следующего дня, они приступили к съемке самых западных из Южных Шетландских островов.

После того Дюрвиль взял курс к бухте Концепсьон. Переход был очень тяжелым, так как, несмотря на все принятые меры предосторожности, экипаж обоих корветов, и в особенности «Зеле», неизменно страдал от цинги. Во время этого плавания Дюрвиль произвел измерения высоты волн; они послужили ответом на упреки в баснословном преувеличении, которые делались ему после того, как он сообщил о виденных им на банке Агульяс стофутовых волнах.

Для того чтобы не могли усомниться в правдивости результатов новых наблюдений, Дюрвиль с помощью своих офицеров измерил волны, высота которых по вертикали равнялась одиннадцати с половиной метрам и которые имели от гребня до подошвы не менее шестидесяти метров², что дает общую длину от-

¹ Впоследствии за этим проливом утвердилось название проход Орлеан.

² Эти измерения ошибочны. По данным многолетних судовых наблюдений, высота ветровой волны открытого океана не превышает 20–25 м. Так, в «Океанографической энциклопедии» (Л., 1974; пер. с английского) наибольшая инструментально зафиксированная высота волны равна 18 м (на корабле погоды в точке с координатами 61° с. ш. и $15^{\circ}20'$ з. д.). В Тихом океане, по визуальным

дельной волны в сто двадцать метров. Эти измерения опровергли иронические замечания Араго, который, сидя у себя в кабинете, не допускал мысли, чтобы волна могла подняться выше пяти-шести метров. Не приходится ни минуты сомневаться в правильности измерений, произведенных мореплавателями на месте, хотя бы их результаты противоречили мнению знаменитого, но небеспристрастного физика.

Седьмого апреля 1838 года оба корвета бросили якорь в бухте Талькауано. Здесь моряков ждал отдых, в котором особенно нуждались сорок больных цингой с «Зеле». Оттуда Дюрвиль направился в Вальпараисо; затем он пересек всю Океанию и 1 января 1839 года бросил якорь у Гуама; после этого он побывал в Малайском архипелаге, в октябре прибыл в Батавию, затем достиг Тасмании, а отсюда 1 января 1840 года вышел в новую экспедицию в Антарктику.

В то время Дюрвиль не знал ни о путешествии Баллени, ни об открытии Берега Сабрина. В его намерения входило только совершить рейс к югу от Тасмании, чтобы установить, на какой широте встретятся льды. Пространство между 120° и 160° восточной долготы не было еще исследовано, думал он. Здесь можно рассчитывать сделать какие-нибудь открытия.

Сначала плавание протекало при самых неблагоприятных условиях. Волнение было очень сильное, течения шли на восток, состояние здоровья команды оставляло желать много лучшего, а между тем уже на 58-й параллели все предвещало близость сплошного льда.

Вскоре стало очень холодно; ветер дул теперь с запад-северо-запада, и море утихло — почти верный признак близости или земли, или сплошного льда. Дюрвиль склонялся скорее к первому из этих предположений, так как встречавшиеся ледяные поля были очень большие и вряд ли могли образоваться в открытом море. 18 января корабли достигли 64-й параллели, и вскоре стали попадаться громадные остроконечные айсберги, высота которых составляла от тридцати до сорока метров, а длина превышала тысячу метров.

определением, наибольшая высота волны во время отдельных очень сильных штормов достигает 15–21 м («Тихий океан. Гидрология Тихого океана». М., 1968, с. 392). В Атлантическом океане максимальная высота волны в холодное время года определена в районе $40-60^{\circ}$ с. ш. и $0-30^{\circ}$ з. д. — 25 м («Атлантический океан». Л., 1984, с. 83).

На следующий день, 19 января 1840 года, мореплаватели увидели землю, получившую название Земли Адели. Солнце было жгучее, и казалось, что повсюду льдины разрушаются: многочисленные ручьи появлялись на их вершинах и стекали водопадами в море. Земля имела однообразный вид; покрытая снегом, она тянулась с востока на запад, полого понижаясь к морю. 21-го ветер позволил обоим кораблям приблизиться к земле. Тогда сразу же стали видны глубокие ложбины, которые были прорыты образовавшимися от таяния снегов потоками.

По мере дальнейшего продвижения плавание становилось все более опасным. Айсбергов было столько, что между ними едва оставался проход достаточной ширины, чтобы корветы могли маневрировать.

«Их отвесные стены были намного выше нашего рангоута, — рассказывает Дюрвиль, — они возвышались над кораблями, казавшимися до смешного маленькими по сравнению с этими громадинами. Зрелище, открывавшееся перед нашим взором, производило одновременно грандиозное и устрашающее впечатление. Можно было подумать, что мы находимся на узких улицах какого-то города великанов».

Вскоре корветы вошли в обширный водоем, образованный берегом и айсбергами, которые они только что обогнули. Земля простиралась, насколько хватало взора, на юго-восток и северо-запад. Она возвышалась примерно на тысячу—тысячу двести метров, но нигде не видно было резко выступающих вершин. Наконец среди огромной снежной равнины показалось несколько скал. Оба капитана немедленно снарядили шляпки, дав задание собрать вещественные доказательства сделанного открытия. Вот что рассказывает один из офицеров, по фамилии Дюбузе, принимавший участие в этой исторической высадке:

«Было около девяти часов, когда, к великой нашей радости, мы сошли на землю в западной части самого западного и самого высокого островка. Шляпка с “Астролябии” подошла раньше нас; прибывшие в ней люди уже карабкались по крутым склонам утесов. Они согнали с места пингвинов, весьма изумившихся тому, что их так грубо лишили владения островом, где они до сих пор были единственными обитателями... Я немедленно отправил одного из матросов водрузить трехцветный флаг на этой земле, которой не видел и на которую не ступал до нас ни один человек... Животное царство представлено здесь одними только пин-

гвинами. Несмотря на все наши поиски, мы не обнаружили ни одной ракушки. Утесы были совершенно голые, и мы не заметили на них даже следов лишайников. Пришлось удовлетвориться царством минералов. Каждый из нас вооружился молотком и принялся отбивать образцы от скал. Но они оказались гранитными и такими твердыми, что нам удалось отбить лишь мелкие куски. К счастью, обходя центральную высокую часть острова, матросы обнаружили крупные обломки горных пород, отторгнутые морозами, и погрузили их в шлюпки. Рассмотрев внимательно эти обломки, я обнаружил их полное сходство с мелкими кусками гнейса¹, которые мы нашли в желудке убитого накануне пингуина. Островок, где мы высадились, входил в состав группы из восьми или десяти маленьких островов, имевших закругленные вершины и очень похожих друг на друга по своей форме. Эти острова лежат на расстоянии 500—600 метров от ближайшего берега. На нем мы видели много совершенно голых вершин и мыс, основание которого также не было покрыто снегом... Все эти островки, расположенные очень близко один от другого, составляли, по видимому, непрерывную цепь, тянувшуюся с востока на запад параллельно берегу».

Двадцать второго и двадцать третьего января продолжалось изучение побережья: но к концу второго дня ледяное поле, представлявшее собой береговой припай, заставило корабли повернуть на север; в это время неожиданно налетел ужасающий снежный шквал, чуть не погубивший их. Корвет «Зеле» потерял часть парусов, но назавтра он снова был рядом со своим спутником.

Пока все это происходило, Земля Адели не исчезала из виду. Однако из-за исключительно упорных восточных ветров Дюрвиль вынужден был 29 января отказаться от дальнейшего ее исследования. Как раз в этот день был замечен один из кораблей лейтенанта Уилкса. Дюрвиль сетует, что последний в своем донесении несправедливо обвинил его в недоброжелательстве, и уверяет, что его маневры, имевшие своей целью вступить в сношения с американцами, были неправильно ими истолкованы.

¹ Гнейс — кристаллическая метаморфическая горная порода, состоящая главным образом из полевого шпата и кварца. По твердости приближается к граниту. Цвет обычно от темно-серого до светло-серого или светло-розовый. Образование гнейсов происходило путем перекристаллизации изверженных или осадочных пород в условиях высоких температур и давлений.

«Прошли те времена, — пишет он, — когда мореплаватели, движимые коммерческими интересами, считали себя обязанными тщательно скрывать свой путь и свои открытия, чтобы избежать конкуренции других государств. Напротив, я был бы счастлив сообщить соперникам о результатах наших открытий в надежде, что эти сведения могли бы оказаться им полезными и послужить к расширению круга географических познаний».

Тридцатого января с кораблей увидели огромную ледяную стену, по поводу которой мнения разошлись. Одни считали ее сплошным льдом, не связанным с какой-либо землей; другие — таково было мнение и Дюрвиля — думали, что этот высокий барьер лежит на твердом основании в виде земли, либо скал, либо даже возвышенных участков морского дна вокруг простирающейся на большое расстояние суши. Этому барьеру, расположенному на 128-м меридиане, дали название Земля Кларк¹.

Офицеры собрали здесь материалы, достаточные для того, чтобы определить местонахождение Южного магнитного полюса, но, как впоследствии выяснилось, их результаты не совпали с результатами работ Дюперре, Уилкса и Джеймса Росса.

Семнадцатого февраля оба корвета еще раз бросили якорь у Хобарта в Тасмании.

Двадцать пятого они снова вышли в море, направились к Новой Зеландии, где закончили гидрографическую съемку, начатую «Уранией», затем достигли Новой Гвинеи; там они установили, что архипелаг Луизиада не отделен глубоководным проливом от Новой Гвинеи, исследовали самым тщательным образом — среди течений и коралловых рифов, и ценой довольно серьезных повреждений кораблей — Торресов пролив, прибыли на Тимор, а затем после захода на острова Реюньон и Святой Елены вернулись в Тулон.

Получив сообщение об экспедиции для открытия новых земель, организованной на такую широкую ногу Соединенными Штатами, английское правительство взволновалось и под давлением ученых обществ решило послать экспедицию в те районы, куда после Кука рисковали забираться только капитаны Уэдделл и Биско.

Капитан Джеймс Кларк Росс, назначенный начальником, был племянником знаменитого Джона Росса, исследователя

¹ Ныне: Берег Кларк на Земле Уилкса.

Баффинова залива. Джеймс Росс родился в 1800 году и плавал с двенадцатилетнего возраста. В 1818 году он сопровождал своего дядю в его первом путешествии в арктические края; с 1819 по 1827 год он участвовал под начальством Парри в четырех экспедициях в те же районы, а с 1829 по 1838 год был верным спутником своего дяди. Руководя научными наблюдениями, он открыл Северный магнитный полюс; наконец, ему приходилось совершать длинные путешествия по льду пешком и на санях. Он принадлежал, следовательно, к числу офицеров английского флота, имевших наибольший опыт в полярных плаваниях.

Ему были доверены два корабля, «Эребус» и «Террор», его помощником назначили образцового моряка, капитана Фрэнсиса Роудона Крозье, спутника Парри в 1824 году и Джеймса Росса в 1835 году во время плавания в Баффинов залив, того самого Крозье, который должен был сопровождать на «Терроре» Франклина при поисках Северо-Западного прохода. Трудно было найти более отважного и более опытного моряка.

Инструкции, данные Адмиралтейством Джеймсу Россу, существенно отличались от тех, какие были получены Уилксом и Дюмон-Дюрвилем. Для них исследования полярных районов были лишь одной из задач их кругосветного плавания; напротив, для Джеймса Росса Антарктика составляла основную цель путешествия. Из трех лет, которые он должен был провести вдали от Европы, большую часть времени ему предстояло пробыть в антарктических районах, покидая льды лишь для починки повреждений и замены уставших или больных членов команды.

Соответственно были выбраны и корабли; более прочные, чем корветы Дюрвиля, они успешнее могли выдерживать постоянные столкновения со льдами, а их закаленный экипаж был набран среди моряков, привыкших к полярным плаваниям.

«Эребус» и «Террор» под начальством Росса и Крозье 29 сентября 1839 года покинули берега Англии и побывали на острове Мадейра, на островах Зеленого Мыса, на острове Святой Елены, на мысе Доброй Надежды, где были сделаны многочисленные магнитные наблюдения.

Двенадцатого апреля Росс достиг острова Кергелен и немедленно выгрузил на берег свои приборы. Научная жатва была обильной: в лаве, из которой состоит этот остров, нашли окаменелые деревья, обнаружили богатые залежи угля, пригодные для разработки. На 29-е были назначены одновременные наблюдения

МАРШРУТ
ЭКСПЕДИЦИИ
Джеймса Кларка Росса

в различных точках земного шара. По счастливой случайности, в этот день произошла одна из тех магнитных бурь, какие уже раньше отмечались в Европе. Инструменты отметили на Кергелене те же явления, какие наблюдались в Торонто, в Канаде, что доказывает огромные масштабы магнитных возмущений и невероятную скорость их распространения.

По прибытии в Хобарт Росс встретился с губернатором, старым своим другом Джоном Франклином, и узнал от него об открытии французами Земли Адели и Земли Клари, а также об одновременном исследовании этих берегов американской экспедицией Уилкса. Последний даже оставил Франклину эскиз произведенной им съемки побережья.

Однако Росс решил идти в антарктические районы вдоль 170-го восточного меридиана, ибо в этом направлении Баллени в 1839 году обнаружил свободное от льда море вплоть до 69-й параллели. Итак, Росс направился к Оклендским островам, затем к островам Кэмпбелл; после того как ему пришлось, подобно своим предшественникам, долгое время лавировать в усеянном плавучими льдами море, он за 63-й параллелью достиг кромки ледяного поля и 1 января 1841 года пересек Полярный круг.

Здесь айсберги совершенно не походили на льды Арктики, как в этом легко мог убедиться Джеймс Росс. Они представляют собой огромные глыбы с отвесными ровными боками. Что касается ледяных полей, не таких гладких, как на севере, то они двигаются совершенно беспорядочно, и отдельные их участки, десятки раз откалывавшиеся и снова примерзавшие, по образному выражению Уилкса, на вспаханную землю.

Граница антарктических льдов не показалась Джеймсу Россу «такой страшной, какой ее описывали французы и американцы». Все же сначала он не пытался преодолеть ее, так как шторм заставил корабли держаться открытого моря. Только 5 января, находясь на 66°45' южной широты и 174°16' западной долготы, он смог начать штурм преграды. На этот раз условия были исключительно благоприятные, так как ветер с моря, проносясь над ледяными полями, способствовал их смещению. Благодаря мощи своих кораблей Росс сумел пробить себе проход. Впрочем, по мере того как он подвигался к югу, туман становился все гуще, а частые снегопады еще более усиливали опасность плавания. Но было одно обстоятельство, заставлявшее исследователя продолжать свои попытки: он видел на небе отражение чистой воды, признак довольно на-

дежный, и 9 января, пройдя свыше двухсот миль среди ледяных полей, он окончательно вышел в свободное море.

Одиннадцатого января в ста милях по курсу, на $70^{\circ}47'$ южной широты и $172^{\circ}36'$ западной долготы, заметили землю. Никогда еще никто не видел суши так далеко на юге. То были горные пики высотой от девяти до двенадцати тысяч футов — если эти цифры не преувеличены, что можно предположить на основании замечаний Дюрвиля о Земле Грейама, — пики, сплошь покрытые снегом, со сползавшими с них в море ледниками. Тут и там среди снега выступали черные скалы, но вдоль берега тянулись такие нагромождения льда, что пристать было невозможно. Эту необычайную цепь чудовищных пиков назвали хребтом Адмиралтейства (Адмиралти), а самую землю — Землей Виктории.

На юго-востоке показалось несколько маленьких островов; корабли направились в ту сторону, и 12 января оба капитана в сопровождении нескольких офицеров высадились на одном из этих вулканических островков и вступили во владение ими от имени Англии. Ни малейшего следа растительности на островке они не обнаружили.

Вскоре мореплаватели заметили, что восточный берег большой земли отклонялся к югу, между тем как северный тянулся на северо-запад. Росс двигался вдоль восточного берега, стараясь проникнуть с юга за магнитный полюс, который, по его расчетам, находился у 76-й параллели, чтобы затем обойти с запада и завершить плавание вокруг этой земли, принятой им за большой остров. Цепь гор тянулась вдоль берега. Самые крупные вершины Росс назвал именами Хершела¹, Уайвилла², Уитсона³, Мёрчисона⁴

¹ Гора Хершел является высшей точкой хребта Адмиралти и поднимается — по современным измерениям — на 3335 м над уровнем моря. Названа в честь знаменитого астронома Уильяма Хершела (Гершеля, 1732–1822), немца по происхождению, но с ранних лет поселившегося в Великобритании. В 1783 году ученый начал конструировать оптические приборы и вести астрономические наблюдения. Открыл планету Уран (1781) вместе с двумя спутниками, 2 спутника Сатурна, вращение Марса, инфракрасное солнечное излучение, смещение Солнечной системы во Вселенной и сделал много других открытий. Был первым президентом Британского Астрономического общества.

² Уайвилл Кристофер (1792–1863) — английский военный моряк, контр-адмирал.

³ Уитстон Чарлз (1802–1875) — английский ученый и изобретатель, в частности много и успешно работал в области телеграфии, в том числе — подводного телеграфа.

и Мельбурна,¹ но так как ледяной припай все больше расширялся, он перестал видеть подробный рельеф берега. 23 января была пройдена 74-я параллель; так далеко на юг еще никто не проникал.

Здесь туманы, шквалы с юга и сильные метели на некоторое время задержали корабли. Однако они продолжали идти вдоль берега. 27 января английские моряки высадились на маленький вулканический остров, расположенный на 76°12' восточной долготы; они дали ему название острова Франклин.

На следующий день они увидели огромную гору, ровными склонами поднимавшуюся посреди обширной земли до высоты двенадцати тысяч футов². Вершина правильной формы, вся покрытая снегом, в течение нескольких часов была окутана густым дымом, столб которого в виде опрокинутого конуса имел в поперечнике не меньше трехсот футов внизу и вдвое больше в своей самой верхней части. Когда дым стал рассеиваться, взорам открылся обнаженный кратер, освещенный ярко-красным пламенем; оно было видно даже в полдень. Снег доходил до самого кратера, но никаких потоков лавы исследователи нигде не заметили.

Если вулкан всегда представляет собой грандиозное зрелище, то вид гиганта, превосходящего Этну и пик Тейде на Teneriffe, его колоссальная активность, само его местоположение среди по-

¹ Мёрчисон, точнее — Родерик Импей, баронет Мёрчисон (1792—1871) — выдающийся английский геолог. В юности был на военной службе. Выйдя в отставку, некоторое время путешествовал. С 1822 года начинает усиленные занятия геологией. В геологических целях путешествует по Германии, России, Скандинавии, Финляндии, Польше, Франции, Шотландии, Бельгии. В 1838 году публикует классическое геологическое сочинение о силурийской системе. В 1845 году в соавторстве с Вернейлем и А. Кейзерлингом заканчивает «Геологию России и Уральских гор» («The Geology of Russia and the Ural Mountains»). В 1843 году избирается президентом Лондонского Королевского географического общества, с 1855 года руководит геологической службой Великобритании. В числе прочих наград был отмечен и русскими орденами. Гора Мёрчисон (3502 м) находится значительно южнее хребта Адмиралти в его современных границах.

¹ Мельбурн (правильнее — Мельборн; настоящее имя и фамилия Уильям Ламб, виконт Мельборн; 1779—1848) — британский государственный деятель, в 1835—1841 годах был премьер-министром Великобритании. В 1837—1841 годах был советником юной королевы Виктории. В его честь в 1837 году назван город в Южной Австралии. Гора Мелборн (2733 м) находится значительно южнее хребта Адмиралти в его современных границах.

² По современным измерениям, высота вулкана Эребус составляет 3794 м.

лярных льдов не могли не произвести сильного впечатления на путешественников.

Этот вулкан получил название Эребус, а другой угасший кратер, к востоку от первого, был назван по второму кораблю — Террор¹.

Оба корабля продолжали идти вдоль земли к югу, пока им не преградил путь ледяной барьер, вершины которого превышали на сто пятьдесят футов судовые мачты. За ним по-прежнему видна была цепь гор (горы Парри), тянувшаяся, насколько хватало взора, к юго-юго-востоку. Росс двигался вдоль барьера к востоку до 2 февраля, когда достиг $78^{\circ}4'$ — самой южной широты за это плавание. Больше трехсот миль прошел он вдоль открытой им земли и покинул ее на $168^{\circ}37'$ западной долготы.

По всей вероятности, оба корабля, если бы им не пришли на помощь сильные ветры, не вырвались бы из страшных ледяных полей, сквозь которые ценой неслыханных усилий, на каждом шагу подвергаясь опасности погибнуть, им в конце концов удалось проложить себе путь.

Пятнадцатого февраля, находясь на 76-й параллели, Росс предпринял новую попытку достигнуть магнитного полюса. Но земля преградила путь кораблям на $76^{\circ}12'$ южной широты и 164° восточной долготы, в шестидесяти пяти лье от предполагаемого местоположения полюса, достигнуть которого по суше Росс не решился из-за угрожающего состояния моря и пустынного вида расстилавшейся перед ним страны.

После съемки островов, открытых в 1839 году Баллени, английские мореплаватели 6 марта очутились в центре гор, о которых сообщал лейтенант Уилкс.

«Однако здесь не только не было обнаружено гор, — говорится в отчете, — но на глубине шестисот саженей мы не смогли нащупать дно. Прокрейсировав во всех направлениях вокруг этого воображаемого центра и обследовав при совершенно ясной погоде, позволявшей видеть на большом расстоянии, район поперечником около восьмидесяти миль, мы должны были прийти к выводу, что, во всяком случае, *в этом месте никакого обнаруженного будто бы антарктического материка с непрерывно тянувшимся миль на двести берегом на самом деле не существует.* Лейтенант Уилкс был,

¹ По современным измерениям, вершина Террор поднимается на 3262 м над уровнем океана.

без сомнения, введен в заблуждение тучами, огромными стенами тумана, которые в этих краях легко могут обмануть неопытный взгляд».

Экспедиция вернулась в Тасманию, не имея на борту ни одного больного, не испытав ни малейшей аварии. Она отдохнула здесь, выверила приборы и вышла во второе плавание. Первые остановки были сделаны в Сиднее, в Бей-оф-Айлендс на Новой Зеландии, на острове Чатем, где Росс произвел магнитные наблюдения.

Восемнадцатого декабря на $62^{\circ}40'$ южной широты и 146° восточной долготы путь преградило ледяное поле. Это было на триста миль севернее, чем в прошлом году. Корабли пришли слишком рано. Росс все же попытался пробиться сквозь эту опасную зону. Он проник в нее на триста миль, но дальше продвинуться не смог, остановленный сплошной массой льда. Лишь 1 января 1842 года он пересек Полярный круг. 19-го оба корабля, в тот момент, когда они подходили к открытому морю, были захвачены ураганом неслыханной силы; «Эребус» и «Террор» потеряли рули, на них то и дело налетали плавающие льдины, и в течение двадцати шести часов корабли находились на краю гибели.

Экспедиция оставалась затертой во льдах сорок шесть дней. Наконец, 22 января Росс достиг огромного барьера из неподвижных льдов, который оказался значительно ниже, чем в районе горы Эребус, где высота его составляла не меньше двухсот футов. В том месте, где Росс встретил его в этом году, он имел высоту не больше ста семи футов. Барьер был обнаружен на сто пятьдесят миль восточнее, чем в прошлом году. Таков оказался единственный географический результат статридцатишестидневной тяжелой кампании, изобиловавшей гораздо большим количеством драматических моментов, чем первая.

Затем корабли направились к мысу Горн и оттуда в Рио-де-Жанейро, где они достали все необходимое. Пополнив запасы продовольствия, они снова пустились в путь и достигли Фолклендских островов, откуда 17 декабря 1842 года вышли в третью кампанию.

Первые льды были встречены в районе острова Кларенс, а 25 декабря путь преградили ледяные поля. Тогда Росс направился к Южным Шетландским островам, завершил изучение Земли Луи-Филиппа и Земли Жуэнвиль, открытых Дюрвилем, дал на-

звание горам Хаддингтон¹ и Пенни, установил, что Земля Луи-Филиппа является лишь большим островом, и побывал в проливе Брансфилд, отделяющем ее от Шетландских островов².

Таковы были замечательные результаты трех кампаний Джеймса Росса. Но существует ли в действительности Южный материк? Дюрвиль сомневается. Росс не верит в это. Решающее слово остается за теми исследователями, которые в будущем отправятся по следам отважных мореплавателей, о чьих путешествиях и открытиях мы только что рассказали³.

II

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Анжу и Врангель. — «Полынья». — Первая экспедиция Джона Росса. — Баффинов залив прегражден! — Открытия Эдуарда Парри во время его первого путешествия. — Исследование Гудзонова залива и открытие пролива Фьюри-энд-Хекла. — Третье путешествие Парри. — Четвертое путешествие. — На санях по льду среди океана. — Первое путешествие Франклина. — Невероятные мучения исследователей. — Вторая экспедиция. — Джон Росс. — Четыре зимовки во льдах. — Экспедиция Диза и Симпсона.

Мы уже говорили по разным поводам о больших географических работах, произведенных по инициативе Петра I. Одним из первых результатов было открытие Берингова пролива, отделяющего Азию от Америки⁴. Самым важным из последующих

¹ Хаддингтон — гора (1628 м) на острове Джеймса Росса, отделенном от Земли Грейама проливом Принс-Густав.

² Земля Жуэнвиль, как показали последующие исследования, тоже представляет собой остров.

³ Разумеется, у современного читателя подобных сомнений не возникает. Антарктида давно нанесена на все географические карты. Четыре десятилетия идет широкомасштабное изучение Ледовитого материка учеными разных стран. Остается напомнить, что Антарктида была открыта русскими моряками, а существенный вклад в ее изучение внесли советские исследователи, работавшие в различных районах континента. Славные традиции советских полярников на шестом материке продолжают российские научные станции.

⁴ Берингов пролив впервые был пройден сибирскими казаками под командованием Семена Дежнёва и Федора Попова в 1648 году. Однако отчет об этом походе затерялся в канцеляриях, и на картах петровских времен Азию, как правило, соединяли перешейком с Северной Америкой. Одной из задач Великой Северной экспедиции, учрежденной по инициативе Петра I, была проверка действительности утверждений картографов.

достижений следует признать открытие лет тридцать спустя в Северном Ледовитом океане Большого Ляховского, Малого Ляховского и остальных Новосибирских островов.

В 1770 году якутский купец Иван Ляхов увидел, как с севера по льду пришло стадо северных оленей. Он подумал, что эти животные могли явиться лишь из таких мест, где имеются достаточно богатые, способные их прокормить пастбища. Через месяц он пустился в путь на санях и, проехав пятьдесят миль, открыл между устьями Лены и Индигирки три больших острова¹, ставших известными во всем мире благодаря найденным там огромным залежам мамонтовой кости.

В 1809 году Матвею Геденштрому² было поручено составить карту этих островов. Он предпринял много попыток проехать на санях по замерзшему морю, но всякий раз вынужден был возвращаться из-за таяния льдов, которые не могли его вы-

¹ Это утверждение неверно. На самом деле Большой и Малый Ляховские острова открыты казаками Меркурием Вагиным и Яковом Пермяковым, которые перешли по льду с материка на Большой Ляховский остров, обошли его и видели Малый Ляховский остров. Еще раньше, в XVII веке, на островах бывали и якутские и русские промышленники, но имена их остались неизвестными. На острове Столбовом в 1690–1691 годах зимовал Максим Мухомлаев (потом этот остров был заново открыт в 1800 году промышленником Яковом Санниковым). У острова Новая Сибирь первым из русских, как считается, побывал сержант Степан Андреев, подъехавший к острову на собаках (дата официального открытия острова – 1800 год, когда его увидели Санников и Фаддеев). За И. Ляховым признается приоритет только в открытии острова Котельного (в 1773 году). Вообще же Ляховские острова видны в ясную погоду с материка. Первые же сведения о землях в Северном Ледовитом океане принес в Россию служивый человек Михаил Стадухин в 1645 году.

² Геденштром Матвей Матвеевич (г. рожд. не изв.–1849) – бывший студент, рижский таможенник. В Сибирь был выслан за должностную провинность. В 1809 году принял участие в экспедиции, снаряженной на личные средства Н. П. Румянцева. Целью экспедиции было описание берега материка между Яной и Кольмой и части побережья северных островов. Экспедиции 1809 года удалось только описать южного побережья острова Новая Сибирь. В работах экспедиции принимали участие также геодезисты Кожевин и Пшеницын и промышленник Яков Санников. Опись островов и побережья заканчивали в 1811 году Иван Ефимович Кожевин и Петр Пшеницын. Кстати, именно П. Пшеницын составил первую карту района работ экспедиции. Что же до М. М. Геденштрота, то он впоследствии успешно служил при иркутском генерал-губернаторе и в Санкт-Петербурге. Выпустил 3 книги: «Путешествия Геденштрота по Ледовитому морю...» (1822), «Описание берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова камня» (1823), «Отрывки о Сибири» (1830).

держать. Отсюда он сделал вывод, что вдалеке от берега тянется свободное ото льда море, и в обоснование такого предположения ссылался на огромную массу теплой воды температуры до десяти градусов, которую азиатские реки приносят в Ледовитый океан.

В марте 1821 года лейтенант (впоследствии адмирал) Петр Федорович Анжу¹ добрался по льду до места, находившегося на сорок две мили севернее острова Котельного, и увидел на 76°38' северной широты туманную дымку, которая навела его на мысль о существовании там свободного моря. Во время одного из следующих путешествий он увидел это море с дрейфующими льдами и вернулся, убежденный в том, что из-за недостаточной толщины льда и наличия незамерзшего моря продвинуться далеко на север невозможно.

В то время как Анжу был занят этими исследованиями, морской офицер, лейтенант Фердинанд Петрович Врангель² собирал предания и другие ценные сведения о существовании земли, расположенной на траверзе мыса Якан³.

От вождя одного племени чукчей он узнал, что с какого-то места берега и с каких-то скал, находящихся в устье одной реки, можно летом в хорошую погоду увидеть очень далеко на севере покрытые снегом горы; но зимой там ничего невозможно различить. Случалось, что с той земли, когда море замерзало, приходили стада северных оленей. Вождь сам видел один раз стадо оленей, возвращавшихся на север этим путем, и целый день следовал за ним на санях, пока состояние льда не заставило его отказаться от опасного предприятия.

Его отец рассказывал ему, что как-то один чукча с несколькими спутниками отправился туда в каяке⁴, но он не знал, что они обнаружили там и что стало с ними самими. По его предположе-

¹ Анжу Петр Федорович (1796 – 1869) – русский морской офицер, впоследствии – адмирал. В 1821–1823 годах вместе с помощниками (П. Ильиным и И. Бережных) описал северные берега Сибири между реками Оленек и Индигирка, а также Новосибирские и некоторые близлежащие острова. Его именем названа северная группа Новосибирских островов.

² Врангель Фердинанд Петрович (1796–1870) – русский мореплаватель, впоследствии – адмирал, почетный член Санкт-Петербургской академии наук.

³ Координаты мыса Якан: 69°35' с. ш., 177°30' в. д.

⁴ Каяк – эскимосское название байдарки.

ниям, та земля, по-видимому, обитаема; по этому поводу он рассказывал, что однажды на остров Раутан¹ был выброшен мертвый кит, пронзенный копьями с наконечником из глинистого сланца — оружие, которым чукчи никогда не пользуются.

Эти сведения были очень интересны и усилили желание Врангеля добраться до неизвестной страны; но проверить их истинность удалось только в наши дни.

С 1820 по 1824 год Врангель, обосновавшись в устье Колымы, совершил четыре путешествия на санях по льду. Прежде всего он исследовал побережье от устья Колымы до мыса Шелагского;² во время этого путешествия ему пришлось переносить морозы до тридцати пяти градусов.

На следующий год он захотел убедиться, докуда он сможет добраться по льду, и ему удалось проехать от берега сто сорок миль.

На третий раз, в 1822 году, Врангель выехал в марте месяце, чтобы проверить сообщение чукчи, настаивавшего на существовании земли в открытом океане. Врангель достиг ледяного поля, по которому он мог беспрепятственно двигаться. Дальше ледяное поле стало менее прочным. Когда лед оказался слишком ненадежным, пришлось погрузить на двое маленьких саней лодочку, доски, кое-какие инструменты, а затем пуститься в путь по тающему льду, который трещал под ногами.

«На протяжении семи верст, — рассказывает Врангель, — ехал я очень медленно, по толстому слою рассола, а потом встретилось множество щелей и трещин, и через них надобно было переправляться по доскам. Иногда попадались небольшие кочки нагроможденного льда, но он даже от слабого прикосновения рассыпался и место его занимали польньи. Лед был не толще фута и очень хрупок и дырват. Бесчисленные, по всем направлениям разбегающиеся во льду щели, выступавшая из них мутная вода, мокрый снег, смешанный с земляными и песчаными частицами, описанные выше ледяные кочки и текущие с них ручейки — все уподобляло разрушенную поверхность моря необозримому болоту»³.

Врангель отделился от берега на двести двадцать восемь ки-

¹ Координаты острова Раутан: 69°45' с. ш., 170°10' в. д.

² Координаты мыса Шелагского: 70°07' с. ш., 170°36' в. д.

³ Приведенная автором цитата относится не к третьему, а ко второму путешествию Врангеля в 1821 году. (Примеч. перев.)

лометров и очутился на краю открытого моря — огромной «полюньи», — так называют обширные пространства чистой воды, — на существование которой уже указывали Леонтьев в 1764 году¹ и Геденштром в 1810 году.

В четвертое путешествие Врангель выехал с мыса Якан — ближайшей к северным землям точки берега. Его маленький отряд, миновав мыс Шелагский, направился на север; но сильная буря взломала лед, толщиной не больше трех футов, и исследователи подвергались очень большой опасности. Они то двигались на саях по еще не расколовшемуся ледяному полю, то наполовину погружались в воду на плавучем льду, который поднимался и опускался, а временами совершенно исчезал под водой, или же они закреплялись на льдине, служившей им паромом, который собаки тащили подчас вплавь. На обратном пути Врангель и его спутники пробились среди льдов, с грохотом сталкивавшихся между собой, и достигли наконец земли. Своим спасением они были обязаны исключительно быстроте и выносливости собачьих упряжек.

Так кончились попытки добраться до островов, расположенных к северу от Сибири.

Район полюса атаквали одновременно и с другой стороны — с такой же энергией и с еще большей настойчивостью.

Читатели помнят, с каким воодушевлением и с каким упорством разыскивали знаменитый Северо-Западный проход. Лишь только мирные договоры 1815 года² вызвали необходимость в разоружении многих английских кораблей и в переводе их офицеров на половинное жалованье, Адмиралтейство, не желая обрывать карьеру стольких заслуженных моряков, постаралось придумать для них занятие. При таких обстоятельствах были возобновлены поиски Северо-Западного прохода.

Корабли «Александр», водоизмещением в двести пятьдесят две тонны, и «Изабелла», водоизмещением в триста восемьдесят пять

¹ В 1769 году (а не в 1764, как указано в тексте) были довольно точно нанесены на карту Медвежьих острова. Эту работу выполнили прапорщики-геодезисты Иван Леонтьев, Иван Лысов и Алексей Пушкирев. Речь, очевидно, идет об этой карте.

² Речь идет о мирных переговорах с монархией Бурбонов во Франции, реставрированной после падения Наполеона.

тонн, под командованием опытного офицера Джона Росса¹ и лейтенанта Уильяма Парри² были направлены правительством для исследования Баффинова залива. В состав экипажа входило много офицеров, как, например, Джеймс Росс³, Бак⁴, Белчер⁵, впоследствии прославившихся своими полярными экспедициями. Корабли вышли в море 18 апреля, остановились на Шетландских островах, безуспешно искали погрузившуюся в воду землю Басса, которая, по предположениям, должна была находиться на 57°28' северной широты, и 26 мая встретились с первыми льдами. 2 июня перед английскими моряками открылись берега Гренландии. В западной части острова, лишь очень приблизительно обозначенной на картах, было обнаружено большое количество ледников, и правитель датского поселка Китовый Остров сообщил англичанам, что за одиннадцать лет, прожитых им в этой стране, зимы год от года становились суровее.

До этого времени считали, что за 75-й параллелью Гренландия необитаема. Поэтому путешественники очень удивились при виде целого племени эскимосов, прибывшего к ним по льду. Туземцы не знали о существовании других народов. Они смотрели на англичан, не осмеливаясь приблизиться к ним, а один эскимос, обращаясь к кораблям, важно и торжественно говорил:

— Кто вы такие? Откуда пришли вы? С Солнца или с Луны?

Хотя в некоторых отношениях это племя находилось на более низкой ступени развития по сравнению со своими сородичами, воспринявшими от европейцев кое-какие навыки цивилизованной жизни, оно было знакомо с употреблением железа; кое-кто из туземцев умел выделывать из него ножи. Железо добывалось, насколько удалось понять, из какой-то глыбы или горы. По всей вероятности, то были метеориты.

¹ Капитан Джон Росс (1777—1856) к тому времени имел за плечами службу на Балтике и Белом море, трижды в сражениях был ранен

² Лейтенант Уильям Эдуард Парри (1790—1855, часто упоминается только под вторым именем — Эдуард) был назначен помощником Росса. К тому времени он уже 15 лет прослужил во флоте, был участником многих сражений и войн, в том числе англо-американской войны 1812—1814 годов

³ Росс Джеймс Кларк (1800—1862) — английский полярный исследователь, племянник Джона Росса. Широкую известность получил как руководитель антарктической экспедиции 1840—1843 годов

⁴ Имеется в виду Джордж Бак (1796—1878)

⁵ Имеется в виду Эдуард Белчер (1799—1837)

Джон Росс

В течение всего путешествия — и как только в Англии стали известны его результаты, общественное мнение сразу же признало это — Росс, наряду с качествами первоклассного моряка, проявляя некоторое безразличие и странное легкомыслие. По всей вероятности, он мало интересовался решением географических проблем, ради которых была снаряжена экспедиция.

Он прошел, не исследовав, мимо Вольстенхольме-фьорда и пролива Вальсунн, а также мимо пролива Смит, расположенного на северной окраине Баффинова залива;¹ от пролива он прошел на таком далеком расстоянии, что даже не заметил его².

Больше того, когда Росс стал двигаться к югу вдоль западного берега Баффинова залива, перед настороженными взглядами исследователей открылся великолепный морской рукав, глубоко вдававшийся в сушу и имевший в ширину не меньше пяти — десяти миль. Оба корабля вошли туда 29 августа, но едва они углубились на тридцать миль, как Росс приказал повернуть на другой галс под тем предлогом, что он ясно различил цепь высоких гор (которой он дал название гор Крокера³), запирающих выход. Офицеры не разделяли его мнения, так как не видели даже холмов — по той простой причине, что рукав, в который они вошли, был не чем иным, как проливом Ланкастер, названным так Баффином и сообщавшимся на западе с открытым морем.

То же самое повторялось почти все время, пока они шли вдоль сильно изрезанных берегов; большей частью корабли держались на таком расстоянии от суши, что невозможно было различить никаких подробностей. Так, достигнув 1 октября входа в залив Камберленд, экспедиция не попыталась исследовать этот столь важный пункт, и Росс поспешил в Англию, повернувшись спиной к ожидавшей его славе.

В ответ на обвинения в легкомыслии и небрежности Росс с гордой самоуверенностью говорил: «Льщу себя надеждой, что во всем существенном я выполнил поставленную передо мной задачу, ибо я доказал существование залива, простирающегося от Диско⁴ до залива Камберленд, и навсегда покончил с вопросом относительно существования здесь Северо-Западного прохода».

¹ Баффинов залив в настоящее время называется морем Баффина

² Это утверждение не совсем верно, и этот пролив, и следующий, пролив Джонс, Росс принял за заливы

³ Крокер — в те годы секретарь английского Адмиралтейства

⁴ Диско — залив и одноименный остров у берегов Гренландии

Трудно было сильнее заблуждаться.

Впрочем, неуспех этой попытки отнюдь не обескуражил исследователей. Одни видели в ней блистательное подтверждение старинных открытий Баффина, другие склонны были считать бесчисленные рукава, где море так глубоко и течение так сильно, чем-то другим, а не заливами. По их мнению, то были проливы, и не следовало терять надежду на открытие прохода.

Адмиралтейство, приняв во внимание эти доводы, немедленно снарядило два небольших корабля — бомбарду¹ «Хекла» и бриг «Грайпер». 5 мая 1819 года они вышли из устья Темзы под командованием лейтенанта Уильяма Эдуарда Парри, не разделявшего мнения своего начальника в вопросе о существовании Северо-Западного прохода. Оба корабля без особых происшествий достигли пролива Ланкастер; затем, пробыв неделю в плену среди льдов, которые забили пролив на протяжении восьмидесяти миль, они вошли в тот залив, который, по мнению Джона Росса, упирался в цепь гор.

Горы существовали лишь в воображении мореплавателя, и все замеченные признаки безошибочно говорили о том, что это был пролив. На глубине трехсот десяти саженей² лот не достигал дна; постепенно стала ощущаться зыбь; температура воды повысилась до шести градусов, и за один только день было замечено не меньше восьмидесяти крупных китов.

Высадившись 31 июля в бухте Поссешен, где путешественники побывали в прошлом году, они увидели там еще сохранившиеся следы своих шагов, что свидетельствовало о незначительном количестве снега, выпавшего за зиму.

В ту минуту, когда, подняв все паруса и пользуясь попутным ветром, оба корабля вступили в пролив Ланкастер, сердца у всех забились сильнее.

«Легче представить себе, — рассказывает Парри, — чем описать беспокойство, написанное на всех лицах в то время, когда мы, увлекаемые все усиливавшимся ветром, со все возрастающей скоростью двигались по проливу; во вторую половину дня на марсах

¹ Бомбарда (*англ.* bomb-vessel, bomb-ketch) — артиллерийский парусный корабль, имевший на вооружении крупнокалиберные орудия — мортиры и единого калибра пушки. Корабли этого типа обладали повышенной остойчивостью и использовались при осаде приморских крепостей

² Здесь имеется в виду английская морская сажень, или фатом, равная 1,83 м

теснились офицеры и матросы, и постороннего наблюдателя, если такой возможен при подобных обстоятельствах, немало позабыла бы горячность, с какой передавались сообщения вперёдсмотрящих; пока что все известия были благоприятными и отвечали нашим самым честолюбивым надеждам»

И действительно, насколько хватало взора, свыше чем на пятьдесят миль оба берега тянулись параллельно друг другу. Высота волн, отсутствие льдов — все должно было убедить англичан, что они достигли открытого моря и так давно отыскиваемого прохода, как вдруг им преградил путь остров, перед которым скопились огромные массы льда.

Однако к югу мореплаватели увидели рукав шириной примерно в десять лье. Они надеялись, что там путь не будет так загроможден льдами. Странная вещь, — пока шли проливом Ланкастер к западу, колебания стрелки компаса усиливались, теперь же, когда свернули на юг, компас как будто потерял всякую чувствительность, и можно было наблюдать любопытное явление: способность магнитной стрелки указывать направление настолько ослабела, что стрелка не могла больше сопротивляться притяжению самого корабля, и компас, в сущности, показывал северный полюс «Хеклы» или «Грайпера».

По мере того как корабли продвигались к западу, морской рукав расширялся и берег заметно отклонялся к юго-западу, но после того как было пройдено сто двадцать миль, мореплаватели наткнулись на ледяную преграду, помешавшую им продолжить путь в этом направлении. Итак, они достигли пролива Барроу¹, по отношению к которому пролив Ланкастер является лишь преддверием, и очутились в свободном от льда море — том самом, что несколькими днями раньше они видели загроможденным льдинами.

На 72°15' северной широты был замечен проход — пролив Веллингтона шириной около восьми лье; совершенно свободный от льда, он, по-видимому, не был прегражден сушей. Открытие пролива убедило исследователей, что они находятся среди огромного архипелага, и это вселило в них новую уверенность.

¹ Координаты пролива Барроу 74°20' с ш, 112° з д Джон Барроу в молодости ходил на китобойце к Гренландии. Именно он, будучи секретарем Адмиралтейства, настоял в 1818 году на возобновлении поисков Северо-Западного прохода

1818 маршрут экспедиции 1819

Д. РОССА и У. ПАРРИ

Однако плавание в туманах стало опасным; количество островков и мелей увеличилось, льдин скопилось все больше, но ничто не могло остановить Парри в его движении на запад. На одном большом острове, получившем название Батерст¹, матросы обнаружили остатки нескольких эскимосских жилищ, а также следы северных оленей. Здесь были произведены магнитные наблюдения, которые привели к выводу, что путешественники находятся к северу от магнитного полюса.

Вскоре на горизонте показался еще один большой остров, Мелвилл², и, несмотря на льды и туман, препятствовавшие продвижению экспедиции, кораблям удалось пересечь 110-й западный меридиан и таким образом получить право на премию в сто тысяч фунтов стерлингов, обещанную парламентом.

Расположенный поблизости мыс получил название мыса Щедрости, а хорошую якорную стоянку по соседству называли заливом Хекла-энд-Грайпер. В глубине этого залива, в бухте Уинтер, оба корабля провели зиму. Со снятыми снастями, защищенные парусами, подбитыми толстым слоем ваты, они были окутаны пеленой снега, между тем как во внутренних помещениях стояли печи и калориферы. Попытка охотиться окончилась лишь тем, что несколько человек отморозили себе руки или ноги, так как все животные, за исключением волков и лисиц, покидают остров Мелвилл в конце октября.

Чем скрасить скуку длинной зимней ночи?

Тут офицерам пришла мысль организовать театр; первое представление состоялось 6 ноября, в тот самый день, когда солнце исчезло на три месяца. Затем, показав на Рождество пьесу, полную злободневных намеков, они стали выпускать еженедельную рукописную газету, называвшуюся «Газета Северной Георгии и Зимняя хроника» («The North Georgia Gazette and Winter Chronicle»). Эта газета, редактором которой был Сабин³, вышла в количестве двадцати одного номера и по возвращении экспедиции в Англию удостоилась чести быть напечатанной.

В январе появилась цинга, и бурное течение болезни вызвало вначале сильную тревогу; но разумное применение противцинготных средств и ежедневная раздача свежей горчицы и крес-

¹ Координаты острова Батерст: 76° с. ш., 102° з. д.

² Координаты острова Мелвилл: 75°20' с. ш., 112° з. д.

³ Сабин Эдуард (1788–1883) – английский астроном.

са¹, который Парри удалось выращивать в расставленных вокруг печки ящиках, сразу же ликвидировали болезнь.

Седьмого февраля вновь показалось солнце; хотя должно было пройти еще много месяцев, прежде чем представится возможность покинуть остров Мелвилл, начались приготовления к отплытию. 30 апреля термометр показывал ноль, и матросы, сочтя столь низкую еще температуру за наступление лета, хотели расстаться с зимней одеждой. Первая белая куропатка появилась 12 мая, а на следующий день увидели следы северных оленей и мускусных быков, начавших свой переход к северу. Но особенно обрадовались и удивились моряки 24 мая, когда пошел дождь.

«Мы так отвыкли, — рассказывает Парри, — видеть воду в ее естественном состоянии и в особенности падающей с неба, что столь обычное явление вызвало всеобщее любопытство. Не было ни одного человека на корабле, во всяком случае так я думаю, который не поспешил бы выйти на палубу, чтобы посмотреть на такое интересное и такое новое явление».

В первой половине июня Парри в сопровождении нескольких офицеров совершил экскурсию по острову Мелвилл и достиг его северной оконечности. Когда он вернулся, повсюду пробивалась зелень, лед начал крошиться, все предвещало возможность близкого отплытия. Оно произошло 1 августа; но в море льды еще не растаяли, и корабли смогли пройти на запад лишь до оконечности острова Мелвилл. Самая крайняя точка, достигнутая Парри в этом направлении, расположена на $74^{\circ}26'25''$ северной широты и $113^{\circ}46'43''$ западной долготы. Обратный путь прошел без всяких приключений, и к середине ноября корабли добрались до Англии.

Результаты этого путешествия были весьма значительны; не только удалось исследовать огромное пространство арктических областей, но были проделаны также физические и магнитные наблюдения, собраны совершенно новые данные об арктическом климате, о животной и растительной жизни в этих районах.

За одну кампанию Парри достиг больших результатов, чем исследователи, которые прошли по его следам в течение последующих тридцати лет.

¹ Кресс — кресс-салат, однолетнее растение семейства крестоцветных. Родом из Передней Азии. Культивируется во многих странах.

Адмиралтейство, удовлетворенное столь важными результатами, полученными Парри, доверило ему в 1821 году командование двумя кораблями: «Хекла» и «Фьюри»; последний был построен по образцу «Хеклы».

На этот раз мореплаватель изучил берега Гудзонова залива и с величайшей тщательностью обследовал побережье полуострова Мелвилл (его не следует смешивать с островом того же названия)¹. Зиму провели на острове Уинтер («Зимний»), у восточного берега полуострова Мелвилл, и снова прибегли к тем же развлечениям, которые имели такой успех в предыдущую кампанию. Но наибольшее оживление в однообразии зимы внесло посещение группы эскимосов, прибывших по льду 1 февраля. Их тупики², не замеченные моряками, были расположены на берегу; англичане побывали там и за восемнадцать месяцев почти постоянного общения составили себе об этом народе, об его образе жизни и характере совершенно иное представление, чем существовало раньше.

Исследование пролива Фьюри-энд-Хекла, отделяющего полуостров Мелвилл от Кокберн-Айленд, заставило путешественников провести вторую зиму в полярных областях. Хотя устроились они с большим комфортом, время все же проходило не так весело вследствие глубокого разочарования, которое испытывали офицеры и матросы, вынужденные зазимовать, вместо того чтобы двигаться, как они рассчитывали, к Берингову проливу.

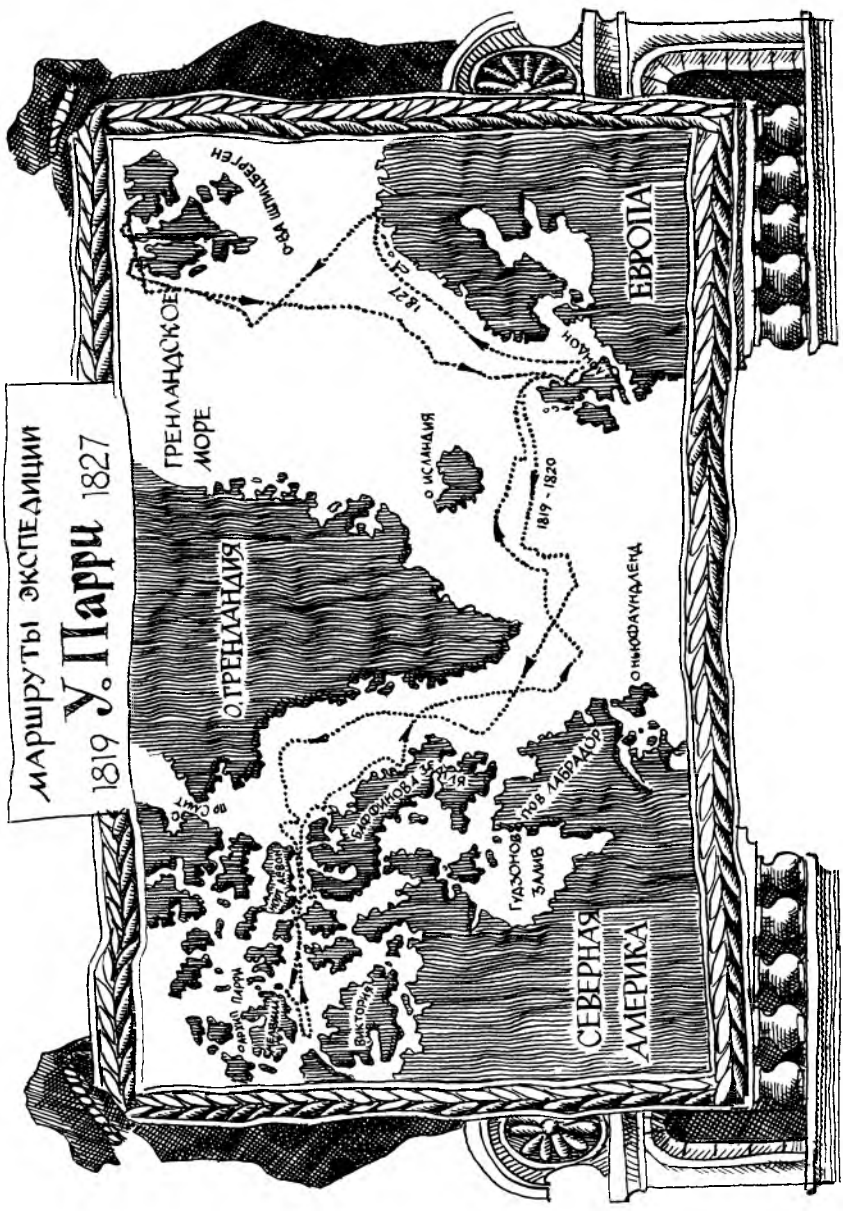
Двенадцатого августа льды разошлись; Парри хотел отправить свои корабли в Европу и продолжать по суше исследование открытых им земель; но он уступил настояниям капитана Лайона, доказавшего всю безрассудность этого отчаянного плана. Итак, оба судна вернулись в Англию после двадцатисемимесячного отсутствия, потеряв всего пять человек из ста восемнадцати, хотя им пришлось провести две зимы подряд в северных широтах.

Конечно, по своим результатам второе путешествие не может идти в сравнение с первым; однако это не значит, что оно не принесло никакой пользы. Теперь стало ясно, что берег Америки вовсе не тянется за 70-ю параллель, что Атлантический океан соединен с Ледовитым океаном множеством проливов и каналов, большая часть которых, подобно проливам Фьюри-энд-Хекла и Фокс, закупорена льдами, приносимыми течением.

¹ Координаты полуострова Мелвилл 68° с. ш., 84° з. д.

² Тупик — эскимосская палатка из шкур животных.

МАРШРУТЫ ЭКСПЕДИЦИИ
У. Парри 1819 1827

В то время как у юго-восточной оконечности полуострова Мелвилл льды являются, по-видимому, постоянными, нельзя того же сказать о льдах, находящихся в проливе Принс-Риджент (пролив Принца-Регента). Итак, можно было надеяться проникнуть этим путем в полярный бассейн. Еще раз «Фьюри» и «Хекла» были снаряжены и доверены Парри.

Третье путешествие оказалось самым неудачным из всех, предпринятых этим выдающимся мореплавателем; нельзя сказать, что он был не на прежней высоте, но он стал жертвой несчастных случайностей и неблагоприятных обстоятельств. Так, затертый в Баффиновом заливе необычайным скоплением льдов, он лишь с большим трудом пробился к проливу Принс-Риджент¹. Может быть, если бы ледовые условия позволили ему добраться туда тремя неделями раньше, он смог бы достичь берегов Америки; но теперь не оставалось ничего иного, как заняться приготовлениями к зимовке².

Для этого опытного офицера в перспективе провести зиму за Полярным кругом не было уже ничего страшного; он знал, какие меры следует принять для сохранения здоровья экипажа, для создания даже некоторого комфорта, для обеспечения матросов занятиями и развлечениями, которые так сильно сокращают продолжительность трехмесячной ночи.

Лекции, читавшиеся офицерами, маскарады и театральные представления, постоянная температура в $+10^{\circ}\text{C}$ — все это способствовало сохранению здоровья, и когда 20 июля 1825 года таяние льдов дало Парри возможность возобновить плавание, на борту не было ни одного больного.

Он пустился в путь вдоль восточного берега пролива Принс-Риджент; но дрейфующие льды приблизились и прижали корабль к берегу. Один из них, «Фьюри», получил такие повреждения, что едва держался на воде, несмотря на непрерывно работавшие четыре помпы. Вытащив его на огромную льдину, Парри попытался заделать течь; разразилась буря, расколола льдину, на которой корабль нашел себе временное пристанище, и выбросила

¹ Лето в тот год было поздним. «Фьюри» и «Хекла» сорок дней сражались со льдами в Баффиновом заливе. Только в сентябре, когда уже начались морозы, экспедиция подошла к проливу Принс-Риджент.

² Зимовал Парри в Порт-Боузене, в 75 милях к югу от пролива Принс-Риджент.

его на берег¹, где и пришлось его оставить. Экипаж был подобран «Хеклой»; вследствие этой катастрофы последняя вынуждена была вернуться в Англию.

Закаленное среди стольких опасностей мужество Парри не колебалось от несчастья. Если достигнуть Полярного моря этим путем было почти невозможно, то нет ли каких-нибудь других?² В обширном пространстве океана между Гренландией и Шпицбергенем не найдется ли путь менее опасный, не усеянный таким количеством огромных айсбергов, образующихся лишь на побережье?

Самыми старинными, по имеющимся сведениям, путешествиями в этих местах были плаванья Уильяма Скорсби, неоднократно посещавшего полярные моря в поисках китов. В 1806 году он забрался очень далеко на север — так далеко, что с тех пор ни одному кораблю не удавалось в этом районе достигнуть таких высоких широт. В самом деле, 24 мая он находился на 81°31' северной широты и 16° долготы к востоку от Парижа³, то есть почти у северной оконечности Шпицбергена. Ледяные поля простирались на восток-северо-восток. К юго-востоку от границ этого поля море оказалось совершенно свободным от льда на протяжении тридцати миль; на расстоянии ста миль не было видно земли.

Приходится пожалеть, что китобой не счел своим долгом воспользоваться таким благоприятным состоянием моря, чтобы пройти дальше на север; без сомнения, он сделал бы какое-нибудь важное открытие, а может быть, достиг бы самого полюса.

Парри решил попытаться совершить то, чего не сделал Скорсби, думавший только об интересах китобойного промысла.

Двадцать шестого марта 1827 года Парри вышел из Лондона на «Хекле», достиг норвежской Лапландии, погрузил в Хаммерфесте⁴ собак, северных оленей, несколько лодок и продолжал свой путь к Шпицбергену.

Смеренбург-фьорд⁵, в который он хотел зайти, оказался еще

¹ С тех пор эта часть побережья известна как Берег Фьюри.

² На самом деле продолжать исследования Канадского архипелага Парри не смог по той причине, что британское Адмиралтейство отказало ему в финансовой поддержке.

³ 18°20' в. д. от Гринвичского меридиана.

⁴ Хаммерфест — на острове Квале, почти под 71° с. ш.

⁵ Смеренбург-фьорд — на крайнем северо-западе о-ва Западный Шпицберген под 79°40' с. ш. и 11° в. д.

подо льдами, и «Хекле» пришлось пробиваться сквозь них до 27 мая. Затем Парри, покинув свой корабль в проливе Хинлопен¹, двинулся на север в двух лодках, в которых находилось по двенадцать человек в каждой (в том числе Росс и Крозье) и запас продовольствия на семьдесят один день. Устроив склад съестных припасов на Семи Островах², он погрузил остальную часть продовольствия и лодки на изготовленные по специальному образцу сани. Он надеялся таким образом пересечь зону сплошного льда и обнаружить за ней море, совершенно свободное или, во всяком случае, доступное для плавания.

Но ледяные поля не представляли собой, как рассчитывал Парри, однородного целого. Приходилось то преодолевать большие лужи воды, то взбираться на саних на крутые возвышенности. Поэтому за четыре дня продвинулись к северу всего на четырнадцать километров.

Второго июля во время густого тумана термометр показывал $1,7^{\circ}$ выше нуля в тени и $8,3^{\circ}$ на солнце. Движение по неровной поверхности, на каждом шагу прорезанной промоинами, было исключительно тяжелым, а глаза путешественников уставали от ослепительного отражения света.

Несмотря на многочисленные препятствия, Парри и его спутники мужественно двигались вперед, как вдруг 20 июля они обнаружили, что находятся лишь на $82^{\circ}37'$ северной широты, иначе говоря, всего на девять километров севернее, чем три дня назад. Следовательно, сильное течение относило ледяные поля к югу, ибо они не сомневались, что проехали за это время по льду не меньше двадцати двух километров.

Сначала Парри скрыл от спутников этот обескураживающий результат; но вскоре всем стало ясно, что скорость их продвижения на север представляет собой разность двух величин: скорости, с которой путешественники преодолевали все препятствия, вставшие перед ними на каждом шагу, и скорости течения, увлекавшего ледяные поля в противоположном направлении.

Экспедиция все же достигла места, где полурастаявшие ледяные поля не могли больше выдержать ни людей, ни сани; это бы-

¹ Пролив Хинлопен находится между Западным Шпицбергеном и Северо-Восточной Землей.

² Семь Островов — самая северная островная группа в Шпицбергенском архипелаге.

ло огромное скопление льдин, которые покачивались на волнах и с ужасающим грохотом сталкивались между собой. Запас продовольствия истощился, матросы упали духом; Росс был ранен, Парри жестоко страдал от воспаления глаз; в довершение ветер переменялся на противный и тоже стал относить англичан к югу. Приходилось возвращаться.

Этот смелый рейд, во время которого температура не падала ниже 2,2° мороза, мог бы оказаться успешным, если бы его приняли в более раннее время года. Отправившись несколько раньше, путешественники смогли бы проникнуть на север дальше 82°40'; конечно, они не были бы остановлены дождем, снегом и таянием льдов — очевидными признаками летнего потепления.

Вернувшись на «Хеклу», Парри узнал, что корабль подвергался величайшим опасностям.

Льдины, нагроможденные сильным ветром, оборвали цепи и опрокинули на бок очутившийся на мели корабль. Когда его удалось поднять, он был отведен к выходу в пролив Вайгатт¹.

Парри благополучно достиг Оркнейских островов, сделал на них остановку и 30 сентября вернулся в Лондон.

В то время как Парри, чтобы достичь Тихого океана, искал проход через Баффинов или Гудзонов залив, было снаряжено много экспедиций для завершения исследований Маккензи² и изучения северных берегов Америки.

Казалось, что эти путешествия не будут связаны с большими трудностями, между тем как их результаты смогут представить значительный интерес для географической науки и оказаться весьма важными для мореплавателей. Начальником был назначен выдающийся офицер, Джон Франклин³, чье имя стало по

¹ Вайгатт — западная часть пролива Хинлопен между одноименным архипелагом (Вайгатт) и Западным Шпицбергом.

² Маккензи (Макензи) Александер (1764—1820) — шотландский путешественник. В 1788—1789 годах открыл на северо-западе Канады реку и горы Маккензи. В 1792—1793 годах пересек Северную Америку от залива Святого Лаврентия до залива Королевы Шарлотты; вернулся в обратном направлении в 1793—1794 годах. Об этом путешествии написал книгу, которая в 1808 году переведена на русский язык: «Путешествие по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану» (на английском издана в 1801 году).

³ Джон Франклин (1786—1847?) был в 1819 году лейтенантом. Флотскую службу начал с 14 лет и страстно мечтал стать полярным исследователем. Участвовал, под командой знаменитого адмирала Нельсона, в разгроме французского флота под Копенгагеном и в Трафальгарском сражении. В англо-

заслугам знаменитым. Его сопровождали доктор Джон Ричардсон¹, Джордж Бак², бывший тогда мичманом, и два матроса.

Прибыв 30 августа 1819 года в факторию Йорк на берегу Гудзонова залива, исследователи собрали у трапперов все сведения, какие могли им пригодиться, и 9 сентября двинулись в путь. 22 октября они достигли Камберленд-Хаус³, до которого было шестьсот девяносто миль. Стояла уже зима. Тем не менее Франклин и Джордж Бак отправились в Форт-Чипевайан на западном берегу озера Атабаска, чтобы руководить приготовлениями к экспедиции, которой предстояло выступить следующим летом. Путь в восемьсот пятьдесят семь миль был проделан в середине зимы при температуре в 40–50 градусов ниже нуля.

В начале весны доктор Ричардсон присоединился в Форт-Чипевайане к остальным участникам экспедиции, которая 18 июля 1820 года вышла в путь в надежде достигнуть до наступления неблагоприятной погоды удобной зимовки в устье реки Коппермайн. Однако Франклин и его товарищи недостаточно учли трудности дороги, а также препятствия, обусловленные суровым временем года.

Водопады, обмеление рек и озер, перетаскивание волоком лодки, недостаток дичи сильно задержали путешественников, и 20 августа, когда речные заводи стали покрываться льдом, проводники-канадцы принялись ворчать, а увидев улетавшие на юг стаи диких гусей, отказались идти дальше. Франклин, несмотря на всю досаду, которую вызвала в нем такая недобросовестность, вынужден был изменить свои планы и построить на берегу реки Уинтер, в том месте, где они находились, то есть в пятистах пятидесяти милях от Форт-Чипевайана, деревянный дом, названный Форт-Энтерпрайз. Он был расположен на 64°28' северной широты и 118°6' западной долготы. Поселившись в нем, путешественники

американской войне 1812–1814 годов был ранен. Пробовал силы Франклин и в гидрографии: под руководством своего двоюродного брата Мэтью Фландерса участвовал в съемке австралийского побережья. В 1818 году Дж. Франклин командует «Трентом», одним из двух кораблей, которые британское Адмиралтейство отправило в Северный Ледовитый океан с задачей пробиться — если это будет возможно — к Северному полюсу. Пройти к полюсу, однако, не удалось.

¹ Ричардсон, военный хирург, по первой профессии был натуралистом.

² Джордж Бак был штурманом на «Тренте». В качестве штурмана был взят и в новую экспедицию.

³ Камберленд-Хаус — форт на озере Саскачеван.

заялись заготовкой возможно большего количества провизии и из оленьего мяса приготовили запас кушанья, известного в Северной Америке под названием «пеммикан». Вначале им попадалось очень много оленей; они насчитывали их не меньше двух тысяч в день, но это доказывало, что животные переходили в районы с более мягким климатом. Хотя англичане заготовили впрок мяса восемьдесят оленей и хотя в соседней реке имелся дополнительный источник пропитания, все же этих довольно значительных запасов продовольствия оказалось недостаточно.

Целые племена индейцев, услышав о появлении в стране белых, пришли к форту и обосновались у его ворот; проведав о запасах пришельцев, они стали выпрашивать у них все, в чем нуждались. Поэтому тюки с одеялами, табаком и другими предметами для обмена очень быстро опустели. Франклин, обеспокоенный тем, что экспедиция, которая должна была доставить ему новые запасы, не прибыла, решил 18 октября отправить Джорджа Бака в сопровождении канадцев в Форт-Чипевайан.

Такой поход среди зимы требовал исключительной самоотверженности; представление о ней могут дать следующие несколько строк.

«Я был очень рад, — писал Бак по возвращении, — застав всех моих друзей здоровыми; я отсутствовал около пяти месяцев, в течение которых прошел на лыжах тысячу сто четыре мили, ночуя в лесу под одним одеялом и оленьей шкурой; температура часто понижалась до 40° ниже нуля, а однажды — до 57; мне случалось по два-три дня ничего не есть».

Оставшиеся в Форт-Энтерпрайзе также страдали от холода; морозы были сильнее тех, что Парри пришлось испытать на острове Мелвилл, хотя тот и расположен на девять градусов ближе к полюсу. Действие этой низкой температуры сказывалось не только на людях; деревья промерзли насквозь до такой степени, что топор ломался, не оставляя на стволе ни малейшей зазубрины.

Два индейца-переводчика с Гудзонова залива сопровождали Бака в Форт-Энтерпрайз. У одного из них была дочь, которая считалась самым красивым созданием на свете. Хотя ей исполнилось всего шестнадцать лет, она уже дважды была замужем. Какой-то английский офицер нарисовал ее портрет — к полному отчаянию матери, испугавшейся, как бы великий вождь Англии, увидев это холодное изображение, не влюбился в его оригинал.

Четырнадцатого июня 1821 года река Коппермайн вскрылась,

и можно было пуститься в путь. Хотя запасов провизии почти не оставалось, все сразу же двинулись в путь вниз по реке. К счастью, на покрытых зеленью берегах реки оказалось много дичи, и удалось убить столько мускусных быков, что все были сыты.

Восемнадцатого июля путешественники достигли устья Копермайна. Индейцы, боясь встречи со своими врагами эскимосами, немедленно отправились обратно к Форт-Энтерпрайзу, а канадцы почти не осмеливались выходить на своих утлых лодках в бурное море. Франклин все же уговорил их рискнуть, но не смог добраться дальше мыса Ритёрн, расположенного на $68^{\circ}30'$ северной широты при входе в глубокий, усеянный многочисленными островами залив¹, названный Франклином заливом Коронации Георга IV (залив Коронейшн).

Франклин начал подниматься вверх по течению реки Худ, но вскоре путь был прегражден водопадом высотой в двести пятьдесят футов; пришлось дальше двигаться берегом среди снега глубиной свыше двух футов по бесплодной и совершенно неизвестной стране. Легче представить себе, чем описать трудности и мучения обратного путешествия.

Одиннадцатого октября Франклин вернулся в Форт-Энтерпрайз в состоянии полного изнеможения, так как ничего не ел в течение последних пяти дней. В форте он никого не застал. Без провизии, больной, Франклин, казалось, был обречен на смерть. Однако на завтра он пустился на поиски индейцев и своих спутников, вышедших раньше, чем он; но снег был такой глубокий, что ему пришлось повернуть назад, в форт.

В течение восемнадцати дней он жил на каком-то вареве из костей и кожи убитых в прошлом году животных. 29 октября прибыл наконец доктор Ричардсон с Джоном Хепберном, но остальных членов экспедиции с ними не оказалось. При встрече все трое были горестно поражены: они стали такими худыми, их голоса так изменились, они ощущали крайнюю слабость, которая почти бесспорно говорила о близком конце.

«Доктор Ричардсон, — рассказывает Кули, — принес печальные известия об остальных. В течение первых двух дней, последовавших за разделением экспедиции на три отряда, его группа не нашла никакой пищи; на третий день проводник Майкл вернулся

¹ Видимо, имеется в виду мыс Крузенштерна, западный входной мыс в залив Коронейшн

МАРШРУТ ЭКСПЕДИЦИИ

ФРАНКЛИН

ГРЕНЛАНДСКОЕ
МОРЕ

О. ГРЕНЛАНДИЯ

О. ИСЛАНДИЯ

О. НЬЮФАУНДЛЕНД

СЕВЕРНАЯ
АМЕРИКА

ГЛАЗОНОСНЫЙ
ЛАБРАТОР

ЕВРОПА

с охоты с зайцем и куропаткой, которыми он поделился с остальными. Назавтра они опять ничего не ели, 11-го Майкл предложил своим спутникам кусок мяса, по его словам, отрезанный им от волка; но впоследствии они пришли к убеждению, что то было мясо одного из тех несчастных, которые покинули капитана Франклина, чтобы присоединиться к доктору Ричардсону. С каждым днем Майкл становился все более наглым и эгоистичным. Возникли сильные подозрения, что он устроил где-то склад продовольствия, которое хранил только для себя. Как-то Хепберн, занятый рубкой леса, услышал ружейный выстрел; взглянув в ту сторону, откуда донесся звук, он увидел Майкла, торопливо шедшего к палатке; вскоре после этого нашли мертвого Худа; у него оказалась пуля в затылке, и убийцей был, без сомнения, Майкл. Начиная с этого времени, он стал еще более недоверчивым и более нахальным, чем раньше; и так как он был сильнее оставшихся в живых англичан, к тому же лучше вооружен, то те поняли, что их может спасти лишь его смерть. Как только я убедился, — рассказывал Ричардсон, — что этот ужасный выход диктуется необходимостью, я решился принять на себя всю ответственность и, когда Майкл вернулся к нам, покончил с ним выстрелом, который раздробил ему череп».

Большая часть индейцев, сопровождавших Франклина и Ричардсона, умерла от голода, и оба начальника, наверно, вскоре последовали бы за ними в могилу, если бы 7 ноября не появились наконец трое индейцев, посланных Баком и доставивших первую помощь. Как только англичане почувствовали себя несколько окрепшими, они добрались до фактории Компании Гудзонова залива и застали там Джорджа Бака, дважды за время этой экспедиции спасшего им жизнь.

Путешествие, во время которого было пройдено пять тысяч пятьсот миль, имело очень большое значение для географической науки, для изучения земного магнетизма и климата; берег Америки был исследован на огромном расстоянии вплоть до мыса Тарнеген.

Несмотря на все трудности и мучения, перенесенные с таким мужеством, исследователи были готовы возобновить свое путешествие и еще раз попытаться достичь берегов Ледовитого океана.

В конце 1823 года Франклин получил приказ разведать побережье к западу от реки Маккензи. Всем представителям Компа-

нии Гудзонова залива предписывалось подготовить продовольствие, лодки, проводников и предоставить себя и все свои ресурсы в распоряжение исследователей.

Встретив в Нью-Йорке доброжелательный прием, Франклин по реке Гудзон добрался до Олбани, поднялся вверх по течению Ниагары от Льюистона до знаменитого водопада, достиг форта Сент-Джордж на берегу Онтарио, пересек озеро, высадился в Йорке, столице северной Канады;¹ затем, проехав по озерам Симко, Гурон и Верхнее, где к нему присоединились двадцать четыре канадца, он 29 июня 1825 года вышел на реку Мети, где его уже ожидали лодки.

В то время как доктор Ричардсон вел съемку восточного берега Большого Медвежьего озера, а Бак руководил приготовлениями к зимовке, сам Франклин достиг устья Маккензи. Плавание было очень легким, и только в дельте реки путешественнику встретились препятствия. Океан оказался свободным ото льда; на волнах резвились черные и белые киты, тюлени. Франклин высадился на островке Гарри и определил его координаты: 69°2' северной широты и 135°41' западной долготы; это определение представляло большую ценность, так как давало возможность судить о том, до какой степени можно доверять съемкам, произведенным Маккензи.

Обратный путь был проделан без особого труда, и 5 сентября экспедиция возвратилась в форт, названный доктором Ричардсоном фортом Франклина. Зима прошла в развлечениях, празднествах, балах, в которых принимали участие канадцы, англичане, шотландцы, эскимосы и индейцы четырех различных племен.

Двадцать второго июня путешественники выступили в поход и 4 июля достигли места, где Маккензи делится на две протоки. Там экспедиция разделилась на два отряда, направившиеся к во-

¹ Йорк — один из пяти городков, образующих Торонто. В 1750 году на этом месте французы построили форт Руй, который чаще называли Торонто. В 1759 году англичане уничтожили это укрепление. В 1793 году вице-губернатор Джон Грейвз Симко в качестве столицы новой колонии Верхняя Канада основал город, первоначально названный Дублин, но очень скоро переименованный в Йорк. Город состоял из форта и квартала правительственных и административных зданий. Когда в 1834 году ему вернули название Торонто, в городе проживало всего 9 тыс. человек. Торонто являлся столицей вплоть до объединения Канады в 1841 году. 8 лет спустя он на непродолжительное время снова стал столицей Верхней и Нижней Канады. С 1867 года Торонто — местопребывание правительства провинции Онтарио.

стоку и к западу для изучения берегов Северного Ледовитого океана. Как только Франклин миновал устье реки и очутился в большом заливе, он встретил многочисленную группу эскимосов. Сначала те выразили бурную радость, но вскоре стали вести себя очень агрессивно и попытались завладеть лодками. Англичане проявили в этих трудных обстоятельствах благоразумие, и кровопролития удалось избежать.

Франклин исследовал реку, отделявшую русские владения от английских, и дал ей название Кларенс. Несколько дальше была обнаружена другая река, получившая название Каннинг. 16 августа, находясь лишь на половине пути к мысу Айс-Кейп¹ и видя быстрое приближение зимы, Франклин повернул назад и достиг реки Пил, которую он принял за Маккензи; он обнаружил свою ошибку лишь тогда, когда увидел на востоке горную цепь. 21 сентября он вернулся в форт, проехав за три месяца две тысячи сорок восемь миль и засняв на карту триста семьдесят четыре мили американского побережья.

Что касается Ричардсона, то он двигался по более глубокому, менее загроможденному льдами морю, берега которого были населены добродушными и гостеприимными эскимосами. Он обследовал заливы Ливерпул и Франклин, открыл против устья реки Коппермайне землю, отделенную от материка лишь узким проливом шириной миль в двадцать, названную им Вулластон². 7 августа лодки, достигнув залива Коронейшн, уже исследованного во время предыдущей экспедиции, повернули назад и 1 сентября возвратились в Форт-Франклин, не испытав за все время пути никаких неприятностей.

Занявшись рассказом о путешествиях Парри, мы были вынуждены на время оставить в стороне относящиеся к той же эпохе плавание Джона Росса, который много потерял в глазах Адмиралтейства из-за своего странного поведения при исследовании Баффинова залива.

Джон Росс жаждал восстановить свою репутацию бесстрашно и искусного моряка. Правительство больше не доверяло ему,

¹ Айс-Кейп (мыс Ледяной) расположен в Чукотском море. Его координаты 70°20' с. ш. и 161°50' з. д.

² Позднее выяснилось, что эта земля (ныне — полуостров) является юго-западной частью более крупного острова Виктория.

но в лице Феликса Бута он нашел богатого судовладельца¹, не побоявшегося доверить ему командование пароходом «Виктори» («Победа»), на котором он 25 мая 1829 года и отправился в Баффинов залив.

Четыре года не было никаких сведений о смелом мореплавателе; когда он вернулся, то стало известно, что его открытия представляли не меньшую ценность, чем открытия, сделанные Парри во время первой экспедиции.

Джон Росс прошел проливами Барроу и Ланкастер в пролив Принс-Риджент и обнаружил то место, где четыре года назад был брошен корабль «Фьюри». Двигаясь к югу, Джон Росс остановился на зимовку в бухте Феликс — названной так в честь инициатора экспедиции — и там узнал, что исследованные им земли представляют собой огромный полуостров, на юге соединенный с Американским материком.

В апреле 1830 года Джеймс Росс, племянник начальника экспедиции, отправился в шлюпке для изучения этих берегов², а также берегов Земли Кинг-Вильям³.

В ноябре снова пришлось устраиваться на зиму, так как корабль смог продвинуться к северу лишь на несколько миль; для зимовки выбрали бухту Шериф. Морозы стояли очень сильные, и эта зима оказалась самой суровой из всех, проведенных экипажем «Виктори» во льдах.

Лето 1831 года было посвящено исследованиям, доказавшим отсутствие связи между двумя океанами. Но и на этот раз кораблю удалось пробиться к северу лишь на несколько миль до бухты ДисCOVERI. Новая зима была такой холодной, что пришлось отказаться от надежды вывести «Виктори» из ледяного плена.

Англичанам очень посчастливилось, что им удалось найти продовольствие, оставшееся на «Фьюри»; без него они умерли бы

¹ Феликс Бут, друг Джона Росса, был на самом деле пивоваром, а по совместительству — лондонским шерифом. На деньги Бута было куплено трехмачтовое коленное судно «Виктори», до того совершавшее регулярные рейсы между Ливерпулем и островом Мэн в Ирландском море. Для запасов провианта места на пароходе не было. Для этой цели приспособили баржу «Крузенштерн», которую «Виктори» тянула на буксире.

² Поход Джеймса Кларка Росса, которого сопровождали три человека, был пешим и продолжался с 17 мая по 13 июня 1830 года.

³ Сейчас — остров Кинг-Вильям. Его координаты 69°05' с. ш., 97°25' з. д.

с голоду; среди лишений, невероятных мук, с каждым днем все больше и больше слабая, они ждали наступления лета. В июле 1833 года Джон Росс и его спутники окончательно покинули зимовку, добрались по суше до пролива Принс-Риджент, затем до пролива Барроу и вышли на побережье Баффинова залива как раз к тому времени, когда в нем появился корабль. То была «Изабелла», которой когда-то командовал сам Росс; она подобрала экипаж «Виктори».

В течение всего этого времени Англия не забывала своих моряков и каждый год посылала экспедицию на их поиски. В 1833 году ее возглавлял Джордж Бак, спутник Франклина. Отправившись из Форт-Резольюшен на берегу Большого Невольничьего озера, он двинулся на север, открыл на своем пути реку Тлони-Тчо-Дезент¹, остановился на зимовку и рассчитывал на следующий год добраться до Полярного моря, где, по предположению, был затерт во льдах Росс, как вдруг узнал невероятную новость о его возвращении.

В следующем году Бак подробно исследовал прекрасную реку Фиш-Крик², открытую им в предыдущем году, увидел горы Королевы Аделейд, а также мысы Бутия и Джеймс Росс.

В 1836 году он возглавляет новую экспедицию, отправившуюся на этот раз морем, и безуспешно пытается увязать между собой открытия Росса и Франклина.

Решение этой задачи выпало на долю двух служащих Компании Гудзонова залива — Питера Уоррена Диза³ и Томаса Симпсона⁴.

Они отправились 1 июня 1837 года из Форт-Чипевайана и, спустившись вниз по течению Маккензи, достигли 9 июля берега моря; по нему им удалось добраться до расположенного на 71°3'

¹ Видимо, речь идет о Слейв-Ривер, или Невольничьей реке.

² Фиш-Крик, или Большая Рыбная река, теперь называется Бак — в честь морского офицера Джорджа Бака, исследовавшего ее в 1833—1835 годах.

³ Питер Уоррен Диз — главный комиссионер компании в то время. Участник экспедиции Джона Франклина в 1825—1826 годах. Кроме общего руководства экспедицией 1837—1838 годов, командовал одним из экспедиционных судов.

⁴ Симпсон Томас (1808—1840) — помощник Диза, энтузиаст открытия Северо-Западного прохода. Сначала командовал одним из судов экспедиции, потом руководил пешим отрядом, достигшим 4 августа 1837 года мыса Барроу. И в следующем, и в 1839 годах также командовал пешими отрядами.

северной широты и $156^{\circ}46'$ западной долготы мыса, получившего название Джордж-Симпсон — по имени директора Компании Гудзонова залива.

Томас Симпсон с пятью людьми продолжал двигаться по суше на запад до мыса Барроу, который уже видел один из офицеров Бичи, когда тот возвращался из Берингова пролива.

Итак, исследование американского берега от мыса Тарнеген до Берингова пролива было завершено; неизученным осталось только пространство между мысами Огл и Тарнеген; восполнением этого пробела наши путешественники занялись во время следующей экспедиции.

Отправившись в 1838 году от реки Коппермайн, они прошли вдоль берега океана к востоку и 9 августа достигли мыса Тарнеген; но так как льды не дали возможности лодкам обогнуть его, то Томас Симпсон остался на зимовку, открыл затем Землю Виктории и, добравшись 12 августа 1839 года до реки Бак, продолжал до конца месяца заниматься изучением полуострова Бутия¹.

Таким образом береговая линия была окончательно установлена. Ценой каких усилий, каких трудов, каких жертв и какой самоотверженности! Но что значит человеческая жизнь по сравнению с прогрессом науки! Сколько бескорыстия, страстной преданности идее проявляют ученые, моряки, исследователи, которые отказываются от всех радостей жизни, чтобы по мере сил внести свою долю в прогресс человеческого знания, в дело научного и нравственного совершенствования человечества!

Вместе с рассказом о последних путешествиях, почти завершивших изучение земного шара, заканчивается и эта работа, начатая с описания попыток первых исследователей.

Очертания суши теперь выяснены, задача исследователей выполнена. Мир, населенный людьми, им отныне известен. Теперь остается только использовать огромные богатства тех стран, которые стали для них легкодоступными и которыми они сумели завладеть.

Как обильна всевозможными фактами эта история двадцати столетий исследований! Оглянемся назад и подведем в общих чертах итоги успехам, достигнутым за этот длинный промежуток времени.

¹ Координаты полуострова Бутия — 71° с. ш., 94° з. д.

Если мы возьмем карту полушарий Гекатея, жившего за пятьсот лет до нашей эры, то что мы увидим на ней?

Весь известный в то время мир охватывал только бассейн Средиземного моря. Земля, очертания которой так сильно искажены, представлена лишь ничтожной частью Южной Европы, Передней Азии и Северной Африки. Эти страны окружены рекой, не имеющей ни начала, ни конца, носящей название «Океан».

Положим теперь рядом с этой картой, достойным памятником античной науки, карту полушарий, изображающую мир, каким мы его знали в 1840 году. На огромном пространстве земного шара та часть его, что была известна, притом лишь приблизительно, Гекатею, составляет едва заметное пятно.

Зная отправную и конечную точки, можно судить о грандиозности открытий.

Вообразите себе теперь, какое количество самых разнообразных фактов было собрано при изучении всего земного шара, и вы застынете в изумлении перед результатами трудов стольких исследователей и мучеников науки; вы поймете пользу этих открытий и тесные связи между географией и всеми другими науками. Став на такую точку зрения, вы сможете охватить все философское значение той работы, которой посвятило себя множество поколений.

Конечно, первооткрывателями новых земель двигали самые различные мотивы.

Прежде всего, это естественное любопытство хозяина, стремящегося узнать все свои владения, измерить обитаемые их части, отграничить их от морей; затем — это требования торговли, находящейся еще в младенческом состоянии, которые привели, однако, к тому, что продукция азиатских стран доставлялась в Норвегию.

С Геродотом цель становится более возвышенной, и теперь это уже желание узнать историю, нравы, религию чужих народов.

Позже, в эпоху крестовых походов, наиболее реальным результатом которых явился интерес к изучению Востока, движущей силой для большинства была жажда наживы и влечение к неизвестному.

В то время как Колумб в поисках нового пути в Страну пряностей обнаруживает по дороге Америку, его последователи воодушевлены лишь желанием как можно скорее разбогатеть. Насколько не похожи они на тех благородных португальцев, кото-

рые жертвовали личными интересами ради славы своей родины и процветания ее колоний и умирали более бедными, чем в тот момент, когда они посвятили себя деятельности, обессмертившей их имена.

В XVII веке стремление уйти от религиозных преследований и гражданской войны заставляет переселиться в Новый Свет тех гугенотов¹ и в особенности тех квакеров², которые, заложив основу колониального процветания Англии, преобразили впоследствии Америку.

XVII век является по преимуществу веком колонизации. Французы в Америке, англичане в Ост- и Вест-Индии, голландцы в Океании основывают фактории и резиденции, между тем как миссионеры стараются распространить христианство не только в этих странах, но и в Китае, который в то время был труднодоступен.

В XVIII веке, подготовившем пути для нашей эпохи, исправляются обнаруженные ошибки, производится подробная съемка материков и архипелагов, — короче говоря, уточняются открытия предшествовавших столетий. Этой же цели добиваются современные исследователи, стремящиеся нанести на карты малейший уголок земли, самый крошечный островок. Этой же задаче подчинены труды бесстрашных мореплавателей, изучивших ледяные пустыни в районе обоих полюсов и снявших последний клочок завесы, так долго скрывавшей от наших взоров земной шар.

Итак, значительная часть нашей земли изучена. Но неужели результаты стольких доблестных трудов будут погребены в нескольких тщательно составленных атласах, где их разыщут лишь профессиональные ученые?

Нет! Эту землю, завоеванную нашими отцами ценой таких лишений и такого риска, люди должны использовать, привести в цветущее состояние. С помощью всех средств, предоставленных в

¹ Гугеноты — так назывались во Франции протестанты-кальвинисты. В 1598 году их политические права были защищены особым королевским актом — Нантским эдиктом короля Генриха IV. Однако полного равенства в правах гугеноты все же не получили. С 1685 года, после отмены Нантского эдикта, преследования протестантов во Франции возобновились, что дало толчок к массовой эмиграции гугенотов, в том числе и в Новый Свет.

² Квакеры — одна из многочисленных английских протестантских сект, основанная в середине XVII века. Именно квакеры стояли у истоков англосаксонской эмиграции в Америку.

наше распоряжение научным прогрессом, нам предстоит изучать это прекрасное наследство, приумножать, применять для практической деятельности!

Больше не должно быть невозделанных земель, непроходимых пустынь, неиспользуемых рек, неизмеренных морских глубин, недоступных горных вершин!

Мы преодолеваем препятствия, которые ставит перед нами природа. Суэцкий и Панамский перешейки нам мешают — мы перерезаем их. Сахара затрудняет связь между Алжиром и Сенегалом — мы прокладываем по ней железную дорогу. Океан отделяет нас от Америки — телеграфный кабель связывает нас с ней. Падде-Кале мешает двум народам, созданным для взаимопонимания, сердечно пожать друг другу руку — мы проложим под ним железную дорогу!

Такова задача, стоящая перед нами, современниками. Неужели она менее прекрасна, чем задача наших предшественников, и неужели ни один писатель не вдохновится ею?

Как ни заманчива эта тема, но она выходит за рамки, с самого начала намеченные нами для данной работы. Мы хотели написать «Историю открытия Земли»; мы ее написали, и наш труд, следовательно, окончен.

Конец третьего, и последнего, тома

НЕОКОНЧЕННАЯ «ИСТОРИЯ»

Не исключено, что читатель, перевернув последнюю страницу книги, завершающей историко-географический труд Жюль Верна, придет в недоумение. В самом деле, писатель назвал финальную часть своего капитального исследования «Путешественники девятнадцатого века», тогда как повествование заканчивается на рубеже 20 – 30-х годов этого столетия и только в одном случае, при описании французских открытий в Антарктике, переступает рубеж сороковых. Это выглядит по меньшей мере странно по отношению к произведению, представленному на суд читателей в середине 1880 года.

Но, в сущности, ничего удивительного тут нет. Непревзойденный творец приключенческих романов не был историком науки. Его «Открытие Земли» (как стал называться трехтомник, начиная с 1886 года) – не оригинальное произведение. Автор переводит в более художественную, популярную форму строгие научные историко-географические сочинения, появившиеся к середине XIX века. Например, Ж. Верн часто ссылается на «Историю географических открытий» известного английского ученого Уильяма Десборо Кули. Эта «История» вышла в свет в 1830 – 1831 годах, что в значительной степени определило принятый французским писателем рубеж. Более новая, появившаяся в 1873 году «История географии и географических открытий» верновского знакомого Вивьена де Сент-Мартена также обрывалась на путешествиях первой половины столетия.

Обязан ли был уже очень популярный к тому времени писатель продолжить свою «Историю»? Трудно сказать. С одной стороны, Верн эта область человеческой деятельности всегда интересовала и он был в курсе самых последних географических открытий, в чем читатель может легко убедиться, перелистав едва ли не любой роман мэтра. С другой стороны, уже существовали

периодические издания, публиковавшие краткие отчеты путешественников или сообщения о завершенных исследованиях. Во Франции XIX века подобные издания были представлены «Летописью путешествий» Мальтбрунна и Эйрье и сент-мартеновским «Географическим ежегодником» (1863 — 1876) и сменившей его «Новой летописью путешествий» (с 1876 г.). Кроме того, каждый более или менее честолюбивый землепроходец после завершения экспедиции старался выпустить книгу о своих странствиях и открытиях. Следовательно, как мог рассуждать и Ж. Верн, любой интересующийся путешествиями читатель мог относительно легко познакомиться с последними достижениями в этой области (не будем забывать также и о прессе, и о ставших весьма популярными в конце прошлого века публичных лекциях). Одному же человеку собрать воедино весь столь обширный разноязычный материал было бы весьма и весьма нелегко. Для этого прежде всего нужна была масса времени, а его-то у писателя катастрофически не хватало.

Возникала и другая сложность. Верн не был ученым, а следовательно, не мог объективно оценить значимость того или иного путешествия. Читатель, верно, уже успел в этом убедиться. Достаточно ординарное кругосветное плавание, в котором европейским морякам удавалось «открыть» с десятков малюсеньких островков, к тому же по большей части давным-давно заселенных, в книге относится к разряду замечательных. А вот кругосветка И. Ф. Крузенштерна, в ходе которой были сделаны подлинные открытия в структуре важнейшего географического объекта — Мирового океана, объявляется малозначимой с научной точки зрения. Вдумайся, читатель: открыто Межпассатное течение, огромная река в океане, стоящая всех Маккензи, Ниагар, Рио-Нуньес и Сенегалов вместе взятых, а писатель утверждает, что никаких крупных географических открытий сделано не было. Да создание одного «Атласа Южного океана», которым долгие годы пользовались мореплаватели всех наций, перевешивает достижения многих с пиететом описанных в книге французских и британских экспедиций. Что ж, в очередной раз приходится посетовать на незнание Верном русского языка. Получи писатель возможность работать с оригиналом отчета о первом российском кругосветном плавании, он, может быть, иными глазами смотрел бы на деяния наших предков.

Непрофессионализм таит в себе и другие опасности. Младший коллега Ж. Верна, его соотечественник, не только автор захваты-

вающих приключенческих романов, но и сам путешественник, Луи Буссенар, выпуская собственную историю географических открытий, решил внести в нее сведения о землепроходцах последней четверти XIX века. Увы! Наряду с именами, действительно достойными серьезного внимания самого широкого круга образованных людей, писатель старательно рассказывал о путешественниках, чьим единственным достоинством было посещение далеких стран и относительно увлекательное изложение собственных приключений и переживаний в становившейся на время популярной книжке. Буссенар, щедро раздавая эпитеты «замечательный», «выдающийся» и т. п., сообщает о журналистах, миссионерах, купцах, офицерах, имена которых ныне позабыты даже самыми педантичными составителями биографических справочников. Жюль Верн оказался намного разумнее. Он а priori согласился с устоявшейся оценкой специалистов и предпочел в данном случае воздержаться от собственного продолжения «Истории». Правда, делает это не совсем корректно. Писатель, завершая свой труд, приводит исполненную гордости за род человеческий фразу: «Земля открыта, теперь предстоит освоить ее». Нам, читающим эти строки спустя сто с лишним лет, ясно, что дело обстояло далеко не так. Даже очертания континентов, преимущественно в полярных областях, не были известны. Что уж тут говорить о внутренних районах материков!

Скажем, на британском атласе мира 1840 года с относительной достоверностью показана только береговая линия Южной Африки. Все, что отстояло на несколько десятков километров от побережья, виделось сплошным белым пятном. Конечно, для читателя восьмидесятых годов оно уже не было таким сплошным — после титанических усилий отважных Давида и Чарлза Ливингстонов, Генри Мортон Стенли, Джона Хеннинга Спика, Джеймса Огастеса Грина, Саворньяна де Браззы, Ричарда Френсиса Бёртона, Георга Швейнфурта, Поля-Беллони дю Шайю, Густава Нахтигала, Генриха Барта и многих других. Однако Верн-то не обмолвился об этом и словом.

Еще большее несоответствие громкому верновскому утверждению являла собой изученность внутренних областей других континентов. Она была почти нулевой. Нашему читателю и ближе и понятнее эпопея исследования Внутренней Азии. Первоочередной эту задачу, кстати, считало основанное в 1845 году Русское географическое общество (РГО). В 1856 году отправляется в экс-

педицию на Тянь-Шань выдающийся географ Петр Петрович Семенов. Его роль в изучении труднодоступных районов планеты была оценена настолько высоко, что он получил официальное почетное добавление к своей фамилии: Тянь-Шанский. А вслед за ним провели свои блестящие по результатам, разносторонние исследования путешественники, вписавшие едва ли не самые славные страницы в историю отечественной науки. Туркестанский край с 1857 года исследовал Николай Алексеевич Северцов, в Центральной Азии с 1866 года работал Михаил Васильевич Певцов, совершивший в 1876 — 1890 годах три самостоятельные экспедиции по Джунгарии, Монголии, Кашгарии и Куэнь-Луню. В 1858 — 1859 годах совершил плодотворную по результатам экспедицию в Кашгарию казах Чокан Валиханов. Мировую известность получил своими четырьмя экспедициями в Центральную Азию (Кашгарию, Джунгарию и Тибет) в 1870 — 1885 годах Николай Михайлович Пржевальский. В конце XIX века, уже после выхода книги Ж. Верна, открытие внутренних азиатских просторов для науки продолжали русские путешественники Всеволод Иванович Роборовский, Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло, Григорий Николаевич Потанин, швед Свен Гедин, французы Ж.-Л. Лютрей де Рен и Ф. Гренар, а также десятки других мужественных и самоотверженных исследователей.

И уж коль скоро заходит речь о России, нельзя не сказать о некоторой тенденциозности Ж. Верна. Часто говорится о его особых чувствах к России, чуть ли не о любви к нашей стране. Пожалуй, излишне напоминать, что писатель, умеренный демократ по своим убеждениям, не мог любить страну, потопившую в крови две революции: венгерскую 1848 — 1849 годов и польско-литовскую 1863 — 1864 годов. Да, Верн интересовался этой огромной страной с ее богатейшими природными ресурсами, с ее могучим народом, дважды на протяжении полувека оказывавшимся в состоянии войны с Францией. Да, у него были знакомые среди русских политических эмигрантов, да, он неоднократно переносил в Россию действие своих романов, но любовь тут ни при чем. И данный том верновской истории путешествий лишний раз это подтверждает.

Взгляните-ка, *кто* у него исследует Россию или разносит славу русского имени по просторам Мирового океана — сплошь иностранцы или, в лучшем случае, выходцы из Прибалтики. Приводятся одно-два русских имени, которых просто нельзя было выбро-

силь. В сущности, Верн продолжает ту же линию дискриминации русской науки, которой в Европе придерживались в течение всего XIX века. Слов нет, иностранцы внесли большой вклад в научное изучение России, и отечественная наука с благодарностью признает труды Герарда Миллера и П. Палласа, Александра Гумбольдта и Родерика Мёрчисона, гордится именами российских подданных Ивана Крузенштерна, Фаддея Беллинсгаузена, Отто Коцебу, Йохана Эшшольца, Ивана Черского, Александра Чекановского, Германа Абиха, Гергарда Майделя и многих-многих других, навсегда оставшихся в истории изучения и исследования Земли.

Однако негоже и соглашаться с иностранцами, вольно или невольно принижаящими заслуги нашего народа. В географических исследованиях XIX века (до выхода книги Ж. Верна) роль отечественных мореплавателей была куда больше, чем об этом упоминается в книге. Опущены значительные по своим достижениям плавания Василия Михайловича Головнина на «Диане» (1807 — 1809) и «Камчатке» (1817 — 1819). Ничего не сказано о самостоятельном кругосветном плавании Михаила Петровича Лазарева на «Суворове» (1813 — 1816) и полярной экспедиции 1819 — 1822 годов. Михаила Николаевича Васильева и Глеба Семеновича Шишмарева на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный». Молчанием отмечены новоземельские экспедиции Петра Кузьмича Пахтусова (1832 — 1834). Полностью проигнорированы исследования в Татарском проливе и на Нижнем Амуре, проведенные в 1849 — 1853 годах под руководством Геннадия Ивановича Невельского. Замечу, что кругосветные плавания российских парусных судов осуществлялись регулярно вплоть до середины 1850-х годов и почти каждое из них приносило какое-нибудь географическое открытие. Не прекратились они и после Крымской войны. Например, адмирал Степан Осипович Макаров, один из создателей науки о Мировом океане, совершил, уже во второй половине XIX века, два кругосветных путешествия.

Нельзя не упомянуть роли отечественных ученых в исследовании крупных внутренних морских водоемов — Каспийского и Аральского морей. Последнее вообще обойдено вниманием Ж. Верна, а потому и титанический (учитывая локальные условия судоходства) труд Алексея Ивановича Бутакова, руководившего гидрографической съемкой Арала, остался за рамками книги. Что до Каспия, то писатель лишь мельком упоминает Карла Эдуарда Эйхвальда, но тот был далек от гидрографии и морем как тако-

вым не интересовался. Между тем гидрографическое описание Каспия было составлено А. Колодкиным в результате пятилетних экспедиционных работ (1809 – 1814). А более полное в гидрологическом отношении изучение моря сделали каспийские экспедиции под руководством Г. С. Карелина (1832 – 1836) и И. М. Жеребцова (1847).

Российская империя была континентальной страной, а поэтому сухопутные географические исследования в работе РГО занимали ведущее место. Ни по результатам, ни по сложности природной обстановки они нисколько не уступают прославляемым европейскими писателями исследованиям других континентов. Стоит упомянуть хотя бы экспедиции горного инженера Александра Александровича Иностранцева в Заонежскую тайгу (1869 – 1870), исследования Донецкого края Евграфом Петровичем Ковалевским (1810 – 1828), завершившиеся открытием угольных месторождений, путешествие по Алтаю и Западному Саяну Петра Александровича Чихачева (1842), работы Арсения Федоровича Усольцева в Восточной Сибири (1855 – 1858) и Алексея Федоровича Будинцева на Уссури и в Приморье (1859 – 1867), исследование Закаспия Николаем Николаевичем Муравьевым-Карским (1819 – 1821), если говорить только о временах, предшествовавших написанию верновской «Истории». Да что там! Писатель не нашел нужным рассказать даже о путешествиях по Дальнему Востоку Петра Александровича Кропоткина, хотя сведения, полученные от русского революционера, которого знал лично, он не раз использовал в своих произведениях.

Конечно, в какой-то мере умолчания о достижениях русских путешественников можно объяснить языковым барьером. Сочинения на европейских языках, скажем труды того же Отто Коцебу, были достаточно распространены за российской границей, поэтому и использовались для обзорных работ. Но как в таком случае объяснить отсутствие всяких упоминаний о Николае Владимировиче Ханькове, совершившем большое путешествие по Иранскому нагорью (1858 – 1860) и выпустившем книгу об этом путешествии в 1861 году на французском языке, да не где-нибудь, а в самом Париже?

Необъективность Ж. Верна особенно видна в рассказах о полярных регионах. О влечении писателя к Северу известно достаточно хорошо. Он скрупулезно собирал сведения о географическом исследовании приполярных стран. Едва закончилось пла-

вание Адольфа Эрика Норденшельда Северо-Восточным проходом (Северным морским путем), а это случилось в 1879 году, как писатель задумал роман, в сюжете которого — мотивы этой экспедиции. Роман будет написан в 1884 году и выйдет под названием «Найденши с погибшей “Цинтии”». В те же годы литератор работает над «Путешественниками XIX века», ни словом не упоминая о важнейших открытиях, накануне сделанных в Арктике.

Историю поисков Северо-Западного прохода Верн прерывает в самый захватывающий момент. В 1845 году из Англии на судах «Эребус» и «Террор» отправляется очередная экспедиция под руководством известного полярного исследователя Джона Франклина. Экспедиция погибла, но поиски ее, организованные в значительной степени благодаря энергии вдовы Франклина леди Джейн, способствовали крупному географическому открытию. Кажется, весь цвет арктического капитаната принял в них участие: Джон и Джеймс Кларк Россы, Эдвин Де-Хавен, Уильям Пенни, Френсис Леопольд Мак-Клинток, Горас Остин, Уильям Паркер Сноу, Уильям Кеннеди, Жозеф-Рене Белло, Эдуард Белчер, Генри Келлетт, Ричард Коллинсон, Роберт Мак-Клур. Эти британцы, американцы, канадцы, французы миля за милей углублялись в ледяные просторы Канадского архипелага, чтобы вырвать у вечных снегов страшную тайну. Некоторые, как, например, Белло, заплатили за свое упорство жизнью. Поиски не привели к непосредственной цели, но зато увенчались открытием Мак-Клуrom в 1853 году столь желанного для многих полярных исследователей прохода. Увы! — овчинка, как говорится, не стоила выделки: Северо-Западный проход оказался непригодным для постоянного использования в навигационных целях. Потребовалось еще полвека, пока Руал Амундсен на маленьком рыболовном суденышке «Йоа» водоизмещением всего в 47 тонн прошел в 1903 — 1906 годах этим путем.

В Европейской Арктике события развивались не менее драматично, но здесь самым важным открытием стало обнаружение Земли Франца-Иосифа. Еще в 1865 году ее существование предсказал русский военный моряк Николай Шиллинг. Позднее П. А. Кропоткин выступил с гипотезой о наличии крупных массивов суши к северо-западу и северо-востоку от Новой Земли (так называемый «Барьер Кропоткина»). Гипотеза эта очень скоро блестяще подтвердилась, но волею обстоятельств открывателями северо-западного архипелага стали австрийцы Юлиус Пайер и

Карл Вайпрехт (1872 – 1874). Северо-восточные же земли в 1913 году обнаружит экспедиция под руководством Б. Вилькицкого и назовет Землей Николая II (ныне – Северная Земля).

Не касается Ж. Верн и первых серьезных попыток достижения Северного полюса, хотя по времени они могли бы войти в книгу. Речь идет о путешествиях американца И. Кейса (1860 – 1861) и английской экспедиции под общим руководством капитана Джорджа Стронга Нэрса (1875 – 1876). В них были сделаны важные географические открытия.

Что касается Антарктики, то автор, как мы помним, после описания экспедиции Дюмон-Дюрвиля вообще выражал сомнение в существовании Антарктического материка. Больше того, в вышедшем уже в 1897 году «Ледяном сфинксе» (вопреки появившимся фактам) художественно обыграл эти сомнения. Как же в таком случае можно было заканчивать «Историю» утверждением, что вся Земля, мол, уже открыта? Правда, Антарктика после плаваний Дюмон-Дюрвиля и Джеймса Кларка Росса целых три десятилетия отдыхала от неугомонных географов. Только в 1874 году в антарктические воды вошло океанографическое судно «Челленджер», что, впрочем, не привело к значительным открытиям, которых надо было ждать еще 20 лет, когда в 1893 году к берегам Антарктиды отправилась норвежская экспедиция Карла Антона Ларсена. Пожалуй, здесь автор больше опирался не на научные предвидения, а на свои ранние впечатления от яркого фантастического романа Эдгара По.

Что же! Приходится еще раз повторить: прославленный писатель не был ученым. Именно по этой причине он прошел мимо двух эпизодов глобальной исследовательской эпопеи Мирового океана. Именно в годы работы Ж. Верна над «Историей географических открытий» в этой области произошло знаменательное событие. В декабре 1872 года из Портсмута в кругосветный рейс вышел «Челленджер», первое в мире научное судно. Впрочем, локальные океанографические экспедиции начались несколько раньше. В 1868 – 1870 годах под руководством шотландца Чарлза Уайвилла Томсона велись работы у северо-западных берегов Европы, завершившиеся открытием банок Феро и Поркьюпайн и подводного плато Роколл. Но на «Челленджере», капитаном которого был Джордж Стронг Нэрс, а научным руководителем Уайвилл Томсон, выполнялась комплексная программа работ: десятки тысяч гидрографических, метеорологических, гидроло-

гических, гидрохимических, биологических и геологических наблюдений. Можно сказать, что после этого рейса океан перестал быть Великим Незнакомцем. Странно, что крестный отец «Наутилуса» не заметил этого события. Ба! Да он ухитрился просто проигнорировать его. Вспомните, сколько небылиц об океане рассеяно по страницам последних романов Верна. А ведь к тому времени были известны не только материалы плавания «Челленджера» (1872 – 1874). Удачно работали в голубых просторах немецкий корвет «Газелле» (1874 – 1876, руководитель работ Георг Ноймайер) и пароход «Вальдивия» (1898 – 1899, руководитель рейса Карл Хун), датский корабль «Ингольф» (руководитель научных исследований – знаменитый океанограф Мартин Ханс Кнудсен), английские суда «Эссекс» (1877 – 1878), «Тускарора» (1873 – 1876), «Блейк» (1877 – 1880), «Альбатрос» (1883 – 1886), «Энтерпрайз» (середина 1880-х годов)...

И другой тип исследований мог бы заинтересовать Ж. Верна, если бы его – с возрастом, что ли? – не тянуло бы все больше в вымышленные миры. Вторая половина XIX века подарила нам ученого, который не гнался за «географическими рекордами». Тем не менее его открытия стали важнейшей вехой в самопознании человечества. Его трудами началась новая эра в этнографии и антропологии. Имя этого ученого – Льюис Генри Морган. В 40-е годы он впервые отправился к индейцам, был принят в одно из ирокезских племен (сенека) и усыновлен в нем. Впоследствии он жил среди оджибве на севере Мичигана, путешествовал по берегам Гудзонова залива, по Великим Равнинам, по пустынным гористым штатам американского Юго-Запада. В итоге своих обширных полевых исследований он собрал огромный этнографический материал, достаточный не только для подробного описания образа жизни и обычаев коренного населения Америки (его книга «Лига ирокезов» вышла в 1851 году), но и сумел сделать глобальное обобщение первобытной фазы развития человеческого общества. Его знаменитая монография «Древнее общество» (1877) явилась краеугольным камнем современной науки о ранних стадиях развития человечества. Исследования Л.-Г. Моргана, кроме того, показали важность детальных полевых исследований и стали этапными для этнографии. Примеру американца последовал вскоре наш замечательный соотечественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай, работавший на Новой Гвинее (1871 – 1872, 1874 – 1877, 1880, 1882 – 1883), в Малайе, Западной Микро-

незии, Меланезии. И эти работы не привлекли внимания Жюль Верна!

Надо ли пенять ему за это? Да ни в коем случае! Потому что ни один человек не в состоянии охватить всего многообразия научной деятельности. Это касается любой отрасли знаний, но в наибольшей мере — именно истории географических открытий, потому что именно здесь сталкивались неоднородные оценки, политические интересы многих государств, торговые тайны, человеческое честолюбие и многое-многое другое. Жюль Верн хотел охватить историю исследования Земли как процесс, участниками которого стало множество людей самых разных времен и национальностей. Ему это удалось. Тем и ценна верновская «История». Писатель воссоздал яркие образы первооткрывателей, рельефно показал их достоинства, не умолчал и о недостатках. Тем самым на свет явилась сага о познании человеком среды своего обитания. В нашем невероятно сжимающемся мире надо постоянно помнить, какой ценой людям далось это познание. Тогда и отношение к окружающему миру станет, пожалуй, более бережным, более щадящим, потому что предки наши, покоряя и познавая казавшийся им огромным окружающий мир, мечтали не об уничтожении его, а о счастливой жизни в нем. И это тоже наглядно показано в книге Верна. Поэтому и читать ее будут еще долго-долго.

Ну а неоконченность? Что ж, она так и останется, потому что и само познание планеты еще далеко не завершено. Определившись с географическими границами земли и суши, человечество только начинает познание гидросферы, а ведь океаны и моря занимают две трети поверхности планеты. Человек только начинает разбираться в законах, управляющих атмосферными явлениями, и только-только приступает к исследованию каменных недр планеты. Время открытий еще не закончилось. И всегда на первых страницах летописи человечества будут стоять имена землепроходцев минувших веков, о которых так увлекательно написал Жюль Верн. Без преувеличения его «Историю великих географических открытий» можно поставить в тот сравнительно небольшой ряд книг, с которыми должен познакомиться каждый образованный человек.

А. МОСКВИН

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История географических открытий и исследований (общие обзоры и исследования)

- Атлас истории географических открытий и исследований. М., ГУТК, 1959.
- Буссенар Л.* Приключения знаменитых первопроходцев. Книги 1—4 (Кн. 1. Северный полюс. Океания. Кн. 2. Африка. Кн. 3. Америка. Кн. 4. Азия). М.: Ладомир, 1998.
- Краткая географическая энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. 4. Географические открытия и исследования нового времени (XIX—начало XX в.). М.: Просвещение, 1985.

2. Региональные обзоры и исследования по истории географических открытий

Географические исследования отдельных стран и территорий

- Азатьян А. А., Белов М. И. и др.* История открытия и исследования Советской Азии. М.: Мысль, 1969.
- Алексеев А. И.* По таежным тропам Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 1959.
- Алексеев А. И.* Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX—начало XX в.). М.: Наука, 1976.
- Алексеев А. И.* Освоение русскими Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982.
- Архипова Н. П., Ястребов Е. В.* Как были открыты Уральские горы. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1982.
- Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке. М.: Наука, 1964.
- Бальзан Ф.* Черный козерог. М.: Мысль, 1973.
- Белов М. И.* По следам полярных экспедиций. Л., Гидрометеиздат, 1972.

- Горнунг М. Б., Липец Ю. А., Олейников Н. И.* История открытия и исследования Африки. М.: Мысль, 1973.
- Есаков В. А.* География в России в XIX—начале XX века. М.: Наука, 1978.
- Зубов Н. Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954.
- История географических знаний и открытий на севере Европы. Л.: издание Географического общества СССР, 1973.
- История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1 (с древнейших времен до середины XIX века). М.: Речной транспорт, 1956. Т. 2 (эпоха капитализма). Л.: Морской транспорт, 1962.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, 1968.
- Камбалов Н. А., Сергеев А. Д.* Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1968.
- Кронштадцы — исследователи Земли. Л.: издание Географического общества СССР, 1973.
- Кублицкий Г.* Открыватели Антарктиды. М.; Л.: Детгиз, 1949.
- Купер П. Ф.* Остров затерянных. Л.: Гидрометеоздат, 1970.
- Лактионов А. Ф.* Северный полюс. Очерк истории путешествий к центру Арктики. М.: Морской транспорт, 1960.
- Ланге П. В.* Горизонты Южного моря. История морских открытий в Океании. М.: Прогресс, 1987.
- Ланге П. В.* Континент коротких теней. История географических открытий в Африке. М.: Прогресс, 1990.
- Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. М.: Мысль, 1971.
- Магидович И. П.* История открытия и исследования Северной Америки. М.: Географгиз, 1962.
- Магидович И. П.* История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М.: Мысль, 1965.
- Мазьер Ф.* Загадочный остров Пасхи. М.: Мысль, 1970.
- Малаховский К. В.* Последняя подопечная (История Микронезии). М.: Наука, 1977.
- Малаховский К. В.* Соломоновы острова. М.: Наука, 1978.
- Марков С.* Летопись Аляски. Изд. 2-е. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948.
- Марков С. Н.* Земной круг. М.: Современник, 1976.
- Можейко И. В.* В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV—XX вв.). Изд. 2-е. М.: Наука, 1980.
- Моуэт Ф.* Испытание льдом. М.: Прогресс, 1966.
- Пасецкий В. М.* Первооткрыватели Новой Земли. М.: Наука, 1980.
- Пеплиг Э.* Через Анды к Амазонке. М.: Географгиз, 1960.
- Пименов В. В.* Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX веков. Петрозаводск: Карелия, 1969.
- Пирен Ж.* Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследований. М.: Наука, 1970.
- Памбу (Роша-Пембу) Ж.-Ф.* История Бразилии. М.: Иностранная литература, 1962.
- Романов Д. М., Каневский З. М.* Колумбы Арктики. Тула: Приокское книжное изд-во, 1982.

- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1953.
- Русские открытия в Антарктике. М.: Географгиз, 1951.
- Свет Я. М. История открытия и исследования Австралии и Океании. М.: Мысль, 1966.
- Стингл М. Тайны индейских племен. М.: Прогресс, 1982.
- Стингл М. Очарованные Гавайи. М.: Наука, 1983.
- Стингл М. Индейцы без томагавков. М.: Прогресс, 1986.
- Стингл М. Приключения в Океании. М.: Правда, 1989.
- Стингл М. Таинственная Полинезия. М.: Наука, 1991.
- Трешников А. Ф. История открытия и исследования Антарктиды. М.: Мысль, 1963.
- Фидлер А. Зов Амазонки. Канада, пахнущая смолой. Горячее селение Амбинанитело. Л.: Лениздат, 1966. (Есть много отдельных изданий каждой из 3 книг.)
- Фидлер А. Белый ягуар — вождь араваков. М.: Пресса, 1992. (Есть несколько более ранних изданий как трилогии в целом, так и отдельных ее частей.)
- Хаген В. Их призвала Южная Америка. М.: Географгиз, 1961.
- Чванов М. А. Загадка штурмана Альбанова. М.: Мысль, 1981.

3. Издания дневников путешествий и других документальных сборников

- Арктические походы Джона Франклина. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935.
- Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света. М.: Географгиз, 1960.
- Бибер О. Таинственная Каффа. В стране царей-богов. М.: Издательство восточной литературы, 1961.
- Борхгревинк К. У Южного полюса. М.: Географгиз, 1958.
- Брем А. Э. Путешествие по Северо-Восточной Африке или по странам, подвластным Египту: Судану, Нубии, Сеннару, Россересу и Кордофану. М.: Географгиз, 1958.
- Бэр К. М. Автобиография. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948.
- Гедин С. В сердце Азии. Памир—Тибет—Восточный Туркестан. Т. 1—2. СПб., 1899.
- Головнин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка»... М.: Мысль, 1965.
- Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев... Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1972.
- Грили А. Три года в Арктике. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. М.: Географгиз, 1948.
- Гумбольдт А. Картины природы. М.: Географгиз, 1959.
- Гумбольдт А. Путешествия в равноденственные области Нового Света. М.: Географгиз, 1963 (том 1) — 1964 (том 2).
- Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигл». М.: Географгиз, 1953.

- Де Лонг Д. В.* Плавание «Жаннетты». Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936.
- Камерон В. А.* Пересекая Африку. М.: Наука, 1981.
- Карелин Г. С.* Путешествия по Каспийскому морю // «Записки Русского географического общества», 1883. Т. 10.
- Коцебу О. Е.* Путешествия вокруг света. М.: Географгиз, 1948.
- Коцебу О. Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 годах. М.: Наука, 1987.
- Кропоткин П. А.* Письма из Финляндии // «Известия Русского географического общества», 1871. Т. 7, № 4—6, 9.
- Кропоткин П. А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988.
- Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света... М.: Географгиз, 1950. (Последнее переиздание — Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1976).
- Лазарев М. П.* Документы. Т. 1—3. М.: Военно-морское изд-во, 1952.
- Ливингстон Д.* Путешествия и исследования в Южной Африке. М.: Географгиз, 1955.
- Ливингстон Д., Ливингстон Ч.* Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 год. М.: Географгиз, 1956.
- Лисянский Ю. Ф.* Путешествие... на корабле «Нева»... М.: Географгиз, 1947. (Последнее переиздание — Владивосток, Дальневосточное книжное изд-во, 1977.)
- Литке Ф. П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». М.: Географгиз, 1948.
- Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию. Л.: Наука, 1973.
- Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.
- Миклухо-Маклай Н. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. Путешествие на Берег Маклая. М.: Наука, 1991. Т. 2. Дневники путешествий. М.: Наука, 1993.
- Нансен Ф.* «Фрам» в Полярном море. Части 1—2. М.: Географгиз, 1956.
- Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1969.
- Норденшельд А. Э.* Плавание на «Веге». Т. 1—2. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936.
- Обручев В. А.* Мои путешествия по Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Обручев В. А.* По горам и пустыням Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Певцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Кун-Линь. М.: Географгиз, 1949.
- Певцов М. В.* Путешествия по Китаю и Монголии. М.: Географгиз, 1951.
- Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Т. 1—2. СПб.: Императорское Русское географическое общество, 1896—1898.
- Потанин Г. Н.* Путешествия по Монголии. М.: Географгиз, 1948.
- Переписка Карла Бэра по проблемам географии. Т. 1—3. Л.: Наука, 1970.
- Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов. М.: Географгиз, 1946.
- Пржевальский Н. М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. М.: Географгиз, 1947.
- Пржевальский Н. М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М.: Географгиз, 1948.
- Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. М.: Географгиз, 1948.
- Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867—1869. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1990.

- Пржевальский Н. М.* Путешествия (Избранные страницы для юношества). М.: Детгиз, 1958.
- Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994.
- Сапожников В. В.* По Алтаю. Дневник путешествия 1895 года. Томск, 1897.
- Сапожников В. В.* Катунь и ее истоки. Путешествия 1897—1899 годов. Томск, 1901.
- Стенли Г.* В дебрях Африки. М.: Географгиз, 1958.
- Толль Э. В.* Плавание на яхте «Заря». М.: Географгиз, 1959.
- Фини О., Брем А. Э.* Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.
- Фрамантен Э.* Сахара и Сахель. М.: Наука, 1990.
- Чихачев П. А.* Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука, 1974.
- Шульц Д. В.* Моя жизнь среди индейцев. Изд. 3-е. М.: Мысль, 1974.
- Юнкер В. В.* Путешествия по Африке. М.: Географгиз, 1949.

4. Литература об отдельных путешественниках и исследователях

- Азатьян А. А. А. П. Федченко* — географ и путешественник. М.: Географгиз, 1956.
- Алдан-Семенов А.* Семенов-Тянь-Шанский. М.: Молодая гвардия, 1965.
- Алексеев А. И.* Сподвижники Г. И. Невельского. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во, 1967.
- Алексеев А. И.* Дело всей жизни. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1972. (О Г. И. Невельском.)
- Алексеев А. И.* Костромичи на Амуре. Ярославль: Верхневолжское книжное изд-во, 1979.
- Анисимов С.* Путешествия П. А. Кропоткина. М.; Л.: Детгиз, 1952.
- Басков Е. А.* Сергей Николаевич Никитин. Л.: Наука, 1982.
- Варшавский А. С.* Путешествия Дюмон-Дюрвиля. М.: Мысль, 1977.
- Виттенбург П. В.* Жизнь и научная деятельность Э. В. Толля. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Вотте Г.* Давид Ливингстон. Жизнь исследователя Африки. М.: Мысль, 1977.
- Вязов Е. И.* Мунго Парк. М.: Географгиз, 1958.
- Гавриленков В. Н.* Русский путешественник Н. М. Пржевальский. Смоленск: Московский рабочий (Смоленское отделение), 1984.
- Геншорек В.* Двадцать тысяч километров по Сахаре и Судану. М.: Наука, 1985. (О Г. Барте.)
- Геттиер В. Г.* Эдуард Александрович Эверсман. Зоолог и путешественник. М.: Московское общество испытателей природы, 1940.
- Давыдов Ю. В.* Головинн. М.: Молодая гвардия, 1968.
- Де Терра Г.* Александр Гумбольдт и его время. М.: Иностранная литература, 1961.
- Дивин В. А.* Повесть о славном мореплавателе. М.: Мысль, 1976. (К 200-летию со дня рождения В. М. Головинна.)
- Задонский Н. А.* Жизнь Муравьева. М.: Современник, 1974.
- Задорнов Н. П.* Война за океан. М.: Воениздат, 1986. (Переиздания: Хабаровск, 1990; М.: Шенол, 1994.)

- Задорнов Н. П.* Капитан Невельской. М.: Советская Россия, 1986. (Переиздания: Хабаровск, 1989; М.: Шенол, 1993.)
- Золотницкая Р. А.* По дорогам неведомого Туркестана: к 150-летию со дня рождения Н. А. Северцова. М.: Мысль, 1978.
- Каринцев Н. А.* Под солнцем Азии. Путешествия Свена Гедина. М.: Учпедгиз, 1935.
- Козлов И. В.* Великий путешественник: Жизнь и деятельность Н. М. Пржевальского. М.: Мысль, 1985.
- Комиссаров Б. Н.* Григорий Иванович Лангсдорф. Л.: Наука, 1975.
- Куббель Л. Е.* Путь в Томбукту. Рассказ о путешествиях Александра Гордона Лэнга по внутренним областям Африки. М.: Мысль, 1971.
- Лукина Т. А.* Иоганн Фридрих Эшшольц, 1793—1831. Л.: Наука, 1975.
- Леонов Н. И.* Александр Федорович Миддендорф. М.: Наука, 1967.
- Леонов Н. И.* Алексей Павлович Федченко. М.: Наука, 1972.
- Манизер Г. Г.* Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию. М.: Географгиз, 1948.
- Мурзаев Э. М.* Лев Семенович Берг. М.: Наука, 1983.
- Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. Л.: Гидрометеиздат, 1971.
- Невский В. В.* Первое путешествие россиян вокруг света. М.: Географгиз, 1951.
- Невский В.* Вокруг света под русским флагом. М.; Л.: Детгиз, 1953.
- Никольченко К. И.* Адмирал Лазарев. М.: Воениздат, 1956.
- Н. М. Пржевальский и современная география. М.: Знание, 1989.
- Новокишанова Э. К.* Алексей Андреевич Тилло. Картограф, геодезист и географ. М.: Геодезиздат, 1961.
- Огуцов С. А.* Михаил Васильевич Певцов — географ-путешественник. Омск: Омское книжное изд-во, 1960.
- Пасецкий В. М.* Петр Анжу. М.: Географгиз, 1958.
- Пасецкий В. М.* Иван Федорович Крузенштерн. М.: Наука, 1974.
- Пасецкий В. М.* Ф. П. Врангель. М.: Наука, 1975.
- Пасецкий В. М.* Нильс Адольф Эрик Норденшельд. М.: Наука, 1979.
- Первая русская антарктическая экспедиция 1819—1821 гг. и ее отчетные навигационные карты. М.: Морской транспорт, 1963.
- Путилов Б. Н.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1956.
- Райт Т.* Большой гвоздь. Л.: Гидрометеиздат, 1973. (О Ф. Куке и Р. Пири.)
- Сапожникова Н. В., Сапожникова Е. В.* Василий Васильевич Сапожников. М.: Наука, 1982.
- Седова Н. С.* В сердце Азии. (Путешествия Свена Гедина. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928.
- Селиханова В. Г.* Михаил Васильевич Певцов. Путешественник, географ и астроном. М.: Геодезиздат, 1956.
- Ушакова Н. Н., Фигуровский Н. А.* Василий Михайлович Севергин. М.: Наука, 1981.
- Фабиян Ф.* В стране марабу. М.: Географгиз, 1959. (Путешествия А. Э. Брема по северо-востоку Африки.)
- Фирсов И. И.* И Антарктида, и Наварин. Ярославль: Верхневолжское книжное изд-во, 1983. (О М. П. Лазареве.)
- Фирсов И. И.* Полвека под парусами. М.: Мысль, 1988. (О М. П. Лазареве.)

Фирсов И. И. Колумбы росские. М.: НОК «Музей бумаги», 1996.

Цыбульский В. В. П. А. Чихачев — исследователь, путешественник. М.: Географгиз, 1961.

Юргенсон П. Б. Неведомыми тропами Сибири. М.: Мысль, 1964. (Об А. И. Миддендорфе.)

Юсов Б. В. Н. М. Пржевальский. М.: Просвещение, 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

История великих путешествий. Роман	
Часть первая <i>Перевод Е. А. Лопырева</i>	6
Часть вторая <i>Перевод Т. А. и В. И. Ровинские</i>	221
<i>А. МОСКВИН. Неоконченная история</i>	487
Список дополнительной литературы	497

ВЕРН Ж.

Полное собрание сочинений. – Серия I. («Неизвестный Жюль Верн».) В 26 т. Т. 25. Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников. Часть III. Путешественники XIX века. Пер. с фр. / Сост. З. Потапова. – М.: Ладомир, 1999. – 504 с., ил.

ISBN 5-86218-278-0 (т. 25)

ISBN 5-86218-022-2

Заключительный том историка географического труда Ж. Верна посвящен путешествиям конца XVIII – первой половине XIX в., совершенным Р. Лендером, Х. Клапбертоном, А. Гумбольдтом, Ж. Дюмон-Дюрвилем и др.

Открытие Земли предстанет перед читателем не только как единый поступательный процесс познания географической среды, но и как постижение великого разнообразия культур, населяющих нашу планету народов. Под блистательным пером писателя оживают картины исследования внутренних районов Азии, Африки, Америки. Особое место уделено кругосветным плаваниям в полярных областях, подчеркивается роль российских моряков в изучении Мирового океана и Антарктиды.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Полное собрание сочинений
Серия «Неизвестный Жюль Верн»

Серия I, том 25

Всеобщая история великих путешествий
и великих путешественников

Часть 3

Путешественники XIX века

Редактор **А. Г. Москвин** Технический редактор **М. А. Страшнова**

Корректоры **О. Г. Наренкова, Г. И. Киселева**

Компьютерная верстка **А. В. Юшина**

Качество печати соответствует оригинал-макету, предоставленному
издательством

ЛР № 063160 от 14 декабря 1993 г. Сдано в набор 10.11.98. Подписано в печать 18.12.98.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная.
Печ. л. 32. Тираж 4500 экз. Заказ № 3883.

Научно-издательский центр «Ладомир» при содействии ТОО «ВРС»
103617, Москва, К-617, корп. 1435

Отпечатано с оригинал-макета на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Государственного
комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ISBN 586218278-0

9 795862 118278 0

Серия
«Русская потаенная литература»

Заветные частушки

Из собрания А. Д. Волкова

В 2 томах

Впервые публикуется уникальная отечественная коллекция эротических и политических частушек (почти 14 тыс.), в которых, словно в зеркале, отразилась история России XX века (от Октябрьской революции до послеперестроечных времен). В связи со спецификой публикуемых текстов («не для печати») двухтомник адресован узкому кругу специалистов по фольклору и этнографии, а также культурологам, лингвистам, психоаналитикам, сексологам, социологам, политикам, историкам и другим специалистам, занимающимся проблемами, прямо или косвенно связанными с тематикой потаенных частушек. Издание подготовлено ведущим специалистом по русскому фольклору профессором МГУ А. В. Кулагиной.

А. П. КАМЕНСКИЙ

Мой гарем

Трагически погибший в сталинском концлагере беллетрист А. П. Каменский (1876 — 1941) приобрел в начале XX века громкую славу как проповедник полной свободы и естественности человеческих и, в частности, сексуальных отношений. В сборник включен его знаменитый роман-бестселлер «Люди» (1910), герои которого проделывают над собой рискованные эксперименты, проверяя в парадоксальных ситуациях разные облики любви, похоти и страсти. В циклах его рассказов, включающих скандально нашумевших «Леду» и «Четырех», легкий юмор, фривольность сочетаются с проповедью разрушения устаревшей «мещанской» морали, воспеванием свободного чувства и красоты человеческого тела. Легкая, изящная проза Каменского не ищет ответов на трагические «мировые вопросы», для нее величайшая мировая ценность — любовь не требующая каких-либо моральных, социальных или прочих обоснований.

Серия

«Русская потаенная литература»

АННА МАР

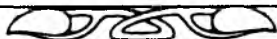
Женщина на кресте

Анна Мар (1887 – 1917) – одна из наиболее скандально знаменитых русских беллетристок начала XX в., известная своей экстравагантной жизнью, многочисленными возлюбленными и наделавшим много шума самоубийством. В ее нервной, эротически-утонченной прозе описаны взлеты и падения любовного чувства, необычные страсти, быт артистической богемы и тайны католических исповедalen. Современному читателю впервые удастся познакомиться с полным, без цензурных изъятий текстом ее романа «Женщина на кресте» (1916) – женским вариантом романа Захер-Мазоха «Венера в мехах». Повести «Невозможное», «Идущие мимо» раскроют красоту полнокровной любви женщины нового, XX в.

«А се грехи злые, смертные...»

Русская сексуальная культура X–XVII вв.

Первая часть сборника представляет собой попытку собрать воедино свидетельства различных источников по истории, сексуальной этике и эротической культуре X–XVII вв. Это прежде всего списки вопросов, задававшихся на исповедях и связанных с активной сферой жизни людей, а также соответствующие части и разделы практических руководств для священников – требников и сборников епитимий (церковных наказаний за прегрешения). Помимо этих «вопросников», в сборник вошли и другие редкие источники по истории сексуальной культуры в допетровской России – чудом сохранившиеся источники личного происхождения (письма, записки), тексты заговоров, выдержки из лечебников и путевых заметок иностранных путешественников, наблюдавших русский быт XV–XVII вв., а также тексты литературных памятников –городских повестей второй половины XVII столетия. Во второй части сборника будет опубликовано исследование американского историка, профессора государственного университета шт. Огайо Ив Левин «Воспрещенный секс», построенное на анализе древнерусских и южнославянских церковных источников X–XVII вв.

«Ладомир» готовит к выпуску:

Серия

«НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЕНИМОР КУПЕР»

В 19-ти томах

Массовый читатель удивится, пожалуй, узнав, что классики русской литературы, а за ними и все остальные, за отсутствием прямых переводов с английского, были вынуждены читать в России Купера либо в искаженных переводах с французского, либо в сокращенных и обработанных переводах с немецкого. И даже первые «полные собрания» романов Купера, появившиеся в 20-е и 30-е годы нашего столетия и сделанные теперь с английского, были далеко не полными и еще очень несовершенными в отношении перевода (некоторые из этих безграмотных переводов были перепечатаны и в последние годы). Очень часто — и до настоящего времени — издания прозы Купера, за редкими исключениями, не снабжались и справочным аппаратом. Время выявило в Фениморе Купере значительнейшую фигуру национальной американской литературы, родоначальника ее магистральных тем и мотивов, дерзкого новатора повествования, мастера детали, характера, пейзажа, социально-философской аллегории и напряженной авантюры. Фенимор Купер по праву занял одно из первых мест в мировой литературе. Программа, предпринятая издательством «ЛАДОМИР» под названием «НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЕНИМОР КУПЕР», охватывает 19 томов. Вниманию читателей будут предложены прежде всего не издававшиеся в России, несправедливо забытые или неполно и несовершенно (искаженно) переведенные первоклассные произведения писателя (формально — то, что не вошло в многократно перепечатывавшийся «Геррой» популярнейший 6-томник «Детгиза»). Правильным явилось создание качественных переводов. Тома снабжены интереснейшим справочным аппаратом, состоящим из статей, примечаний и приложений. В число последних вошли до-

кументальные произведения Купера или фрагменты из них; произведения, послужившие источниками для его сюжетов (в частности, воспоминания вождей индейских племен, знаменитых разбойников и мореплавателей), книги и документы предшественников Купера и его современников на ту же тему (на них писатель опирался, создавая свои бессмертные романы); отзывы современников (Э. По, Ж. Санд, У. Теккеря, Г. Мелвилла) и последователей. Впервые на русском языке книголюбы познакомятся с такими бестселлерами, как «История флота Соединенных Штатов», «Американский демократ», романами «Палач», «Джек Тайер» и другими. Серия адресована самому широкому кругу читателей и станет прекрасным дополнением любой домашней библиотеки.

Издательство гарантирует самый высокий уровень полиграфического исполнения томов.

М. НАКАЯМА

Лучшее каратэ

В 11-ти книгах

Международный спортивный бестселлер, изданный в 33 странах, в котором подробно описаны и проиллюстрированы основные принципы и приемы каратэ, методы достижения совершенства. М. Накаяма (черный пояс 9-й дан), автор этого базового учебника – профессор, шеф-инструктор Японской ассоциации каратэ (1955 – 1987), соратник основателя современного каратэ Г. Фунакоши.

Л. УОЛТЕР НАТАНСОН

Педиатрия для родителей

Богато иллюстрированная книга, изданная в США в 1994 г., может быть рекомендована в качестве настольной для родителей в первые пять лет жизни ребенка.

«Ладомир» готовит к выпуску:

М. ЭЛИАДЕ

Собрание сочинений

В 9-ти томах

Первое в России собрание сочинений румынского философа и писателя (1907 — 1986), полжизни проведенного в эмиграции; последние 30 лет — в США, где он возглавлял кафедру религиоведения Чикагского университета.

Дар художника (в его беллетристическое наследие входит десяток романов и множество новелл) счастливо сочетался в нем с привычкой к скрупулезной работе ученого. Его философия, подкрепленная эрудицией этнографа, историка, фольклориста, герменевтика и эзотериста, уже более полувека будоражит умы. Уже более полувека во всем мире немислимы труды ученых в соответствующих областях знания без оглядки на Элиаде.

Через кропотливое исследование памятников древних цивилизаций Элиаде шел к исправлению исторической оптики; перед нами попытка рассмотреть первобытную космологию «изнутри», представить доисторические науки не как набор суеверий, а как свод извечных эзотерических приемов. Восстанавливая картину мирового развития, ритмов деградации и умирания древних способов синтеза, прослеживая их рудименты в современности, Элиаде стал апологетом мифа. Он искал в мифе (главным образом, в идее цикличности миропорядка) выход из «кошмара истории», утешение для человека и человечества. Поэтому его научное творчество интересно далеко не одним специалистам.

Собрание научных трудов Элиаде, вышедших после войны на французском и английском языках и принесших ему мировую известность, дополнено практически неизвестными довоенными работами, переведенными с румынского, снабжено научным аппаратом и заключено эссеистикой и мемуарами — откровением этой ренессан-

сней личности, осмысляющей Лабиринт своей жизни.

Т. 1. Очерки сравнительного религиоведения.

Т. 2. Кузнецы и алхимики. Мефистофель и андрогин.
Довоенные эссе по азиатской алхимии.

Т. 3. Миф о вечном возвращении. Образы и символы.
Мифы, сновидения, мистерии.

Т. 4. Шаманизм и архаические техники экстаза.

Т. 5. Йога: бессмертие и свобода. Патанджали и йога.

Т. 6. Сакральное и профанное. Мистическое рождение.

Поиски. История и смысл в религии.

Т. 7. От Залмоксиса до Чингиз-хана.

Т. 8. Эссеистика.

Т. 9. Мемуары.

КОРАН

Второе (первое – 1995 г.) исправленное и существенно дополненное издание нового смыслового перевода Корана, осуществленного известным востоковедом, профессором М.-Н. О. Османовым на основе глубокого изучения Священного писания мусульман с привлечением наиболее авторитетных мусульманских комментариев и других источников. Перевод публикуется параллельно с оригинальным арабским текстом.

В приложениях приводятся обстоятельные комментарии и не издававшиеся ранее на русском языке причины ниспосланий айатов, без которых смысл многих из айатов остается неясным. Во втором издании учтены критические замечания и пожелания, высказанные представителями крупнейших мусульманских общин России, теологами и научными работниками.

Перевод М.-Н. О. Османова считается на сегодняшний день наиболее удачным. Издание выполнено как высокохудожественное, адресовано как верующим, так и всем, кто хочет ознакомиться с подлинным текстом и понять истинный смысл главной книги ислама.

В 1998 г. вышли:

Ф. БЛЮШ

Людовик XIV

В увлекательно написанной романизированной биографии, составленной ведущим современным французским историком Ф. Блюшем, подробно описывается жизнь Людовика XIV, прозванного Великим, с момента его рождения и до кончины. Со страниц книги перед читателем предстает колоритная фигура самого знаменитого в христианском мире тех времен короля во всех его человеческих проявлениях, покровителя литературы и искусства, ценителя красивых женщин и государственного реформатора. Блюш блестяще описал жизнь французского двора, мастерски изобразил страсти, интриги, победы и поражения, которыми жило окружение Короля-Солнце. Книга читается на одном дыхании.

КАРДИНАЛ ДЕ РЕЦ

Мемуары

Этой книгой будут зачитываться как любители исторических романов, так и поклонники мемуарной литературы. Среди современников де Реца — Ришельё, Мазарини, Анна Австрийская, Ларошфуко, десятки других легендарных личностей. Любовные приключения, придворные интриги, головокружительные авантюры, тайны королевского двора — все это в изобилии наполняет наиболее известные мемуары во французской литературе.

Любые книги «Ладомира» можно заказать
наложенным платежом по адресу:
103617, Москва, Зеленоград, корп. 1435, НИЦ «Ладомир»
тел. (095) 537-98-33

Для получения бесплатного перспективного плана издательства
и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт с Вашим адресом.

MANU MILITARI

ALTERA PARS

